

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Stanford University Libraries

3 6105 210 175 811

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫИ, ПОЛИТИЧЕСКІИ И УЧЕНЫИ,

ИЗДАВАЕМЫИ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ Х. А П Р Ъ Л Ъ. 1891 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТРАН.
I. Ординарный профессоръ. Романъ И. И. Ясинскаго	3
II. На закатъ. Стихотвореніе Л. Медвѣдева	39
III. Законъ и общинное землевладѣніе. Н. П. Дружинина	41
IV. На мотивъ П. Буржэ. Стихотвореніе И. Бунина	67
V. Владъ. Романъ Н. Ѳ. Бажина	68
VI. Разказы Катулла Мендеса	113
VII. Талмудъ Вавилонскій. (Этюдъ) А. А. Быкова	120
VIII. Отчего? Стихотвореніе Н. Орлова	133
IX. Рита. (Очерки театральной жизни). Валеріана Свѣтлова	134
X. Власть денегъ. Романъ Эмиля Золя	158
XI. Изъ дневника. Стихотвореніе А. В. Круглова	258
XII. Очерки средневѣковой жизни. П. В. Безобразова	259
XIII. Представитель русскаго пейзажа. В. В. Чуйко	277
XIV. Марианета. Романъ Переса Гальдоса . (Окончаніе).	290

(См. на оборотъ).

XV. Политическая хроника 1

Событія общественной жизни, превращающіяся въ политическія. — Король и министр, обвиняющіе другъ друга въ убійствѣ двухъ женщинъ. — Побѣда младочеховъ и невозможность составить большинство въ австрійскомъ рейхстагѣ. — Запрещеніе тотализатора во Франціи. — Паденіе орлеанской партіи. — Смерть принца Наполеона. — Алжиръ, разграбленный жидами. — Причины перемены настроенія въ отношеніяхъ Франціи къ Германіи. — Полемика германскаго императора съ французскимъ генераломъ. — Мелкая мстительность великихъ міра. — Подоходный налогъ въ Пруссіи. — Петиція женщинъ въ германскій рейхстагъ и отставка министра просвѣщенія. — Возвращеніе Бисмарка къ политической дѣятельности. — Борьба съ еврействомъ. — Министерство Рудини и жандармскій разбойникъ въ Массовѣ. — Норвежская унія. — Революція въ Чили. — Кражи въ Аргентинской республикѣ.

XVI. Новые книги: 1) *А. Давидъ Соваждъ. Реализмъ и натурализмъ* въ литературѣ и искусствѣ. Переводъ *А. Серебряковой*. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва, 1891.; 2) *Будущій вѣкъ*. Романъ *Эдварда Беллами*. Переводъ съ англійскаго Л. Гей. Спб. 1891.; 3) *Нижегородскій сборникъ*, издаваемый подъ редакціею *А. С. Гацискаго*. Томъ десятый. Нижній-Новгородъ, 1890.; 4) *Настольный энциклопедическій словарь*, изданіе *А. Гарбелл* и Комп. Первые десять выпусковъ. Москва, 1890—1891. и 5) *Жизнь замѣчательныхъ людей*. Біографическая бібліотека Ф. Павленкова: 1) *И. П. Крамской*. Его жизнь и художественная дѣятельность, очеркъ *А. Цомакіона*. Спб. 1891.; 2) *И. Лойола*. Его жизни и общественной дѣятельности, очеркъ *А. Быкова*. 1891. и 3) *А. Шопенгауэръ*. Его жизнь и философская дѣятельность, очеркъ *Э. Ватсона*. 1891. 16

XVII. Наши внутреннія дѣла 29

Нѣсколько словъ по поводу художественно-литературной конвенціи съ Франціей. — Мнѣніе дебютаанта изъ ситцево-литературнаго лагеря. — Неравенство взаимно оказываемыхъ другъ другу услугъ. — Положеніе нашихъ повременныхъ изданій. — Своеобразная скарденность русскаго читателя. — Нововведеніе въ земской реформѣ. — Лишеніе земскихъ правъ сельскихъ священниковъ. — Несостоятельность этого нововведенія. — Взглядъ покойнаго А. Д. Пазухина. — Ошибочность этого взгляда. — Процессъ Черноусовыхъ. — Дѣдъ-патріархъ и „власть тьмы“. — Еще разъ по поводу вопроса о незаконнорожденныхъ. — Предложеніе казанскаго профессора г. Шершеневича.

XVIII. Итоги десятилѣтія 39

XIX. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»): 1) И смѣхъ, и горе. (Литературныя и общественныя замѣтки).

Памяти покойника. — Г. З. Елисеевъ; его служебная и литературная дѣятельность. — Виды на карьеру, принесенные въ жертву литературѣ. — Защита крестьянскихъ правъ. — Народничество“ Елисеева. — Скептицизмъ по отношенію къ крайностямъ напускаго радикализма и прочность собственныхъ убѣжденій. **Ефима Простосердова**. 58

2) Стихотворенія: **Старога Капрала** и **Л. Балалайкина**. 66

НАБЛЮДАТЕЛЬ

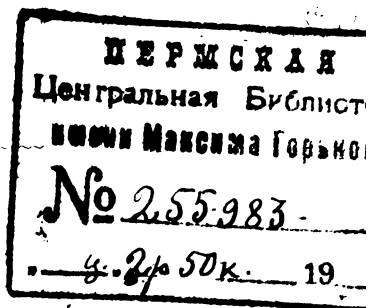
ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

№ 4. АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Редакція и главная контора помѣщаются на углу Стремянной и Владимирской ул., № д. 1—6, кв. 14.

1891.

ТИПОГРАФІА С. ДОБРОВОДОВА, КОВЕНСКІЙ ПЕР., СОБСТВ. ДОМЪ, № 14.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЛИТЕРАТ.-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЬ

JUL 10 1893

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1891 ГОДУ (ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ).

Журналъ издается подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, безъ предварительной цензуры.

Въ журналѣ, за время его изданія, принимали участіе: Я. В. Абрамовъ-проф. И. Е. Андреевскій, Н. Ф. Важинъ, П. В. Безобразовъ, В. И. Вибиковъ, П. Д. Воборыкинъ, графъ П. Д. Вугурлинъ, П. В. Быковъ, А. А. Быковъ, В. В., И. Ф. Василевскій (Буква), П. И. Вейнбергъ, В. Л. Величко, Вологдинъ, проф. В. П. Давевскій, Н. П. Дружининъ, Ю. Г. Зависѣцкій, проф. А. И. Загоровскій, В. Р. Зотовъ, проф. А. А. Исаевъ, П. Ф. Каптеревъ, С. Я. Капустинъ, А. В. Кругловъ, В. А. Крыловъ, проф. Ф. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Г. А. Мачтетъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, Д. Л. Мордовцевъ, П. О. Морозовъ, К. В. Наварьева, Вас. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, Л. И. Пальминъ, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, Ф. Э. Ромеръ, Г. П. Сазоновъ, В. Свѣтловъ, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. Сибириакъ, А. И. Скребидцкій, А. В. Старчевскій, Д. И. Стахѣевъ, Н. Северинъ, Н. Сѣвровъ, Л. Н. Трефоловъ, проф. А. С. Травескій, Н. Флеровскій, К. М. Фофановъ, В. В. Чуйко, О. Н. Чюмина-А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), I. I. Ясинскій и др.

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:

За полгода:

Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	6 р.
Съ доставкою въ Спб.	13 р.	Съ доставкою въ Спб.	6 р. 50 к.
Съ пер. въ др. мѣста имперіи	14 р.	Съ пер. въ др. мѣста Россіи	7 р.
Съ пересылкою за границу	17 р.	Съ пересылкою за границу	9 р.

Иногородные годовые подписчики «Наблюдателя», желающіе получить второе, дополненное изданіе монографій редактора: «Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія», высылаютъ 16 р. Городскіе и заграничныя припачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 рубля.

Уступка книгопродавцамъ—50 к. съ годоваго экземпляра.

Разсрочка платы допускается исключительно при подпискѣ черезъ Главную Контору, причѣмъ вносится:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою	6 р.	5 р.	3 р.
Съ перес. за границу	8 р.	5 р.	4 р.

Библиотеки и кабинеты для чтенія (а также и книжные магазины, при которыхъ они состоятъ) пользуются разсрочкою платы подѣль тѣмъ же условіемъ, если выписываютъ не меньше 15-ти годовыхъ экземпляровъ.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (уголъ Стремянной и Владимирской ул., д. 1—6). Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія на почту только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Редакторъ-издатель А. П. ПЯТКОВСКІЙ.

ОРДИНАРНЫЙ ПРОФЕССОРЪ.

Р о м а н ъ .

XXII.

Въ это самое время, на другомъ концѣ города или—вѣрнѣе—за городомъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ богатые люди построили роскошные дома и образовался цѣлый кварталъ, прозванный „дворянскимъ“, рвалъ на себѣ волосы и плакалъ старый Гошалъ. Онъ стоялъ на чугунномъ воздушномъ балконѣ съ раззолоченными розетками, и передъ нимъ разстилалась зелень его ровнаго подстриженнаго сада, а высоко на горизонтѣ, за Днѣпромъ, синѣла безграничная даль. Небо было ясно, золотая полоса заката догорала; изъ сада поднимались благоуханія цвѣтовъ, и по сторонамъ его чернѣли неподвижные силуэты тополей.

Домъ, на балконѣ котораго мучился и плакалъ старикъ Гошалъ, былъ небольшой, двухъэтажный, съ башенкой, съ парусинными жалюзи на окнахъ и подъ черепичной крышей. Его бѣлая штукатурка составляла рѣзкій контрастъ съ темной зеленью тополей. Вьющіяся розы украшали собою чугунную рѣшетку, окружавшую домъ, а на каменныхъ пирамидальныхъ столбахъ воротъ стояли два короткія золотыя копыя съ красными флагами. Гошалъ былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти пяти, съ ястребинымъ носомъ и въ выпуклыхъ темносинихъ очкахъ. На немъ былъ надѣтъ шолковый пиджакъ и турецкія, желтыя съ золотомъ, туфли. Большой брилліантъ сверкалъ на мизинцѣ его лѣвой, сморщенной отъ старости, руки. Какъ было не терзаться Гошалу: рано утромъ его собаки, — когда ихъ повели купать въ Днѣпръ, — броси-

лись на мальчика на берегу и чуть не разорвали его. Теперь онъ въ больницѣ. Уже началось дѣло, и родители мальчика предъявляютъ къ Гошалу искъ. Бѣдные люди рады всякому предлогу сорвать чтонибудь съ богатыхъ. Такъ рассуждалъ Гошалъ, и видъ безграничной невозмутимой дали нисколько не успокаивалъ его.

И еще страдалъ Гошалъ потому, что его дочь, уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ ушла изъ дому, опозорила его сѣдины, приняла христіанство и сегодня... Но что сегодня? Гошалъ самому себѣ не хотѣлъ признаться. Это ужъ было высшее страданіе!

— Я васъ спрашиваю,—плача, говорилъ Гошалъ, хотя, на самомъ дѣлѣ, онъ никого не спрашивалъ, потому что на балконѣ никого и не было:—Скажите вы мнѣ, кто былъ всю жизнь такъ счастливъ, какъ Гошалъ, и на кого въ настоящее время такъ несправедливо обрушивается бѣда за бѣдой? Я спрашиваю васъ (на балконѣ рѣшительно никто не появлялся), зачѣмъ погибъ въ Черномъ морѣ мой пароходъ? зачѣмъ сослали въ Сибирь бѣднаго, прекраснаго, глупаго Іозеля? Нѣтъ, скажите же мнѣ, зачѣмъ собаки разорвали этого мальчика? зачѣмъ онъ никогда никого не рвали прежде? Я спрашиваю васъ, зачѣмъ обанкротился мой милый зять Рувимъ Шарпаховскій? Я спрашиваю васъ, наконецъ—слышите?—зачѣмъ это христіанство и зачѣмъ пролита кровь?

Все было тихо вокругъ Гошала: не шумѣли деревья, не омрачалась вечерняя лазурь небесъ, Днѣпръ былъ гладокъ, какъ зеркало, и только все струили чудесный аромать дорогие цвѣты въ саду Гошала, поливаемые каждый день утромъ и вечеромъ неутомимымъ садовникомъ.

Дочь Гошала была младшимъ чадомъ, которымъ Господь благословилъ его сорокалѣтнее супружество. Ей шелъ шестнадцатый годъ. По сравненію Гошала, она была прекрасна, какъ розочка, и душа ея была подобна воску, которому благо-разумный мужъ могъ бы придать какую угодно форму. Старикъ давно ужъ лелѣялъ мысль выдать дѣвушку за сына банкира Дувидовича, степеннаго молодаго человѣка. Гошалъ представлялъ себѣ, какъ онъ будетъ улыбаться на свадьбѣ дочери, какъ прослезится, разставаясь съ нею, и то были

бы сладкія слезы... Но что это значить? Кто вскружилъ ей голову? Кто осквернилъ сердце? Кто погубилъ ее?

— Я васъ спрашиваю! — гнѣвно вскричалъ старикъ, и опять никто не отвѣтилъ ему. Мертвая тишина царила въ саду Гошала.

Въ домѣ англійскіе часы пробили рѣзкимъ серебрянымъ звономъ восемь часовъ. Въ дверяхъ, выходящихъ на балконъ, появилась толстая, —точно вся она была на ватѣ,—пухлая и бѣлая, какъ стеаринъ, старушка въ темнозеленомъ атласномъ капотѣ. Она окликнула мужа:

— Мойше, мой милый, ты знаешь, что въ восемь часовъ у насъ кушаютъ чай? Развѣ ты не хочешь, что все стоишь на балконѣ и думаешь?

— Милая Сара, я не хочу кушать. Я очень потрясенъ; я плачу, Сара.

Сара еще не знала о томъ, что случилось. Гошалъ скрылъ отъ нея—онъ былъ убѣжденъ, что она не перенесетъ такого несчастья. Поэтому Сара приписала потрясеніе Гошала только утреннему происшествію съ собаками.

— Мой славный Мойше,—сказала она,—если обращать вниманіе на всѣ непріятности, то когда же мы будемъ имѣть время радоваться? Неужели же нельзя покушать оттого, что собаки напали на мальчика? Мойше, развѣ мы хотѣли этого? Развѣ мы не дѣлаемъ добра? Мы даже христіанамъ помогали сколько разъ. Гляди же, Мойше, не огорчайся—деньги у насъ есть, мы заплатимъ, сколько будетъ надо, это не пять тысячъ! Ну, а если пять тысячъ, Мойше,—развѣ тебя разорить? Въ прошломъ году, у тебя пароходъ съ товаромъ потонулъ, а ты на другой день сдѣлалъ балъ. Пссъ!

Сара говорила такъ убѣдительно, что Гошалъ утѣшился бы, еслибы шло дѣло только о мальчикѣ, котораго загрызли собаки, или о пароходѣ съ товаромъ.

— Сара, — отвѣчалъ онъ, помолчавъ и вытирая слезы шелковымъ носовымъ платкомъ, — не знаю почему, но я испытываю такую страшную боль въ сердцѣ, какъ будто тамъ скорпіонъ. Я пойду и сяду за столъ, чтобы не нарушать порядка, но увѣряю тебя, я не буду кушать.

Супруги вошли въ высокую комнату съ лѣпнымъ потолкомъ, бархатной мебелью и сіявшимъ паркетнымъ поломъ.

Чтобы не пачкать ногами паркета, Гошалъ, не смотря на одолѣвавшее его горе, старался идти по узенькой ковровой дорожкѣ.

Изъ залы они перешли въ коридоръ, вдоль стѣнъ котораго стояли сундуки съ платьемъ и разными вещами, и наконецъ слуга во фракѣ настезъ раскрылъ передъ ними темноватую, прохладную комнату, посреди которой накрытъ былъ столъ. Два пышныхъ букета распространяли кругомъ пріятный запахъ, и Сара опустилась въ свое спокойное кожаное кресло съ высокой рѣзной спинкой изъ стараго дуба. Гошалъ занялъ мѣсто противъ жены. Послѣдніе лучи солнца освѣтили его, изборожденное морщинами, печальное лицо. Сара, взглянувъ на мужа, покачала головой. Пришли молодые люди: зять Гошала, Шарпаховскій, черноглазый еврей въ бѣломъ жилетѣ; его жена, бѣлокурая дама лѣтъ двадцати пяти въ холстинковомъ платьѣ и въ браслетахъ, и худой Дувидовичъ въ длинномъ, до колѣнъ, черномъ сюртукѣ. Его столбообразная голова вся была въ мелкихъ рыжихъ кудеркахъ, а большіе красные глаза придавали ему, по его мнѣнію, сходство съ Фердинандомъ Лассалемъ. Правая щека его слишкомъ припухла и носъ поэтому казался кривымъ. У него была длинная шея въ бѣлыхъ рубцахъ—слѣдахъ золотухи—и батистовый бантъ, въ видѣ мотылька, украшалъ собою его костлявое горло. Войдя въ столовую, онъ вздрогнулъ и поморщился: ему почудилось, что открыто окно и что онъ можетъ простудиться.

— Здравствуйте, Мойсей Николаичъ! — сказалъ Дувидовичъ и, подойдя къ старику, протянулъ ему руку.

— Здравствуйте,—уныло отвѣтилъ Гошалъ.—Изъ города?

— Полчаса тому назадъ. Мы съ Рувимомъ сейчасъ занимались бильярдомъ, и онъ обыгралъ меня на рубль пять копѣекъ. Рувимъ,—прибавилъ онъ шутливо:—тебѣ не пойдутъ въ прокъ эти деньги.

Дувидовичъ славился, какъ остроумный человѣкъ, но на этотъ разъ его шутка не произвела никакого дѣйствія. Гошалъ былъ мраченъ и спросилъ:

— Не слыхали ли вы чегонибудь новаго въ городѣ?

— Какъ же! Ужъ я говорилъ Рувиму: въ Ботаническомъ

саду нашли убитую молодую дѣвушку, и до сихъ поръ неизвѣстно, кто она.

— Нашли?—спросила Сара.

— Можетъ быть, это какая нибудь потаскушка? — сказала Гошалъ.

— А, можетъ быть, и изъ приличной семьи. Называли даже фамилію; я только забылъ. „Что въ имени тебѣ моемъ“?

— Ахъ, фамилію называли!—сказалъ Гошалъ. — Языкъ людямъ данъ на то, чтобъ болтать. Горе мнѣ, горе!—со вздохомъ произнесъ онъ.—Я такъ разстроены, что прошу васъ, господа, не говорить ни о чемъ такомъ, что орошено кровью. Я не выношу крови! Этотъ мальчикъ не выходитъ у меня изъ головы; я его вижу, какъ живаго. И какія сердца у христіанъ, какія сердца! Требовать денежнаго вознагражденія за сына! Какой я капиталъ долженъ былъ бы потребовать за Юзефа и, наконецъ, за...

Старикъ не договорилъ. Судорожный смѣхъ вмѣстѣ съ рыданьемъ прервалъ его рѣчь и, кромѣ того, было принято въ его домѣ не произносить имени убѣжавшей дочери.

— Ша! Успокойся, старикъ! успокойся, Мойше!—заговорила Сара. — Въ жизни не бываетъ одного счастья; какъ ночь идетъ рядомъ съ днемъ, оно должно чередоваться съ горемъ.—Она вздохнула.

Вошелъ лакей и доложилъ:

— Мойсей Николаичъ, васъ спрашиваютъ.

— Кто тамъ? Не случилось ли еще чего нибудь ужаснаго?—вскричалъ Гошалъ.—Кто меня спрашиваетъ?

— Я его гналъ, съ позволенія сказать, въ шею, но ничего не подѣлаешь.

— Простой человѣкъ?

— Даже совсѣмъ простой.

— Ну, такъ что же? Почему ты его гналъ? Ты считаешь, что онъ имѣетъ какой нибудь злой умыселъ? Теперь надо всего опасаться!—прибавилъ Гошалъ.

— Нищій.

— Ахъ, нищій! Что же ему надо? Подай ему кусокъ хлѣба и пять копѣекъ. Пускай себѣ идетъ своей дорогой. Тебѣ стыдно, что тревожишь меня такими пустяками. Ты развѣ не видишь, въ какомъ я горѣ? Пошелъ вонъ, него-

дядя!—внезапно разсердившись, закричалъ Мойсей Николаичъ.

Лакей удалился, но черезъ пять минутъ онъ снова пришелъ.

— Извините, Мойсей Николаичъ, но нищій говорить, что онъ по дѣлу, отъ котораго зависитъ...

— Что зависитъ?!—вскричалъ Гошалъ.

— Онъ говорить, что онъ захочетъ и... не смѣю сказать...

— Ну, договаривай, договаривай! Пусть все обрушается на мою голову. Посадить въ острогъ?

— Да, онъ говорить, что въ тюрьму.

— А ты давалъ ему пять копѣекъ и хлѣбъ?

— Давалъ ему гривенникъ—не беретъ.

Гошалъ улыбнулся горькой улыбкой и обвелъ всѣхъ присутствующихъ взглядомъ, какъ бы призывая ихъ въ свидѣтели своего несчастья.

— Да, если не беретъ гривенника, значить, онъ, дѣйствительно, имѣетъ ко мнѣ важное дѣло. Но, можетъ быть, онъ взялъ бы рубль?

— Нѣтъ, никакихъ денегъ ему не надо.

— О, значить, онъ много хочетъ съ меня получить! Ты его встрѣчалъ когда нибудь?

— Встрѣчалъ, Мойсей Николаичъ. Онъ извѣстный нищій. У него свой домъ есть.

— А, такъ онъ, можетъ быть, такой же нищій, какъ и я! Можетъ быть, онъ банкиръ? Но во всякомъ случаѣ: „по платью встрѣчаютъ“—введи его въ залу для просителей и зажги тамъ свѣтъ; я сейчасъ приду.

— Мойше, ты бы выпилъ сначала стаканъ чаю со сливками?

— Нѣтъ, оставь меня!—вскричалъ Гошалъ.—Не хочу я чаю, я не могу пить сливокъ! Я пойду поговорю съ этимъ нищимъ. Рувимъ, какъ ты думаешь?

Рувимъ сидѣлъ блѣдный и кусалъ губы. Когда Гошалъ обратился къ нему, онъ вскочилъ изъ-за стола, побѣжалъ за старикомъ и сталъ шептать ему на ухо.

— Я самъ догадываюсь, зачѣмъ онъ пришелъ!—сказалъ Гошалъ и потрясъ головой.—О, Рувимъ! Я не могу видѣть

тебя. Я не могу видѣть тебя! Я любилъ тебя, но не могу тебя больше видѣть!

XXIII.

Розенкранцъ изъ анатомическаго театра, страшно утомленный, съ осунувшимся лицомъ, возвратился домой и тихо позвонилъ. Еслибы Леночка встрѣтила его теперь градомъ ругательства, ему было бы все равно. Онъ слышалъ ея шаги въ коридорѣ. Однако, когда Леночка, отворивъ дверь, кротко ему улыбнулась, схватила за руку, притянула къ себѣ, обняла и поцѣловала, онъ удивился и самъ постарался улыбнуться ей.

— Прости меня, Боря,—начала она, подводя его къ лампѣ и всматриваясь въ его лицо.—Это я все виновата. Я злая, нехорошая; я хотъ ангела въ состояніи вывести изъ себя. Не будь обидчивъ. Предоставь обидчивость женщинамъ. Ахъ, какъ мнѣ стыдно, что я заставила тебя поступить такъ нехорошо, бросить меня на цѣлый день. Но вотъ славно, что ты вернулся. Тебѣ жаль меня стало, не правда ли? Смотри, Боря, ты видишь... на щекѣ?—улыбаясь, со сверкающими глазами, проговорила она.—Но ужь заживаетъ, ничего не замѣтно. Если поставить крошечную мушку, подумаютъ, что это изъ кокетства, и никто не догадается.

Мужъ и жена вошли въ столовую. Было уютно и комфортабельно въ этой комнатѣ съ дубовыми буфетами, съ фарфоровыми вещами, стоявшими на полкахъ, съ красивыми тарелками и блюдами, висѣвшими вдоль стѣнъ по заграничной модѣ. Ярко вычищенный самоваръ, формой своей напоминавшій кувшинъ, выпускалъ струи бѣлаго пара на отдѣльномъ табуретикѣ.

— Я ждала тебя съ чаемъ. Ужъ пятый разъ, какъ самоваръ подогрѣвается. Садись, родной, я тебя напою. Вѣдь ты хочешь чаю, не правда ли? Но что же ты все молчишь и ничего не скажешь мнѣ? Обѣдалъ?

— Да.

— А я не обѣдала,—съ торжествомъ и съ упрекомъ сказала молодая женщина.—Ничего, я поѣмъ теперь. Ты знаешь,

приходилъ Маслюкъ, онъ что-то хотѣлъ тебѣ сказать, и просидѣлъ со мной цѣлый часъ. Онъ умный старикъ и такъ любезенъ, еслибы ты видѣлъ. Я ему дала поцѣловать руку, потому что у него такая манера—это признакъ, что онъ уважаетъ женщину.

— Да, да, хорошо,—промолвилъ Розенкранцъ.

Онъ сталъ пить чай, и глаза его смотрѣли неопредѣленно.

— Ты не сердись на меня?—припадая къ плечу мужа, спросила Леночка.—Не сердись!

— Да нѣтъ, дитя мое, я нисколько на тебя не сержусь,—отвѣчалъ Розенкранцъ искусственно-весело.

— Ну, если не сердись,—начала Леночка, заглядывая ему въ глаза съ лукавымъ, какъ у ребенка, выраженіемъ,—такъ вотъ пригласительное письмо Эренштолца. Ты укорялъ меня сегодня, что я ни съ кѣмъ не хочу знакомиться. Онъ проситъ насъ къ себѣ на вечеръ. Поѣдемъ! Кстати, у меня новое бальное платье и я надѣну вотъ этакое декольтэ.

Она засмѣялась.

Розенкранцъ пожалъ плечами. Ему не хотѣлось ѣхать къ Эренштолцу. Балъ у Эренштолца давался потому, что сегодня было рожденіе его старшей дочери Лили, необыкновенной красавицы, за которой Розенкранцъ когда-то ухаживалъ и даже сдѣлалъ ей предложеніе, но получилъ отказъ, какъ и множество другихъ жениховъ. Съ тѣхъ поръ прошло лѣтъ семь; Лили не вышла замужъ и, говорятъ, стала не такъ разборчива, но зато сколько нибудь приличныхъ партій уже не предвидѣлось. Розенкранцъ съ тѣхъ поръ почти не бывалъ у Эренштолцевъ, тѣмъ болѣе, что Леночка ревновала его, по старой памяти, къ Лили. Онъ попробовалъ возразить Леночкѣ, но Леночка такъ настойчиво просила ѣхать на балъ, что Розенкранцъ согласился. Леночка горячо поцѣловала его и, наливъ ему еще стаканъ чаю, позвала горничную и, какъ дѣвочка, подпрыгивая, побѣжала въ будуаръ одѣваться. На порогѣ она остановилась и весело спросила:

— А ты знаешь подробности объ убійствѣ въ Ботаническомъ саду?

— А ты слышала?

— Мнѣ сказалъ Маслюкъ.

— Что же онъ рассказалъ?

— Ничего особеннаго. Просто, убили. Я думала, что ты, можетъ быть, знаешь. Ну, до свиданья, голубчикъ. Будь же готовъ, а я себя не заставлю ждать!

Розенкранцъ остался въ столовой и медленно размѣшивалъ чай, повидимому, забывъ, что надо съ нимъ дѣлать. Наконецъ, неловкимъ движеніемъ руки онъ опрокинулъ его на столъ и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ. Минуть черезъ десять, къ нему влетѣла младшая горничная, кокетничавшая съ нимъ, и прошебетала:

— Барыня просили, чтобы вы скорѣе одѣвались, что, если вы не одѣты, такъ онѣ очень недовольны вами. Хи-хи-хи-хи!

— Скажи баринѣ, что сейчасъ, — сурово отвѣчалъ Розенкранцъ.

— Можетъ, вамъ помочь? Позвольте ваши сапоги.

— Не нужно, — громко сказалъ Розенкранцъ и зашагалъ по кабинету, приготавливаясь одѣваться.

Горничная все таки не ушла, а зажгла свѣчи въ разныхъ углахъ кабинета и притащила рукомойникъ.

— Пожалуйте, баринь!

Розенкранцу оставалось только надѣть фракъ, какъ вошла Леночка, шумя свѣтлымъ платьемъ, сдѣланнымъ изъ легкой шолковой матеріи и красиво сшитымъ лучшею въ городѣ портнихой. Голыя руки Леночки бѣли нѣсколько худы, но еще свѣжи, и бюстъ высокъ, но шея темнѣе плечъ. Леночка улыбалась и, приблизясь къ мужу, ждала его похвалъ. Ему не понравился ея костюмъ, потому что онъ выставялъ съ невыгодной стороны ея шею. Розенкранцъ ничего не сказалъ.

— Тебѣ не хочется на балъ? — спросила она съ легкой укоризной.

— Нѣтъ. Отчего жъ не хочется? я же одѣваюсь, — отвѣчалъ Розенкранцъ.

— Нѣтъ, тебѣ не хочется, — еще убѣжденнѣе сказала Леночка. — Ты все продолжаешь сердиться, не правда ли? Ты до сихъ поръ сердитъ на меня?

— Ахъ, Леночка!

— Но я хотѣла бы знать, кто правѣе изъ насъ? Ужъ если кому сердиться, такъ это мнѣ, а не тебѣ, — волнуясь, заговорила Леночка.

— Не лучше ли забыть о томъ, кто на кого сердится, — сказала Розенкранцъ. — Рѣшай, Леночка, ѣхать или не ѣхать. Какъ ты хочешь, такъ я и поступлю.

Молодая женщина прочитала въ глазахъ мужа полное равнодушіе къ ея особѣ; мысли его были далеко. Боль сжала ей сердце, кровь прилила къ головѣ. Она вспылила; лицо ея мгновенно исказилось отъ злобы и она закричала:

— Не надо, не надо! Я не хочу, никуда не хочу ѣхать. Мнѣ твой балъ противенъ. Въ кои-то вѣки собралась, и то позавидоваль. Зачѣмъ ты мнѣ сдѣлала это платье? Я ненавижу декольтэ! Ты на позоръ хотѣлъ меня туда везти, чтобы втайнѣ смѣяться надо мною со своими любовницами, чтобы эта Лили мнѣ расхохоталась въ лицо!

И мысль о томъ, что мужъ такъ низко, еще болѣе усилила ея гнѣвъ. Разъ! разъ! — раздался трескъ матеріи: Леночка рвала на себѣ платье.

Розенкранцъ съ сосредоточенной злобой или равнодушіемъ — нельзя было угадать по его неподвижному блѣдному лицу — надѣлъ фракъ, взялъ цилиндръ и сказалъ:

— Я поѣду одинъ.

Только уходя и слыша за собой истерическій плачь, онъ не выдержалъ и изо всѣхъ силъ хлопнулъ дверью, такъ что задрезжали окна.

XXIV.

Машинально шелъ Борисъ Наумовичъ по улицѣ и машинально отвѣтилъ на нѣсколько поклоновъ встрѣчныхъ студентовъ. Вся эта улица была въ цвѣтникахъ, которые домовладѣльцы должны были разбивать передъ окнами домовъ, съ тѣхъ поръ какъ во главѣ городского управленія стали нѣмцы.

— Господинъ Розенкранцъ! Профессоръ, философъ! Эй вы, какъ васъ? зайдите-ка на минутку!

Розенкранцъ глянулъ направо и увидѣлъ въ раскрытомъ окнѣ растрепанную фигуру Блекотика, репортера „Луча“. Это былъ худой, какъ муравей, человекъ съ мохнатой, какъ у моськи, головой, съ круглымъ, въ кулачокъ, лицомъ, съ круглыми глазами, круглымъ носомъ и съ огромнымъ до

ушей ртомъ, заросшимъ мягкими каштановыми волосами, едва ли когда либо знавшими щетку или гребень.

— Что вамъ?—спросилъ Розенкранцъ, останавливаясь.

— Будьте отцомъ роднымъ, на минутку зайдите. Я бы выбѣжалъ къ вамъ, да неловко.

Въ самомъ дѣлѣ, репортеръ былъ въ одномъ бѣлѣ, и рубаха на груди была разстегнута.

— Я рѣшительно не знаю, зачѣмъ понадобился вамъ,— угрюмо произнесъ Розенкранцъ.

— Написалъ я уже двѣсти пятьдесятъ строкъ объ убійствѣ, а надо этакъ еще пятьдесятъ. Ради бога,—молилъ Блекотикъ.

Розенкранцъ направился къ калиткѣ и вошелъ въ квартиру репортера. За перегородкой кто-то вздыхалъ. Въ освѣщенной небольшой комнатѣ, гдѣ репортеръ писалъ свои корреспонденціи и составлялъ статьи, было все беспорядочно и грязно. На полу лежали книги, стояла тарелка, вылизанная собакой (самой собаки не было), валялись газеты вмѣстѣ съ платьемъ хозяина. Вырѣзанные лоскутки цѣлыми пачками были надѣты на острия проволоки и висѣли тамъ и сямъ на стѣнѣ. На письменномъ столѣ стояли: чернильница изъ желтаго фаянса, вся въ пятнахъ, и начатая бутылка пива, рядомъ съ портретомъ, въ тоненькой бронзовой рамкѣ, знаменитаго петербургскаго критика Иринарха Плутархова, которому репортеръ благоговѣнно поклонялся. Тутъ же надъ письменнымъ столомъ, въ тисненой бумажной рамкѣ, имѣющей видъ зеленаго лавроваго вѣнка, висѣлъ фотографическій портретъ самого Блекотика съ выраженіемъ строгимъ, умнымъ и литературнымъ.

— Садитесь!—сказалъ репортеръ и сталъ искать стулъ.— Я сейчасъ узналъ, что вы были въ анатомическомъ театрѣ,—таинственно началъ онъ.—Что вы замѣтили? Что, очень измѣнилась? Меня не пустили. А между тѣмъ, у меня все раздѣлено на акты. Да-съ, актъ первый (вотъ такими буквами)—„Загадочное приключеніе въ Ботаническомъ саду“: молодую особу прелестной наружности выманиваютъ изъ дому коробкой конфектъ. Развѣ не найденъ въ ея желудкѣ одинъ только кондитерскій сахаръ? Актъ второй—„Поздно“: неизвѣстная красавица спохватилась, когда Донъ-Жуанъ увлекъ ее въ тѣнистое мѣсто, и вырываетъ у него клокъ волосъ изъ

бороды. Актъ третій—„Самый ужасный“: свирѣпое чудовище убиваетъ свою жертву и наслаждается видомъ ея послѣднихъ судорогъ. Актъ четвертый—„Въ анатомическомъ театрѣ“: ее вскрываютъ, и узелъ запутывается до того, что судебный сѣдователь разводитъ руками. Актъ пятый—„Вечернее посѣщеніе анатомическаго театра философомъ-пессимистомъ“. Въ концѣ концовъ, туманъ, туманъ и туманъ.

— Охота вамъ!—сердито сказалъ Розенкранцъ.

— Почтеннѣйшій профессоръ,—возразилъ Блекотикъ,—я-то знаю кухню, на которой приготовляются литературныя и ученые произведенія. Хоть поваренкомъ, а все же я на ней состою. Какъ только мнѣ сказали, что вы были, я сейчас же сообразилъ—а, значить, понадобилась краска для какой нибудь главы съ эпиграфомъ: „Умереть—уснуть“... Умамъ непросвѣщеннымъ дико было бы, а мнѣ ясно. „Умъ молчить а сердцу ясно“,—сказалъ Блекотикъ, склонивъ голову на плечо, и раскрылъ еще больше воротъ своей рубашки.

— Сколько вамъ заплатятъ за пятьдесятъ строкъ, которыя вы намѣрены посвятить моему пребыванію въ анатомическомъ театрѣ?—спросилъ Розенкранцъ и взялся за цилиндръ.

— А по экстренному случаю рублей пять.

— Я вамъ дамъ десять—не пишите. Или, впрочемъ, какъ вамъ угодно. Если хотите, могу удовлетворить ваше любопытство—она измѣнилась: поплѣднѣла...

— Надъ ней горитъ фонарь?

— Никакого фонаря.

— Такъ, такъ, такъ! Но, все равно, я фонарь повѣшу. Тридцать строкъ. Рана сочить кровь... Закрылась?—Тридцать пять. Ну, хорошо, я принимаю ваше предложеніе, дайте деньги! Но для колорита—черный котъ съ фосфорическими глазами... пессимизмъ! Только я беру въ долгъ: я взятку не беру, профессоръ, ужъ меня извините. Я честно служу литературѣ. Я себя умѣю цѣнить и требую къ себѣ уваженія.

Онъ заходилъ по комнатѣ босыми ногами, увидѣлъ на столѣ горбушку сухой булки и закинулъ въ ротъ. Розенкранцъ вынулъ изъ кармана деньги и подалъ репортеру.

— Что, еще пять? Ну, спасибо!—прожевывая булку, сказалъ Блекотикъ.—Все равно, завтра отдамъ. Я никому ни-

когда не былъ долженъ! Мой принципъ—независимость. А по неволѣ перехватишь у пріятеля, когда редакторъ скотъ; никакими силами у него не вытащишь рубля впередъ. Аспидъ! восьминогъ! Да что жъ вы не садитесь?—спросилъ Блекотикъ, сжимая въ рукахъ деньги и принимаясь снова искать стулъ.

— Я уйду. До свиданья!

Молодая женщина въ бѣлой кофточкѣ выскочила изъ-за перегородки и зло проговорила:

— Что вы его унижаете? зачѣмъ даете деньги? Какъ тебѣ не стыдно, Ваня? Отдай сейчасъ имъ деньги!

— Да, какъ же! На дурака напала!—передразнивъ жену, отвѣчалъ москкообразный человѣчекъ и широкими шагами заходилъ по комнатѣ вокругъ Розенкранца и жены.

— Отдай! Отдай!—умоляла жена.

Розенкранцъ слыхалъ, что въ прошломъ году хорошенькая барышня, только что кончившая курсъ гимназіи, неожиданно сошлась съ Блекотикомъ. Что побудило ее къ этому шагу, Господь вѣдаетъ. Можетъ быть, она увлеклась литературностью Блекотика.

„Въ какой домъ ни зайдешь, вездѣ одна и та же исторія“!—думалъ Розенкранцъ.

XXV.

Профессоръ Эренштольцъ встрѣтилъ Розенкранца на верхней площадкѣ лѣстницы, освѣщенной лампами.

— Ну, здоровы ли?—участливо спросилъ Эренштольцъ.— Нѣтъ? О, молодые люди! мнѣ шестьдесятъ три года, да, это легко сказано — шестьдесятъ три года, это очень легко сказано! Но я никогда еще не былъ боленъ. Да, у меня еще всѣ зубы суть цѣлы.

Онъ взялъ за руку Розенкранца, притянулъ къ себѣ и раскрылъ передъ нимъ ротъ.

— О, о! смотрите. Надо умѣть сохранять себя!—продолжалъ Эренштольцъ.

Онъ ввелъ Розенкранца въ залу, гдѣ было уже много гостей.

Къ Эренштольцу собралась вся нѣмецкая партія. Домъ его,

снаружи не казавшійся обширнымъ, былъ помѣстительнъ и хорошо обставленъ. Когда-то Эренштольцъ пѣшкомъ пришелъ изъ нѣмецкой колоніи. Онъ былъ такъ бѣденъ, что зимой ходилъ въ одномъ сюртукѣ, подъ который надѣвалъ только фуфайку. Теперь онъ считался однимъ изъ самыхъ богатыхъ профессоровъ святогорскаго университета. „На одномъ мѣстѣ и камень мохомъ обростаетъ“. Эренштольцъ купилъ за пустыя деньги лачугу, поправилъ ее, обстроилъ, сталъ расширять, передѣлывалъ, передѣлывалъ, расширялъ, расширялъ—и незамѣтно выросъ цѣлый домъ. Каждая вещь въ домѣ была солидна и словно выросла въ полъ; сорокъ лѣтъ стоитъ и еще простоитъ столько же. Поэтому, моднаго и щегольского ничего не было въ домѣ Эренштолца, равно какъ не было модниковъ и легкомысленныхъ молодыхъ людей на его вечерѣ: все народъ обстоятельный, толковый, съ почвой подъ ногами, съ ограниченнымъ, но яснымъ горизонтомъ. У каждого нѣмца имѣются дорогіе золотые часы, массивный серебряный портсигаръ и жена, тоже массивная, въ шолковомъ платьѣ и съ самоувѣреннымъ голосомъ, съ двойнымъ подбородкомъ, съ маленькимъ лбомъ. Если же среди нѣмцевъ попадались холостые, они тоже имѣли солидный видъ, смотрѣли на чужихъ женъ безъ зависти, а на барышень съ улыбкой, сулившей имъ законный бракъ. Розенкранцъ, котораго все велъ Эренштольцъ, раскланялся по пути съ товарищами-профессорами и съ чиновниками разныхъ вѣдомствъ. Безъ чиновниковъ не обходился ни одинъ вечеръ у Эренштолца.

— Здравствуйте, Борисъ Наумычъ! Отчего жъ Елена Григорьевна не съ вами?—спросила Лили, подходя.

— Послѣ, послѣ, Лилиюшка. Да, я хочу представить профессора...—Да!

Въ гостинной на диванѣ, между двухъ дамъ, сидѣлъ святогорскій губернаторъ, низенькій, старенькій генералъ Бухъ, и оживленно говорилъ съ ними на чистомъ остзейскомъ нарѣчїи.

— Ваше превосходительство, позвольте... нашу молодую силу, автора многихъ философическихъ изслѣдованій, на которыя вы обратили вашъ благосклонный взглядъ.

— О, очень прїятно,—сказалъ Бухъ и протянулъ Розен-

кранцу костлявую руку. — Наконецъ, я вижу творца „Трехъ діалоговъ!“

Онъ завелъ съ Розенкранцемъ философскій разговоръ.

— Мы только что говорили, профессоръ, — началъ Бухъ, — о счастьѣ и, такъ какъ моими собесѣдницами были дамы, то естественно, что счастье имѣлось въ виду — супружеское. Во второмъ діалогѣ вашемъ затронута та же тема. Поддержите меня, профессоръ, увѣрьте ихъ, что счастье бываетъ истинное, а не кажущееся!

Но Лили подошла и прервала бесѣду:

— А вы меня, Борисъ Наумычъ, даже не поздравили! — произнесла она, надувъ губки.

„Какъ постарѣла! — подумалъ Розенкранцъ. — Эти губки она дѣлала прежде премило, а теперь... И къ чему ломаться?“

Онъ что-то проговорилъ ей въ отвѣтъ и, думая совсѣмъ о другомъ — о Леночкѣ, объ анатомическомъ театрѣ и о репортерѣ Блекотикѣ, — старался поймать нить прерваннаго разговора.

— Это вы, madame Эренштольцъ, утверждаете, что супружеское счастье бываетъ только кажущимся? — спросилъ онъ.

— Но я ничего не утверждаю, — возразила нѣмка, — я говорю только, что жена должна всегда улыбаться. Если мужъ приходитъ сердитый, она должна улыбаться, и ея улыбка выражаетъ, что она проситъ прощенья за то, что онъ сердитъ. Это мужу очень нравится, и онъ бываетъ съ ней ласковъ. Если мужъ занятъ серьезнымъ дѣломъ, жена тоже должна улыбаться: она показываетъ своей улыбкой, что ей пріятно, что мужъ занятъ серьезнымъ дѣломъ, и за это ее тоже ласкаютъ. Если мужъ вздумаетъ ревновать ее и скажетъ: „Не смѣй танцовать съ этимъ, не смѣй кланяться съ тѣмъ“, жена опять должна улыбаться въ знакъ покорности. Она должна улыбаться и лежа въ постели, больная, чтобы не очень встревожить мужа и не доставить ему горькихъ минутъ состраданія. Если она не будетъ улыбаться и потомъ выздоровѣетъ, ей достанется за это. О! всегда жена должна улыбаться.

„Какъ я могъ пойти на этотъ балъ, послѣ всего того, что пережили сегодня, — укорялъ себя Розенкранцъ. — И какъ тамъ терзается Леночка. А вѣдь она тоже улыбалась, когда я вернулся изъ Борщовки.“

— Счастья нѣтъ,—сказалъ онъ вдругъ громко. — Второй діалогъ мой—дѣтская философія. Я отказываюсь отъ этого незаконнаго моего чада.

Бухъ во всѣ глаза посмотрѣлъ на доцента. Раздался ритурнель кадрили. Вбѣжала Лили.

— Полно вамъ здѣсь философствовать, Борисъ Наумычъ! Я васъ причисляю къ молодежи—идите танцовать, выбирайте даму!

— Пожалуйста, пригласите меня,—сказала она вполголоса, наклоня къ нему свое раздушенное и слегка ретушированное лицо съ пушистыми бровями, съ большими голубыми глазами и слишкомъ ужъ черными рѣсницами. Прежде чѣмъ Розенкранцъ отвѣтилъ, она дотронулась до его руки.

— Я знаю, что вамъ можетъ надоѣсть философствовать,—говорила она, идя съ нимъ изъ гостиной.—Вы любите разсуждать о счастіи, но только не со стариками. Скажите мнѣ, отчего вы такой грустный? Послушайте, Сергій Петровичъ,—улыбаясь, вскричала Лили и вѣеромъ подозвала къ себѣ Свербищюкина.—Вашъ vis-à-vis. У васъ дама есть?

— Какъ же,—отвѣчалъ молодой человѣкъ,—я пригласилъ мадмуазель Лилиенвальдъ.

— О, смотрите! — кокетливо замѣтила Лили.—Пока начнется, поговоримъ о любви,—нараспѣвъ сказала дѣвушка и засмѣялась.—Вы не въ претензіи, что я сама позаботилась о vis-a-vis? я знаю, что вы немножко мѣшокъ. Итакъ, Елена Григорьевна не съ вами, почему?

— Она больна и очень извиняется.

— Ахъ, не лгите! Она не поѣхала потому, что... Но, можетъ быть, она не ошибается,—загадочно проговорила Лили и метнула въ доцента самымъ пламеннымъ взглядомъ, на какой только была способна.

— Вы говорите намеки, словно въ маскарадѣ, и стараетесь меня заинтриговать,—возразилъ Розенкранцъ.—Откровенно признаюсь вамъ, что Елена Григорьевна совсѣмъ въ данномъ случаѣ не ревнива; и если вы думаете, что она не поѣхала на этотъ вечеръ только потому, что боялась быть свидѣтельницей, какъ я ухаживаю, то вы ошибаетесь. Она, дѣйствительно, больна.

— Можетъ быть. Ахъ! это ново: вы хотите мнѣ сказать, что не стѣдуетъ ко мнѣ ревновать.

— Замѣтите, Лили, я не сказалъ: ухаживаю за вами.

— Но тутъ не за кѣмъ больше, — сказала Лили и посмотрѣла на свои обнаженные плечи, опустивъ рѣсницы и прижавъ уже сформировавшійся двойной подбородокъ къ своей высокой шеѣ.

— Бываютъ покойники, о которыхъ не говорятъ, и бываютъ мертвые чувства, о которыхъ не вспоминаютъ, — тихо проговорилъ Розенкранцъ.

— Бываютъ покойники, которые оживаютъ въ гробахъ, — сказала на это Лили, и румянецъ вспыхнулъ на ея щекахъ.

„Къ чему она это?“ подумалъ Розенкранцъ. — „Она, по старой привычкѣ, пробуетъ свою силу. Но когти на лапкѣхъ, которыми она наносила когда-то такъ больно удары, припустились. И, главное, совсѣмъ мнѣ теперь не до того. Но какъ глупо!“ — сказалъ себѣ Розенкранцъ, становясь со своей дамой въ первую фигуру: — „я пляшу! даже, кажется, улыбаюсь, потому что этотъ молоденькій курносый слѣдователь тоже улыбается, и потому что Лили улыбается. Теперь надо сдѣлать шень... отойти назадъ, выдержать тактъ, протянуть впередъ руки... граціозно перекружить свою даму... О, какъ глупо, какъ глупо!“

— Зачѣмъ вамъ захотѣлось, чтобъ я танцевалъ? Вы видите, я путаю.

— Пустое — вспомните. Со мной все вспомните! — опять съ значительнымъ выраженіемъ сказала Лили.

— Послушайте, да вѣдь вамъ-то вспоминать не о чемъ. Развѣ было между нами что либо?

— Неблагодарный! — капризно воскликнула Лили. — Развѣ вы не цѣловали у меня руки?

— Вы отдергивали каждый разъ, — сказалъ онъ равнодушно.

Во второй фигурѣ кавалеры вышли на встрѣчу другъ другу. Молоденькій слѣдователь опять улыбнулся Розенкранцу, который на этотъ разъ нахмурился и поскорѣй поспѣшилъ протянуть руку своей дамѣ.

— Зачѣмъ вы выбрали его?

— Онъ самъ просилъ.

— Онъ мнѣ противенъ.

— Виновата. Нельзя же всѣхъ ненавидѣть. Ахъ, вы пессимистъ! ужъ вотъ пессимистъ, въ самомъ дѣлѣ! Пари держу, что вы и меня ненавидите.

Розенкранцъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ этой фразы, на которую онъ долженъ былъ бы отвѣчать увѣреніемъ, что, напротивъ, Лили ему нравится. Онъ съ гримасой сталъ смотрѣть на другія пары и ему странно было видѣть, съ какимъ увлеченіемъ онѣ танцуютъ. У дамъ и у кавалеровъ лица были точно на ниточкахъ и дергались въ тактъ съ движеніями тѣла, освѣщаясь пріятными и благожелательными улыбками. Нѣмецкіе молодые люди танцовали съ сознаниемъ серьезности дѣла, которое тѣмъ хорошо, что сближаетъ пары. Каждый былъ влюбленъ не только въ свою даму, изъ вѣжливости, но и главнымъ образомъ въ самого себя. У инаго были странныя представленія о граціозномъ, но онъ старался не ударить лицомъ въ грязь — съ азартомъ простиралъ руки впередъ, моталъ головой, какъ пристяжной конь, и вращалъ глазами или сжималъ губы. Мучительно, какъ пытка, прошла для Розенкранца вся кадрили. Онъ машинально танцовалъ, подавалъ руку Лили, кружился съ нею, давалъ руку *vis-à-vis*, вертѣлся съ его дамой, ходилъ взадъ и впередъ ровнымъ, мѣрнымъ шагомъ, отдыхалъ; а на душѣ все больше и больше выростала тяжесть, и все досаднѣе становилось ему, зачѣмъ онъ пріѣхалъ на этотъ балъ. Онъ твердо рѣшился сейчасъ же послѣ кадрили ѣхать домой, но словно какая-то внѣшняя сила удерживала его въ танцевальной залѣ. Онъ остался танцовать рондъ, торопливо бѣгалъ вслѣдъ за какимъ-то нѣмчикомъ и смотрѣлъ на его развѣввающіяся фалдочки, участвовалъ въ „корзинкѣ“ и слушалъ команду молоденькаго слѣдователя, который пришелъ въ танцевальный азартъ, мчался неистово по залѣ, откинувъ голову, и кричалъ на плохомъ французскомъ языкѣ: „En avant! A gauche! mesdames, messieurs“! У этого слѣдователя были огромные волосы, которые отъ танцевальнаго бѣшенства вышли изъ повиновенія, растрепались во всѣ стороны и вились въ воздухѣ вокругъ головы; а у жилета, съ огромнымъ вырѣзомъ, прыгала золотая цѣпочка.

— Я ужь больше не могу. До свиданья, Лили. Благодарю васъ,—проговорилъ Розенкранцъ послѣ кадрили.

— Я васъ не отпущу!—вскричала дѣвушка.

— У меня голова болитъ,—серьезно и зло сказалъ Розенкранцъ.—Вы меня заставили сдѣлать глупость.

Но Свербищокинъ подлетѣлъ къ Розенкранцу.

— Профессоръ, позвольте поблагодарить васъ за доставленное удовольствіе. Ха!.. ха!..

Онъ, тяжело дыша, пожалъ ему руку и дотронулся до талии Розенкранца, какъ бы для того, чтобы защитить отъ толчковъ, проходившихъ мимо, гостей.

— Я думаю, серьезнымъ людямъ, какъ вы, профессоръ,—началь слѣдователь, всѣмъ своимъ курносимъ лицомъ улыбаясь Лили, которую онъ не считалъ серьезной:—танцы поучительны. Не правда ли, есть поучительное въ танцахъ? У васъ сейчасъ является представленіе о томъ, какъ танцевали—въ древности, въ первобытное время; какъ танцевали въ то время, когда люди ходили голыми; какъ танцевали раньше этого времени, потому что вѣдь и такое время было. Этакъ, наприимѣръ, гдѣ нибудь въ лѣсу сидѣла обезьяна, точила камни, стрѣлы дѣлала, убивала мамонтовъ и танцевала, И, вѣроятно, потомки наши тоже будутъ танцевать. Быть можетъ, у нихъ вырастутъ крылья вмѣсто лопатокъ, развѣются нервы до того, что однимъ взглядомъ они будутъ понижывать все ваше существо и сразу угадывать вашу внутренность,—все, что вы думаете, все, что вы сдѣлали, профессоръ! Является философское обобщеніе—почему люди танцуютъ?

— Вѣроятно, вы что нибудь читали въ этомъ родѣ,—уклончиво и сухо сказалъ профессоръ, рѣшивъ, что, послѣ этого глупаго разговора, онъ непременно уйдетъ. Но невидимая сила заставила его отложить уходъ.

Слѣдователь плотно взявъ профессора за талию. Вытирая потъ со своего раскраснѣвшагося лица платкомъ въ свободной рукѣ и глядя на пеструю толпу гостей, прохаживающуюся по залѣ, онъ продолжалъ:

— У меня страсть къ танцамъ. Я танцую въ особенности, когда такъ настроенъ, что необходимо вытанцевать, такъ сказать, горе или что нибудь тяжелое, загадочное, что лежитъ

на душѣ... И въ этомъ заключается для меня смыслъ танцевъ. Почему и зачѣмъ танцуетъ и почему будетъ танцовать человѣчество, даже при второмъ пришествіи?.. Звѣзды будутъ падать съ небесъ, а тутъ танцы!.. А сегодня это дѣло, которое взволновало все университетское населеніе и доставило столько хлопотъ и намъ съ Миколецкимъ, и почтенному хозяину, такъ сказать, амфитріону. Экспертиза, а у него балъ! И вотъ, все это забыто, мы танцуемъ и веселимся. — Позвольте, чтò это значитъ? и какъ вы на это смотрите, философски говоря, и какъ примиряете?

— Я никакъ не смотрю,—сказалъ Розенкранцъ.

— То есть, позвольте! *Никакъ* нельзя смотрѣть, потому что это признакъ, что у васъ не было бы нервъ и центрального мозга. Но я никого такъ не уважаю, какъ васъ; я васъ знаю дѣйствительно, читалъ всѣ ваши книги! Вы—истинный ученый, вы пишете не для однихъ жрецовъ, а и для насъ, профановъ. Нѣтъ, нѣтъ, да здравствуетъ популярная наука, да здравствуетъ центральный мозгъ! Поэтому, нельзя относиться вполнѣ равнодушно къ сегодняшнему происшествію. Понятно, вы ее никогда не знали и не знаете. Но все же... у меня могла быть сестра въ ея положеніи, у васъ дочь или тоже сестра, или—наконецъ—та, за которою мы оба съ вами могли бы ухаживать... Да, да, профессоръ!

— Вы еще долго будете тутъ говорить?—спросила Лили нетерпѣливо.

— Мы еще поговоримъ,—сказалъ слѣдователь съ улыбкой и съ поклономъ.

— Мой приказъ — пожалуйста, не отпускайте Бориса Наумыча.

— Нѣтъ, не бойтесь, я его не отпущу,—опять съ улыбкой и съ поклономъ отвѣтилъ слѣдователь, и слегка прижалъ къ себѣ Розенкранца, все держа его за талию.

Лили ушла, обернувшись на ходу и пославъ Розенкранцу многообѣщающую улыбку. А онъ подумалъ о Леночкѣ и о домѣ, гдѣ теперь ужасъ и холодъ, и назвалъ себя тряпкой. Какое ему дѣло до Сашеньки, когда ея болѣе не существуетъ на свѣтѣ! Пусть мертвые погребаютъ мертвыхъ. Но, разбирая свое поведеніе по привычкѣ къ философскому мышленію, онъ находилъ, что его удерживаетъ возлѣ Свербищюкина

именно Сашенька, а также желаніе слѣдователя, чтобы онъ не уходилъ. Онъ попробовалъ сказать:

— Я пройду въ гостинную къ губернатору. Я довольно невѣжливо оставилъ его и прервалъ съ нимъ бесѣду о счастіи.

— Пойдемте вмѣстѣ!—вскричалъ Свербищокинъ.—Я занимался эвдемонизмомъ и читалъ поэму Лукреція. Впрочемъ, я не знаю, раздѣляетъ ли Бухъ ваши взгляды, или имѣетъ свои собственные? Вѣдь онъ считается конесеромъ философіи. Что значитъ нѣмецкая натура — губернаторъ! Я слышалъ, что въ Испаніи всѣ начинающіе стихотворцы— губернаторы. Наша страна серьезнѣе Испаніи,—болталъ слѣдователь и шелъ съ Розенкранцомъ въ гостинную.

Но въ гостинной Буха не оказалось: онъ уже, вмѣстѣ съ другими почетными гостями Эренштолца, игралъ въ карты въ сосѣднихъ комнатахъ, гдѣ были раскрыты зеленые столы.

— А, его нѣтъ? Тѣмъ лучше,—сказалъ слѣдователь:—мы вдвоемъ съ вами потолкуемъ. Вотъ сюда, за этотъ трельяжикъ! Онъ сдѣланъ изъ искусственной зелени... гуттаперча, да? А между тѣмъ, какъ свѣжо, натурально! Профессоръ, вотъ мнѣ пришла въ голову мысль послѣ танцевъ: не заведемъ ли мы разговора о безсмертіи души? Конечно, переходъ рѣзкій, но почему же? Сегодня я въ странномъ расположеніи духа. На меня дѣйствуетъ тлѣніе. А въ анатомическомъ театрѣ два трупа... Вы замѣтили? Какъ посмотрю на мертвечину, является мысль о душѣ. Вы вѣрите въ божественность начала, которое живетъ въ нашемъ существѣ? Или же это фикція? Какое у васъ является отвлеченное представленіе о душѣ? Какъ вы ее формально себѣ воображаете? Нѣчто крылатое или—въ видѣ облачка? Можетъ быть, просто атомъ? Вы слышали объ открытіи одного... pardon, я хотѣлъ сказать, еврея... извѣстнаго ученаго, который думаетъ, что душа есть запахъ! Кошка пахнетъ, у каждаго человѣка свой собственный запахъ... у собаки—псица. У него фамилія такая самая, какъ у моего портнаго Юдки—Кумгеръ. Сами евреи пахнутъ иначе, чѣмъ русскіе. Запахъ трупа — тоже душа, но низшая, не правда ли? Хотѣлъ бы я знать, что можетъ сказать запахъ трупа человѣку философски-образованному? Какія мысли онъ въ немъ возбуждаетъ и нѣтъ ли тутъ особаго философскаго наслажденія?

„Да онъ сумашедшій“,—подумалъ Розенкранцъ.

А Свербищокинъ продолжалъ:

— Странныя бываютъ явленія, профессоръ! Я обращаюсь и говорю обо всемъ откровенно, ничего не скрывая, такъ какъ вы авторитетъ, мною чрезвычайно уважаемый, и къ вамъ я иду за разъясненіемъ. Когда начинаешь какую нибудь карьеру... хочется сдѣлать возможно больше! Напримѣръ, моя карьера, судебного слѣдователя: я могу сгнить кандидатомъ на судебныя должности и могу стать—участковымъ слѣдователемъ или товарищемъ прокурора, прокуроромъ, предсѣдателемъ суда! Чѣмъ буду я дѣятельнѣе, тѣмъ скорѣе! Я привязанъ къ своему дѣлу, люблю его и хочу любить. Я пчела, а тотъ, кого я... а объектъ дѣла—цвѣтокъ, полный меду; такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется. Итакъ, профессоръ, я говорю о странномъ явленіи... Но, во всякомъ случаѣ, это вопросъ спорный. Почему убійцы должны взглянуть еще разъ на жертву своего умышленнаго или неумышленнаго преступленія? Сколько случалось—вы, конечно, читали объ этомъ,—что убить по всѣмъ правиламъ искусства, разрѣзать трупъ на части, запакуеть его въ ящикъ, осмолить, зашьеть въ рогожку, а рогожку окуеть еще желѣзными обручами и сдать, положимъ, въ товарный поѣздъ съ наложеннымъ платежемъ или забудеть на платформѣ. Начинаеть заявлять о себѣ трупъ, начинаеть вопіять,—вопіеть, вошеть. Вскрываютъ. Преступникъ кто? Незвѣстно! Убитый?—незвѣстно! Трупъ, такъ сказать, нѣтъ, а есть только части трупа. Ждутъ—и является непременно, кто убилъ. Такъ, на примѣръ, въ извѣстномъ убійствѣ въ Харьковѣ: каждый день акуратно приходилъ убійца на вокзалъ и справлялся. Да... Это извѣстная черта человѣческой психологіи. Чѣмъ вы объясните ее, профессоръ? Почему свѣжая, такъ сказать, душа, имѣвшая прикосновеніе къ душѣ, переставшей существовать, жаждеть еще разъ воспринять въ себя хоть слѣдъ исчезнувшей души?

— Я не знаю,—сказалъ Розенкранцъ, вынулъ платокъ и помахалъ себѣ въ лицо, хотя ему вовсе не было жарко.

— А между тѣмъ, вникните въ смыслъ, и вы поразитесь богатствомъ содержанія!—вскричалъ молодой слѣдователь.—Положимъ, я убилъ эту самую, которую сегодня вскры-

вали. Я убилъ изъ ревности или изъ желанія скрыть слѣды своихъ преступныхъ отношеній къ ней; я женатый человекъ, а она—дѣвушка, вступившая на скользкій путь и угрожавшая мнѣ разоблаченіемъ тайнъ. По разнымъ причинамъ или соображеніямъ, я считаю нужнымъ... Самъ завожу ее въ Ботанической садъ... предположимъ, я лекторъ. Я знаю время, когда можно войти, не будучи замѣченнымъ, и убиваю, а затѣмъ душѣ, чтобы не слышать предсмертнаго хрипѣнія...

— Предположимъ,—сказалъ Розенкранцъ.

— Отлично! предположимъ,—продолжалъ молодой человекъ, вертясь на диванчикѣ, точно флюгеръ.—Пока я готовился убивать, совѣсть моя терзалась, но стремленіе убить было сильнѣе стремленія не убивать. Трахъ!—совершенно. Равновѣсіе не нарушается. Но душа, по какому-то неизвѣстному закону, простираетъ свое, такъ сказать, крыло вслѣдъ за улетающей жертвой, гонится за ней—отсюда начинаются уже угрызенія совѣсти, и благоразуміе затмѣвается. Я цѣлый день хожу, какъ помѣшанный, уѣзжаю изъ города, чтобы себя разсѣять, я самъ не свой? Чѣмъ дальше я отъ пункта, гдѣ совершенно убійство, тѣмъ сильнѣе бьется крыло моей души. Туда, туда! кричитъ душа. Не могу. Все бросаю, ѣду! Приѣзжаю въ городъ, и прямо въ анатомическій театръ, потому что знаю, что она ужь тамъ. А, каково?—со страннымъ смѣхомъ сказалъ Свербищокинъ и крѣпко пожалъ руку у локтя поблѣднѣвшему Розенкранцу.

— Что же дальше?—спросилъ тотъ.

— Что дальше?—подхватилъ Свербищокинъ:—если хотите, вотъ вамъ дальнѣйшее состояніе души моей. Только не считите меня преступникомъ. Я—нѣтъ! Я не убивалъ, а только допускаю, что убилъ. А на самомъ дѣлѣ убилъ ее... Но виновать! Приѣзжаю въ анатомическій театръ... А, вы интересуетесь, что дальше? Успокоиваюсь, успокоиваюсь обязательно! Вижу, что убита и обратилась въ трупъ. Прикоснулась моя душа къ ея душѣ. И я принимаю участіе въ танцахъ, которые, такимъ образомъ, имѣютъ философское значеніе. Но, кромѣ того, я радъ, что никакихъ слѣдовъ! Руки у меня чисты, какъ изволите видѣть, и пахнутъ тридасомъ, ни пятнышка на фракѣ, и я пользуюсь нѣкоторымъ уваженіемъ.

емъ въ обществѣ, такъ какъ читаю лекціи въ университетѣ. Но завтра, вѣроятно, я опять пойду въ анатомическій театръ, потому что къ тому времени наростетъ тоска и захочется опять провѣрить, не проливается ли свѣтъ на темное дѣло!?

Розенкранцъ хотѣлъ спросить слѣдователя: „вамъ извѣстно, что я уѣзжалъ изъ города и былъ въ анатомическомъ театрѣ“? Но не спросилъ.

— Я понимаю также, что ради философскихъ соображеній можно зайти въ анатомическій театръ. Это совсѣмъ другое дѣло. Не правда ли?—началь Свербицкинь.—Именно вопросъ о душѣ можетъ интересовать. Я положительно увѣренъ, что, только рассматривая трупы, можно составить себѣ какое нибудь представленіе объ этомъ крылатомъ или безкрыломъ „нѣчто“, называемомъ душой. Трупъ даетъ намъ точку опоры для философскихъ умопостроеній!

Молодой слѣдователь, мечтающій о томъ, что онъ будетъ со временемъ, по крайней мѣрѣ, прокуроромъ, прищуривалъ попеременно то лѣвый, то правый глазъ, и у него отъ волненія, котораго онъ не старался преодолѣть, билась какакто жилка или судорожно сокращался какойто мускулъ на щекѣ. Его волненіе выражалось въ болтовнѣ, размѣры которой росли, какъ въ кошмарѣ.

— Итакъ, еслибъ я, напримѣръ, узналъ,—пониживъ голосъ, продолжалъ Свербицкинь съ загорѣвшимся лицомъ,—что вы заходили въ анатомическій театръ и минутъ десять провели надъ трупомъ, созерцая его прекрасныя молодыя линіи и вдумываясь въ смыслъ смертной улыбки, застывшей на губкахъ, которыя еще такъ недавно раскрывались для того, чтобы говорить нѣжныя слова, или для того, чтобы кричать, то у меня явилось бы два вѣроятныхъ сужденія. Во-первыхъ, я подумалъ бы, что вы, въ качествѣ мыслителя, желаете поднять завѣсу, которая раздѣляетъ извѣстное отъ неизвѣстнаго, міръ дѣйствительный отъ міра загробнаго, и ищете для этого каждаго удобнаго случая; а, во-вторыхъ, я подумалъ бы,—рискуя, разумѣется, сдѣлать ошибку,—что вы убійца,—проговорилъ Свербицкинь. И его насмѣшливые, безпокойные сѣрые глаза вспыхнули какимто фосфорическимъ огонькомъ, быстро погасшимъ.

Розенкранцъ вздрогнулъ и сухо засмѣялся.

— Молодой человекъ,—сказаль онъ,—не находите ли вы сами, что разговоръ, который вы завели со мной, въ высшей степени страненъ?

— А я васъ предупреждалъ,—весело сказаль Свербищокинъ:—все время я говорилъ о странныхъ явленіяхъ! Да, да, профессоръ.

Онъ подмигнуль Розенкранцу. Тотъ пожалъ плечами.

— Профессоръ,—началь Свербищокинъ,—еще два слова. Читали вы въ библии сравненіе, подхваченное поэтами, но не очень-то приличное,—что, песь возвращается на свою блевотину?

— Послушайте, — покраснѣвъ, сердито сказаль Розенкранцъ,—я не зналъ, что посѣщеніе мною анатомическаго театра вызоветъ такую массу пустыхъ словъ.

Не обративъ вниманія на обиду, Свербищокинъ любезно спросиль:

— Вы были съ Козенсомъ?

— Да.

— Вы заплакали?

— Да, можетъ быть, я не помню.

— Какое слово произнесли вы при этомъ?... Не было ли это христіанское имя, сокращенное?

— Это могло быть христіанское имя, сокращенное.

— Но кого называютъ Сашенькой?—спросиль слѣдователь, опять прищуривая свои глаза съ хитрымъ и радостнымъ выраженіемъ:—постороннюю дѣвушку или болѣе или менѣе знакомую?

— Я думаю, что болѣе или менѣе знакомую,—сказаль Розенкранцъ; и голосъ его прозвучаль, какъ чужой; онъ самъ не узналь его, потому что кровь заливала его мозгъ и стучала въ ушахъ.

— И не правда ли, Сашенькой можно называть также свою любовницу?

— Да, можно,—тѣмъ же голосомъ отвѣчалъ Розенкранцъ.

— Послушайте, Борисъ Наумычъ, я преисполненъ къ вамъ глубочайшаго уваженія,—началь Свербищокинъ, въ десятый разъ крѣпко пожимая руку Розенкранцу,—и невѣроятно какъ уважаю васъ. Но бываютъ случаи, когда по неволѣ такое почтенное имя, какъ ваше, бываетъ нужно запутать въ

грязное дѣло. Это совершается не изъ вражды, не изъ злобы къ такимъ почтеннымъ людямъ, а вслѣдствіе несчастнаго, случайнаго сѣпленія обстоятельствъ. Я вовсе не желалъ бы, чтобы этотъ разговоръ, который мы вели въ такой гипотетическо-фантастической формѣ, имѣлъ для васъ какое нибудь реальное значеніе. Но я васъ предупреждаю: не уходите безъ меня отсюда, потому что нѣкоторое реальное значеніе онъ имѣеть, я долженъ вамъ признаться! Мы останемся до конца вечера: странно уходить въ началѣ бала, и мнѣ хотѣлось бы еще разъ протанцовать съ вами. Или—нѣтъ? вы не хотите? Въ такомъ случаѣ, я тоже не буду. Я отъ васъ не отстану, Борисъ Наумычъ. А когда вечеръ будетъ близиться къ концу, мы передъ ужиномъ... part-part-partirons! Я вамъ скажу по секрету, — сказалъ онъ, наклоняясь къ Борису Наумовичу и стараясь говорить ему на ухо:—между нами сказать, я долженъ васъ арестовать. Но, пожалуйста, оставайтесь на высотѣ того уваженія, которымъ вы были до сихъ поръ окружены. Не въ счетъ абонементъ! Если малѣйшее чтò обнаружится въ вашу пользу, сейчасъ же вы будете отпущены. А въ противномъ случаѣ, вы останетесь подъ арестомъ. А вотъ кстатѣ идетъ прелестная молодая хозяйка наша, и я ревную: она мнѣ нравится. Ахъ, вы, жестокій!—слегка толкнувъ въ бокъ Розенкранца, сказалъ слѣдователь и привсталъ съ мѣста при входѣ Лили за трельяжъ.

Но у Лили глаза широко раскрылись отъ испуга. Не глядя на Свербищокина, она устремила взглядъ на Розенкранца и вскричала:

— Ему дурно! Посмотрите, Сергѣй Петровичъ, чтò съ нимъ? Борисъ Наумычъ! Борисъ Наумычъ!

Розенкранцъ сидѣлъ на диванчикѣ, откинувъ голову на спинку, блѣдный, какъ смерть, съ закрытыми глазами и безпорядочно упавшими руками.

— Гдѣ у васъ вода?—заботливо спросилъ Свербищокинъ.

Лили побѣжала за водой; и вернулась не одна, а вмѣстѣ съ профессоромъ Цольманомъ, знаменитымъ святогорскимъ врачомъ. Онъ вспрыснулъ Розенкранца, и тотъ раскрылъ глаза.

— Ничего, пустое, обморокъ,—сказалъ Цольманъ, держа Розенкранца за пульсъ.—Идите на свѣжій воздухъ, мой другъ.

— Я прошу васъ, — любезно предложилъ свои услуги Свербищокинъ. — Пойдемте, Борисъ Наумычъ!

XXVI.

Надъ Борщовкой взошла луна и пролила потоки луннаго свѣта на усадьбу профессора Уржумова. Въ обѣихъ липовыхъ аллеяхъ, отъ деревьевъ потянулись по дорожкамъ поперечныя, почти черныя тѣни, въ перемѣжку съ полосами серебрянаго свѣта. Тишина царила въ воздухѣ и откуда-то издали доносились звуки малороссійской пѣсни, исполняемой хоромъ парней и дѣвокъ, отдыхающихъ отъ полевыхъ работъ.

Профессоръ Ховревъ дождался возвращенія Ольги Ѳедоровны и спросилъ:

— Успокоили орду? Труженица вы! Но зато—мать. Дай вамъ Богъ здоровья, Ольга Ѳедоровна. Пойдемте-ка, потолкуемъ!

— О чемъ?—спросила та.

— Обо всемъ, Ольга Ѳедоровна, и, разумѣется, прежде всего о философіи. Безъ философіи, матушка, шагу нельзя ступить. Вотъ вы думаете, что это садъ, а это—философія; вы воображаете, что это лунная ночь, а это — философія; и женщина—философія, и мужчина тоже философія.

— Ну, пойдемте,—засмѣявшись, сказала Ольга Ѳедоровна и подала Андрею Яковлевичу руку.

— Но, прежде всего, Андрей Яковлевичъ, — начала она, вступая съ нимъ въ темную аллею, — посоветуйте мнѣ, ради Бога, что дѣлать съ моимъ Алексѣемъ Васильичемъ. Онъ серьезно нездоровъ. Цольманъ находитъ, что у него неправильное сердцебіеніе, и нервная система окончательно распатана. А, не смотря на это, онъ по цѣлымъ днямъ сидитъ за своей противной химіей!

— Чѣмъ же, радость моя, химія противна? — прервалъ Андрей Яковлевичъ:—Химія великая наука, и для насъ, философовъ, это матеріаль. Она данница философской мысли, какъ и всѣ прочія отрасли знанія. Не могу идти противъ химіи!

— Да, но позвольте; Алексѣй Васильичъ — безстыдный химикъ. Можетъ быть, вамъ онъ платитъ дань, но семейство

отъ этого не много выигрываетъ. Семейство наше, Андрей Яковлевичъ, страдаетъ. Я первая страдалица. Что общаго между мною и Алексѣемъ Васильичемъ?! Взгляните хорошенько—я ни о чемъ съ нимъ не могу поговорить: у него всегда химическія мысли. Онъ женился потому, что всѣ желятся, считаетъ себя отцомъ, потому что такъ принято считать себя отцомъ. Но, въ дѣйствительности, нѣтъ у него никакихъ чувствъ: онъ безчувственный человѣкъ, Андрей Яковлевичъ!

— Безчувственный—совсѣмъ другой вопросъ,—возразилъ Андрей Яковлевичъ,—но зато вы съ чувствами. Эхъ, знаете, такъ ужь устроено: гдѣ свѣтъ, тамъ, глядишь, сейчасъ и тѣнь, а гдѣ тѣнь, тамъ и свѣтъ. Рѣдко свѣтъ со свѣтомъ сходятся!—нараспѣвъ произнесъ Ховревъ и прижалъ къ себѣ полное плечо Ольги Ѳедоровны.

— Я желала бы знать,—продолжала Ольга Ѳедоровна, раздражаясь на мужа,—что онъ еще высидитъ изъ своей химіи? Его диссертациі, конечно, обратили на себя вниманіе; недаромъ же онъ получилъ степень доктора, и голосъ его—не послѣдній въ наукѣ. Но, если хорошенько вдуматься, на великое способенъ ли Алексѣй Васильичъ? У него планы, мысли; но для чего? Совсе не для того, чтобы семейству стало лучше—одно пустое тщеславіе! Право, Столбухинъ, у котораго душа маленькая, гораздо жизненнѣе Алексѣя Васильевича, хотя онъ всѣмъ ему обязанъ и безъ Алексѣя Васильевича былъ бы нулемъ.

— Жизненнѣе-то онъ жизненнѣе, — сказалъ Ховревъ, — а только въ сравненіи вообще съ мужчиной—жидокъ. Вы, Ольга Ѳедоровна, о Столбухинѣ не поминайте. Что Столбухинъ?—ничтожество. А объ наукѣ вы разсуждаете, какъ женщина, простите меня. Отъ науки та польза, что она служить великой идеѣ—Богу!—вскричалъ Ховревъ.—Пусть Алексѣй Васильичъ работаетъ. Если ямочки ваши поблекнутъ — ну, это скверно; а пока пусть работаетъ и—нѣтъ! не жалуйтесь на Алексѣя Васильича. Онъ самъ по себѣ, а вы сами по себѣ—вотъ настоящая философія супружества. Я, Ольга Ѳедоровна, полвѣка изжилъ и знаю, что не всегда можно находиться не только въ ладахъ съ другомъ, но и въ ладахъ съ самимъ собой. Намъ кажется, что какаѣя нибудь кислота, которой Алек

сѣй Васильичъ добылъ всего нѣсколько капель, ровно ничего не значить, анъ—глядишь—кислота порождаетъ сотни многообразныхъ видоизмѣненій и соединеній; жизнь улучшается, и въ общемъ хорѣ, прославляющемъ небеса, звучитъ новая струна!

— Что мнѣ въ небесахъ, Андрей Яковлевичъ? Какое отсталое выраженіе!

— А, не говорите, Ольга Ѳедоровна. Я самъ былъ когда-то того мнѣнія, что нѣтъ Бога, но, послѣ цѣлаго ряда излишествъ и сомнѣній, пришелъ къ тому, что Богъ есть и что не только Богъ есть, но что и Ольга Ѳедоровна есть,—заклучилъ Андрей Яковлевичъ и сдѣлалъ попытку обнять Ольгу Ѳедоровну за талію. Ольга Ѳедоровна ничего не возразила философу, но только слегка уклонилась отъ ласки.

— Алексѣй Васильичъ боится,—начала она,—что кто-нибудь изъ другихъ молодыхъ ученыхъ, основываясь на какихъ-то его открытіяхъ, которыя онъ неосторожно опубликовалъ въ физико-химическомъ журналѣ, сдѣлаетъ раньше... Чтò же изъ этого, Андрей Яковлевичъ? Ну, пускай! Надо, чтобы и молодымъ былъ хлѣбъ. Какая жадность! Ужь Алексѣй Васильичъ добился всего. Пора подумать о покоѣ!

— Ах-ха-ха-ахъ! Ольга Ѳедоровна, — зѣвая, нараспѣвъ вздохнулъ философъ,—вы говорите: зачѣмъ все одному? Надо, чтобы и другимъ было. Но, пока имѣешь у себя, хочется сохранить, вотъ что! Теперь обращаюсь къ наукѣ,—сказалъ Ховревъ, какъ будто то, о чемъ онъ сейчасъ говорилъ, относилось только къ Ольгѣ Ѳедоровнѣ.—Скажу, что желаніе,—никому не дать украсть вашу идею,—вполнѣ законное. Мы, философы, въ этомъ отношеніи страдаемъ больше всѣхъ. Мы, по неволѣ, разбрасываемъ идеи въ спорахъ, въ изреченіяхъ, въ книгахъ, въ мысляхъ, сказанныхъ вслухъ, въ письмахъ. Намъ должны грабить на каждомъ шагу, да жаль: вкусъ къ философіи мало распространенъ.—Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я высказалъ нѣкую великую мысль въ одномъ домѣ, а именно у Розенкранца. Тогда я только что пріѣхалъ одинъ, безъ семьи, и остановился у своего младшаго коллеги, по его же приглашенію. Запелъ какъ-то разговоръ о мірѣ и о томъ, чтò такое Богъ. Его молоденькая жена не вѣрила въ Бога. Ну, я и взялъ на себя объяснить, чтò такое Богъ и чтò

такое міръ, тѣмъ болѣе, что мужъ полагалъ, должно быть, что жена его не созрѣла еще достаточно для философскихъ разговоровъ. Я говорю ей: вотъ видите ли, тадаме Розенкранцъ, Богъ это есть нѣчто сущее, это—*эонъ*, а все, что не Богъ,—не сущее, *анэонъ*. Богъ творить въ силу своей божественности. Его грѣзы—міры, и творчество его непрерывно, и въ этомъ отношеніи онъ сходенъ съ поэтомъ и философомъ, съ тою только разницею, что Богъ созидаетъ дѣйствительные міры, превращая анэоны,—то есть то, что не существуетъ,—въ существующее, въ эоны, а мы, грѣшныя, созидаемъ мнимое. Однимъ словомъ, вселенная есть грѣза божія! Конечно, рассказалъ я и забылъ объ этомъ. Гляжу, появляется книга Розенкранца, моего коллеги, этакъ черезъ годъ или черезъ два—„Размышленіе въ лунную ночь“, гдѣ всѣ мои мысли онъ обезобразилъ, наплодивъ безчисленное множество анэоновъ, въ томъ числѣ анэономъ и Бога назвалъ, а эономъ, кажется, считаетъ только самого себя. Самолюбивый жидишка!—вскричалъ Ховревъ.

— Я вовсе не принадлежу къ юдофобамъ,—сказала Ольга Ѳедоровна.—У Розенкранца есть своя личность и свой темпераментъ. А книга его написана такъ чудесно, что ее нельзя сравнить ни съ однимъ произведеніемъ моего мужа.

— Онъ обладаетъ слогомъ. Онъ риторъ. Но гдѣ риторика, тамъ нѣтъ философіи, Ольга Ѳедоровна, настоящей глубокой философіи! Ея мантия—безъ погремушекъ, она лежитъ на ея членахъ красивыми и несложными складками. Ну, такъ вотъ видите ли, я говорю къ тому, что каждый профессоръ, обладающій чѣмъ нибудь, имѣетъ право, на основаніи такихъ прецедентовъ, опасаться, что кто нибудь отниметъ. И потому спѣши, если ты не безпеченъ, обнаружить свою душу!

Ховревъ наклонился къ Ольгѣ Ѳедоровнѣ, и она услышала его дыханіе, смѣшанное съ запахомъ рома.

— Ахъ, Ольга Ѳедоровна! — умиленно сказалъ Андрей Яковлевичъ.

— А что?

— Ахъ, матушка! сядемте подальше отъ свѣта. Быть можетъ, свѣтъ васъ смущаетъ. Поговоримъ еще о тайнахъ философіи, о странномъ влеченіи духа къ матеріи!

— Нѣтъ, оставьте меня, Андрей Яковлевичъ!

— Мамочка, Ольга Ѳедоровна! не должна матерія протестовать. Пусть торжествуетъ духъ и она покоряется,—сказалъ философъ, усаживая Уржумову на скамейку, врытую въ землю подъ раскидистой, густолиственной липой.—Идея великая вещь, но, если нѣтъ формы, какъ она выразить себя? Такъ и наше собесѣдованіе, Ольга Ѳедоровна, не имѣло бы смысла, еслибы вы сѣли отъ меня на другой конецъ скамейки. Теперь же оно пріобрѣтаетъ характеръ глубокаго и великаго сліянія двухъ вѣчно борющихся и вѣчно стремящихся другъ къ другу началъ, ибо дуализмъ долженъ кончиться монизмомъ,—прошепталъ Андрей Яковлевичъ надъ ухомъ Ольги Ѳедоровны.

— Оставьте, Андрей Яковлевичъ!—совсѣмъ тихо произнесла Ольга Ѳедоровна, и, неожиданно для самой себя, припала головой къ плечу философа.

Можетъ быть, у нея закружилась голова, но ей показалось, что въ саду стало темнѣе и что онъ заснулъ глубокимъ сномъ. Она сдѣлала надъ собой усиліе, вскочила и произнесла:

— Нехорошо, Андрей Яковлевичъ. Нехорошо!.. Послѣ!..

XXVII.

А тѣмъ временемъ Катя ходила по другой аллеѣ, подъ руку съ Иваномъ Никифоровичемъ. Хотя Иванъ Никифоровичъ ей не нравился, но ей было пріятно, что на нее уже начинаютъ смотрѣть, какъ на взрослую дѣвушку, и что этотъ рѣзкій и грубоватый Столбухинъ, который еще въ прошломъ году не удостоивалъ смотрѣть на нее и былъ кавалеромъ только ея мамы, теперь все больше и больше ухаживаетъ за ней и,—хоть это смѣшно,—явно влюбленъ въ нее. Она не могла отказать ему въ удовольствіи пройти съ нею по темной аллеѣ и даже дала руку. Катя не умѣла еще ходить подъ руку, и потому, съ самага же начала, замѣтила, что онъ держитъ ее какъ-то неловко. Но зато ему было не только ловко, но и пріятно.

— Такъ, въ самомъ дѣлѣ, вы теперь совсѣмъ поправились, Иванъ Никифоровичъ? — сказала Катя, чувствуя потребность

быть хоть немного поласковѣе: къ этому располагала ее лунная ночь, будя въ ней что-то неясное и мечтательное.

— Да, слава богу, я совершенно поправился. Даже, видите, не кашляю. Произошла моя болѣзнь отъ сидѣнья въ лабораторіи. Эхъ! я вамъ скажу, много приходится отдаться наукѣ прежде, чѣмъ отъ нея что нибудь получишь.

— Да, бѣдный палочка какъ работаетъ! Ужъ, кажется, и получила, а все работаетъ.

— У него страсть, Катерина Алексѣевна. Онъ такъ устроенъ, что умереть безъ химіи.

— Что вы говорите.

— Нѣтъ, честное слово, бываетъ такая страсть, нѣкоторымъ образомъ, пьянство; такъ и говорятъ: запой.

— А у васъ?—спросила Катя.

— И была, и есть. Но это совсѣмъ другая страсть. Я, конечно, ничего не имѣю противъ науки. Я на нее не могу жаловаться. Но, строго говоря, я химикомъ сдѣлался потому, что познакомился съ Алексѣемъ Васильичемъ и избралъ себѣ этотъ родъ—надо было пристать къ какому нибудь профессору. Понятно, еслибы я былъ талантомъ, звѣзды съ неба хваталъ,—мнѣ можно было бы обойтись безъ профессора, а такъ—знаете—бѣдный человѣкъ, протекціи не имѣешь... думаль, думаль... нѣмцевъ не люблю, вотъ и присталъ къ Алексѣю Васильичу. Попросилъ заниматься въ лабораторіи, ну, позанимался мѣсяць, другой, и привыкъ. Сталъ приспособляться, придышался, постигъ технику.

— Да въ кого же вы влюблены?—спросила Катя.

— Мнѣ бы давно слѣдовало вамъ сказать, Катерина Алексѣевна, потому что вы должны же это наконецъ узнать,—началь Столбухинъ.—Ваша мамъ—почтенная женщина, и я ее очень уважаю. Понятно, она еще не рѣшается прямо поставить вопросъ. Поэтому я рѣшился сначала подготовить почву и переговорить съ вами. Все таки, времени впереди много—вы можете хорошенько обдумать. Во-первыхъ, я человѣкъ прямой и упрямый, чтд, впрочемъ, одно и то же; даже слова похожія.

— „Упрямый“ происходитъ отъ того, что говорятъ прямымъ людямъ: „у—прямой!“—прервала Катя со смѣхомъ.

— Можетъ быть. Я съ филологіей не знакомъ,—улыбаясь,

отвѣтилъ Иванъ Никифоровичъ.—Но что мнѣ запало въ голову, ужь такъ гвоздемъ и сидить! Какъ я рѣшилъ, что не выду изъ лабораторіи, пока не стану магистромъ, такъ оно и будетъ. А получу магистра, буду доцентомъ и, наконецъ, профессоромъ. Я такъ думаю, что унаслѣдую кафедру Алексѣя Васильича. Не вѣкъ онъ будетъ жить! То есть, я ему желаю прожить Маеусайловы лѣта, но человекъ онъ хилый...

— Пожалуйста! папочка проживетъ еще тридцать лѣтъ. Вовсе онъ не такой хилый!

— Не въ этомъ университетѣ—въ другомъ, а я кафедра, Екатерина Алексѣевна, добьюсь! Сказаль—и будетъ.

— У—прямой!

— Вы не шутите, Катерина Алексѣевна!

— Но что же дальше? Что вы мнѣ скажете... о какой страсти?—продолжала Катя лукаво и робко, потому что ей хотѣлось услышать, наконецъ, объ *этой* страсти въ первый разъ въ жизни изъ устъ взрослого человека.

— Видите ли, Катерина Алексѣевна,—началь Столбухинъ, постепенно разгораясь:—страсть страсти рознь. Есть трасть неблагоразумная, кипучая, которая сожигаетъ, какъ огонь, или даже, какъ молнія. Я—противъ такой страсти; я на нее не то что неспособенъ, а считаю ее порокомъ. А есть страсть обдуманная, хладнокровная, страсть благородная, которая не жжетъ, а грѣетъ, но зато грѣетъ долго. И мнѣ кажется, что о ней можно говорить прямо. Въ извѣстную пору мужчины и женщины созрѣваютъ настолько, что начинаютъ чувствовать отвращеніе къ тому одиночеству, въ которое они погружены силою вещей. Вслѣдствіе этого, является потребность выйти изъ этого одиночества; начинаешь осматриваться, начинаешь высматривать; видишь одну, другую, третью—все не нравится. Но вотъ проходитъ мимо нѣчто прекрасное или, такъ сказать, по сердцу. Останавливаешь взоръ и говоришь: вотъ эта будетъ моею на всю жизнь!.. Я робѣю; мнѣ тяжело сказать сразу. Я прошу еще минутку сроку.

— Пожалуйста! Вы можете даже десять минутокъ... Можете и вовсе не говорить!—сказала Катя.

— Екатерина Алексѣевна, какъ вы жестоки! Я рѣшилъ сказать и скажу, чего бы мнѣ это ни стоило! Но все же минутку я подожду.—Онъ перевелъ духъ, сдѣлалъ нѣсколько

шаговъ молча и произнесъ: — дѣвушка, о которой я мечтаю, — вы.

Катя вспыхнувъ и спросила:

— Удивляюсь, какъ вы надѣетесь съ мечтой обо мнѣ быть магистромъ! Она навѣрно вамъ мѣшаетъ.

— Что дѣлать! я люблю васъ. Правда, я, такъ сказать не страстно васъ люблю; я не потребую отъ васъ ни объятій ни поцѣлуевъ.

— Вы великодушны, — сказала Катя дрожащимъ голосомъ. Ей хотѣлось быть насмѣшливой, а она не могла.

— Если я понялъ васъ, Катерина Алексѣевна, — началъ Столбухинъ: — то и вы влюблены въ меня. (У него тоже дрожаль голосъ).

— Нѣтъ, я васъ не люблю; но вамъ не могу запретить! — сказала дѣвушка.

— У меня намѣренія честныя. Я не иначе, какъ женюсь. Впрочемъ, все равно — любите вы меня или нѣтъ.

— Какъ все равно! Но если я попрошу васъ, чтобы вы не дѣлали предложенія?

— А почему?

— А потому, что я хочу еще пожить самостоятельно и меня есть свои планы, — серьезно сказала Катя.

— Выйти замужъ — вотъ жизнь, — произнесъ Столбухинъ.

— Изъ какого катихизиса? — промолвила Катя. — Должна быть, изъ Домостроя. Нѣтъ, я выду замужъ когданибудь, но не такъ. Я хочу узнать, что такое страсть, которую вы называете молнией, чтобы сравнить ее съ той страстью, которую вы мнѣ предлагаете! — вскричала Катя и засмѣялась. Но она вся дрожала, не смотря на смѣхъ.

— Знаете что, Екатерина Алексѣевна, — началъ Столбухинъ, — я вамъ прямо ставлю вопросъ: хотите вы или не хотите быть моей женой?

— Не хочу, — сказала Катя.

— А будете моей женой!

— Нѣтъ, не буду.

— Будете! — помысиль тонъ и раздражаясь, проговорилъ Столбухинъ.

— Бѣдненькій вы, Иванъ Никифорычъ! Я знаю, что васъ

чень огорчаетъ всякое противорѣчiе, но я не буду вашей женой, вы можете быть увѣрены.

— Будете!—еще разъ повторилъ Столбухинъ.

— Но нѣтъ же. Поймите вы, Иванъ Никифоровичъ, что мнѣ всего шестнадцать лѣтъ и что у меня есть мечта сдѣлаться актрисой. Еслибы я даже любила васъ, то все равно захотѣла бы быть вашей женой.

— Будете!

— Ахъ, Иванъ Никифоровичъ! — уже сама раздражаясь, кричала Катя,—я вовсе не вещь, что вы такъ заладили но, что я буду вашей женой! Если не захочу, то вы никогда на мнѣ не женитесь. Я никогда, никогда не буду вашей женой. Вотъ же на зло вамъ не буду!

— Будете.

— Вы меня злите!—вскричала Катя. — Я сдѣлала глупость, что пошла съ вами гулять. Вернемтесь-ка назадъ: я люблю луннаго свѣта и темныхъ аллей. Вы способны убить меня, какъ утромъ въ саду кто-то убилъ эту дѣвушку! Но вы можете меня убить, а все таки я вамъ скажу, что не буду вашей женой.

— Будете,—убѣжденно произнесъ Иванъ Никифоровичъ.

— Да какъ же вы можете это сдѣлать?—начала она возмущаться со страхомъ.—Я скажу папѣ. Папа скажетъ, чтобы не выходила замужъ, что онъ позволяетъ мнѣ сказать: нѣтъ“. А если мама меня заставитъ,—потому что мама васъ любитъ,— я подъ вѣнцомъ скажу: „нѣтъ, не хочу за него идти“. Вотъ вамъ и скандалъ будетъ! вотъ вамъ и магистерская степень! Нѣтъ, я говорю вамъ, что не буду вашей женой. Не буду!

— Будете.

Не выпуская руки Кати, шель Столбухинъ по аллеѣ и вступалъ въ полосу свѣта, то снова погружался съ своей женой въ полусумракъ и велъ съ ней длинный нескончаемый разговоръ. Она расточала всѣ доказательства противъ него. Она думывала всевозможные предлоги, подъ которыми откажется ему, а онъ на все отвѣчалъ упорнымъ словомъ: „будетъ“. Голосъ у него былъ какой-то деревянный, дурацкiй, и казалось Катѣ, и въ ея голосѣ стали слышаться слезы. Наконецъ, она не выдержала и разрыдалась.

— Подите прочь!—закричала она.—Какъ вы смѣете говорить мнѣ такъ?! Какъ смѣете говорить мнѣ это противное: „будете“?! Вы сами „будете“, а не я! Противный, противный Иванъ Никифорицъ!

Она высвободила руку и убѣжала отъ него.

— Папочка, папочка!—закричала она, выбѣгая на площадку изъ аллеи и видя, что на балконѣ сидитъ Алексѣй Васильевичъ.

— Что съ тобой, Катя?

— Ничего, папа.

— Ты одна? Гдѣ же Столбухинъ?

— Я не захотѣла съ нимъ ходить. Ты что дѣлаешь, папа?

— Я, мой другъ, ничего не дѣлаю, а смотрю на звѣзды,— отвѣчалъ Алексѣй Васильевичъ.

І. Ясинскій.

(Окончаніе будетъ).

НА ЗАКАТЪ.

Гляжу задумчиво на зарево заката,
Въ душѣ невольная рождается печаль...
Покровомъ розовымъ, какъ дымкою, объята
    Блѣднѣющая даль.

Еще дрожать лучи, еще спѣшитъ стыдливо
Природу обласкать прощальной лаской день,
Но въ глубинѣ полей тѣснится молчаливо
    Таинственная тѣнь.

Я вышелъ помечтать, настроенный уныло,
Не знаю почему, но гложетъ грусть меня:
Мнѣ жутко провожать державное свѣтило
    Умолкнувшаго дня.

Пусть солнце догоритъ, а съ утромъ, воскреся,
Заблещетъ въ небесахъ и ярче, и свѣтлѣй,
Но смерть лишь разъ придетъ, какъ злой скупецъ, считая
    Число минувшихъ дней.

Какъ много ихъ прошло, какъ остается мало...
Прекрасны прошлые, грядущіе темны,
И только въ юности мнѣ счастье послало
    Чарующіе сны.

Безпечный и парилъ на крыльяхъ вольной грезы,
Съ друзьями чуткими.. ихъ въ мѣрѣ нѣтъ теперь...
И одинокій я свожу итогъ, сквозь слезы,
    Испытанныхъ потерь.

Ихъ въ этомъ мѣрѣ нѣтъ!.. Померкнули ихъ очи
И сердце замерло подъ взоромъ смерти злой;
Такъ гаснетъ этотъ день, предъ грозной волей ночи,
Безильный и нѣмой...

Затрепеталъ вдали послѣдній мигъ заката,
Но солнце отдохнетъ и завтра вспыхнетъ вновь...
Лишь молодость, увы, промчалась безъ возврата—
Съ ней дружба и любовь.

Л. Медвѣдевъ.

Законъ и общинное землевладѣніе ¹⁾).

Можно буквально прійти въ ужасъ отъ разнообразныхъ данныхъ, приводимыхъ статистиками и гг. Пругавинымъ, Ремезовымъ, Благовѣщенскимъ и Сазоновымъ, въ доказательство того, что русское сельское населеніе, цѣлыми обществами и отдѣльными лицами,—постепенно, *больше и больше теряетъ свои земли*. Глубокопечальное явленіе это коснулось *всѣхъ* разрядовъ сельскихъ обывателей. Земля выскальзываетъ изъ рукъ и бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, и бывшихъ государственныхъ разныхъ наименованій, и бывшихъ удѣльныхъ, и бывшихъ колонистовъ, и резешей, и инородцевъ!.. Какой-то стремительный потокъ смываетъ тысячи семей съ ихъ дѣдовскихъ участковъ и бросаетъ въ пучину скитаній и нищеты. Масса сельскаго населенія лишается земли, столь дорого пріобрѣтенной; земля переходитъ въ руки немногихъ, подчасъ за безцѣнокъ, чуть не даромъ,—и съ каждымъ днемъ растетъ и ширится пропасть, отдѣляющая однихъ отъ другихъ въ предѣлахъ той же деревни.

Спрашивается, насколько законны *всѣ* извѣстные виды обезземленія крестьянъ, находятъ ли они опору и объясненіе въ законѣ, допускаются или воспрещаются имъ? Вопросъ этотъ—самый естественный и необходимый, ибо, съ одной стороны, *нарушеніе закона преслѣдуется и поправное право восстанавливается*; съ другой же,—*новые законы издаются въ отмену, измѣненіе или дополненіе прежнихъ*, а потому *могутъ быть и предлагаемы, и утверждаемы только тогда, когда существующіе законы неудовлетворительны или недостаточны*, когда именно разсмотрѣніе дѣйствующихъ постановленій указываетъ на необходимость изданія новыхъ.

Вообще, изслѣдовать указанные вопросы не только интересно въ теоріи, но и практически полезно. Недаромъ жизнь громко и постоянно задаетъ ихъ. Изслѣдованіе это приводитъ и къ выводамъ, совершенно неожиданнымъ, показывающимъ, въ какой сильной мѣрѣ жизнь страдаетъ отъ *господствующихъ несправныхъ воззрѣній* на настоящій предметъ ²⁾...

¹⁾ Статья эта была прочтена, въ формѣ доклада, въ гражданскомъ отдѣленіи С.-Петербургскаго Юридическаго общества 1 и 15 февр. 1891 г.

²⁾ Весьма любопытно, что истинный смыслъ закона о поземельныхъ

Общій, разсматриваемый въ настоящее время, вопросъ о поземельныхъ правахъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ-общинниковъ, по образцу которыхъ устроены также крестьяне удѣльные и поселенные на земляхъ государевыхъ и дворцовыхъ, равно бывшіе государственные крестьяне девяти западныхъ губерній и пр.,—общій вопросъ этотъ распадается на слѣдующіе частные вопросы:

1) Каково право владѣнія, пользованія и распоряженія надѣльною землею, принадлежащее общинамъ, когда онѣ составляютъ отдѣльныя сельскія общества,—а) въ продолженіе временно-обязанныхъ отношеній, б) по переходѣ на выкупъ и в) по окончательномъ погашеніи выкупныхъ ссудъ за земли? 2) Каково право владѣнія, пользованія и распоряженія землею, принадлежащее крестьянскому двору при общинномъ землевладѣніи,—а) въ продолженіе временно-обязанныхъ отношеній, б) по переходѣ на выкупъ и в) по окончательномъ погашеніи выкупныхъ ссудъ за земли? 3) Каково право владѣнія и пользованія надѣльною землею, принадлежащее отдѣльному крестьянскому двору, при выдѣлѣ и выкупѣ ея изъ общиннаго землевладѣнія по ст. 165 Положенія о выкупѣ? 4) Каковы права казны, земства, частныхъ обществъ и лицъ по производству съ крестьянъ разныхъ взысканій, т. е. могутъ ли крестьянскія общества и отдѣльные крестьяне лишаться своихъ надѣльныхъ земель при подобныхъ взысканіяхъ?

I.

Поземельныя права сельскихъ обществъ.

Итакъ, каковъ объемъ права владѣнія и пользованія надѣльною землею, принадлежащею общинамъ бывшихъ помѣщичьихъ

отношеній крестьянъ при общинномъ землевладѣніи во многомъ совпадаетъ съ положеніями *обычнаго права*, устанавливаемыми С. В. Пахманомъ въ сжатомъ, но превосходномъ очеркѣ, помѣщенномъ въ началѣ известнаго труда его: „Обычное гражданское право въ Россіи“.—Въ такомъ совладеніи закона съ обычаемъ выразилось, надо полагать, нѣкоторое взаимодѣйствіе между этими двумя формами права. Известно, что общинное землевладѣніе въ весьма значительной степени установилось и поддерживалось у насъ *законодательными мѣропріятіями*. А въ то же время оно составляетъ и составляло институтъ *обычнаго права*. Законъ, быть можетъ, исходилъ изъ обычая и, въ свою очередь, вліялъ на обычай. Затѣмъ происходило претвореніе закона въ обычай (случай, когда законъ пріобрѣтаетъ особую твердость)—т. е. дальнѣйшее развитіе закона въ сознаніи народа или приспособленіе къ указаннымъ имъ условіямъ существованія, подъ вліяніемъ прямыхъ житейскихъ обстоятельствъ.—С. В. Пахманъ справедливо говоритъ,—„что безъ указанія *условіи*, имѣвшихъ вліяніе на развитіе народныхъ понятій о владѣніи и собственности, были бы совершенно непонятны тѣ *особенности* юридическихъ воззрѣній, какія мы встрѣчаемъ въ обычномъ нашемъ правѣ по отношенію къ сферѣ имущественныхъ правъ“.

крестьянъ, когда эти общины составляютъ отдѣльныя сельскія общества: а) до выкупа, б) до погашенія выкупной ссуды, в) по окончательномъ выкупѣ?

Здѣсь мы прямо выдѣляемъ общины, составляющія отдѣльныя сельскія общества. Какъ приходилось уже замѣчать намъ, далеко не всегда община совпадаетъ съ сельскимъ обществомъ, но весьма часто нѣсколько общинъ соединены въ одно сельское общество. Законъ же знаетъ только сельскія и волостныя общества. Поземельная община совершенно неизвѣстна дѣйствующему нынѣ, общему для крестьянъ, закону (кромѣ закавказскихъ); законъ вовсе не касается ея и никакъ не опредѣляетъ. Оттого поземельная община, не совпадающая съ сельскимъ обществомъ, не имѣетъ никакого юридическаго значенія. Значеніе ея—чисто фактическое, права же обуславливаются большею частью случайными обстоятельствами и влѣянїями. Поземельную общину, не составляющую отдѣльнаго сельскаго общества, признаетъ только сама жизнь. Къ самой жизни, къ непосредственному изслѣдованію и нужно обращаться для сужденія о поземельныхъ правахъ общины въ каждомъ данномъ случаѣ. Мы же, наоборотъ, задаемся цѣлью выяснитъ разные вопросы именно на основаніи закона. Намъ нужно, такъ сказать, найти удѣльный юридическій вѣсь, законную силу извѣстныхъ вопросовъ.

А) *Временно-обязательныя отношенія*. Ст. 5 Мѣстн. пол. губ. великоросс., малорус. и бѣлорус. постановила, что извѣстное количество земли предоставляется въ постоянное пользованіе каждому сельскаго общества. Надѣлы предназначались не въ собственность, а въ пользованіе. Право же собственности на всѣ принадлежащія помѣщикамъ земли сохранялось за ними—статьею 3 Общаго положенія. (Земля, отошедшая въ надѣлъ крестьянамъ. по Положенію о земскихъ учрежденіяхъ, 1 января 1864 г., и по Учрежденію судебныхъ установленій 20 ноября 1864 г., продолжала составлять помѣщичій цензъ для участія въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ и для права быть избраннымъ въ мировые судьи). Но хотя это право собственности, кромѣ того, соединялось съ правомъ охоты, рыбной ловли,—все же оно очевидно ограничивалось. Это было право неполной собственности. Вполнѣ опредѣленнымъ оставалось все таки выраженіе—«постоянное пользованіе». Уплачивая извѣстный оброкъ или отправляя издѣльную повинность, крестьяне могли только безсрочно извлекать изъ земли ту пользу, которая въ ней заключалась. Брать землю на такихъ условіяхъ было обязательно для крестьянъ, также какъ для помѣщиковъ было обязательно надѣлять ея своихъ крѣпостныхъ. Нерушимость постоянного пользованія помѣщичьею землею проросткала изъ самой цѣли надѣленія: оно устанавливалось—«для обезпеченія быта крестьянъ и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ» (статья 3 Общихъ положеній, статья 5 Мѣстныхъ положеній). Самъ помѣщикъ никакъ не могъ лишитъ крестьянъ подобнаго обезпеченія. Эту идею освобожденія необходимо имѣть въ виду постоянно. Всѣ законоположенія 19 февраля 1861 года остаются ей вѣрными. Ею же

разрѣшаются сомнѣнія, возбуждаемыя нѣкоторыми другими статьями законоположеній 19 февраля. Когда кажется, что законоположенія эти какъ бы допускаютъ отчужденіе крестьянской земли,— слѣдуетъ обращаться къ основной цѣли надѣленія землею и истолковывать смыслъ сомнительныхъ статей въ пользу нерушимости крестьянскаго землевладѣнія или землепользованія. Да и странно, еслибы было иначе, такъ какъ земля доставалась крестьянамъ слишкомъ дорого, и невозможно было допустить, чтобы она могла легко ускользнуть изъ ихъ рукъ. Для чего же было обязывать брать ее? Ст. 113 съ примѣчаніями Мѣстнаго положенія губ. великорус., новорос. и бѣлорус. предоставляетъ, впрочемъ, обществамъ и извѣстное право *распоряженія* землею,—но только *въ объемъ, ограничиваемомъ необходимостью*, и то относительно полевой, а не усадебной земли. На основаніи этой статьи—«мірская полевая земля (пашни, покосы и др. угодья) остается въ *общинномъ* пользованіи крестьянъ», которымъ она отведена. Въ примѣчаніи же объясняется, что такое общинное пользованіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается, что въ немъ заключается именно нѣкоторое *право распоряженія*:— «общиннымъ называется то *обычное* пользованіе, при которомъ земли, по приговору міра, *передѣляются* или *распредѣляются* между крестьянами по душамъ, тягламъ или инымъ способомъ, а повинности, наложенныя за землю, отбываются за круговою порукою». Передѣлы же и распредѣленія входятъ вполнѣ въ область распоряженія землею. Слѣдующія статьи и устанавливаютъ за обществами право распоряженія полевой землею, даже въ смыслѣ *раздѣла* ея на подворные участки, по приговору двухъ третей домохозяевъ и съ согласія помѣщика. *Но этимъ и ограничивается право распоряженія надѣльною землею* со стороны крестьянскихъ обществъ. Не только не предоставляется имъ ничего большаго, наоборотъ: общее положеніе *воспрещаетъ* формы распоряженія землею, при которыхъ постороннія физическія и юридическія лица могли бы получать на нее вещное право. Такъ, примѣчаніе 2 къ ст. 22 устанавливаетъ: «земли, отведенныя помѣщиками въ пользованіе крестьянъ, не могутъ, *ни въ какомъ случаѣ*, служить залогами по договорамъ и обязательствамъ крестьянъ съ казною или отдѣльными лицами». Ограниченіе это было, конечно, излишне, такъ какъ, по нашимъ законамъ, и нельзя закладывать имуществъ, не принадлежащихъ въ собственность залогодателю. Но это замѣчаніе было все же не бесполезно. Ибо такой выборъ требуетъ извѣстнаго юридическаго развитія отъ лицъ, руководствующихся закономъ. Казуистическій же характеръ законодательства имѣетъ свои выгоды при примѣненіи его среди юридически неразвитаго населенія. Такъ, распорядиться землею не могъ не только отдѣльный домохозяинъ, но и цѣлое общество: оно никакъ не могло выходить изъ начертанныхъ ему предѣловъ распоряженія. Предѣлы же эти очерчивались съ крайнею осторожностью; это были именно *предѣлы необходимости*. (Въ прежнихъ законахъ о бывшихъ государственныхъ крестьянахъ такое распоряженіе называлось «внутреннимъ распоряженіемъ»: ст. 670 т. IX Зак. о сост., изд. 1857 г.).

По выраженію сената, — «изъ сопоставленія весьма многихъ

статей положеній 19 февраля 1861 г. видно, что, по отношенію къ выраженіямъ: *пользованіе и владѣніе*, положенія не проводили между ними такого строгаго раздѣленія, какое встрѣчается въ гражданскихъ законахъ». (Сборникъ г. Горемыкина, рѣш. отъ 29 сентября 1887 г., стр. 450). Замѣчаніе это вполне справедливо по отношенію къ терминологіи законоположеній 19 февраля 1861 г. Они весьма неудовлетворительны по частому употребленію однихъ и тѣхъ же словъ для обозначенія различныхъ понятій и, вообще, по крайней неточности, неопредѣленности, подчасъ краткости, а иногда излишней растянутости изложенія. Но, по отношенію къ понятіямъ о владѣніи, пользованіи и распоряженіи—положенія 19 февраля и не могли вполне совпадать съ гражданскими законами. Напрасно и отыскивать подобныхъ совпадений, какъ постоянного явленія, ибо поземельныя отношенія крестьянъ и помѣщиковъ опредѣлялись на особыхъ основаніяхъ—*не одного гражданского, но и государственнаго права*. И право собственности на землю, и всѣ составныя его части—приобрѣтали тутъ совсѣмъ особое значеніе. Но законодатели 19 февраля все же неизбежно отирались отъ выраженій и понятій дѣйствовавшаго тогда гражданскаго права. И если употреблявшіяся ими выраженія не могли совершенно совпадать съ выраженіями гражданскихъ законовъ,—то все же они и не употреблялись совершенно безразлично. Слѣдовательно, самыя понятія могутъ быть возстановляемы иногда вполне согласно съ обозначающими ихъ выраженіями и смыслъ ихъ можетъ быть освѣщаемъ общими гражданскими законами. Но къ подобному *освѣщенію* нужно прибѣгать съ крайнею осторожностью, не говоря уже о томъ, что *невозможно* точно примѣнять къ крестьянамъ начала дѣйствующаго гражданского права.

Такимъ образомъ, для обозначенія отношеній къ землѣ временно-обязанныхъ крестьянъ, нигдѣ не употреблено слово «владѣніе». Это и понятно, если принять во вниманіе, что самая собственность верѣдко называется у насъ *вѣчнымъ владѣніемъ*. Право собственности на землю по статьѣ 3-ей Общ. пол. сохранялось за помѣщиками—и законоположенія 19 февраля, при всей невѣержанности употребляемыхъ въ нихъ выраженій, обнаруживаютъ должную осторожность по отношенію къ слову «владѣніе». Однако, рядомъ съ правомъ неполнаго, хотя постоянного пользованія—и ограниченнаго необходимостью—распоряженія, временно-обязаннымъ крестьянамъ все таки принадлежало же извѣстное право *владѣнія* отведенными имъ въ надѣлъ землями. Отношенія ихъ къ землѣ были слишкомъ близки и безусловны, чтобы не было у нихъ такого права. Только оно само собою подразумѣвалось, ибо было *зависимымъ* владѣніемъ,—тѣмъ владѣніемъ, которое не сливается съ правомъ собственности. Таковымъ представлялось установленное законоположеніями 19 февраля 1861 г. отношеніе къ землѣ *сельскихъ обществъ временно-обязанныхъ крестьянъ*.

Б) *Переходъ на выкупъ*. Временно-обязательныя отношенія въ настоящее время окончились почти повсемѣстно.—Такъ крестьяне губерній виленской, ковенской и минской, а также динабургскаго, дризенскаго, люцинскаго и рѣжицкаго уѣздовъ витебской

губерніи—перешли на выкупъ и сдѣлались крестьянами-собственниками еще съ 1 мая 1863 г. (указъ 1 марта 1863 г., прод. 1863 г.); крестьяне другихъ западныхъ губерній: кievской, подольской и волынской—съ 1 сентября того же г. (указъ 30 юлія 1863 г., прод. 1864 г.); крестьяне могилевской губерніи и нѣкоторыхъ уѣздовъ витебской—съ 1 января 1864 г. (указъ 2 ноября 1863 г., прод. 1864 г.). Въ свою очередь, крестьяне имѣніи государевыхъ, удѣльныхъ и дворцовыхъ стали крестьянами-собственниками, выплачивающими выкупныя ссуды, съ 26 юлія 1865 г. (положеніе 26 юлія 1863 г., прод. 1864 г.). Затѣмъ, бывшіе помѣщичьи крестьяне большей части губерній европейской Россіи переведены на *обязательный выкупъ* съ 28 декабря 1881 г. (прод. 1883 г.). Далѣе, поселяне бессарабской губерніи также поступили на обязательный выкупъ съ 14 юлія 1888 г. (прод. 1889 г.). Наконецъ, состоятъ нынѣ на выкупѣ, на равныхъ основаніяхъ съ помѣщичьими крестьянами, и бывшіе государственные крестьяне девяти западныхъ губерній, по закону 16 мая 1867 г. (прод. 1868 г.). Такимъ образомъ, громаднѣйшее большинство бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ настоящее время суть *крестьяне-собственники*, вносящіе за землю выкупныя платежи и не погасившіе еще выкупныхъ ссудъ. А потому, подлежащій теперь нашему разсмотрѣнію вопросъ о поземельныхъ правахъ обществъ такихъ крестьянъ есть весьма важный и практическій вопросъ о тѣхъ правахъ, которыя въ настоящее время, въ дѣйствительности, принадлежатъ громаднѣйшему большинству крестьянъ. Поземельныя права крестьянъ-собственниковъ, не погасившихъ еще всей выкупной ссуды, опредѣлены въ 159 и слѣдующихъ статьяхъ Положенія о выкупѣ. Въ статьѣ этой прямо сказано: «Правила, изложенныя въ нижеслѣдующихъ статьяхъ, относятся до земель, по коимъ выкупная ссуда еще не уплачена». Правила эти, прежде всего, весьма кратки. Притомъ же, въ нихъ говорится о земляхъ, находящихся и въ общинномъ и въ подворномъ владѣніи. *Тѣ и другія статьи смѣшаны*,—и это нужно имѣть постоянно въ виду. Статей, опредѣляющихъ именно общинное землевладѣніе, занимающее насъ въ настоящую минуту, весьма мало. Изъ нихъ же ст. 160 устанавливаетъ: «Когда земля выкуплена цѣлымъ сельскимъ обществомъ, то она признается *собственностью всего общества*». Но такого рода признаніе вовсе не развязываетъ рукъ крестьянамъ-собственникамъ. Слова: «собственникъ», «собственность» совсѣмъ не даютъ основаній думать, что тутъ имѣется въ виду распространеніе на крестьянскія общества права полной частной собственности, которое развивается въ гражданскомъ законодательствѣ. Еще менѣе основаній полагать,—какъ дѣлаютъ нѣкоторые, не входя въ разсмотрѣніе законоположеній о крестьянахъ,—что здѣсь подразумѣвается римское понятіе о правѣ частной собственности. Положеніе о выкупѣ развиваетъ совсѣмъ *особое* понятіе о правѣ собственности крестьянскихъ обществъ на не выкупленную окончательно землю. Это право собственности имѣетъ характеръ весьма ограниченный. Та же ст. 160, упомянувъ о немъ, немедленно же излагаетъ его въ ограничительномъ смыслѣ. Она не помышляетъ, что крестьянское общество можетъ свободно, по своему

усмотрѣнію, какъ частный собственникъ, владѣть, пользоваться и распоряжаться выкупленною землею. Ст. 160 говоритъ только, что общество «пользуется правомъ *разверстки* оной (земли) между своими членами». Казуистическій характеръ законоположенія о выкупѣ и здѣсь оказывается полезнымъ, въ смыслѣ упроченія крестьянскаго землевладѣнія. Ибо, при такомъ его свойствѣ, крестьянамъ далеко не представляется возможнымъ понимать распространительное право распоряженія землею. Законъ, предоставляя крестьянскому обществу (ст. 160 Пол. о вык.) право разверстки земли по приговору двухъ третей голосовъ на сходѣ, предоставляя также (статьею 163) право раздѣла земли на подворные участки и статьею 165—устанавливая право выдѣла подворныхъ участковъ отдѣльнымъ домохозяевамъ,—въ ст. 170-й уже кладетъ запретъ: «До погашенія выкупной ссуды, приобретенная сельскимъ обществомъ или отдѣльнымъ крестьянскимъ дворомъ земля не можетъ быть представлена въ залогъ, ни для полученія ссуды изъ кредитнаго учрежденія, ни по обязательствамъ съ казною». Подобнаго права распоряженія не получаютъ и крестьяне-собственники, также какъ не имѣли его временно-обязанные крестьяне. Мало того, ст. 171 внушаетъ еще болѣе осторожность въ распоряженіи «собственною» землею, еще болѣе ограничиваетъ это распоряженіе, на сей разъ общимъ положеніемъ: «Никакою частною сдѣлкою крестьянъ и крестьянскихъ обществъ, по отдачѣ въ наемъ выкупленныхъ ими земель или по другимъ обязательствамъ, не стѣсняется право правительства обращать законное взысканіе на сіи земли, въ случаѣ неисправности во взносъ выкупныхъ платежей и вообще во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ общими законами и положеніями о крестьянахъ такое взысканіе допускается»...

Но, ограничивая и вмѣстѣ съ тѣмъ оставляя неопредѣленнымъ право распоряженія землею, Положеніе о выкупѣ, въ противорѣчіе себѣ, какъ бы предоставляетъ крестьянскимъ обществамъ право отчужденія земли. Именно въ ст. 161 говорится: «Сельское общество до 1870 г. не могло отчуждать приобретенныхъ земель». А по прошествіи этого времени? Ст. 162 отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно, но однако такъ, что осуществленіе права распоряженія землею, въ смыслѣ ея отчужденія, дѣлается *невозможнымъ*. Дѣло въ томъ, что ст. 162 говоритъ *только* слѣдующее: «По истеченіи 9 лѣтъ, но до уплаты выкупной ссуды, общество можетъ отчуждать приобретенныя имъ земли, подъ которыя выдана сія ссуда, не иначе какъ съ разрѣшенія губернскаго присутствія и со взносомъ вырученныхъ за проданныя земли денегъ, въ счетъ остающагося по выкупной ссудѣ долга». *Никакихъ* указаній не даетъ далѣе по этому предмету законъ. Какимъ же порядкомъ можетъ быть совершено отчужденіе земли? Конечно, по приговору сельскаго схода. Но въ какомъ составѣ? *Разрѣшить этотъ вопросъ невозможно не только ссылками на точныя постановленія, но и на основаніи общаго духа законовъ о крестьянахъ.*

Самаго права прибѣгать къ общему духу законодательства, какъ оно установлено въ ст. 65 т. I, ч. 1, законовъ основныхъ,—не можетъ быть здѣсь. Ибо статья эта, предписывая вообще ру-

ководствоваться *буквальнымъ* смысломъ законовъ, во второй своей части допускаетъ только слѣдующее исключеніе: «Но, еслибы гдѣ либо, по различію буквального смысла узаконеній, встрѣтилось затрудненіе въ избраніи и приложеніи закона къ разсматриваемому дѣлу, въ такомъ случаѣ, *по невозможности согласить буквальный смыслъ одного закона съ таковымъ же другаго*, самая необходимость предписываетъ, особенно въ высшихъ мѣстахъ, слѣдовать общему духу законодательства и держаться смысла, наиболѣе оному соотвѣтствующаго». Слѣдовательно, законъ допускаетъ разрѣшать вопросы на основаніи общаго духа законодательства только въ исключительныхъ и строго опредѣленныхъ случаяхъ. Это возможно только тогда, когда извѣстный предметъ опредѣляется двумя или *нѣсколькими* постановленіями, между собою противорѣчивыми. Совсѣмъ нельзя, напротивъ, обращаться къ общему духу законодательства, когда на какой либо предметъ вовсе нѣтъ закона. Въ подобныхъ случаяхъ долженъ быть возбуждаемъ *законодательный вопросъ*, — объ изданіи новаго закона. Такъ и въ настоящемъ случаѣ. Законъ не опредѣляетъ составленія приговора объ отчужденіи земли ни простымъ большинствомъ, ни большинствомъ двухъ третей, ни единогласно. Онъ вовсе не говоритъ объ этомъ нигдѣ, ни въ Положеніи о выкупѣ, ни въ Общемъ положеніи, ни въ Мѣстныхъ положеніяхъ. Тутъ совсѣмъ не приходится сталкиваться съ «невозможностью согласить буквальный смыслъ одного закона съ таковымъ же другаго». Здѣсь нѣтъ ни «одного», ни «другаго» закона. Слѣдовательно, ни одно учрежденіе и не можетъ вывести опредѣленіе подобнаго обстоятельства изъ общаго духа законовъ. *Такимъ образомъ, крестьяне-собственники не могли отчуждать землю, за которую они взносятъ выкупные платежи, и по прошествіи 9 лѣтъ*, т. е. начиная съ 1870 г., вслѣдствіе такихъ формальныхъ недостатковъ въ опредѣленіи ихъ права, которые дѣлали невозможнымъ его осуществленіе.

Справедливость этого вывода подтверждается двумя примѣчаніями къ ст. 86 Положенія о губ. и уѣз. учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ, изд. 1876 г., и третьимъ примѣчаніемъ къ той же статьѣ по прод. 1886 г. Именно, высочайше утвержденными 11 іюля 1863 г., 30 октября 1870 г. и 27 ноября 1876 г., положеніями главнаго комитета, на которыхъ основаны эти примѣчанія опредѣленъ весьма сложный порядокъ заключенія добровольныхъ сдѣлокъ даже по простому обмѣну и разграниченію земель между крестьянами-собственниками и посторонними лицами. Тутъ требуется, между прочимъ, соглашеніе министерствъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, и наблюденіе за тѣмъ, чтобы «крестьяне получили участки возможно равные по достоинству отходящимъ отъ нихъ землямъ». Очевидно, что если потребовалось опредѣленіе въ такомъ порядкѣ сдѣлокъ, при которыхъ земли не отходятъ отъ крестьянъ безвозвратно, то тѣмъ менѣе возможно обойтись безъ опредѣленія закономъ окончательнаго отчужденія крестьянами-собственниками своихъ земель. Тутъ, естественно, необходимъ еще болѣе сложный порядокъ. Притомъ же рѣчь идетъ здѣсь объ юридическомъ, а не о физическомъ лицѣ. Права же и обязанности

лица юридическаго не могутъ быть истолковываемы также, какъ права и обязанности лица физическаго. Ибо юридическія лица призываются къ жизни государственною властью и какъ дѣятельность ихъ, такъ и самое ея прекращеніе подчиняются всегда точнымъ опредѣленіямъ, имѣющимъ значеніе сепаратныхъ законовъ.— Трудно допустить, кромѣ того, чтобы для продажи земли было достаточно большинства двухъ третей голосовъ. Цѣль закона—обезпечить крестьянъ землемъ—слишкомъ ясна. Между тѣмъ, здѣсь одна треть лицъ, вовсе не желающихъ продавать землю, волей-неволей, должна была бы идти поміру... Права ихъ понирились бы слишкомъ грубо. Необходимость свободнаго соглашенія каждаго члена общества на продажу, поэтому, очевидна. И какъ же не требовалось бы здѣсь единогласное рѣшеніе, если оно требуется закономъ даже для перехода отъ подворнаго землевладѣнія къ общинному? Конечно, крестьянскій дворъ, не желающій продавать свой участокъ, долженъ получить опредѣленное право — требовать выдѣла себѣ этого участка. Такъ вопросъ этотъ и разрѣшенъ закономъ 9 мая 1878 г. о продажѣ башкирами ихъ земель. Хотя продаваемые ими земли могутъ быть только *излишними*, — остающимися сверхъ надѣла (въ пятнадцать десятинъ) каждой ревизской души, — тѣмъ не менѣе, вотчиннику-башкиру, не соглашающемуся на продажу общественныхъ земель, предоставляется именно *право требовать выдѣла причитающейся ему части*.

Такимъ образомъ, крайне неопредѣленные законы — именно своею неопредѣленностью — неизмѣнно охраняютъ нерушимость крестьянскаго землевладѣнія. И, если желательны прямыя постановленія въ этомъ смыслѣ, то не слѣдуетъ упускать изъ виду и эти косвенныя постановленія, съ ихъ благопріятнымъ для крестьянства значеніемъ.

Вообще, если при опредѣленіи поземельныхъ правъ крестьянскихъ обществъ, до погашенія выкупныхъ ссудъ, и употребляются въ законѣ выраженія: «собственность» и «владѣніе», то, тѣмъ не менѣе, ближайшее изслѣдованіе относящихся сюда статей закона показываетъ, что таковыя общества, въ сущности, обладаютъ правомъ владѣнія и распоряженія надѣльною землею немного болѣе широкимъ, чѣмъ общества временно-обязанныхъ крестьянъ.

В) *Посль погашенія выкупной ссуды*. Вторую часть статьи 159 Полож. о выкупѣ прямо устанавливается: «По уплатѣ сей (выкупной) ссуды распространяются на выкупленные земли правила, установленныя въ Общемъ положеніи о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, въ отношеніи земель, приобретенныхъ ими крестьянами *въ собственность*». Указаніе, какъ видно, дѣлается вполне ясное и несомнительное, но вовсе не въ смыслѣ опредѣленія объема поземельныхъ правъ крестьянъ-собственникововъ. Здѣсь несомнительно и ясно указывается одно, — что стѣтвовъ на вопросы о правахъ сельскихъ обществъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ относительно ихъ общинныхъ надѣльныхъ земель, окончательно выкупленныхъ — нужно искать *только въ Общемъ положеніи*. Какіе же отвѣты даетъ это Общее положеніе? Самое старательное изслѣдованіе его показываетъ, что оно не

даетъ почти *никакихъ* отвѣтовъ на вопросы о поземельныхъ правахъ обществъ крестьянъ-собственниковъ, на случай окончательнаго погашенія выкупныхъ ссудъ. Не только прямыхъ, но и косвенныхъ указаній нельзя вывести изъ Общаго положенія. Вторая часть примѣчанія 1 къ ст. 22 гласитъ неизмѣнно: «Земли, отданныя помѣщиками въ пользованіе крестьянамъ, не могутъ, *ни въ какомъ случаѣ*, служить залогомъ по договорамъ и обязательствамъ крестьянъ съ казною или съ частными лицами». Можно предполагать, что это примѣчаніе имѣло силу только относительно временно-обязанныхъ крестьянъ. Но одинаково можно считать его имѣющимъ значеніе и относительно крестьянъ, выкупившихъ окончательно надѣльную землю, и крестьянъ-собственниковъ, до погашенія выкупной ссуды. Право распоряженія, даже и въ смыслѣ залога, не расширено никакими новыми постановленіями. Но не распространены ли на крестьянскія общества, выкупившія земли, *общіе гражданскіе законы* въ отношеніи владѣнія, пользованія и распоряженія землею? *Нимало не распространены*. Нѣтъ и рѣчи о томъ, чтобы крестьянскія общества могли владѣть, пользоваться и распоряжаться выкупленными ими надѣльными землями на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ, въ предѣлахъ статей 550—556 т. I, ч. 1, ибо, въ такомъ случаѣ, надо бы отмѣнить добрую половину статей Особаго приложенія къ законамъ о состояніяхъ. Сельскія общества пришлось бы видѣть распадающимися, цѣльный рядъ отношеній остался бы безъ всякаго опредѣленія. Но никакихъ измѣненій на такого рода случаи, когда выкупныя ссуды будутъ окончательно погашены всѣми крестьянами,—не указано. Въ примѣчаніи къ ст. 551 т. I, ч. 1, зак. гр., наоборотъ, прямо выражено: «Особыя правила о раздѣлахъ и передѣлахъ земель сельскихъ обывателей изложены въ Особомъ приложеніи къ законамъ о состояніяхъ». Точно также и въ примѣчаніи къ ст. 552 указано: «Особыя правила о пользованіи и распоряженіи землею состоящею въ общемъ владѣніи сельскихъ обывателей, изложены *въ Особомъ приложеніи* къ законамъ о состояніяхъ (изд. 1876 г.) и *въ мѣстныхъ положеніяхъ* о поземельномъ устройствѣ». Но эти новыя ссылки и на Общее положеніе, и на прочія законоположенія 19-го февраля 1861 г. мало измѣняютъ положеніе вопроса. Опять Общее положеніе не даетъ никакихъ точныхъ указаній относительно выкупленныхъ земель. Предѣлы вѣдѣнія и порядокъ дѣйствій сельскихъ обществъ въ ихъ административно-хозяйственной дѣятельности остаются совершенно неизмѣнными. Въ ст. 51—54, по прежнему, не указано права сельскаго общества на отчужденіе земель и вообще на распоряженіе ими, болѣе широкое, чѣмъ какимъ обладало оно при существованіи временно-обязанныхъ отношеній или по отношенію къ землямъ, не выкупленнымъ еще окончательно. Очень естественно, что не указано здѣсь и порядокъ осуществленія подобнаго права. На это нѣтъ и намековъ. И ужъ во всякомъ случаѣ нельзя предполагать за крестьянскими обществами права отчужденія названныхъ земель. Ст. 34 Общаго положенія показываетъ, насколько общество ограничено даже въ распоряженіи землею, *приобрѣтенною на сторонѣ*, въ частную со-

ственность: «Землями,—говорится здѣсь,—приобрѣтенными въ собственность *независимо отъ своего надѣла*, общество можетъ распоряжаться по своему усмотрѣнію»... Какъ же именно? «Раздѣлять ихъ между домохозяевами—поясняетъ ст. 34—и предоставлять каждому участокъ въ частную собственность или оставлять сіи земли въ общемъ владѣніи всѣхъ домохозяевъ».

Статья 159 Пол. о выкупѣ какъ бы приравниваетъ окончательно выкупленные надѣльные земли къ землямъ, приобретеннымъ въ собственность, независимо отъ надѣла. Но и тогда распоряженіе ими представляется, какъ видно, весьма ограниченнымъ. Кромѣ того, если въ ст. 37 говорится: «Приобрѣтенными въ собственность, на основаніи статей 11—12 сего положенія, землями крестьянскаго надѣла и выкупленными усадьбами крестьяне пользуются и распоряжаются, какъ своимъ достояніемъ, на правилахъ, изложенныхъ въ предшедшихъ статьяхъ (33—36), *съ соблюденіемъ тѣхъ условій, на основаніи коихъ усадьбы и земли приобретены*»,—то, помимо ~~последнихъ~~ *ограничительныхъ* словъ, вовсе не предпосылающихъ къ общимъ гражданскимъ законамъ, примѣчаніе первое къ этой статьѣ *еще болѣе ограничительно* указываетъ: «О порядкѣ пользованія и распоряженія землями крестьянскаго надѣла, которыя будутъ приобретены крестьянами въ собственность, съ пособіемъ отъ правительства, излагаются *подробныя правила въ Полож. о выкупѣ* крестьянами усадебной осѣдлости и о содѣйствіи правительства къ приобретению ими въ собственность полевыхъ *угодій*».

Такимъ образомъ, Положеніе о выкупѣ ссылается на Общее положеніе; Общее положеніе, въ свою очередь, ссылается на Положеніе о выкупѣ; законы же гражданскіе отсылаютъ ко всѣмъ законоположеніямъ о сельскомъ состояніи...

Правда, всѣ эти ссылки сдѣланы въ кодификаціонномъ, а не въ законодательномъ порядкѣ. Но, и не убѣдившись ими и обратившись все таки къ законамъ гражданскимъ, нельзя найти въ послѣднихъ разрѣшенія ни одного изъ указанныхъ вопросовъ. Нынешнимъ законамъ гражданскимъ совершенно неизвѣстно общинное землевладѣніе. Въ нихъ нѣтъ и опредѣленій касательно крестьянскихъ дворовъ, какъ юридическихъ лицъ. Не указано, естественно, въ законахъ и порядка дѣйствій этихъ юридическихъ лицъ. Кромѣ того, по общему правилу статьи 21 Общаго положенія съ примѣчаніемъ, дѣйствіе общихъ гражданскихъ законовъ среди крестьянъ представляется весьма ограниченнымъ. Вообще, вопросъ о правахъ крестьянскихъ обществъ на окончательно выкупленную надѣльную землю представляется совершенно неразрѣшимымъ обыкновеннымъ порядкомъ и требуетъ *законодательнаго* вмѣшательства.

II.

Поземельныя права отдѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ.

Выяснимъ теперь право владѣнія, пользованія и распоряженія надѣльною землею, принадлежащее отдѣльному крестьянскому двору у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ при общинномъ землевладѣнїи,—а) въ продолженіе временно-обязанныхъ отношеній, б) до погашенія выкупныхъ ссудъ и в) по окончательномъ выкупѣ.

Здѣсь слѣдуетъ имѣть въ виду *три* главные и весьма важныя обстоятельства, положительно вліяющія на права дворовъ:

1) *Надѣленіе обществъ*. Юридическое существо общиннаго землевладѣнія заключается въ томъ, что право на землю принадлежитъ юридическому лицу—сельскому обществу. Крестьянскій же дворъ можетъ простираť на такую землю извѣстныя права только въ предѣлахъ, указанныхъ распоряженіемъ сельскаго общества. Уже заранѣе можно сказать на одномъ этомъ общемъ основанїи, что крестьянскому двору принадлежитъ весьма ограниченное право на землю, а если вспомнить, что право на надѣльную землю самихъ сельскихъ обществъ оказывается весьма не широкимъ, а подчасъ неразрѣшимо-неопредѣленнымъ и при временно-обязательныхъ отношеніяхъ, и по переходѣ на выкупъ, и по окончательномъ погашенїи выкупныхъ ссудъ,—*то опять тѣмъ болѣе ограниченнымъ и неопредѣленнымъ* должно быть признано заранѣе такое же право отдѣльнаго крестьянскаго двора. Въ поземельномъ же отношенїи, подчиненность обществу отдѣльнаго крестьянина вообще установлена въ сильной степени, ибо самая земля отводилась обществамъ освобождавшихся крестьянъ съ опредѣленною и ясно выраженною цѣлью — «для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ». На какихъ же основанїяхъ и почему именно отводилась она цѣлымъ сельскимъ обществамъ, какую это предполагало зависимость отдѣльнаго крестьянина отъ общества? Отвѣтомъ на это служатъ слова главнаго дѣятеля освобожденія, Ростовцева, высказанныя въ одномъ изъ его всеподданнѣйшихъ писемъ: «безъ міра помѣщикъ не собралъ бы своихъ доходовъ ни оброкомъ, ни трудомъ, а правительство—своихъ податей и повинностей». (*Матеріалы редакціонныхъ комисій*), т. I, кн. 1, стр. 250).

Если же міръ былъ необходимъ и учреждался, то, съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ облекался и достаточными полномочїями.

Такова другая черта *общаго духа* законодательства о крестьянахъ. Ее также нужно имѣть въ виду, въ особенности когда возникаетъ кажущаяся возможность болѣе или менѣе широко истолковывать слова закона о поземельныхъ правахъ крестьянскаго двора при общинномъ землевладѣнїи.

2) *Надѣленіе цѣлыхъ семействъ въ предѣлахъ обществъ*. Второе весьма важное обстоятельство такого же свойства заключается въ

томъ, что въ предѣлахъ сельскихъ обществъ земля отводилась не отдѣльнымъ крестьянамъ или домохозяевамъ, а цѣлымъ семействамъ, крестьянскимъ *дворами*, соразмѣрно съ числомъ ихъ ревизскихъ душъ, то есть душъ мужскаго пола, записанныхъ по десятой ревизіи 1858 г. Нельзя не привести по этому поводу слѣдующаго весьма яркаго и вѣрнаго разсужденія гражданскаго кассаціоннаго департамента отъ 30 мая 1884 г. «Въ крестьянскомъ быту—разсуждалъ сенатъ—издревле сохранилось семейное начало: *семья составляетъ единицу политическую и экономическую*. Еще до изданія положеній о крестьянахъ 19 февраля 1861 г., сельскія общества составлялись изъ отдѣльныхъ *семействъ*, мірская семья распредѣлялась по семействамъ; при переселеніи крестьянъ отводились имъ семейные участки» (ст. 5448, 5449, 5450, т. II, ч. 1, ст. 670 т. IX, 27, 104—120 ст. т. XII, ч. 2, Уст. благ. каз. сел.). Самое народосчисленіе велось по семьямъ,—отдѣльными семьями писались ревизскія сказки, семейные списки; семейство отбывало рекрутскую и и другія повинности, дѣти мужскаго пола составляли нераздѣльную часть семьи отца, *хозяйство семьи составляло нераздѣльную принадлежность всего семейства*. Въ каждой семьѣ старшій членъ былъ распорядителемъ хозяйства, представителемъ, хозяиномъ семьи, и такъ какъ семья жила въ совокупности въ одномъ домѣ, въ одномъ дворѣ, то нерѣдко и само семейство именуется *дворомъ*, а старшій представитель семьи—*домохозяиномъ*. Съ изданіемъ положеній 19 февраля 1861 г., законодательство не ввело никакихъ измѣненій во внутреннюю жизнь крестьянскаго сословія, исторически сложившуюся; оно лишь издало правила объ улучшеніи быта крестьянъ, даровавъ имъ имущественныя и личныя права и не касаясь ихъ бытовой жизни; хотя раскладка и производится по душамъ, но та же семья, въ составѣ извѣстнаго количества душъ и съ хозяиномъ во главѣ, является и обладателемъ, и распорядителемъ земельного и усадебнаго участка; точно также отождествляются понятія о семействѣ и дворѣ, о старшемъ членѣ семьи и домохозяинѣ. «Обзоръ указанныхъ началъ приводитъ къ заключенію — говоритъ сенатъ—что выраженіями: *дворъ, домъ* изображается понятіе о *семействѣ*; что домохозяинъ называется таковымъ не потому собственно, что онъ имѣетъ домъ, усадебную осѣдность, а какъ старшій членъ семьи, имѣющій въ своемъ владѣніи и землю, и хозяйство, какъ распорядитель, хозяинъ, представитель семьи».

Разсужденіе это можетъ быть оправдано цѣлымъ рядомъ новыхъ статей изъ законоположеній 19 февраля 1861 г. Если же вся сумма правъ въ общинномъ землевладѣніи возлагается на крестьянское семейство или крестьянскій дворъ,—то права отдѣльныхъ крестьянъ не только приобрѣтаютъ уже третъестепенную подчиненность, но о нихъ не приходится и говорить. Законъ не знаетъ отдѣльныхъ крестьянъ въ извѣстной семьѣ или домохозяйствѣ до тѣхъ поръ, пока они,—установленнымъ, весьма сложнымъ порядкомъ, съ надлежащаго разрѣшенія,—не отдѣлятся и не образуютъ самостоятельнаго хозяйства. Но и въ такомъ случаѣ, съ того же момента, вновь *права ихъ поглощаются правами ихъ*

отдѣльнаго семейства, какъ юридическаго лица. Они только представляютъ интересы этого юридическаго лица, когда являются членами сельскаго схода, уполномоченные притомъ *обычаемъ*, а не общимъ закономъ, — *обычаемъ*, сообразующимся съ частными обстоятельствами. Насколько имѣется здѣсь въ виду именно семья, дворъ, показываетъ разъясненіе сената отъ 27 ноября 1886 г. Имъ признано, что временное устраненіе крестьянина отъ участія въ сходѣ, въ порядкѣ п. 2 ст. 51 Общаго положенія, какъ *высказаніе личное*, не распространяется на крестьянскій дворъ, къ которому принадлежитъ устраненный. (Сборникъ, изд. г. Горемыкина, 1889 г., стр. 397). Законъ явно предполагаетъ за дворомъ нѣчто *цѣльное*. Въ какой мѣрѣ, затѣмъ, несамостоятеленъ отдѣльный крестьянинъ при общинномъ землевладѣніи и насколько обладателемъ поземельныхъ правъ должно являться тутъ крестьянское семейство, крестьянскій дворъ, — показываетъ ст. 176 Положенія о выкупѣ, относящаяся къ *подворному* землевладѣнію: «Каждый крестьянинъ, — говорится здѣсь, — принадлежащій къ составу крестьянскаго двора, приобрѣвшаго землю въ личную собственность, съ выдачею отъ правительства выкупной ссуды, можетъ требовать увольненія изъ общества, если на сіе изъявить согласіе домохозяинъ, на ближайшей отвѣтственности котораго лежитъ исправный взносъ выкупныхъ платежей». Статьѣ этой соответствуетъ статья 143 Мѣстнаго положенія губерній малороссійскихъ — черниговской, полтавской и харьковской, по которой отдѣльный крестьянинъ, принадлежащій къ составу двора, надѣленнаго землею, могъ требовать увольненія изъ общества, «если хозяинъ того двора изъявлялъ согласіе на увольненіе, не отказываясь отъ дальнѣйшаго содержанія состоявшаго за нимъ участка».

Что же такое «личная собственность», о которой упоминается, и не одинъ разъ, въ законоположеніяхъ о крестьянахъ? Это есть *собственность всего крестьянскаго двора*, даже при подворномъ землевладѣніи. Домохозяинъ, какъ представитель крестьянскаго двора, несетъ только ближайшую отвѣтственность въ исправномъ взносѣ платежей и при выкупѣ. Въ дальнѣйшихъ же степеняхъ, отвѣтственность эта распространяется и на всѣхъ другихъ членовъ семьи. Отсюда — затрудненіе при выходѣ изъ общества. Но нѣтъ обязанностей безъ правъ и правъ безъ обязанностей. Такъ и въ данномъ случаѣ. Указываемымъ обязанностямъ cadaго члена семьи соответствуютъ и поземельныя права cadaго. Но и права, какъ обязанности — тутъ общія. Правъ преобладающихъ и, такъ сказать, строго опредѣленныхъ — нѣтъ ни у кого. Таковъ *буквальный* смыслъ закона, воплію подтверждаемый общимъ духомъ законодательства о крестьянахъ. Рѣшеніями сената отъ 20 октября 1885 г. и 4 февраля 1886 г. признано, что все, даже движимое имущество крестьянскаго двора, вообще составляетъ *нераздѣльную собственность семьи*, (Сборникъ г. Горемыкина, стр. 296). Тѣмъ болѣе представляетъ собою нераздѣльную собственность семьи — надѣльная земля, недвижимое имущество.

3) *Круговая порука*. Наконецъ, — что касается третьяго обстоя-

тельства, которое необходимо принимать во вниманіе при выясненіи поземельныхъ правъ крестьянскаго двора, — то оно заключается въ томъ, что *крестьянскія общества, въ извѣстномъ наименьшемъ составѣ, несутъ круговую ответственность за своихъ членовъ въ уплатѣ податей и сборовъ, и въ исполненіи повинностей.* Очень естественно, что этимъ должна обусловливаться новая степень зависимости крестьянскаго двора отъ общества. Само собою разумѣется, что на это общество и возлагаются соразмѣрно широкія права надзора и вмѣшательства въ хозяйственную жизнь отдѣльныхъ дворовъ.

И, дѣйствительно, крестьянскій дворъ совершенно обезличенъ и подавленъ властью своего общества. Сельское общество должно было обязательно брать землю 19 февраля 1861 г. по той высокой цѣнѣ, по которой она приходилась, — и тяжесть такой обязанности должна была разлагаться, поэтому, на всѣхъ его членовъ. И вотъ, въ продолженіе временно-обязательныхъ отношеній, для увольненія крестьянина изъ общества, требовалось согласіе и помѣщика, и сельскаго схода (ст. 139 Мѣст. пол. губ. великорус., бѣлорус. и малорус.). Затѣмъ, ни помѣщикъ, ни общество не могли препятствовать выходу изъ общества домохозяина только въ томъ случаѣ, если онъ, *отказываясь отъ земли навсегда*, вносилъ въ особый мірской капиталъ сумму, равную капитализированному изъ шести процентовъ оброку, — то есть *всю ту цѣну*, по которой земля была взята обществомъ обязательно (ст. 130 Общаго положенія и ст. 140 Мѣстн. положенія великорус.). Когда же общество состояло на выкупѣ, то для увольненія изъ него требовалось внесеніе выходящимъ членомъ половины капитальнаго долга, причитавшагося на участокъ. Но и въ такомъ случаѣ увольненіе могло состояться только въ томъ случаѣ, *если* «мірское общество приметъ на себя ручательство за остальную половину уплаты» (ст. 173 Положенія о выкупѣ). Въ противномъ же случаѣ, желавшій выйти изъ общества долженъ былъ, очевидно, внести всю оставшуюся капитальную сумму выкупнаго долга, также отказываясь отъ земли. Въ полномъ согласіи съ этимъ, законоположенія 19 февраля 1861 г. возлагаютъ на сельскія общества и чрезвычайныя права по взысканію недоимокъ съ неисправнаго крестьянскаго двора. Общество пріобрѣтаетъ право: 1) обратиться въ возмѣщеніе недоимки доходъ съ принадлежащаго недоимщику въ собственность недвижимаго имущества; 2) *отдать самого недоимщика или кого либо изъ членовъ его семейства въ посторонніе заработки*; 3) опредѣлить къ недоимщику опекуна, или вмѣсто неисправнаго домохозяина *назначить старшимъ въ домъ другаго члена той же семьи*; 4) подвергнуть продажѣ принадлежащее недоимщику лично имущество, за исключеніемъ выкупной усадьбы; 5) продать часть движимаго имущества и строеній недоимщика, которая не составляетъ необходимости въ его хозяйствѣ, и 6) наконецъ, отобрать у недоимщика часть отведенныхъ ему полевыхъ угодій или даже весь его полевой надѣлъ (ст. 261 Мѣстн. пол. губ. великорус., ст. 127 Пол. о выкупѣ, ст. 188 Общаго положенія). Надъ самимъ обществомъ, въ случаѣ его неисправности, учреждалась чрезвычайная

власть помѣщика. Уже при невзносѣ оброка въ первый срокъ, по жалобѣ помѣщика, мировой посредникъ могъ: 1) предписать сельскому начальству несостоятельнаго общества *никого не увольнять* по паспортамъ изъ селенія, безъ письменнаго на то согласія помѣщика, и не возобновлять паспортовъ находящимся въ отлучкѣ крестьянамъ, если помѣщикъ того потребуетъ; 2) вмѣсто избранныхъ должностныхъ лицъ, *назначить другихъ, по своему усмотрѣнью*; 3) распорядиться, чтобы общество ставило неисправныхъ крестьянъ *на заработки по контрактамъ* и т. д., — вплоть до отобранія, сдачи въ аренду и предоставленія земли во временное распоряженіе помѣщика (ст. 262 Мѣстн. пол. великорус.) Соответственныя же мѣры принимались противъ общества и его членовъ при неисправности въ выкупныхъ платежахъ передъ государственною казною (ст. 129 Положенія о выкупѣ).

Каковы теперь поземельныя права *отдѣльнаго крестьянскаго двора* въ общинномъ землевладѣнн, при наличности трехъ разсмотрѣнныхъ важнѣйшихъ условій крестьянской жизни, неизбѣжно и сильно вліяющихъ на объемъ этихъ правъ?

А) Въ продолженіе временно-обязательныхъ отношеній, на основаніи ст. 110 Мѣстнаго пол. губ. великорос., новорос. и бѣлорус.— «усадебная земля каждаго крестьянскаго двора *остается въ потомственномъ пользованн проживающаго въ томъ дворѣ семейства* и переходитъ къ наслѣдникамъ, согласно существующему въ каждой мѣстности обычному порядку наслѣдованія». Совершенно несправедливо возражаютъ иногда, что усадебная земля съ самаго начала выдѣлена въ частную собственность и на нее распространено частное общегражданское широкое право домохозяина, — ибо, при общинномъ землевладѣнн, субъектомъ извѣстныхъ подчиненныхъ правъ является крестьянскій дворъ, а не домохозяинъ или отдѣльный членъ семьи. А, кромѣ того, ст. 110 не имѣетъ иного значенія, чѣмъ то заключаютъ въ себѣ ея *буквальныя* выраженія. Нѣтъ никакихъ оснований расширять ея буквальный смыслъ, вполне согласный и съ общимъ духомъ законодательства о крестьянахъ.

Крестьянскому двору или семейству предоставлено только *потомственное пользованн*, и этимъ *единственно* ограничивается право распоряженія усадебною землею со стороны общества. Обезпечены лишь нерушимость и спокойствіе въ пользованн усадьбою для каждаго крестьянскаго двора. Крестьянское семейство ограждено отъ общества, получающаго по ст. 111 право распоряженія только упразднившимися усадебными участками. Если принять во вниманіе зависимость крестьянскаго двора отъ общества, то понятною станетъ и необходимость настоящаго постановленія. Нужно было отдѣльной семьѣ обезпечить, по крайней мѣрѣ, спокойное и неизмѣнное пользованн усадьбою. Право частной собственности на усадьбу вовсе не устанавливалось для крестьянскаго двора статьею 110. Усадьба не только не становилась имуществомъ благопріобрѣтеннымъ, не только крестьянскій дворъ не пріобрѣталъ того права свободнаго распоряженія усадьбою, которое предоставляется общими гражданскими законами владѣльцу благопріобрѣ-

того имущества, но усадьба не дѣлалась здѣсь даже имуществомъ родовымъ. По общимъ гражданскимъ законамъ, имущество родовое есть, во-первыхъ, имущество, принадлежащее лицу физическому, — у юридическихъ же лицъ не можетъ быть родовыхъ имуществъ; а, во-вторыхъ, родовое имущество не можетъ быть только предметомъ даренія и завѣщательныхъ распоряженій. По статьѣ же 110 Мѣстн. пол. великорос., усадьба не можетъ быть вообще предметомъ чьихъ либо самостоятельныхъ распоряженій. Она можетъ быть только предметомъ пользования, и притомъ пользования, принадлежащаго проживающему на ней *семейству*, то есть лицу юридическому.

Такимъ образомъ, является вопросъ: распространяется ли на усадебную землю статья 109 Мѣстн. положенія великорос. губ., относящаяся уже до опредѣленія правъ крестьянскаго двора на полевою землю? Статья эта гласитъ: «Каждый крестьянинъ, съ *согласія общества*, можетъ уступить свой надѣлъ другому крестьянину, принадлежащему къ одному съ нимъ сельскому обществу, или постороннему лицу, принятому въ общество на основаніи ст. 142 Общаго положенія о крестьянахъ». Другими словами: принадлежит ли крестьянскому семейству право распоряжаться и усадебною землею на томъ же условіи, — съ согласія общества? Быть можетъ, здѣсь имѣется въ виду, что только полевою надѣлъ можетъ быть переданъ однообщественнику съ самаго освобожденія или лицу, принятому въ общество съ участіемъ въ пользованіи землею и на основаніи согласія помѣщика послѣ 19 февраля 1861 года? Сенатъ распространилъ, впрочемъ, это постановленіе и на усадебную землю, высказавъ въ рѣшеніи отъ 20 сентября 1876 г. и 30 октября 1877 г. то положеніе, что *неизъявленіе сельскимъ обществомъ согласія* на продажу кѣмъ либо изъ членовъ его наследственнаго *усадебнаго* участка, — не составляющаго исключительной собственности, — лицу, не принадлежащему къ составу сельскаго общества, влечетъ за собою *недѣйствительность* самой продажи. (Сборникъ за 1862 — 1879 гг., изд. г. Данилова, стр. 237). По другимъ же рѣшеніямъ, отъ 27 ноября 1879 г. и 8 апрѣля 1880 г., сделки, заключенныя съ нарушеніемъ подобнаго условія, не должны быть принимаемы волостными правленіями къ засвидѣтельствуванію. (Сборникъ за 1879—1882 гг., стр. 287).

Во всякомъ случаѣ, право распоряженія надѣльною землею въ продолженіе временно-обязательныхъ отношеній, принадлежащее крестьянскому двору, ограничивается только уступкою ея не иначе, какъ однообщественнику-крестьянину, при непремѣнномъ условіи согласія сельскаго общества. Очевидно притомъ, что право «уступить» надѣлъ на такомъ условіи *не означаетъ права продавать его совсѣмъ*. По основнымъ началамъ права, *общество не можетъ передать крестьянскому двору больше правъ, чѣмъ оно само имѣетъ*. Если же оно само не можетъ продать ни всю надѣльную землю, ни какую либо ея часть, ни отдѣльный, отведенный кому либо, участокъ, — то и пользующійся этимъ участкомъ также не можетъ продать его совсѣмъ даже и съ согласія общества. Онъ можетъ только уступить пользование своимъ участкомъ однообщественнику, сдать его

въ аренду, съ согласія общества,—никакъ не болѣе. Надолго ли притомъ?—Безспорно *до перваго передѣла*—не долѣе. Ибо не можетъ быть передаваемо домохозяиномъ и тутъ больше правъ, чѣмъ онъ самъ имѣетъ. А въ моментъ передѣла, права отдѣльныхъ домохозяевъ на опредѣленные участки *совершенно устраняются*, до назначенія новыхъ участковъ. Съ опредѣленіемъ же послѣднихъ, вновь возникаетъ право уступки — съ новаго согласія общества. Такой, а не какой либо иной, смыслъ имѣетъ слово «уступить». Что это дѣйствительно такъ, — совершенно ясно доказывается и отсутствіемъ постановленія о томъ назначеніи, которое слѣдовало бы указать для вырученныхъ денегъ, ибо, по отношенію ко временно-обязательному положенію, рѣчь шла о землѣ, принадлежащей въ собственность помѣщику,—т. е. о *чужой* землѣ. Въ такой мѣрѣ было ограничено право владѣнія, пользованія и распоряженія надѣльною,—какъ усадебною, такъ и полевою,—землею, принадлежавшее крестьянскому двору при общинномъ землевладѣніи у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, въ продолженіе временно-обязательныхъ отношеній.

Б) *По переходу на выкупные платежи*. И по переходѣ на выкупные платежи, право крестьянскаго двора на надѣльную землю при общинномъ землевладѣніи — оказывается также весьма ограниченнымъ. Исправный въ платежахъ крестьянскій дворъ владѣетъ и пользуется извѣстнымъ участкомъ безпрепятственно, въ предѣлахъ, указанныхъ распоряженіемъ сельскаго общества. Право его—самостоятельно обрабатывать свой участокъ—въ такомъ случаѣ неотъемлемо. Что же касается права распоряженія, то оно опредѣляется лишь ст. 164 Пол. о вык. и только въ такихъ предѣлахъ: «право на *участіе въ общемъ владѣніи* приобрѣтенною обществомъ землею каждый отдѣльный крестьянинъ можетъ уступить *постороннему* лицу не иначе, какъ съ согласія міра». Опять, что имѣется здѣсь въ виду, какъ предметъ *уступки*? Очевидно, только право пользованія, которое называется тутъ и владѣніемъ, въ отличіе отъ временно-обязательныхъ отношеній, такъ какъ все общество, по выкупѣ земли, приобрѣтаетъ на нее право собственности или, по русскимъ юридическимъ понятіямъ, право вѣчнаго владѣнія. Но никакъ не имѣется здѣсь въ виду право продажи. Основаній къ подобному предположенію не даетъ буквальный смыслъ словъ: «участіе въ общемъ владѣніи». Еще менѣе согласовалось бы это съ крайне ограниченнымъ правомъ на землю, которое предоставлено самому крестьянскому обществу и больше котораго общество никакъ не можетъ передать отдѣльному крестьянскому двору. Вполнѣ согласны съ этимъ и рѣшенія сената отъ 29 января 1885 г. и отъ 16 марта 1887 г. (Сборникъ г. Горемыкина, стр. 251 и 413). Наконецъ, что такое «постороннее лицо», которому можетъ быть уступлено право на участіе въ общемъ владѣніи съ согласія общества? Едва ли слово это имѣетъ здѣсь другой смыслъ, чѣмъ въ ст. 109 Мѣстнаго положенія великорос., хотя въ Положеніи о выкупѣ оно и не опредѣлено съ тою же точностью. Въ ст. 109 Мѣстн. пол., постороннимъ лицомъ названъ однообщественный крестьянинъ, самостоятельно участвующий

пій притомъ въ землепользованіи. Можно полагать, что и въ законоположеніяхъ 19 февраля 1861 г. слово это не имѣеть того смысла, въ которомъ обыкновенно употребляется,—то есть, имъ не обозначается совершенно посторонній челоуѣкъ, крестьянинъ другаго общества или представитель другаго сословія. Совершенно постороннему лицу не можетъ быть передано,—какъ надо думать—и право на участіе въ общемъ владѣніи выкупаемою землею. Ибо, въ противномъ случаѣ, пришлось бы допустить участіе лица другаго сословія и въ сельскомъ сходѣ по поземельнымъ дѣламъ. Но ничего подобнаго законоположенію 19 февраля не заключаютъ въ себѣ.

Во всякомъ случаѣ, вопросъ о томъ, кому именно можетъ быть уступлено право на участіе въ общемъ владѣніи, не можетъ быть разрѣшенъ обыкновеннымъ путемъ и требуетъ *законодательнаго* опредѣленія.

По переходѣ на выкупъ, не опредѣляются особо какими либо новыми постановленіями права крестьянскаго двора *на усадебную оудьбность*. Послѣдняя остается, по прежнему, въ потомственномъ пользованіи проживающаго на ней семейства, какъ указано въ ст. 110 Мѣстн. пол. великорус. губ. И изъ общаго духа законодательства нельзя выводить какого либо расширенія права крестьянскаго двора на усадьбу. Насколько именно ограничено право распоряженія крестьянскаго двора усадьбою, показываетъ рѣшеніе сената отъ 21 декабря 1884 г. Имъ воспрещается даже продажа усадебныхъ строеній *на сносъ*. Рѣшеніе это, кромѣ того, весьма ярко показываетъ силу и значеніе вопроса, затрудненія, встрѣчающіяся при разрѣшеніи его на практикѣ, и бѣдственныя послѣдствія для отдѣльныхъ крестьянъ и цѣлыхъ обществъ отъ вполнѣ возможныхъ,—по недостаточной ясности закона,—нарушеній истиннаго его смысла. Попытка крестьянина Корсакова продать на сносъ свой домъ лишала крова его родную сестру, вызывала жалобу сына и дѣлала возможною отвѣтственность за него общества, въ случаѣ несостоятельности по круговой порукѣ. (Сборникъ г. Горемыкина, стр. 234).

Такимъ образомъ, и *по переходѣ на выкупъ, отдѣльный крестьянскій дворъ не можетъ отчуждать свою землю, какъ усадебную, такъ и полевою*. Тѣмъ менѣе можетъ принадлежать подобное право отдѣльному крестьянину.

В) *По окончательномъ погашеніи выкупныхъ ссудъ*.—Весьма недалеко уже время, когда крестьяне, бывшіе помѣщичьи и водворенные на земляхъ государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ имѣній, равно какъ и бывшіе государственные, окончательно погасятъ исчисленные за ихъ земли выкупные платежи. Время это наступитъ черезъ 40 лѣтъ для первыхъ, черезъ 24 года для вторыхъ, черезъ 22—для государственныхъ крестьянъ 9 западныхъ губерній и черезъ 44—для прочихъ государственныхъ крестьянъ: промежутки времени—совершенно незначительныя. А потому, весьма скоро пріобрѣтутъ громадное практическое значеніе и настоятельно потребуютъ разрѣшенія вопросы о правѣ владѣнія, пользованія и распоряженія, принадлежащемъ отдѣльному крестьянскому двору,

при общинномъ землевладѣніи, относительно земель, окончательно выкупленныхъ.

Выше мы видѣли, что таковыя права цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ оказываются совершенно неопредѣленными: вопросы о нихъ положительно неразрѣшима обыкновеннымъ путемъ и необходимо требуютъ законодательнаго пересмотра. Обстоятельство это заранѣе указываетъ уже, что еще менѣе разрѣшима должны представляться вопросы о правахъ отдѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ. Объ обществахъ можно было все таки сказать, что они приобрѣтаютъ «право собственности» на выкупленныя земли, и затѣмъ—остановиться въ полномъ недоумѣніи передъ вопросомъ о томъ, какой же юридическій институтъ представляетъ подобное «право собственности», когда, для выясненія его, законоположенія 19 февраля 1861 г. бесплодно ссылаются одно на другое, а законы обще-гражданскіе (т. X, ч. 1), въ свою очередь, отсылаютъ изслѣдователя къ законоположеніямъ о крестьянахъ?.. Но чтѣ приобрѣтаютъ отдѣльные крестьянскіе дворы? О нихъ нельзя даже сказать неопредѣленно, что они приобрѣтаютъ «право собственности»,—потому что это право принадлежитъ уже обществу, и не можетъ одновременно, на одинаковыхъ основаніяхъ, находиться въ обладаніи двухъ юридическихъ лицъ, изъ которыхъ одно всецѣло поглощается другимъ. Очевидно, что если это право принадлежитъ одновременно и обществу, и крестьянскому двору, то послѣднему—въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ первому. Очевидно также, что для осуществленія подобнаго права необходимо долженъ быть установленъ извѣстный порядокъ,—порядокъ сложный, такъ какъ въ немъ нужно было бы согласовать чрезвычайно сложныя отношенія обоихъ юридическихъ лицъ. Нельзя довѣряться, поэтому, *первому впечатлѣнію*, производимому статьею 36 Общаго положенія о крестьянахъ, будто воля каждаго крестьянскаго двора, какъ юридическаго лица, можетъ совершенно свободно и независимо отъ другихъ разрушать общинное землевладѣніе и ставить на карту вѣковое обезпеченіе многомилліоннаго крестьянства, а съ нимъ финансовыя и полицейскія виды государства. Къ сожалѣнію, однако, подобное впечатлѣніе есть. Согласно ст. 159 Положенія о выкупѣ, на выкупленныя окончательно земли распространяются «правила, установленныя въ Общемъ положеніи о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, въ отношеніи земель, приобрѣтенныхъ сими крестьянами въ собственность». На основаніи же ст. 36 Общаго положенія—«каждый членъ сельскаго общества можетъ требовать, чтобы изъ состава земли, приобрѣтенной *въ общественную собственность*, былъ ему выдѣленъ въ *частную собственность* участокъ, соразмѣрный съ долею его участія въ приобрѣтеніи сей земли. Если такой выдѣлъ окажется неудобнымъ или невозможнымъ, то общество предоставляетъ удовлетворить крестьянина, желающаго выдѣлиться, деньгами, по взаимному соглашенію или по оцѣнкѣ».

Было бы гибельно для крестьянскаго землевладѣнія, еслибы законъ и въ самомъ дѣлѣ совершенно ясно устанавливалъ подобное право «каждаго члена сельскаго общества» относительно надѣльныхъ земель. Статью 36 не замѣчаютъ. Но въ подобномъ

смыслъ она была бы несравненно вреднѣе ст. 165 Пол. о вык., даже какъ эту послѣднюю понимаютъ и принимаютъ. Ибо, такимъ образомъ, общинное землевладѣніе дѣйствительно могло бы разрушиться по совершенно частнымъ и независимымъ отъ какого либо контроля побужденіямъ отдѣльныхъ лицъ. Общество совершенно подчинялось бы ихъ волѣ. Краеугольный камень учрежденнаго 19 февраля 1861 г. общественнаго крестьянскаго устройства и управленія—рушился бы окончательно.

Но вотъ потому-то именно, что ничего подобнаго не произошло съ Общимъ положеніемъ и что оно стоитъ незыблемо,—и можно уже съ достаточнымъ основаніемъ полагать, что, не смотря на ссылку Положенія о выкупѣ, здѣсь имѣются въ виду не *надѣльные земли, окончательно выкупленные, а другія, приобретенныя обществомъ крѣпостнымъ порядкомъ*. Дѣйствительно, слѣдующая ст. 37 Общаго положенія говоритъ: «Приобрѣтенными въ *собственность*, на основаніи статей 11 и 12 сего Положенія, *землями крестьянскаго надѣла и выкупленными усадьбами* крестьяне пользуются и распоряжаются, какъ своимъ достояніемъ, на правилахъ, изложенныхъ въ предшедшихъ статьяхъ (33—36) съ *соблюденіемъ тѣхъ условій, на основаніи коихъ усадьбы и земли приобрѣтены*». Итакъ, право пользованія и распоряженія ставится тутъ въ зависимость отъ условій выкупа. Въ примѣчаніи 1 къ этой статьѣ прямо и поясняется: «о порядкѣ пользованія и распоряженія *землями крестьянскаго надѣла*, которыя будутъ *приобрѣтены* крестьянами въ *собственность*, съ пособіемъ отъ правительства, излагаются *подробныя правила* въ Положеніи о выкупѣ крестьянами усадебной осѣдлости и о содѣйствіи правительства къ *приобрѣтенію* ими въ *собственность* полевыхъ угодій». Но въ Положеніи о выкупѣ *нѣтъ такихъ правилъ*. Съ другой стороны, значить, въ Общемъ положеніи статьи 33—36 относятся именно къ землямъ *не надѣльнымъ*, а всякимъ инымъ, которыя освобожденные крестьяне получили право *приобрѣтать* отдѣльно и цѣлыми обществами. Дѣйствительно, ст. 33 буквально и выражаетъ: «каждый крестьянинъ можетъ *приобрѣтать* въ *собственность* недвижимыя и движимыя имущества, а также отчуждать оныя, отдавать ихъ въ залогъ и вообще распоряжаться ими, *съ соблюденіемъ общихъ узаконеній, установленныхъ на сей предметъ для сельскихъ обывателей*». То есть, имѣются въ виду здѣсь, во-первыхъ, всякія *иныя недвижимыя имущества, помимо надѣльныхъ земель*. Во-вторыхъ же, и относительно такихъ имуществъ, на крестьянъ *не распространяются* общегражданскіе законы, но распоряженіе ими ставится въ зависимость отъ узаконеній, «установленныхъ на сей предметъ для сельскихъ обывателей». Все это весьма неопредѣленно даже относительно вѣн-надѣльныхъ земель, въ особенности, если разсматривать ст. 33 по изданію 1876 г. «Особаго приложенія» къ законамъ о состояніяхъ. Какіе именно сельскіе обыватели имѣются тутъ въ виду? — Разряды сельскихъ обывателей такъ многочисленны и до сихъ поръ. Вопросъ не станетъ вполнѣ опредѣленнымъ, если даже и принять во вниманіе, что, при составленіи этого изданія, изъ подлинной статьи 33 Об-

шаго положенія 19 февраля 1861 г. *выпущено* кодификаціоннымъ учрежденіемъ слово: «свободныхъ». Ибо, если на свободныхъ сельскихъ обывателей, статью 660 т. XI законовъ о состояніяхъ изд. 1857 г., и распространены были общіе гражданскіе законы «по приобрѣтенію и передачѣ частной своей собственности» то, помимо противорѣчій по этому предмету и относительно свободныхъ обывателей въ тогдашнихъ же законахъ о состояніяхъ, освобожденные крестьяне вступали 19 февраля 1861 г. въ такое положеніе, что эта ссылка еще менѣе давала освѣщенія вопросу, но оставляла много неразрѣшимыхъ сомнѣній.

Наконецъ, ст. 34 вполне ясно, буквально показываетъ, что Общее положеніе опредѣляетъ права по распоряженію *внѣнадѣльными* землями, и то съ большими ограниченіями: «Сельское общество можетъ также—говорится здѣсь—на основаніи общихъ законовъ, приобрѣтать въ собственность движимыя и недвижимыя имущества. *Землями, приобрѣтенными въ собственность независимо отъ своего надѣла*, общество можетъ распоряжаться по своему усмотрѣнію, раздѣлять ихъ между домохозяевами и предоставлять каждому участокъ въ частную собственность, или оставлять сіи земли въ общемъ владѣніи всѣхъ домохозяевъ».

Такимъ образомъ, *вполнѣ согласно* съ первоначальнымъ предположеніемъ, мы и пришли къ заключенію о неопредѣленномъ положеніи вопроса касательно права владѣнія, пользованія и распоряженія, принадлежащаго крестьянскому двору, при общинномъ землевладѣніи, относительно земель, окончательно выкупленныхъ.

На этомъ основаніи, едва ли можно признать правильнымъ рѣшеніе перваго департамента сената отъ 29 сентября 1881 г., которымъ, вмѣсто возбужденія законодательнаго вопроса, признано было за крестьянами дер. Новой Андроновки московскаго уѣзда, Алексѣевымъ, Ульяновымъ и др., право требовать выдѣла участковъ изъ земли, окончательно выкупленной. Ст. 37 вовсе не могла получить тутъ примѣненія. Сенатъ призналъ, что такая земля составляетъ «полную собственность Ново-Андроновскаго общества». Но гдѣ же есть въ законѣ опредѣленіе собственности самого общества? Гдѣ опредѣленіе собственности крестьянскаго двора при неопредѣленности правъ общества? Едва ли правильно также нижеслѣдующее рѣшеніе отъ 1 ноября 1879 г. (Сборникъ за 1879—1882 г. Данилова, стр. 156): «Правительствующій сенатъ, выслушавъ дѣло по жалобѣ сызранскихъ мѣщанъ Горюнова и другихъ, въ числѣ 34 человекъ, на постановленіе симбирскаго губернскаго по крест. дѣламъ присутствія о правѣ просителей на часть подаренной помѣщикомъ Ждановымъ земли обществу крестьянъ дер. Троекуровки,—нашелъ, что означенные крестьяне получили отъ помѣщика Жданова въ надѣлъ землю не по уставнымъ грамотамъ съ обязательствомъ за оную отбывать издѣльную повинность, а въ видѣ дара, въ полную неотъемлемую собственность, согласно 5 ст. и прим. къ ней Положенія о выкупѣ. Такимъ образомъ, изложенныя въ п. 1 ст. 130 Общаго положенія—разсуждалъ сенатъ—не могутъ имѣть примѣненія къ увольненію крестьянъ, приобрѣвшихъ землю безъ содѣйствія правительства.

изъ общества въ другое сословіе, какъ это видно изъ того же п. 1 ст. 130 Общ. пол., гдѣ сказано, что отказъ отъ участія въ мірскомъ надѣлѣ и сдача такового обществу производятся съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ въ мѣстныхъ положеніяхъ, но въ мѣстныхъ положеніяхъ не существуетъ правилъ или обязанности отдѣльныхъ членовъ сельскаго общества отказываться отъ участія въ пользованіи землею, подаренною обществу, при переходѣ въ другое сословіе или общество. Въ виду сего, правительствующій сенатъ нашелъ обжалованное просителями постановленіе губернскаго присутствія неправильнымъ, а потому, и согласно съ ходатайствомъ губ. присутствія, опредѣлилъ: отмѣнивъ таковое, предписать губернскому присутствію войти въ новое разсмотрѣніе обстоятельствъ настоящаго дѣла».

Приводимая въ этомъ рѣшеніи, ст. 5 Положенія о выкупѣ гласитъ слѣдующее: «Правила, въ семь положенія изложенныя, не относятся до частныхъ сдѣлокъ, по которымъ крестьяне могутъ пріобрѣтать земли, безъ содѣйствія правительства, какъ у помѣщиковъ, такъ и у другихъ лицъ, на основаніи общихъ законовъ». Очевидно, что, во-первыхъ, статья эта, такъ сказать, не имѣетъ вовсе матеріальнаго содержанія, а потому изъ нея нельзя и вывести чьихъ либо матеріальныхъ правъ. Во-вторыхъ, статья эта вовсе и не относится къ настоящему дѣлу. Она говоритъ о совершенно частныхъ сдѣлкахъ крестьянъ не только съ помѣщиками, но и съ другими лицами. Такъ называемые же «дарственные» крестьяне, которыхъ имѣетъ въ виду приведенное рѣшеніе, получили землю въ даръ отъ своего помѣщика вовсе не въ силу частной сдѣлки, «на основаніи общихъ законовъ», какъ могли бы получить отъ всякаго другаго лица. Они получили ее отъ помѣщика въ порядкѣ обязательнаго надѣленія, на основаніи статьи 123 Мѣстнаго положенія великорос., которая устанавливаетъ: «Въ случаѣ, если помѣщикъ, по добровольному соглашенію съ крестьянами, утвержденному установленнымъ порядкомъ, подаритъ обществу крестьянъ часть ихъ надѣла, и если эта часть, заключая въ себѣ усадебную осѣдность крестьянъ, составляетъ вмѣстѣ съ оною не менѣе, на каждую ревизскую душу, одной четверти вышшаго, въ степной же полосѣ указаго надѣла, установленнаго для той мѣстности, въ коей находится имѣніе, то крестьяне, получившіе такой даръ, могутъ отказаться отъ обязательнаго пользованія остальною частью своего надѣла, которая и поступаетъ затѣмъ въ полное распоряженіе помѣщика». Гдѣ же тутъ что либо общее со ст. 5 Положенія о выкупѣ? Гдѣ тутъ частный характеръ сдѣлки? Не пріобрѣтаютъ частнаго характера подобныя сдѣлки и вслѣдствіе примѣчанія къ ст. 5 Положенія о выкупѣ, которое было бы, между прочимъ, гораздо болѣе умѣстно подѣ ст. 123 Мѣстнаго положенія великорос. губ., соответствующей ст. 116 Мѣстнаго положенія малорос.: «Владѣльцамъ родовыхъ имѣній предоставляется уступать крестьянамъ безвозмездно, по дарственнымъ записямъ, земли, предоставленныя въ такихъ имѣніяхъ въ крестьянское пользованіе, на основаніи уставной грамоты».

Такимъ образомъ, дѣйствительно, статья 5 Положенія о выкупѣ

вовсе не относилась къ дѣлу. Не болѣе убѣдительно ссыла на ст. 130 Общ. положенія. Статья эта вполнѣ относилась и къ дарственнымъ крестьянамъ: положеніе ихъ, устройство и поземельныя права опредѣлялись не какими либо иными законами, а тѣмъ же Общимъ положеніемъ 19 февраля 1861 г. Поэтому, согласно пункту 1 ст. 130 названнаго Положенія, они должны были, при увольненіи изъ общества, отказываться навсегда отъ участія въ мѣрскомъ надѣлѣ, каковымъ являлась ихъ земля, хотя бы и въ даръ полученная *отъ помѣщика*. Значить, и 34 крестьянина деревни Троекуровки вышли въ мѣщане на этомъ именно условіи. Оставить землю за собою они никакъ не могли. Она была предоставлена сельскому обществу этой деревни, для обезпеченія быта проживавшихъ въ ней *крестьянъ*—пока они не перешли въ другое сословіе и не перестали быть крестьянами, или пока не потеряли зависимости отъ земли въ средствахъ своего существованія. Крестьяне обязаны были брать землю и освобождались съ землею, для того чтобы постоянно ею *пользоваться*, лично обрабатывать, собственнымъ трудомъ извлекать изъ нея средства къ существованію. Эта мысль законоположеній 19 февраля 1861 г. слишкомъ ясна!

Въ отступленіе отъ приведенныхъ двухъ рѣшеній перваго департамента, образованный 24 января 1884 г. второй департаментъ, въ рѣшеніи своемъ отъ 24 апрѣля 1886 г., и высказалъ: «1) по соображенію статьи 36 Общ. пол. со ст. 34 того же Положенія, оказывается, что въ этихъ статьяхъ говорится о земляхъ, приобрѣтенныхъ сельскими обществами въ собственность, *на основаніи общихъ законовъ, независимо отъ своего надѣла*; 2) что, по сему, только такихъ земель касается приведенное въ ст. 36 Общ. пол. право каждаго отдѣльнаго домохозяина требовать выдѣла соразмѣрно съ долею его участія въ приобрѣтеніи». (Сборникъ г. Горемыкина, стр. 344). Рѣшеніе это касается собственно бывшихъ государственныхъ крестьянъ, получившихъ землю по люстраціоннымъ актамъ,—но это были госуд. крестьяне девяти западныхъ губерній, на которыхъ законъ 16 мая 1867 г., въ ст. 7, распространилъ дѣйствіе статей 159—179 Положенія о вык. (Прод. 1868 г. къ т. IX).

Все сказанное въ настоящей главѣ относится по преимуществу къ полевой землѣ. Вопросъ нѣсколько мѣняется относительно *усадебной* земли. Какъ мы видѣли, статья 37 Общаго положенія съ примѣчаніемъ предлагаетъ обратиться къ Положенію о выкупѣ за правилами касательно пользованія и распоряженія «землями крестьянскаго надѣла и выкупленными усадьбами». Усадьбы и прочія земли, такимъ образомъ, не смѣшиваются. Дѣйствительно, Положеніе о выкупѣ тѣмъ и другимъ землямъ оказываетъ не одинаковое вниманіе. Но и кажущееся расширеннымъ право распоряженія усадебною землею, принадлежащее крестьянскому двору, не выясняется тутъ съ достаточною опредѣленностью. Да и это кажущееся расширеніе относится къ окончательной выкупленной усадьбѣ. До этого же времени—и въ продолженіе временно-обязательныхъ отношеній, и по переходѣ на выкупъ—положеніе усадь-

бы, отведенной въ потомственное пользованіе проживающаго на ней семейства, остается совершенно неизмѣннымъ. Прежде всего, статью 9 Положенія о выкупѣ предоставлено крестьянамъ, хотя и безъ содѣйствія правительства, выкупать *усадыбы* — и одновременно цѣлымъ обществомъ, и отдѣльно каждымъ домохозяиномъ или крестьянскимъ дворомъ, при общинномъ, какъ и подворномъ землевладѣніи. Въ такомъ случаѣ, къ суммѣ, единовременно вносимой и опредѣленной разверсткою, прибавлялось 20 проц. (ст. 18). На выкупленные усадыбы крестьянамъ выдавалась *данная*. Ст. 26 постановляла затѣмъ: «Крестьяне, со дня выдачи имъ данной, освобождаются отъ платежа помѣщику той доли оброка, которая падаетъ на выкупленные усадыбы, и получаютъ оныя въ *полную свою собственность*, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что въ продолженіе первыхъ десяти лѣтъ со времени утверженія сего положенія, означенныя усадыбы не могли быть *передаваемы* или *закладываемы* постороннимъ лицамъ, не принадлежащимъ къ обществу. По минованіи же сего срока, крестьяне могутъ располагать выкупленными усадыбами, *какъ своею собственностью, на основаніи общихъ законовъ*. Домохозяинъ, выкупившій свою усадебную осѣдность, сохраняетъ *право участія* въ пользованіи общественнымъ выкупомъ и другими часями сей осѣдности, состоящими въ распоряженіи всего общества».

На первый взглядъ, казалось бы, права крестьянъ на выкупленную усадыбу расширяются до опредѣляемаго общими гражданскими законами *права полной собственности*. Но ближайшее разсмотрѣніе ст. 26 приводитъ къ инымъ заключеніямъ. Во-первыхъ, татья эта, повидимому, относится и къ цѣлымъ обществамъ, и къ отдѣльнымъ крестьянскимъ дворамъ. Допустимъ, что и тѣмъ, и другимъ предоставляется ею право отчужденія, въ смыслѣ даже продажи. Но, въ такомъ случаѣ, гдѣ же опредѣленіе порядка составленія приговоровъ о такомъ отчужденіи цѣлымъ обществомъ, о числѣ требуемыхъ голосовъ, способѣ ихъ счета и пр.? А безъ этого, очевидно, невозможно осуществленіе права, и гораздо болѣе ясно и твердо выраженаго. Здѣсь же и буквальный смыслъ слова «передаваемы» не даетъ основаній принимать это право въ столь широкомъ смыслѣ, — тѣмъ болѣе, что рѣчь идетъ о земляхъ, отведенныхъ въ потомственное пользованіе семействъ. Затѣмъ, коль скоро усадыбы выкуплены всѣмъ обществомъ одновременно, то не возникаетъ ли тутъ скрытаго права на нихъ всего же общества, получающаго и данную? Не получаютъ ли, поэтому, нѣкотораго основанія въ законѣ нерѣдко наблюдаемая притязанія въ этомъ смыслѣ о стороны крестьянскихъ обществъ? А въ такомъ случаѣ, естественно, сокращаются права на усадебные участки отдѣльных дворовъ. Могутъ ли быть разрѣшены иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ, возникающія отсюда недоразумѣнія?

Но пусть усадыба выкуплена отдѣльнымъ крестьянскимъ дворомъ, получившимъ и данную. Кто и какъ пріобрѣтаетъ право ею распорядиться? *Крестьянскій дворъ*, все семейство. Права послѣдьяго безусловны: они вытекаютъ не только изъ явнаго смысла адѣленія землею обществъ и дворовъ, т. е. юридическихъ лицъ, а не отдѣльныхъ крестьянъ; — они также прямо устанавливаются статьею

110 Мѣстнаго положенія великорос. губ. Но, опять, въ какомъ порядкѣ должно было бы дѣйствовать здѣсь крестьянское семейство? Общіе гражданскіе законы, очевидно, не могутъ указать такого порядка: они прямо отсылаютъ къ положеніямъ о сельскомъ состояніи для разрѣшенія подобныхъ вопросовъ. Да общими гражданскими законамъ и незнакомъ совершенно особый институтъ потомственного владѣнія землею, принадлежащую именно проживающему на ней семейству. Въ свою очередь, законоположенія о крестьянахъ также не выясняютъ вопроса о томъ, какъ нужно было бы тутъ дѣйствовать. Но совершенно очевидно, что и здѣсь невозможно отчужденіе безъ соблюденія известнаго порядка, указанного именно закономъ.

Этимъ же самымъ выясняется и смыслъ слова: «передаваемы». Слово это не означаетъ продажи. Оно можетъ имѣть въ виду только сдачу въ аренду. Но, опять, какимъ порядкомъ? Вѣдь и тутъ нельзя обойтись безъ указаній со стороны закона. А, во-вторыхъ, возможна ли дѣйствительная сдача усадьбы въ аренду лицу совершенно постороннему, какъ, повидимому, допускаетъ ст. 26? Такое лицо дѣлалось бы участникомъ въ общинномъ пользованіи такими частями усадьбы, которыя остаются «въ распоряженіи всего общества» (ст. 112 Мѣстн. пол. губ. великорос.). Какъ же могли бы быть согласованы съ такимъ положеніемъ опредѣленія гражданскихъ законовъ, когда статью 26-ю невозможно согласовать и съ Общимъ положеніемъ о крестьянахъ? Кромѣ того, статья 26-я относится, быть можетъ, къ подворному, а не къ общинному землевладѣнію. Положеніе же усадьбы при томъ и другомъ землевладѣніи—не одинаково. Въ то время, какъ ст. 133 Положенія о выкупѣ допускаетъ продажу усадьбы за недоимки, по прошествіи девяти лѣтъ, при подворномъ землевладѣніи,—ст. 127 того же Положенія не допускаетъ этого по отношенію къ общинному землевладѣнію.

Н. Дружининъ.

(Окончаніе будетъ).

НА МОТИВЪ П. БУРЖЭ.

Уже скоро холодной рукой
Смерть-царица мнѣ очи закроетъ,
Скоро-скоро въ могилѣ срой
Мое сердце она успокоитъ,
Но исполнить одно я бѣ желалъ;
Я хотѣлъ бы уснуть тамъ безмолвно—
На морскомъ берегу, гдѣ у скалъ
Вѣчно рошщуть холодныя волны...

Въ часъ, когда налетитъ ураганъ
И подъ темною ризой ночью
Будетъ грозно шумѣть океанъ
Гулко-плещущей, бѣлой волною,—
Долетитъ этотъ шумъ и ко мнѣ..
И я вспомню, какъ въ сердцѣ, бывало,
Словно волны въ морской глубинѣ,
Жажда жизни и страсть возрастали.

А когда къ безмятежной волнѣ
Льнетъ волна, утомясь отъ движенья,—
Будутъ сниться лобзанія мнѣ
Въ ихъ задумчивомъ, ласковомъ пѣннѣ;
И пускай на меня навѣвать
Тихій сонъ будутъ пѣсни былого,
Чтобы могъ я хотя вспоминать
Дальней юности счастье снова!

И. Бунинъ.

К Л А Д Ъ.

Р о м а н ъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Павелъ Андреевичъ воротился домой часу въ шестомъ. Покуда въ немъ кипѣла кровь отъ воспоминаія о томъ, какъ приняли его у дяди; покуда у него оставалась еще нѣкоторая надежда на Муравлева,—онъ не замѣчалъ времени и не чувствовалъ усталости. Ходьба еще больше возбуждала его встревоженные нервы. Но, когда въ немъ созрѣло убѣжденіе, что у Муравлева нѣтъ покуда ничего, кромѣ полубезумныхъ фантазій и, слѣдовательно, нужно отказаться отъ послѣдней надежды на него,—онъ вдругъ почувствовалъ, что страшно усталъ. Усталъ и тѣлесно, и нравственно. Казалось, что вдругъ погасла послѣдняя искра слабого свѣта, все таки нѣсколько освѣщавшая дорогу и ободрявшая его. Теперь не на что больше разсчитывать и некуда идти! Нечего больше обманывать себя призраками какой бы то ни было надежды.

Воротившись домой, онъ легъ на диванъ и неподвижно смотрѣлъ передъ собой глубоко ввалившимися тоскливыми глазами. Теперь онъ, вѣроятно, заснетъ и проспять часа два-три, до сумерокъ. Сходить ли потомъ къ Муравлеву? Или не стоитъ? Пойти опять къ Обоянскому?.. или—лучше—къ Надолбинымъ, такъ какъ у нихъ бываетъ иногда игра покрупнѣе и, слѣдовательно, интереснѣе? Старая, полуглухая и поэтому молчаливая кухарка принесла обѣдъ. Павелъ

Андреевичъ не ѣлъ сегодня ничего и хотѣлъ только пить. Однако онъ подумалъ, что надо же чтонибудь съѣсть, хоть бы ради того, чтобы не свалиться гдѣнибудь въ обморокъ, и сталъ ѣсть. Хлѣбъ показался ему съ какимъ-то неприятнымъ привкусомъ; супъ—совсѣмъ противнымъ, точно въ него были подлиты чернила; жаркое не шло въ горло. Убравъ обѣдъ, молчаливая кухарка подала самоваръ. Павелъ Андреевичъ заварилъ чай и опять легъ на диванъ. Полежавъ немного, онъ растегнулъ жилетъ, вынулъ изъ одного кармана платокъ, изъ другаго папиросницу, изъ третьяго кошелекъ, изъ четвертаго—свертокъ скомканныхъ и измятыхъ мелкихъ ассигнацій. Ему казалось, что именно эти вещи, разсованныя по всѣмъ карманамъ, мѣшаютъ улечься какъ слѣдуетъ и заснуть. Полежавъ еще съ минуту, онъ закурилъ папиросу. Вотъ выкурить ее, выпить стаканъ чаю и тогда, вѣроятно, заснетъ. Спать хочется; усталъ, какъ собака, а сна нѣтъ,—точно этотъ чудодѣй заговорился съ какимънибудь пріятелемъ вотъ тутъ, въ двухъ шагахъ отъ изголовья, и забылъ, что его давно ждетъ измученный человѣкъ.

Однако онъ задремалъ прежде, чѣмъ успѣлъ докурить папиросу. Ему вдругъ приснился недавно видѣнный, совершенно незнакомый тупой переулокъ. Направо домъ, налѣво тоже домъ, деревянный, двухъ-этажный, съ бѣлыми занавѣсками на окнахъ, съ зелеными ставнями внизу, съ палисадникомъ, съ новыми воротами и съ новымъ, несовсѣмъ еще оконченнымъ, заборомъ. Въ углу налѣво навалены бревна. Около нихъ—высокія козла для пильщиковъ. Трава, которою заросъ переулокъ, завалена досками, щепками, стружками, но плотниковъ нѣтъ, пильщиковъ тоже нѣтъ, да и вообще во всемъ переулкѣ не видать и не слышать ни одной живой души, точно всѣ умерли. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, всѣ умерли? Отчего не слышно даже лая собакъ за воротами? Какъ это не показывается никто ни на улицѣ, ни въ калиткахъ, ни у оконъ?.. И вдругъ, откуда-то, будто изъ-за груды бревень, появляется Василій Васильевичъ съ чрезвычайно слащавою улыбкою на губахъ, но съ какимъ-то ужаснымъ, — и зло-раднымъ, и торжествующимъ, и полнымъ ненависти, — выраженіемъ въ глазахъ.

— Пожалуйста, не можете ли вы мнѣ сказать, — какъ же

отсюда выйти?—насмѣшливо спрашивает онъ, нѣсколько шепелявя и крутя шей въ слишкомъ узкомъ, туго накрахмаленномъ стоячемъ воротничкѣ.—Нигдѣ нѣтъ выхода. И тутъ—домъ, и тамъ, назади, — каменный домъ поперекъ переулка. И вездѣ заперто. А, главное, всѣ умерли... Я сейчасъ звонилъ и стучалъ и, пожалуй, еще позвоню, но чтѣ толку? Вотъ тутъ, у самой калитки, лежитъ мертвый человѣкъ съ папирской въ рукѣ, а подале, около своей кануры,—мертвая собака съ цѣпью на шеѣ и оскаленными зубами. Григорій Александровичъ Муравлевъ тоже умеръ.—Онъ дергаетъ за ручку колокольчика у воротъ. Послышался громкій звонокъ и шумъ проволоки, а послѣ этого опять наступила подавляющая и зловѣщая тишина, отъ которой сжалось сердце у Павла Андреевича. Что-то подозрительное чувствуется въ этой тишинѣ. Кто-то тамъ стоитъ, за этой калиткой, и чего-то ждетъ, и вотъ сейчасъ растворитъ ее... Вотъ она широко растворилась настежь и опять затворилась; кто-то вышелъ изъ нея, шаркая ногами, но вышелъ совершенно невидимый, — потому что на немъ надѣта шапка-невидимка. Тотчасъ же вслѣдъ за этимъ, домъ незнакомаго тупаго переулка начали точно таять въ воздухѣ, отодвигаясь все дальше, дальше, и наконецъ Павелъ Андреевичъ увидѣлъ передъ собою стѣны своей комнаты, темную дверь въ темный коридоръ, и на порогѣ этой двери—высокую фигуру Дивова, въ длинной шинели отставнаго военнаго, какъ въ чехлѣ. Это еще что такое? Тоже сонъ или не сонъ? Павелъ Андреевичъ сѣлъ на диванѣ, протирая глаза, и чувствовалъ, что вся кровь медленно отливаетъ у него съ лица и оно становится такимъ же блѣднымъ, какъ эта ска-терть на столѣ подъ самоваромъ и чайнымъ приборомъ.

— Я васъ разбудилъ,—сказалъ Дивовъ.—Извините,—не зналъ... Я и звонилъ у двери, и шаркалъ ногами въ прихожей, да такъ и не дождался, чтобы ктонибудь вышелъ ко мнѣ. Извините...

Онъ повѣсилъ свою шинель на вѣшалку и тогда поклонился Павлу Андреевичу, крѣпко стукнувъ каблуками и слегка покачнувшись верхнею частью корпуса впередъ. Павелъ Андреевичъ дрожащими руками пододвинулъ ему кресло.

— Благодарствую... Пожалуй, на минутку присяду... Я уже навѣдывался къ вамъ сегодня передъ обѣдомъ, часу этакъ

во второмъ, да не засталъ васъ. Надо бы мнѣ переговорить съ вами о нашемъ дѣлѣ, — сказалъ Дивовъ, скользнувъ своими суровыми глазами по всей обстановкѣ комнаты, и потомъ спросилъ: — Говорять, Алексѣй Тихоновичъ серьезно боленъ?

— Право, я не знаю, — отвѣчалъ Павелъ Андреевичъ, сѣвши спиной къ свѣту и запрятавъ похолодѣвшія руки въ рукава. — Онъ говоритъ, что чувствуетъ себя очень нехорошо. А докторъ говоритъ, что дядя совсѣмъ здоровъ, только разстроенъ.

— Ну, это тоже... какъ сказать? — произнесъ Дивовъ. — Докторъ видитъ только то, что можетъ видѣть. А можетъ видѣть онъ далеко не все: не Богъ! На свѣтѣ все бываетъ. Бываетъ такъ, что, по словамъ господъ докторовъ, человѣку надо бы еще прожить лѣтъ сорокъ, а онъ возьметъ да и умретъ въ тотъ же самый день къ вечернѣ. Бываетъ и такъ, что иной человѣкъ собирается умирать семь разъ на недѣлѣ, а доктора только посмѣиваются себѣ — и оказываются правы. Все можетъ быть.

— Конечно, — согласился Павелъ Андреевичъ.

— На свѣтѣ все бываетъ, — повторилъ Дивовъ съ особенно многозначительнымъ взглядомъ. — А переговорить съ вами я хотѣлъ бы вотъ по какому поводу. Нельзя ли будетъ, къ общему нашему удовольствію, какъ нибудь покончить съ нашимъ векселькомъ теперь же?

— Какъ, теперь же? — тихо повторилъ Павелъ Андреевичъ, съ тоскою всматриваясь въ него и стараясь угадать, — къ чему онъ клонитъ все это? Узналъ ли все? Заподозрилъ ли что нибудь? Просто ли нашелъ для денегъ болѣе выгодное помѣщеніе?

— Такъ, теперь же, иначе говоря — сегодня, завтра, по возможности въ скоромъ времени, а не дожидаясь условленнаго срока. Изволите ли видѣть, я ошибся. По моимъ расчетамъ, деньги мнѣ должны были бы понадобиться въ іюлѣ, а вышло такъ, что онѣ понадобятся раньше. Цѣлымъ мѣсяцемъ раньше-съ. Такъ что, еслибы представилась возможность очистить вашъ векселькъ теперь же, то это мнѣ доставило бы очень большое удовольствіе... Да и съ васъ, конеч-

но, свалилась бы нѣкоторая лишняя тяжесть... иначе говоря—вамъ пришлось бы меньше заплатить процентов...

Павель Андреевичъ медленно покачалъ головой, стараясь, прежде чѣмъ начать говорить, по возможности овладѣть своими трепещущими нервами, выраженіемъ лица, а—главное—голосомъ, который легко можетъ измѣнить ему.

— Нельзя?—спросилъ Дивовъ.

— Невозможно,—отвѣчалъ, наконецъ, Павель Андреевичъ.—Если вы припомните, я просилъ у васъ этихъ денегъ даже не на три мѣсяца, а на шесть... Притомъ же, я ихъ занималъ не для себя, а для одного товарища. Зимой онъ постоянно живетъ въ Москвѣ, а на лѣто всегда уѣзжаетъ куда нибудь... то туда, то сюда.

— За границу?—спросилъ Дивовъ и, какъ показалось Павлу Андреевичу, насмѣшливо усмѣхнулся.

— Иногда и за границу. Гдѣ же я буду разыскивать его? И сколько времени уйдетъ на эти розыски?.. А что касается до меня, то... откуда я достану три тысячи?.. Рублей двѣсти, триста... вотъ и всѣ мои деньги.

— И никогда ихъ у васъ не будетъ!—рѣзко и, какъ показалось Павлу Андреевичу, очень многозначительно сказалъ Дивовъ.

Онъ всталъ съ кресла, взялъ свою фуражку и, показывая ею на свертокъ скомканныхъ ассигнацій, валявшійся на столѣ, прибавилъ:

— Вы меня извините, а я вамъ прямо скажу, что кто такъ обращается съ деньгами, у того ихъ никогда не будетъ. Вы примите какъ слѣдуетъ самую маленькую бумажонку, какая придетъ къ вамъ въ гости, расправьте, да разгладьте, да положите бережно въ хорошее мѣсто, да пожалѣйте ее, когда придется расставаться съ нею,—вотъ тогда деньгамъ и понравится бывать у васъ... А то что же такое? Взялъ—скомкалъ, пришлось отдавать—вышвырнулъ... Этакъ нельзя-сь!

Онъ съ жалостью посмотрѣлъ на скомканныя деньги, точно это были живыя, жестоко страдающія существа, и съ упрекомъ покачалъ головой.

— Ну, невозможно, такъ невозможно, нечего дѣлать,—сказалъ онъ, накинувъ на плечи шинель.—Придется принять

другія мѣры... А вы бы все таки попробовали написать вашему знакомому,—можетъ быть, дѣло и устроилось бы еще... Еслибы вашъ знакомый выслалъ деньги черезъ недѣлю, или даже черезъ полторы,—это, пожалуй, не было бы поздно, я могъ бы подождать.

— Хорошо я напишу сегодня же,—сказалъ Павелъ Андреевичъ.

Проводивъ своего неожиданнаго гостя до выходной двери, Павелъ Андреевичъ воротился въ свою комнату, сталъ у окна и ничего не видящимъ, полнымъ страданія взглядомъ смотрѣлъ передъ собою. Что же это такое? Что такое еще? Услышалъ ли откуда нибудь Дивовъ, что у старика Арапова нѣтъ никакихъ долговъ, векселей и обязательствъ? Заподозрилъ ли что нибудь? Или ему дѣйствительно понадобились деньги на какое нибудь другое дѣло? Но, въ такомъ случаѣ, неужели же можно объяснить одною только случайностью всѣ эти его странныя выраженія, въ родѣ: „съ васъ скатится лишнее бремя“... „придется принять другія мѣры“... и многія, многія другія. Въ томъ-то и дѣло, что ихъ ужъ слишкомъ много для простой случайности. Вѣроятно же всего, что онъ заподозрилъ что-то и поэтому хотѣлъ бы, поскорѣе и безъ всякихъ непріятныхъ исторій, покончить съ этимъ сомнительнымъ дѣломъ. Поскорѣе!.. „Недѣлю или полторы онъ можетъ подождать“, а тамъ „ему придется принять другія мѣры“. То есть, разумѣется, пойдетъ къ „умирающему старику“ и покажетъ ему сомнительный вексель... Что же? И пусть идетъ, и пусть все рушится! Конечъ, во всякомъ случаѣ, предстоитъ одинъ и тотъ же, а наступить онъ нѣсколькими недѣлями раньше или позже,—не все ли равно? Ахъ, все равно, все равно? И не было ему никакой надобности лгать передъ этимъ ростовщикомъ, какъ провинившемуся школьнику передъ учителемъ, не было надобности выдумывать всѣ эти глупости о какомъ-то товарищѣ въ Москвѣ, котораго онъ не знаетъ, гдѣ разыскивать... Господи, Господи, какая все это гадость!..

Дойдя до той мысли, что „все равно“, Павелъ Андреевичъ какъ будто нѣсколько успокоился, и обстоятельства стали представляться ему именно такими, какими они и были въ дѣйствительности. Все пусяки... Это нервы... Нервы у него

стали просто никуда негодны. На него находить по временамъ чисто нервная трусость, какъ на пьяницъ, въ конецъ разстроившихъ свое здоровье и вдругъ начинающихъ трястись всѣмъ тѣломъ при видѣ смиренной собачонки, которая ни съ того, ни съ сего представляется имъ страшною и бѣшеною. Дивовъ—человѣкъ горячій, нетерпѣливый, страшно тяжелый по характеру и, главное, грубый, даже не позволительно грубый, въ особенности съ людьми, которымъ онъ довѣрилъ свои драгоценныя деньги. И, еслибы въ него закралось хоть малѣйшее подозрѣніе относительно того, что Павелъ Андреевичъ подsunулъ ему несовсѣмъ надежный и далеко не безспорный вексель, развѣ онъ такъ бы сталъ держать себя и говорить? Навѣрное, весь этотъ домишка заходилъ бы ходуномъ отъ его крика и топанья ногами. А между тѣмъ онъ пришелъ сюда любезнымъ и добродушнымъ, извинялся, что разбудилъ его, философствовалъ и даже прочиталъ ему нѣчто въ родѣ дружескаго наставленія по поводу того, какъ слѣдуетъ обращаться съ деньгами. Не ясно ли, какъ божій день, что человѣкъ пришелъ не съ какими нибудь подозрѣніями и задними мыслями, а дѣйствительно съ просьбою объ услугѣ, которую могутъ ему сдѣлать, а могутъ и не сдѣлать — какъ захотятъ!.. Кажется, такъ ясно, что объ этомъ не стоитъ больше и думать.

Павелъ Андреевичъ почти совсѣмъ успокоился. Но только что онъ почувствовалъ это успокоеніе, въ ту же минуту точно кто-то невидимый подошелъ къ нему и шепнулъ на ухо: „Да, въ сущности, не все ли это равно для тебя? Ну, нѣсколькими недѣлями позже придетъ конецъ, но вѣдь все таки придетъ и будетъ все тотъ же самый, не какой нибудь другой... Только дольше протянется пытка, и безъ того измучившая тебя, — вотъ и вся разница!“ Тяжело вздохнувъ, Павелъ Андреевичъ легъ на диванъ. И опять, — какъ звѣрь, попавшійся въ западню и въ сотый разъ обходящій вокругъ ея стѣнъ, высматривая, неужели же нѣтъ никакой возможности выбраться изъ нея, — онъ сталъ думать о своемъ безвыходномъ положеніи. Вѣрнѣе, онъ не думалъ. Онъ и усталъ, и не хотѣлъ думать объ этомъ. Но какъ-то противъ воли вривались въ его мозгъ разрозненные и безсвязныя мысли то о дядѣ, то о Валентинѣ Константиновнѣ, то о средствахъ достать гдѣ нибудь нужныя три ты-

сочи, то о Муравлевѣ и его планѣ. Все вздоръ! Къ дядѣ онъ не пойдетъ за деньгами,—это рѣшено. Занять три тысячи, хотя бы по частямъ, у разныхъ лицъ,—тоже нечего и думать. Планъ Муравлева—одна нелѣпая фантазія. Все вздоръ и вздоръ! Остается только одно: пойти къ тому обрыву, который показывалъ вчера Муравлевъ, сѣсть тамъ на самомъ краю, свѣсивъ ноги внизъ, и выстрѣлить себѣ въ високъ. И все будетъ кончено. И пусть тогда дѣлаютъ, что хотятъ, пусть суетятся всѣ Дивовы, Валентины Константиновны, Василии Васильевичи и Алексѣи Тихоновичи; пусть называютъ его какими угодно именами, а онъ все таки ликвидируетъ всѣ свои житейскія дѣла и уйдетъ далеко туда, откуда никто не возвращается, какъ бы его ни называли и ни призывали Прощайте всѣ. Да, прощай и ты, заходящее солнце, точно само пришедшее проститься и заглянуть ему въ глаза своими розовыми, нѣжными лучами! Онъ повернулъ на подушкѣ голову и смотрѣлъ своими страшными глазами, будто покрытыми какою-то стекловидною пленкою, въ растворенное окно, на раззолоченную дорогу, по которой пришло къ нему солнце. Старые полусгнившіе столбы террасы, ея обвитая плющемъ рѣшетка, вершины молоденькихъ яблонь и акацій, тучи мошекъ, толочшіяся надъ ними, высокія старыя березы сосѣдняго сада—все было точно вызолочено лучами солнца, медленно плывшаго къ западу тамъ, за бѣлыми стволами и зелеными вѣтвями этихъ березъ. Выше—неподвижно стояло, точно задремавшее, бѣлое облачко; еще выше виднѣлся бѣлый полукругъ блѣднаго мѣсяца, а за нимъ разстиралась синева безграничнаго воздушнаго океана, неподвижнаго, нѣмаго, таинственнаго. Свистя крыльями, промелькнулъ мимо террасы голубь, другой, третій... Гдѣ-то вдаль, должно быть, въ загородномъ монастырѣ, послышался звонъ колокола, меланхолическій, тихій, похожій скорѣе на колебаніе какой-то громадной струны, и чѣмъ больше вслушивался въ этотъ меланхолическій звонъ Павелъ Андреевичъ, тѣмъ больше тоски и скорби появлялось въ его страшныхъ глазахъ. Ничего не остается больше дѣлать, какъ умереть, а между тѣмъ почти нѣтъ силъ проститься съ жизнью. „Нужно умереть, а сердце только что не съ рыданьями говорить, что надо жить и жить во что бы то ни стало“, вспомнились ему слова Муравлева.

Именно съ рыданьями! Оно разрывается отъ рыданій по этому кроткомъ вечернемъ свѣтѣ, по этимъ позолоченнымъ солнечными лучами деревьямъ, цвѣтамъ и травѣ, по этому меланхолическому колокольному звону. Всего, всего жаль невыразимо!

Онъ повернулся на своемъ диванѣ лицомъ къ стѣнѣ, чтобы ничего не видѣть, и закрылъ глаза. Но черезъ какую нибудь минуту онъ опять открылъ ихъ и неподвижнымъ, упорнымъ, не мигающимъ взглядомъ, наморщивъ брови, сталъ смотрѣть въ одну точку на стѣнѣ, точно именно въ этой точкѣ заключалось нѣчто такое, что подавало ему нѣкоторую надежду выбраться изъ западни и спастись. „Жить во что бы то ни стало... во что бы то ни стало“, повторялъ онъ слова Муравлева, и ему все больше и больше начинало казаться, что планъ его стараго товарища—не одна только безумная фантазія, а дѣйстви тельно планъ. Планъ дерзкій, планъ отчаянный—это правда, но неосуществимаго въ немъ ничего нѣтъ. Положимъ, поставить себя въ зависимость отъ какого-то бѣжавшаго изъ Сибири негодая—это ужасно, но когда человѣку приходится выбирать что нибудь одно изъ двухъ: или умереть завтра же, или попасть въ эту зависимость когда-то впоследствии, — что мудренаго, если онъ выберетъ второй исходъ? Что ему остается больше дѣлать?

Ничего, ничего неосуществимаго нѣтъ въ этомъ планѣ,—продолжалъ думать Павелъ Андреевичъ, припоминая обстановку и расположеніе банковской кладовой. Однажды, весной, когда ему понадо билось немедленно переговорить съ Муравлевымъ, одинъ изъ директоровъ банка, нѣсколько знакомый съ Павломъ Андреевичемъ, любезно проводилъ его въ эту кладовую, въ которой былъ занятъ Муравлевъ. Переговоривъ о дѣлѣ, Павелъ Андреевичъ не безъ любопытства оглядѣлъ это мрачное подземелье съ массивными шкафами, хранившими въ своихъ нѣдрахъ деньги, цѣнные бумаги и болѣе важные изъ документовъ. Стѣны были толстыя, каменные. Полъ — плитяной, потолокъ сводчатый. Посрединѣ потолка висѣла большая, ярко горѣвшая лампа въ проволочной сѣткѣ. Отъ верхнихъ комнатъ кладовая отдѣлялась двумя тяжелыми желѣзными дверями,—одна внизу, другая вверху лѣстницы. Въ стѣнахъ были всего только два крошечныя, задѣланныя двойными желѣзными рѣшетками, оконца, въ которыя могла бы

пробраться развѣ только крыса. Павелъ Андреевичъ заглянулъ въ одно изъ этихъ окошекъ, выходявшее на улицу, заглянулъ въ другое, выходявшее на другую улицу, смѣрилъ глазами разстояніе отъ нихъ до земли, постучалъ ногою по каменнымъ плитамъ, которыми былъ устланъ полъ, и покачалъ головою. У него тогда же промелькнула мысль, что насколько трудно проникнуть въ эту кладовую сверху, настолько же немудрено пробраться въ нее снизу, прорывъ подъ поломъ подземный ходъ отъ какого нибудь изъ двухъ домишекъ, стоящихъ противъ нея, по другую сторону улицъ.

Въ одномъ изъ этихъ домишекъ онъ никогда не былъ и не обращалъ на него никакого вниманія. Ему смутно припоминалось только, что это былъ деревянный маленькій домъ въ три или даже въ два окна, очень старыи, съ покосившимися воротами и сломанными ставнями. Зато другой домъ онъ зналъ хорошо, потому что тамъ довольно долго жилъ одинъ изъ его товарищей. Это былъ тоже небольшой деревянный домъ въ четыре комнаты, съ кухней черезъ сѣни. Хозяева не жили сами въ этомъ домѣ и отдавали его внаймы. Квартира въ немъ была одна, такъ что тотъ, кто нанималъ ее, оказывался единственнымъ владѣльцемъ не только ея, но всего дома съ дворомъ, сараями, погребомъ и небольшимъ садомъ. Подсматривать за тѣмъ, что дѣлается въ этомъ домѣ, — некому. На случай какихъ нибудь неожиданныхъ посѣщеній, можно во всякое время просто запереть ворота. И, въ довершеніе всѣхъ этихъ удобствъ, подъ домомъ, какъ разъ подъ одною изъ комнатъ, обращенныхъ окнами къ банку, есть подвалъ, настолько большой и глубокий, что въ немъ помѣстится чуть ли не вся земля, которую придется вырыть, чтобы добраться до кладовой. И много ли же, въ сущности, придется вырыть этой земли? — продолжалъ думать онъ, по прежнему неподвижно смотря въ стѣну и сосредоточенно морща лобъ. Улицы, на углу которыхъ стоитъ банкъ, обѣ не изъ широкихъ. По всей вѣроятности, не шире же онѣ двадцати сажень. Ну, положимъ, двадцать сажень, слѣдовательно шестьдесятъ аршинъ. Подземный ходъ придется рыть около аршина въ ширину и такой вышины, чтобы можно было кое-какъ работать, стоя на колѣняхъ. Слѣдовательно, аршина полтора... Такимъ образомъ, земли придется вынуть всего...

девяносто кубическихъ аршинъ. Неужели только? Онъ до того удивился, что даже всталъ съ дивана и, уже стоя, повторялъ про себя свои вычисленія. Двадцать сажень, шестьдесятъ аршинъ; аршинъ на ширину и аршинъ на вышину—шестьдесятъ кубическихъ аршинъ; прибавить еще полъ-аршина на вышину—тридцать кубическихъ аршинъ. Слѣдовательно, такъ и есть: девяносто кубическихъ аршинъ... Неужели же въ самомъ дѣлѣ только? Или, можетъ быть, улицы гораздо шире, чѣмъ онѣ кажутся на глазъ? Или онъ взялъ слишкомъ тѣсные размѣры для подземнаго хода? Съ озабоченнымъ и недоумѣвающимъ видомъ онъ отыскалъ въ углу около письменнаго стола широкую, длинную линейку, раздѣленную по одной сторонѣ на дюймы, по другой на вершки. Машинально стеревь съ нея пыль и паутину, онъ смѣрилъ ширину своихъ плечъ и мысленно сказалъ себѣ, что аршина на ширину подземнаго хода, пожалуй, даже много. Послѣ этого онъ сталъ на колѣни около стѣны и отмѣтилъ на ней то мѣсто, до котораго доставала въ этомъ положеніи его голова. Смѣривъ затѣмъ линейкой разстояніе отъ пола до этой отмѣтки, онъ сказалъ себѣ, что и полутора аршина на вышину подземнаго хода совершенно достаточно. Неужели же, дѣйствительно, земли нужно вынуть всего только три съ половиной кубическихъ сажени? Или, въ самомъ дѣлѣ, улицы значительно шире?.. Нѣтъ, это до такой степени интересно, что онъ сейчасъ же пойдетъ и смѣритъ шагами ширину обѣихъ улицъ.

Въ чисто лихорадочномъ возбужденіи, онъ закурилъ папиросу, тотчасъ же бросилъ ее, одѣлся и вышелъ изъ дому. Понутивъ голову, не видя ничего, кромѣ ногъ встрѣчавшихся ему прохожихъ, онъ пошелъ опять изъ улицы въ улицу и озабоченно думалъ, что еслибы, дѣйствительно, земли нужно было вырыть только три сажени, то она вѣдь вся свободно помѣстилась бы тутъ же въ подвалѣ, изъ котораго долженъ идти подземный ходъ. Ни одного мѣшка не пришлось бы перетаскивать куда нибудь въ другое мѣсто. Слѣдовательно, вся работа будетъ происходить въ подвалѣ и въ подземномъ ходѣ, а наверху, — на дворѣ, въ домѣ, — не предстоитъ ни малѣйшей надобности принимать какія нибудь особенныя мѣры предосторожности, таиться и запираеть ворота. Напротивъ, все должно быть растворено настежь, чтобы ни въ

комъ не могло шевельнуться подозрѣніе, что въ этомъ домѣ творится что-то особенное. Наверху слѣдуетъ находиться чело-вѣчку, котораго самая главная обязанность должна заклю-чаться въ томъ, чтобы постоянно быть на виду у всѣхъ, слу-чайнао заглядывающихъ въ домъ, и жить именно такъ, какъ живутъ всѣ добрые люди, ничего не скрывающіе и ничего не опасующіеся. А въ это самое время, внизу, подъ землей долженъ работать другой чело-вѣкъ. *Этого* никто не будетъ видѣть. А еще лучше, устроить такъ, чтобы никто даже и не подозрѣвалъ о присутствіи этого чело-вѣка въ домѣ. Жи-ветъ въ домѣ всего одинъ чело-вѣкъ, но тотъ живетъ, какъ всѣ остальные люди, а другаго и нѣтъ никого... Въ отдале-ніи показался бѣлый двухъ-этажный каменный домъ банка. Подходя къ углу, Павелъ Андреевичъ пошелъ нѣсколько тише, чтобы начать счетъ шаговъ какъ разъ отъ стѣны дома. „Разъ, два, три... десять... пятнадцать“, сосредоточенно счи-талъ онъ про себя, хмурясь, когда встрѣчные прохожіе за-ставляли его немного уклоняться въ сторону отъ прямой ли-ніи. „Сорокъ три... сорокъ девять... всего сорокъ девять“! Въ десяти саженьяхъ онъ считалъ двадцать девять своихъ ша-говъ, но, если положить для ровнаго счета всѣ тридцать, то вѣдь выходитъ, что ширина улицы—всего шестнадцать сажень... Шестнадцать сажень—это сорокъ восемь аршинъ. Сорокъ восемь и двадцать четыре—семьдесятъ два. Теперь выходитъ, что земли надо вынуть уже не девяносто кубиче-скихъ аршинъ, а всего семьдесятъ два аршина,—меньше трехъ сажень... Неужели же онъ не обсчитался?.. Нужно будетъ сейчасъ пойти опять и провѣрить счетъ на другой улицѣ, такъ какъ она, на глазъ, совершенно одинаковой ширины съ пер-вой. Свертывая во встрѣчные переулки, все направо и на-право, онъ обошелъ кругомъ кварталъ и опять сталъ подхо-дить къ банку, только уже по другой улицѣ, пересѣкавшей первую. Здѣсь, отъ стѣны угловаго дома до стѣны банка онъ насчиталъ тѣ же сорокъ девять шаговъ. Кажется, нельзя больше сомнѣваться,—ошибки нѣтъ никакой: земли прихо-дится вырыть, дѣйствительно, меньше трехъ кубическихъ са-жень. Положимъ, вырыть три сажени земли въ тѣсной под-земной норѣ, въ которой нечѣмъ дышать, трудно повернуться и нужно работать не иначе, какъ сидя или стоя на колѣ-

няхъ, то есть, не имѣя даже достаточно крѣпкой точки опоры,—далеко не то, что вырыть три сажени земли гдѣ нибудь въ саду или въ полѣ. Но не въ этомъ дѣло. Главное дѣло въ томъ, что эти три сажени вырытой земли ужь навѣрное умѣстятся въ подвалѣ, и такимъ образомъ не только упрощается самая работа,—вслѣдствіе того, что вырытую землю не придется перетаскивать далеко отъ того мѣста, изъ котораго она вырыта,—но значительно упрощается и все дѣло. Буда бы пришлось выносить вырытую землю, еслибы не было этого подвала? Въ сарай, въ погребъ, на чердакъ?.. Во всякомъ случаѣ, работа шла бы вдесятеро медленнѣе, и каждую минуту можно было бы опасаться, что кто нибудь замѣтитъ эту необычную работу. Тогда какъ теперь работать можно совершенно спокойно и днемъ, и ночью. Тому, кто будетъ рыть подземный ходъ, не о чемъ заботиться и думать, кромѣ своей работы. Самая трудная роль въ этомъ дѣлѣ выпадаетъ не на его долю, а на долю того, кто будетъ дежурить наверху, хотя, въ сущности, и тому какъ будто бы нечего больше дѣлать, какъ ѣсть, пить, ставить самовары и спать. Въ сущности, дѣло даже не въ его роли... Дѣло въ томъ, что когда подкопъ будетъ доведенъ до конца, этому человѣку, бывшему на глазахъ у всѣхъ, придется исчезнуть отсюда по возможности безслѣдно. Слѣдовательно, его не долженъ знать никто изъ здѣшнихъ обывателей и, кромѣ того, ему непременно надо имѣть на всякій случай фальшивый паспортъ, потому что—кто знаетъ—можетъ быть, у него и не спросятъ его документовъ, а, можетъ быть, и спросятъ.

Конечно, все это мелочи и пустяки, думалъ Павелъ Андревичъ, идя, какъ утромъ, все прямо и прямо, куда глаза глядятъ. У такого человѣка, какъ этотъ Пантелей, — стоявшій нѣкогда во главѣ цѣлой шайки грабителей и потомъ совершившій путешествіе изъ Сибири на родину,—разумѣется, найдется немало пріятелей, которые пойдутъ за хорошія деньги не только на такое пустое для нихъ дѣло, но и на какое угодно. Фальшивые паспорта у нихъ, вѣроятно, найдутся въ какомъ угодно количествѣ. Незамѣтно скрыться, по окончаніи дѣла, въ какое нибудь далекое или близкое, но во всякомъ случаѣ безопасное мѣсто—для этихъ людей тоже не составитъ особенной трудности; такъ что,

говоря вообще, нѣтъ почти никакихъ особенныхъ трудностей, которыя мѣшали бы приступить къ осуществленію этого плана. И—кто знаетъ—можетъ быть, всякіе предварительные переговоры давнымъ давно покончены и дѣло теперь уже начато? Можетъ быть, между банкомъ и однимъ изъ угловыхъ домовъ уже положено начало тому подземному ходу, за участь котораго такъ мучительно боялся Муравлевъ въ своемъ недавнемъ снѣ, когда прислушивался къ грохоту фантастической телѣги, подвигавшейся по улицѣ и сотрясавшей своею тяжестью самую землю? Павелъ Андреевичъ остановился и посмотрѣлъ вокругъ себя. Точно очнувшись отъ забытья, онъ нѣсколько удивился и тому, что уже наступала ночь, и тому, что зашелъ такъ далеко, хотя шель, какъ ему казалось, очень недолго. Повернувъ обратно, онъ пошелъ ускоренными шагами опять къ банку, чтобы хоть мелькомъ взглянуть на тѣ два дома, что стояли противъ него. По крайней мѣрѣ, онъ посмотреть—заняты ли они; увидеть, можетъ быть, огонь въ окнахъ, увидеть при этомъ огнѣ еще чтонибудь... Онъ шель все скорѣе и скорѣе, покуда не приблизился къ банку шаговъ на полтораста. Тогда онъ пріостановился, закурилъ папиросу и пошелъ тише, пристально всматриваясь черезъ улицу туда, гдѣ чернѣлся во мракѣ тотъ знакомый ему домъ, въ которомъ жилъ прежде его товарищъ. Огня не было видно въ этомъ домѣ. Но, можетъ быть, въ немъ просто закрыты ставни?.. Павелъ Андреевичъ перешель черезъ улицу къ самому дому и медленно пошелъ мимо оконъ, смотря на нихъ и чувствуя, что сердце его начинаетъ биться сильнѣе и сильнѣе. Нѣтъ, напрасно онъ волнуется. Ставни не закрыты. Огня, дѣйствительно, нѣтъ ни въ одномъ изъ оконъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ виднѣются бѣлыя бумажки, — слѣдовательно, домъ не занятъ и отдается внаймы. На столбѣ у воротъ тоже налѣплена бѣлая бумага, а калитка заперта снаружи большимъ висячимъ замкомъ... Ясное дѣло, что домъ пустуетъ и даже еще не нанятъ, потому что иначе, вѣроятно, догадались бы снять билеты съ воротъ и оконъ. Павломъ Андреевичемъ овладѣло такое горькое чувство, какъ будто его жестоко обидѣли и обманули. Даже не нанятъ домъ!.. Изъ-за чего же Григорій Александровичъ такъ безпокоился, что фантастическая телѣга, потрясающая землю, разрушить

что-то? Чтò она может разрушить, когда еще ничего нѣтъ?.. Съ досадою бросивъ на землю окурокъ папиросы и машинально затувивъ ногою разсыпавшіяся искры, онъ вспомнилъ однако же, что есть еще другой домъ, о которомъ онъ не думалъ до сихъ поръ только потому, что совсѣмъ не знаетъ его. Можетъ быть, тотъ домъ не только не хуже этого, а даже еще удобнѣе.

Перейдя по діагонали черезъ перекрестокъ улицъ, Павелъ Андреевичъ подошелъ почти къ самымъ окнамъ этого другаго дома. И здѣсь не было видно огня. И здѣсь на стеклахъ виднѣлись бѣлые четырехъугольники налѣпленной бумаги. Пусто и здѣсь. Калитка этого дома была растворена настежь и, заглянувъ въ нее, Павелъ Андреевичъ увидѣлъ очень узкій, очень длинный и казавшійся теперь совсѣмъ чернымъ дворъ, въ самой глубинѣ котораго, за сѣткой какихъ-то вѣтвей или кустовъ, виднѣлись два освѣщенные окна. По всей вѣроятности, тамъ живутъ сами хозяева этого дома. Чтò же можно въ немъ сдѣлать, подъ ихъ постояннымъ наблюдениемъ? Разочарованный, еще сильнѣе чувствуя себя какъ будто обманутымъ и обиженнымъ, Павелъ Андреевичъ уныло посмотрѣлъ кругомъ. Рядомъ съ этимъ угловымъ домомъ стояло крошечное каменное строеньеце, въ которомъ помѣщалась молочная лавка; на другомъ углу, по діагонали отъ банка, не было ничего, кромѣ большаго сада, обнесеннаго кирпичною оградой; на третьемъ углу стоялъ запертый домъ, а за нимъ, передъ воротами и дворомъ банка, тянулось какое-то длинное низенькое строенье, въ родѣ конюшенъ, съ узенькими окошками подъ самой крышей. „Можетъ быть, пресловутый подземный ходъ ведется изъ этихъ конюшенъ или, еще вѣрнѣе, изъ этого сада, принадлежащаго, кажется, институту благородныхъ дѣвицъ?“ съ горечью подумалъ Павелъ Андреевичъ. Вздохнувъ и повѣсивъ голову, онъ медленно пошелъ прочь, — сначала въ одну сторону, къ себѣ домой, но минуты черезъ двѣ вернулся обратно и пошелъ по другой дорогѣ, — къ Муравлеву. Нужно будетъ опять завести разговоръ объ этомъ планѣ или снѣ... Необходимо же наконецъ выяснить — есть у Муравлева хоть какіе нибудь расчеты, планы, надежды на что бы то ни было, могущее спасти ихъ, или ничего нѣтъ. Это необходимо, необходимо выяснить. Нельзя жить такъ, какъ живешь теперь. Не-

возможно то увлекаться какими-то фантастическими надеждами, то будто сваливаться съ облаковъ на землю и видѣть, что никакихъ надеждъ нѣтъ, ничего хорошаго нѣтъ; впереди только смерть, позоръ и хохотъ разныхъ Васильевъ Васильевичей. Нельзя жить такъ! Ему и безъ того уже начинается по временамъ казаться, что онъ не живетъ, а просто бредить и видеть страшные сны въ чередующихся, одинъ за другимъ, припадкахъ какой-то мучительной болѣзни.

II.

Подойдя къ дому, въ которомъ жилъ Муравлевъ, Павелъ Андреевичъ сошелъ съ тротуара на середину улицы и посмотрѣлъ на окна. Въ двухъ окнахъ кабинета Муравлева былъ виденъ свѣтъ, окна залы тоже были освѣщены, и черезъ нихъ ясно слышались звуки рояля, меланхолическіе, суровые и строгіе, но какіе-то слишкомъ однообразные, какъ будто музыкантъ былъ весь поглощенъ чуждыми музыкѣ мыслями и машинально повторялъ все однѣ и тѣ же музыкальныя фразы. Очевидно, Муравлевъ былъ дома и, по всей вѣроятности, одинъ, но Павла Андреевича нѣсколько удивило то, что во всѣхъ другихъ этажахъ этого огромнаго дома только изрѣдка виднѣлись одиночныя освѣщенныя окна... Точно день уже оканчивался и люди разбрелись по кабинетамъ и спальнямъ... Сколько же теперь часовъ? Закуривъ папиросу, онъ посмотрѣлъ на часы и съ изумленіемъ увидѣлъ, что было уже безъ десяти минутъ двѣнадцать. Дѣйствительно, онъ живетъ, какъ въ бреду, утративъ всякое представленіе о времени! Ему казалось, что теперь всего десять часовъ, и если ночь пришла такъ рано и такъ темна, то отъ того лишь, что на небо направились со всѣхъ сторонъ грозовыя тучи.

Сначала онъ хотѣлъ было воротиться домой, однако не двинулся съ мѣста. Нужно же узнать хоть что нибудь; нельзя же ждать почти цѣлыя сутки до завтрашняго вечера... Съ него довольно будетъ на сегодня даже того, если онъ зайдетъ къ Муравлеву всего на нѣсколько минутъ и увидитъ по его лицу и глазамъ, что у него все еще есть тѣ надежды и

планы, которые, очевидно, были вчера. Нѣтъ, рѣшительно необходимо зайти хоть на минуту.

— А я ждалъ, ждалъ тебя и уже пересталъ ждать, — сказалъ Муравлевъ, самъ отпирая ему дверь.

— Кто же будетъ ждать въ такое время? Я думалъ, что теперь десять часовъ и только сію минуту увидѣлъ, что уже двѣнадцать. Хотѣлъ было воротиться домой, — отвѣчалъ Павелъ Андреевичъ, не снимая пальто.

— Такъ что же, что двѣнадцать? Я и прежде почти никогда не ложился раньше часу, а теперь и совсѣмъ не знаю, какъ быть съ этими проклятыми ночами. Нѣтъ у меня сна, совсѣмъ нѣтъ!.. Пойдемъ, снимай свое пальто. Самое лучшее, я велю постелить тебѣ постель на диванѣ. Будемъ сидѣть и говорить, куда говорится, а потомъ можно и лечь спать, если придетъ сонъ. Пойдемъ.

Павелъ Андреевичъ пристально вглядывался въ него. Голосъ у Муравлева былъ утомленный, лицо усталое, глаза — тоже усталые и печальные. Что съ нимъ сдѣлалось со вчерашняго дня? Нездоровъ онъ? Просто усталъ и захандрить? Или произошло что нибудь новое, неожиданно разстроившее всѣ надежды и планы, поддерживавшіе въ немъ энергію?

— Мнѣ кажется, что ты или усталъ, или нездоровъ, или чѣмъ-то очень разстроены, — сказалъ Павелъ Андреевичъ, когда они прошли въ кабинетъ.

Муравлевъ посмотрѣлъ на него своими усталыми глазами и довольно долго помолчалъ.

— Не знаю, какъ тебѣ сказать, — отвѣчалъ онъ наконецъ, пожавъ плечами. — Бываютъ, знаешь ли, такіе дни, когда человѣкъ просыпается утромъ будто съ переломанными костями и раздавленными нервами. Ноги не хотятъ ходить, глаза не хотятъ ни на что смотрѣть, голова отказывается думать. Что казалось хорошимъ или хоть только сноснымъ, кажется совсѣмъ несноснымъ. Въ чемъ прежде видѣлъ нѣкоторый смыслъ, теперь не видишь никакого... Именно въ такомъ состояніи я нахожусь сегодня съ утра. Какъ будто бы здоровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ точно упалъ съ колокольни и разбился въ дребезги. Нужно дѣлать дѣло, а руки не поднимаются. Нужно сосчитать пять да пять, а голова точно осталась гдѣ-то на улицѣ. Все мерзко, все въ черномъ цвѣтѣ;

на что рассчитывалъ и надѣялся, все оказывается никуда негоднымъ и разсыпается прахомъ. Испытывалъ ли ты когданибудь такое состояніе?

Павель Андреевичъ, все ниже и ниже опускавшій голову, медленно поднялъ ее.

— Да вотъ теперь я именно его и испытываю,—сказалъ онъ глухо.—Ты своими словами и меня точно сбросилъ съ колокольни на мостовую.

Муравлевъ, ходившій изъ угла въ уголь, заложивъ руки за поясницу и шаркая красными туфлями по ковру, качнулъ головой... „Ну, твое-то положеніе далеко не такое, какъ мое. Въ крайнемъ случаѣ, тебѣ стоитъ только обратиться съ покаяніемъ къ дядѣ,—и всѣмъ твоимъ затрудненіямъ будетъ, по всей вѣроятности, положенъ благополучный конецъ. А у меня нѣтъ дяди“, подумалъ онъ.

— Слѣдовательно, ты вчера увѣрился, что у меня готовъ какой-то планъ, спасительный для насъ обоихъ?—съ горечью спросилъ онъ.

— Не вчера. Вчера я ничему не вѣрилъ. Но сегодня я пришелъ къ убѣжденію, что у тебя есть планъ. Знаешь ли, гдѣ я бродилъ довольно долго передъ тѣмъ, какъ пошелъ къ тебѣ?

— Гдѣ? Тамъ, куда подвигалась фантастическая телѣга въ моемъ снѣ?

— Да. Я мѣрилъ шагами ширину улицы, уходилъ... и опять возвращался, чтобы измѣрить ширину другой. Опять уходилъ... и снова возвращался, чтобы взглянуть, не увижу ли чегонибудь въ тѣхъ двухъ домахъ, напротивъ... Нѣтъ! Оба дома даже никѣмъ не заняты.

— Да, не заняты. По крайней мѣрѣ, были не заняты. До сегодняшняго утра я каждый день смотрѣлъ: сняты билеты или не сняты. Но сегодня утромъ не смотрѣлъ. Теперь мнѣ все равно...

— Но что же, наконецъ, случилось послѣ вчерашняго нашего разговора? Что могло до такой степени перевернуть тебя? Не можетъ же быть, чтобы эта перемѣна произошла ни съ того, ни съ сего, или потому только, что ты всталъ съ постели лѣвой ногой? — почти съ отчаяніемъ вскричалъ Павель Андреевичъ.

— Случиться—пожалуй, ничего не случилось,—все тѣмъ же усталымъ голосомъ отвѣчалъ Муравлевъ.—Оказалось только, что воздвигнутое зданіе воздвигнуто на песокъ, вотъ и все... Но подожди минуту. Я велю, чтобы приготовили постели и дали чегонибудь закусить, а потомъ, когда спровадимъ горничную спать, объясню тебѣ все. Подожди немного.

Онъ ушелъ. Павелъ Андреевичъ перебрался въ залу, прошелъ по ней нѣсколько шаговъ въ одну сторону, нѣсколько шаговъ въ другую, и наконецъ вышелъ на балконъ, откуда повѣяло на него, въ растворенную половинку двери, освѣжающимъ влажнымъ воздухомъ. Шелъ небольшой дождь. Темнота стояла такая, что не видно было ни земли, ни неба, и только отъ времени до времени, когда вспыхивала вдалекѣ молнія, изъ этого мрака выдѣлялись на мгновеніе тучи въ вышинѣ, сбѣрая рѣка внизу и, точно занавѣшенные кисеей, ряды домовъ по набережной налѣво. Павелъ Андреевичъ жадно дышалъ влажнымъ воздухомъ. Онъ только теперь понялъ, что давно хочеть-пить и, въ сущности, очень усталъ,—такъ усталъ, что ему тяжело стоять, не прислонившись къ чемунибудь. Впрочемъ, ему пришлось сегодня ходить такъ много, что немудрено было устать. Рано утромъ онъ пришелъ домой отъ Обоянскаго, потомъ пошелъ къ дядѣ, потомъ нѣсколько часовъ подъ рядъ бѣгалъ по городу, наконецъ—вечеромъ опять ходилъ и ходилъ... Но неужели же все это было сегодня? И игра у Обоянскаго, и визитъ къ „умирающему“ дядѣ, и встрѣча съ этимъ Василюемъ Васильевичемъ,—неужели же это все было сегодня?.. Страшно, страшно длинный день! Появлялась одна надежда и тотчасъ же исчезала, оставивъ въ сердцѣ только лишнюю горечь; начинала манить другая и приводила лишь къ полному отчаянію и къ мысли, что лучше всего умереть; возникала наконецъ самая, повидимому, прочная надежда, снова поднимала его на ноги и вдругъ рассыпалась, точно карточный домикъ, сдунутый вѣтромъ на полъ.

— Павелъ Андреевичъ, гдѣ ты?—позвалъ его Муравлевъ изъ залы.

Павелъ Андреевичъ вышелъ къ нему.

— Горничная, пожалуй, уже легла спать?—спросилъ онъ.— А я хочу пить. Вышелъ на балконъ и почувствовалъ, что

очень хочу пить. Потомъ забылъ объ этомъ, а теперь опять чувствую, что у меня пересохло во рту.

Муравлевъ молча взялъ его подъ руку и повелъ въ кабинетъ, къ столику, на которомъ были поставлены бутылки съ виномъ и холодная закуска.

— Пей,—сказалъ онъ.—Или тебѣ непременно нужно чаю?

Павелъ Андреевичъ подумалъ и налилъ себѣ стаканъ вина.

— Нѣтъ, зачѣмъ... Я думаю, что сегодня для меня и вино—вода,—сказалъ онъ.

— Вѣроятно, и для меня тоже,—сказалъ Муравлевъ, наливая вина и себѣ.

Павелъ Андреевичъ сѣлъ на свое прежнее мѣсто, съ боку письменнаго стола. Муравлевъ придвинулся съ своимъ кресломъ поближе къ нему и, отодвинувъ подальше лампу, закрытую колпакомъ, но все таки раздражавшую ему глаза,—приступилъ къ своему объясненію.

— Ну, слушай. Вчера ты не ошибся, когда сказалъ, что мой сонъ—это мой планъ. Не подумай, что я сочинилъ этотъ сонъ. Нѣтъ. Я просто хотѣлъ вчера намекнуть тебѣ на мой планъ и, такъ какъ мнѣ показалось, что мой сонъ весьма пригоденъ для этого, то я и рассказалъ его тебѣ, ничего не присочиняя... Мысль о подкопѣ далъ мнѣ ты. Еще весной... Съ тѣхъ поръ она лежала у меня въ головѣ, что называется, безъ всякаго употребленія, покуда мнѣ на глаза не попался подходящий человѣкъ, въ лицѣ брата Ольги. Тогда эта мысль начала понемногу да понемногу обрабатываться въ цѣлый планъ. Въ техническія подробности этого плана я, разумѣется, не входилъ, потому что не имѣю ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ это люди роются подъ землею и очень это мудреное дѣло или не очень. Я довольствовался оброненными тобой словами, что это не особенно мудрено. А, во-вторыхъ, мнѣ думалось, что если за послѣднее время эти подкопы дѣлаются чуть не каждый годъ и только что не вошли въ моду, то, надо полагать, они не представляютъ никакихъ невообразимыхъ трудностей.

Павелъ Андреевичъ молча кивнулъ головой.

— Прекрасно. Тогда я принялся собирать у Ольги свѣдѣнія о ея братѣ. Вотъ это оказалось дѣйствительно труд-

нымъ дѣломъ. Говорила она о немъ чрезвычайно неохотно, мало и съ такимъ же страхомъ, съ какимъ иные люди говорятъ о чортѣ. Можно было подумать, будто она боится, что этотъ Пантюшка притаился гдѣ-то тутъ, подъ окнами, за дверью, за стѣной, и зарѣжетъ ее за первое неосторожное слово о немъ. Въ концѣ концовъ, изъ тѣхъ немногихъ словъ, какія мнѣ удалось вытянуть у Ольги, я составилъ объ ея братцѣ такое понятіе, что онъ и изъ-за небольшихъ денегъ всегда готовъ пойти на большое преступленіе. Мнѣ показалось, что, пожалуй, больше ничего и не нужно. Если я предложу ему сравнительно большія деньги за сравнительно пустое дѣло, то нечего и говорить, что онъ возьмется за него съ радостью.

Муравлевъ тихо всталъ съ кресла, неслышными шагами прошелъ по ковру до двери въ залу, въ которой нарочно не велѣлъ тушить лампу, и убѣдившись, что ихъ никто не подслушиваетъ, воротился обратно. Подливъ въ стаканы вина, онъ продолжалъ еще тише:

— Я хотѣлъ поставить передъ этимъ Пантюшкой дѣло въ такомъ видѣ, что будто бы я растратилъ въ банкѣ большую сумму денегъ и что для моего спасенія нужно сдѣлать вотъ что и вотъ что. Нужно ему съ товарищемъ нанять квартиру въ одномъ изъ домовъ напротивъ банка и провести изъ этой квартиры подземный ходъ въ банковскую кладовую. Ко времени окончанія этого подкопа я постарался бы собрать въ кассѣ банка насколько можно больше наличныхъ денегъ. Когда подкопъ былъ бы оконченъ, Пантюшка получилъ бы условленное вознагражденіе, я взялъ бы изъ кассы сколько намъ нужно денегъ, а банковское воронье осталось бы въ полномъ убѣжденіи, что ихъ обобрали нигилисты... тѣ самыя, которые не такъ давно устраивали подкопъ подъ казначейство гдѣ-то на югѣ, въ Херсонѣ ли, въ Николаевѣ...

Павель Андреевичъ опять кивнулъ головой.

— Планъ казался мнѣ хорошимъ, — продолжалъ Муравлевъ. — Я даже говорилъ себѣ, что шапка-невидимка найдена. Что меня смущало до нѣкоторой степени, такъ это дальнѣйшее будущее: какъ я отдѣлаюсь потомъ отъ этого Пантюшки? Сколько бы ни заплатилъ я ему за содѣйствіе, — пять, десять, пятнадцать тысячъ, — онъ, все равно, живехонь-

ко размоталъ бы ихъ. Не торговлю же открылъ бы онъ на эти деньги! А какъ только у него вышли бы всѣ деньги, онъ непременно явился бы ко мнѣ просить новыхъ тысячъ. И даже не просить: съ какой это стати онъ сталъ бы обращаться съ просьбами къ человѣку, который, по его мнѣнію, находится вполне у него въ рукахъ? Онъ сталъ бы требовать,—съ угрозами, пожалуй, даже и съ бранью... Что сталъ бы я дѣлать съ этимъ сокровищемъ или, еще лучше, съ разными его трактирными пріятелями, такъ какъ ему самому не особенно удобно разгуливать открыто по городу и онъ сталъ бы направлять ко мнѣ посланниковъ... Положимъ, у меня много шансовъ на то, что его живо убрали бы со сцены. Получивъ такія огромныя для него деньги, онъ, какъ всѣ господа этого сорта, первое дѣло поднималъ бы на радостяхъ дымъ коромысломъ, раскутился бы. Его, разумѣется, немедленно схватили бы и спровадили обратно туда, откуда онъ прибылъ. Черезъ нѣсколько времени онъ, по всей вѣроятности, опять побѣжалъ бы домой. Могло, конечно, случиться, что его либо подстрѣлили бы тотчасъ же, при первой попыткѣ къ бѣгству, либо поймали бы на дорогѣ, либо убили товарищи или сибирскіе мужики. Но точно также могло случиться и то, что онъ прѣблагополучно добрался бы сюда и тотчасъ же явился бы ко мнѣ за новыми деньгами. Эта перспектива представлялась мнѣ въ высшей степени неприятною, покуда я не дошелъ, наконецъ, до того простаго разсужденія, что вѣдь никакихъ другихъ, болѣе пріятныхъ перспективъ у меня нѣтъ въ виду. Слѣдовательно, остается выбирать только наименьшую гадость изъ всѣхъ тѣхъ, которыя представляются мнѣ на выборъ. Въ концѣ концовъ, я додумался еще и до того, что, если этотъ Пантюшка будетъ очень надѣдать мнѣ, то я могу просто на просто сбѣжать отъ него... хоть за границу, куда онъ, разумѣется, не послѣдуетъ за мной. Такимъ образомъ, послѣ довольно продолжительныхъ колебаній, я рѣшился перешагнуть и черезъ этотъ порогъ, то есть — пригласить къ себѣ въ компаньоны Пантюшку...

Отхлебнувъ изъ стакана глотокъ вина, онъ поправилъ усы и тѣмъ же утомленно-равнодушнымъ голосомъ, съ тѣмъ же усталымъ и совершенно безстрастнымъ взглядомъ продол-

жалъ свое повѣствованіе, какъ будто говорилъ о чемъ-то давно минувшемъ и совсѣмъ переставшемъ его интересовать.

— Окончательно рѣшился я на это вчера. Когда ты пошелъ къ Обоянскому, я отправился къ Ольгѣ и опять завелъ съ нею разговоръ о ея братѣ. Признаться, я хотѣлъ было ее немножко подпойть, чтобы развязать языкъ, но, къ моему удивленію, она и безъ вина такъ разговорила о своемъ братцѣ, будто только и поджидала удобнаго случая, чтобы излить тѣ чувства, которыя накопились въ ней. И, Богъ ты мой, какими красками разрисовала она его! Оказалось, что, прежде всего и больше всего, онъ—самый непозволительный бѣлоручникъ и лѣнтяй. Когда они жили еще семей,—Ольга, мать и Пантюшка,—онѣ никогда не могли добиться, чтобы онъ хоть чѣмъ нибудь помогъ имъ. Старуха-мать колетъ дрова, а онъ тутъ же, на дворѣ, лежитъ на брюхѣ и учитъ собаку носить поноску. Сестра тащится изъ подъ горы съ ведрами воды, а онъ сидитъ на скамеечкѣ и куритъ папирску. Отъ времени до времени, онъ поступалъ иногда въ трактирные половые, но черезъ какую нибудь недѣлю, а иногда раньше, находилъ, что это очень трудное занятіе, и возвращался домой. Днем спалъ, къ вечеру и на всю ночь уходилъ въ трактиръ — играть на бильярдѣ или въ какую-то фортунку. Солгать, не сморгнувъ глазомъ, утащить у матери и сестры заработанныя ими деньги, обобрать до нага пьянаго на улицѣ, отнять въ полѣ у какого нибудь гимназистика охотничье ружье,—это ему ничего не стоило; но провести нѣсколько дней подъ рядъ за работой—было выше его силъ. Когда ему нигдѣ не удавалось раздобыть ни гроша, онъ, скрѣпя сердце, брался, пожалуй, и за работу, но какъ только эта работа давала ему полтинникъ, онъ тотчасъ же бросалъ ее и шелъ со своимъ полтинникомъ въ трактиръ... Ну, скажи, пожалуйста, развѣ можно было имѣть дѣло съ такимъ человѣкомъ?

Задумчиво и печально слушавшій его, Павелъ Андреевичъ поднималъ голову.

— Да что же съ нимъ можно сдѣлать?!. На что онъ го-
день?—тихо проговорилъ онъ.

— Когда мнѣ было лѣтъ восемь, у меня откуда-то явилась фантазія завести себѣ сокола,—продолжалъ Муравлевъ. —

Но такъ какъ рѣшительно никто не зналъ, откуда и какъ добыть его, то я и обратился, наконецъ, къ недавно поступившему къ намъ кучеру, который представлялся мнѣ чело-вѣкомъ все знающимъ и могущимъ все сдѣлать. Кучеръ пре-серьезно выслушалъ меня и еще серьезнѣе отвѣчалъ, что со-кола достать можно, только это будетъ стоить денегъ. Это-то я и самъ понималъ, что безъ денегъ мнѣ не будутъ ловить сокола. И вотъ, каждый день, кучеръ рассказывалъ мнѣ ка-куюнибудь новую сказку о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя испы-тываютъ люди, охотящіеся для меня за соколомъ, и безъ конца тянулъ, тянулъ съ меня деньги, покуда наконецъ его не забрала полиція, такъ какъ онъ оказался бѣжавшимъ изъ полка солдатомъ... По всей вѣроятности, точно такую же исторію продѣлалъ бы со мной и Пантюшка. Сталъ бы мнѣ врать всякія небылицы, сталъ бы тянуть съ меня деньги за деньгами, а самъ преспокойно сидѣлъ бы себѣ въ трактирѣ, даже и не думая ловить мнѣ моего сокола. Не стоитъ объ этомъ и говорить, тѣмъ болѣе, что и самого этого молодца теперь уже нѣтъ на лицо. Ольга потому и разрѣшила себѣ говорить о немъ такъ храбро, что онъ уже недѣли полторы исчезъ неизвѣстно куда. Можетъ быть, ему прошибли голову; можетъ быть, онъ перебрался въ другой городъ, а, можетъ быть, просто отправился на время въ какуюнибудь экспеди-цію, послѣ которой опять возвратится сюда. Во всякомъ случаѣ, мнѣ его теперь не надо.

Павель Андреевичъ тяжело вздохнулъ.

— Слѣдовательно, это кончено?—спросилъ онъ.

— Это!.. Не одно это, а все кончено... Были у меня еще кое-какіе другіе расчеты, но теперь я вижу, что это одинъ вздоръ. Ничего не осталось... Теперь для меня все кончено.

— Слѣдовательно, и для меня.

Муравлевъ покачалъ головой. Еще вчера вечеромъ ему показались сомнительными его расчеты на Павла Андрее-вича. Сегодня же, вставъ утромъ „съ переломанными костями“, онъ пришелъ къ тому рѣшительному заключенію, что Павель Андреевичъ не пойдетъ ни на какое „безумное дѣло“, а по-мучится, помучится и, въ концѣ концовъ, просто явится съ покаянніемъ къ дядѣ.

— Пустяки, Павель Андреевичъ,—тихо сказалъ онъ.—

Если ты позволишь мнѣ говорить съ тобой по товарищески, я скажу вотъ что: не мучь себя совершенно напрасно, не откладывай дѣла въ долгій ящикъ,—поди къ своему старику и переговори съ нимъ откровенно. Повѣрь мнѣ, что все устроится.

Павелъ Андреевичъ смотрѣлъ на него все съ возраставшимъ и возраставшимъ изумленіемъ, почти съ негодованіемъ.

— Я?! къ дядѣ? Послѣ всего этого?!—задрожавшимъ отъ волненія голосомъ проговорилъ онъ, но потомъ, слегка махнувъ рукой, прибавилъ:—Впрочемъ, вѣдь ты не знаешь, что я былъ у него... сегодня утромъ.

— Ну, и что же?

И когда Павелъ Андреевичъ все съ тѣмъ же волненіемъ рассказалъ ему въ подробности свое сегодняшнее свиданіе съ дядей, Муравлевъ только пожалъ плечами.

— Ну, и что же?—повторилъ онъ.—Больной, разстроенный, безхарактерный старикашка,—вотъ и все. Что онъ находится подъ башмакомъ у своей крутобѣдрой бабы,—это очевидно. Но чтобы она успѣла перекроить его совсѣмъ по своему и изъ добраго человѣка превратить въ злаго и безчувственнаго,—этому я не вѣрю. Да и ты этому не можешь вѣрить.

— Ничего этого я не знаю. Знаю только, что къ дядѣ я не обращаюсь, не пойду.

— Пой-дешь,—тихо, очень тихо, но съ непоколебимою увѣренностью проговорилъ Муравлевъ.

— А я тебѣ говорю, что не пойду!—вскричалъ Павелъ Андреевичъ, вдругъ выдя изъ себя и вскочивъ со стула.— Ты понимаешь ли, что это—гнѣздо самыхъ злыхъ моихъ враговъ, самыхъ ненавистныхъ мнѣ людей?.. Добрый человѣкъ... не безчувственный человѣкъ!.. Не могу этого объяснить ни себѣ, ни тебѣ, но пойми ты, что этого добраго человѣка я ненавижу, можетъ быть, даже больше, чѣмъ другихъ... чѣмъ Валентину, чѣмъ Василья Васильича! Пойми это... Я скорѣе пойду на что угодно, скорѣе разможжу себѣ голову, чѣмъ позволю себѣ потащиться въ это гнѣздо, чтобы просить тамъ помощи, милости! До этого-то я ужъ не позволю себѣ дойти!.. Ты знаешь ли, что, если я еще не разможилъ себѣ голову, то больше всего меня удерживала отъ этого мысль, что моя

смерть и мой позоръ доставятъ настоящее торжество *тѣмъ*!.. Я не хочу этого! Я не могу переносить даже той мысли, что они будутъ плевать на меня, мертваго; какъ же я допущу, чтобы они оплевывали меня живаго?

Усталые и воспаленные глаза его свѣтились лихорадочнымъ свѣтомъ; на скулахъ выступили два ярко-розовыхъ пятна, губы дрожали, руки тряслись, плечи вздрагивали. Онъ то возвышалъ голосъ, то понижалъ его почти до шопота и, тотчасъ же забывъ о всякой осторожности, опять начиналъ говорить громче и громче. Муравлевъ пристально смотрѣлъ на него, внимательно слушалъ и чѣмъ больше онъ вдумывался въ смыслъ этихъ отрывистыхъ и страстныхъ восклицаній, тѣмъ сильнѣе пробуждалась въ немъ надежда, что, можетъ быть, еще не все кончено и для него. Онъ не увлекался этою надеждою; онъ холодно повторялъ самому себѣ, что мало ли что можетъ говорить возбужденный человѣкъ въ положеніи Павла Андреевича;—но все таки эта надежда мерцала въ его сердцѣ, какъ искорка, разгорѣвшаяся подъ пепломъ.

— Милый мой!—сказалъ онъ уже совсѣмъ другимъ, хотя все еще печальнымъ голосомъ.—Ты все говоришь: не хочу, не позволю себѣ, не могу переносить!.. Да развѣ обстоятельства жизни интересуются скольконибудь—чего мы хотимъ и чего не хотимъ, что позволимъ себѣ и чего не позволимъ. Нисколько они этимъ не интересуются и все ломаютъ по своему... И насъ ломаютъ, какъ солому. Ты оглянись хотя изъ любопытства назадъ, лѣтъ за пять, даже за два года или, пожалуй, всего только за одинъ годъ. Вѣдь, еслибы тогда пришелъ къ намъ какойнибудь мудрецъ-звѣздочетъ и предсказалъ тебѣ и мнѣ, что ровно черезъ годъ мы дойдемъ до того, до чего дошли теперь, и будемъ готовы войти въ воглашеніе съ Пянтюшкой,—что бы мы сказали ему на это? То же самое и сказали бы, что никогда мы этого не позволимъ себѣ... не хотимъ... не можемъ, неспособны... Скавали бы это совершенно искренно, и однако же вотъ оказывается, что и дошли, и позволили себѣ, и сдѣлались способны! Обстоятельства не церемонятся, мой милый: если человѣкъ великъ и не лѣзетъ въ какуюнибудь дыру, въ которую имъ надо его просунуть, они безъ церемоніи скомкаютъ

его, сомнуть, оборвать лишнее и все таки просунуть: лѣзь!.. И пролѣзешь!

Павель Андреевичъ, въ высшей степени возбужденный и опять забывшій всю свою усталость, быстро ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Мысли его опять неслись съ неудержимою быстротой, кипѣли и крутились, точно волны въ быстротѣ водоворота. Онъ и слушалъ однимъ ухомъ философскія размышленія Муравлева и въ то же самое время думалъ о неизвѣстномъ ему гнѣздѣ враговъ, о пустомъ домѣ, стоящемъ напротивъ банка, о томъ, что земли нужно вырыть меньше трехъ кубическихъ сажень, о томъ, что для этого дѣла нуженъ еще другой человекъ, и вдругъ,—какъ будто ни съ того, ни съ сего,—о томъ, что Муравлевъ—его лучший товарищъ и нельзя же бросать товарища на произволь судьбы. Чтѣ Муравлевъ будетъ теперь дѣлать, когда у него оборвалась и послѣдняя надежда?

— И пролѣзешь! — повторилъ Муравлевъ, не получая отвѣта.

— Ну, да, да, да,—нетерпѣливо сказалъ Павель Андреевичъ.—Все это правда. Скомкали, смяли, довели чортъ знаетъ до чего... Все такъ... А все таки я пойду не знаю куда, пойду прямо къ чорту, только не туда, къ дядѣ... Этого-то ужъ не будетъ.

— Сейчасъ не пойдешь... конечно.

— И потомъ не пойду. Дорога, слава Богу, не одна эта; всегда можно выбрать и другую.

— Какую же другую? застрѣлиться? Только всего и есть...

— Да! если не представится ничего другаго, то всегда можно застрѣлиться. Это лучше, чѣмъ просить тамъ милости! И... слушай: даю тебѣ слово, что если черезъ день... черезъ три... самое большее черезъ недѣлю не представится ничего другаго, я застрѣлюсь. Слышишь?—спросилъ онъ, остановившись передъ Муравлевымъ.

Муравлевъ посмотрѣлъ въ его воспаленные, мерцающіе тусклымъ свѣтомъ глаза и пожалъ плечами.

— Почему же непременно черезъ недѣлю? У тебя въ распоряженіи еще много времени.

— Будетъ. Я усталъ. Даже и недѣли слишкомъ много. Не могу больше.

Муравлевъ опять посмотрѣлъ въ его глаза, въ его страшно исхудавшее блѣдное лице съ красными пятнами на скулахъ и опять пожалъ плечами, но уже просто вслѣдствіе того, что не находилъ никакого другаго отвѣта. Павелъ Андреевичъ повернулся и снова началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, повѣсивъ голову, заложивъ руки за спину. И снова все тѣ же и тѣ же мысли понесли въ его головѣ, кружась, исчезая и опять появляясь, какъ волны въ водоворотѣ. Вдругъ онъ сѣлъ на свой стулъ подлѣ письменнаго стола, закрылъ руками глаза и потомъ спросилъ Муравлева:

— Тебѣ никогда не приходилось тонуть?—И тотчасъ же, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ: — Я тонулъ. Знаешь ли, когда начинаютъ оставлять послѣднія силы, въ головѣ вертится мысль, что, Господи, кажется, еслибы только два-три раза вздохнуть какъ слѣдуетъ, сейчасъ же возстановились бы силы и въ четверть минуты доплылъ бы до берега! Но въ томъ-то и дѣло, что вода не даетъ сдѣлать ни одного вдоха, душитъ, засасываетъ, уноситъ послѣднюю силу... Точно то же происходитъ со мной и теперь. Кажется, еслибы можно было хоть на одинъ только часъ успокоиться и спокойно обсудить и взвѣсить всѣ обстоятельства,—тотчасъ же нашлась бы настоящая дорога. И пересталъ бы терзаться, и пошелъ бы себѣ по ней... Но въ томъ-то и горе, что этого спокойствія нѣтъ не только на часъ, но даже и на одну минуту. Спишь—и во снѣ не перестаешь мучиться. Проснешься—какъ будто совсѣмъ и не спалъ и нисколько не отдохнулъ: голова горитъ, сердце разрывается отъ тоски, мысли путаются и обгоняютъ одна другую... Лови ихъ!.. Обсуждай и взвѣшивай, какъ знаешь!..

— Да нечего и взвѣшивать, — сказалъ Муравлевъ. — Все какъ на ладони, кажется...

— Въ томъ-то и дѣло, что, можетъ быть, это такъ только кажется... потому что мы въ чаду... не можемъ видѣть. Можетъ быть, мы только вообразили себѣ, что изъ нашего положенія такъ-таки и нѣтъ никакого выхода... А, можетъ быть—этотъ выходъ есть, и самый простой, да мы только не видимъ его, потому что внѣ себя...

— Не только есть, но даже самый простой?!. Богъ съ

тобой!—проговорилъ Муравлевъ, слегка отмахнувшись кистью руки.

— Ну, хорошо. Ну, я преувеличиваю. Дѣйствительно, трудно предположить, чтобы изъ такого положенія былъ простой выходъ. Но, по крайней мѣрѣ, спокойно обсудить бы хоть то, что остается... Что дѣлать? куда идти? Направо? налево? Въ одну пропасть? или зажмурить глаза и броситься въ другую?

Онъ поставилъ локти на колѣни и, положивъ горѣвшую голову на ладони, отдался лихорадочному теченію своихъ мыслей, которыя не могли ни остановиться на чемъ бы то ни было, ни проложить себѣ новую дорогу, а беспорядочно неслись все по одному и тому же кругу. Въ его воображеніи опять проносились образы дяди, Валентины Константиновны, Василя Васильевича, и, машинально всматриваясь въ нихъ, онъ вдругъ почти со злобой спрашивалъ самого себя: да зачѣмъ онъ безъ толку думаетъ объ этомъ? Вѣдь *туда* онъ не пойдетъ ни за что. Вѣдь это рѣшено, кончено. Теперь передъ нимъ остаются только двѣ, двѣ дороги. Точно двѣ черныя двери въ двѣ бездны стояли передъ нимъ, растворенныя настежь, а онъ не находилъ въ себѣ рѣшимости переступить черезъ порогъ ни той, ни другой изъ нихъ. Онъ говорилъ себѣ, что застрѣлиться проще, скорѣе: спустилъ курокъ,— и все будетъ кончено... Но тотчасъ же мысли его проносились дальше, и въ его воображеніи рисовалось уже бѣлое каменное зданіе банка, пустой домъ напротивъ него, глубокой подвалъ, въ которомъ, по всей вѣроятности, помѣстится больше четырехъ кубическихъ сажень земли... Весьма можетъ быть, что онъ найдетъ надежнаго человѣка, который согласится помочь ему въ осуществленіи плана, придуманнаго Муравлевымъ. Но только подумать о томъ, что онъ будетъ рыться тамъ, подъ землей, чтобы добраться до чужихъ денегъ... Только подумать объ ужасѣ и позорѣ этого дѣла! Только подумать о томъ, сколько дней и ночей придется прожить въ смертельномъ страхѣ за то, что вотъ сейчасъ, сію минуту все можетъ открыться...

— Ахъ, какую правду, какую правду сказалъ ты! — отстранивъ отъ лица ладони и поднявъ глаза на Муравлева, воскликнулъ онъ.— Дѣйствительно, еслибы всего только годъ

назадъ кто нибудь предсказаль, о чемъ мы будемъ думать теперь,—до чего невѣроятнымъ показалось бы это намъ тогда! Въ одинъ только годъ, даже въ нѣсколько мѣсяцевъ, дойти до этого... Да вѣдь это ужасно!..

Муравлевъ, догадывавшійся, что въ душѣ Павла Андреевича совершается послѣдняя борьба, отъ исхода которой зависитъ жизнь ихъ обоихъ, сидѣлъ очень блѣдный, съ опущенными глазами, съ нѣсколько искривившимися бровями. Онъ машинально подбрасываль вверхъ серебряную монету и, когда она падала, тихонько звеня и кружась, на зеленое сукно стола, также машинально смотрѣлъ, какая ея сторона оказывалась наверху: гербъ или надпись. Онъ вздрогнулъ, услышавъ восклицаніе Павла Андреевича и все съ возраставшею тревогой вслушивался въ его слова. „Ужасно! Значить, онъ не можетъ примириться даже съ мыслью объ этомъ дѣлѣ!“—тоскливо подумалось ему.

— Не такъ-то ужасно, какъ представляется съ перваго взгляда,—сказаль онъ неровнымъ голосомъ, продолжая бросать монету.—Ты только всмотрись въ себя и подумай. Вѣдь, въ сущности, не смотря ни на что, мы остались тѣми же самыми, какими были и годъ назадъ, и пять лѣтъ назадъ... Надѣлали глупостей, запутались, и теперь намъ приходится только выпутываться изъ петли,—вотъ и все.

Въ головѣ Павла Андреевича промелькнула мысль, что вѣдь, пожалуй, онъ и въ самомъ дѣлѣ все тотъ же, какимъ былъ прежде. И Муравлевъ — все тотъ же... Но, вслѣдъ за этою мыслью, въ немъ мелькнула другая, что, можетъ быть, всего лучше не ломать напрасно голову, а предоставить рѣшеніе жребію.

— Брось, брось еще разъ, на мое счастье, — сказалъ онъ, указывая глазами на монету и въ то же время думая, что если она упадетъ вверхъ гербомъ, тогда слѣдуетъ предпochestъ вотъ что, а если надписью—тогда вотъ что.

— Ну... орелъ,—сказаль Муравлевъ, когда монета, перевернувшисьъ раза два, начала укладываться на столѣ.

Павель Андреевичъ потеръ себѣ лобъ. Сбило ли его слово „орелъ“, когда онъ думаль о „гербѣ“, или онъ недостаточно хорошо запомнилъ то, что загадалъ, только у него совсѣмъ перепуталось въ головѣ: что долженъ былъ означать орелъ и

на что указывала другая сторона монеты. Онъ вдругъ рѣшительно махнулъ рукою и всталъ.

— Нѣтъ, я ухожу, — глухо сказалъ онъ, бродя глазами по комнатамъ и отыскивая шляпу.

Пораженный неожиданностью, Муравлевъ быстро отодвинулъ свое кресло, тоже всталъ и, не будучи въ состояніи выговорить ни слова, растерянно смотрѣлъ на дикое лицо Павла Андреевича, на его спутанные волосы, нависшіе клоками надъ блѣднымъ лбомъ. Что такое съ нимъ? Или онъ уходитъ потому, что ему выпалъ жребій куда-то идти?

— Какъ уходишь?.. Куда ты теперь пойдешь?..

— Нѣтъ, нѣтъ... пойду... Мнѣ надо остаться одному и все обдумать... окончательно. Надо же на что нибудь рѣшиться и покончить. Я усталъ...

— Но вѣдь опять идетъ дождь... Ты слушай! — вскричалъ Муравлевъ, протягивая руку къ окну, въ стекла котораго тихо постукивалъ дождь.

Павелъ Андреевичъ не считалъ даже нужнымъ отвѣчать на это. Онъ сосредоточенно застегивалъ пуговицу за пуговицею на своемъ жилетѣ и усиленно старался вспомнить, — что еще такое нужно было ему сказать Муравлеву.

— Да! — произнесъ онъ, вспомнивъ наконецъ. -- Завтра вечеромъ, часу въ седьмомъ, ты будешь дома?

— Буду дома.

— Ну, такъ вотъ... завтра вечеромъ, часу въ седьмомъ, я къ тебѣ приду... а если не приду, то пришлю тебѣ записку. Во всякомъ случаѣ, часу въ седьмомъ, ты будешь знать, на что я рѣшился... Пора, пора покончить со всѣмъ этимъ. Никакихъ силъ нѣтъ больше.

Онъ отыскалъ наконецъ глазами свою шляпу, взялъ ее и пошелъ въ прихожую.

— Ну, прощай, голубчикъ! Я думаю, что завтра мы увидимся, — сказалъ онъ, сжимая руку Муравлева своей холодной рукою, и вдругъ на глаза его навернулись двѣ-три слезинки при мысли, что однако можетъ случиться и то, что ему уже не придется никогда больше увидѣться съ своимъ старымъ товарищемъ.

Муравлевъ казался точно оглушеннымъ. Съ минуту онъ постоялъ передъ затворившеюся дверью, какъ будто

думаль, — не отворить ли ему ее и не позвать ли Павла Андреевича. Потомъ онъ машинально заперъ дверь на ключъ и перешелъ въ залу. Въ ней было уже почти совсѣмъ свѣтло, насколько могло быть свѣтло въ пасмурное лѣтнее утро, когда идетъ небольшой дождь, а восходящее солнце задернуто легкими облаками и пеленою тумана. На стѣнѣ мерцала красноватымъ, мутнымъ огнемъ забытая лампа. Муравлевъ нерѣшительно пошелъ было въ кабинетъ, потомъ направился къ балконной двери, но на серединѣ дороги ему вдругъ показалось, что съ правой стороны у него мелькаетъ какая-то тѣнь. Невольно остановившись, онъ повернулъ голову и посмотрѣлъ направо; но, по мѣрѣ того какъ онъ поворачивалъ голову, — тѣнь быстро, быстро ускользала назадъ и все таки оставалась далеко съ боку у него, противъ праваго угла его праваго глаза. Тогда Муравлевъ обернулся назадъ, ставъ спиной къ балкону, къ которому стоялъ лицомъ, — и въ то же самое время тѣнь мелькнула вокругъ него и стала по другую сторону комнаты, опять противъ наружнаго угла его праваго глаза. Теперь Муравлевъ понялъ наконецъ, что эту игру въ таинственныя тѣни затѣяли съ нимъ просто его больные, утомленные бессонницей, глаза. Съ еще болѣе увеличившеюся тяжестью на сердцѣ, онъ воротился въ кабинетъ, сѣлъ опять въ кресло передъ письменнымъ столомъ и, потушивъ лампу, глубоко задумался.

Для него не было почти никакого сомнѣнія въ томъ, что борьба, происходившая въ душѣ Павла Андреевича, шла изъ-за того, — рѣшиться ли ему на попытку привести въ исполненіе планъ, придуманный имъ, Муравлевымъ, или на это нельзя рѣшиться. Если его другъ ужъ такъ твердо положилъ въ своемъ сердцѣ, что ни за что не будетъ „просить милости“ у дяди, то — ясное дѣло — ему только и остается одно изъ двухъ: либо приступить къ осуществленію этого плана, либо застрѣлиться. Или одно, или другое, а третьяго нѣтъ ничего. И насколько Муравлевъ зналъ Павла Андреевича и людей вообще, почти всѣ шансы были за то, что, будь душевное состояніе Павла Андреевича нѣсколько болѣе нормально, онъ предпочелъ бы первое, хотя бы уже по одному тому, что это первое давало ему надежду избѣжать позора, отъ котораго самоубійство не могло его спасти. Но теперь, когда

Павель Андреевич и самъ повторяетъ, что онъ усталъ, усталъ, и по всему видно, что человѣкъ дѣйствительно истерзался и измучился весь, до послѣдняго нерва,—мудрено рассчитывать, чтобы этотъ измученный человѣкъ рѣшился взяться за сложное, рискованное дѣло, требующее новаго напряженія и безъ того уже истерзанныхъ нервъ. Нѣтъ, его подавляетъ самая мысль объ этомъ дѣлѣ, и чѣмъ больше онъ станетъ думать, тѣмъ хуже будетъ... Въ концѣ концовъ, она его раздавитъ. Онъ либо захвораетъ нервной горячкой, либо сойдетъ съ ума, либо, полубольной и полусумашедшій, разнесетъ себѣ черепъ пулей, ради того только, чтобы избавиться отъ этихъ невыносимыхъ мыслей, сверлящихъ ему мозгъ. „Завтра вечеромъ, часу въ седьмомъ“, повторилъ онъ, кажется, четыре раза, точно боясь, что измучившая его нравственная пытка продлится дольше хоть однимъ часомъ. Ну, такъ вотъ, часу въ седьмомъ, завтра вечеромъ, онъ, по всей вѣроятности, покончитъ съ своею мыслью и найдетъ себѣ, наконецъ, полное успокоеніе, которое уже ничѣмъ не можетъ быть нарушено. По всей вѣроятности, такъ и будетъ.

Дождь уже давно прошелъ; солнце, вышедшее изъ-за скрывавшихъ его облаковъ, заглядывало и сквозь опущенныя въ кабинетѣ шторы, и черезъ отворенную въ залу дверь. На блестящемъ паркетномъ полу въ залѣ легли четыре длинные, точно горящія и дымящіяся, снопа солнечныхъ лучей. Поднявъ машинально глаза, Муравлевъ опять почувствовалъ, что справа у него, совсѣмъ близко, какъ будто около двери въ залу, стоитъ все та же темная тѣнь, нѣсколько колеблющаяся и готовая передвинуться впередъ или назадъ въ то же самое мгновеніе, какъ только онъ сдѣлаетъ малѣйшее движеніе головой или глазами. „Можетъ быть, это смерть пришла“, мелькнуло въ головѣ Муравлева. Прежде онъ никогда не замѣчалъ этой тѣни. Тогда ей нечего было здѣсь дѣлать,—ея и не было, а теперь она узнала, что ей предстоитъ въ этомъ домѣ небольшая работа,—и явилась... Ну, и пусть стоитъ, если ей такъ полагается.

Закрывъ глаза, Муравлевъ засунулъ руки въ рукава и неподвижно сидѣлъ, сторбившись, повѣсивъ голову, опять „съ передоманными костями и раздавленными нервами“, но срав-

нительно спокойный, какъ можетъ быть спокоенъ безнадежный больной, знающій, что дни его сочтены, и уже успѣвшій свыкнуться съ мыслью, что никто не въ состояніи помочь ему. Больно, тяжело подъ этимъ страшнымъ надгильнымъ камнемъ, все сильнѣе и сильнѣе надвигающимся на него, но что же дѣлать? Покуда представлялась возможность что нибудь сдѣлать, онъ дѣлалъ. Покуда можно было бороться, онъ боролся. Но теперь, когда ему остается только сложить руки и ждать, онъ и будетъ ждать.

III.

Только выдя отъ Муравлева на улицу, Павелъ Андреевичъ не безъ удивленія увидѣлъ, что давно наступилъ бѣлый день. Небольшой дождь уже переставалъ, и дымчатая тучка, окропившая землю, быстро плыла въ даль, точно спѣша присоединиться къ другимъ тучамъ, что столпились на сѣверо-востокѣ и медленно уходили за горизонтъ, какъ уходитъ толпа рабочихъ, покончившихъ свое дѣло и, другъ за другомъ, удаляющихся въ растворенную настежь дверь. Налѣво и рѣка, и городъ были еще задернуты туманной пеленой дождя, но направо, на югъ, небо разстилалось безоблачно голубое, рѣка стояла тоже голубая, а еще правѣе—на желтые пески, на зеленые луга—уже свѣтило солнце, и легкій вѣтерокъ приносилъ оттуда теплый воздухъ, насыщенный ароматами листьевъ, травъ и цвѣтовъ. Павелъ Андреевичъ машинально повернулъ и пошелъ направо, откуда вѣялъ этотъ теплый ароматный вѣтеръ и, казалось, надвигался торжествующій солнечный свѣтъ, гоня передъ собою пасмурныя тѣни облаковъ и тучъ, одна за другой слетавшія съ рѣки, съ озеръ, съ луговъ, съ лѣсовъ и торопливо уносившіяся къ угрюмому и темному сѣверо-востоку.

Павелъ Андреевичъ все находился подъ впечатлѣніемъ горячаго чувства, съ внезапною силою охватившаго его въ ту минуту, когда онъ прощался съ Муравлевымъ, и думалъ, что, можетъ быть, разстанется съ нимъ навсегда. Больше пятнадцати лѣтъ, то есть добрую половину жизни, они прожили въ самыхъ лучшихъ товарищескихъ отношеніяхъ. Дядя совер-

шенно искренно недоумѣвалъ всегда: ну, что общаго между нимъ, Павломъ Андреевичемъ, и Муравлевымъ? Дѣйствительно, въ ихъ характерахъ, образѣ жизни, взглядахъ существовало очень немного общаго, и однако же, не смотря на всю массу того, что, повидимому, должно было бы разъединить ихъ, они съ каждымъ годомъ все больше привязывались и привыкали другъ къ другу. Какъ видно, важно было не это несходство въ привычкахъ, склонностяхъ и вкусахъ. Важно было только то, что оба они любили другъ друга, знали это, и каждый изъ нихъ чувствовалъ, что у него есть, по крайней мѣрѣ, хоть одинъ человѣкъ, искренно къ нему привязанный. Года три назадъ, Павелъ Андреевичъ былъ серьезно боленъ. Когда онъ началъ наконецъ поправляться и какъ-то замѣтилъ Муравлеву, проводившему у него всѣ вечера, что ему, должно быть, порядочно надоѣла роль сидѣлки, Муравлевъ сказалъ небрежнымъ тономъ:

— Любезный мой! Ты долженъ бы, кажется, знать, что изъ такъ называемыхъ близкихъ людей у меня только ты одинъ и есть. Умири ты, у меня осталась бы развѣ сестра, которую я тоже, пожалуй, люблю; но вѣдь надо правду сказать: она не больше, какъ чучелка, набитая ватой.

И это была горькая правда. Знакомыхъ у него было всегда много, но товарищъ, другъ, близкій человѣкъ былъ у него дѣйствительно одинъ, — Павелъ Андреевичъ. И вотъ теперь, когда для Муравлева идетъ дѣло о жизни или смерти, когда спасти его могъ бы только добрый товарищъ, — этотъ единственный его товарищъ, другъ и близкій человѣкъ уходитъ отъ него прочь, думая только о самомъ себѣ... Гадость какая! Блѣдныя щеки Павла Андреевича покраснѣли со стыда. Онъ круто повернулъ назадъ и пошелъ обратно, чтобы сейчасъ же увидѣться съ Муравлевымъ и сказать ему хоть одно только то, что рѣшеніе принято и вечеромъ надо будетъ обстоятельно переговорить объ ихъ планѣ. Однако, пройдя нѣсколько шаговъ по пустынной набережной, онъ остановился, посмотрѣлъ на часы и опять зашагалъ обратно. Шелъ всего только пятый часъ. Если Муравлевъ и не успѣлъ еще заснуть, — что весьма вѣроятно, — то, во всякомъ случаѣ, нужно же ему дать уснуть, потому что въ девять часовъ онъ долженъ быть уже за работой въ банкѣ. Да къ

тому же, еслибы еще возможно было пройти къ нему въ комнату, никого не беспокоя, а то придется звонить у дверей, будить прислугу... Нѣтъ, будетъ несравненно лучше, если онъ теперь пройдетъ за городъ, побродить тамъ, а потомъ, часу въ девятомъ, зайдетъ къ Муравлеву, никого не беспокоя и не возбуждая въ прислугѣ никакихъ излишнихъ недоумѣній.

Онъ опять пошелъ прежней дорогой, мимо бѣлой монастырской стѣны, по мосту слободки, мимо постоянныхъ дворовъ, трактировъ, кузницъ; но теперь и эта дорога показалась ему другою, и самъ себя онъ чувствовалъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Точно болѣлъ, болѣлъ какой-то мучительный нарывъ и вдругъ прорвался, и сразу стало такъ легко, какъ давно уже не бывало. Конечно, боль не прошла еще совсѣмъ, но сдѣлалась переносимою. Конечно, онъ все еще не могъ освободиться отъ тягостныхъ мыслей о томъ, что будетъ дальше, но теперь онъ, по крайней мѣрѣ, приняли опредѣленное направленіе, перестали бесплодно кружиться, путаться, уносить одна другую и опять пролетать цѣлымъ роємъ, чтобы тотчасъ же снова умчаться и уступить мѣсто другимъ. По крайней мѣрѣ, кончена измучившая его душевная борьба, принято окончательное рѣшеніе. А что будетъ дальше, — удастся ли имъ осуществить задуманный планъ и спастись; придется ли имъ отказаться отъ него и погибнуть, надѣлаютъ ли они какихъ нибудь глупостей при осуществленіи этого плана и тоже должны будутъ погибнуть, — тамъ будь, что будетъ. Во всякомъ случаѣ, онъ не можетъ оставить товарища на произволь судьбы и не въ состояніи даже представить себѣ никакого другаго поступка подлѣе этого. Слѣдовательно, нечего больше и думать. Теперь нужно было бы обсудить въ подробностяхъ дѣло, за которое онъ рѣшился взяться, но ему не хотѣлось думать ровно ни о чемъ. Да и что объ этомъ думать теперь? Одинъ онъ, все равно, не можетъ сдѣлать ничего. Прежде всего, нужно будетъ поѣхать къ Щипачеву. Если Щипачевъ почему бы то ни было откажется помогать ему, тогда придется бросить все дѣло, какъ неосуществимое. Если же Щипачевъ согласится, ну, тогда и нужно будетъ обсудить съ нимъ вмѣстѣ всѣ подробности предстоящаго дѣла. А теперь думать объ этихъ подробно-

стяхъ—не то же ли самое, что покупать подошникъ для молока, когда еще не куплена корова и даже неизвѣстно, будетъ ли она куплена...

Онъ выбросилъ изъ головы всѣ эти преждевременныя заботы, всѣ измучившія его мысли о жизни и смерти, спасеніи и гибели, и на сердцѣ у него стало еще легче. Онъ снялъ на ходу пальто, бросилъ его себѣ на плечо и шелъ неторопливою походкою беззаботно прогуливающагося челоуѣка по узенькой тропинкѣ, извивавшейся, какъ темная борозда, среди зеленѣющей влажной травы. Мѣстами, надъ этой обсушиваемой солнцемъ травой вился точно легкій дымокъ; мѣстами въ ней замѣчалось легкое движеніе, точно какое-то живое существо торопливо пробиралось между ея стеблями, слегка отклоняя ихъ направо и налево. Жужжа, перелетали пчелы съ цвѣтка на цвѣтокъ. Изъ куста шиповника вылетѣла пичужка и стрѣлой отлетѣла въ другіе кусты. Въ двухъ шагахъ отъ тропинки показалась круглая, довольно большая яма съ кучкой угольевъ, пеплу и обгорѣлыхъ сучьевъ на самомъ днѣ. Павелъ Андреевичъ смотрѣлъ кругомъ себя и думалъ: неужели, дѣйствительно, отъ земли и травы поднимается струйками видимый глазу паръ или это такъ только кажется? Какіе звѣрки разбѣгаются, крадучись въ травѣ, при его приближеніи? Съ гнѣзда или не съ гнѣзда слетѣла эта спугнутая имъ пичужка! Когда и кому вздумалось разводить костеръ въ этой ямѣ?.. Откуда-то показалась какая-то птица, показавшаяся ему большой. Крылья у нея были, широкія, закругленныя; махала она ими часто, очень часто и однако же плохо подвигалась впередъ. Что она? съ недоумѣніемъ подумалъ Павелъ Андреевичъ и даже остановился, засмотрѣвшись на нее. Ранена? подстрѣлена у нея крыло? Или, просто, она охотится за какою нибудь невидимою ему маленькою пташкою и соразмѣряетъ свой полетъ съ полетомъ своей жертвы? Птица взлетала то выше, то ниже, усиленно работая тяжелыми крыльями, улетала впередъ, возвращалась обратно, потомъ вдругъ опустилась на землю и неожиданно оказалась, со сложенными крыльями, совсѣмъ небольшою птицею, меньше голубя. Ахъ, это тотъ... съ досадою подумалъ Павелъ Андреевичъ и, не припомнивъ названія маленькой птицы съ непомерно большими крыльями,

прибавилъ: „дуракъ“! Тропинка подошла къ высокому берегу рѣки. Павелъ Андреевичъ бросилъ пальто, легъ на траву и, закуривъ папиросу, сталъ глядѣть внизъ. На открытыхъ мѣстахъ рѣки временами показывалась легкая рябь, но около береговъ, въ заводяхъ, между желтыми песчаными мелями, вода стояла гладкая, какъ зеркало. На самомъ концѣ длинной песчаной косы виднѣлась стая гусей. Одни, загнувъ длинные шеи назадъ, ощищивались и дѣлали туалетъ; другіе, переступая съ ноги на ногу, бродили по колѣно въ водѣ; третьи неподвижно лежали бѣлыми комками на желтомъ пескѣ, но, очевидно, всѣ были или неспокойны, или чѣмъ-то недовольны; шелъ отрывистый гусиный говоръ. И вдругъ передовой гусь, должно быть, наибольшій, съ дикимъ крикомъ бросился на воду, неистово размахивая крыльями и скорѣе летя надъ самой поверхностью воды, чѣмъ пlying по ней. Вся стая, съ тѣмъ же крикомъ, съ тѣмъ же оглушительнымъ хлопаньемъ крыльевъ, послѣдовала за нимъ. Въ то же самое мгновеніе, за небольшимъ островкомъ, поросшимъ ивнякомъ, раздался пронзительный крикъ другой стаи гусей, тоже ринувшейся съ берега въ воду. Минуты двѣ, по взволнованной и вспѣннвшейся поверхности воды носились, въ двухъ разныхъ мѣстахъ, красивыя бѣлыя птицы съ распростертыми крыльями, съ вытянутыми впередъ длинными шеями, — и вдругъ все разомъ смолкло, точно по командѣ. Обѣ стаи собрались каждая отдѣльно и двумя бѣлыми отрядами, въ сомкнутомъ строю, быстро поплыли, — одна вверхъ, другая внизъ по рѣкѣ.

Показалась маленькая лодка съ однимъ гребцомъ, должно быть, въ жилетѣ, потому что рукава у него были бѣлыя, а спина черная. Лодка шныряла изъ стороны въ сторону, — направо, налево, ближе къ берегу, дальше отъ него, вверхъ по теченію, внизъ по теченію. Что онъ тамъ ищетъ? думалъ Павелъ Андреевичъ, слѣдя за каждымъ ея движеніемъ. Наконецъ, лодка остановилась въ протокѣ между мелью и берегомъ. Сидѣвшій въ ней человекъ взялъ изъ лодки длинный колъ, досталъ изъ подъ сидѣнья топоръ и сталъ вколачивать колъ въ дно рѣки. „Удильщикъ“, подумалъ Павелъ Андреевичъ. Удильщикъ побросалъ и посыпалъ что-то въ воду, потомъ снялъ жилетъ, закурилъ трубку и принялся разматывать лесы на удилицахъ. Когда онъ забросилъ въ воду пер-

вую лесу, Павелъ Андреевичъ досталъ часы и загадалъ, глядя на нихъ, что, если въ теченіе пяти минутъ попадется хоть одна рыбка, то это будетъ значить, что дѣло, задуманное имъ съ Муравлевымъ, окончится благополучно; если же ничего не попадется—будетъ худо. Прошла минута, другая; удильщикъ, пристроивъ по бортамъ лодки, направо и налево отъ себя, четыре удочки, торчавшія надъ водой, какъ четыре копыя, сидѣлъ неподвижно и покуривалъ трубку. Но вотъ онъ схватился за одно изъ удилицъ, леса блеснула въ воздухѣ, какъ серебряная нить, а на концѣ ея промелькнула изъ воды въ лодку пойманная серебристая рыбка. За первой—сейчасъ же попалась другая, за другой—третья, за третьей—четвертая. Всѣ четыре удочки были поочередно выдернуты удильщикомъ, а затѣмъ онъ продолжалъ ловить уже только на одну удочку, потому что не успѣвалъ насаживать приманку на другія. Павлу Андреевичу скоро даже надоѣло смотрѣть, какъ человѣкъ, точно машина, выхватывалъ изъ воды сверкающую лесу, снималъ рыбу, совалъ ее въ садокъ, надѣвалъ на крючокъ червя, забрасывалъ удочку передъ собою—и тотчасъ же вытаскивалъ, нагибаясь и разгибаясь.

Скользнувъ глазами по широкой рѣчкѣ, онъ сталъ бродить ими по противоположному берегу. Гдѣ-то тамъ была мельница,—давно... лѣтъ двѣнадцать назадъ. Теперь отъ нея, можетъ быть, не осталось и слѣдовъ. Дорога къ ней начиналась вонъ тамъ, отъ этого затона, и шла по его берегу. Потомъ поворачивала направо, проходила черезъ деревню,—вонъ эта деревня. За деревней она шла все прямо, прямо, между ивнякомъ, кустами шиповника, молодыми дубками, черезъ двѣ или три узкія, бѣлыя песчаныя гряды, наконецъ мимо трехъ озеръ. Должно быть, вонъ эти песчатыя гряды, вонъ эти три озера... Около дальняго изъ нихъ открывался широкой лугъ, густо заставленный стогами сѣна, а съ правой его стороны тянулась зеленая стѣна ивняку и за нею видѣлась крыша мельницы. Должно быть, вотъ онъ—этотъ лугъ, вотъ ивнякъ, широкой полосой тянущійся по берегамъ рѣчки, а вонъ, среди него, желтѣетъ что-то, должно быть, новая крыша на той самой мельницѣ. Тогда—двѣнадцать лѣтъ назадъ—они, большой компаніей, устроили поѣздку на эту мельницу. Пили тамъ чай, обѣдали, бродили по лугамъ, танцо-

вали, играли въ горѣлки, и поздною ночью, съ фонарями, факелами, съ пѣньемъ и смѣхомъ, возвращались въ городъ. То было золотое, какъ это утро, время юности съ розовыми надеждами на что-то очень хорошее въ будущемъ. А это будущее — чужой вексель, выданный за свой... чудовищный планъ украсть черезъ подкопъ деньги... постоянно заряженный револьверъ въ карманѣ... и позоръ, отъ котораго не можетъ спасти даже смерть! И вдругъ судороги сдавили ему горло, къ глазамъ прихлынули слезы. Судорожно сжимавшимися руками онъ хваталъ траву, пальто, посланное на ней, землю, изъ всѣхъ силъ стараясь этимъ напряженіемъ мускуловъ удержать мучительныя рыданія, рвавшіяся изъ его груди. Наконецъ, справившись съ ними, онъ закурилъ папиросу и вдругъ опять успокоился, только чувствовалъ себя совсѣмъ обезсиленнымъ и подавленнымъ тихой тоской. Ну, что объ этомъ думать? Ну, что дѣлать? повторялъ онъ, какъ будто сердясь и досадуя на себя за свои неумѣстныя чувства, воспоминанія и сравненія. Взглянувъ черезъ нѣсколько времени на часы, Павелъ Андреевичъ увидѣлъ, что было уже двадцать минутъ восьмага. Пожалуй, можно и идти. Если онъ пойдетъ также, не спѣша, то придетъ къ Муравлеву въ восемь часовъ, какъ разъ въ-время. Пора идти... Однако, его точно приковывало къ землѣ. Ему не хотѣлось идти. Онъ пролежалъ еще минутъ десять, наконецъ, съ усиленіемъ принудилъ себя встать и пошелъ, повторяя себѣ, что нечего больше думать и нечего больше дѣлать.

Муравлевъ, уже почти совсѣмъ одѣтый, пилъ чай у раствореннаго окна въ своемъ кабинетѣ. Увидѣвъ вошедшаго въ комнату Павла Андреевича, онъ опустилъ руку, протянутую за сливками, и молча смотрѣлъ на него. Глаза Павла Андреевича показались ему еще болѣе страшными, чѣмъ были ночью. Въ рукѣ у него онъ увидѣлъ букетикъ цвѣтовъ, — иммортелей. Въ головѣ Муравлева мелькнуло, что изъ этихъ цвѣтовъ обыкновенно дѣлаютъ вѣнки на могилы, и блѣдное лицо его стало еще блѣднѣе.

— Что ты?—глухо спросилъ онъ наконецъ.—Откуда?

Павелъ Андреевичъ положилъ на столъ шляпу и свой букетикъ.

— Да я и не уходилъ отсюда далеко, — сказалъ онъ, —

бродилъ тутъ по берегу, за городомъ. Я хотѣлъ было воротиться почти сейчасъ же, какъ ушелъ отъ тебя, да мнѣ показалось неловкимъ поднимать ночью звонъ и будить прислугу... А ты спалъ или нѣтъ?..

— Спалъ. Когда ты ушелъ, я сѣлъ тутъ въ кресло... посидѣлъ, посидѣлъ, да такъ и заснулъ до восьми часовъ, — отвѣчалъ Муравлевъ и продолжалъ смотрѣть на него тоскливымъ ожидающимъ взглядомъ, казалось, спрашивавшимъ: да что же ты? скажешь наконецъ или такъ и не скажешь, съ чѣмъ ты пришелъ?

Но Павелъ Андреевичъ, воображавшій почему-то, что Муравлевъ и такъ долженъ понять, какое рѣшеніе принято, говорилъ о томъ, что вотъ онъ увидѣлъ невдалекѣ отъ тропинки свои любимыя цвѣты и съ увлеченіемъ принялся собирать ихъ, что теперь онъ съ жадностью напьется чаю, а потомъ, не раздѣваясь, свалится на диванъ и будетъ спать, спать, спать. Не глядя на него, можно было подумать, что онъ въ самомъ дѣлѣ только и мечтаетъ о снѣ и чаѣ. Но, выслушавъ его, Муравлевъ опять взглянулъ въ его измученныя скорбныя глаза и наконецъ спросилъ:

— Да скажи же самое главное... Рѣшился ты на чтонибудь или не рѣшился?

— Да, да, конечно же! — съ величайшимъ изумленіемъ произнесъ Павелъ Андреевичъ. — Развѣ бы я пришелъ къ тебѣ, еслибы не рѣшился? Или, еслибы я рѣшился прикончить себя, развѣ я опять таки пришелъ бы къ тебѣ? Зачѣмъ бы я тогда пришелъ? Сталъ бы ты меня отговаривать? Какъ только я вышелъ отъ тебя, тотчасъ же все и рѣшилось само собою.

— Слѣдовательно... теперь—за планъ? — спросилъ Муравлевъ, не сводившій съ него глазъ и все еще не довѣрлившій самому себѣ, такъ ли онъ понимаетъ его слова.

— Да, да... что жъ больше дѣлать!

Муравлевъ тяжело вздохнулъ: онъ долго, медленно вбиралъ въ себя воздухъ, постепенно поднимая грудь и плечи, потомъ быстро выдохнулъ его обратно, отодвинулъ стаканъ, всталъ и началъ собираться въ свой банкъ.

— Значить, ты останешься здѣсь? — спросилъ онъ уже

совсѣмъ другимъ голосомъ, съ другимъ взглядомъ, даже съ легкимъ румянцемъ на щекахъ.

— Да, напьюсь чаю и лягу спать.

— И останешься до моего возвращенія?

— Я думаю.

— Прекрасно. Потомъ пообѣдаемъ, а послѣ обѣда можно будетъ опять пойти за городъ и обо всемъ переговорить на свободѣ. Отлично, отлично!

Онъ ушелъ возбужденный, почти веселый, ласково дотро- нувшись ладонью до плеча Павла Андреевича. Павелъ Андрее- вичъ выпилъ еще стакана три чаю съ хлѣбомъ и все продол- жалъ сидѣть въ креслѣ, вытянувъ ноги, протянувъ руку на столъ и повѣсивъ голову. Съ той минуты, какъ онъ едва не разрыдался тамъ на берегу, имъ овладѣла тихая, повидимому, совершенно безпредметная тоска. Теперь онъ, кажется, ровно ни о чемъ не думалъ, ничего не вспоминалъ, ни о чемъ не сожалѣлъ, а тоска все сосала и сосала его сердце. Около нагрѣтыхъ солнцемъ оконъ становилось жарко. Павелъ Андрее- вичъ растворилъ другое окно, разстегнулъ жилетъ и перешелъ въ глубь комнаты, на диванъ. Съ минуту онъ посидѣлъ на немъ, потомъ легъ и, подложивъ обѣ руки подъ подушку, подогнувъ колѣни подъ прямымъ угломъ къ тѣлу, лежалъ не- подвижно, съ закрытыми глазами. Прошло четверть часа, полчаса; онъ не перемѣнялъ положенія, не открывалъ глазъ, но все еще не могъ заснуть и безпрестанно вздыхалъ тихими тоскливыми вздохами. Когда Муравлевъ воротился домой, Па- вель Андреевичъ тотчасъ же открылъ глаза и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него.

— Уже?—спросилъ онъ.

— Какъ „уже“?—усмѣхнувшись отвѣчалъ Муравлевъ.— Ушелъ въ девять часовъ, а возвращаюсь въ пятомъ. Доволь- но, кажется.

Павель Андреевичъ опять закрылъ было глаза, но, подумавъ, что безъ него не стануть, пожалуй, обѣдать, а будутъ дожидаться, покуда онъ проснется, — снова раскрылъ ихъ, со вздохомъ спустилъ ноги на полъ и сѣлъ на диванѣ. Кажет- ся, онъ спалъ бы, спалъ, спалъ безъ конца. Но вдругъ въ головѣ его тоже точно проснулась мысль, что сегодня къ но- чи, въ двѣнадцатомъ часу, нужно ѣхать къ Щипачеву, — и вся

его сонливость разомъ исчезла. Осталась какая-то одеревенѣлость во всѣхъ членахъ, да тупая боль и холодъ въ колѣнѣ, въ плечѣ, въ правомъ локтѣ. Онъ хмуро курилъ папиросу и, потрогивая лѣвой рукой правое плечо, думалъ, что, должно быть, немного простудился сегодня, когда лежалъ на влажной травѣ. Муравлевъ уходилъ изъ комнаты, опять приходилъ, и наконецъ позвалъ его обѣдать.

За обѣдомъ они оба мало ѣли и мало говорили. За нихъ ѣлъ и говорилъ „папочка“, тоже недавно проснувшійся и, очевидно, вполне отоспавшійся, потому что былъ оживленъ, веселъ, наряденъ.

— Оттого и не ѣсть гость, что хозяйева не умѣютъ угощать. Посадилъ бы я на наше мѣсто покойнаго Петра Борисовича и тогда бы посмотрѣлъ, какъ бы у него гость вышелъ изъ-за стола, не покушавъ и не выпивъ какъ слѣдуетъ. Тогда бы я и посмотрѣлъ! Ты вѣдь помнишь, я думаю, Петра Борисовича?—говорилъ старикъ, разглаживая салфеткой усы и взглядывая на сына.

— Это тотъ... чтѣ лежалъ въ параличѣ!

— Ну, вотъ... въ параличѣ!—съ досадою сказалъ старикъ.—Значить, ты видѣлъ только развалины монумента и не имѣешь о немъ почти никакого понятія. Въ параличѣ? Въ немъ было одиннадцать вершковъ роста, плечи вотъ какія... гнулъ подковы. Лицо у него было подъ старость серьезное, брови пучками, смотрѣлъ онъ немножко изподлобья, говорилъ басомъ на „о“... Такъ вотъ онъ, бывало, если увидить, что кто нибудь изъ его гостей мало ѣсть или пьеть, сейчасъ самъ возьметъ блюдо ли, бутылку ли, и идетъ къ нему вокругъ стола: „покорно прошу!“ Гость и то, и се: и сытъ-то онъ по горло, и болѣзни-то у него такія-то и такія-то, отъ которыхъ онъ уже столько-то лѣтъ не можетъ избавиться, хотя перепробовалъ всякіе методы лѣченія. Петръ Борисовичъ стоитъ передъ нимъ монументомъ, соболѣзнуеть, покачиваетъ съ сожалѣніемъ головой, и только что тотъ замолчить,—опять къ нему съ поклономъ: „покорно прошу!“ Гость говоритъ наконецъ, что онъ на діету посаженъ, что докторъ Богданъ Богдановичъ только и позволилъ ему такія то и такія-то кушанья,—другаго ничего нельзя. Петръ Борисовичъ тихонько вздохнетъ, скажетъ что нибудь въ родѣ

того, что однообразіе пищи тоже вредно, и опять за свое: „покорно прошу!“ И допросится наконецъ... Не выпустить безъ того, чтобы не накормить и не напоить. Это ужъ извините! Тамъ какъ хотите, хворайте или не хворайте, а съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходять.

Изъ столовой Павелъ Андреевичъ перешелъ на балконъ и сѣлъ въ углу въ кресло. На сердцѣ у него по прежнему было тяжело. Ревматическая боль въ плечѣ и въ особенности въ колѣнѣ раздражала ему нервы, и онъ, хмуря брови, повторялъ про себя: „ну, чего тянуть, чего тянуть?“ Обѣдъ продолжался чуть не два часа. Теперь Муравлевъ куда-то пропалъ. Потомъ принесутъ кофе. Послѣ этого, нужно будетъ куда-то идти, потому что здѣсь, въ углу, дремлетъ въ креслѣ обѣввшійся человекъ, и нѣтъ, нѣтъ, да и откроетъ одинъ глазъ, осмотрится и прислушается... Ну, чего тянуть? Если ужъ ничего не остается больше, какъ взяться за такое дѣло, то чѣмъ скорѣе приняться за него и привести къ тому ли, къ другому концу, тѣмъ лучше. Нѣтъ никакого удовольствія смаковать его...

— Что же, пойдемъ?—спросилъ онъ пришедшаго въ эту минуту Муравлева.

— Сейчасъ несутъ кофе; выпьемъ и пойдемъ,—отвѣчалъ Муравлевъ.—Я ходилъ посмотрѣть, цѣль ли мой племянникъ. Не понимаю, какъ живутъ люди, у которыхъ есть дѣти. Мнѣ все кажется, что онъ либо залѣзъ по лѣстницѣ на крышу и свалился съ нея, либо упалъ въ колодезь, либо взбирался на дрова и обрушилъ на себя всю полѣнницу. Каждый разъ, какъ я вспоминаю о немъ, мнѣ представляется, что вотъ сейчасъ войдетъ нянька и доложить, что Митенька оторвалъ себѣ ручку, ножку или головку...

Павелъ Андреевичъ слушалъ его съ величайшимъ недоумѣніемъ, рѣшительно не понимая, о комъ идетъ рѣчь. И только потомъ уже, подъ конецъ этой рѣчи, ему вспомнилось, что вѣдь сестра Муравлева уѣхала куда-то разыскивать своего сбѣжавшаго мужа и оставила на попеченіе брата маленькаго сына.

— Сколько ему лѣтъ?—спросилъ онъ, чтобы сказать хоть что нибудь.

— Семь лѣтъ. Какъ разъ тотъ самый возрастъ, когда люди безбоязненно лѣзутъ и въ огонь, и въ воду, и на какую угодно высоту. Вотъ и сейчасъ, когда я ходилъ посмотреть на него, онъ оказался весь перепачканнымъ въ дегтю: очевидно, былъ гдѣ-то подъ колесами. Ну, теперь пойдемъ.

Н. Бажинъ.

(Продолженіе будетъ).

РАЗСКАЗЫ КАТУЛЛА МЕНДЕСА.

I.

Послѣдняя фея.

Въ одно прекрасное утро, въ колысочкѣ изъ орѣховой скорлупы, везомой четырьмя козявками, крошечная фея Оріана, величиной съ ноготокъ, возвращалась въ миртовую рощу, гдѣ она жила вмѣстѣ съ другими феями. Она возвращалась съ крестинъ трехъ жаворонковъ, отпразднованныхъ въ гнѣздышкѣ подъ зеленой листвою. Гармоническій пискъ новорожденныхъ, расправлявшихъ свои пушистыя розовыя крылышки, подавалъ надежду, что со временемъ изъ ея крестниковъ образуются прекрасныя пѣвцы.

Оріана находилась въ превосходномъ расположеніи духа, а такъ какъ счастье дѣлаетъ добрымъ, то по дорогѣ она оказывала множество услугъ всѣмъ, кто попадался ей на встрѣчу. Она всовывала букеты земляники въ корзинки школьницъ, дула на цвѣточныя почки, чтобъ онѣ скорѣй распустились, подкладывала травинки въ капли росы, чтобъ маленькія букашки въ нихъ не утонули. Двое влюбленныхъ обнимались въ полѣ, гдѣ зеленая рожь едва доходила имъ до колѣнъ; фея махнула своей волшебной палочкой, и рожь мгновенно поднялась и созрѣла настолько, чтобъ скрыть влюбленныхъ отъ глазъ прохожихъ. Оріанѣ стало такъ весело, что она готова была танцевать въ своей скорлупѣ, еслибъ не боялась опрокинуться. Но радость ея скоро миновала. Увы! чтѣ же случилось? Она была увѣрена, что не сбилась съ дороги, что ѣдетъ именно тамъ, гдѣ слѣдовало,—и однако какъ все измѣнилось! Тамъ, гдѣ нѣкогда таинственно шумѣли, колеблемыя тихимъ вѣтеркомъ, пальмовыя рощи, теперь разстилась

обширная равнина, съ застроенными огромными зданіями, подъ закопѣлымъ отъ дыма небомъ.

Куда же исчезли вы, зеленые, золотистыя лужайки, гдѣ танцовали феи при мѣсячномъ сіяніи? Гдѣ вы, цвѣтушіе кусты розъ, гроты, выложенные шелковистымъ мохомъ? Гдѣ вы, подземные дворцы съ хрустальными стѣнами, освѣщенные тысячею огней и блескомъ драгоценныхъ камней? Гдѣ вы, могущественныя феи: Урланда, Альсимна, Вивіана, и вы, красавицы Мебъ и Титанія?

— Напрасно зовешь ты ихъ, бѣдная Оріана,—сказала ей скрывавшаяся въ камняхъ ящерица:—развѣ не видишь, что люди вторглись въ ваши владѣнія, воздвигли зданія и продолжили дорогу для своихъ ужасныхъ машинъ, извергающихъ пламя и дымъ. Они вырубали деревья, уничтожили кусты розъ и жасмина, засыпали гроты, разбили хрустальные дворцы, и феи погибли въ этомъ крушеніи. Я самъ видѣлъ, какъ одинъ проходій раздавилъ ногой фею Урланду.

Услышавъ это, Оріана горько заплакала.

Что ей дѣлать? Куда скрыться? Кто защититъ ее отъ ярости злыхъ людей? Первая мысль ея была—бѣжать, уйти изъ этого мѣста, гдѣ погибло столько ея сестеръ. Но она не могла болѣе путешествовать въ коляскѣ: четыре козявки, услышавъ рассказъ ящерицы, тотчасъ же улетѣли со свойственной насѣкомымъ неблагодарностью. Это нанесло страшный ударъ Оріанѣ, тѣмъ болѣе, что она ничего такъ не боялась, какъ странствовать пѣшкомъ. Она однако покорилась своей участи, и мелкими шажками начала пробираться впередъ, путаясь въ травѣ, покрывавшей ее съ головой. Она рѣшилась просить убѣжища въ цвѣтущемъ гнѣздѣ жаворонковъ; отецъ и мать ея крестниковъ, вѣроятно, примутъ ее хорошо. Но крошечныя ножки не могутъ двигаться такъ быстро: это не то, что мчатся въ орѣховой скорлупѣ на козявкахъ. Прошло цѣлыхъ три дня, прежде чѣмъ она достигла обѣтованнаго гнѣздышка. Можно себѣ представить, какъ она устала и какъ рада была отдохнуть.

— Это я,—сказала она, подходя,—я фея, крестная мать вашихъ дѣтей; добрыя птички, возьмите меня на свои крылышки, и отнесите въ ваше теплое гнѣздо.

Никакого отвѣта; ни одна головка не высунулась изъ подъ зеленой листвы. Раскрывъ широко глаза, Оріана увидала прикрѣпленный къ стѣнѣ, на мѣстѣ гнѣзда, кусокъ бѣлаго фаянса, съ продѣтой въ него телеграфной проволокой.

Она собралась уходить, не зная, что съ ней будетъ, когда увидѣла крестьянку, несшую въ житницу огромную корзину съ пшеницей.

— Ахъ, добрая женщина,—сказала она ей,—если вы согласитесь пріютить меня, то не будете въ этомъ раскаиваться. Никто, какъ феи и кобольды, не умѣетъ отбирать хорошаго зерна отъ дурнаго и вѣять безъ вѣялки. Я могу быть вамъ очень полезной, и избавить васъ отъ большаго труда.

Крестьянка не слыхала или притворилась, что не слышитъ; она толкнула дверь житницы и бросила пшеницу подъ зубцы машины, которая очищаетъ зерно безъ помощи кобольдовъ и фей. Немного далѣе, Оріана встрѣтила на берегу рѣчки людей, неподвижно стоявшихъ у парохода, вокругъ огромныхъ наваленныхъ тюковъ. Она подумала, что они не знаютъ, какъ взяться, чтобъ перегрузить свой товаръ.

— Ахъ, добрые люди,—сказала она,—если вы захотите пріютить меня, то въ этомъ не раскаетесь. Я призову къ вамъ на помощь самыхъ сильныхъ гномовъ, которые могутъ скакать даже съ ношей на плечахъ. Они во мгновеніе ока перенесутъ вамъ всѣ эти тяжести.

Они не слыхали или притворились, что не слышать, но сверху, не поддерживаемый ничьею рукой, спустился громадный желѣзный крюкъ и зацѣпилъ одинъ изъ тюковъ, который, описавъ въ воздухѣ полукругъ, медленно спустился на палубу парохода, безъ всякой помощи гномовъ. Къ концу дня малютка-фея увидала въ отворенную дверь трактира двухъ человѣкъ, игравшихъ въ карты. Наступали сумерки; становилось трудно различать фигуры и масти.

— Ахъ, господа,—сказала она,—если вы захотите пріютить меня, то не будете въ этомъ раскаиваться. Я созову изъ мѣсу въ эту залу всѣхъ свѣтляковъ, и здѣсь сдѣлается такъ свѣтло, что вы можете продолжать свою игру съ удовольствіемъ.

Игроки не слыхали или притворились, что не слышать;

одинъ изъ нихъ сдѣлалъ знакъ—и три струи свѣта изъ трехъ желѣзныхъ наконечниковъ брызнули къ потолку и освѣтили весь трактиръ гораздо ярче всѣхъ свѣтляковъ въ мірѣ!

Тогда Оріана не могла удержаться отъ слезъ, понявъ, наконецъ, что люди настолько сдѣлались учены, что не нуждаются болѣе ни въ какихъ феяхъ.

Но на другой день въ ней снова возникла надежда. Она увидѣла молодую дѣвушку, мечтательно облокотившуюся на окно и задумчиво слѣдившую за полетомъ облаковъ. „Конечно,—думала Оріана,—современные люди изобрѣли много необыкновенныхъ вещей, но, при всемъ торжествѣ науки и при всемъ ихъ могуществѣ, они вѣрно не отказались отъ сладкаго чувства любви. Какъ я была глупа, не подумавъ объ этомъ прежде всего!“ И, обратясь къ молодой дѣвушкѣ, сказала:

— Красавица, я знаю въ дальнихъ странахъ юношу, прекраснаго, какъ день, который, не видя васъ, пылаетъ къ вамъ страстною любовью. Онъ не знатенъ и не богатъ, но бѣлокурыя кудри вѣнчаютъ его голову золотистымъ ореоломъ, и въ сердцѣ его заключаются безконечныя сокровища нѣжности. Если хотите, я призову его къ вамъ, и вы сдѣлаетесь счастливѣйшимъ созданіемъ въ мірѣ.

— Вы дѣлаете мнѣ очень заманчивыя обѣщанія,—возразила удивленная красавица.

— И я сдержу ихъ, увѣряю васъ.

— Но что потребуете вы взамѣнъ?

— О, бездѣлицу—только позволенія забиться въ одну изъ очаровательныхъ ямочекъ на вашихъ розовыхъ щечкахъ.

— Какъ вамъ угодно, я согласна.

Молодая дѣвушка не успѣла договорить, какъ малютка фея, величиной съ жемчужину, почти невидимая, скользнула и улегалась въ хорошенькое розовое гнѣздышко. Ахъ, какъ ей было тамъ хорошо, и какъ будетъ хорошо всегда! Теперь она не жалѣла болѣе объ уничтоженныхъ миртовыхъ рощахъ и, спѣша исполнить свое обѣщаніе, тотчасъ же призвала изъ дальнихъ странъ юношу, прекраснаго, какъ день. Онъ появился въ ореолѣ золотыхъ кудрей, и опустился на колѣни передъ красавицей, съ сердцемъ полнымъ безконечныхъ сокровищъ нѣжности.

Но въ эту минуту вошелъ въ комнату безобразный старикъ съ гноившимися глазами и трясущейся челюстью. Онъ несъ въ открытомъ ящикѣ цѣлую груду драгоценныхъ камней. Красавица подбѣжала къ нему, обвила его шею руками и поцѣловала въ безцвѣтныя губы такимъ страстнымъ поцѣлуемъ, что бѣдняжка Оріана умерла, задохнувшись отъ негодованія въ своей розовой ямочкѣ.

II.

Райскій путь.

Такъ какъ принцесса отказалась выйти замужъ за племянника германскаго императора, — то ее заключили въ башню столь высокую, что она превышала облака, и сами жаворонки не отваживались взлетать на ея вершину. Прохожіе, видѣвшіе издали развѣвающимся на платформѣ бѣлое платье несчастной узницы, принимали ее скорѣе за ангела, спустившагося съ неба, нежели за земное существо. Цѣлые дни и ночи Гильемета проводила, жалуясь и стеная, не потому, что томилась въ одиночествѣ, вдали отъ любимыхъ подругъ, но потому, что ее разлучили съ бѣлокуромъ и розовымъ красавцемъ-пажемъ Амори, которому она давно отдала свое сердце.

Съ своей стороны душа Амори была тоже растерзана горемъ. Разъ, облокотившись на окно тюрьмы, гдѣ онъ сидѣлъ въ заключеніи, несчастный пажъ глядѣлъ внизъ на пропасть подъ своими ногами. „Къ чему жить? — говорилъ онъ, — когда у меня отняли ту, что составляла счастье моей жизни. Возлѣ нея я мечталъ о славѣ, о благородныхъ подвигахъ, о великихъ дѣяніяхъ, для того чтобъ все это повергнуть къ ея ногамъ и получить въ награду ея улыбку. Но теперь, когда ея нѣтъ, мнѣ ничего не нужно; я ничего не желаю, ни о чемъ не мечтаю. Къ чему срывать цвѣты, которыхъ не коснутся любимыя уста? Сомкнитесь же навѣки печальныя очи! Вамъ не видать болѣе Гильеметы!“

И, съ этими словами, онъ всталъ на подоконникъ и бросился въ пропасть.

Въ эту минуту три ласточки, прикорнувшія на вѣткѣ, не проронившія ни одного слова Амори, сказали другу другу: „Какая жалость, что на землѣ такъ много горя въ такихъ юныхъ сердцахъ, и такъ много слезъ на прекрасныхъ глазахъ“.

Не удивительно, что эти птицы говорили, потому что на самомъ дѣлѣ это были совсѣмъ не ласточки, а ангелы, принявшіе ихъ форму.

„Какъ вы думаете, не спасти ли намъ несчастнаго отъ ужасной смерти и унести въ нашъ свѣтлый рай“?—совѣщались они между собою.

И вотъ всѣ трое подхватили юношу, прежде чѣмъ онъ успѣлъ упасть, и вознесли его къ небу, на своихъ распростертыхъ крыльяхъ, превратившись снова въ ангеловъ.

Амори очень удивился, не чувствуя себя умершимъ, и пришелъ въ восхищеніе, узнавъ, куда его несутъ. Надъ домами и дворцами, надъ высокими платанами и вѣковѣчными дубами, пронизывая лазурь, эфиръ и облака, неслись небесные посланники такъ быстро, что самый вѣтеръ не могъ догнать ихъ. Но, когда городъ исчезъ въ туманѣ, Амори спросилъ съ безпокойствомъ:—Прекрасные ангелы, не ошиблись ли вы дорѣгой?

— Безумное дитя!—отвѣчали ангелы, улыбаясь:—неужели ты думаешь, что намъ неизвѣстенъ путь къ раю?

Амори въ смущеніи замолчалъ, а они неслись все выше и выше. Бѣлыя крылья неустанно разсѣкали воздухъ; долины, лѣса, горы исчезали въ сѣромъ туманѣ. Амори увидалъ, наконецъ, надъ облаками вершину башни, гдѣ томилась въ заключеніи Гильемета.

— Ахъ!—радостно вскричалъ онъ:—мы достигли рая.

— Нѣтъ еще,—отвѣчали ангелы съ удивленіемъ:—рай не такъ близко, какъ ты думаешь. Когда мы минемъ мрачныя человѣческія жилища и перенесемъ черезъ лучезарный дискъ солнца, мы все еще будемъ далеко отъ сіяющихъ вратъ рая охраняемыхъ херувимами.

— Говорю вамъ, мы достигли рая,—повторялъ Амори хватаясь за крылья ангеловъ,—онъ тутъ, въ этой башнѣ откуда Гильемета простираетъ мнѣ руки.

— Какъ, безумный! ты не хочешь слѣдовать за нами въ жилище свѣтлыхъ духовъ и вѣчнаго блаженства! Ты не хочешь, въ числѣ избранныхъ, слышать райскіе напѣвы, созерцать чудесные сады, гдѣ цвѣты сіяютъ, какъ звѣзды, изливая свѣтозарный аромат!

— Нѣтъ, нѣтъ, я не пойду дальше!—твердилъ Амори, отбиваясь.

Тогда ангелы въ гнѣвѣ выпустили изъ рукъ дерзновеннаго, отказывавшагося отъ райскаго блаженства, и онъ тяжело упалъ на каменный помостъ, у подножія башни. Съ разбитыми членами и проломаннымъ черепомъ, лежалъ весь въ крови бѣдный Амори. Онъ чувствовалъ, что умираетъ; страданія его были невыносимы. Но Гильемета обвивала его своими бѣлыми руками, прикасалась къ его ранамъ и цѣловала въ окровавленные уста.

— Вотъ гдѣ мой рай!—прошептала она, блаженно испуская послѣднее дыханіе:—миѣ не нужно другаго!

ТАЛМУДЪ ВАВИЛОНСКІЙ.

(Этюдъ).

Среди европейскаго общества, отъ Гибралтара до Урала, все болѣе и болѣе просыпается, въ силу естественнаго чувства само-сохраненія, желаніе оградить себя отъ экономическаго и моральнаго порабощенія евреями. Желаніе естественное и законное, такъ какъ всякая живая тварь на землѣ стремится избавиться отъ паразитовъ, а евреи среди индо-европейскихъ народовъ представляются именно паразитами. Но это желаніе обнаруживается въ различныхъ формахъ: въ южной Россіи, въ Венгріи и въ Австріи евреевъ прямо бьютъ, или пухъ изъ перинъ выпускаютъ; во Франціи, въ Англіи и отчасти въ Германіи противъ евреевъ возстаютъ люди мысли и пера. Они пишутъ противъ евреевъ, будятъ своихъ соотечественниковъ, указываютъ на темныя стороны еврейства и борются съ ними всѣми способами, но на почвѣ легальности.

Какъ въ Россіи, такъ и за границею, противъ евреевъ выступаетъ въ настоящее время немало интеллигентныхъ противниковъ, которые сознаютъ вполнѣ все зло, наносимое этимъ «вреднымъ сообществомъ» съ тайными политико-экономическими цѣлями и на религиозной подкладкѣ,—но борьба не всегда бываетъ удачною, благодаря полному невѣдѣнію того, что даетъ евреямъ живучесть и крѣпость. Всѣ мы знаемъ, что существуетъ «Талмудъ», но что это за книга на самомъ дѣлѣ, рѣдко кто знаетъ, такъ какъ рѣдко о кто изъ лицъ, враждебныхъ евреямъ, основательно знакомъ съ еврейскою духовною литературою. Выходить противъ врага, не зная его, мы считаемъ по меньшей мѣрѣ смѣшнымъ, а потому, чтобы помочь активнымъ борцамъ, выступающимъ противъ евреевъ, расскажем въ немногихъ словахъ, что такое на самомъ дѣлѣ Талмудъ.

Въ этомъ этюдѣ большую помощь оказываетъ намъ матеріалъ, собранный въ продолженіе многихъ лѣтъ покойнымъ цензоромъ

Павломъ Васильевичемъ Марголинымъ. Сырой, необработанный, но драгоценный матеріалъ былъ переданъ Марголинымъ въ наше распоряженіе, съ тѣмъ условіемъ, чтобы читателямъ было указано, кто пожертвовалъ немало времени, и собралъ массу данныхъ чтобы обрисовать истинную фізіономію сокровищницы еврейскаго ума. Исполняя охотно желаніе покойнаго труженика, хорошо знакомаго съ еврейскою литературою, переходимъ теперь, — по возможности спокойно и безпристрастно, — къ знакомству съ настоящею книгою еврейства.

I.

Вся еврейская духовная литература, въ настоящее время, распадается на шесть крупныхъ отдѣловъ, а именно:

а) *«Бераитотъ»* или христіанская Библия, то есть двадцать четыре книги священнаго писанія ветхаго завѣта.

б) *«Мишна»*, то есть толкованіе книгъ священнаго писанія, въ шести частяхъ. Время составленія Мишны не опредѣлено до сихъ поръ окончательно; ближе къ истинѣ будетъ 218 г. по Р. Х., когда Іегуда-Ганаси проредактировалъ этотъ сборникъ толкованій. На этомъ годѣ сходятся такіе авторитеты, какъ Іегуда-Гилеви въ *«Кузарѣ»* и де-Росси въ *«Моэръ-Энаимѣ»*; другіе принимаютъ 189 г.

в) *«Тосефтотъ»* считается дополненіемъ Мишны въ смыслѣ толкованія книгъ священнаго писанія и состоитъ также изъ шести частей. Уроженецъ вавилонскаго города Кафры, рабби Хіей-бенъ-Абба Великій окончилъ составленіе Тосефтота въ 219 г. по Р. Х.

г) *«Талмудъ іерусалимскій»* есть также толкованіе на Бераитотъ и составленъ въ 230 г. по Р. Х. рабби Іохананомъ-бенъ-Нафхи, президентомъ знаменитой въ свое время академіи въ Тиберіадѣ (нынѣ городокъ Табаріэ въ Палестинѣ).

д) *«Берешитъ-Рабба»* представляетъ новый вариантъ толкованій, составленный законоучителемъ тиберіадской академіи, Ошайею-бенъ-Нахманомъ въ 320 г. по Р. Х.

е) *«Талмудъ вавилонскій»* заключаетъ въ себѣ Мишну цѣлкомъ, съ толкованіями на нее. Этотъ объемистый трудъ окончень былъ приблизительно въ 500 годахъ по Р. Х., при совмѣстномъ сотрудничествѣ рабби Ашіи, его сына Мары и ученаго Маремара.

Изъ этого краткаго перечисленія видно, что вся литература евреевъ состоитъ изъ ветхозавѣтныхъ священныхъ книгъ и ново-

завѣтныхъ толкованій. Бѣдшая часть этихъ толкованій потеряла значеніе среди евреевъ, благодаря своей отвлеченности; наибольшее же или, лучше сказать, исключительное значеніе *сохранилось за вавилонскимъ Талмудомъ*, какъ наиболѣе примѣнимымъ въ разнообразныхъ житейскихъ обстоятельствахъ. Такимъ образомъ, вся премудрость современныхъ евреевъ заключается, по ихъ терминологіи, въ двухъ законахъ: «Тора-шебихтавъ», или законъ писанный, подъ каковымъ подразумѣваются ветхозавѣтныя книги, и «Торе-шебаалпе», или законъ устный, подъ которымъ понимаютъ Мишну и Гемару, совокупность которыхъ и носятъ названіе вавилонскаго Талмуда.

Ветхозавѣтныя книги, принятыя и переведенныя всѣми европейскими народами, не сдѣлали однако христіанъ такими, какими мы видимъ въ настоящее время евреевъ. Очевидно, *сильнѣйшее воспитательное вліяніе на евреевъ произвелъ Талмудъ*, такъ какъ въ немъ-то и заключается бвинтъ-эссенція житейской мудрости, собираемой въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ. Не отличаясь никогда сантиментальностью и почтительною стыдливостью, смотря на все въ жизни грубо, даже цинично, евреи не считаютъ вовсе нужнымъ утаивать то первенствующее значеніе, которое они придаютъ Талмуду. Въ трактатѣ «Хагила» (стр. 21), сопоставляя ветхозавѣтныя книги съ Талмудомъ вообще, авторъ прямо говоритъ, что св. писаніе есть чашка, въ которой подаютъ горячее кушанье, а Талмудъ представляетъ изъ себя ушки къ чашкѣ; другими словами, священное писаніе безъ Талмуда есть чашка безъ ушковъ, къ которой и притронуться нельзя. То же самое подтверждается въ трактатѣ «Эрубинъ» (стр. 21, 6), гдѣ сказано: «Рабби Эліезеръ говоритъ, что въ началѣ св. писаніе было, какъ сосудъ безъ ушковъ (куцо); явился царь Соломонъ и придѣлалъ ушки, то есть вывелъ множество законовъ со словъ св. писанія». Почти то же мы находимъ къ трактатѣ «Лебамотъ» (стр. 21,а), лишь съ замѣною слова «куцо» словомъ «кефафа» (корзинка). На подобное же значеніе Талмуда относительно св. писанія указываютъ его создатели въ трактатѣ «Берахотъ», желая подѣйствовать на религиозное убѣжденіе своихъ единоплеменниковъ и доказать полную равноправность своего произведенія со св. писаніемъ. Мы читаемъ (гл. 1, стр. 5,а): «И сказалъ Господь Моисею: «взойди ко Мнѣ на гору и будь тамъ, и дамъ тебѣ скрижали каменные, и законъ и заповѣди, которыя Я написалъ для наученія ихъ». (*Исходъ*, гл. 24, ст. 12). Рабби Леви, сынъ Хама, передалъ отъ имени рабби Шимона, сына Лакиша, что эти священныя слова обозначаютъ слѣдующее: «*скрижали*—это десять заповѣдей; *законъ*—св. писаніе

или библія; *заповѣди*—Мишна»; *которыя Я написалъ* (хотя, по грамматическому смыслу, это относится къ слову: «заповѣди») по еврейскому толкованію значить: «пророки»; *для наученія ихъ*—Гемара, то есть устный законъ. Мишна же съ Гемарою и составляютъ Талмудъ.

Наконецъ, укажемъ еще на трактатъ «Гитинъ» (стр. 60, 6), гдѣ сказано: «Рабби Іохананъ говоритъ, что словами въ *Исходѣ* (гл. 36, ст. 27): «И сказалъ Господь Моисею: напиши себѣ слова эти, потому что въ *этихъ словахъ* Я заключаю завѣтъ съ тобою и съ Израилемъ»,—подтверждается, что Богъ заключилъ завѣтъ свой съ Израилемъ ради закона устнаго» (то есть Талмуда). Такимъ образомъ, мы черпаемъ изъ приведенныхъ цитатъ увѣренность, что вавилонскій Талмудъ представляетъ изъ себя красугольный камень, на которомъ созданъ «орденъ евреевъ», точно также, какъ на уставѣ Игнатія Лойолы созданъ «орденъ іезуитовъ». Проводя параллель между дѣятельностью обоихъ орденовъ, мы имѣемъ полное право сказать, что евреи—это паразиты индо-европейской расы, а іезуиты — католическаго общества; тѣ и другіе стремятся ко всемірному господству, съ тою лишь разницею, что евреи предоставляютъ не-евреямъ всѣ способы погибнуть въ неравной борьбѣ, а іезуиты желаютъ всѣхъ не-іезуитовъ перевоспитать на свой ладъ. Очевидно, евреи черствѣе и безсердечнѣе іезуитовъ. Но разъ тѣ и другіе—паразиты, необходимо принимать мѣры противъ нихъ.

Такъ какъ вавилонскій Талмудъ служитъ основой всего современнаго еврейскаго вѣроученія, котораго стойко и непоколебимо держатся евреи свыше тысячи пятисотъ лѣтъ, то намъ необходимо ознакомиться съ нимъ поближе, чтобы знать, чего держаться въ законной самооборонѣ противъ разъѣдающей нашъ организмъ гангрены. Но, предварительно, необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ возникъ этотъ Талмудъ въ средѣ евреевъ, а для этого слѣдуетъ вернуться ко времени созданія втораго храма въ Іерусалимѣ.

Въ 536 г. до Р. Х.. персидскій царь Аградатъ позволилъ евреямъ покинуть Вавилонъ, гдѣ они жили въ качествѣ военнопленныхъ, и возвратиться въ Палестину; во главѣ переселенцевъ были: первосвященникъ Іегошуа и nasi (т. е. князь) Цоробабель, которымъ помогали пророки: Аггей, Захарій и Малахія, жившіе уже позднѣе. Всѣ эти лица встрѣчали затрудненія во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, благодаря полному отсутствію патріотизма со стороны евреевъ (никогда не обладавшихъ этимъ чувствомъ, присущимъ всѣмъ другимъ народамъ) и интригамъ самарянъ. Умные и прак-

тичные руководители сообразили все это и задумали изыскать средство объединить разсѣянныхъ по всей Азїи и Африкѣ единоплеменниковъ. Съ этою цѣлью, по смерти послѣдняго изъ названныхъ пророковъ, при царѣ Дарїѣ I (царствовалъ съ 521 по 485 г. до Р. Х.), правители еврейскаго народа создали «совѣтъ великой синагоги» изъ ста двадцати человекъ высшаго образованїя. Этотъ официальный «совѣтъ», сдѣлавшійся позднѣе неофициальнымъ «кагаломъ», создалъ нынѣшнихъ евреевъ.

Въ какія нибудь полтора ста лѣтъ «совѣтъ», при ловко обдуманномъ уставѣ, приобрѣлъ такое значеніе, что уже въ 348 г. до Р. Х. онъ пользовался полнымъ уваженіемъ среди евреевъ и о немъ говорили даже среди другихъ народовъ. Въ трактатѣ «Юма» (стр. 69) прямо сказано, что члены «совѣта» великой синагоги «дѣйствительно, своимъ стараніемъ и умѣніемъ, возстановили древнюю діадему», то есть красоту, славу и величіе древняго Израїля. Учрежденіе это, вполне соответствующее по духу ордену іезуитовъ, достигло блестящаго результата, такъ какъ ему удалось изъ строптивыхъ, разсѣянныхъ по всей землѣ, евреевъ создать тѣсно сплоченное политическое братство на религіозной подкладкѣ, — братство, не знающее отечества, но могучее сознаніемъ племеннаго единства. Въ этомъ отношенїи, «орденъ евреевъ» перещеголялъ даже «орденъ іезуитовъ».

Совѣтъ великой синагоги просуществовалъ официально до 149 г. по Р. Х. и закрылся при императорѣ Арріѣ-Бойонїѣ-Антонинѣ (съ 10 іюля 138 г. до 27 марта 161 г.). Ближайшимъ поводомъ закрытія совѣта было избраніе тридцатилѣтняго Іегуды-Гакадоша патриархомъ и наси (княземъ) всего разсѣяннаго народа. Этотъ Іегуда, сынъ рабби Шимона и внукъ рабби Гамалїэла (по преданїю, тайнаго послѣдователя Іисуса Христа), внушалъ настолько довѣрія къ своимъ качествамъ, что еще при жизни своего отца (ск. въ концѣ II вѣка) былъ избранъ ректоромъ или президентомъ тиберїадской академіи. Такимъ образомъ, Іегуда сдѣлался духовнымъ, политическимъ и ученымъ главою народа. По зрѣломъ и всестороннемъ обсужденїи съ членами кагала, Іегуда согласился собрать, проредактировать и привести въ систему (для легчайшаго изученїя) всѣ устныя преданїя еврейскаго вѣроученїя. Этотъ огромный трудъ, для пользы и назиданїя потомства, былъ почти оконченъ Гакадошемъ и получилъ названіе: «Мишна» или «Мишнаіотъ».

«Мишнаіотъ» — значить повтореніе. Такое названіе было дано на томъ основанїи, что, какъ увѣряютъ еврейскіе богословы, собранныя Гакадошемъ устныя преданїя или «законы» прямо исхо-

дять отъ Бога; путемъ передачи или повторенія отъ отцовъ дѣтямъ, эти законы сохранились до рабби Йегуды-Гакадоша. Въ трактатѣ «Аботъ» (гл. 1) читаемъ: «Моше (т. е. Мойсей) получилъ торе шебаалпе (т. е. законъ устный) на горѣ Синай и передалъ его Йегошуа-Набену (т. е. Иисусу Навину); Йегошуа передалъ его старцамъ (т. е. старѣйшинамъ колѣнъ), старцы пророкамъ, а пророки передали его членамъ совѣта великой синагоги». Въ трактатѣ «Эрубинъ» (стр. 54, в) сказано: «Моше училъ устному преданію отъ Господа и передалъ Аарону; кончилъ, и сѣлъ съ лѣвой стороны; и вошли дѣти Аарона, и онъ сталъ ихъ учить тому же, потомъ—старцевъ, а затѣмъ повторилъ это устное ученіе всему народу». Всѣ лица, упоминаемыя въ «Мишнаютѣ», носятъ общій почетный титулъ рабби, что обозначаетъ высшую степень образованія среди дѣятелей талмудическаго вѣроученія, тогда какъ низшая степень образованія даетъ право только на титулъ «раба». Различіе этихъ двухъ ученыхъ степеней (раба и рабби) необходимо помнить всякому, кто занимается еврейскою духовною литературою.

Гакадошъ скончался въ 189 г., а въ 218 г. Йегуда-Ганаси окончательно проредактировалъ «Мишну». Однако, творческая дѣятельность рабби и раба не прекратилась на этомъ; многіе изъ нихъ, стремясь разъяснить народу точный смыслъ св. писанія, стали писать свои толкованія въ самомъ, конечно, ортодоксальномъ направленіи. Такихъ толкованій набралось немало съ теченіемъ времени, и любимецъ персидскаго царя Кайкобата I (отъ 487 г. до 531 г., изъ дома Сассанидовъ), ректоръ академіи въ Сорѣ (бывшій Германикополисъ по верхнему Евфрату), рабби *Ашия*, прозванный Эль-Гатимъ, принялъ на себя трудъ собрать эти толкованія на Берайтотъ и Мишну, согласовать ихъ между собою и составить одно цѣлое. Въ этой работѣ ему дѣятельно помогали сынъ его Мара и рабби Маремаръ; они собрали все дошедшее до нихъ, проценировали и около 500 г. создали сводъ толкованій подъ названіемъ «Гемара», т. е. окончаніе. Гемара, вмѣстѣ съ Мишною, и названа вавилонскимъ Талмудомъ. Въ трактатѣ «Масехтъ-Гитинъ» (стр. 59, а) высказывается отъ имени раба Ахи слѣдующая мысль: «Я подтверждаю, что отъ рабби Йегуды Гакадоша до рабби Ашии не находимъ примѣра, чтобы для народа такъ удачно сошлись богатство съ ученостью». Этимъ Ахи намекаетъ на великія заслуги двухъ замѣчательныхъ дѣятелей, изъ которыхъ первый началъ Талмудъ, второй закончилъ его, а оба создали основу еврейства—Тору.

Изложивъ въ пѣсколькихъ словахъ исторію возникновенія вавилонскаго Талмуда, перейдемъ теперь къ его содержанію.

II.

По своему внутреннему содержанію, вавилонскій Талмудъ представляетъ совокупность преданій и воззрѣній, принятыхъ еврейскими школами разныхъ временъ, начиная за 500 лѣтъ до Р. Х. и оканчивая приблизительно 500 г. по Р. Х. Весь этотъ разнохарактерный матеріалъ распадается на три большихъ группы: ми-драшимъ или дерашатъ (духовное краснорѣчіе или гомилетика) галахотъ (догматика или поучительныя опредѣленія и изреченія) и агадотъ (легенды и историческія сказанія). Такимъ образомъ, въ составъ Талмуда входятъ слѣдующіе предметы изученія:

1) Переводы и толкованія на текстъ изъ Бераятота, взятый въ произвольномъ размѣрѣ; такія поученія, или проповѣди опираются въ своихъ изысканіяхъ на научныя данныя, заимствованныя изъ географіи, исторіи, языкознанія, генеалогіи, политики и апологетики, насколько эти науки были развиты въ то время. 2) Этика въ самомъ обширномъ ея смыслѣ; сюда входятъ: философскія и нравственныя изреченія, утѣшительныя и увѣщательныя рѣчи во всѣхъ родахъ и видахъ, наконецъ, народная мудрость въ видѣ краткихъ, остроумныхъ и достопамятныхъ изреченій. 3) Догматика, какъ строгая наука; здѣсь изложены—въ системѣ ученія о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ,—откровеніе божіе, данныя Богомъ законы, сохранившіяся преданія (не попавшія въ Бераятотъ), чинъ богослуженія, ученія о богопочитааніи, возмездіи и такъ далѣе. 4) Мистика или ученіе о сокровенныхъ знаніяхъ, куда относятся: теософія, теогонія, демонологія и космогонія; кромѣ того, принципы божественнаго управленія міромъ, астрологія, божественное проявленіе въ чудесахъ, (тевмагургія) и такъ далѣе. 5) Поэзія евреевъ во всѣхъ ея формахъ и проявленіяхъ: стихотворенія духовнаго содержанія, молитвенныя обращенія къ Богу, древнія сказанія, легенды, сказки, параболы и притчи. 6) Естествознание во всемъ его объемѣ, насколько оно было доступно древнему міру; здѣсь излагаются основы астрономіи, геологіи, зоологіи, ботаники, минералогіи, анатоміи, медицины и фармакологіи; кромѣ того, съ достаточною полнотою изложена математика. 7) Философія, метафизика и психологія, съ присущими древнему востоку увлеченіями и казуистикою. 8) Научныя познанія о различныхъ странахъ, о населяющихъ ихъ народахъ, о жизни, бытѣ и нра-

вахъ этихъ народовъ; филологія и лингвистика у не-евреевъ. 9) Соціологія, тщательно разработанная; предметомъ изученія являются: человекъ, семейство, народъ, идеи о равноправности, человѣческой трудъ, ремесла, промыслы, торговля въ разныхъ ея видахъ, средства къ жизни, идеи о стоимости и цѣнности, деньги и т. д. 10) Вѣроученія различныхъ народовъ, сектантство и ереси.

Таково содержаніе вавилонскаго Талмуда, пропитаннаго, конечно, самымъ узкимъ себялюбіемъ и нетерпимостью къ не-евреямъ. Что касается внѣшней формы этой настольной книги еврейства, то она, придерживаясь франкфуртскаго изданія 1697 г., состоитъ изъ двѣнадцати объемистыхъ томовъ in-folio, распадающихся на шестьдесятъ семь «масэхтотовъ» или трактатовъ, и пятьсотъ девяносто девять «пѣракимъ» или главъ. Сообразно съ содержаніемъ Мишны, весь Талмудъ дѣлится на шесть «седаримовъ» или частей. Замѣтимъ при этомъ, что наибольшимъ ревнителемъ распространенія шести частей Мишны при жизни Іегуды-Гакадоша былъ рабби Хіей,—составитель «Тосефтота»,— о которомъ въ трактатѣ «Кетуботъ» (стр. 103, 6) сказано: «Какъ велики дѣянія Хіея! когда его спросили: неужели его дѣянія важнѣе его самого? то онъ отвѣтилъ: да» Содержаніе шести седаримовъ заключаетъ въ себѣ:

1) Седеръ Зераимъ (уставъ о посѣвахъ) состоитъ изъ одиннадцати трактатовъ и семидесяти пяти главъ. Этотъ уставъ заключаетъ въ себѣ узаконенія о посѣвахъ, полевыхъ произведеніяхъ, травахъ и деревьяхъ, а также объ обыкновенной и особенной пользѣ, извлекаемой отъ сѣмянъ однородныхъ и разнородныхъ сортовъ или породъ. Главная основа этихъ узаконеній — практически-житейская и комерческая, причемъ точно разъяснены размѣръ и качество десятины въ пользу левитовъ. 2) Седеръ Моэдъ (уставъ о праздникахъ или торжественныхъ дняхъ) состоитъ изъ двѣнадцати трактатовъ и восьмидесяти восьми главъ. Въ нихъ заключаются предписанія о времени наступленія у евреевъ субботы и другихъ праздниковъ, указанія когда они должны оканчиваться и какъ ихъ слѣдуетъ проводить по праздничному. Строгій ригоризмъ указанныхъ правилъ вызвалъ появленіе оригинальнаго трактата «Эрубинъ», въ которомъ самымъ развязнымъ и серьезнымъ тономъ научаютъ евреевъ, какъ надуть Бога, если того требуютъ гешефтмахерскія соображенія дѣловаго человека. 3) Седеръ-Нашимъ (уставъ о женщинахъ) состоитъ изъ семи трактатовъ и семидесяти одной главы. Здѣсь трактуются о порядкахъ совершенія браковъ и разводовъ, а также остроумныя, но подчасъ циничныя разсужденія о нравахъ, обычаяхъ и наклонностяхъ женскаго пола; для подтвержденія тѣхъ или другихъ доводовъ

приведено сто девяносто шесть легендъ, обличающихъ тонкую наблюдательность во вкусѣ Золя. 4) Седеръ Незикинъ (уставъ объ ущербѣ и убыткахъ) состоитъ изъ десяти трактатовъ и ста девяти главъ. Этотъ отдѣлъ представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ свода гражданскихъ законоположеній; въ немъ разсматривается вопросъ относительно вознагражденія за причиненные (умышленно или невольно) убытки и о размѣрѣ наказанія въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя примѣнить денежнаго вознагражденія или пени, будутъ ли убытки нанесены человѣкомъ, или животными. Тутъ же помѣщены правила о порядкѣ дѣловыхъ сношеній съ не-евреями. 5) Седеръ Кодашимъ (церковный или священный уставъ) состоитъ изъ одиннадцати трактатовъ и девяноста главъ. Изложено порядкомъ различныхъ жертвоприношеній, а также отправленіе разнообразныхъ церковныхъ требъ, преимущественно во второмъ іерусалимскомъ храмѣ. Практичныя наставники научаютъ, какъ обличать плутни жадныхъ левитовъ и какъ уклоняться отъ налагаемыхъ Богомъ наказаній. 6) Седеръ Тагаротъ (уставъ о чистотѣ и объ очищеніи) состоитъ изъ шестнадцати трактатовъ и ста шестидесяти шести главъ. Тутъ исключительно разработаны важныя для евреевъ вопросы о кошерѣ (дозволенномъ) и треффѣ (недозволенномъ) во всѣхъ ихъ проявленіяхъ, описана подробно проказа, преподаны совѣты, какъ выбирать невѣсту и какъ держать себя во время земной жизни.

Какимъ значеніемъ должны пользоваться сказанныя шесть седаримовъ или частей въ глазахъ евреевъ, видно изъ трактата «Шаббатъ» (стр. 31), гдѣ приведены слова Рапш-Лакиша: «Исайя пророкъ говоритъ въ главѣ 33, ст. 6: *«и будетъ безопасность твоего времени, сокровище благополучія, мудрость и познаніе, богобоязненность—твое сокровище»*. Слова эти подразумѣваютъ: безопасность—Седеръ Зераимъ, время—Седеръ Моадъ, сокровище—Седеръ Нашимъ, благополучіе—Седеръ Незикинъ, мудрость—Седеръ Кодашимъ и познаніе—Седеръ Тагаротъ».

Отлагая детальное разсмотрѣніе шестидесяти семи трактатовъ, мы остановимся немного на значеніи Талмуда.

Какъ уже было указано раньше, подъ выраженіемъ «Мишнаіотъ» (у русскихъ евреевъ произносится: Мишнайсъ) слѣдуетъ понимать только одну Мишну, составленную рабби Іегудю-Гакадошемъ. Мишна пользуется сказаннымъ названіемъ только тогда, когда она напечатана отдѣльною книгою, безъ всякихъ комментариевъ, или же,—какъ за послѣдніе годы чаще бываетъ,—съ присоединеніемъ комментариевъ рабби Абодіи изъ Бертиноры (небольшой городокъ возлѣ Форзи въ Италіи) и «Тосефотъ-Іомтобъ»

рабби Йомъ-Тоба-Геллера. Подъ названіемъ же «Гемары» слѣдуетъ понимать сборникъ рабби Аши, служащій коментаріемъ изложеннаго въ Мишнаотѣ, и коментаріемъ довольно объемистымъ. Если обѣ части соединены или напечатаны вмѣстѣ, то они получаютъ названіе вавилонскаго Талмуда или «Торе шебаалпе». Различное значеніе для евреевъ, — издавна пропитанныхъ меркантилизмомъ, — Бераитота, Мишны и Гемары категорично выяснено въ трактатѣ «Баба Меція» (стр. 33): «За изученіе священнаго писанія ничего особеннаго ожидать не слѣдуетъ, за Мишну — такъ себѣ, но все же получишь вознагражденіе, за талмудическое же ученіе — награда выше всего».

Всѣ шестьдесятъ семь масехтотъ (или трактатовъ), взятыхъ вмѣстѣ, носятъ еще названіе «Шасъ», что происходитъ отъ первыхъ буквъ двухъ словъ: шито (шесть) и седаримъ (отдѣлы или часть) и обозначаетъ шесть отдѣловъ Талмуда. Выраженіе «Шасъ» употребляется въ самомъ Талмудѣ, какъ видно изъ трактата «Хагила» (стр. 3, а): «Два племянника рабби Йоханана, будучи нѣмыми, постоянно сидѣли въ синагогѣ, гдѣ шевелили губами и качали головою во все время, пока Йохананъ преподавалъ своимъ ученикамъ Тору. За это, посредствомъ молитвы названнаго рабби, они излѣчились и оказались настолькоъ учеными, что отлично знали Галахотъ, Саффо и Сифри и весь Шасъ».

Въ этомъ «Шасѣ», — какъ всякій легко догадается, — главную роль въ глазахъ евреевъ играетъ не мишнаотская часть, а гемарская, то есть не та, въ которой болѣе догматически изложены преданія устнаго закона, а вторая, въ которой преимущественно помѣщены толкованія, разъясненія, разсужденія, подборъ доказательствъ и критическій анализъ нападокъ на ту или другую фразу Мишны. Благодаря всѣмъ этимъ приѣмамъ, въ Гемарѣ любая мишнаотская строчка принимаетъ въ глазахъ даже наиболѣе объективнаго еврея тотъ именно смыслъ, который угодно было придать ей составителемъ, рабби Ашіею-эль-Гатимомъ. Эта-то гемарская часть Талмуда и представляетъ изъ себя тотъ отдѣлъ, о которомъ больше всего возникаетъ разговоровъ среди евреевъ и не-евреевъ при взаимныхъ пререканіяхъ. Этотъ-то отдѣлъ и составляетъ фундаментъ ортодоксальнаго воспитанія и вѣроисповѣданія нѣсколькихъ милліоновъ паразитовъ, вторгшихся въ индо-европейскую семью, тѣмъ болѣе, что Гемара, а не Бераитотъ, представляетъ главный нервъ еврейства и способствуетъ въ критическія минуты успокоенію еврейской совѣсти, если таковая окажется.

При этомъ необходимо замѣтить, — для полнаго выясненія значенія Гемары, — что *изученіе Бераитота въ тѣсномъ смыслѣ*

строга запрещается еврейзмъ. Для доказательства укажемъ на трактатъ «Берахотъ» (стр. 28, 6), въ которомъ сказано: «Рабби Элиезеръ, передъ смертью, запретилъ преподаваніе св. писанія слѣдующими словами: отклоняйте дѣтей вашихъ отъ буквального пониманія текста, потому что это отвлекаетъ отъ пониманія ученія съ преданіями». Свое нерасположеніе къ Бераятоту составитель Гемары выразилъ очень ясно въ трактатъ «Недаримъ» (стр. 35, в): «Каждый ученый обязанъ бесплатно обучать дерашату, галахоту и агадоту, *но не священному писанію*». Очевидно, разсчетливый по природѣ еврей пошлетъ своего сына учиться тому, за что не слѣдуетъ платить ни гроша.

Еврейскіе ученые, участвовавшіе въ созданіи вавилонскаго Талмуда или упоминаемые въ немъ, какъ авторитеты, носятъ общее названіе «талмиде-хахамимъ» (буквально: ученики мудрецовъ). Это скромное названіе вполнѣ соответствуетъ заимствованному у грековъ выраженію «философъ», и этимъ почетнымъ названіемъ въ настоящее время евреи жалуютъ всякаго талмудиста или человѣка, хорошо изучившаго Талмудъ. Всѣ талмиде-хахамимъ, смотря по степени знанія, распадаются на три разряда: рабанъ, рабби и раба.

Рабанъ, то есть великій учитель, есть ученая степень, даваемая духовнымъ представителямъ всего народа (первосвященникамъ или патриархамъ) или же свѣтскимъ (наси), назначаемымъ въ правители народа по волѣ иноземнаго монарха. По европейскому понятію, эта степень соответствуетъ доктору богословія.

Рабби (грецизированное: «равви»), то есть наставникъ, представляетъ вторую (низшую) ученую степень и дается только такому лицу, которое удостоено въ Талмудѣ названія «танай» (во множ. числѣ: танаймъ), то есть изучившій основательно Тору. Если въ какомъ нибудь трактатѣ приведена выдержка или рѣчь такого таная, то передъ его именемъ обязательно пишется «рабби», что соответствуетъ, по нашимъ понятіямъ, степени магистра (богословія или права). Такихъ рабби встрѣчается немало какъ въ Мишнѣ, такъ и въ Гемарѣ. Въ 218 г., когда Іегуда-Ганаси окончилъ составленіе Мишны, кагалъ, состоящій преимущественно изъ «танаймъ», собрался въ Тиберіадѣ и постановилъ, въ ясно сформулированныхъ выраженіяхъ, что составленіе Мишны окончено; что всякій еврей, не знающій Мишны или позволившій себѣ сдѣлать въ ней выкидки и добавленія, подвергается «хериму» (то есть исключенію изъ общества) и что названіе «танай» (буквально: мудрецъ) не должно больше даваться никому; его замѣнило выраженіе «аморъ»

(во множ. числѣ—амораимъ), то есть преподаватель или рассказчикъ, обязанный учить, но не обсуждать.

Рабъ, то есть учитель, есть третья, самая низшая ученая степень, которая присвоивалась амораимъ и соответствуетъ нашему кандидату правъ. Амораимъ, лишенные права видоизмѣнять Мишну, создали Гемару и, когда послѣдняя была окончательно редактирована, кагалъ собрался въ Вавилонѣ (на развалинахъ котораго нынѣ стоитъ городъ Гилла) и постановилъ, что Гемара окончена и никто не имѣетъ права дѣлать въ ней добавленія или исключенія. Постановленіе кагала заканчивается такъ: «Кто не вѣритъ какому нибудь закону въ Талмудѣ, будетъ ли онъ помѣщенъ въ Мишнѣ, или въ Гемарѣ, или же сомнѣвается въ какомъ нибудь рассказѣ или легендѣ, изъ помѣщенныхъ въ Талмудѣ, тотъ исключается изъ среды евреевъ и его должны убить». Для огражденія Гемары съ юридической стороны, названіе амораимъ было уничтожено и его замѣнило «гаонъ», то есть *превосходный* (подразумѣвается знатокъ закона). Названіе гаонъ сохранилось до нашихъ дней, но рѣдко кто изъ ученыхъ евреевъ получаетъ его. Иногда, особенно въ первое время, вмѣсто гаона говорили наси (т. е. князь) въ смыслѣ: князь знанія или высокій знатокъ.

Только что указанный періодъ амораимъ продолжался, такимъ образомъ, все время составленія Гемары, то есть отъ 218 г. до 500 г. Первый аморъ (въ Мишнѣ такое названіе не употреблено ни разу) былъ раба Арека, одинъ изъ лучшихъ учениковъ Іегуды-Ганасси, какъ о томъ сказано въ трактатѣ «Хулинъ» (гл. 10, стр. 157, в). Арека былъ назначенъ въ 218 г. ректоромъ академіи въ Сорѣ и пробылъ въ этой должности до самой смерти въ 242 г., создавъ громкую славу себѣ и академіи. Какъ блестящее сосредоточіе амораимъ, сорская академія возникла и исчезла вмѣстѣ съ ними; послѣднимъ ректоромъ былъ раба Абина, преемникъ раба Аши-эль-Гатима (ск. въ 499 г.); при немъ состоялось вышеупомянутое засѣданіе кагала (въ 500 г.), послѣ котораго Абина вскорѣ скончался отъ огорченія, видя начало гоненій—на евреевъ со стороны персидскаго правительства. Засѣданія кагала и амораимъ продолжались сорокъ дней, по поводу чего читаемъ въ трактатѣ «Менахотъ» (стр. 99, а): «Законъ этотъ данъ въ сорокъ дней и душа, для явленія въ свѣтъ, создается тоже въ сорокъ дней. Это потому, что кто хранитъ Тору, его душа за это хранится, а кто не хранитъ Торы, то и душа того не будетъ сохранена».

Первыя двѣ ученныя степени (раббанъ и рабби) упоминаются во всемъ Талмудѣ, то есть и въ Мишнѣ, и въ Гемарѣ; послѣдняя же степень, раба, только въ Гемарѣ. Всѣ степени вмѣстѣ, какъ

сказано было раньше, называются талмиде-хахамимъ. Еврей, удостоенный такого названія, обязанъ непременно знать всѣ талмудическіе законы, про какой бы у него ни спросили, какъ это и подтверждается въ трактатѣ «Шебаотъ» (стр. 113, в.). По поводу дѣленія Гемары на мидрашимъ, галахотъ и агадотъ, въ трактатѣ «Аботъ» (гл. 28) говорится такъ: «Талмиде-хахамимовъ бываетъ три разряда, которые можно сравнить съ камнями: высѣченнымъ, ограненнымъ и отшлифованнымъ. Отрубленный или высѣченный съ одной стороны камень есть тотъ ученый, который знаетъ только одинъ мидрашимъ; ограненный или тесанный съ двухъ сторонъ камень есть тотъ талмиде-хахамимъ, который знаетъ еще и галахотъ; отшлифованный же со всѣхъ сторонъ камень есть тотъ ученый, который, кромѣ мидрашима и галахота, знаетъ также агадотъ».

Въ заключеніе, чтобы не оставить въ читателѣ сомнѣнія относительно значенія Талмуда въ глазахъ евреевъ, приведемъ выдержку изъ трактата «Мегилла» (стр. 31, а): *«Богъ въ небесахъ изучаетъ Талмудъ стоя,—такъ велико Его уваженіе къ этой книгѣ».*

А. Быковъ.

(Окончаніе будетъ).

ОТЧЕГО?

— «Отчего это, другъ мой, въ подвалѣ сыромъ
Можетъ жить стебелекъ поблѣднѣйшій,
Можетъ грезить онъ тамъ теплымъ солнца лучемъ
И лазурью, и тучкою бѣлой?
Вѣдь кругомъ его мракъ, какъ въ могилѣ, глубокъ,
Не доносятся отзвуки жизни;
Отчего же растетъ онъ, живой стебелекъ,
Въ непривѣтливо-грязной отчизнѣ?» —
— «Оттого это, другъ, что въ подвалѣ сыромъ
Изъ зерна онъ здороваго выросъ,
А зерно то родилося въ краѣ иномъ,
Гдѣ не давить подвальная сырость.
Гдѣ хрустальныя капельки туча несла,
Словно радости свѣтлыя слезы,
Гдѣ лазурь голубая, какъ грезы, свѣтла,
Гдѣ и ночь мимолетна, какъ грѣзы».

Н. Орловъ.

РИТА.

О ЧЕРКѢ ТЕАТРАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

(Изъ записокъ слабаго человѣка).

I.

Кончено... Занавѣсъ плавно опустился и представленіе окончилось. вмѣстѣ съ представленіемъ, окончилась и моя любовь. Въ теченіе вечера, передъ моимъ печальнымъ и усталымъ взоромъ пронеслись всѣ перипетіи моего увлеченія, моей любви, моей страсти... Да, драма кончилась, а вмѣстѣ съ нею кончилась моя любовь или—вѣрнѣе—наша любовь. Странная вещь жизнь! Еще не прошло года, съ тѣхъ поръ какъ я, обуреваемый страстью, сѣлъ писать эту драму. Съ какимъ увлеченіемъ я писалъ ее, съ какимъ восторгомъ произносилъ вполголоса монологи, въ которыхъ кипѣла буря чувства! Я представлялъ себѣ ее, ту, для которой писалъ, въ новой роли, которую я создавалъ для нея. Я представлялъ себѣ эту изящную, воздушную фигурку, тонкую, какъ стебелекъ, граціозную, какъ молодая серна, съ серебристымъ голоскомъ, который звучалъ, какъ тихое журчаніе лѣснаго ручейка. Я уже видѣлъ ее въ моей новой роли и старался вполнѣ приспособить эту новую роль къ ея индивидуальнымъ, хорошо мнѣ извѣстнымъ, особенностямъ. Нѣкоторыя фразы и словечки она умѣла произносить какъ-то совершенно особенно: въ нихъ звучали двѣ-три нотки, которыя хватали васъ за сердце и исторгали невольныя слезы, или вызывали въ васъ внезапную веселость и заставляли смѣяться искренно, весело, отъ души. Впрочемъ, смѣхъ не былъ господствующимъ свойствомъ

ея таланта. Она не всегда могла исполнять роли веселаго репертуара и рѣдко бралась за нихъ. Зато слезы, тихое, молчаливое горе, некричащая любовь, покорность судьбѣ, всепрощеніе — вотъ тѣ мотивы, въ изображеніи которыхъ она была мастерицей и передавала ихъ со всей граціей, со всею прелестью молодаго, но уже сильнаго таланта. Это была идеальная, единственная Луиза Миллеръ, Офелія, Юнія, Гувельмина. Она была блондинка. Шолковые вьющіеся волосы ея были нѣжнаго матоваго тона и красиво вились на высокомъ бѣлоснѣжномъ лбу. Огромные сѣрые глаза, во взглядѣ которыхъ свѣтился умъ и сердце, были дивно-хороши. Бѣлые, ровные зубы очаровательно блестѣли, когда она улыбалась или смѣялась своими, скорѣе полными, чѣмъ тонкими губками. Но вѣрхомъ совершенства была ея талія. Въ труппѣ ходили насчетъ ея таліи анекдоты: говорили, что она обѣдаетъ черезъ день, чтобы не потолстѣть; что она спитъ въ корсетѣ, что ежедневно занимается массажемъ и такимъ образомъ съумѣла „воспитать“ свою удивительную талію. Подруги и актеры называли ее „дсочкой“, въ публикѣ прозвали „бокаломъ шампанскаго“, режиссеръ умолялъ ее не переломиться, когда она на репетиціи, падая къ кому нибудь въ объятія, изгибалась, какъ змѣя, кокетничая изяществомъ своего стана, красоту котораго, конечно, не могла не сознавать. На шутки режиссера она тоже отшучивалась и отвѣчала, что она можетъ согнуться, но не сломаться. Этимъ словамъ она придавала особый смыслъ и, дѣйствительно, ея репутація была безукоризненна. Никто въ ея прошломъ не могъ указать ни на одно марающее ее обстоятельство, ни на одно пятнышко. Были, само собою разумѣется, увлеченія, но увлеченія эти были чисты, носили на себѣ отпечатокъ идеальности, чего-то не отъ міра сего, и были безконечно далеки отъ такъ называемой театральной любви. Въ ея манерѣ держаться, въ ея обращеніи съ окружающими тоже не было ничего специфически-театральнаго. Правда, она была проста и естественна; въ ней не было ничего напускнаго, дѣланнаго, наноснаго; она не признавала всѣхъ этихъ утонченностей, церемоній, — всего этого ритуала, установленнаго свѣтскимъ кодексомъ приличій и „хорошаго тона“. Но въ ней зато не было и ничего вызывающаго, шокирующаго, ничего рѣзкаго. Ея обра-

щеніе походило на товарищескія отношенія учащейся молодежи добраго и, увы, навсегда погибшаго стараго времени. Она не отказывалась и отъ товарищескихъ пирушекъ, и принимала часто у себя дома; на обѣдахъ и ужинахъ была весела и ѣла за двоихъ, какъ бы опровергая этимъ шутки подругъ относительно ея талии...

Однако, я таки увлекся. Возвращаюсь къ дѣду. Я съ ней познакомился на сценѣ около года тому назадъ. Она играла свою коронную роль—Луизу Миллеръ. О, какъ она была идеально прекрасна! Сколько въ ней было трогательной простоты, врожденной граціи, глубокаго смысла въ исполненіи роли. Какая страстная и вмѣстѣ съ тѣмъ чистая любовь предстала передъ глазами изумленныхъ зрителей! Съ какою сердечною теплотою произносила она монологи, сколько силы, могучей силы было въ ея словахъ. Еслибы Шиллеръ могъ возстать изъ гроба и послушать свою мѣщанскую трагедію въ ея исполненіи,—онъ навѣрное поблагодарилъ бы ее. Глубокое презрѣніе, смѣшанное съ искреннею жалостью, звучало въ ея рѣчахъ, когда она говорила Вурму, пришедшему объявить ей объ арестѣ отца и заточеніи матери: „Бѣдный человѣкъ! у тебя печальное ремесло; съ нимъ невозможно быть счастливымъ... Да еслибы за каждую каплю слезы, которую ты видишь, давали по бочкѣ золота — я не хотѣла бы быть на твоёмъ мѣстѣ“... А это гордое свиданіе съ леди Мильфордъ? Эти рѣчи, полныя гордости и сознанія своего величія? „Вы хотите извлечь меня изъ праха моего происхожденія. Я не хочу разбирать ее, эту подозрительную личность. Объ одномъ спрошу васъ, миледи: чтò заставило васъ считать меня дурой, которая стыдится своего происхожденія?“... Я содрогнулся отъ ужаса, когда услышалъ заключительныя слова этой сцены, сказанныя горячимъ, страстнымъ полупопотомъ: „Теперь онъ вашъ! теперь, миледи, возьмите его себѣ, бѣгите въ его объятія, влеките къ алтарю! Но помните, что между вашимъ свадебнымъ поцѣлуемъ встанетъ призракъ самоубійцы“. И, дѣйствительно, вѣяніе смерти слышалось мнѣ въ этомъ страстномъ шопотѣ, и призракъ ея виталъ передъ широко раскрытыми глазами артистки.

„Приподнятая“ мѣщанская трагедія никогда мнѣ не ка-

залась,—ни до, ни послѣ этого спектакля,—такую дивно прекрасною. Я всталъ и пробрался за кулисы. Хотя на входныхъ дверяхъ аншлагъ гласилъ крупными буквами: „входъ постороннимъ лицамъ строго воспрещается“, но меня, какъ присяжнаго театральнаго критика, пропустили. Меня представили ей. Еще слезы не высохли на моихъ глазахъ, и она замѣтила мое смущеніе. Я началъ высказывать свое восхищеніе и удивленіе передъ ея могучимъ талантомъ. Но не могъ говорить и, пробормотавъ нѣсколько словъ, замолчалъ. Она улыбалась. Грудь ея высоко вздымалась отъ пережитой роли; она, казалось, не могла еще выйти изъ своей роли и, пронося обыкновенныя слова разговорной рѣчи, еще видѣла передъ собою обездоленный, но незапятнанный и чистый образъ Луизы Миллеръ... Да, это была ея коронная роль и я думаю: никто никогда не игралъ этой роли такъ, какъ она ее сыграла. Я нѣсколько овладѣлъ собою и высказалъ ей это. Мимо насъ шныряли плотники и мастеровые; меня чуть не задѣли по головѣ какой-то „пристановкой“, но я ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ, ничего не чувствовалъ, кромѣ ея воздушной фигуры, ея чуднаго голоса и этого печальнаго образа прекрасной Луизы.

Теперь говорить, что любовь не должна захватывать въ свои сѣти всего человѣка; что самоубійства изъ-за отвергнутой любви или изъ ревности свидѣтельствуютъ о душевной дряблости и нравственной дряблости человѣка, поддавашагося безраздѣльно охватившей его страсти; что человѣкъ, не сумѣвшій найти выхода изъ страсти, не сумѣвшій найти себѣ болѣе возвышенной цѣли жизни, не заслуживаетъ уваженія и квалифицируется, какъ слабое и никуда не годное созданіе. Я не знаю, такъ ли это? Думаю впрочемъ, что несовсѣмъ: изъ ста любовныхъ увлеченій, быть можетъ, девяносто относятся къ числу такихъ, которыя можно побѣдить разсудкомъ, небольшимъ усиленіемъ воли, силою разумаго слова; но остальные десять?.. Изъ этихъ десяти, хотя бы одно навѣрное принадлежитъ къ числу роковыхъ увлеченій, въ которыхъ безумную страсть нельзя „разсудкомъ побѣдить“. Оканчивается увлеченіе, а съ нимъ и жизнь. Никакіе горизонты, никакія сферы не влекутъ больше къ себѣ; все дѣлается безцвѣтнымъ и постылымъ, — и единственнымъ от-

раднымъ исходомъ, единственной привлекательной перспективой является смерть. Быть можетъ, впоследствии, когда страсть прошла бы, человѣкъ, поддавшійся ей, въ качествѣ посторонняго зрителя, и могъ бы придумать выходъ изъ своего положенія, но во время дѣйствія страсти—это невозможно. Потому страсть и называется страстью, что она захватываетъ всего человѣка, все его существо, всю душу, весь его разумъ. И, еслибы она оставляла мѣсто холодному и зрѣлому размышленію,—она не называлась бы страстью...

II.

Въ театрѣ былъ полумракъ. Шла репетиція. Я сидѣлъ съ своей новой знакомой въ одной изъ укромныхъ, еле освѣщенныхъ ложъ. Удивительное дѣло! Не смотря на мое кратковременное знакомство съ нею, я чувствовалъ, какъ будто мы старые знакомые и настоящіе друзья. Въ полумракѣ лежи хорошенькое личико ея было какъ бы подернуто дымкой тумана. Свѣтлая головка, въ рамкѣ шелковистыхъ волосъ, выдѣлялась блѣднымъ пятномъ на темно-малиновомъ фонѣ. Огромные сѣрые глаза съ длинными рѣсницами смотрѣли на меня лукаво и привѣтливо улыбались... Она производила странное впечатлѣніе. Я уже говорилъ, что она была очень хороша собою; ею можно было любоваться отъ всей души и наслаждаться этимъ любованьемъ; но, при этомъ, ни одного мало-мальски нечистаго помысла не приходило на умъ. Вѣдь нужно сознаться—всякому мужчинѣ, хоть немного извѣдавшему жизнь, хоть немного испорченному (а кто же въ наше время не испорченъ?)—при взглядѣ на хорошенькую женщину, невольно лѣзутъ въ голову несовсѣмъ чистые помыслы, и противъ этого ничего не подѣлаешь... „Всякій, взглянувшій на женщину съ вожделѣніемъ, прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ“. Вотъ этого-то вожделѣнія и не было въ данномъ случаѣ. Физическое совершенство было, всѣ данныя были, а „вожделѣнія“ не было. Я долго и внимательно анализировалъ впечатлѣніе, которое она производила на окружающихъ,—не на одного меня,—и во всѣхъ случаяхъ было одно и то же. И я, кажется, понялъ, въ чемъ дѣло. А дѣло

было въ томъ, что красота душевная, которою она обладала, была выше красоты физической и подчиняла себѣ послѣднюю. Въ этомъ и былъ весь секретъ ея превосходства передъ огромнымъ большинствомъ женщинъ... Да, она была идеально хороша, эта идеальная Луиза Миллеръ.

Въ труппѣ шли постоянные споры о томъ, имѣли ли мѣсто въ ея жизни увлеченія? И если имѣли, то какія онѣ были: „съ послѣдствіями, или безъ оныхъ“? Этотъ вопросъ занималъ всѣхъ, и меня въ томъ числѣ. Меня, впрочемъ, не долго; я безапелляціонно рѣшилъ, что, если и были увлеченія—да и какъ можно прожить весталкою, да еще на сценѣ?—то во всякомъ случаѣ безъ послѣдствій. Для меня это былъ вопросъ рѣшенный. Водевильная *ingénue*, молоденькая и шустрая бабенка, вкусившая уже отъ древа познанія добра и зла, была съ нею въ отличныхъ отношеніяхъ и имѣла пристрастіе къ легкому разговорному жанру. Она сыпала скабрезностями, и я каждый разъ наблюдалъ, какъ ея собесѣдница густо краснѣла и опускала свои хорошенькіе глазки. Однажды на глазахъ ея навернулись слезы. И я часто старался замять разговоръ или навести его на другія темы, когда онъ принималъ чрезчуръ откровенный характеръ. Я ограждалъ и защищалъ этого прелестнаго ребенка. Одно обстоятельство поставило меня втупикъ. Какъ-то разъ, на репетиціи, комикъ пустился съ водевильной *ingénue* въ состязаніе. Они говорили гадости, какъ бы стараясь перещеголять другъ друга. Мы уже собирались уйти изъ ложи, когда *ingénue* серьезно сказала:

— Ты бы, ушла Рита; тебѣ, какъ дѣвушкѣ, не слѣдовало бы этого слышать.

При этихъ словахъ, Рита покраснѣла, и опять на глазахъ ея навернулись слезы. О чемъ были эти слезы?..

Да, и у нея была своя „исторія“. И у нея была драма въ жизни, и у нея было увлеченіе—съ послѣдствіями... Кто бы могъ подумать объ этомъ, глядя на ея полудѣтскую фигурку, глядя въ ея чистые, прекрасные и глубоко-невинные глаза?

Это была „обыкновенная исторія“, до того обыкновенная, что не знаешь даже, какъ рассказать ее, потому что и рассказывать-то, собственно, нечего. Но она передала мнѣ ее

однажды на репетиціи, пока мы сидѣли въ той же полутемной ложѣ. Это случилось какъ-то совершенно просто и естественно. Я даже не могу припомнить, какъ мы начали этотъ разговоръ и какъ набрали на эту щекотливую тему. Въ домѣ, въ которомъ она состояла учительницей, часто бывалъ одинъ актеръ. Онъ обратилъ на нее свое вниманіе и, путемъ долгихъ увѣщаній и уговоровъ, убѣдилъ, что изъ нея выдетъ прекрасная актриса и что ей необходимо поступить на сцену.

— Изъ васъ выдетъ необыкновенная Луиза Миллеръ, — говорилъ онъ ей. И она слушала. А онъ не давалъ ей „ни отдыха, ни сроку“. Капля долбитъ и камень. Но она не была камнемъ. Онъ столько наговорилъ ей о будущей коронной роли—Луизѣ Миллеръ,—что она принялась читать эту роль, изучать, и кончила тѣмъ, что детально выучила ее. Эта роль была близка ей еще по особому случаю. Ея отецъ былъ управляющимъ богатаго аристократическаго имѣнья. Она жила въ этомъ имѣннн цѣлое лѣто. Туда же пріѣхалъ погостить на лѣто и сынъ владѣльца, блестящій молодой человекъ, только что выпущенный изъ привилегированнаго учебнаго заведенія въ гвардейскій кавалерійскій полкъ. Между ними установились добрыя пріятельскія отношенія. Но отношенія эти длились не долго; что-то такое, болѣе сильное и менѣе чистое, чѣмъ дружба, начинало развиваться, и тогда отецъ ея, зорко слѣдившій за своею любимою дочкой, счелъ за лучшее отойти отъ зла и сотворить благо. Онъ увезъ ее въ городъ и опредѣлилъ на мѣсто, — въ хорошій, давно ему знакомый домъ. Изучая роль Луизы Миллеръ, Рита представляла себѣ въ лицѣ Фердинанда—молодаго гвардейца и не сознавала, конечно, какъ этотъ послѣдній былъ далекъ отъ навязаннаго ему идеала. Когда, наконецъ, хватились и отказали актеру отъ дома, было уже поздно: Рита была готова поступить на сцену, и никакія силы не могли бы ее удержать отъ этого.

Сцена имѣетъ въ себѣ, дѣйствительно, что-то неотразимо-привлекательное. Достаточно разъ вкусить ея прелестей, чтобы навсегда связать съ нею свою жизнь. Маленькое зерно успѣха въ какой нибудь незначительной выходной ролькѣ на любительскомъ спектаклѣ быстро закрѣпляется и пускаетъ

стки въ молодой, свѣжей почвѣ и рѣшаетъ судьбу человѣка всю остальную жизнь. Ни живопись, ни музыка, ни литература не закрѣпощаютъ такъ человѣка, не кладутъ такого епифического отпечатка, какъ сцена. Ни одно искусство не ечетъ къ себѣ такъ, какъ сцена. Почему? Я не знаю. Не тому ли, что ни одно искусство не отражаетъ въ себѣ изнь съ такой полнотой, какъ сцена? Музыка даетъ звуки, живопись—краски, скульптура—формы; сцена же даетъ все: звуки, и краски, и формы, и мысли, и рѣчи,—все, все. Она даетъ жизнь, но не ту обыкновенную будничную, сѣрую безцвѣтную жизнь, въ которой барахтается, какъ въ тряпѣ, огромное большинство, а самые яркіе, самые импониющіе, самые возвышенные моменты этой жизни. Душа человека жаждетъ, положительно жаждетъ чего нибудь яркаго и ликаго, какого нибудь геройскаго подвига, геройской любви, геройскаго самоотверженія... Но жизнь не даетъ въ нашемя ни подвиговъ, ни геройства, ни даже какой нибудь, въ ряду вонъ выходящей, „демонической“ низости. И вотъ человѣку становится не по себѣ; ему до тошноты, до мысли самоубійствѣ надоѣдаетъ жить въ этой промзглой атмосферѣ умѣренности и акуратности, гдѣ не умѣютъ „ни ненадѣть, ни любить“; ему противно это пошлое житье, привенное „къ одному знаменателю“, эти размѣренные и разлионныя улицы и площади, эти взвѣшенные и расчитанныя исли и чувства. Ему безумно хочется свѣта и воздуха, —льше свѣта и больше воздуха! Ему безумно хотѣлось бы теченіе своей жизни собрать все мало-мальски яркое и звышенное, сконцентрировать все это въ одномъ фокусѣ и чше день прожить, но только день великій и свѣтлый, чѣмъ миться и копошиться цѣлые годы въ какомъ-то безнадежноыломъ болотѣ, въ туманѣ котораго расплываются формы и екнутъ краски. Развѣ не завидна была жизнь Луизы и Фернанда, не смотря на весь ужасъ пережитыхъ страданій, не отря на всю краткость ихъ молодой жизни, не смотря, на-вонецъ, на глубоко трагическій конецъ ея?.. Сцена падаетъ. : потому ли она падаетъ, что отрѣшилась отъ своихъ древхъ традицій и стала изображать въ современныхъ комехъ и драмахъ ту же будничную мизерную жизнь, тѣхъ : мелкихъ и бездушныхъ эгоистовъ, тѣ же дрянныя мыс-

лишки и чувстввица, съ которыми и для которыхъ мы живемъ?..

Рита поступила на сцену. Она начала не такъ, какъ другія. Она сразу сыграла роль Луизы Миллеръ и имѣла успѣхъ. Этотъ успѣхъ не вскружилъ ей голову, но навсегда и безповоротно рѣшилъ ея судьбу. Она сдѣлалась „жертвой сцены“. Весь міръ сосредоточился для нея на сценѣ. Она сдѣлалась актрисой. Теперь, по прошествіи двухъ лѣтъ, она съ удивленіемъ оглядывалась на свое „паденіе“. Онъ былъ посредственный актеръ и еще болѣе посредственный человѣкъ. Онъ занималъ амплу драматическаго простака; но отчасти вслѣдствіе требованій провинціальной сцены, отчасти благодаря самомнѣнію, онъ брался и за всѣ остальные роли. Съ одинаковой легкостью игралъ онъ и Гамлета, и Язона, и Добчинскаго, и полицмейстера въ Периколѣ. Голосъ былъ у него зычный, „необузданный“, мелодраматическія интонаціи, вульгарная позировка и невыработанный жестъ. Но мнилъ онъ о себѣ много. Онъ былъ женатъ, но уже давно забылъ объ этомъ и жилъ съ другою,—съ актрисой. Въ послѣднее время, незадолго до знакомства съ нею, онъ оставилъ свою вторую жену въ Рыбинскѣ, а самъ „кончилъ“ (т. е. взялъ ангажементъ) въ одинъ изъ южныхъ городовъ. Онъ никогда не говорилъ Ритѣ ни о своей первой, ни о второй женѣ, пока у нихъ зрѣлъ и длился кратковременный романъ. Какъ онъ начался, зачѣмъ продолжался, когда и гдѣ совершилось ея „паденіе“, она мнѣ не сказала. Почему? Вѣроятно, эти воспоминанія были слишкомъ для нея тяжелы, чтобы переживать ихъ вновь въ разсказѣ.

Я не отдавала себѣ тогда отчета, что именно нравилось въ немъ, и нравился ли онъ мнѣ даже вообще,—говорила она:—это былъ какой-то кошмаръ, котораго я не могу иначе объяснить себѣ, какъ временнымъ психическимъ расстройствомъ. Впрочемъ, это длилось недолго. Какъ только онъ добился своего, онъ сталъ со мною грубъ, рѣзокъ, требователенъ. Нерѣдко въ товарищескомъ кружкѣ подымалъ онъ меня на смѣхъ; отъ его насмѣшекъ кровь бросалась мнѣ въ голову, слезы подступали къ глазамъ и сердце закипало не то отъ жалости къ этому несчастному человѣку, не то отъ гнѣва и униженія... Однажды онъ пришелъ на репетицію и, вы-

нувъ изъ боковаго кармана письмо, обратился къ товарищамъ и громко сказалъ: „поздравьте, у меня въ Рыбинскѣ родилась дочка“. Я стояла въ сторонѣ, въ кулисѣ, и услышала это. Онъ подошелъ ко мнѣ и съ цинически-вызывающимъ видомъ сказалъ: „Слышишь, Рита, у меня родилась дочка, вотъ почти“. Онъ протянулъ мнѣ письмо; я взяла машинально и прочла. Она, его покинутая вторая жена, писала, что ей все извѣстно, что она знаетъ о его сожителствѣ „съ актрисой изъ новенькихъ, Маргаритой Нелюбиной, но что она все простить ему, если онъ прїѣдетъ къ ней“. Она просила выслать ей рублей двадцать, потому что она „положительно погибаетъ съ дѣвочкой отъ нищеты“...

„— Вы поѣдете?—спросила я его, возвращая письмо.

„— Нѣтъ, моя прелесть, не беспокойся, — отвѣтилъ онъ, принявъ, въ своемъ изумительномъ ослѣпленіи, душившій меня гнѣвъ за ревность и за страхъ лишиться его прелестной особы.

„— Вы не поѣдете, нѣтъ? не поѣдете?—говорила я, наступая на него съ бѣшенствомъ.

„Онъ отвѣтилъ мнѣ бессмысленно-цинической шуткой, отъ которой кровь прихлынула мнѣ къ сердцу, въ глазахъ потемнѣло и я схватилась за кулису, чтобы не упасть..

„Режиссеръ подошелъ къ нему медленно и спокойно, пристально взглянулъ ему въ лицо и я услышала сухой, короткий ударъ.

„— Василій Ивановичъ, вы съ ума сошли, какъ вы смѣете?—захлебываясь, говорилъ мой возлюбленный съ искаженнымъ и блѣднымъ отъ бѣшенства лицомъ.—По ка-ко-му праву?

„— По праву честнаго человѣка бить такихъ гадинъ, какъ вы.

„— Но я, я, я... буду жаловаться, я сейчасъ поѣду къ полицмейстеру,—говорилъ онъ, трусливо ретируясь.

„— Хоть къ самому губернатору,—отвѣтилъ ему режиссеръ и, взявъ меня за руку, сказалъ:

„— Поѣзжай домой, Рита, мы прорепетируемъ безъ тебя.

„Потомъ я узнала, что нашъ режиссеръ Василій Ивановичъ давно точилъ на него зубы, что я ему самому очень нравилась, и онъ всячески проклиналъ себя, что не съумѣлъ уберечь меня отъ такого негодяя. Любовь моя окончилась. Я

возненавидѣла этого человѣка всѣми силами моей души, тою слѣпою ненавистью, на которую способна только поруганная, брошенная и погибшая женщина. Присутствіе его бросало меня въ дрожь, голосъ его приводилъ меня въ нервный трепеть“...

Я слушалъ молча ея разсказъ. Въ моей душѣ подымалось горькое чувство обиды и боли за ея позоръ. Я готовъ былъ бы собственными руками задушить этого негодяя, еслибы онъ былъ передо мною. И я сказалъ ей это. Она усмѣхнулась.

— Полноте,—мягко сказала она съ болѣзненной ноткой въ голосъ, которая привела меня въ трепеть:—задушить слѣдовало бы меня, и негодный не онъ, а я—негодная женщина.

Мнѣ показалось, что она его защищаетъ. Я пришелъ въ бѣшенство.

— Вы защищаете этого мерзав... значить, вы несовсѣмъ еще его разлюбили?

Она странно на меня посмотрѣла. Въ это время, со сцены раздался голосъ сценаріуса:

— Г-жа Нелюбина—вашъ выходъ.

Она не успѣла ничего отвѣтить и быстро выбѣжала изъ ложи.

Я остался одинъ съ своими думами. Ея тонкая фигурка, ея блѣдное личико, ея глаза, полные слезъ и кротости, ея дрожащій отъ гнѣва и обиды голосъ носились передъ моими глазами, звучали въ моихъ ушахъ, наполняли мою душу. Смѣшанное чувство обиды, гнѣва, жалости и... любви, да, любви, овладѣло мною.

— Рита, дорогая, хорошая Рита, бѣдная Рита,—шепталъ я.

Въ ложу вошла примадонна, полная и дебелая дама, и о чемъ-то заговорила со мной. Я что-то отвѣчалъ ей. Со сцены неслись слова:

„... ты надо мною

Смѣешься... ты не извергъ—нѣтъ, въ душѣ твоей

Есть искра доброты... Съ холодностью такую

Меня ты не погубишь въ цвѣтѣ дней“.

Это говорила Рита; въ рѣчахъ ея звучало такое безъисходное горе, такая мольба, такой ужасъ, что я выбѣжалъ

изъ ложи къ изумленію моей собесѣдницы и, еле сдерживая рыданія, побѣжалъ домой.

— Рита, Рита, дорогое, бѣдное дитя мое!

Ш.

Клянусь, я не знаю, какъ это случилось. Но я знаю, что полюбилъ ее всей душой. Да и какъ было не полюбить ее? Отъ нея вѣяло такой свѣжестью, такой молодостью, такой непорочностью и чистотой. Это былъ ребенокъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Не смотря на случившееся съ нею несчастье, она не была забрызгана житейскою грязью, не была захватана нечистыми руками, и умъ, и сердце ея оставались необыкновенно чистыми и прекрасными. Я не хотѣлъ этой любви. Любить ея душу, издали преклоняться передъ нею, любоваться и благовѣть, имѣть на нее хорошее нравственное вліяніе я могъ и хотѣлъ этого. Но обладать ея тѣломъ я не хотѣлъ; не могъ допустить этой мысли. Пойти по стопамъ того... негодяя... я не могъ желать этого. Не все ли равно, что тотъ былъ первымъ, а я—вторымъ?.. И тѣмъ не менѣе это случилось... Я упрекаю себя горько. Къ чувству любви примѣшалось какое-то тяжелое, болѣзненное чувство обиды. Что за проклятiе тяготѣетъ надъ сценой и надъ женщинами, посвятившими себя этому высокому гуманному искусству, что онѣ не могутъ, вступивъ на подмостки, охранять въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени свое человѣческое достоинство?..

Я писалъ для нея драму и съ восторгомъ предвкушалъ тотъ моментъ, когда она выступитъ въ своей новой роли. Жизнь моя была счастлива и полна. Любовь къ ней наполняла все мое существо, завладѣла всѣмъ моимъ сердцемъ, а умъ занятъ былъ созданиемъ художественныхъ образовъ. Была ли она счастлива? Я не знаю. Какая-то тихая и тайная грусть не покидала ея. Какъ разгадать сердце женщины? Что она любила меня и любила искренно и горячо — я не могъ сомнѣваться. Я объяснялъ себѣ эту грусть наличностью сознанія, поселившагося въ ней, что такъ или иначе, а она пошла по проторенной дорожкѣ жизни. Грустное, тяжелое,

унылое сознание. Вся труппа сочувствовала нашей любви, покровительствовала ей, охраняла ее. Водевильная ingénue, бойкая и острая бабенка, но съ отличнымъ сердцемъ и искренно привязанная къ Ритѣ, говорила, что „славу богу, она нашла наконецъ свое счастье“, и только жалѣла о томъ, что по нѣкоторымъ обстоятельствамъ мы не могли жениться въ ближайшемъ будущемъ. Но на этотъ счетъ въ театральномъ міркѣ существуютъ свои особые взгляды и официальной женитьбѣ придается весьма мало значенія, лишь бы люди, сошедшіеся другъ съ другомъ, жили въ мирѣ и согласіи. Этого вполне достаточно, это говорить уже въ пользу среды, которая способна уважать суть явленія, а не его форму.

Я не долго боролся противъ нѣкоторыхъ вредныхъ вліяній, окружавшихъ Риту. Я умѣлъ предупреждать столкновенія ея съ драматической *grande-dame*, которая ее недолюбливала за любовь къ ней публики. Я устранилъ и другую маленькую актрису, которая не умѣла иначе говорить, какъ съ крайнимъ цинизмомъ, не только называя вещи своими именами, но и повсюду отыскивая, что только есть циничнаго въ жизни. Всѣ эти ужины послѣ спектаклей, катанья, всѣ пикники сократились или стали болѣе приличны. Я тщательно устранялъ изъ ея жизни все неприятное, все, что шокируетъ нравственное чувство порядочной женщины. Особенныхъ трудовъ стоило мнѣ держать на дистанціи почтенную корпорацію гг. офицеровъ. Нужно сознаться, что гг. офицеры играютъ немалую роль въ жизни провинціальныхъ актрисъ. Я не имѣлъ на Риту официальныхъ, признанныхъ правъ, и эта борьба стоила мнѣ немалыхъ и нелегкихъ усилій. Офицерство въ провинціи нерѣдко считаетъ себя чуть не хозяевами театра и труппы. Съ гордымъ сознаниемъ своего всемогущества, они занимаютъ мѣста въ первомъ ряду кресель, съ видомъ заправскихъ цѣнителей и судей всѣхъ играющихъ передъ ними артистокъ, преимущественно со стороны тѣла и вообще физической красоты. Въ антрактахъ они вбѣгаютъ за кулисы и въ уборныя, часто въ нетрезвомъ видѣ; послѣ спектакля устраиваютъ пикники и ужины, на которыхъ поятъ и кормятъ актрисъ и тѣхъ, кто имъ нуженъ изъ актеровъ. И бѣда артисткѣ отклонить столь лестное при-

глашеніе. Она будетъ не только играть передъ пустымъ на половину театромъ, не получить подношеній въ бенефисы, но еще будетъ безжалостно, незаслуженно и позорно освистана и ошикана. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одна артистка должна была оставить труппу и городъ, уплативъ неустойку, за то, что не сумѣла угодить офицерамъ и отказалась поѣхать съ ними ужинать, послѣ перваго же спектакля. Да, въ небольшомъ провинціальномъ уголкѣ, это — сила, и для театра страшная сила. Въ исторіи приниженія и паденія почетнаго нѣкогда званія артистки — этотъ элементъ сыгралъ свою печальную роль. Сказать въ присутствіи актрисы какую либо сальность, ворваться къ ней въ домъ съ пьяной ватагой, облапить ее, неистово вызывать, когда она имѣла счастье понравиться, и говорить ей дерзости, шумѣть, хохотать во время хода дѣйствія и вызывать, чтобы потомъ съ позоромъ ошикать, — если она не понравилась, — все это считается вполне нормальнымъ и позволительнымъ.

Одинъ молодой и глупый офицерикъ, только что выпущенный изъ одного привилегированнаго учебнаго заведенія, хлыщъ и фатишка, въ самомъ примитивномъ смыслѣ этихъ словъ, не умѣвшій даже прикрыть своей юной хлыщеватости болѣе или менѣе приличной формой, принялся ухаживать за Ритой вплотную, „съ мѣста въ карьеръ“, по его же собственной терминологіи. Не умѣя иначе выражаться, какъ на излюбленномъ и понятномъ для него лошадиномъ жаргонѣ, онъ говорилъ, что у нея „хорошій оскаль, правильный поставъ ногъ и что она въ мѣру сѣдлиста“. Лошадь и женщина въ его убогой головѣнкѣ сливались воедино и одна стояла другой. Познакомившись съ нею, онъ въ первый же вечеръ наговаривалъ ей кучу пошлостей и лошадиныхъ комплиментовъ, въ родѣ выше цитированныхъ. Затѣмъ онъ сталъ заѣзжать къ ней и каждый разъ непременно съ коробкой конфетъ въ рукахъ. Черезъ три дня, онъ заѣхалъ за ней поздно вечеромъ, часовъ около одиннадцати, съ предложеніемъ ѣхать кататься за городъ. Она его осаживала на каждомъ шагу, говорила съ нимъ мало и сдержанно, избѣгала его и сказывалась больною — но все это на него мало или почти совершенно не дѣйствовало, и онъ даже не понималъ, какъ можетъ жен-

щина устоять передъ его красивымъ мундиромъ и коробкой конфетъ...

Но все это, въ концѣ концовъ, прошло, и насъ оставили въ покоѣ.

Я не стану описывать того моря счастья, въ которое окунулся съ головой. Мы строили планы на будущее: по окончаніи сезона, мы поѣдемъ въ Петербургъ: она постарается играть тамъ на частныхъ сценахъ, а потомъ—дебютировать на казенной. Дни шли за днями—утромъ рспетици, вечеромъ спектакли; днемъ—мечты и изученіе ролей; я ей часто „начитываль“ роли и время летѣло незамѣтно. Чадъ любви хорошо и много разъ уже описанъ. Я ничего не прибавилъ бы новаго къ этимъ описаніямъ. Мы были счастливы, такъ счастливы, какъ только могутъ быть два молодыхъ существа, полныя надеждъ на будущее.

— Рита, дорогой стебелекъ мой! — шепталъ я, обнимая ея тонкую талицу и страстно цѣлуя ее.—Еслибы только ты знала, какъ я безумно люблю тебя!

— А ты думаешь, что я этого не знаю? Еслибы не ты, я бы никогда не узнала счастья!...

Но... всему бываетъ конецъ. Пришелъ конецъ и нашей любви. И пришелъ скорѣе, чѣмъ можно было ожидать и предвидѣть. Какъ, почему, зачѣмъ? Кто же это знаетъ. Пришелъ этотъ конецъ какъ-то стихійно, неожиданно, сразу и глупо. Налетѣлъ какой-то шкваль, взбудоражилъ тихое, безмятежное и—казалось—прочное счастье, смялъ чистое и хорошее чувство любви, пронесся, опустошилъ, исковеркалъ все, чѣмъ дышала я, чѣмъ жила. Все поблекло и завяло; потухъ мой яркій свѣточъ и остался удушливый, горькій угаръ, пустота и беспорядокъ на душѣ, какъ послѣ какой нибудь дикой оргіи. О жизнь, какъ гнусна, какъ возмутительно гнусна ты! О, сердце женщины!...

Однажды пришло письмо на имя Риты; она, взглянувъ на конвертъ и узнавъ по почерку, отъ кого оно, задрожала и, нервно разорвавъ конвертъ, принялась за чтеніе. Руки ея тряслись. Она ничего не сказала мнѣ, только сдѣлалась мрачнѣе ночи. Цѣлый день она была задумчива, грустна и разсѣянна. Со мною сдѣлалась сдержанна и замкнута. Два дня прошло; получилось новое письмо. И опять

тоже. Я спросилъ у нея, откуда эти письма. Она не умѣла гдѣ. Она сказала сначала, что изъ дому, что тамъ не все благополучно, что отецъ ея заболѣлъ, что сейчасъ же по окончаніи сезона—были послѣдніе дни масляницы—ей нужно будетъ ѣхать домой, и она уже стала спѣшно готовиться къ отъѣзду. Но вечеромъ она не выдержала и рыдалась. Молча подойдя ко мнѣ, она протянула мнѣ смятый листокъ полученнаго ею утромъ письма. Въ ея изящной и тонкой фигуркѣ, въ ея глазахъ, широко раскрытыхъ и затуманенныхъ слезой, было что-то трагическое. Сердце мое мучительно сжалось, рука дрогнула и я схватилъ это письмо... Какъ описать то, что произошло во мнѣ. Мнѣ казалось, что я галлюцинирую. Возможно ли это? Что это: бредъ, горячечный бредъ больного воображенія, или это реальная, позорная дѣйствительность?.. Это письмо было отъ него. Онъ, этотъ мерзавецъ, самаго имени котораго я не зналъ, но которому не было у меня другаго названія, какъ „мерзавецъ“,—писалъ ей. Онъ писалъ, что сильно боленъ, что никогда не переставалъ любить ее, что онъ окончательно порвалъ всѣ связи съ тою, прежде любимую имъ женщиною, обезпечивъ ее и ребенка, „сколько могъ“; что его съ Ритой поссорили злые люди, что онъ нравственно переродился, но „погибнетъ навсегда и безвозвратно, если она не отвѣтитъ на его призывъ и не вернетъ ему прежней любви и прежняго уваженія...“

Въ глазахъ моихъ мелькали огненные круги, строки письма прыгали и громоздились другъ на друга; огромныя, размашистыя и неровныя дѣтскія буквы этого почерка жгли мой мозгъ. Что же это—наглая, необузданная шутка или самонѣніе и нахальство, не знающее границъ и предѣловъ? Помню, что я не понималъ отдѣльныхъ фразъ и предложеній этого письма, но общій его смыслъ прорѣзалъ мой мозгъ и мою душу, какъ молнія прорѣзаетъ въ грозную ночь непролицаемую тьму и открываетъ самую глубокія и темныя бездны испуганному взору погибающаго человѣка. И я увидѣлъ такую бездну, такую глубокую и мрачную пропасть, что сердце у меня сжалось и голова закружилась. Рита стояла передо мною, все такая же дивно прекрасная, или нѣтъ—еще прекраснѣе, еще воздушнѣе, чѣмъ обыкновенно... Мы ничего

не сказали другъ другу. О чемъ же было говорить? Ея смущеніе въ эти два дня, ея ложь, ея поспѣшное приготовленіе къ отъѣзду не сказали ли мнѣ всего, что нужно было знать? Я ей тоже ничего не могъ сказать. Помню только, что я безумно хохоталъ, а потомъ также безумно плакалъ. Потомъ я ушелъ...

Послѣднее представленіе окончилось. Послѣднее дѣйствіе драмы прошло. Занавѣсъ опустился и скрылъ изъ глазъ моихъ ту, которую я любилъ больше жизни. Кончено... теперь уже все кончено...

IV.

Годъ прошелъ, ужасный годъ. Унылой, беспросвѣтной чредою тянулись дни. Тяжелый недугъ не проходилъ и въ сердцѣ моемъ образовалась неизлѣчимая рана. Полжизни отдалъ бы я за то, чтобы „забыться и заснуть“... Но забвеніе не приходило, а сонъ сдѣлался тревожнымъ и мучительнымъ. Каждый вечеръ, въ извѣстный часъ, мнѣ дѣлалось невыносимо сидѣть дома и тянуло неудержимо въ театръ. Но я не могъ больше посѣщать театровъ. Видѣть опять эти размалеванныя кулисы, созерцать эту лживую театральную природу, слышать эти возвышенныя рѣчи, льющіяся изъ устъ лживыхъ людей, и вспоминать при этомъ свой позоръ и свое горе—это было выше всякихъ силъ. Раздавленное, запачканное, безжалостно растоптанное счастье мое душило меня и я нигдѣ не находилъ себѣ покоя. Теоретизировать о томъ, что любовь не должна захватывать въ свои сѣти всего человѣка, что человѣкъ, испытавшій всю горечь неудачной любви, долженъ съумѣть найти спасительный выходъ въ трудѣ, поставить себѣ какую либо разумную цѣль въ жизни—легче, чѣмъ все это привести въ исполненіе. За какое дѣло можно взяться, какому труду отдаться, когда умъ мутится, а сердце обливается кровью?.. Я—вѣрно—слабый человѣкъ, и не могъ продѣлать надъ собой этой возродительной операціи. Я бросилъ все: дѣла, занятія, литературу, и весь отдался своему безысходному горю... Дождавшись первыхъ весеннихъ дней, я поѣхалъ странствовать. Но и путешествіе не принесло мнѣ

успокоенія. Прошла весна, минули лѣто и осень, и зима, и еще одно лѣто, но горе мое не уменьшалось. Быть можетъ, оно сдѣлалось менѣе острымъ и мучительнымъ, но зато и болѣе глубокимъ, хроническимъ. Дорогой, незабвенный образъ несчастной, но чистой Риты жилъ во мнѣ; я чувствовалъ его рядомъ съ собою, онъ приходилъ меня мучить по ночамъ, но былъ „неуловимѣе мечты“. Гдѣ она теперь и что дѣлаетъ?.. Порой утѣшительныя мысли приходили мнѣ въ голову. Мнѣ думалось: быть можетъ, она силою своего нравственного чувства, своимъ обворожительнымъ характеромъ, своею прелестью повліяетъ на того... „негодяя“, исправить, сдѣлаетъ изъ него человѣка, и они заживутъ мирно и счастливо... Но нѣтъ—это невозможно! И я мучился мыслью о ней, мыслью о томъ, какъ она живетъ теперь и счастлива ли хоть немного.

Въ такомъ душевномъ состояніи я пріѣхалъ въ Тифлисъ. Почему въ Тифлисъ—я и самъ не зналъ; я объѣхалъ всю Россію, посѣтилъ Крымъ и отправился на Кавказъ, ища повсюду душевнаго успокоенія. Я быстро проѣхалъ военно-грузинскую дорогу. Всѣ ея прелести: Терекъ, ущелье Дарьяла, замокъ Тамары, ледяныя вершины Казбека, переваль, цвѣтущая Кайшаурская долина напомнили мнѣ сцены изъ „Демона“ и „Манфреда“ и еще разъ оживили въ памяти театръ и сцену. Тифлисъ,—этотъ полуевропейскій, полуазиатскій городъ,—произвелъ на меня странное, почти болѣзненное впечатлѣніе. Мнѣ было душно въ немъ; я чувствовалъ себя, какъ въ гробницѣ. Котловина, въ которой онъ лежитъ, окруженная высокими и оголенными горами, угнетала меня. Раскаленный воздухъ волновалъ кровь. Сонный и полумертвый городъ изнывалъ днемъ, съ закрытыми окнами домо въ, подъ знойными лучами палящаго южнаго солнца, и оживалъ, воскресалъ ночью. Экипажи и пѣшеходы спѣшили въ загородные сады, и по Михайловской улицѣ стоялъ говоръ и шумъ, раздавались крики, смѣхъ и визгливо-гнусящіе звуки зурны и джанури. Все тянулось къ Муштаиду. Безчисленные садики надъ Курой были иллюминированы разноцвѣтными фонариками, и изъ глубины ихъ доносились звуки военныхъ оркестровъ или глухіе удары барабана, акомпанируемые ударами въ тактъ, въ ладоши. А эти раздражающія лунныя душныя

ночи! Я часто ходилъ на Воронцовскій мостъ, облакачивался на его перила и устремлялъ свой усталый взоръ вдаль. Луна высоко плыла на небѣ; Кура бурлила и шумѣла у меня подъ ногами, а по берегамъ ея лѣпились убогія сакли съ плоскими крышами, на которыхъ появлялись какія-то фантастическія фигуры въ бѣлыхъ чадрахъ и безслѣдно, безшумно куда-то исчезали. Луна отражалась въ мрачныхъ водахъ рѣки; крупныя, желтыя южныя звѣзды страстно блестя на прозрачномъ небѣ; откуда-то, издалека, полузаглушенные, неслись звуки „баяти“. А сзади меня, далеко, далеко, высились громады угрюмаго Метехскаго замка, и азіатскій Тифлисъ, расположившись амфітеатромъ, блистала тысячьо огоньковъ, отражавшихся въ рѣкѣ. Я смотрѣлъ на эту волшебную панораму, на эту театральную обстановку, на эти горы, на это небо, луну и звѣзды, а горячій воздухъ душной ночи волновалъ мнѣ кровь и нервы.

„Гдѣ ты теперъ, незабвенная Рита“? — думалъ я, уныло смотря на мрачную рѣку и прислушиваясь къ ея шуму и къ долетавшимъ до меня звукамъ пѣсни. И вдругъ ея образъ показался мнѣ окутаннымъ такой непроницаемой дымкой тумана, что я не могъ вызвать его во всѣхъ подробностяхъ въ своемъ воображеніи. И вся исторія моей любви показалась мнѣ такой далекой... Господи! Ужь не начало ли это исцѣленія?! Но стоило мнѣ вернуться домой, чтобы понять всю тщету этой мелькнувшей надежды. Въ душной комнатѣ, черезъ маленькія окна которой ложились на полъ квадраты луннаго свѣта, меня охватила такая жгучая тоска, мнѣ такъ безумно захотѣлось прежняго счастья, человѣческаго слова, дѣтской ласки, что рыданья подступили къ горлу и я повалился на постель, уткнувши воспаленную голову въ горячія подушки. Мнѣ надоѣлъ Тифлисъ, мнѣ не по силамъ этотъ городъ. Онъ волнуетъ и мучитъ меня; нѣтъ, онъ не дастъ мнѣ ни исцѣленія, ни покоя! Здѣсь все слишкомъ пестро, крикливо и ярко. Во всѣхъ этихъ лицахъ, костюмахъ, на базарѣ, въ караванъ-сараѣ, въ природѣ—слишкомъ много красокъ, эффектовъ, какой-то сценической обстановки. Все въ немъ напоминаетъ театръ, феерію, оперу. Я не могу найти здѣсь успокоенія. Блѣдный цѣтъ лицъ, прямые носы и знойные взгляды огромныхъ черныхъ глазъ дѣйствуютъ безпокойно на

нервы и напоминаютъ мнѣ незабвенныя, полныя чарующей мягкости и нѣги, черты моей сѣверной красавицы...

Нѣтъ, прочь отсюда! Еще одна неудачная попытка прибавится ко многимъ другимъ. Ну, что жъ! Отправляюсь дальше „искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ“. Я рѣшилъ уѣхать. Въ послѣдній разъ, какъ отверженная тѣнь, нигдѣ не находящая себѣ успокоенія, какъ вѣчный жидъ, бродилъ я по улицамъ театральнаго города. Въ послѣдній разъ я любовался имъ, слушалъ звуки дикой азіатской музыки. Завтра уѣду. Куда? Я и самъ не знаю. Да и не все ли равно, куда. Куда нибудь подальше, гдѣ меньше красокъ и свѣта, гдѣ меньше шума и эффектовъ, гдѣ больше покоя и простоты. Я шелъ по Михайловской улицѣ. Вагоны конно-желѣзной дороги обгоняли меня. Запахъ бѣлой акаціи, посаженной по бокамъ этой улицы, запахъ густой, одуряющей и сладкій туланилъ мнѣ голову, сливаясь съ запахомъ розъ, которыми наполнены были, въ это время года, всѣ лотки продавцевъ, всѣ лавчонки, всѣ уголки Тифлиса. Ослики и мулы, нагруженные углемъ и бурдюками со свѣжей водой, пересѣкали мнѣ дорогу. Кинто ¹⁾ кричали надъ самымъ ухомъ. Пьяныя ятаги грузинъ съ крикомъ и пѣснями, въ сопровожденіи неизмѣнной гнусливой зурны, шли посреди улицы, по направленію къ Муштаиду. Изъ ресторановъ и садиковъ несется веселье. Да, всѣ ликуютъ и наслаждаются жизнью, а у меня на душѣ гнетущая, мучительная тоска. Тоска, тоска! О, трижды будь проклято сладкое чувство любви, за которое такъ дорого приходится расплачиваться...

Передо мною вдругъ вырѣзались намалеванныя на холстѣ громныя буквы: „Настоящая Ваза надъ Курой“, освѣщенная изнутри газомъ. Это нелѣпое названіе носилъ одинъ изъ многопосѣщаемыхъ кафе-шантановъ, въ отличіе отъ другаго кафе-шантана, который носилъ названіе: „Ваза надъ Курой“. Изъ садика несся гулъ; звуки музыки смѣшивались съ пѣніемъ „Мраваль-жаміе“ ²⁾, съ пьяными криками, съ дикими ругательствами... Какая-то невѣдомая сила толкнула меня... Круто повернувшись, я подошелъ къ окошечку кассы,

¹⁾ Продавцы фруктовъ.

²⁾ Многая гѣта.

въ которой сидѣла какая-то размалеванная фея, не первой молодости и свѣжести. Входная аллея была обставлена цвѣтущими магноліями и обсажена такими же бѣлыми акаціями, запахъ которыхъ наполнялъ собою весь садикъ и кружилъ мнѣ голову. И всюду розы, розы безъ конца. Желтыя, красныя, розовыя, почти черныя, всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, онѣ наполняли этотъ садъ, придавая ему видъ уголка рая. Да, и здѣсь ложь, какъ всюду на свѣтѣ! И этотъ благоухающій и цвѣтущій садикъ лжетъ, какъ лжетъ сама жизнь! И притонъ разврата принимаетъ обликъ эдема... Военный оркестръ игралъ неизбѣжное „баяти“; на открытой сценѣ какой-то облысѣвшій господинъ, во фракѣ и цилиндрѣ на-бокъ, осипшимъ голосомъ выкрикивалъ куплеты: „Ура, ура, ура, вѣдь теща умерла“, и послѣ каждого куплета галопцемъ обскакивалъ маленькую сцену подъ звуки небольшого „штатскаго оркестра“. Его смѣнила какая-то французенка въ коротенькой красной юбочкѣ, съ ногами, обтянутыми въ грязноватое розовое трико, и въ необыкновенной, красной же, огромной шляпкѣ. Она тоже пѣла куплеты „Turlututu“. За столиками сидѣли всѣ гуляющіе люди Тифлиса, — кинто, прикащики, чиновничество и офицеры. За бутылками кахетинскаго и порціями шашлыка отдыхали они отъ тягостей жизни удушливаго дня. Свѣчи подъ колпаками, шкалики, плошки и разноцвѣтные бумажные фонарики, въ перемежку съ газовыми рожками, освѣщали этотъ кутящій Тифлисъ. Полное веселье, широкій разгулъ, волны ругани, циническихъ шутокъ и бессмысленнаго смѣха царили здѣсь. Въ отдѣльныхъ павильонахъ, слегка задрапированныхъ виноградной лозой и вьющимися растеніями, кутили съ дамами. Въ углу сада, надъ самой Курой сидѣли „сазандары“¹⁾, воспроизводя на мѣстныхъ инструментахъ національные унылые мотивы. А вверху, на чистомъ прозрачномъ небѣ плыла луна, блистали желтыя страстные звѣзды. Высокія райны чернѣли на темной синевѣ небесъ. Кура шумѣла... Жалкое человѣчество, презрѣнные люди! Даже эту дивную природу они сумѣли опоганить. Имъ мало показалось этого неба, этихъ свѣтилъ, этой музыки рѣки, и этого воздуха. Имъ захотѣлось фальшиваго, смраднаго свѣта жалкой и

¹⁾ Туземные музыканты.

ичтожной иллюминаціи; имъ захотѣлось гнусливыхъ звуковъ урны; имъ нужно было отравить воздухъ чадомъ салныхъ гарковъ, угаромъ пьянаго разнузданнаго веселья!.. Надъ са-
ной Курой неслась пьяная пѣсня. Безмысленная, нелѣпная
лова раздавались въ моихъ ухахъ:

. Подъ Тынымсомъ, болшимъ градомъ,
Кура-рѣченка течеть...
Садумъ много, виноградумъ,
Ешакъ ¹⁾ птычкою поеть.
И шамайка тамъ плыветь,
Съ сладостнымъ думою;
Если хочешь ты поймать
Удочкамъ большою! .

Мнѣ тошно стало жить, мнѣ тяжело стало смотрѣть, слу-
шать, размышлять. Я повернулъ назадъ. Что за сила толк-
нула меня въ этотъ отвратительный вертепъ? Вонъ отсюда,
онъ, на вольный воздухъ, въ ширь, на лоно природы! Мимо
меня неслась пьяная ватага и преградила путь. Два кинто съ
отвислыми животами и крючковатыми красными носами, одинъ
офицеръ въ черескѣ, съ кинжаломъ у пояса и папахой на
атылкѣ, и еще двое,—что-то въ родѣ прикащиковъ,—приста-
вали къ дамѣ съ гнусными шутками, съ позорными предло-
женіями. Пьяное ржанье оглашало воздухъ. Достаточно было
одного взгляда на ихъ даму, чтобы рѣшить, что это „погиб-
шее, но милое созданье“.

— Дюша мой, ананасъ фрухтовый! — приставалъ одинъ,
теребя ее за руку.

— Душесъ моей жизни!—кричалъ другой, привлекая ее
къ себѣ...

Худенькая, жалкая и размалеванная, она растерянно и
безпомощно стояла среди этой толпы оскотинившихся и озвѣ-
рѣвшихъ людей, потерявшихъ всякое подобіе образа божія.
Я хотѣлъ уже пройти мимо, какъ вдругъ ударъ въ сердце
приковалъ меня къ мѣсту. Я посмотрѣлъ ей въ лицо... Не
дай Богъ никому на свѣтѣ испытать то нечеловѣческое чув-
ство!.. Могильнымъ холодомъ обдало мою душу, умъ пому-
тился, въ глазахъ заходили зеленые круги. Губы мои искри-
вились мучительной судорожной улыбкой, сердце замерло, въ

¹⁾ Осель.

горлѣ сдѣлались спазмы. Бѣшеная ярость душила меня, без сильная злоба клокотала въ груди, а жалость овладѣла мною, — такая жалость, которая въ десятки тысячъ разъ жгучѣе и больнѣе всѣхъ остальныхъ человѣческихъ ощущеній. Подавивъ рыданья, я стоялъ, какъ пораженный громомъ.

— Рита! — какъ крикъ погибающаго, вырвалось изъ моей груди, и я не узналъ этого сдавленного, этого чужаго моего голоса.

Но она узнала его... Какъ будто мечъ повисъ надъ ея головой, и она склонила эту побѣдную голову. Она вырвалась изъ объятій пьянаго грузина, кинулась ко мнѣ...

— Вы... вы... зачѣмъ вы здѣсь?.. зачѣмъ?..

— Ты здѣсь зачѣмъ? — шепнулъ я, глядя на ея убого-рокошный нарядъ, на ея жалкую фигурку, на испачканное дешевыми красками лицо. — Ты... ты... Зачѣмъ, зачѣмъ?

— Ты видишь!..

И въ отчаянной тоскѣ, торопясь и спѣша, какъ будто боясь, что она не успѣетъ высказаться, она быстро-быстро, попотомъ, повѣдала мнѣ свою повѣсть.

— Ты помнишь, я сошлась съ нимъ; мы недолго пожили... потомъ пошли Сашеньки и Машеньки... потомъ онъ сошелся съ богатой купчихой... женился... на ея деньги арендовалъ театръ, прогорѣлъ. Меня все еще держалъ, мучилъ, ругалъ, билъ... выгонялъ. И вотъ, — онъ счастливецъ, его всѣ женщины любятъ.

И въ этихъ словахъ мнѣ опять почудились звуки неудовлетвореннаго счастья, безвыходной ревности.

— Онъ все отнялъ, все отнялъ. И счастье, и молодость, и талантъ, и красоту. На что я ему такая? И онъ выбросилъ меня... выбросилъ.

Въ глазахъ ея, въ этихъ чудныхъ когда-то глазахъ, теперь не было ничего, кромѣ какого-то животнаго выраженія тупаго безсилія.

— Рита, пойдемъ со мною...

Но уже толпа ея спутниковъ наступала на меня. Толсто-брюхій кинто, съ массивнымъ серебрянымъ поясомъ на животѣ, давно уже проявлялъ признаки нетерпѣнія и, крутя свои длинные висячіе усы, угрюмо смотрѣлъ на насъ.

— Рита, Богомъ заклинаю тебя, уйдемъ отсюда.

— Ты видишь, я занята, меня ждут, мнѣ заплачено.

И она ушла.

— Такъ нельзя, господинъ—услышалъ я сзади себя. И нѣсколько ругательствъ и угрозъ, которыя смѣнились кривыми кривыми къ Ритѣ.

— Пойдемъ, дюша мой, сладостный дупцесъ! Па-па-па!

Еще на одно послѣднее мгновенье она промелькнула передо мной... и на этотъ разъ все и навсегда было кончено...

Въ воспаленномъ мозгу моемъ пронеслись слова заключительнаго монолога моей драмы, которую я писалъ когда-то о Ритѣ и который она съ такою трогательною горячностью когда-то произносила: „Прочь отсюда... Здѣсь все вздоръ, а ложь, все нечисто и загажено. Здѣсь нѣтъ ничего ни гнилаго, ни великаго, ни святаго... есть одна только пошля, жалкая, ненужная, обидная шутка!“

Вы всѣ, проповѣдники и моралисты, Правдины, Старожины и какъ васъ тамъ еще звать?.. Не думаете ли вы, что окончательно исцѣлился и вырвалъ изъ головы и сердца несчастную любовь? Не думаете ли, что я, безсильный, изможденный, больной и слабый человѣкъ, пошелъ отыскивать высоту къ жизни, и постарался въ работѣ и трудѣ исцѣлить мою душу?.. Нѣтъ, вы горько ошибаетесь.

Одного я страстно желаю: безъ оглядки бѣжать отъ этой жизни, гдѣ нѣтъ „ни истиннаго счастья, ни долговѣчной красоты“, гдѣ все—ничто, гдѣ нѣтъ ни истинно-хорошаго, ни гнило-дурнаго, гдѣ все мелко, ничтожно, лживо и отвратительно.

Забвенія, только одного забвенія я жажду...

Валеріанъ Свѣтловъ.

ВЛАСТЬ ДЕНЕГЪ.

Романъ Эмиля Золя.

Х.

Къ концу года, въ день декабрьской ликвидаціи, громадная зала биржи была переполнена съ половины перваго; стоялъ гулъ безпокойныхъ голосовъ; публика жестикулировала, пересѣдая съ мѣста на мѣсто. Впрочемъ, уже нѣсколько недѣль орадоочное возбужденіе массы все возрастало, а теперь, въ этотъ послѣдній день борьбы, дошло до страшной кутерьмы, въ которой чуялся уже громъ послѣдней рѣшительной битвы, готовый разгорѣться съ минуты на минуту. На улицѣ стоялъ страшный морозъ, но яркое зимнее солнце пронизывало косыми лучами стеклянную крышу зданія, заливая веселымъ свѣтомъ одну сторону обнаженной залы съ рядами строгихъ колоннъ и печальнымъ сводомъ, которому придавали еще болѣе холодный видъ аллегорическіе тѣневые рисунки. Отдушины печей вдоль аркадъ выпускали струи теплаго воздуха, тогда какъ изъ дверей съ проволочными рѣшетками то и дѣло громко хлопавшихъ, несло страшнымъ холодомъ. Мозеръ, вѣчный сторонникъ пониженія, болѣе обыкновеннаго разстроенный и желтый, столкнулся съ своимъ антагонистомъ въ игрѣ, Пильро, задорно выпрямлявшимся на своихъ длинныхъ, какъ у цапли, ногахъ.

— Знаете, что говорить?..

Ему пришлось повысить голосъ, чтобъ его разслышали въ возрастающемъ шумѣ разговоровъ, среди правильнаго, монотоннаго гула, похожаго на непрерывный шумъ наводненія.

— Говорять, что у насъ будетъ война въ апрѣлѣ... Д

это и не можетъ иначе окончиться въ виду громадныхъ вооруженій. Германія не хочетъ дать намъ времени примѣнить новый военный законъ, предложенный теперь палатѣ... Кромѣ того, Бисмаркъ...

Пильро раскохотался.

— Оставьте вы меня въ покоѣ съ вашимъ Бисмаркомъ!.. Я самъ разговаривалъ съ нимъ лично въ теченіе пяти минутъ нынѣшнимъ лѣтомъ, когда онъ пріѣзжалъ сюда... онъ, право, смотритъ славнымъ малымъ... Если вы недовольны подавляющимъ успѣхомъ выставки, то чего же вамъ еще нужно? Э, мой милый, Европа принадлежитъ намъ!

Мозеръ мотнулъ головой съ безнадежнымъ видомъ и продолжалъ свое нытье, прерываемый на каждой фразѣ толчками со всѣхъ сторонъ. Состояніе рынка, по его мнѣнію, было черезчуръ благополучно, но это излишнее благополучіе, какъ полнокровіе въ организмъ, не стоило ничего: все равно какъ вредный жиръ у черезчуръ расплывшихся людей. Благодаря выставкѣ, возникло слишкомъ много аферъ, публика зарвалась и дошла до настоящаго безумія въ игрѣ. Ну, развѣ не было страшнымъ сумазбродствомъ, **напримѣръ**, хоть это повышеніе „Всемирнаго“ до трехъ тысячъ тридцати?

— А, вотъ мы и договорились!—крикнулъ Пильро.

И онъ продолжалъ, наклоняясь совсѣмъ близко къ Мозеру, съ удареніемъ на каждомъ слогѣ:

— Сегодня, мой милый, мы остановимся на трехъ тысячахъ шестидесяти... Вы всѣ полетите къ чорту, даю вамъ честное слово!

Меланхолическій сторонникъ пониженія, обыкновенно такой пугливый, слегка свиснулъ съ видомъ недовѣрія. Онъ поднялъ голову, прикидываясь спокойнымъ, и съ минуту разсматривалъ нѣсколько женскихъ головъ надъ перилами телеграфной галереи; зрительницы были замѣтно поражены видомъ этой залы, куда имъ не позволялось ходить. На щитахъ, украшавшихъ стѣны, красовались имена городовъ, капители и карнизы тянулись блѣдной перспективой, испещренные тамъ и сямъ желтоватыми пятнами отъ сырости.

— А, это вы!—воскликнулъ Мозеръ, опуская голову и узнавъ Сальмона, улыбаясь передъ нимъ своей вѣчной глубокомысленной улыбкой.

— Если вы знаете чтонибудь, сообщите ради бога!.. Мое разсужденіе очень просто: я за Гундермана, потому что Гундерманъ — не такъ ли? — все таки Гундерманъ... Съ нимъ никогда не пропадешь въ концѣ концовъ...

— Но, — ехидно улыбулся Пильро, — кто же вамъ сказалъ, что Гундерманъ стоитъ за пониженіе?

Глаза Мозера моментально округлились отъ страха; цѣлые мѣсяцы на биржѣ болтали, что Гундерманъ подсиживалъ Саккара, что онъ велъ игру на пониженіе противъ „Всемирнаго“, собираясь прихлопнуть его въ одну изъ ликвидаций къ концу мѣсяца, неожиданнымъ натискомъ подавивъ рынокъ своими милліонами. И если нынче день обѣщалъ быть особенно жаркимъ при всеобщемъ лихорадочномъ настроеніи, такъ это потому, что всѣ ожидали рѣшительной битвы, одного изъ тѣхъ беспощадныхъ сраженій, въ которыхъ одна изъ непріятельскихъ армій непременно бываетъ разбита на голову. Но развѣ можно быть въ чемънибудь увѣреннымъ въ этомъ мірѣ лжи и хитрости? Самыя несомнѣнныя вещи, о которыхъ давно было извѣстно заранѣе, при малѣйшей переменѣ вѣтра становились здѣсь предметомъ тревожныхъ сомнѣній.

— Вы отрицаете очевидность, — пробормоталъ Мозеръ. — Разумѣется, я не видалъ приказовъ и пока ничего нельзя утверждать наобумъ... Посмотримъ, что вы скажете на это, Сальмонъ; вѣдь Гундерманъ не можетъ отступить, чортъ возьми?

И онъ не зналъ, что подумать передъ стереотипной улыбкой молчальника, которая казалась ему сегодня еще тоньше и непроницаемѣе обыкновеннаго.

— Ахъ, — воскликнулъ наконецъ этотъ вѣчно сомнѣвающийся человѣкъ, мотнувъ подбородкомъ на проходившаго мимо толстяка, — вотъ еслибъ тотъ высказался откровенно, я былъ бы совершенно спокоенъ. Отъ его глазъ ничего не укроется.

Слова Мозера относились къ знаменитому Амадѣ, который по прежнему держался высоко во мнѣніи публики, благодаря слѣпой удачѣ въ дѣлѣ съ сальзисскими рудниками, гдѣ онъ скупилъ обезцѣненныя акціи предпріятія по пятнадцати франковъ, въ порывѣ дурацкаго упрямства, а перепродалъ ихъ потомъ съ барышомъ въ пятнадцать милліоновъ, ничего не

предусмотрѣвъ, ничего не рассчитавъ, совершенно случайно. Между тѣмъ его почитали за гениальнаго финансиста; за нимъ слѣдовалъ цѣлый дворъ; окружающіе ловили каждое слово своего кумира и вели игру въ томъ направленіи, котораго, какъ имъ казалось, держался Амадѣ.

— Ба, — воскликнулъ Пильро, не измѣнявшій своей теоріи безразсуднаго риска, — лучше всего слѣдовать собственной идеѣ, вѣрить въ свое счастье. Тутъ весь вопросъ въ удачѣ. Одинъ разъ повезетъ, другой разъ нѣтъ; поэтому не стоитъ и раздумывать. Что касается меня, то всякій разъ, когда я раздумываю предварительно, я непременно провалюсь... Вонъ смотрите! До тѣхъ поръ, пока я буду видѣть этого господина на его обычномъ мѣстѣ съ видомъ удалаго молодца, готоваго все захватить въ свои руки, я стану покупать.

Онъ указалъ жестомъ на Саккара, который только что пріѣхалъ и занялъ свой постъ у колонны первой аркады слѣва. Какъ всѣ крупные банкиры, онъ держался одного мѣста, гдѣ его легко могли найти служащіе и кліенты въ биржевые дни.

Только одинъ Гундерманъ нарочно никогда не появлялся въ большой залъ и даже не посылалъ туда официальнаго представителя, но, тѣмъ не менѣе, всѣ чувствовали, что тутъ у него цѣлая армія, что онъ заочно царитъ здѣсь, какъ полномочный властелинъ, съ помощью безчисленнаго легіона агентовъ-посредниковъ, не считая уже его довѣрителей, до того многочисленныхъ, что каждый изъ присутствующихъ могъ быть однимъ изъ тайныхъ ратниковъ Гундермана. И вотъ противъ этой-то неуловимой арміи, дѣйствовавшей повсюду, открыто боролся Саккаръ съ поднятымъ забраломъ. Позади него, за колонной стояла скамейка, но онъ никогда не садился, оставаясь на ногахъ въ теченіе двухъ часовъ, пока дѣйствовала биржа. Этотъ человѣкъ какъ будто не зналъ усталости. Иногда, въ болѣе спокойныя минуты, онъ только опирался локтемъ о камень, выполированный и засаленный на высоту человѣческаго роста спинами и боками множества терпихся здѣсь людей; въ блѣдныхъ тонахъ обнаженнаго монументальнаго зданія, полоса лоснящейся грязи у дверей, по стѣнамъ, на лѣстницахъ, въ залѣ, прибавляла биржѣ свою характерную черту. То былъ нечистоцлотный осадокъ, скопившійся потъ

цѣлыхъ поколѣній игроковъ и воровъ. Безукоризненно - изящный, вполне приличный, какъ всѣ биржевики, въ платьѣ изъ тонкаго сукна и ослѣпительномъ бѣлѣ, Саккаръ сохранялъ любезную мину человѣка, не знающаго тревогъ, посреди этихъ стѣнъ съ грязнымъ бордюромъ.

— Вы знаете,—сказалъ Мозеръ, понижая голосъ,—Саккара обвиняютъ въ томъ, что онъ поддерживаетъ повышение крупными покупками. Если „Всемирный“ играетъ на свои собственные акціи, онъ пропалъ.

Но Пильро сталъ на дыбы.

— Вотъ еще глупости!.. Да развѣ можно сказать навѣрное, кто продаетъ и кто покупаетъ?.. Саккаръ приходитъ сюда ради клиентовъ своего банка, что совершенно естественно, а также и для себя; вѣдь ему тоже надо играть.

Мозеръ впрочемъ не сталъ спорить. Никто на биржѣ не смѣлъ пока съ достовѣрностью утверждать, что Саккаръ ведетъ неумолимую войну и совершаетъ громадныя покупки собственныхъ акцій насчетъ общества, подъ прикрытіемъ подставныхъ лицъ: Сабатани, Жантру и другихъ, особенно слушающихъ въ дирекціи. Все ограничивалось только слухомъ, который передавали другъ другу на ухо, а потомъ опровергали, но онъ возникалъ опять, хотя и не опираясь ни на какія положительныя данныя. Сначала Саккаръ дѣйствовалъ благоразумно, ограничиваясь осторожной поддержкой курсовъ, и тотчасъ сбывая съ рукъ бумаги, едва являлась возможность не слишкомъ иммобилизировать капиталы и переполнять кассы своими акціями. Но теперь онъ зарвался черезъ мѣру и предвидѣлъ, что въ этотъ день придется прибѣгнуть къ громаднымъ покупкамъ, чтобы сохранить за собою поле битвы. Его распоряженія были сдѣланы и банкиръ притворялся спокойнымъ, какъ въ обыкновенные дни, — дни торжества, — не смотря на мучительную неизвѣстность. Страшная тревога охватывала Саккара, по мѣрѣ того какъ онъ заходилъ все дальше и дальше по пути, съ котораго, пожалуй, нѣтъ возврата.

Вдругъ Мозеръ, бродившій за спиной знаменитаго Амадѣ, погруженнаго въ таинственныя совѣщанія съ какимъ-то невзрачнымъ человѣчкомъ, вернулся сильно взволнованный, бормоча:

— Ну вотъ, ну вотъ!.. Я слышалъ собственными ушами!..

Онъ сказалъ, что Гундерманъ велѣлъ продать болѣе, чѣмъ на десять милліоновъ... О, я продаю, продаю, я буду продавать, хотя бы мнѣ пришлось лишиться послѣдней рубашки!

— Десять милліоновъ, чортъ побери!—прошепталъ Пильро, немного дрогнувшимъ голосомъ.—Да это настоящая битва на ножахъ!

И въ рокочущемъ шумѣ биржи, все разроставшемся и увеличивавшемся посторонними разговорами, только и стало слышно, что о жестокомъ поединкѣ между Гундерманомъ и Саккаромъ. Отдѣльныхъ словъ уже нельзя было разобрать, но весь шумъ сосредоточивался на этомъ; только *это* одно рокотало такъ грозно. И въ стихійномъ ревѣ надвигающагося бѣдствія можно было ясно различить съ одной стороны спокойную, логическую настойчивость того, кто продавалъ, а съ другой—лихорадочную, отчаянную поспѣшность покупать, покупать безъ конца, которую приписывали Саккару. Самыя противорѣчивыя извѣстія ходили въ публикѣ; сначала они сообщались шопотомъ, потомъ о нихъ трубили на всю залу. Одни изъ присутствующихъ кричали во все горло, желая быть услышанными; другіе, напротивъ, таинственно склонялись къ своимъ собесѣдникамъ и говорили очень тихо, даже когда имъ нечего было сказать.

— Что касается меня, я буду держаться повышенія,—замѣтилъ Пильро, снова смотрѣвшій молодцомъ.—Сегодня солнце свѣтитъ такъ ярко, что курсы непременно поднимутся.

— Все рухнетъ, вотъ увидите,—съ плаксивымъ упорствомъ настаивалъ Мозеръ.—Погода должна испортиться; недаромъ меня всего ломало нынѣшней ночью.

Въ то же время, загадочная улыбка Сальмона, который попеременно выслушалъ обоихъ пріятелей, до того обострилась, что они оба упали духомъ и остались въ большомъ сомнѣніи. Неужели этотъ глубокомысленный, молчаливый человекъ съ дьявольскимъ умомъ нашелъ третій способъ играть, не держась ни пониженія, ни повышенія?

Саккаръ у своей колонны отлично замѣчалъ, какъ растутъ вокругъ него толпа льстецовъ и кліентовъ. Къ нему то и дѣло протягивались руки; онъ пожималъ ихъ всѣ съ одинаковымъ усердіемъ и въ каждомъ его рукопожатіи краснорѣчиво сказывалось обѣщаніе торжества.

Нѣкоторые подбѣгали къ нему, обмѣнивались словомъ и уходили въ восторгѣ. Другіе продолжали тереться возлѣ великаго финансиста, гордясь возможностью быть въ его свитѣ. Часто онъ оказывалъ вниманіе, не помня даже имени людей, которые съ нимъ говорили. Между прочимъ, капитану Шаву пришлось назвать ему фамилію Можандра, чтобы Саккаръ вспомнилъ бывшаго торговца парусиной. Капитанъ, помирившись съ зятемъ, уговаривалъ его продать акціи, но любезнаго директорскаго рукопожатія было достаточно, чтобы воспламенить безграничной надеждой легковѣрнаго старика. Потомъ явился Седиль, администраторъ „Всемирнаго“, крупный торговецъ шолковыми издѣліями; тотъ непременно хотѣлъ посоветоваться съ Саккаромъ. Его торговля сильно хромала, а все состояніе было вложено въ акціи „Всемирнаго“, такъ что пониженіе грозило ему банкротствомъ; страшно встревоженный, пожираемый своей страстью къ игрѣ, да еще вдобавокъ недовольный своимъ сыномъ Густавомъ, который до сихъ поръ не приучился къ дѣлу у Мазо, онъ жаждалъ, чтобы его успокоили, ободрили. Саккаръ дружески потрепалъ Седиля по плечу, и тотъ ушелъ отъ него, полный вѣры и пылкаго рвенія. За нимъ послѣдовала цѣлая вереница: банкиръ Кольбъ, давно реализовавшій свои акціи, что ему не мѣшало однако выжидать благоприятной минуты для новой наживы, маркизь де-Богенъ со своей надменной снисходительностью важнаго барина, дѣлавшій видъ, что онъ посѣщаетъ биржу только изъ любопытства, отъ нечего дѣлать, и даже Гюре, который не могъ долго сердиться; почтенный депутатъ былъ слишкомъ хитеръ, чтобы не оставаться другомъ сильныхъ міра сего до тѣхъ поръ, пока тѣ окончательно не вылетятъ въ трубу; онъ пришелъ взглянуть, нельзя ли поживиться чѣмъ нибудь еще. Но когда показался Дегремонъ, всѣ разступились. Этотъ представлялъ изъ себя уже крупную величину; всѣ замѣтили его любезность и шуточный тонъ дружеской короткости съ Саккаромъ. Сторонники повышенія тотчасъ просіяли, потому что Дегремонъ считался тонкой бестьей, умѣвшей уходить по добру, по здорову отъ всякихъ краховъ при первомъ потрескиваніи пола. Если онъ не отступился отъ Саккара, значитъ „Всемирный“ пока еще не трещалъ. Подходили и другіе, обмѣниваясь съ директоромъ однимъ многозначительнымъ взглядомъ; то

были люди, состоявшіе у него на службѣ, которымъ было поручено передавать распоряженія патрона; впрочемъ они покупали и на свой счетъ въ азартѣ игры, эпидемически свирѣпствовавшей среди служащаго персонала въ Лондонской улицѣ, гдѣ всѣ постоянно были насторожѣ, подслушивали, подсматривали и разнюхивали разныя новости. Въ числѣ прочихъ, раза два прошелся мимо и Сабатани со своей мягкой граціей итальянца съ примѣсю восточной крови. Онъ дѣлалъ видъ, будто бы даже и не замѣчаетъ принцепала, между тѣмъ какъ Жантру неподвижно стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ спиной къ Саккару, прикидываясь, будто бы онъ занятъ чтеніемъ депешъ съ иностранныхъ биржъ, выставленныхъ въ рамкахъ съ проволочной рѣшеткой. Вольный агентъ Массіасъ, вѣчно стремящійся куда нибудь сломя голову, толкнулъ группу возлѣ Саккара и сдѣлалъ чуть замѣтный знакъ головою, вѣроятно, въ видѣ отвѣта по какому нибудь безотлагательному порученію. И, по мѣрѣ того какъ приближался часъ открытія, непрерывный топотъ ногъ, движеніе толпы туда и сюда наполняли залу нестройнымъ гуломъ, то стихавшимъ, то опять рокотающимъ, какъ прибой волнъ. Всѣ напряженно ждали перваго курса. У такъ называемой „корзины“ появились Мазо и Жакоби, вышедшіе одновременно изъ кабинета маклеровъ съ видомъ добрыхъ товарищей. Это не мѣшало имъ однако сознать себя противниками въ беспощадной борьбѣ, которая длилась цѣлыя недѣли и должна была кончиться неминуемымъ разореніемъ одного изъ нихъ. Мазо, маленькаго роста, красивый, стройный, отличался веселой живостью ба-ловня судьбы; дѣйствительно, онъ пользовался рѣдкой удачей: въ тридцать два года ему досталась въ наслѣдство маклерская контора одного изъ дядей, между тѣмъ какъ Жакоби, бывшій уполномоченный помощникъ, сдѣлался маклеромъ только лишь за выслугу лѣтъ, благодаря нѣкоторымъ кліентамъ, оказавшимъ ему поддержку. У того былъ отвислый животъ и тяжелая походка шестидесятилѣтняго старика. Высокій ростомъ, сѣдѣющій, плѣшивый, Жакоби со своимъ широкимъ лицомъ смотрѣлъ добродушнымъ жуиромъ. Держа записныя книжки, они толковали о прекрасной погодѣ, какъ будто на афишкахъ въ ихъ рукахъ не были записаны тѣ милліоны, которыми имъ

предстояло обмѣняться, какъ смертоносными выстрѣлами, въ кровопролитной схваткѣ предложенія и спроса.

— Нѣтъ, каковъ сегодня морозецъ!

— О, представьте себѣ: я пришелъ сюда пѣшкомъ, до того сегодня хорошо и сухо.

Приблизившись къ „корзинѣ“, — обширному круглому бассейну, пока еще не засоренному ненужными фишками, которыя туда бросаютъ, — маклеры остановились на минуту, опершись о перила, обитыя краснымъ бархатомъ, и продолжали бесодержательный, отрывочный разговоръ, между тѣмъ какъ ихъ взгляды пытливо и озабоченно скользили вокругъ.

Четыре прохода въ видѣ креста, замкнутыхъ рѣшетками и образующихъ четырехконечную звѣзду, центромъ которой служитъ корзина, представляли священное мѣсто, недоступное для публики. Между концами звѣзды, съ одной стороны, находилось особое отдѣленіе для агентовъ, производившихъ операциі на чистыя деньги, а надъ ними возвышалось три котировщика на высокихъ сидѣньяхъ передъ своими длиннѣйшими записями; съ другой стороны было отдѣленіе поменьше, открытое и называемое „гитарой“, вѣроятно, вслѣдствіе его оригинальной формы. Оно позволяло служащимъ въ банкѣ и спекуляторамъ подходить вплотную къ маклерамъ. Позади, въ углу, образуемомъ двумя другими отдѣленіями, происходилъ открытый торгъ французскими рентами, гдѣ каждый имѣлъ своего представителя, также какъ и на рынкѣ операциі на чистыя деньги; у cadaго изъ нихъ былъ здѣсь свой прикащикъ, снабженный записною книжкой, потому что маклеры, стоя у корзины, занимаются исключительно сдѣлками на срокъ, совершенно поглощенные крупной биржевой игрой, въ большинствѣ случаевъ доходящей до безразсудства.

Увидавъ въ лѣвомъ проходѣ своего полномочнаго помощника Бертье, подававшего ему условный знакъ, Мазо обмѣнялся съ нимъ вполголоса нѣсколькими словами. Помощники имѣютъ право стоять въ проходахъ только въ почтительномъ отдаленіи отъ перилъ, которыхъ не смѣетъ коснуться рука непосвященнаго. Каждый день Мазо приходилъ такимъ образомъ на биржу съ Бертье и двумя прикащиками: однимъ для наличныхъ операциі, другимъ для рентъ, причемъ къ нимъ присоединялся чаще всего ликвидаторъ маклерской конторы,

не считая конторщика, обязаннаго приносить съ телеграфа депеши. Для послѣдней роли всегда избирали маленькаго Флори, лицо котораго все болѣе и болѣе обростало бородою, такъ что въ этомъ лѣсѣ густыхъ волосъ блестяли только его ласковые, нѣжные глаза. Выигравъ десять тысячъ франковъ на другой день Садовой, Флори, сбитый съ толку требовательностью Шюшю, сдѣлавшейся капризной и раздражительной, вель отчаянную игру на свой собственный рискъ, впрочемъ безо всякаго разчета, рабски слѣдя за игрою Саккара, внушавшаго ему слѣпое довѣріе. Распоряженія банкира, которыя онъ зналъ, телеграммы, проходившія черезъ его руки, служили для него достаточными указаніями. Какъ разъ въ ту минуту, когда Флори съ депешами въ рукахъ бѣжалъ сверху, гдѣ было телеграфное бюро, ему пришлось послать сторожа за хозяиномъ, который оставилъ Бертье, чтобы подойти къ гитарѣ.

— Сегодня же прикажете разсортировать телеграммы?

— Конечно, если онѣ приходятъ такой массой! Что тамъ такое?

— О, все насчетъ „Всемирнаго“! Почти исключительно приказы о покупкѣ.

Маклеръ съ видимымъ удовольствіемъ перебиралъ депеши привычною рукою. У него съ Саккаромъ шли крупныя дѣла и онъ давно производилъ для него операціи въ кредитъ на значительныя суммы; не дальше, какъ сегодня утромъ, банкиръ поручилъ Мазо сдѣлать громадныя покупки, и теперь молодой человѣкъ слылъ уже, такъ сказать, присяжнымъ маклеромъ „Всемирнаго“. До сихъ поръ онъ не особенно тревожился сдѣланнымъ рискомъ; упорно державшееся увлеченіе нублики и постоянныя покупки, не смотря на чрезмѣрное повышеніе курсовъ, успокаивали его. Одно имя среди подписей на депешахъ бросилось ему въ глаза; это было имя Фейѣ, агента по выдачѣ рентъ въ Вандомѣ, который, повидимому, приобрѣлъ необыкновенно многочисленную кліентуру изъ мелкихъ покупателей, среди фермеровъ, набожныхъ барынь и священниковъ въ своей провинціи, такъ какъ не проходило недѣли, чтобъ онъ не посылалъ телеграммъ за телеграммами.

— Передайте это въ отдѣленіе наличныхъ, — сказалъ Мазо

Флори.—Да не лучше ли вамъ будетъ самому подождать депешъ на телеграфѣ, чтобъ не вышло задержки?

Флори облокотился на перила отдѣла наличныхъ и закричалъ во все горло:

— Мазо, Мазо!

Къ нему подошелъ Густавъ Седиль, такъ какъ на биржѣ служащіе теряютъ свою фамилію и называются фамиліей маклера, своего патрона. Флори также назывался Мазо. Выдя изъ конторы года два назаль, Густавъ снова поступилъ туда въ угоду отцу, чтобъ тотъ согласился заплатить его долги; въ этотъ день, за отсутствіемъ старшаго прикащика, ему пришлось работать въ отдѣлѣ наличныхъ, что его очень занимало. Флори наклонился къ уху товарища и они стали перешептываться; между ними было рѣшено покупать для Фейё только по послѣднему курсу, а до тѣхъ поръ играть для себя, покупая и перепродавая на его имя, чтобы положить барышъ отъ операций себѣ въ карманъ; повышение казалось имъ несомнѣннымъ.

Между тѣмъ Мазо опять возвратился къ корзинѣ. Тутъ на каждомъ шагу сторожа передавали ему отъ кого нибудь изъ кліентовъ, который не могъ приблизиться, фишку, гдѣ былъ нацарапанъ заказъ карандашемъ. У каждаго маклера были свои особыя фишки спеціальнаго цвѣта,—краснаго, желтаго, синяго, зеленаго, чтобы можно было распознать ихъ съ перваго взгляда. У Мазо были зеленыя фишки, цвѣта надежды, и этихъ маленькихъ листочковъ накапливалось все больше и больше у него въ рукахъ; сторожа то и дѣло принимали фишки на концѣ прохода отъ служащихъ и спекуляторовъ, у которыхъ ихъ имѣлся цѣлый запасъ во избѣжаніе потери времени. Снова остановившись передъ бархатными перилами, Мазо опять наткнулся на Жакоби; у еврея также накопилась цѣлая куча фишекъ, ежеминутно возрастающая; его билеты были ярко-красные, цвѣта крови: вѣроятно, къ нему стекались заказы Гундермана и его сообщниковъ; ни для кого не было тайной, что Жакоби, въ предстоящемъ кровавомъ побоищѣ, служилъ агентомъ понижателей, главнымъ палачемъ на службѣ у еврейскаго банка. Теперь онъ разговаривалъ съ другимъ маклеромъ, Деларокомъ, своимъ зятемъ, христіаниномъ, женатымъ на еврейкѣ, — толстымъ, коренастымъ,

ыжебородымъ господиномъ, съ большой лысиной; Деларокъ вращался въ сферѣ модныхъ клубовъ и работалъ на Дегреона, недавно поссорившагося съ Жакоби, какъ прежде онъ поссорился съ Мазо. Толстякъ рассказывалъ сальную исторію о томъ, какъ одна женщина явилась къ мужу домой безъ рубашки, и подмигивающіе глазки маклера замаслились при этомъ скабресномъ анекдотѣ, между тѣмъ какъ онъ съ увлеченіемъ жестикулировалъ, размахивая записной книжкой, откуда торчали его фишки нѣжно голубаго цвѣта апрѣльскаго леба.

— Г. Массіасъ спрашиваетъ васъ, — сказалъ одинъ изъ сторожей Мазо.

Тотъ съ живостью вернулся къ концу прохода. Агентъ-посредникъ, теперь уже формально состоявшій на службѣ „Всемирнаго“, принесъ ему извѣстія изъ кулисы, которая уже дѣйствовала подъ портикомъ, не смотря на страшный морозъ. Нѣкоторые спекуляторы рискнули однако примкнуть къ ней, приходя отъ времени до времени погрѣться въ залу, между тѣмъ какъ члены кулисы, въ теплыхъ пальто, съ поднятыми меховыми воротниками, храбро выносили холодъ, усѣвшись по обыкновенію въ кружокъ подъ часами. Они слишкомъ волновались, кричали, жестикулировали, чтобы зябнуть. Маленькій Натансонъ оказывался изъ числа самыхъ дѣятельныхъ; онъ обѣщалъ въ скоромъ времени стать большою персоной; случай покровительствовалъ ему съ тѣхъ поръ, какъ онъ, — простой, мелкій конторщикъ, отрѣшенный отъ должности въ кредитномъ обществѣ движимыхъ имуществъ, — вздумалъ нанять комнату и открыть контору въ миньютюрѣ.

Массіасъ наскоро объяснилъ, что курсы не тверды, въ виду цѣлой массы акцій, которыми понижатели завалили рынокъ. Саккару тотчасъ пришла идея оперировать въ кулисѣ, чтобы повліять на первый officialный курсъ у корзины. Наканунѣ „Всемирный“ остановился на трехъ тысячахъ тридцати франкахъ и Аристидъ послалъ приказъ Натансону купить сто акцій, которыя другой членъ кулисы долженъ былъ предложить по три тысячи тридцати пяти. Это составило уже пять франковъ надбавки.

— Хорошо, мы поднимаемъ курсъ, — сказалъ Мазо.

И онъ присоединился къ группѣ маклеровъ, которые всѣ

находились на лицо въ полномъ составѣ. Ихъ было тутъ шестьдесятъ и, вопреки уставу, они уже заключили между собою сдѣлки по среднему курсу, ожидая удара колокола. Заказы по курсу, назначенному заранѣе, не вліяли на рынокъ потому что надо было выждать опредѣленія настоящаго курса тогда какъ заказы безъ обозначенія цѣны, — что предоставлялось уже вѣрному чутью маклера, — причиняли постоянно колебаніе оцѣнокъ. Хорошій маклеръ долженъ обладать проницательностью и предвидѣніемъ, быстротой соображенія и подвижностью мускуловъ, такъ какъ успѣхъ часто зависитъ отъ безотлагательности дѣйствій, не говоря уже о томъ, что для маклерской должности нужны прочныя связи въ высшихъ финансовыхъ сферахъ, свѣдѣнія, собранныя понемногу отовсюду, депеши, получаемыя отъ французскихъ и иностранныхъ биржъ раньше другихъ. Но ко всему этому необходимо имѣть еще сильный голосъ, чтобъ громко кричать.

Пробилъ часъ. Ударъ колокола гулко пронесся надъ подвижною массой головъ, и звонъ не успѣлъ еще совершенно затихнуть, какъ Жакоби, опершись обѣими руками на красный бархатъ, зарычалъ своимъ необыкновеннымъ басомъ, самымъ сильнымъ изъ всей компаніи:

— У меня есть акціи „Всемирнаго“... у меня есть акціи „Всемирнаго“...

Онъ не назначилъ цѣны, выжидая спроса. Всѣ шестьдесятъ маклеровъ приблизились къ периламъ, окружая кольцомъ корзину, гдѣ уже нѣсколько брошенныхъ фишекъ пестрѣли яркими красками. Стоя лицомъ къ лицу, эти люди изучали и, такъ сказать, щупали другъ друга, какъ дуэлисты передъ началомъ поединка; всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, пока установится первый курсъ.

— Предлагаю акціи „Всемирнаго“, — рокоталъ голосъ Жакоби, — предлагаю акціи Всемирнаго Банка.

— По какому курсу „Всемирный?“ — спросилъ Мазо тонкимъ, но до того рѣзкимъ голосомъ, что перекричалъ своего товарища; такъ пѣвучая флейта покрываетъ своимъ звуками аккомпанементъ віолончели.

Тутъ Деларокъ предложилъ вчерашній курсъ:

— По 3,030 я беру „Всемирный“.

Между тѣмъ, другой маклеръ тотчасъ принялся надбавлять:

— По 3,035 присылайте „Всемирный“.

Это былъ курсъ кулисы, пришедшій сюда; онъ помѣшалъ Делароку устроить подготовленный имъ арбитражъ: покупку у корзины и немедленную перепродажу въ кулисы, чтобы положить себѣ въ карманъ пять франковъ надбавки. Тутъ рѣшился выступить Мазо, увѣренный въ одобреніи Саккара:

— По 3,040 я покупаю... Посылайте „Всемирный“ по 3,040.

— Сколько?—долженъ былъ спросить Жакоби.

— Триста.

Оба торопливо черкнули что-то въ своихъ книжкахъ и сдѣлка была заключена. Первый курсъ установился съ повышеніемъ въ десять франковъ противъ вчерашняго. Мазо отдалился отъ прочихъ и назвалъ цифру тому изъ котировщиковъ, въ реестрѣ котораго стоялъ Всемирный Банкъ. Тутъ въ теченіе двадцати минутъ происходило нѣчто, напоминавшее прорывъ плотины: курсы другихъ бумагъ также установились; маклеры обдѣлывали дѣла своихъ кліентовъ безъ особенныхъ колебаній; но все же котировщикамъ на ихъ высокихъ сидѣніяхъ было очень трудно записывать всѣ новыя цѣны, которыя имъ выкрикивали агенты и прикащики. Съ одной стороны, эти крики заглушались страшнымъ шумомъ у корзины, а съ другой—въ отдѣленіи наличныхъ операцій. Позади, въ свою очередь, свирѣпствовала рента. Съ момента открытія толпа гудѣла уже, какъ шумный потокъ. Этотъ страшный гулъ теперь покрывали рѣзкіе, непріятные крики спроса и предложенія, характерный визгъ, который повышался, понижался, прекращаясь на минуту, чтобы снова разразиться нервными, отрывочными нотами, напоминавшими клекотъ хищныхъ птицъ во время бури.

Саккаръ улыбался, стоя у своей колонны; его курсъ повысился еще; это повышение Всемирнаго Банка на десять франковъ взволновало биржу, такъ какъ здѣсь уже давно предсказывали начало конца на послѣдній день ликвидаціи. Гюре подошелъ къ банкиру съ Сидилемъ и Кольбомъ, прикидываясь, что онъ крайне сожалѣетъ о своей излишней осторожности, заставившей его продать акціи по 2,500; въ то же время Дегремонъ, съ видомъ полнѣйшаго безкорыстія, про-

хаживался подъ руку съ маркизомъ де-Богенъ и весело общалъ ему, что собирается распродать свою конюшню на осеннихъ скачкахъ. Но болѣе всѣхъ торжествовалъ Можандръ, упрекая въ недалковидности капитана Шава, непоколебимаго въ своемъ пессимизмѣ; старый солдатъ стоялъ на томъ, что нужно подождать конца. Подобная же сцена разыгрывалась между ликующимъ Пильро и меланхолическимъ Мозеромъ; одинъ сіялъ, восхищенный безуміемъ повышенія; другой сжималъ кулаки, говоря объ этомъ упрямомъ, глупомъ настроеніи рынка, какъ о дикомъ звѣрѣ, которому въ концѣ концовъ все таки придется капуть.

Такъ прошелъ часъ; курсы оставались почти безъ измѣненій, дѣла обдѣлывались у корзины безъ особенной торопливости, по мѣрѣ полученія новыхъ заказовъ и депешъ. Такъ бывало въ серединѣ cadaго биржеваго дня; дѣятельность становилась вялѣе, текуція торговыя сдѣлки заключались спокойно, въ ожиданіи рѣшительной борьбы послѣдняго курса. Между тѣмъ Жакоби продолжалъ рычать, прерываемый рѣзкими нотами Мазо; они вели операціи на преміи. „Продаю акціи Всемирнаго Банка по 3,040, изъ которыхъ 15... беру „Всемирный“ по 3,040, изъ которыхъ 10... Сколько?... Двадцать пять... Посылайте“!.. Вѣроятно, Мазо дѣйствовалъ по порученію Фейѣ, такъ какъ многіе провинціальныя спекуляторы, чтобъ ограничить свои убытки, прежде чѣмъ броситься въ крупныя дѣла, покупали и продавали на премію. Вдругъ пронесся слухъ, раздались отрывочныя возгласы: Всемирный Банкъ опустился на пять франковъ,—а потомъ разъ за разомъ на десять франковъ, на пятнадцать, т. е. упалъ до 3,025.

Какъ разъ въ эту минуту Жантру, появившійся въ залѣ послѣ короткаго отсутствія, сообщилъ на ухо Саккару, что баронесса Сандорфъ ожидала въ своемъ купѣ въ улицѣ Броньяръ и поручила спросить его, нужно ли продавать. Этотъ вопросъ, подоспѣвшій въ ту минуту, когда курсъ поколебался, взбѣсилъ Аристида. Онъ представилъ себѣ неподвижнаго купчера на высокихъ козлахъ и баронессу, перелистывающую свою записную книжку, какъ у себя дома, за поднятыми стеклами экипажа.

— Пускай эта баба оставитъ меня въ покоѣ,—отвѣчалъ

онъ въ порывѣ ярости, — а если она продасть, я ее задушу.

Прибѣжалъ и Массіасъ, услышавъ о пониженіи на пятнадцать франковъ, какъ солдатъ, слышавъ сигналъ тревоги, чувствуя, что онъ можетъ тутъ понадобится. Дѣйствительно, Саккаръ, подготовившій ловкую штуку, чтобы остаться побѣдителемъ въ послѣднюю минуту, именно въ моментъ присылки депеши съ ліонской биржи, гдѣ повышение было несомнѣнно, начиналъ уже беспокоиться, что это извѣстіе запоздало; непредвидѣнный скачокъ внизъ на пятнадцать франковъ могъ повлечь за собой несчастіе.

Массіасъ очень ловко, не останавливаясь передъ Саккаромъ, толкнулъ его локтемъ и успѣлъ уловить слышанное имъ однимъ приказаніе:

— Скорѣе къ Натансону, четыреста, пятьсотъ, сколько бы ни оказалось нужнымъ.

Все это произошло такъ быстро, что только Пильро съ Мозеромъ замѣтили продѣлку. Они тотчасъ бросились по слѣдамъ Массіаса, чтобы разузнать, что такое творится. Поступивъ на службу во Всемирный Банкъ, этотъ молодой агентъ приобрѣлъ большую важность; спекуляторы старались вывѣдывать отъ него тайны, прочитывать у него изъ-за плеча приказанія патрона. Да и самъ онъ теперь получалъ великолѣпные барыши. Со своимъ веселымъ добродушіемъ неудачника, къ которому судьба относилась до сихъ поръ очень сурово, онъ удивлялся, что ему везетъ, находилъ сносной эту собачью должность на биржѣ и ужъ больше не повторялъ, что здѣсь хорошо однимъ жидамъ. Въ кулисѣ, на холодномъ вѣтру, свободно разгуливавшемъ между колоннами перистилия, — потому что тусклое послѣполуденное солнце нисколько не прибавляло теплоты, — „Всемирный“ опускался не такъ быстро, какъ у корзины. Натансонъ, предувѣдомленный своими маклаками, успѣлъ заработать арбитражъ, который не достался Делароку въ началѣ операціи: купивъ въ залѣ акціи по 3,025, онъ перепродалъ ихъ въ кулисѣ за 3,035. Вся афера потребовала какихъ нибудь трехъ минутъ времени и принесла ему прибыли на шестьдесятъ тысячъ франковъ. Значительныя покупки у корзины подняли уже цѣнность бумагъ до 3,030 въ силу уравновѣшивающаго дѣйствія, которое оказываютъ другъ на

друга оба эти рынка,—одинъ законный, другой только терпимый. Бѣготня прикащиковъ изъ залы на крыльцо не прекращалась ни на минуту, причемъ они безцеремонно расталкивали локтями толпу.

Все таки курсъ Всемирнаго Банка былъ готовъ пошатнуться въ кулисъ, когда Натансонъ по приказу, переданному Мас-сіасомъ, поддержаль его на 3,035 и даже повысилъ до 3,040, причемъ одновременно и у корзины акціи поднялись до своей первоначальной стоимости. Но было очень трудно поддержать ихъ на этой точкѣ, потому что тактика Жакоби и другихъ агентовъ, дѣйствовавшихъ отъ имени понижателей, очевидно клонилась къ тому, чтобы оттянуть продажу на крупныя суммы къ концу биржевыхъ операцій, заваливъ рынокъ бумагами „Всемирнаго“ и доведя ихъ до полного паденія въ сумятицѣ послѣдняго получаса, когда сдѣлки заключаются съ такою лихорадочной поспѣшностью. Саккаръ отлично понялъ опасность и сдѣлалъ условный знакъ Сабатани, курившему папиросу въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда со своимъ разсѣяннымъ и томнымъ видомъ любимца женщинъ. Левантинецъ, со свойственной ему змѣиной гибкостью, пробрался въ гитару, гдѣ, настороживъ слухъ и руководствуясь направлениемъ курсовъ, онъ не переставалъ посылать Мазо заказы на зеленыхъ фишкахъ, которыхъ у него былъ большой запасъ. Но, не смотря на всѣ предосторожности, непріятельская атака отличалась такимъ ожесточениемъ, что „Всемирный“ опять спустился на пять франковъ.

Пробило три четверти третьяго, оставалось только четверть часа до закрытія биржи; толпа металась и кричала, точно ее подвергали какой-то адской пыткѣ, корзина лаяла, выла съ гудѣніемъ и звономъ разбиваемыхъ котловъ. Тутъ-то и случилось то, чего такъ опасался Саккаръ. Маленькій Флори, съ самаго открытія биржи прибѣгавшій внизъ изъ телеграфнаго отдѣленія каждыя десять минутъ, съ кучей депешъ въ обѣихъ рукахъ,—появился снова, расталкивая толпу и пробѣгая телеграмму, которая, повидимому, привела его въ восторгъ.

— Мазо, Мазо!—крикнулъ чей-то голосъ.

Флори естественно обернулся, какъ будто позвали его самого, но, увидавъ Жантру, онъ не остановился и, безъ це-

емоніи толкнувъ его, пробѣжалъ мимо, обрадованный тѣмъ, то „Всемирный“ кончить повышеніемъ: въ депешѣ говорится, что на ліонской биржѣ его бумаги шли въ гору; тамъ были произведены такія громадныя покупки, что это должно было отразиться и на парижской биржѣ. Дѣйствительно, изъ Ліона прибыла масса другихъ телеграммъ и многіе маклера получили заказы. Такой оборотъ дѣлъ немедленно далъ почувствовать себя.

— По 3,040 я беру Всемирный Банкъ—повторялъ Мазо своимъ отчаяннымъ, визгливымъ голосомъ.

Деларокъ, закиданный требованіями, уже надбавлялъ цѣну на пять франковъ:

— По 3,045 я беру...

— По 3,045 продаю,—рычалъ Жакоби,—двѣсти по 3,045.

— Посылайте.

Тутъ и Мазо сдѣлалъ надбавку:

— Беру по 3,050.

— Сколько?

— Пятсотъ... Посылайте.

Но ужасающій шумъ принималъ такіе размѣры среди безумной жестикуляціи, напоминавшей судороги эпилептиковъ, что сами маклеры не могли слышать другъ друга. Въ порывѣ обуявшаго ихъ профессиональнаго азарта, они продолжали объясняться жестами, потому что и могучіе басы, грегившіе, какъ изъ бочки, и пронзительные дисканты терялись въ общемъ гамѣ. Виднѣлись только разинутые громадныя рты, но они какъ будто не издавали никакого явственнаго звука, причѣмъ говорили однѣ руки: маханіе рукою отъ себя означало предложеніе, а маханіе къ себѣ—согласіе; поднятые пальцы указывали количество, кивокъ головою означалъ: да, или нѣтъ. Это было понятно только посвященнымъ, какъ во время повальнаго безумія, овладѣвающаго народными массами. Съ телеграфной галереи наверху свѣшивались женскія оловы, ошеломленные и перепуганные этимъ необычнымъ рѣлищемъ. Въ отдѣлѣ рентъ какъ будто происходила настоящая драка; тутъ всѣ толклись въ одной кучѣ и жестикулировали съ невообразимымъ остервененіемъ, точно угощая другъ друга кулаками; между тѣмъ какъ публика, стремившаяся по двумъ противоположнымъ направленіямъ въ этой

части залы, то и дѣло расталкивала группы спекуляторовъ ежеминутно разъединявшіяся и составлявшіяся снова, средь непрерывной давки. Между отдѣленіемъ наличныхъ операцій и корзиной, надъ этимъ бурнымъ моремъ человѣческихъ головъ возвышалось только трое котировщиковъ на своихъ высокихъ стульяхъ. Они выдавались изъ пучины, точно обломки корабля съ большимъ бѣлымъ пятномъ своихъ списковъ этихъ несчастныхъ тормозили во всѣ стороны въ быстромъ приливѣ курсовъ, которые имъ приходилось ловить налетомъ и записывать. Въ отдѣлѣ наличныхъ операцій толкотня въ особенности достигла своего апогея; тутъ кишила компактная масса причесокъ, даже не лицъ, какое-то темное мѣсиво, откуда выдѣлялись только свѣтлыя пятна записныхъ книжекъ мелькавшихъ на воздухѣ въ поднятыхъ къверху рукахъ. Между тѣмъ, около бассейна корзины, наполненнаго теперь измятыми фишками, точно живыми цвѣтами, виднѣлись преимущественно сѣдѣющіе волосы, блестящія лысины, блѣдныя взволнованныя лица, лихорадочныя жесты рукъ, наконецъ подвижная мимика всего корпуса; тутъ было сравнительно просторнѣе, и маклеры въ своей отчаянной схваткѣ порывались впередъ, какъ будто готовые съѣсть другъ друга, еслибы ихъ не удерживали перила. Это бѣшенство послѣднихъ минутъ, впрочемъ, сообщилось и публикѣ. Въ залѣ была страшная тѣснота, оглушительный топотъ ногъ, толчки, гулъ голосовъ; все это напоминало сумятицу въ громадномъ стадѣ животныхъ, бѣгущемъ по узкому проходу, и надъ моремъ черныхъ скуртуковъ блестѣли только шелковые цилиндры притускломъ свѣтѣ, падавшемъ со стекляннаго потолка. Но вотъ звонъ колокола пронизалъ этотъ оглушительный гулъ, и все успокоилось; жестикуляція прекратилась, голоса смолкли въ отдѣлѣ наличныхъ операцій, и въ рентѣ, и у корзины. Не прекратился только неясный гулъ толпы, напоминавшій собою шумъ потока, который вернулся въ свое русло послѣ разлива. И, среди этого непрекращающагося волненія, передавались съ одного конца залы въ другой извѣстія о послѣднихъ курсахъ. „Всемирный“ дошелъ до 3,060, т. е. повысился на тридцать франковъ противъ вчерашняго. Пораженіе покупателей было полное; ликвидація еще разъ кончилась

не въ ихъ пользу, такъ какъ они понесли значительные убытки за послѣднія двѣ недѣли.

Прежде чѣмъ выйти изъ залы, Саккаръ на одну минуту приподнялся на цыпочки, какъ будто для того, чтобъ лучше окинуть взглядомъ толпу вокругъ себя. Онъ дѣйствительно выросъ, приподнятый сегодняшнимъ триумфомъ, такъ что вся его маленькая особа надувалась, вытягивалась, становилась громадной. Тотъ, кого онъ искалъ надъ моремъ головъ, былъ отсутствующій Гундерманъ, котораго ему такъ хотѣлось видѣть побѣжденнымъ, съ искажившимся отъ злобы лицомъ, просящимъ помилованія. Но короля золота тутъ не было и Саккаръ желалъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, всѣ тайныя креатуры еврея, вся грязная сварливая жидова, находившаяся на биржѣ, увидала его самого въ яркомъ ореолѣ успѣха. Это былъ великій день для Аристиды, и о немъ толкуютъ еще до сихъ поръ, какъ о побѣдахъ подъ Аустерлицемъ и Маренго. Его кліенты, друзья бросились къ нему; между ними находились: маркизь-де-Богень, Седиль, Кольбъ, Гюре, а Дегремонъ со своей предательской улыбкой свѣтской любезности поздравилъ его съ успѣхомъ, прекрасно зная, что подобныя побѣды на биржѣ зарѣзываютъ человѣка на смерть. Можандръ готовъ былъ расцѣловать героя дня въ обѣ щоки, онъ совершенно потерялъ голову отъ восторга и бѣсился на капитана Шава, по прежнему, иронически пожимавшаго плечами. Но безусловное, благоговѣнное поклоненіе передъ Саккаромъ ярче всѣхъ выказалъ Дежуа, прибѣжавшій изъ редакціи узнать послѣдній курсъ; онъ остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ банкира, неподвижный, онѣмѣвшій отъ счастья и преданности, съ глазами, полными слезъ. Жантру исчезъ, вѣроятно, спѣша подѣлиться важной новостью съ баронессой Сандорфъ. Массіасъ и Сабатани отдувались, довольные и сіяющіе, какъ доблестные воины вечеромъ, послѣ славной битвы.

— Ну что, вѣдь моя правда? — кричалъ въ восхищеніи Пильро.

Мозеръ, повѣсивъ носъ, бормоталъ про себя угрозы.

— Да, да, еще немного и всѣ мы полетимъ курыркомъ! Шутка ли: надо расквитаться за мексиканскую экспедицію, а тутъ, смотришь, запутанныя дѣла съ Римомъ, еще отъ са-

мой Ментаны. Германія обрушится на насъ не сегодня-завтра, того и жди. Бѣда со всѣхъ сторонъ, а эти дураки гонять курсы все въ гору да въ гору, чтобы свалиться съ бѣльшей высоты. Вѣрьте мнѣ: все пропало, вотъ вы увидите.

И, замѣтивъ, что Сальмонъ на этотъ разъ оставался серьезнымъ, не спуская съ него взгляда, Мозеръ прибавилъ:

— Не правда ли, вы согласны со мною, что когда все идетъ слишкомъ хорошо, это не къ добру?

Между тѣмъ зала пустѣла и, послѣ разошедшейся публики, въ воздухѣ повисло только облако сигарнаго дыма, синеватое, густое, съ желтыми оттѣнками отъ поднятой пыли. Мазо и Жакоби, сдѣлавшись снова совершенно приличными людьми, вернулись вмѣстѣ въ кабинетъ маклеровъ, причемъ второй изъ нихъ былъ болѣе разстроенъ своими собственными секретными убытками, чѣмъ поражениемъ своихъ клиентовъ. Первый же, не игравшій за себя, искренно радовался высокой цыфрѣ послѣдняго курса, который ему удалось такъ доблестно отстоять. Они поговорили нѣсколько минутъ съ Деларокомъ о дѣлахъ, держа въ рукахъ свои записныя книжки, полныя замѣтокъ; ихъ ликвидаторы должны были разобрать эти записи сегодня вечеромъ, чтобъ привести въ извѣстность оконченныя аферы. Въ то же время, въ отдѣленіи прикащиковъ, низкой залѣ, раздѣленной толстыми колоннами и похожей на беспорядочный школьный классъ съ рядами пюпитровъ и вѣшалкой для платьевъ въ глубинѣ, — Флори и Густавъ Седиль, зашедшіе сюда за шляпами, громко смѣялись, ожидая, пока имъ сообщать средній курсъ, который устанавливали по самому высшему и самому низшему курсу служащіе при синдикатѣ за однимъ изъ пюпитровъ. Около половины четвертаго, когда таблицу курсовъ приклеили къ одному изъ столбовъ, двое пріятелей окончательно раздурачились; они ржали, клохтали, пѣли по пѣтушинуму, довольные выгодной операціей, которую имъ удалось совершить на деньги Фейѣ. Теперь Флори могъ купить брилліантовыя серьги для Шюшю, безбожно тиранившей слабохарактернаго любовника своими капризами, а Жерменъ Кёръ предстояло получить за шесть мѣсяцевъ впередъ отъ Густава, который имѣлъ глупость окончательно отбить ее у Жакоби; послѣдній успѣлъ уже замѣнить томную блондинку — наѣздницей изъ цирка. Впрочемъ, въ

залъ прикащиковъ долго еще продолжался оглушительный шумъ, раздавались плоскія шутки, происходила возня со шляпами, которыя безжалостно давили и мали, точно тутъ безобразничали школьники, выпущенные на свободу. А съ другой стороны, подъ перистилемъ, кулиса заканчивала свои дѣла; Натансонъ готовился спуститься со ступеней въ восторгъ отъ своего арбитража, посреди наплыва послѣднихъ спекуляторовъ, которые мѣшкали, не смотря на крѣпчавшій морозъ. Съ шести часовъ весь этотъ міръ игроковъ, маклеровъ, членовъ кулисы и вольныхъ агентовъ, послѣ того какъ одни изъ нихъ опредѣлили свой барышъ или убытокъ, а другіе составили курсовой листокъ, спѣшили переодѣться во фракъ, чтобы шумно закончить суетливый день въ ресторанахъ, театрахъ, на свѣтскихъ вечерахъ или въ альковахъ кокотокъ. Понятія о деньгахъ у этихъ людей были совершенно извращены, благодаря привычкѣ хладнокровно ворочать чужими милліонами.

Въ тотъ вечеръ, Парижъ, веселящійся по ночамъ, только и толковалъ, что о страшной дуэли между Гундерманомъ и Саккаромъ. Женщины, поглощенные игрой по страсти или изъ подражанія модѣ, щеголяли въ своей рѣчи техническими выраженіями: ликвидація, премія, переносъ, пожалуй, не всегда понимая ихъ значеніе; особенно много говорили о критическомъ положеніи понижателей, которые въ продолженіе столькихъ мѣсяцевъ платили, при каждой новой ликвидаціи, все болѣе и болѣе крупныя суммы по мѣрѣ поднятія акцій „Всемирнаго“. Чудовищный курсъ этихъ бумагъ дѣйствительно перешелъ всякую границу благоразумія. Конечно, многіе играли безъ обезпеченія и прибѣгали къ переносу, не будучи въ состояніи расквитаться за акціи, чтобы ограничить свой убытокъ; а такъ какъ цѣна переноса,—необходимаго займа для выкупа при ликвидаціи, когда бумаги были проданы по курсу дня,—поднималась тѣмъ болѣе, чѣмъ рѣже становились деньги, то разорившимся, раздавленнымъ сторонникамъ пониженія грозилъ неминуемый полный крахъ, если повышение будетъ продолжаться. Но Гундерманъ, всемогущій предводитель, котораго имъ приписывали, былъ поставленъ совсѣмъ иначе. Ему не было надобности прибѣгать къ переносамъ; у него въ погребахъ хранился цѣлый милліардъ, неистощимые

полки свѣжаго войска, которые онъ могъ высылать на избіеніе, какъ бы ни затянулась кровопролитная война. Это была непобѣдимая сила, — возможность распорядиться акціями по произволу, имѣть ихъ всегда подъ рукою и даже, если нужно, платить за нихъ дорого, чистымъ золотомъ. И Парижъ не уставалъ толковать о немъ, высчитывая значительныя суммы, которыя долженъ былъ истратить до сихъ поръ король банкировъ, для того чтобъ каждое 15 и 30 число выдвигать, точно шеренги солдатъ, обреченныхъ на жертву непріятельскимъ пулямъ, мѣшки золотыхъ монетъ, быстро таявшихъ на огнѣ спекуляціи. Никогда еще могущество Гундермана не подвергалось такому яростному нападенію на биржѣ, а онъ хотѣлъ сохранить его недосягаемымъ и неоспоримымъ; хотя этотъ человѣкъ любилъ повторять, что онъ просто торговецъ деньгами, а не игрокъ, это не мѣшало ему, однако, ясно сознавать, что если онъ желаетъ остаться такимъ торговцемъ, не имѣвшимъ себѣ равнаго и располагавшимъ общественными богатствами, то для этого нужно оставаться неограниченнымъ хозяиномъ рынка. И Гундерманъ бился не ради барыша, но отстаивая свою царскую власть, защищая самую жизнь. Отсюда проистекало холодное упорство, жестокое величіе борьбы. Его встрѣчали на бульварахъ вдоль улицы Вивіенъ, однако ни на блѣдномъ безстрастномъ лицѣ, ни въ медленной походкѣ истощеннаго старика ничто не обнаруживало ни малѣйшей тревоги. Онъ вѣрилъ только въ логику. Превысивъ курсъ въ двѣ тысячи франковъ, акціи Всемирнаго вступили на ложный путь; ихъ дальнѣйшее повышеніе становилось уже сумазбродствомъ; при трехтысячномъ курсѣ это было уже чистое безуміе и акціи неминуемо должны были упасть, какъ падаетъ камень, подброшенный къверху; Гундерманъ терпѣливо выжидалъ этого неизбѣжнаго паденія. Неужели онъ истратитъ весь свой милліардъ? Публика содрогалась отъ восторга вокругъ этого колосса, но также пламенно желала полюбоваться, какъ онъ будетъ наконецъ пожирать врага. Между тѣмъ Саккаръ, возбуждавшій болѣе пылкаго энтузіазма, имѣлъ на своей сторонѣ женщинъ, салоны, все высшее общество игроковъ, которые клали себѣ въ карманъ такіе жирные барыши, съ тѣхъ поръ какъ онъ выбивалъ монету изъ ихъ довѣрія къ себѣ, спекулируя горою Кармиломъ и Іерусалимомъ.

Близкое паденіе крупнаго еврейскаго банка было для нихъ дѣломъ рѣшеннымъ; католицизмъ, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ забрать въ свои руки денежный міръ, какъ забралъ міръ духовный. Но если сторонники Саккара получали большіе барыши, зато самъ онъ истощилъ всѣ свои средства, опоражнивая кассы для постоянныхъ покупокъ. Изъ двухсотъ милліоновъ оборотнаго капитала, около двухъ третей было иммобилизировано такимъ образомъ: успѣхъ становился уже чрезмѣрнымъ, подавляющій триумфъ грозилъ асфиксіей. Каждое кредитное общество, желающее господствовать на биржѣ для поддержки своихъ акцій, обречено на гибель; поэтому Аристидъ вначалѣ игралъ съ большою осторожностью. Между тѣмъ пылкое воображеніе всегда представляло ему вещи въ преувеличенномъ видѣ, обращая въ цѣлыя поэмы его спекуляціи авантюриста, и въ настоящемъ случаѣ, когда этому чело­вѣку удалось осуществить дѣйствительно колоссальное, прибыльное дѣло, онъ увлекся невѣроятными мечтами о мировомъ господствѣ,—какою-то до того безумной, громадной идеей, что онъ даже боялся ясно формулировать ее самому себѣ. Ахъ, еслибъ у него были милліоны, милліоны безъ конца, какъ у этихъ грязныхъ жидовъ! Къ несчастію, онъ видѣлъ, что его войска убываютъ, что въ запасѣ остается всего нѣсколько милліоновъ, обреченныхъ на убой. Потомъ, когда наступитъ пониженіе, придетъ его очередь нести убытки, и онъ, не имѣя возможности выкупить собственныхъ акцій, будетъ вынужденъ прибѣгать къ займамъ. Посреди триумфа побѣды, каждый камушекъ грозилъ опрокинуть его громадную машину; это смутно чувствовали даже его приверженцы, вѣрившіе въ повышеніе, какъ въ бога. Чтò окончательно распалило страсти Парижа, такъ это смятеніе и неизвѣстность, волновавшія публику,—этотъ поединокъ между Саккаромъ и Гундерманомъ, гдѣ побѣдитель истекалъ кровью, эта схватка грудь съ грудью двухъ легендарныхъ чудовищъ, давившихъ между собою несчастныхъ пигмеевъ, которые осмѣлились принять участіе въ ихъ игрѣ, и готовыхъ задушить одинъ другаго на грудѣ нагроможденныхъ ими развалинъ. Вдругъ 3-го января, на другой же день послѣ того, какъ были сведены счета послѣдней ликвидаціи, „Всемирный“ упалъ на пятьдесятъ франковъ; это вызвало страшное волненіе. Правда, упали и всѣ другія бумаги; рынокъ,

слишкомъ долго служившій ареной лихорадочной спекуляціи, черезчуръ переполненный дутыми аферами, трещалъ со всѣхъ сторонъ: два или три мошенническихъ предпріятія лопнули съ большимъ трескомъ, да и кромѣ того подобныя рѣзкіе скачки, измѣнявшіе иногда курсъ на нѣсколько сотенъ франковъ въ теченіе одного биржеваго дня, должны были представлять довольно обычное явленіе, какъ уклоненія магнитной стрѣлки во время бури. Но, по страшному трепету, пробѣжавшему въ биржевомъ мірѣ, можно было догадаться, что наступаетъ начало конца. „Всемирный“ падалъ; первый крикъ тревоги разростался и перешелъ въ стихійный вой толпы, выражавшій и удивленіе, и боязнь, и надежду.

На другой же день, Саккаръ, непоколебимый и улыбающійся на своемъ посту, поднялъ курсъ на тридцать франковъ, благодаря значительнымъ покупкамъ. Однако, 5-го числа, не смотря на всѣ усилія, пониженіе опять достигло сорока франковъ. И съ тѣхъ поръ каждый день происходила битва. 6-го „Всемирный“ поднялся; 7-го и 8-го опустился опять. Этого движенія подъ гору, очевидно, нельзя было остановить, и банкъ медленно скользилъ внизъ по наклонной плоскости. Конечно, ему придется быть козлищемъ отпущенія; на немъ выместятъ всеобщее безуміе, погрѣшности другихъ, менѣе видныхъ аферъ, — все это изобиліе мошенническихъ предпріятій, подогрѣтыхъ рекламами, выросшихъ, какъ чудовищные грибы, на жирномъ черноземѣ, удобренномъ продуктами разложенія наполеоновскаго царствованія. Саккаръ окончательно лишился сна и каждый день занималъ свой боевой постъ у колонны; онъ жилъ только галлюцинаціей побѣды, которая была еще возможна. Какъ полководецъ, убѣжденный въ превосходствѣ своихъ плановъ, онъ отступалъ только шагъ за шагомъ, жертвуя своими послѣдними солдатами, опоражнивая кассы общества отъ послѣднихъ мѣшковъ, чтобы заградить путь осаждающимъ. 9-го побѣда снова стала клониться на его сторону, сторонники пониженія струсили, отступили; неужели ликвидація 15-го января еще разъ обогатится ихъ послѣдними деньгами? А Саккаръ, уже безо всякихъ ресурсовъ, былъ принужденъ пустить въ ходъ послѣднія бумаги, оставленныя для оборота. Какъ люди, умирающіе голодной смертью, которые видятъ передъ собой въ горячемомъ бреду роскошныя пиры, онъ уже

не смѣлъ сознаться самому себѣ, въ чемъ заключалась чудесная, недостижимая цѣль его стремленій, гигантская идея выкупить всѣ акціи „Всемирнаго“, чтобы сорвать маски со своихъ противниковъ, производившихъ продажу, связать ихъ по рукамъ и ногамъ и заставить просить у себя пощады. Такъ поступила недавно мелкая желѣзнодорожная компанія; она скупила всѣ свои бумаги, такъ что у продавцовъ ничего не осталось и они по неволѣ сдались врагу. Ахъ, еслибъ онъ затравилъ, замучилъ Гундермана до того, чтобы заставить наглого еврея открыто выступить противъ него! Еслибъ тотъ въ одно прекрасное утро принесъ на биржу свой милліардъ, умоляя не отнимать его цѣликомъ и оставить ему хоть по десяти су на ежедневную порцію молока! Только для этого нужно было отъ семисотъ до восьмисотъ милліоновъ. Саккаръ уже бросилъ ихъ цѣлыхъ двѣсти въ пропасть, теперь было необходимо выдвинуть на поле битвы еще пятьсотъ или шестьсотъ. Съ шестьюстами милліоновъ ему непремѣнно удастся смести жидовъ, и тогда онъ сдѣлается королемъ золота, властелиномъ міра. Какая обольстительная мечта! И все это было очень просто, потому что понятіе о настоящей стоимости денегъ пропало при данномъ градусѣ спекулятивной горячки; остались только однѣ пѣшки, которыми двигали по шахматной доскѣ. Во время бессонныхъ ночей, онъ командовалъ арміей въ шестьсотъ милліоновъ и позволялъ убивать ихъ ради собственной славы, торжествуя наконецъ побѣду посреди всеобщихъ бѣдствій, на грудѣ развалинъ всего существовавшего прежде.

10-го числа, къ несчастію, выдался ужасный день для Саккара. На биржѣ онъ держался, по прежнему, великолѣпно, поражая веселостью и невозмутимымъ спокойствіемъ, а между тѣмъ никогда еще война не свирѣпствовала съ такою нѣмою жестокостью, съ ежечаснымъ кровопролитіемъ, съ ловушками, поставленными по всѣмъ направленіямъ. Въ этихъ денежныхъ битвахъ, безшумныхъ и подлыхъ, гдѣ втихомолку потрошатъ слабыхъ, не существуетъ никакихъ священныхъ узъ, ни родства, ни дружбы: это неумолимый законъ сильныхъ; пожираютъ другихъ, чтобы самимъ не сдѣлаться жертвой. И Саккаръ чувствовалъ себя вполнѣ одинокимъ, не имѣющимъ другой опоры, кромѣ своего не-

насытимаго аетита, который поддерживалъ его въ критическую минуту, заставляя вѣчно пожирать другихъ. Аристида страшилъ болѣе всего день 14 января, когда разыгрывались преміи. Но ему хватило еще денегъ на три предшествующихъ дня и 14-е, вмѣсто того чтобъ принести поражение, утвердило „Всемирный“, который 15-го кончилъ ликвидаціей по 2,860 франковъ, опустившись всего только на 100 франковъ противъ послѣдняго курса. Саккаръ опасался несчастія и дѣлалъ видъ, что вѣрится въ побѣду.

На самомъ же дѣлѣ, понижатели въ первый разъ взяли надъ нимъ верхъ и наконецъ получили барыши, тогда какъ имъ нѣсколько мѣсяцевъ подъ рядъ пришлось нести убытки. Такимъ образомъ, роли перемѣнились: теперь Саккару пришлось самому прибѣгнуть къ переносу у маклера Мазо, который, слѣдовательно, оказался сильно втянутымъ въ игру. Вторая половина января обѣщала быть рѣшительнымъ періодомъ. Съ тѣхъ поръ какъ Аристидъ боролся съ такимъ ожесточеніемъ при ежедневныхъ толчкахъ, бросавшихъ его въ пропасть и опять выносившихъ оттуда, у него каждый вечеръ являлась безумная жажда забыться въ вихрѣ развлеченій. Онъ не могъ оставаться одинъ, всегда обѣдалъ внѣ дома и проводилъ остатокъ ночи въ объятіяхъ женщинъ. Никогда еще не прожигалъ онъ такъ жизни, появляясь вездѣ, посѣщая театры, ужиная въ кабачкахъ, мотая деньги съ расточительностью черезчуръ богатаго человѣка. Каролины онъ избѣгалъ; ея увѣщанія были ему въ тягость; кромѣ того, она постоянно говорила о тревожныхъ письмахъ, получаемыхъ отъ брата, и была въ отчаяніи, что Аристидъ не хочетъ бросить своей азартной игры, грозившей такой страшной опасностью. Теперь Саккаръ чаще видался съ баронессой Сандорфъ, какъ будто холодный развратъ въ маленькой таинственной квартиркѣ въ улицѣ Комартенъ переносилъ его въ другую сферу, давалъ ему часы забвенія, необходимые для отдыха переутомленнаго мозга. Порой онъ уединялся сюда съ цѣлью просмотрѣть нѣкоторыя бумаги, обдумать дѣла, счастливый тѣмъ, что здѣсь его никто не потревожить. Потомъ Саккаръ засыпалъ тяжелымъ сномъ на часъ или два, забываясь въ сладкой истомѣ; тогда баронесса безъ церемоніи рылась въ его карманахъ, перечитывала письма,

лежавшія въ портфелѣ, такъ какъ онъ не сообщалъ ей ровно ничего и она не могла вытянуть изъ этого непроницаемаго челоуѣка ни малѣйшаго полезнаго указанія; она даже была убѣждена, что онъ лжетъ, если ему случалось иногда обмолвиться какимъ нибудь словомъ, и потому не рѣшалась играть, руководствуясь его совѣтами. Раскапывая потихоньку его тайны, молодая женщина узнала о денежныхъ затрудненіяхъ, постигшихъ Всемирный Банкъ, о цѣлой обширной системѣ комерческихъ и дутыхъ векселей, которые онъ осторожно учитывалъ за границей. Однажды вечеромъ Саккаръ проснулся слишкомъ рано и, заставъ баронессу за разсматриваніемъ своихъ бумагъ, надавалъ ей пощечинъ, какъ проституткѣ, ворующей мелкую монету изъ кармановъ посѣтителей; съ тѣхъ поръ онъ ее билъ, что приводило ихъ обоихъ въ ярость, а потомъ они чувствовали себя разбитыми и успокоивались.

Между тѣмъ, послѣ ликвидаціи 15-го числа, въ который баронесса потеряла около десяти тысячъ франковъ, у нея явился новый планъ. Онъ не давалъ ей покою и, наконецъ, любовница банкира обратилась за совѣтомъ къ Жантру.

— Честное слово, — отвѣчалъ онъ, — мнѣ кажется, вы правы, и вамъ, дѣйствительно, пора перейти на сторону Гундермана. Поѣзжайте къ нему и расскажите все, какъ есть; вѣдь онъ обѣщалъ за дружескій совѣтъ отплатить вамъ тѣмъ же.

Гундерманъ какъ разъ былъ страшно золъ въ то утро, когда великосвѣтская сирена удостоила его своимъ посѣщеніемъ. Еще наканунѣ „Всемирный“ опять началъ подниматься. Вѣрно, не удастся побѣдить этого прожорливаго звѣря, который съѣлъ у него такъ много золота и не хотѣлъ умирать! Чего добраго, онъ способенъ опять подняться и кончить повышеніемъ 31-го числа: король банкировъ даже раскаивался, что затѣялъ эту несчастную борьбу, когда, пожалуй, было бы благоразумнѣе принять участіе въ дѣлахъ новаго учрежденія. Усомнившись въ достоинствахъ своей обыкновенной тактики, теряя вѣру въ неизмѣнное торжество логики, онъ, пожалуй, былъ готовъ отступить, еслибъ подобный шагъ не грозилъ ему полнымъ разореніемъ. Такія минуты упадка духа были для него рѣдкостью, хотя всѣ вели-

кіе полководцы испытывали ихъ наканунѣ славной побѣды, когда рѣшительно все, — и люди и обстоятельства, — содѣйствовали ихъ успѣху. Это временное потемнѣніе въ такихъ обыкновенно зоркихъ глазахъ происходило отъ тумана, отъ глубокой таинственности, окутывающей биржевыя операціи, совершаемыя изподтишка, подъ прикрытіемъ чужаго имени. Положимъ, Саккаръ покупалъ, игралъ. Но дѣлалъ ли онъ это для крупныхъ кліентовъ или для самого общества, вотъ вопросъ. Кончилось тѣмъ, что Гундерманъ пересталъ понимать, чтѣ творится кругомъ, посреди сплетенъ, доходившихъ до него со всѣхъ сторонъ. Двери его громаднаго кабинета то и дѣло хлопали, служащіе трепетали передъ гнѣвомъ грознаго патрона, а биржевые агенты встрѣчали сегодня у надменнаго богача такой грубый пріемъ, что ихъ обычное шествіе превращалось въ безпорядочное бѣгство.

— А, это вы, — сказалъ Гундерманъ баронессѣ безъ малѣйшей тѣни любезности, — сегодня мнѣ некогда возиться съ женщинами.

Она была поражена, сбита съ толку и, отбросивъ въ сторону всѣ подходы, придуманные ею заранѣе, сразу выпалила привезенную съ собою новость:

— Что, еслибъ вамъ доказали, что „Всемирный“ истратилъ всѣ свои деньги на покупку собственныхъ акцій и теперь учитываетъ за границей дутые векселя, чтобъ продолжать кампанію?

Еврей подавилъ радостную дрожь, пробѣжавшую у него по тѣлу; его взглядъ, какъ всегда, оставался безжизненнымъ и онъ отвѣчалъ прежнимъ бранчивымъ голосомъ:

— Это не правда!

— Какъ, не правда! Я слышала собственными ушами, видѣла своими глазами.

И она вздумала его убѣждать, сказавъ, что у нея были въ рукахъ векселя, подписанные подставными лицами. Баронесса называла ихъ имена, а также имена банкировъ, учтивавшихъ векселя въ Вѣнѣ, во Франкфуртѣ и въ Берлинѣ. Корреспонденты Гундермана могли подтвердить это. Онъ убѣдится, что она сообщаетъ ему не пустую сплетню. Кромѣ того, молодая жонщина утверждала, что общество покупало акціи

для себя, съ единственной цѣлью поддержать повышение, и что это поглотило уже у „Всемирнаго“ двѣсти милліоновъ.

Гундерманъ, слушавшій ее со своимъ мрачнымъ видомъ, уже чертилъ про себя планъ завтрашней кампаніи; онъ отличался до того быстрымъ соображеніемъ, что въ нѣсколько секундъ обдумалъ все, опредѣлилъ цифры. Теперь король золота былъ увѣренъ въ побѣдѣ, зная, изъ какого грязнаго источника проистекали сообщенныя ему извѣстія, и чувствовалъ глубокое презрѣніе къ этому развратнику—Саккару, который былъ настолько глупъ, что довѣрился женщинѣ и позволилъ ей продать себя.

Когда она кончила, онъ поднялъ голову и сказалъ, уставившись на нее своими большими потухшими глазами:

— Прекрасно! Но какое мнѣ дѣло до всего того, о чемъ вы тамъ болтаете?

Посѣтительница опѣшила, видя Гундермана такимъ безучастнымъ и спокойнымъ.

— Но я полагаю, что вы, держась пониженія...

— Я! да кто вамъ сказалъ, что я держусь пониженія? Я никогда не хожу на биржу и не спекулирую. Все это для меня вполне безразлично.

И голосъ еврея звучалъ такою невинностью, что ошеломленная, сбитая съ толку баронесса была готова ему повѣрить, еслибъ у него не прорывались кое-какія нотки черезчуръ насмѣшливой наивности. Очевидно, онъ насмѣхался надъ нею въ своемъ абсолютномъ презрѣніи кастрата къ женскому полу, не будившему въ немъ больше никакихъ желаній.

— Итакъ, моя добрѣйшая пріятельница, я долженъ вамъ напомнить, что сильно занятъ.!. Если вы не имѣете сообщить мнѣ ничего болѣе интереснаго...

Онъ выгонялъ ее! Тогда взбѣшенная баронесса вспыхнула въ свою очередь.

— Я довѣряла вамъ и заговорила первая... Вы поймали меня въ ловушку, а между тѣмъ обнадежили, что если я буду вамъ полезной, то вы заплатите мнѣ тѣмъ же и дадите дружескій совѣтъ.

Поднимаясь съ мѣста, Гундерманъ перебилъ ее. Этотъ никогда не смѣявшійся человѣкъ слегка усмѣхнулся: до того

забавнымъ показался ему грубый фарсъ съ одураченной женщиной, молодой и красивой.

— Дать вамъ совѣтъ! Но я и не думаю нарушать своего слова, мой добрый другъ. Выслушайте меня внимательно: не играйте на биржѣ, не играйте никогда! Это сдѣлаетъ васъ безобразной. Ужасно гадко, когда женщина играетъ.

Едва баронесса ушла, внѣ себя отъ бѣшенства, Гундерманъ тотчасъ заперся со своими двумя сыновьями и однимъ изъ зятьевъ; распредѣливъ между ними роли, онъ немедленно послалъ за Жакоби и другими маклерами, чтобы приготовить на завтра окончательное нападеніе. Его планъ былъ простъ; онъ рѣшилъ сдѣлать то, отъ чего до сихъ поръ удерживала его осторожность, пока онъ не зналъ настоящаго положенія „Всемирнаго“: завалить рынокъ громаднымъ предложеніемъ акцій этого банка. Въ данную минуту, когда у Саккара истощились всѣ ресурсы и онъ болѣе не могъ поддержать своего курса, король банкировъ намѣревался выдвинуть страшный резервъ изъ своего милліарда, какъ полководецъ, передъ генеральнымъ сраженіемъ, получившій черезъ своихъ развѣдчиковъ самыя основательныя свѣдѣнія насчетъ слабаго пункта врага. Логика должна побѣдить: каждая акція, поднимающаяся выше своей настоящей стоимости, не можетъ долго продержаться на рынкѣ.

Какъ разъ въ тотъ же день, Саккаръ, чутьемъ пронюхавшій опасность, отправился къ Дегремону. Онъ былъ въ лихорадочномъ возбужденіи, чувствуя, что настала часъ расправиться съ понижателями, чтобы не дать имъ окончательно побить себя. И гигантскій планъ точилъ его мозгъ; ему хотѣлось выдвинуть еще колоссальную армію въ шестьсотъ милліоновъ для побѣды надъ міромъ. Дегремонъ принялъ его съ неизмѣнной любезностью въ своемъ княжескомъ отелѣ, среди дорогихъ картинъ и всей ослѣпительной роскоши, оплачиваемой каждыя двѣ недѣли барышами отъ биржевыхъ спекуляцій, хотя все это богатство было непрочно и могло рухнуть въ одинъ прекрасный день отъ каприза судьбы. До сихъ поръ онъ не измѣнялъ „Всемирному“, отказываясь продавать и дѣлая видъ, что питаетъ полное довѣріе къ солидности предприятия, гордый своей ролью счастливаго игрока на повышеніе, приносившее ему впрочемъ большія выгоды. Этотъ важ-

ный членъ синдиката даже дошелъ до того въ своей снисходительности, что не поморщился при неблагоприятной ликвидаціи 15-го числа, увѣряя повсюду, что бумаги банка непремѣнно опять поднимутся; но это не мѣшало ему однако смотрѣть въ оба и быть готовымъ перейти на сторону непріятеля, при первомъ серьезномъ симптомѣ приближающагося краха. Посѣщеніе Саккара, его горячія рѣчи, развитый имъ громаднѣйшій планъ, заключавшійся въ томъ, чтобы скупить всѣ акціи, внушили ему настоящій восторгъ. Это было безумно, но великіе военачальники и финансисты развѣ не бываютъ зачастую безумцами, которымъ все удается? И Дегремонъ формально обѣщаль прійти на помощь Саккару, не позже какъ завтра: онъ уже сдѣлалъ большіе заказы, а теперь отправится къ Делароку, своему маклеру, для новыхъ распоряженій, да, кромѣ того, повидается еще съ другими знакомыми, чтобы составить нѣчто въ родѣ синдиката для солидной поддержки. По словамъ Дегремона, этотъ новый армейскій корпусъ могъ быть исчисленъ въ сто милліоновъ и долженъ былъ поступить въ немедленное распоряженіе Саккара. Такой суммы было пока совершенно достаточно. Сіяющій Саккаръ, увѣренный въ побѣдѣ, тотчасъ выработалъ планъ сраженія, ловкій обходъ удивительной смѣлости, заимствованной имъ у самыхъ знаменитыхъ полководцевъ: сначала, при открытіи биржи, простая стычка, чтобы завлечь понижателей впередъ и внушить имъ увѣренность въ своихъ силахъ; а потомъ, когда перевѣсъ будетъ на ихъ сторонѣ и курсы понизятся, неожиданно явится Дегремонъ и его друзья съ тяжелой артиллеріей; неожиданные милліоны хлынутъ потокомъ, какъ изъ подъ земли; непріятель ударитъ понижателямъ въ тылъ и опрокинетъ ихъ. Это будетъ настоящее пораженіе, жестокая рѣзня. Саккаръ и Дегремонъ разстались съ рукопожатіями, весело смѣясь и заранѣе торжествуя побѣду.

Но, часъ спустя, когда Дегремонъ, обѣдавшій въ гостяхъ, собирался заняться своимъ туалетомъ, къ нему явилась посѣтельница, баронесса Сандорфъ. Растерявшись и не зная, чтѣ дѣлать, она вздумала съ нимъ посоветоваться. Одно время поговаривали, будто бы она находилась съ нимъ въ связи; на самомъ же дѣлѣ между ними существовали одни безцеремонныя пріятельскія отношенія. Оба они были слишкомъ лукавы

и слишкомъ ясно видѣли другъ друга насквозь, чтобы одурачить себя самообманомъ любовной связи. Она рассказала безъ утайки свои опасенія, свою выходку у Гундермана и полученный отъ него отвѣтъ, умолчавъ только о лихорадочной поспѣшности предательства, которая толкнула ее на этотъ поступокъ. Дегремонъ нарочно постарался еще больше сбить ее съ толку, дѣлая видъ, что онъ повѣрилъ Гундерману, отрекавшемуся ото всякаго участія въ игрѣ на пониженіе. Развѣ тутъ можно что нибудь разобрать? Биржа—это темный лѣсъ, да еще во мракѣ ночи, гдѣ приходится дѣлать ощупью каждый шагъ. Въ такихъ потемкахъ рискуешь жестоко расшибиться, если станешь принимать на вѣру всѣ нелѣпости и противорѣчивые слухи.

— Въ такомъ случаѣ,—съ тревогой спросила красавица,—я не должна продавать?

— Продавать! Да зачѣмъ же? Вотъ еще безуміе! Завтра мы восторжествуемъ: „Всемирный“ поднимется до 3,100. Держитесь крѣпко, чтѣ бы ни случилось: вы останетесь довольны послѣднимъ курсомъ... Я не могу сказать вамъ пока ничего болѣе опредѣленнаго.

Баронесса уѣхала. Дегремонъ уже одѣвался, какъ вдругъ звонокъ въ прихожей возвѣстилъ о третьемъ посѣщеніи. Ну нѣтъ, ужъ онъ не станетъ больше принимать! Между тѣмъ, когда ему подали карточку Деларока, онъ крикнулъ: „войдите!“ и когда маклеръ явился въ очевидномъ волненіи, хозяинъ выслалъ камердинера, принимаясь доканчивать самъ свой туалетъ. Онъ подошелъ къ высокому зеркалу, чтобъ завязать себѣ галстухъ.

— Ну вотъ, милѣйшій,—заговорилъ Деларокъ съ фамиллярностью челоуѣка одинаковаго съ нимъ круга,—намъ нужно поговорить серьезно. Полагаюсь въ данномъ случаѣ на вашу дружбу, такъ какъ здѣсь мы касаемся очень щекотливаго вопроса... Представьте себѣ: Жакоби, мой зять, былъ такъ любезенъ, что предупредилъ меня о подстроенной намъ ужасной штукѣ. Завтра Гундерманъ и его сообщники рѣшили окончательно доконать „Всемирный“; они разомъ выпускаютъ въ продажу громадный запасъ своихъ акцій и завалятъ ими рынокъ. Жакоби получилъ уже приказы и побѣждалъ скорѣе предупредить...

— Чортъ возьми! — вырвалось у Дегремона, который сильно поблѣднѣлъ.

— Поймите: у меня очень много денегъ за клиентами, играющими на повышение, по крайней мѣрѣ, миллионовъ на пятнадцать; вѣдь тутъ можно прогорѣть дотла! Что же мнѣ оставалось дѣлать? Я взялъ экипажъ, да и объѣзжаю всѣхъ болѣе крупныхъ заказчиковъ. Конечно, это противъ правилъ, но вѣдь я желаю людямъ добра...

У Дегремона опять вырвалось проклятіе.

— И вотъ, мой добрый другъ, такъ какъ вы играете безъ обезпеченія, то я прошу васъ или обезпечить меня, или перейти на другую сторону.

— Разумѣется, дѣйствуйте въ другомъ направленіи! — крикнулъ Дегремонъ. — Объ чемъ же тутъ и толковать? Я никогда не остаюсь въ учрежденіяхъ, гдѣ готовится крахъ; это совершенно бесполезный героизмъ. Продавайте, продавайте, вмѣсто того чтобъ покупать; вѣдь у васъ много моихъ бумагъ; спускайте ихъ безъ остатка!

Деларокъ спѣшилъ уйти, говоря, что онъ торопится идти къ другимъ клиентамъ; тогда Дегремонъ схватилъ его за обѣ руки и крѣпко пожалъ ихъ.

— Благодарю; никогда не забуду вашей услуги. Продавайте, продавайте же все!

Оставшись одинъ, онъ позвалъ камердинера, чтобъ тотъ причесалъ ему волосы и бороду. Вотъ такъ урокъ! Онъ чуть-чуть не далъ одурачить себя, какъ малаго ребенка. Вотъ что значитъ связываться съ сумазбродами!

Вечеромъ, на малой биржѣ, работавшей съ восьми часовъ, обнаружилась паника. Этотъ рынокъ собирался тогда на тротуарѣ Итальянскаго бульвара, у входа въ пассажъ Оперы; тутъ дѣйствовала только кулиса, оперировавшая среди подзрительнаго сборища маклаковъ, агентовъ-посредниковъ и спекуляторовъ, занимавшихся грязными дѣлишками. Возлѣ этого сброда терлись блузники, собиратели сигарныхъ окурковъ, бросались на четверенькахъ въ толпу, посреди толкотни и давки. Биржа загораживала тротуаръ, точно упрямое стадо барановъ, причемъ гуляющіе толкали торгашей со всѣхъ сторонъ, раздѣляли ихъ, увлекали за собою и заставляли возвращаться обратно. Въ тотъ вечеръ здѣсь толклось не менѣе

двухъ тысячъ народа, благодаря теплой, пасмурной погодѣ, предвѣщавшей дождь послѣ жестокихъ морозовъ. Торговля шла бойко; акціи „Всемирнаго“ предлагались со всѣхъ сторонъ и курсы быстро падали. Это дало поводъ къ неблагоприятнымъ слухамъ и тревогѣ. Что такое происходитъ на самомъ дѣлѣ? Люди вполголоса называли имена продавцовъ, основывая свои догадки на томъ, кто изъ вольныхъ агентовъ давалъ заказъ, или кто изъ членовъ кулисы исполнялъ порученія. Если крупные капиталисты спѣшили спустить свои акціи, значитъ готовится что нибудь важное. И вотъ, съ восьми до десяти часовъ, малая биржа кишела людьми; всѣ спекуляторы, обладавшіе чутьемъ, перемѣнили игру. Нѣкоторые изъ покупателей тутъ же успѣли обратиться въ продающихъ. Парижъ въ эту ночь отходилъ ко сну сильно встревоженный, какъ накануне страшныхъ переворотовъ.

На другой день погода была отвратительна; всю ночь шелъ дождь, а днемъ холодная изморозь осыпала городъ, обращенный оттепелю въ сплошную клоаку жидкой, желтоватой грязи. Съ половины перваго биржа зашумѣла подъ журчанье грязныхъ потоковъ. Публика, пріютившаяся подъ портикомъ и въ залѣ, была очень многочисленна; измокшіе дождевые зонтики скоро обратили и залу въ одну громадную лужу грязи. Засаленныя стѣны также покрылись пѣтомъ; сквозь стеклянную крышу проникалъ тусклый, рыжеватый свѣтъ, нагонявшій страшную тоску. Среди неблагоприятныхъ слуховъ, необыкновенныхъ исторій, туманившихъ головы парижанъ, всѣ глаза отъ самаго входа отыскивали Саккара, старались въ него всмотрѣться. Онъ былъ на своемъ посту, на обычномъ мѣстѣ у колонны, и казался такимъ же, какъ всегда, когда ему улыбалось счастье, сохраняя видъ бодрой веселости и увѣренности въ себѣ. Ему было извѣстно, что накануне „Всемирный“ спустился на триста франковъ на малой биржѣ. Онъ угадывалъ чутьемъ страшную опасность и готовился къ жестокому нападению со стороны понижателей. Но выработанный планъ сраженія казался ему безупречнымъ: смѣлый обходъ неприятельскихъ силъ, подготовленный Дегремономъ, неожиданное прибытіе свѣжей арміи милліоновъ должны были поразить врага, какъ громовой ударъ, и обезпечить за Саккаромъ еще разъ славную побѣду. Самъ онъ съ

этихъ поръ оставался безъ ресурсовъ; кассы „Всемирнаго“ опустѣли и были выскреблены до послѣднихъ сантимовъ. Однако Аристидъ не отчаивался; онъ прибѣгнулъ къ переносу у маклера Мазо и успѣлъ до такой степени склонить его на свою сторону, пообѣщавъ поддержку въ синдикатѣ Дегремона, что тотъ безо всякаго обезпеченія принялъ на себя покупку акцій на нѣсколько милліоновъ. Между ними было условлено не допускать слишкомъ большаго паденія курсовъ въ началѣ биржи, а, напротивъ, поддерживать ихъ и бороться, поджидая подкрѣпленія. Публика до того волновалась, что Массіасъ и Сабатани, отбросивъ въ сторону бесполезныя хитрости, такъ какъ вся биржа узнала настоящее положеніе дѣлъ, не скрываясь, переговаривались съ Саккаромъ, а потомъ побѣжали съ его послѣдними распоряженіями, одинъ къ Натансону, подъ перистиль, другой къ Мазо, не выходявшему еще изъ кабинета маклеровъ.

Было безъ десяти минутъ часъ; пріѣхалъ Мозеръ, страшно блѣдный послѣ приступа страданій печени, не дававшихъ ему ни на минуту заснуть сегодня ночью; онъ тотчасъ замѣтилъ своему пріятелю Пильро, что всѣ въ этотъ день смотрятъ желтыми и больными. Пильро, напротивъ, чувствовавшій приливъ задора передъ всякой катастрофой, точно беззаботный странствующій рыцарь, разразился хохотомъ.

— Перестаньте, милѣйшій, это васъ одного сводитъ въ дугу; остальные всѣ бодры и веселы. Вотъ мы устроимъ вамъ сегодня одну изъ тѣхъ баталій, которыя долго не забываются.

Но на самомъ дѣлѣ общая тревога придавала сумрачный видъ этому скопищу публики, при тускломъ, рыжеватомъ свѣтѣ пасмурнаго дня, и тягостное настроеніе особенно сказывалось въ ослабѣвшемъ гулѣ голосовъ. Биржа не гудѣла въ лихорадочномъ возбужденіи, какъ въ знаменательные дни, когда акціи повышаются и оглушительный гамъ колоссальнаго денежнаго рынка напоминаетъ шумъ прилива, рвущагося на берегъ съ ликованіемъ побѣдителя. Не смотря на значительное стеченіе публики и порядочную тѣсноту, въ залѣ слышался только шопотъ, подавленный, робкій, боязливое шушуканье, печальныя новости, сообщаемыя другъ другу на ухо. Многіе молчали, страшно блѣдные, съ разстроенными лицами, съ

распиренными глазами, и напряженно всматривались въ лица окружающихъ.

— Сальмонъ, вы ничего не скажете? — спросилъ Пильро тономъ вызывающей ироніи.

— Чортъ возьми! — прошепталъ Мозерь, — и онъ не лучше другихъ; его самого разбираетъ страхъ.

Дѣйствительно, въ этотъ день, замалчиванья Сальмона не беспокоили никого, потому что всѣ находились въ одинаково непріятномъ ожиданіи. Вокругъ Саккара неотступно тѣснились кліенты, волнуясь тяжелой неизвѣстностью, ожидая, чтобъ ихъ ободрили. Позднѣе было замѣчено, что Дегремонъ вовсе не явился, какъ и депутатъ Гюре, конечно, заблаговременно предувѣдомленный кѣмъ нибудь и снова сдѣлавшійся вѣрнымъ псомъ Ругона. Кольбъ въ группѣ банкировъ дѣлалъ видъ, что погруженъ въ крупную аферу арбитража. Маркизь де-Богенъ, недоступный капризамъ фортуны, спокойно прохаживался со своимъ блѣднымъ лицомъ и маленькой аристократической головкой, вполиѣ увѣренный, что онъ никогда не останется въ проигрышѣ; Жакоби было поручено купить для него акцій „Всемирнаго“ на такую же сумму, на какую велѣно Мазо продать. Саккаръ, осаждаемый толпою другихъ кліентовъ, вѣрующихъ и наивныхъ, былъ особенно любезенъ съ Седилемъ и Можандромъ, успокоивая этихъ мнительныхъ людей, которые съ дрожащими губами бросали на него влажные, умоляющіе взгляды, стараясь прочесть въ чертахъ банкира надежду на несомнѣнный успѣхъ. Онъ крѣпко пожималъ имъ руки, какъ бы обѣщая этимъ рукопожатіемъ непременно восторжествовать надъ врагомъ. И, прикидываясь баловнемъ счастья, которому не можетъ грозить никакая неудача, онъ пожаловался окружающимъ на случившуюся съ нимъ маленькую непріятность:

— Сегодня я ужасно раздосадованъ. Во время этихъ морозовъ, у меня забыли убрать со двора роскошную камелію; разумѣется, она померзла.

Это слово облетѣло залу и растрогало публику. Право, что за человекъ этотъ Саккаръ! Какая безстрастная самоувѣренность и постоянно улыбающееся лицо, по которому нельзя опредѣлить, была ли это маска, скрывавшая тяжелыя заботы, способныя сломить всякаго другаго?

— Ахъ, животное, онъ просто неподобенъ!—прошепталъ Жантру на ухо Массіасу, вернувшемуся назадъ. Саккаръ какъ разъ позвалъ Жантру; въ эту роковую минуту ему вспомнилось, что они, отправляясь вдвоемъ на биржу, видѣли купца баронессы Сандорфъ, стоявшее въ улицѣ Броньяръ. Неужели она оставалась все тамъ же, въ этотъ критическій день, и ея кучеръ, взмолившись на высокія козла, сохранялъ подъ проливнымъ дождемъ свою каменную неподвижность, между тѣмъ какъ баронесса, притаившись за опущенными стеклами, выжидала курсовъ?

— Конечно, она тамъ,—вполголоса отвѣчалъ Жантру,— и всѣмъ сердцемъ съ вами, твердо рѣшившись не отступить ни на шагъ... Мы всѣ непоколебимо стоимъ на своемъ посту.

Саккаръ остался доволенъ такимъ выраженіемъ преданности, хотя и не вѣрилъ въ безкорыстіе баронессы Сандорфъ и другихъ. Впрочемъ, въ ослѣпленіи горячки, онъ воображалъ, что шествуетъ къ побѣдѣ, ведя за собою цѣлую рать своихъ акціонеровъ и простаго званія, и аристократическаго круга, рать, проникнутую фанатической вѣрой, пылающую энтузіазмомъ, гдѣ хорошенькія женщины перемѣшивались съ простыми служанками въ одномъ порывѣ религіознаго усердія. Наконецъ прозвучалъ ударъ колокола и пронесся жалобнымъ воплемъ набата надъ взволнованнымъ моремъ головъ. Мазо, отдававшій приказанія Флори, торопливо вернулся къ корзинѣ, между тѣмъ какъ молодой конторщикъ бросился на телеграфъ, сильно встревоженный положеніемъ собственныхъ дѣлъ. Въ послѣднее время онъ понесъ значительные убытки, но ни за что не хотѣлъ отстать отъ игры „Всемирнаго“ и сегодня рискнулъ болѣе обыкновеннаго, рассчитывая на вмѣшательство Дегремона, о которомъ ему удалось узнать, подслушавъ подъ дверьми. У корзины чувствовалась та же тревога, какъ и въ залѣ; съ послѣдней ликвидаціи маклеры сознавали непрочность почвы подъ ногами среди такихъ важныхъ симптомовъ надвигающейся грозы, что близкій кризисъ пугалъ ихъ, не смотря на всю опытность. Много аферъ уже провалилось; рынокъ не могъ выдержать напряженной дѣятельности послѣдняго времени; онъ былъ слишкомъ заваленъ и началъ трещать по всѣмъ направленіямъ. Неужели наступитъ одинъ изъ тѣхъ страшныхъ катаклизмовъ, которые неизмѣнно по-

вторяются каждыя десять, пятнадцать лѣтъ, одинъ изъ тѣхъ смертельныхъ кризисовъ азартной игры, принявшій острую, горячечную форму, который опустошаетъ биржу, казня десятого и проносясь по ней дыханіемъ заразы? Въ отдѣлѣ ренты и наличныхъ операций, крики звучали глуше, толкотня была ожесточеннѣе и надъ этой беспорядочной сумятицей возвышались только черные силуэты котировщиковъ, сидѣвшихъ наготовѣ съ перомъ въ рукѣ. Мазо, сжимая руками перила, обтянутыя краснымъ бархатомъ, тотчасъ увидалъ Жакоби на противоположной сторонѣ круглаго бассейна; еврей рычалъ густымъ басомъ:

— У меня есть „Всемирный“: по 2,800. У меня есть „Всемирный“.

Это былъ послѣдній курсъ малой биржи наканунѣ и, чтобы затормозить пониженіе, Мазо нашелъ болѣе благоразумнымъ принять эту цѣну. Онъ возвысилъ свой тонкій голосъ, покрывшій всѣ остальные:

— По 2,800 беру... Триста „Всемирнаго“ посылайте.

Такимъ образомъ, первый курсъ установился. Но Мазо было невозможно его поддержать. Со всѣхъ сторонъ прибывали предложенія покупокъ; онъ отчаянно боролся въ теченіе полчаса, добившись только того, что немного замедлилъ быстрое паденіе. Болѣе всего онъ былъ удивленъ, не встрѣчая поддержки въ кулисѣ. Что же дѣлаетъ Натансонъ, отъ котораго Мазо ожидалъ заказовъ на покупку! И онъ только позднѣе узналъ ловкую тактику послѣдняго; покупая для Саккара, Натансонъ въ то же время продавалъ отъ себя, угадавъ настоящее положеніе дѣлъ своимъ еврейскимъ чутьемъ. Массіасъ, сильно зарвавшійся въ качествѣ покупателя, прибѣжалъ, запыхавшись, сообщить Мазо о перемѣнѣ фронта въ кулисѣ; тогда молодой маклеръ потерялъ голову и выпустилъ послѣдніе заряды, сразу потребовавъ акцій на всю сумму, которая была еще у него въ распоряженіи, между тѣмъ какъ раньше онъ собирался раздѣлить ее на нѣсколько покупокъ, чтобы выиграть время, пока подоспѣтъ подкрѣпленіе. Это немного повысило курсы, съ 2,500 они вернулись къ 2,650; но рѣзкими скачками, какъ въ бурные дни. Тутъ еще на одну минуту воскресла полная надежда въ сердцѣ Мазо, Саккара и всѣхъ посвященныхъ въ планъ сраженія. Если уже въ на-

чалѣ курсы повышались, значить, этотъ день выигранъ. Побѣда грянетъ, какъ громъ, когда резервныя войска бросятся во флангъ понижателей, разобьютъ ихъ и обратятъ въ беспорядочное бѣгство. Между сторонниками „Всемирнаго“ замѣчилось радостное оживленіе; у нихъ отлегло отъ сердца. Сидиль и Можандръ готовы были цѣловать руки Саккару. Кольбъ придвинулся къ нему поближе, а Жантру исчезъ, спѣша передать баронессѣ Сандорфъ благопріятную новость. Маленькій Флори, сіяя восторгомъ, метался по залѣ, отыскивая служившаго ему теперь посредникомъ Сабатани, чтобы дать ему новый заказъ на покупку акцій.

Но вотъ пробило два часа и Мазо, одинъ выносившій атаку врага, снова началъ ослабѣвать. Его удивленіе все увеличивалось; обѣщанные резервы не являлись. Критическая минута наступала. Чего же они еще ждутъ, почему медлятъ выручить его изъ невыносимаго положенія, котораго онъ не можетъ выдерживать долѣе? Хотя изъ профессиональной гордости несчастный маклеръ и старался сохранить на своемъ лицѣ полное безстрастіе, но онъ чувствовалъ, какъ мертвящій холодъ подступаетъ у него къ щекамъ, и боялся поблѣднѣть. Жакоби своимъ рычащимъ голосомъ методически закидывалъ его предложеніями, которыхъ Мазо не рѣшался уже принимать. Онъ даже не смотрѣлъ на противника; его глаза обратились къ маклеру Дегремона, Делароку, молчавшему самымъ подозрительнымъ образомъ. Толстый, коренастый, рыжебородый Деларокъ, со своимъ блаженнымъ, улыбающимся видомъ послѣ вчерашняго кутежа, оставался невозмутимымъ. Мазо рѣшительно не могъ понять, чего онъ ждетъ. Неужели же онъ не раскупить всю эту массу предложенныхъ акцій „Всемирнаго“ и не предотвратитъ катастрофы своими заказами? Вѣдь ихъ должно быть записано такое множество на фишкахъ, которыя онъ держитъ въ рукахъ.

Вдругъ мнимый союзникъ крикнулъ своимъ горловымъ, слегка охрипшимъ голосомъ:

— У меня есть акціи „Всемирнаго“... Предлагаю акціи „Всемирнаго“...

И въ нѣсколько минутъ онъ предложилъ ихъ на цѣлые милліоны. Другіе голоса отвѣчали ему. Курсы подламывались.

— Продаю по 2,400... Продаю по 2,300... Сколько? Пятьсотъ, шестьсотъ... Посылайте!

Что съ нимъ? Что такое происходитъ? Неужели, вмѣсто обѣщанныхъ подкрѣпленій, изъ сосѣднихъ лѣсовъ выскакиваетъ новая непріятельская армія? Такъ, подъ Ватерлоо неявившійся въ-время Груши довершилъ поражение своимъ предательствомъ. Видъ густой массы свѣжихъ отрядовъ продавцевъ, сбѣгавшихся ускореннымъ шагомъ на поле битвы, произвелъ жестокую панику.

Въ этотъ моментъ Мазо почувствовалъ ледяное вѣяніе смерти, коснувшееся его лица. Онъ ссудилъ Саккару слишкомъ крупныя суммы и теперь ясно понялъ, что „Всемирный“ раздавить его въ своемъ паденіи. Но красивое, смуглое лицо молодого человѣка, отгѣненное тонкими усиками, оставалось непроницаемымъ и смѣлымъ. Онъ купилъ еще, удовлетворилъ всѣмъ полученнымъ заказамъ, не переставая возвышать свой пѣвучій голосъ молодого пѣтушка, звонкій, какъ и во дни успѣха. Между тѣмъ, его противники: рычашій Жакоби и полнокровный Деларокъ, не смотря на всѣ усилія казаться равнодушными, не могли вполне замаскировать своего безпокойства. Видя Мазо въ такой опасности, они спрашивали себя, заплатитъ ли онъ имъ, если сорвется. Ихъ руки судорожно обхватывали бархатъ перилъ, голоса продолжали гремятъ почти машинально; но въ то же время въ ихъ напряженныхъ взглядахъ отражался весь ужасъ разыгравшейся денежной драмы.

Тутъ, въ теченіе послѣдняго получаса, наступила катастрофа и малодушіе обезумѣвшей толпы окончательно испортило дѣло. За безграничнымъ довѣріемъ, слѣпымъ увлеченіемъ, послѣдовала реакція безразсуднаго страха: всѣ кинулись продавать, пока еще не поздно. Цѣлый градъ приказовъ о продажахъ обрушился на корзину, фишки такъ и сыпались дождемъ, и этотъ огромный наплывъ бумагъ, выбрасываемыхъ безо всякой осмотрительности, обострилъ пониженіе, доведя его до настоящаго краха. Курсы стремглавъ летѣли все ниже, ниже; они быстро упали до 1,500, потомъ до 1,200, до 900. Покупателей больше не было и поле битвы опустѣло, усыянное трупами. Надъ темнымъ мѣсивомъ сюртуковъ лихорадочно метавшейся толпы, трое котировщиковъ на своихъ высокихъ сидѣньяхъ, казалось,

вносили въ свои списки цифры жертвъ, добытыхъ на смерть. Вѣяніе бѣдствія, пронесшееся по залѣ, парализовало въ ней предшествующую суматоху, шумъ понемногу замиралъ, точно все живое притихло, ошеломленное страшной катастрофой. Тягостная тишина наступила на биржѣ, когда, послѣ удара колокола, возвѣстившаго закрытіе, былъ объявленъ послѣдній курсъ „Всемирнаго“ въ 830 франковъ. Мелкій дождь упрямо хлесталъ въ стеклянную крышу, пропускавшую теперь только слабый, невѣрный свѣтъ раннихъ сумерокъ; зала обратилась въ клоаку, такъ много грязи нанесли въ нее съ улицы на калошахъ; съ дождевыхъ зонтиковъ лилась ручьями вода, и въ этомъ жидкомъ киселѣ подъ ногами, напоминавшемъ неопрятную конюшню, валялись обрывки всевозможныхъ бумагъ, тогда какъ корзина ярко пестрѣла зелеными, красными, голубыми фишками, набросанными туда цѣлыми пригоршнями, такъ что обширный бассейнъ былъ переполненъ выше краевъ.

Мазо вернулся въ кабинетъ маклеровъ одновременно съ Жакоби и Деларокомъ. У буфета онъ утолилъ свою жгучую жажду стаканомъ пива и сталъ осматриваться въ этой обширной залѣ съ вѣшалкой и длиннымъ столомъ посрединѣ, вокругъ котораго тянулись ряды креселъ шестидесяти маклеровъ; красная бархатная обивка мебели и вся эта банальная полинявшая роскошь придавали комнатѣ сходство съ залой перваго класса на большой желѣзнодорожной станціи; Мазо оглядывалъ ее съ недоумѣвающимъ видомъ, какъ будто все это было ему ново. Потомъ, собравшись уходить, онъ молча пожалъ руки Жакоби и Делароку, не измѣняя своего обычнаго обращенія съ ними, и всѣ они трое поблѣднѣли подъ маской свѣтской выдержки благовоспитанныхъ людей. Молодой человѣкъ велѣлъ Флори дожидаться себя у дверей; онъ нашелъ его здѣсь съ Густавомъ Сидилемъ, окончательно оставившимъ контору недѣлю тому назадъ, но пришедшимъ на биржу изъ любопытства. Густавъ по прежнему былъ беззаботно веселъ и жилъ въ свое удовольствіе, не думая о томъ, что завтра разорившемуся отцу, пожалуй, будетъ нечѣмъ заплатить его долговъ. Между тѣмъ, на бѣдномъ Флори, что называется, не было лица; онъ глупо хихикалъ, стараясь поддерживать разговоръ, а на душѣ у него скребли кошки: въ этотъ день онъ понесъ страшный убытокъ въ сто тысячъ

франковъ, не имѣя за душой ни сантима для уплаты. Завидѣвъ Мазо, онъ присоединился къ нему, и они удалились подъ проливнымъ дождемъ.

Между тѣмъ, въ залѣ паника обуяла въ особенности лицъ, окружавшихъ Саккара, и здѣсь-то война произвела самыя жестокия опустошенія. Присутствуя при этомъ страшномъ погромѣ и встрѣчая грудью опасность, Аристидъ сначала не понялъ, чтò случилось. Откуда этотъ говоръ? Вѣроятно, Дегремонъ подоспѣлъ на выручку „Всемирному“! Но когда курсы начали подламываться, онъ, не понимая еще причины происшедшаго несчастья, собралъ все свое мужество, чтобы погибнуть со славой. Ледяной холодъ, поднимаясь снизу, подступалъ къ его черепу; Саккаръ сознавалъ, что все пропало, и ему не подняться болѣе. Однако этому человѣку не было жаль ни потерянныхъ денегъ, ни наслажденій, ускользавшихъ отъ него навсегда: его терзало униженіе побѣжденнаго и торжество Гундермана, громкая, окончательная побѣда врага, еще болѣе утвердившая всемогущество короля золота. Въ эту роковую минуту Саккаръ дѣйствительно былъ великолѣпный; вся его тонкая фигурка выражала гордую непреклонность, глаза смотрѣли прямо, не мигая, въ чертахъ застыла упрямая настойчивость, и онъ стоялъ одинъ передъ толпою, храбро выдерживая приливъ отчаянія и враждебности, поднимавшійся вокругъ него. Вся зала кипѣла и публика бурнымъ потокомъ хлынула къ колоннѣ, гдѣ обыкновенно стоялъ директоръ „Всемирнаго“; акціонеры банка сжимали кулаки; съ ихъ искривленныхъ губъ срывались обидныя слова, а Саккаръ сохранялъ на лицѣ бессознательную улыбку, которую можно было принять за вызовъ.

Сначала въ туманѣ, окутывавшемъ передъ нимъ все окружающее, онъ различилъ смертельно блѣднаго Можандра. Капитанъ Шавъ вводилъ его подъ руку, повторяя со злорадствомъ мелкаго игрока, довольнаго разореніемъ крупныхъ спекуляторовъ, что онъ давно предсказывалъ подобный конецъ. Потомъ Седиль съ искаженнымъ лицомъ, съ обезумѣвшимъ видомъ комерсанта наканунѣ банкротства, протянулъ Саккару дрожащую руку; добрякъ какъ будто далъ этимъ понять, что не думаетъ сердиться. При первомъ же потрескиваніи подламывающагося банка, маркизь де-Богенъ удалился

отъ бывшаго сообщника и поспѣшилъ перейти къ торжествующей арміи понижателей, рассказывая Кольбу, также благоразумно ретировавшемуся подальше, что Саккаръ внушалъ ему самыя непріятныя подозрѣнія со времени послѣдняго общаго собранія. Растерявшійся Жантру снова исчезъ, чтобы скорѣе увѣдомить баронессу Сандорфъ о послѣднихъ курсахъ, и красавица навѣрно подверглась въ своей каретѣ жестокому припадку истерики, какъ бывало съ ней всегда въ тѣ дни, когда она проигрывала крупныя суммы. Пессимистъ Мозеръ и оптимистъ Пильро опять перекорялись между собою передъ Сальмономъ, вѣчно молчаливымъ и загадочнымъ, какъ легендарный сфинксъ. Пильро, съ гордой вызывающей миной, не падалъ духомъ, не смотря на постигшее его разореніе, тогда какъ его товарищъ, выигравшій цѣлое состояніе, не прекращалъ своего нытья, тревожась о будущемъ.

— Вотъ увидите, что весной не миновать намъ войны съ Германіей. Все это пахнетъ очень скверно, и бестыя Бисмаркъ разставляетъ Франціи сѣти.

— Ахъ, не надоѣдайте вы намъ, ради бога! Я и теперь проигрался оттого, что много раздумывалъ... Тѣмъ хуже! Придется начать съизнова, чтобы поправить дѣло.

До сихъ поръ Саккаръ не поддавался малодушію. Онъ почувствовалъ себя дурно только при имени Фейё, произнесенномъ за его спиной. Этотъ Фейё, получатель рентъ въ Вандомѣ, велъ съ нимъ дѣла, въ качествѣ агента множества мелкихъ акціонеровъ, и его имя напомнило Аристиду о громадной массѣ мелкаго люда, объ этихъ крошечныхъ капиталистахъ, которымъ предстоитъ неминуемо погибнуть подъ развалинами „Всемирнаго“. Вдругъ ему бросился въ глаза Дежуа, помертвѣлый отъ ужаса, еле державшійся на ногахъ. Видъ старика окончательно сразилъ Саккара; въ этомъ бѣднякѣ, стоявшемъ къ нему такъ близко, олицетворялась жалкая участь всѣхъ разоренныхъ имъ скромныхъ тружениковъ, безпомощныхъ и несчастныхъ. Передъ его глазами, точно подъ вліяніемъ галлюцинаціи, явились блѣдныя страдальческія лица графини Бовильеръ и ея дочери, съ отчаяньемъ устремлявшихъ на него глаза, полные слезъ. Тутъ Саккаръ, безжалостный пиратъ съ сердцемъ огрубѣлымъ послѣ двадцатилѣтней разбойничьей дѣятельности, гордившійся тѣмъ,

что никакая опасность не могла сломить его до сихъ поръ, что въ самыя критическія минуты онъ ни разу не присѣлъ на скамью, стоявшую позади него у колонны, — почувствовалъ, какъ подъ нимъ подкашиваются ноги, и почти упалъ на эту скамью. А толпа все рвалась къ нему и напирала, угрожая задуть его. Онъ поднялъ голову, какъ будто ловя струю чистаго воздуха, и вдругъ вскочилъ, узнавъ наверху, на галереѣ телеграфа, перевѣсившуюся черезъ перила Мешень, которая со своей громадной тучной фигурой точно рѣяла въ воздухѣ надъ полемъ битвы. Ея неразлучный спутникъ, старый саквояжъ изъ черной кожи, лежалъ возлѣ, на каменныхъ перилахъ. Въ ожиданіи, пока въ него попадутъ обезцѣненные акціи „Всемирнаго“, она высматривала мертвечину, какъ прожорливый воронъ, слѣдующій за финансовыми арміями до дня побоища.

Послѣ того Саккаръ удалился твердой походкой. Онъ чувствовалъ у себя внутри странную пустоту, но сверхъестественнымъ усиленіемъ воли подвигался впередъ, держась бодро и прямо. Только всѣ его чувства какъ-то притупились: онъ не ощущалъ почвы подъ ногами, точно ступалъ по мягкому мохнатуму ковра; зрѣніе также застилалось у него дымкой, а въ ушахъ звенѣло. Выдя на подъѣздъ биржи и спускаясь по ступенямъ, онъ не узнавалъ больше никого; передъ нимъ вставали какіе-то колеблющіеся призраки, мелькая неуловимыми формами, издавая неясные звуки. Вѣдь, кажется, онъ видѣлъ тутъ широкое скуластое лицо Буша, корчившаго противныя гримасы? Не остановился ли онъ на минуту поговорить съ Натансономъ о томъ, о семъ, и голосъ этого человѣка еще звучалъ такъ тихо, точно доносился издали? А Сабатани и Массіасъ развѣ не провожали его среди всеобщаго негодованія? Онъ помнитъ, будто бы остановился посреди многочисленной группы, гдѣ опять ему подвернулись Можандръ съ Седилемъ и множество другихъ лицъ, которыя ступшевывались и измѣнялись. А когда Саккаръ собирался отъ нихъ удалиться, чтобъ исчезнуть подъ дождемъ, въ жидкой грязи, затопившей Парижъ, онъ повторилъ рѣзкимъ голосомъ этому сборищу призраковъ, желая похвастаться, по крайней мѣрѣ, полнымъ спокойствіемъ духа:

— Ахъ, какъ мнѣ жаль эту камелію, которую забыли у нея убрать со двора, такъ что ее хватило морозомъ!

XI.

Перепуганная Каролина въ тотъ же вечеръ послала дещу брату, намѣревавшемуся прожить въ Римѣ еще недѣлю, Гамлень, три дня спустя, со всей поспѣшностью прибылъ въ Парижъ. Между нимъ и Саккаромъ произошло рѣзкое бъясненіе въ улицѣ Сень-Лазарь, въ той самой залѣ чертесей, гдѣ съ такимъ энтузіазмомъ обсуждалось и было окончательно рѣшено основаніе Всемирнаго Банка. Въ теченіе трехъ послѣднихъ дней положеніе его дѣлъ на биржѣ страшно ухудшилось; акціи быстро упали ниже своей номинальной стоимости и дошли уже до 430 франковъ, а пониженіе все продолжалось; гордое зданіе трещало и рушилось съ каждымъ асомъ.

Каролина присутствовала при этой непріятной сценѣ, не проронивъ ни слова, избѣгая вмѣшиваться въ споръ. Она жестоко раскаивалась, обвиняла себя въ потворствѣ Саккару, потому что, давъ себѣ слово наблюдать за нимъ, допустила такую развязку. Вмѣсто того чтобъ ограничиться одной продажей своихъ акцій съ цѣлью помѣщать повышенію, не слѣдовало ли ей найти иное средство, предупредить свѣдущихъ людей, вообще дѣйствовать рѣшительно? Она невыносимо страдала за брата, за своего обожаемаго Жоржа, компрометированнаго такимъ образомъ, оторваннаго отъ своихъ важныхъ занятій, лишенаго возможности продолжать любимое дѣло, составлявшее мечту его жизни. Ея душевныя муки еще усиливались сознаніемъ, что она едва ли вправѣ судить Саккара. Вѣдь она его любила и была связана съ нимъ тайными узами, которыхъ стыдилась теперь вдвойнѣ. Ея положеніе между двумя близкими людьми было невыносимо тяжело. Вечеромъ послѣ катастрофы она осыпала любовника упреками въ порывѣ благородной искренности; тутъ Каролина высказала все, давно накипѣвшее у нея на сердцѣ, всѣ свои опасенія, всю горечь разбитыхъ надеждъ. Но, встрѣтивъ въ отвѣтъ улыбку и непоколебимую стойкость со стороны Ари-

стида, г-жа Дюрье опомнилась: вѣдь ему надо теперь собрать всю свою силу для борьбы, и она не имѣетъ права добиваться того, кому оказывала раньше столько малодушнаго снисхожденія. Вотъ почему Каролина молчала, оставаясь только съ дѣлательницей спора и выражая свое недовѣріе Саккару однимъ холоднымъ равнодушіемъ.

Но Гамленъ на этотъ разъ измѣнилъ своей обычной уступчивости, проистекавшей отъ того, что онъ не интересовался ничѣмъ, что не имѣло прямого отношенія къ его работѣ. Ученый выходилъ изъ себя, бранилъ биржевую игру, погубившую „Всемирный“, и называлъ ее чистѣйшимъ безуміемъ. Конечно, онъ понималъ, что никакой банкъ не можетъ допустить паденія своихъ бумагъ на биржѣ, какъ бы это сдѣлала железнодорожная компанія: у той есть въ распоряженіи громадный подвижной составъ, приносящій ей доходы, тогда только все имущество банка заключается въ его кредитъ, и онъ удерживаетъ, едва этотъ кредитъ поколеблется. Но во всемъ необходимо соблюдать мѣру. Если оказывалось нужнымъ и даже было бы разумнымъ поддерживать курсъ въ 2,000 франковъ, то было бы уже настоящимъ сумашествіемъ и даже прямо преступленіемъ гнать его къверху, стараться довести до 3,000 и выше. У самаго своего пріѣзда Гамленъ требовалъ, чтобы ему открыли всю правду, безо всякой утайки. Теперь онъ не потерпитъ, чтобы его обманывали, какъ въ то время, когда въ его присутствіи, на послѣднемъ общемъ собраніи, было голословно заявлено, будто бы общество не имѣетъ за собою ни единой акціи. Книжки были на лицо и онъ ясно видѣлъ въ нихъ всѣ недобросовѣстные подтасовки. На первомъ планѣ стоялъ счетъ Сатани; инженеръ зналъ, что общество производило операцію подъ прикрытіемъ этого лица; Гамлену было нетрудно прослѣдить мѣсяць за мѣсяцемъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ, и разставшую лихорадку игры Саккара; сначала она проявлялась робко, акціи скупались осторожно, но потомъ эти покупки стали производиться все на бѣльшія и бѣльшія суммы. Пока, наконецъ, количество скупленныхъ акцій не дошло до громадной цифры въ двадцать семь тысячъ, причѣмъ эти покупки обошлись банку въ сорокъ восемь милліоновъ. Не было это безуміемъ, самымъ возмутительнымъ безразсудствомъ, что Саккаръ какъ будто насмѣхался надъ людьми, прикрывавшимъ его.

я такую массу операцій именовъ какого-то проходимца Сатани! Да къ тому же Сабатани былъ не единственнымъ подвѣннымъ лицомъ, тутъ были и другіе, служащіе въ банкѣ, же сами администраторы, покупки которыхъ на наличныя бѣги, записанныя въ рубрику переносовъ, превышали цифру двадцать тысячъ акцій, стоимостью также приблизительно сорокъ восемь милліоновъ. Но все это были еще покупки малочисленныя, къ которымъ слѣдовало прибавить другія, кратковременныя, произведенныя въ теченіе послѣдней январьской ликвидаци; онѣ составляли болѣе двадцати тысячъ акцій на сумму въ шестьдесятъ семь милліоновъ, которые „Всемирному“ предстояло уплатить, не считая покупокъ на лѣонской биржѣ, гдѣ было приобрѣтено десять тысячъ акцій на двадцать четыре милліона. Такимъ образомъ оказывалось, что общество имѣло въ рукахъ около четверти всего числа выпущенныхъ имъ бумагъ и заплатило за нихъ ужасающую сумму въ двѣсти милліоновъ. Вотъ гдѣ была пропасть, готовая поглотить „Всемирный“!

Слезы гнѣва подступили къ глазамъ Гамлена. А между тѣмъ онъ только что успѣлъ какъ нельзя удачнѣе заложить въ Римѣ фундаментъ крупнаго католическаго банка: „Казны святого Гроба“; съ помощью такого учрежденія, въ предстоящемъ, бѣдственныя для папства, дни было бы легко утвердить плу въ Іерусалимѣ, окруживъ его царской пышностью подвѣнью легендарной славы святыхъ мѣстъ; этотъ банкъ поставилъ бы новое палестинское королевство внѣ всякихъ политическихъ пертурбацій, основавъ его бюджетъ, подъ гарантіей кодовъ страны, на цѣлой серіи выпусковъ, акціи которыхъ собирались бы нарасхватъ христіанами цѣлаго міра! И съ этотъ колоссальный проэктъ рушился разомъ, благодаря упѣйшему увлеченію биржевой игрой. Увѣжая, Гамлень гавилъ дѣла въ блестящемъ положеніи; милліоны въ каскѣ, общество въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, что ему завивала вселенная, и вотъ не прошло мѣсяца, какъ милліоны сгасали, общество разорено дотла, банкъ разсыпался прахомъ. галась одна черная яма, какъ на пожарищѣ. Президентъ, не могъ опомниться; онъ рѣзко требовалъ объясненій, стался понять, какая таинственная сила побудила Саккара съ истеченіемъ разрушать колоссальное зданіе, воздвигнутое

его же руками, разносить его камень за камнемъ, воображая, будто бы онъ достраиваетъ его съ другаго конца.

Саккаръ принялся отвѣчать очень обстоятельно и хладнокровно. Послѣ первыхъ минутъ испуга и подавленности, онъ снова собрался съ духомъ и всталъ на ноги, поддерживаемый своей непоколебимой надеждой. Только подлая измѣна обострила катастрофу, но ничего еще не потеряно, и онъ все поправитъ. Да, наконецъ, развѣ „Всемирный“ не былъ обязанъ своимъ быстрымъ, поразительнымъ процвѣтаніемъ тѣмъ самымъ средствамъ, которыя ставятъ теперь въ вину его директору? Составленіе синдиката, послѣдовательныя увеличенія капитала, послѣдній балансъ послѣдняго періода дѣятельности, акціи, оставленныя за обществомъ, а позднѣе ихъ покупка громадными массами, въ виду грозившей опасности, когда было уже не до расчетовъ благоразумія, — все это обусловливалось необходимостью. Если хочешь успѣха, нужно быть готовымъ и на рискъ. Когда слишкомъ нагрѣются котелъ, онъ можетъ и лопнуть. Вообще, Саккаръ не признавалъ за собой никакой вины; какъ умный человѣкъ, онъ съ бѣльшею смѣлостью дѣлалъ то, что дѣлаетъ каждый директоръ банка. И онъ не высказалъ своей гениальной, гигантской идеи скупить всю сумму акцій „Всемирнаго“ и сломить шею Гундерману. У него не хватало денегъ, вотъ и все. Теперь приходится начинать съизнова. На слѣдующій понедѣльникъ назначено чрезвычайное общее собраніе; Саккаръ былъ вполне увѣренъ въ своихъ акціонерахъ; онъ добьется отъ нихъ необходимыхъ жертвъ и убѣжденъ, что всѣ они по одному его слову принесутъ ему все свое достояніе. А до тѣхъ поръ можно пробавляться небольшими суммами, которыми ссужаютъ „Всемирный“ каждое утро другіе крупные банки на его ежедневныя потребности, изъ боязни слишкомъ быстрого краха, который неминуемо отзовется и на нихъ. Когда же кризисъ минуетъ, то дѣла войдутъ въ обычную колею и снова примутъ блестящій оборотъ.

— Но, — возразилъ Гамлень, отчасти успокоенный безмятежностью улыбавагося Аристида, — не находите ли вы, что эта поддержка соперниковъ представляетъ только новую хитрость съ ихъ стороны? Они, очевидно, держатся благоразумной тактики и сначала хотятъ оградить себя отъ опасности

чтобы тѣмъ вѣрнѣе добить насъ; имъ нужно отсрочить наше паденіе, чтобъ сдѣлать его тѣмъ безнадежнѣе. Признаюсь, меня немало смущаетъ участіе въ этомъ дѣлѣ самого Гундермана.

Дѣйствительно, Гундерманъ однимъ изъ первыхъ предложилъ свои услуги, не желая достигнуть немедленнаго объявленія несостоятельности Всемирнаго; въ данномъ случаѣ онъ еще разъ доказалъ свой необыкновенный практическій смыслъ, какъ человѣкъ, который, собираясь поджечь дворъ сосѣда, въ то же время заготовляетъ воду для тушенія пожара, чтобъ не выгорѣлъ цѣлый кварталъ. Онъ стоялъ выше близорукой мстительности; ему хотѣлось только оставаться первымъ торговцемъ деньгами въ цѣломъ свѣтѣ, самымъ богатымъ, самымъ опытнымъ: недаромъ онъ съумѣлъ подавить въ себѣ всѣ человѣческія страсти, стремясь только къ постоянному приращенію своего капитала.

Саккаръ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ; его страшно бѣсило это новое доказательство благоразумія и проницательности побѣдителя.

— О, Гундерманъ прикидывается великодушнымъ, мечтая dokonать меня своимъ снисхожденіемъ!

Наступила пауза. Наконецъ Каролина, молчавшая до сихъ поръ, вмѣшалась въ разговоръ:

— Другъ мой, я предоставила брату высказать вамъ то, что онъ былъ вправѣ сказать, огорченный всѣмъ случившимся... Но наше личное съ нимъ положеніе кажется мнѣ яснымъ и, повидимому, нельзя ожидать, чтобы неблагопріятный оборотъ дѣлъ Всемирнаго Банка, если ужъ это неизбѣжно, наложилъ бы на насъ пятно, не такъ ли? Вы знаете, по какому курсу я продала акціи; слѣдовательно, никто не посмѣетъ утверждать, что братъ поддерживалъ повышение, желая получить больше барыша отъ сбыта своихъ бумагъ. Кромѣ того, въ случаѣ краха, мы уже рѣшили дѣйствовать по совѣсти... Признаюсь, я не раздѣляю вашей непоколебимой надежды. Вы правы только въ томъ, что надо бороться до конца и Жоржъ не станетъ обезкураживать васъ, будьте увѣрены.

Она говорила съ волненіемъ; въ ея сердцѣ опять проснулось сочувствіе къ этому человѣку съ его упрямой живу-

честью. Впрочемъ, Каролина не хотѣла обнаруживать своей слабости, завѣса навсегда упала съ ея глазъ; при своей прямотѣ она не могла не видѣть всей гнусности поступковъ Саккара, его жадности къ чужому добру, достойной такого разбойника, давно убившаго въ себѣ всякую совѣсть.

— Конечно,—заявилъ въ свою очередь Гамленъ, измученный тяжелой сценой и неспособный къ дальнѣйшему сопротивленію,—я не желаю мѣшать вамъ, когда вы боретесь для нашего общаго спасенія. Разсчитывайте на меня, если я могу въ чемъ нибудь быть вамъ полезнымъ.

И опять въ эту послѣднюю минуту, въ виду самыхъ неутѣшительныхъ обстоятельствъ, Саккаръ счумѣлъ успокоить своихъ друзей, привлечь ихъ на свою сторону. На прощанье онъ сказалъ имъ съ таинственнымъ и многообѣщающимъ видомъ:

— Не тревожьтесь ничѣмъ. Я не могу до поры до времени открыть вамъ всего, но вполне увѣренъ, что пуцу въ ходъ наши дѣла къ концу будущей недѣли.

Эту фразу, не объяснявшую ровно ничего, онъ повторялъ всѣмъ близкимъ знакомымъ, всѣмъ кліентамъ, которые прибѣгали, обезумѣвъ отъ страха, просить у него совѣта. Уже три дня въ его кабинетъ въ Лондонской улицѣ происходило настоящее столпотвореніе. Графини Бовильеръ, супруги Можандръ, Седиль, Дежуа, всѣ перебивали тутъ. Онъ принималъ ихъ спокойный, съ видомъ несокрушимаго воина, и его слова, произносимыя съ дрожью волненія, вливали мужество въ ихъ сердца. Но едва акціонеры заговаривали о продажѣ акцій, о реализаціи въ убытокъ себѣ, Аристидъ сердился и кричалъ, чтобъ они не дѣлали такой глупости, ручаясь честью, что онъ подниметъ курсы до 2,000 и 3,000 франковъ. Не смотря на сдѣланные промахи, всѣ эти люди продолжали слѣпо вѣрить въ него: только бы Саккара не отняли у нихъ, только бы предоставили ему свободу обогатить ихъ еще, и онъ кончитъ тѣмъ, что обогатитъ ихъ всѣхъ, какъ поклялся. Если не случится ничего дурнаго до понедѣльника, если ему не помѣшаютъ созвать чрезвычайное общее собраніе, онъ благополучно вытащитъ „Всемирный“ изъ подъ развалинъ; по крайней мѣрѣ, всѣ были въ томъ убѣждены.

Саккаръ вспомнилъ о Ругонѣ и, говоря намеками о все-

сильной поддержкѣ въ высшихъ сферахъ, подразумѣвалъ именно его. Однако, встрѣтивъ предателя Дегремона и осыпавъ его ѣдкими упреками, банкиръ услышалъ отъ него въ отвѣтъ: „Но, милѣйшій, это не я выдалъ васъ головою, это вашъ братъ!“ Очевидно, счастливый спекуляторъ былъ въ своемъ правѣ: онъ принялъ участіе въ дѣлахъ „Всемирнаго“ только на томъ условіи, что Ругонъ будетъ на ихъ сторонѣ; ему формально обѣщали содѣйствіе Ругона, и нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ пересталъ быть союзникомъ Саккара, убѣдившись, что министръ не только не сочувствуетъ этому предпріятію, но открыто воюетъ со „Всемирнымъ“ и его директоромъ. По крайней мѣрѣ, на такое извиненіе нечего было возразить. Пораженный словами Дегремона, Саккаръ понялъ свой страшный промахъ,—эту ссору съ братомъ, единственнымъ человѣкомъ, который могъ его защитить, сдѣлать настолько неприкосновеннымъ, чтобъ никто не посмѣлъ довести „Всемирный“ до окончательнаго паденія, изъ страха передъ великимъ человѣкомъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ жестокихъ ударовъ для гордости Саккара, который рѣшился наконецъ обратиться къ заступничеству Гюре. Впрочемъ, это не мѣшало ему сохранять угрожающій тонъ; Аристидъ наотрѣзъ отказывался сойти со сцены и требовалъ помощи Ругона, какъ чего-то должнаго, говоря, что тотъ имѣетъ болѣе повода бояться скапдала, чѣмъ онъ. На другой день, вмѣсто ожидаемаго депутата. Саккаръ получилъ отъ него записку, въ которой въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ было сказано, чтобъ онъ терпѣливо ждалъ и рассчитывалъ, хотя и не скоро, на благопріятный исходъ, если обстоятельства сложатся въ его пользу. Банкиръ удовольствовался этими немногими строками, видя въ нихъ залогъ нейтралитета.

На самомъ же дѣлѣ, Ругонъ твердо рѣшился избавиться разъ навсегда отъ этого зараженнаго члена своей семьи, который стѣснялъ его цѣлые годы, держа въ постоянномъ страхѣ новаго позора ихъ имени по поводу какой нибудь грязной исторіи. Было гораздо благоразумнѣе отдѣлаться отъ такого безпокойнаго человѣка. Если его предадутъ суду, министръ не хотѣлъ за него заступаться. Саккаръ никогда не покинетъ Парижа добровольно, такъ пускай же онъ сдѣлаетъ это по необходимости; съ этой цѣлью можно будетъ предоставить

ему возможность побѣга послѣ суроваго судебного приговора. Громкій скандалъ еще не особенная бѣда; по крайней мѣрѣ, соръ будетъ разомъ выметенъ — „дурная трава изъ поля вонь!“ Кроме того, положеніе министра становилось затруднительнымъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ, въ порывѣ пресловутаго краснорѣчія, заявилъ въ законодательномъ корпусѣ, что Франція никогда не допуститъ Италію завладѣть Римомъ. Превозносимый съ того момента католиками, Ругонъ подвергался страшнымъ нападкамъ со стороны средняго сословія, пріобрѣтавшаго въ странѣ все большую и большую власть министръ предвидѣлъ, что не далеко то время, когда его враги, соединившись съ бонапартистами-либералами, подставятъ ему ножку, если онъ не умилостивитъ ихъ какой нибудь подачкой. Чего же лучше? Онъ дастъ имъ на сѣденіе этотъ „Всемирный“, состоящій подъ покровительствомъ Рима и внушавшій серьезныя опасенія своимъ разрастающимся вліяніемъ. Но еще болѣе поддержало Ругона въ его рѣшимости секретное сообщеніе его товарища, министра финансовъ, который, собираясь выпустить новый заемъ, не встрѣтилъ прежней готовности со стороны Гундермана и другихъ крупныхъ банкировъ-евреевъ; они намекнули ему, что не рискнуть своими капиталами, пока рынокъ будетъ представлять для нихъ сомнительную почву, предоставленный произволу авантюристовъ. Гундерманъ торжествовалъ. Нѣтъ, ужъ лучше терпѣть жидовъ, господствующихъ посредствомъ золота, чѣмъ допустить, чтобъ католики-ультрамонтаны захватили власть надъ міромъ, сдѣлавшись царями биржи!

Позднѣе рассказывали, что хранитель печатей, Делькамбръ, заклятой врагъ Саккара, не забывшій извѣстнаго инцидента въ улицѣ Комартенъ, стараясь вывѣдать у Ругона, какъ слѣдуетъ поступить съ его братомъ, въ случаѣ, если дѣло потребуетъ вмѣшательства правосудія, подослалъ къ нему вѣрныхъ людей и тѣ передали слѣдующее восклицаніе министра, вырвавшееся прямо изъ сердца: „Ахъ, пускай Делькамбръ только избавитъ меня отъ Саккара; я скажу ему большое спасибо!“ Такимъ образомъ, покинутый Ругономъ, Аристидъ былъ обреченъ на вѣрную гибель. Делькамбръ, подстерегавшій его съ тѣхъ поръ, какъ получилъ свой важный постъ, держалъ наконецъ врага на поляхъ свода законовъ, готовый

запутать злополучнаго банкира въ обширную сѣть судебного процесса; оставалось только отыскать благовидный предлогъ, чтобы напустить на него жандармовъ и судебныхъ слѣдователей.

Въ одно утро Бушъ, бѣсившійся на себя за бесполезную перочку, явился въ судъ. Ему слѣдовало торопиться, если онъ хотѣлъ вытянуть отъ банкира четыре тысячи, не уплаченныхъ Мешень по знаменитому счету за содержаніе малолѣтняго Виктора. Его планъ заключался въ томъ, чтобы поднять отвратительный скандалъ, обвинивъ Саккара въ насильственномъ отнятіи ребенка у родныхъ, что давало случай предать огласкѣ всѣ грязныя подробности изнасилованія его матери, брошенной затѣмъ на произволъ судьбы своимъ любовникомъ, не хотѣвшимъ знать и своего сына. Подобный процессъ противъ директора Всемирнаго Банка какъ разъ въ то время, когда общество было такъ сильно взволновано кризисомъ, переживаемымъ этимъ банкомъ, навѣрно заставитъ заговорить о себѣ весь Парижъ. Впрочемъ Бушъ еще надѣялся, что Саккаръ заплатитъ при первой угрозѣ. Между тѣмъ членъ суда, которому поручили принять жалобу еврея, родной племянникъ Делькамбра, едва дослушалъ Буша съ явнымъ нетерпѣніемъ и досадою: нѣтъ, нѣтъ! изъ такихъ глупыхъ сплетенъ не можетъ выйти ничего серьезнаго. Подобныя вещи нельзя подвести ни подъ какую статью закона. Раздосадованный Бушъ сталъ кипятиться, толковалъ о своемъ долгомъ снисхожденіи, какъ вдругъ судья рѣзко оборвалъ его, услыхавъ, что онъ довелъ свое простодушіе до того, что помѣстилъ во Всемирный Банкъ на проценты свои деньги. Какъ, у него были фонды въ этомъ учрежденіи, готовомъ лопнуть, а онъ и не думаетъ дѣйствовать! Ничего не можетъ быть проще: ему стоитъ только написать жалобу, обвиняя Саккара въ мошенничествѣ, такъ какъ судъ уже предвѣдомленъ о недобросовѣстныхъ продѣлкахъ директора, слѣдствіемъ которыхъ будетъ неминуемое банкротство. Вотъ чѣмъ можно навѣрняка поразить противника, а не той нелѣпой мелодрамой о какой-то проституткѣ, умершей отъ пьянства, и ребенкѣ, выросшемъ среди разврата. Бушъ слушалъ съ внимательнымъ и серьезнымъ видомъ; его увлекали на новый путь, совѣтовали сдѣлать то, за чѣмъ онъ и не думалъ при-

ходить сюда. Старый сутяга угадывалъ непоправимыя послѣдствія такого шага. Саккаръ будетъ арестованъ, а „Всемирный“ убитъ наповаль. Еслибъ имъ руководила только одна боязнь потерять свои деньги, онъ бы немедленно рѣшился. Всяческіе крахи были ему на руку, давая возможность ловить рыбу въ мутной водѣ. Однако онъ колебался, говорилъ, что подумаетъ, и члену суда пришлось сунуть своему кліенту перо въ руки и заставить его написать жалобу тутъ же у себя въ кабинетѣ, на своемъ письменномъ столѣ, чтобы, отпустивъ просителя, тотчасъ броситься, въ пылу усердія, съ драгоценнымъ документомъ къ своему дядѣ, хранителю печатей. Такимъ образомъ, дѣло было слажено.

На слѣдующее утро, въ помѣщеніи общества, въ Лондонской улицѣ, Саккаръ долго совѣщался съ комиссарами-цензорами и юрисконсултомъ; они вмѣстѣ составляли отчетъ, который Саккаръ хотѣлъ представить общему собранію. Не смотря на суммы, полученныя въ долгъ отъ другихъ банкирскихъ конторъ, „Всемирному“ пришлось прекратить платежи въ виду возраставшихъ требованій. Этотъ банкъ, имѣвшій мѣсяць назадъ около двухсотъ милліоновъ въ своихъ кассахъ, могъ выплатить своимъ перепуганнымъ кліентамъ, потерявшимъ голову, всего нѣсколько сотенъ франковъ. Рѣшеніемъ комерческаго суда онъ былъ объявленъ несостоятельнымъ, вслѣдствіе доклада эксперта, командированнаго наканунѣ для ревизіи конторскихъ книгъ. Однако, не смотря ни на что, Саккаръ, не признававшій отчаяннаго положенія дѣлъ, стоялъ на своемъ; онъ обѣщалъ спасти все, ослѣпленный надеждой и не думая сложить оружія. Какъ разъ въ этотъ день банкиръ ожидалъ отвѣта изъ маклерскаго суда для назначенія зачетнаго курса; вдругъ вошелъ дежурный съ докладомъ, что трое незнакомыхъ господъ ожидаютъ его въ сосѣдней гостинной. Можетъ быть, это и есть ожидаемое спасеніе! Саккаръ бросился туда съ веселымъ видомъ, но наткнулся на полицейскаго комисара съ двумя помощниками, и былъ немедленно арестованъ. Арестъ Саккара былъ произведенъ на основаніи доклада эксперта, нашедшаго неправильности въ бухгалтерской отчетности банка, но главнымъ обвиненіемъ противъ директора явилась жалоба еврея Буша. По заявленію истца, Саккаръ далъ иное назначеніе фондамъ.

переданнымъ ему для помѣщенія на проценты, и потому обвинился въ злоупотребленіи довѣріемъ. Въ тотъ же часъ былъ арестованъ и Гамленъ на своей квартирѣ, въ улицѣ Сень-азарь. Теперь дѣйствительно наступалъ конецъ; ненависть враговъ и всѣ неудачи обрушились на Саккара. Сама судьба была противъ него. Чрезвычайное общее собраніе не могло собраться. „Всемирный“ отжилъ свой вѣкъ.

Каролины не было дома въ моментъ ареста Жоржа, и онъ смѣлъ оставить ей лишь нѣсколько строкъ, написанныхъ вѣжливостью. Вернувшись домой, она была поражена. Ей даже не приходило въ голову, чтобъ Гамленъ могъ подвергнуться уголовной отвѣтственности; по мнѣнію сестры, никто не смѣлъ бы заподозрить его въ соучастіи въ мошенническихъ продѣлкахъ, въ особенности въ виду постоянныхъ и продолжительныхъ сношеній съ дочерью молодого инженера. Едва была объявлена несостоятельность банка, какъ братъ и сестра на другой же день передали конкурсной комисіи весь свой капиталъ, жертвуя въ пользу актива, а между тѣмъ онъ представлялъ весьма значительную цифру, именно около восьми милліоновъ, причѣмъ сюда попали и триста тысячъ франковъ, полученные Гамленомъ и г-жой Дюрье въ наслѣдство отъ тетки. Но они хотѣли вынести съ себя всякій упрекъ въ корыстолюбіи и выйти изъ неудачной аферы такими же неимущими, какими были и до своего участія въ ней. Каролина тотчасъ бросилась хлопотать за арестованномъ братѣ, подавала просьбы, наводила справки; она жила только этимъ, стараясь облегчить участь своего бѣднаго Жоржа и подготовить защиту; не смотря на все жестокое, г-жа Дюрье горько рыдала, представляя себѣ этого виновнаго человѣка за тюремной рѣшеткой, забрызганнаго грязью громкаго скандала, съ разбитой жизнью, съ навсегда испятнанной репутаціей. За что обрушилась эта жестокая кара на него, такого кроткаго, уступчиваго, дѣтски набожнаго и не свѣдущаго ни въ чемъ, кромѣ своихъ техническихъ работъ, „большаго дурня“, какъ отзывалась о немъ сестра! Сначала гнѣвъ ея обрушился на Саккара, единственнаго виновника несчастья, который погубилъ ихъ вмѣстѣ съ собою. Каролина этого не разбирала и судила его недостойные поступки съ самаго возникновенія банка, — когда Саккаръ такъ весело подшучивалъ надъ тѣмъ, что она углублялась въ сводъ законовъ — до послѣд-

ихъ дней горькой расплаты за всѣ отступленія отъ правилъ которыя хотя не ускользнули отъ ея женской пронипательности, но все таки были допущены ея потворствомъ. Потому по мѣрѣ того какъ совѣсть не давала ей покою, г-жа Дюрь мучимая раскаяніемъ, перестала говорить о Саккарѣ, избѣгая даже вспоминать о немъ, и рѣшилась дѣйствовать такъ, будто бы онъ совсѣмъ не существовалъ для нея. Если ей приходилось произносить его имя, она отзывалась о любовникѣ, какъ о постороннемъ, какъ о противной партіи, интересы которой стояли въ разрѣзъ съ ея собственными. Приходя почти ежедневно къ своему брату въ Консьержери, Каролин даже не просила разрѣшенія видѣться съ Саккаромъ. И держала она себя замѣчательно твердо, продолжая жить в своей старой квартирѣ и принимая всѣхъ, кто желалъ ее видѣть, хотя многіе посѣтители говорили ей подчасъ обидныя вещи. Такимъ образомъ, сестра Жоржа Гамлена совершенно обратилась въ дѣловую женщину, рѣшившись, насколько возможно, оградить отъ нареканій его и себя, спасти ихъ обоюдное счастье.

Въ долгіе дни, которые она проводила теперь одна наверху въ кабинетѣ съ чертежами, гдѣ было пережито ею столько пріятныхъ часовъ труда и надежды, Каролину особенно мучилъ видъ сосѣдняго дома. Она не могла безъ боли въ сердцѣ взглянуть на старинный отель, гдѣ за окномъ тѣсной комнаты рисовались блѣдные профили графини Бовильеръ и ея дочери. Наступилъ февраль, и въ тихую весеннюю погоду онѣ нерѣдко спускались въ садъ и бродили тамъ медленными шагами понуривъ голову: по заросшимъ мохомъ аллеямъ, опустошеннымъ зимними вьюгами. Крахъ Всемирнаго Банка отозвался слишкомъ тяжело на существованіи этихъ бѣдныхъ женщинъ. Двѣ недѣли назадъ онѣ имѣли милліонъ восемьсотъ тысячъ франковъ капитала, заключавшагося въ принадлежащихъ имъ шестистахъ акціяхъ; теперь же онѣ могли выручить изъ нихъ всего восемнадцать тысячъ, съ тѣхъ поръ какъ цѣна бумагъ упала съ трехъ тысячъ до тридцати франковъ. Все ихъ состояніе растаяло разомъ, точно разнеслось по вѣтру двадцать тысячъ приданого Алисы, скопленные съ такимъ трудомъ графиней; семьдесятъ тысячъ, занятые сначала под залогъ фермы Облэ, а затѣмъ и это послѣднее имѣніе, при

данное за двѣсти сорокъ тысячъ франковъ, тогда какъ оно стоило четыреста тысячъ. Что будетъ теперь съ ними, когда одни проценты за обремененный долгами отель съѣдали по восьми тысячъ франковъ въ годъ, а содержаніе дома обходилось по меньшей мѣрѣ въ семь тысячъ, не смотря на всю скарденность и чудеса экономіи, совершаемыя графиней ради соблюденія приличій и поддержки своего высокаго званія? Даже продавъ свои акціи, какъ онѣ стануть жить съ этихъ поръ, какъ покроютъ всѣ нужды, имѣя за душой всего только восемнадцать тысячъ франковъ, жалкія крохи, уцѣлѣвшія послѣ катастрофы?

Выходъ изъ критическаго положенія былъ одинъ, но старая графиня не смѣла пока объ немъ и подумать: имъ оставалось, за невозможностью дальнѣйшей уплаты процентовъ, предоставить отель кредиторамъ, а самимъ переѣхать въ скромную квартиру, чтобы доживать свой вѣкъ вдаль отъ свѣта, въ полной безвѣстности, пока хватитъ денегъ на хлѣбъ насущный. Это было все таки лучше, чѣмъ дожидаться, пока ихъ выселятъ, а старое гнѣздо пойдетъ съ молотка. Но графиня еще не сдавалась; покинуть свое пепелище значило для нея оторваться ото всего, составлявшаго основу ея существованія; это была та же смерть, конечная гибель славнаго рода, традиціи котораго она въ теченіе долгихъ лѣтъ поддерживала своими дрожащими руками съ такимъ героическимъ упорствомъ. Потомки гордыхъ графовъ Бовильеръ въ наемной квартирѣ, лишеныя крова предковъ, живущіе у чужихъ людей, въ явной для всѣхъ нищетѣ, какъ побѣжденные! Какъ тутъ не умереть со стыда? И она продолжала бороться. Однажды утромъ Каролина увидала, что обѣ дамы стирали бѣлье въ сарайчикѣ, выходившемъ въ садъ. Старая кухарка едва таскала ноги и не могла помочь имъ; прошлой зимой она простудилась и хозяйки ухаживали за ней; ея мужъ также одряхлѣлъ; старикъ исполнялъ за разъ должность привратника, кучера и лакея; теперь онъ съ трудомъ успѣвалъ подметать комнаты въ домѣ и ходить за древней ключей, которая спотыкалась отъ старости на каждомъ шагу, какъ и онъ самъ. Графинѣ съ дочерью по неволѣ пришлось взяться за хозяйство; Алиса частенько бросала свои акварели, чтобы готовить жидкіе супы, которыми кое-какъ питались эти четверо

людей, а мать обметала мебель, починивала платье и обувь, говоря въ утѣшеніе себѣ, что съ тѣхъ поръ, какъ она сама занималась этимъ дѣломъ, у нихъ выходитъ меньше денегъ на метелки, швейныя иглы и нитки. Но когда неожиданно являлись гости, надо было видѣть, какая поднималась суматоха; дамы бросались со всѣхъ ногъ изъ кухни въ комнату, скидывали передники, наскоро умывались и выходили въ парадную гостинную настоящими аристократками съ бѣлыми, выхоленными руками, какъ будто не знавшими никакой работы. Во время выѣздовъ все пока обстояло благополучно, честь дома была соблюдена: купѣ появлялось на улицѣ, прилично запряженное, и графиня съ дочерью, какъ ни въ чемъ не бывало, ѣздили съ визитами или на прогулку; на званыхъ обѣдахъ, по два раза въ мѣсяцъ, собирались обычные зимніе посѣтители, причѣмъ не было убавлено ни одного блюда за столомъ, ни одной свѣчи въ канделябрахъ. Только одна Каролина могла видѣть сверху изъ своихъ оконъ, какими жестокими лишеніями оплачивался этотъ декорумъ, эта обманчивая показная сторона давно исчезнувшаго богатства. Заглянувъ въ глубину сыраго колодца, называвшагося садомъ и задвѣленного сосѣдними домами, г-жа Дюрбе замѣчала, въ какой смертельной тоскѣ бродили несчастныя графини подъ зеленоватыми остовами вѣковыхъ деревьевъ, и ею овладѣвала глубокая жалость, жгучее раскаяніе, точно ихъ горькая нищета ложилась тяжелымъ камнемъ на ея совѣсть, какъ невольной сообщницы Саккара.

Но въ одно утро Каролинѣ пришлось пережить еще болѣе чувствительное огорченіе. Ей доложили о приходѣ Дежуа, и она рѣшилась его принять.

— Ну, что, мой бѣдный Дежуа...

Тутъ она запнулась, испуганная блѣдностью бывшаго служителя. Глаза у него были точно мертвые, лицо убитое, и этотъ высокій человѣкъ съ солдатской выправкой сдѣлался какъ будто гораздо ниже, сторбившись и опустившись.

— Послушайте! Не надо падать духомъ; я еще надѣюсь, что ваши деньги не потеряны!

Тогда онъ заговорилъ медленнымъ тономъ:

— О, сударыня, не въ томъ дѣло... Конечно, въ первую минуту ударъ былъ тяжелъ: вѣдь я привыкъ думать, что мы

богаты. Голова у человѣка идетъ кругомъ, точно у пьянаго, когда онъ выигрываетъ... Боже мой! Я ужь рѣшилъ снова приняться за работу и трудился бы изо всѣхъ силъ, пока не навертелъ потеряннаго... Только .. вы не знаете...

Крупныя слезы потекли у него по щекамъ.

— Вы не знаете... Вѣдь она сбѣжала...

— Какъ, кто сбѣжалъ?—спросила удивленная Каролина.

— Натали, моя дочка... Свадьба ея разстроилась; она вышла изъ себя, когда отецъ Теодора пришелъ къ намъ сказать, что его сыну надоѣло дожидаться такъ долго и теперь онъ женится на дочери лавочницы съ приданымъ около восьми тысячъ франковъ. Разумѣется, я понимаю, что Натали разсердилась: не легко остаться безъ гроша и засѣсть въ старыхъ дѣвахъ!.. Но я-то ее такъ любилъ! Еще прошлой зимою я вставалъ по ночамъ, чтобы поправлять на ней одѣяло. Я отказывался отъ табаку, чтобъ она могла носить модныя шляпки; я былъ для нея настоящей матерью, растилъ свою дѣвочку и ею одной только дышалъ, любовался, какъ игрушкой, въ нашей маленькой квартиркѣ.

Слезы душили старика; изъ груди у него вырвалось рыданіе.

— Да, виновато во всемъ мое дурацкое самолюбіе... Продай я свои восемь акцій, когда можно было выручить за нихъ шесть тысячъ франковъ на приданое дочери, она была бы теперь замужемъ. Но только—не правда ли?—вѣдь бумаги все поднимались въ цѣнѣ и я сталъ думать о себѣ. Сначала мнѣ хотѣлось имѣть шестьсотъ, потомъ восемьсотъ, а наконецъ и тысячу франковъ ренты; тѣмъ болѣе, что эти деньги достались бы впоследствии Натали... Не могу равнодушно вспомнить, что было время, когда, при курсѣ въ три тысячи, я имѣлъ въ рукахъ капиталъ въ двадцать четыре тысячи франковъ, котораго мнѣ хватило бы и на приданое дочери, и на ренту въ девятсотъ франковъ для себя!—Такъ вѣдь нѣтъ! Мнѣ хотѣлось цѣлую тысячу! Ну, не глупо ли это? А теперь мои акціи не стодятъ и двухсотъ франковъ... Ахъ, во всемъ виноватъ я самъ; лучше было бы мнѣ взять да утопиться!

Каролина, взволнованная его горемъ, дала ему время облегчить себя слезами и сѣтованіями. Однако ей хотѣлось разспросить его подробнѣе.

— Но какими же судьбами, мой добрый Дежуа, произошло это бѣгство?

Онъ замылся и слабая краска проступила на его сѣрвато-блѣдномъ лицѣ.

— Да, она ушла, исчезла, вотъ уже три дня... Съ ней познакомился одинъ господинъ, жившій напротивъ, о, вполне порядочный господинъ, лѣтъ, эдакъ, сорока... Ну, она и... убѣжала...

Пока старикъ приводилъ подробности, путаясь въ словахъ и сбиваясь, Каролина вспоминала тоненькую, бѣлокурую Натали, съ ея хрупкой предестыю красотки парижской мостовой. Въ особенности ей представлялись эти большіе глаза съ ихъ спокойнымъ, холоднымъ взглядомъ, въ которыхъ такъ прозрачно сквозилъ эгоизмъ. Она позволяла отцу обожать себя, какъ безпечный, заласканный кумирь, и оставалась цѣломудренной по расчету, неспособная къ глупому паденію, пока у нея оставалась надежда на приданое, на замужство, на хозяйское мѣсто за конторкой собственнаго магазинчика, гдѣ она царила бы полновластной повелительницей. Но жить безъ гроша, въ черномъ тѣлѣ, со своимъ добрякомъ-отцомъ, которому снова надо взяться за работу, о, нѣтъ! Ей ужъ надоѣло это вовсе неинтересное существованіе, да притомъ же безо всякой надежды на чтонибудь лучшее. И Натали на все махнула рукой; хладнокровно натянувъ ботинки и надѣвъ шляпу, она преспокойно ушла въ другое мѣсто искать счастья.

— Боже мой! — продолжалъ бормотать Дежуа, — разумѣется, дѣвчкѣ не было у меня никакого веселья; это совершенная правда, а прѣ хорошенькомъ личикѣ очень обидно, когда молодость пропадаетъ задаромъ въ бѣдности и скукѣ... Но все же съ ея стороны это было безжалостно. Подумайте: уйти, не простившись со мною, не написавъ ни строки! Хоть бы пообщалась навѣстить меня когданибудь... Нѣтъ, она просто заперла за собою дверь — и кончено. Взгляните: у меня трясутся руки, я самъ не свой, я точно одурѣлъ... И ничего не могу съ собой подѣлать: каждую минуту ищу ее у себя; мнѣ все кажется, будто она еще тутъ. Послѣ столькихъ лѣтъ, Боже мой!.. Возможно ли, чтобъ я лишился ея на вѣкъ, чтобъ никогда больше мое милое дитя не вернулось домой!

Онъ пересталъ плакать и его растерянный убитый видъ

производилъ такое тяжелое впечатлѣніе, что Каролина схватила его руки и только повторяла, не находя другаго утѣшенія:

— Мой бѣдный Дежуа, мой бѣдный Дежуа...

Потомъ, желая отвлечь въ другую сторону его мысли, она заговорила о крахѣ „Всемирнаго“. Г-жа Дюрье бранила себя, что позволила ему взять тѣ акціи, и строго осуждала Саккара, не называя его. Но старикъ тотчасъ вострепнулся. Заразившись азартомъ биржевой игры, онъ еще не выльчился отъ этого недуга.

— Ахъ, г-нъ Саккаръ!.. Онъ былъ совершенно правъ, отговаривая меня продавать бумаги. Дѣло шло великолѣпно и мы съѣли бы ихъ всѣхъ, еслибъ эти подлецы не продали насъ... Ахъ, сударыня, еслибъ г-нъ Саккаръ былъ на свободѣ, все пошло бы по другому. Насъ дорѣзали тѣмъ, что посадили его въ тюрьму. Только онъ одинъ и могъ спасти наши деньги... Вѣдь я сказалъ слѣдственному судѣ: милостивый государь, возвратите его намъ и я опять довѣрю ему свое состояніе, свою жизнь, потому что—изволите видѣть — этотъ человѣкъ все равно, что богъ! Онъ сдѣлаетъ все, что захочетъ.

Каролина смотрѣла на него, сбитаая съ толку. Какъ, ни одного слова негодованія, ни одного упрека? Вотъ примѣръ самой пламенной, непоколебимой вѣры. Удивительно, чѣмъ дѣйствовалъ Саккаръ на толпу, что сумѣлъ выдресировать ее и подчинить такому яру безусловнаго довѣрія?

— Вообще, сударыня, я пришелъ, чтобы высказать только это; извините, что я заговорилъ о своемъ собственномъ горѣ; право, у меня голова что-то не въ порядкѣ. Когда вы увидите г-на Саккара, передайте ему, что мы всѣ за него.

Старикъ ушелъ нетвердой походкой и, оставшись одна, г-жа Дюрье на минуту почувствовала отвращеніе къ жизни. Этотъ несчастный растерзалъ ей сердце своимъ видомъ, а противъ того, котораго Каролина не хотѣла называть по имени, ея гнѣвъ закипѣлъ съ удвоенной силой. Но тутъ подоспѣли другіе посѣтители; въ это утро она едва успѣвала принимать ихъ.

Въ числѣ прочихъ явились и молодые Иорданы; встрѣча съ ними опять взволновала г-жу Дюрье. Поль и Марсель пришли вмѣстѣ, въ качествѣ примѣрныхъ супруговъ, не пред-

принимавшихъ ничего важнаго въ одиночку. Они хотѣли освѣдомиться, не могутъ ли родители г-жи Иорданъ, старики Можандры, извлечь какую нибудь пользу изъ своихъ акцій „Всемирнаго“. Съ этой стороны несчастье было также неправимо. До обоихъ страшныхъ сраженій на двухъ послѣднихъ ликвидаціяхъ, бывшій фабрикантъ парусины имѣлъ у себя уже семьдесятъ пять акцій, стоившихъ ему около восьмидесяти тысячъ франковъ: великолѣпная афера, потому что одинъ моментъ при трехтысячномъ курсѣ эти бумаги представляли стоимость въ двѣсти двадцать пять тысячъ. Но дѣло въ томъ, что, придя въ азартъ, Можандръ сталъ играть безъ обезпеченія, твердо вѣруя въ гений Саккара и продолжая покупать; такимъ образомъ, ему пришлось понести страшные убытки при ликвидаціи, унесшіе остатки его состоянія, которое давало пятнадцать тысячъ годоваго дохода, заработанныхъ упорнымъ трудомъ въ теченіе тридцати лѣтъ. У старика не осталось ничего, и едва ли онъ расквітается на чистоту съ долгами, даже продавъ свой маленькій отель въ улицѣ Лежандръ, предметъ его наивной гордости. И въ этомъ разореніи жена была несомнѣнно виновнѣ мужа.

— Ахъ, сударыня,—говорила Марсель, причемъ ея миловидное лицо сохранило свѣжесть и веселый видъ даже среди такихъ плачевныхъ обстоятельствъ,—вы не можете себя представить, до чего перемѣнилась моя мать. Прежде она была такая осмотрительная, экономная; кухарки боялись ея, какъ огня; она вѣчно наблюдала за ними, строго провѣряя счета, а тутъ съ ея языка только и сыпались цифры въ сотни тысячъ франковъ. Это она подстрекала папа. О, повѣрьте, онъ не сталъ бы такъ безумно рисковать и послушался совѣта дяди Шава, еслибъ она не вскружила ему головы. Мама мечтала нажать непременно цѣлый милліонъ... Сначала они увлеклись статьями въ финансовыхъ листкахъ; папа пристрастился къ биржѣ первый, но втихомолку отъ мамы; она же всегда была страшно вооружена противъ спекуляціи, какъ домовитая хозяйка, а тутъ вдругъ на нее точно что нашло. Послѣ того, имъ обоимъ не стало удержу, и въ короткое время все состояніе стариковъ сгорѣло дотла. Надо только удивляться, до какой степени жадность къ легкой наживѣ извращаетъ порядочныхъ людей!

Иорданъ, вспомнивъ забавную фигуру дяди Шава, упомянутого женой, также вмѣшался въ разговоръ:

— Ахъ, еслибъ вы видѣли невозмутимость дядюшки посредѣ столькихъ катастрофъ! Онъ предрекъ несчастье и теперь торжествовалъ, затаенный въ свой волосяной воротникъ... Онъ не пропустилъ ни одного дня, чтобъ не побывать на биржѣ, не прекращалъ своей грошовой игры на чистыя деньги и былъ совершенно доволенъ, каждый вечеръ унося въ карманъ монету въ пятнадцать или двадцать франковъ, какъ добросовѣстный чиновникъ, честно потрудившійся за день. Вокругъ него со всѣхъ сторонъ сыпались милліоны; составлялись и рушились гигантскія состоянія въ продолженіе какихъ нибудь двухъ часовъ; золотой дождь лился, какъ изъ ведра, а капитанъ, не увлекаясь горячкой, продолжалъ накапливать скромныя деньжонки, довольствуясь крохотнымъ выигрышемъ для своихъ мелкихъ грѣшковъ и страстишекъ.

Этотъ добродушный намекъ на извѣстную слабость стараго селадона окончательно размѣшилъ обѣихъ дамъ. Но печальное событіе снова отуманило ихъ лица.

— Къ сожалѣнію, — начала Каролина, — вашимъ родителямъ едва ли удастся извлечь что нибудь изъ своихъ акцій. Кажется, тутъ все пошло прахомъ. Бумаги упали до тридцати франковъ; скоро онѣ спустятся до двадцати франковъ, а тамъ и до ста су. Боже мой! Чтò будетъ съ этими почтенными людьми, привыкшими къ довольству? куда они теперь дѣнутся?

— Ну, вотъ! — простосердечно возразилъ Иорданъ, — хоть мы еще не особенно богаты, но дѣла у насъ начинаютъ поправляться и мы не оставимъ стариковъ на улицѣ.

Дѣйствительно, судьба улыбнулась молодому писателю. Послѣ столькихъ лѣтъ неблагодарнаго труда, его романъ, напечатанный сначала въ журналѣ, а затѣмъ выпущенный отдѣльнымъ изданіемъ, неожиданно произвелъ большой фуроръ. Иорданъ получилъ нѣсколько тысячъ франковъ гонорара и съ тѣхъ поръ передъ нимъ открылась выгодная литературная карьера. Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ приняться за работу, чтобы пріобрѣсти славу и состояніе.

— Если намъ будетъ неудобно взять родителей къ себѣ,

мы наймемъ для нихъ отдѣльную квартиру. Всегда можно какъ нибудь извернуться, чортъ побери!

Марсель, смотрѣвшая на мужа съ нѣжнымъ и растеряннымъ взглядомъ, слегка задрожала:

— О, Поль, Поль, до чего ты добръ!

И она принялась рыдать.

— Успокойтесь, дитя мое,—повторяла испуганная Каролина.— Не надо такъ сильно огорчаться.

— Нѣтъ, оставьте меня, я плачу не отъ горя... Но, право, это все выходитъ такъ глупо! Когда я выходила за Поля, развѣ отцу съ матерью не слѣдовало наградить меня приданымъ, скажите, ради бога? Они къ тому же постоянно толковали объ этомъ заранѣе! Между тѣмъ, подъ предлогомъ, что у моего жениха нѣтъ за душой ни одного су, а я дѣлаю глупость, оставаясь вѣрной данному слову, они не дали мнѣ ни сантима. И вотъ что же вышло? Какъ они разбогатѣли со своей скаредностью! Теперь, по крайней мѣрѣ, хотя бы мое приданое уцѣлѣло и не было съѣдено биржей.

Каролина съ Юрданомъ невольно размѣялись. Однако ихъ смѣхъ не утѣшилъ Марсели; она заплакала сильнѣе.

— Это еще не все,—продолжала молодая женщина.— Когда Поль былъ бѣденъ, я лелѣяла дорогую мечту. Да, я воображала себя принцессой изъ волшебной сказки, мечтаю со временемъ принести много, много денегъ моему дорогому принцу, чтобы помочь ему сдѣлаться великимъ поэтомъ. И вотъ теперь онъ не нуждается больше въ моей помощи, я оказываюсь для него бесполезной обузой, да и моя семья въ придачу будетъ у него на шеѣ! На его долю падетъ весь трудъ, всѣ расходы. Ахъ, сердце у меня разрывается отъ боли при одной мысли о томъ.

Молодой человекъ порывисто схватилъ ее въ объятія.

— Что ты тутъ болтаешь намъ, дурочка? Развѣ женщина должна приносить мужчинѣ какія нибудь матерьяльныя блага? Довольно того, что ты принесла мнѣ саму себя: твою молодость, любовь, твою неистощимую веселость. Да ни одна принцесса въ мѣръ не можетъ принести больше этого!

Марсель тотчасъ успокоилась, счастливая такимъ проявленіемъ горячей любви, и перестала плакать, смѣясь надъ своимъ малодушіемъ.

— Если твои родители пожелаютъ,—продолжалъ между тѣмъ мужъ,—мы устроимъ ихъ въ Клиши, гдѣ я видѣлъ прехорошенькія недорогія квартирки въ нижнемъ этажѣ и съ отдѣльнымъ садомъ. У насъ, въ нашей норѣ, заставленной знаменитой мебелью, хотя и очень мило, но тѣсно, тѣмъ болѣе, что въ скоромъ времени понадобится еще лишнее мѣсто.

Снова улыбувшись, онъ обернулся къ Каролинѣ, растроганной этой семейной сценой, и добавилъ:

— Какъ же, насъ скоро будетъ трое! Теперь можно въ этомъ признаться, когда и я сталъ не хуже людей, получивъ возможность содержать семью. Вотъ еще новый подарокъ отъ жены, не такъ ли, сударыня? А она между тѣмъ убивается, что отъ нея нѣтъ никакого проку!

Г-жа Дюрье, вѣчно горевавшая о томъ, что осталась бездѣтной, взглянула на слегка зардѣвшуюся Марсель; до сихъ поръ она не замѣчала ея потолстѣвшей таліи. Тутъ настала очередь Каролины прослезиться.

— Ахъ, мои дорогія дѣти! Любите другъ друга, вы здѣсь единственныя благоразумныя и счастливыя существа.

Прежде чѣмъ уйти, Джорданъ заговорилъ о газетѣ „Еспérance“. Остроумно и со свойственнымъ ему отвращеніемъ къ аферамъ подшучивалъ онъ надъ редакціей листка, называя ее вертепомъ спекуляціи. Дѣйствительно, весь служебный персоналъ здѣсь спекулировалъ, начиная съ директора и кончая сторожемъ, кромѣ одного Джордана, который и былъ за это на дурномъ счету у всѣхъ, изнемогая подъ гнетомъ всеобщаго остракизма. Подрывъ „Всемирнаго“, а въ особенности арестъ Саккара убили наповалъ газету. Постоянные сотрудники, завѣдывавшіе особыми отдѣлами въ журналѣ, конечно, разбѣжались, исключая въ конецъ промотавшагося Жантру; журналистъ-забудыга цѣплялся за этотъ послѣдній обломокъ разбитаго судна, чтобы кое-какъ перебиваться еще остатками послѣ крушенія. Отставной педагогъ былъ совсѣмъ пропащій человекъ; три года матерьяльнаго довольства доконали его среди чудовищнаго злоупотребленія всѣмъ, что покупается на деньги. Такъ гибнуть изголодавшіеся люди, съ жадностью набрасываясь на пищу. Но курьезнѣе всего было окончательное паденіе баронессы Сандорфъ—что, впрочемъ, являлось вполне логичнымъ:—она угодила въ объятія этого человека, въ

сумятицѣ катастрофы, взбѣшенная неудачей и желая вернуть потерянные деньги.

При имени баронессы, Каролина слегка поблѣднѣла, между тѣмъ какъ Иорданъ, не подозрѣвавшій соперничества между этими двумя женщинами, дополнялъ нарисованную имъ картину.

— Не знаю, зачѣмъ она ему отдалась. Можетъ быть, она надѣялась получить отъ него полезныя указанія, благодаря его связямъ въ прессѣ. Или, пожалуй, гордая аристократка спустилась до него просто по законамъ паденія, которые заставляютъ человѣка катиться все ниже и ниже. Въ страсти къ игрѣ есть особое разлагающее начало; я часто наблюдалъ, какъ оно точитъ и гноитъ все, къ чему прикоснется, какъ оно обращаетъ въ жалкое отребье человѣчества, въ негодный соръ, выметенный въ канаву, существа высшей расы, самыя благовоспитанныя и утонченныя. Во всякомъ случаѣ, если этотъ проходимецъ Жантру не забылъ пинковъ ногою, которыми, говорятъ, угощалъ его покойный Ладрикуръ, отецъ баронессы, когда онъ приходилъ выпрашивать заказовъ, то долженъ считать себя теперь вполне отомщеннымъ. По крайней мѣрѣ, забѣжавъ однажды въ редакцію въ смутной надеждѣ получить тамъ свой гонораръ, я нарвался на неожиданную сцену, слишкомъ торопливо толкнувъ дверь редакторскаго кабинета. Между любовниками шла страшная ругань, и Жантру на моихъ глазахъ такъ и хлесталъ по щекамъ баронессу... Свѣтская женщина, принимающая побои отъ пьянаго развратника, который колотитъ ее, какъ извозчикъ!

Каролина остановила Иордана умоляющимъ жестомъ; на лицѣ у нея отразилось страданіе, какъ будто брызги этой грязи долетали и до нея.

Собираясь уходить, Марсель ласково взяла ее за руку.

— Не подумайте, дорогая, что мы пришли вамъ надѣвать. Мой мужъ, напротивъ, ужасно стоитъ за г-на Саккара.

— Ну, конечно!—вскричалъ тотъ.—Г-нъ Саккаръ всегда былъ чрезвычайно добръ ко мнѣ. Я никогда не забуду, какъ онъ избавилъ насъ отъ преслѣдованій негодяя Буша. Да и во всякомъ случаѣ это умнѣйшій человѣкъ... Когда вы увидите его, сударыня, передайте ему, что маленькая супруже-

ская чета, — какъ онъ всегда насъ называлъ, — питаетъ къ нему живѣйшую признательность.

По уходѣ гостей, у г-жи Дюрье вырвался гнѣвный жестъ. Признательность! Да за что же это? За разореніе Можандровъ? Иорданы, какъ и Дежуа, ушли съ извиненіями и дружескими привѣтствіями Саккару. А, между тѣмъ, вѣдь это люди понимающіе. Мужъ, человекъ образованный, писатель, не смотря на близость къ финансовому міру, сохранилъ свое благородное презрѣніе къ деньгамъ. Душа Каролины возмущалась все болѣе и болѣе. Нѣтъ, Саккаръ не заслуживаетъ прощенія; онъ погрязъ слишкомъ глубоко. Пощечина Жантру баронессѣ еще не служила достаточнымъ отмщеніемъ за нее. Это Саккаръ повсюду внесъ заразу. Въ тотъ день Каролина должна была отправиться къ Мазо за нѣкоторыми документами, которые она хотѣла приобщить къ дѣлу Гамлена. Ей также нужно было узнать, чтò онъ будетъ говорить, если защитникъ вызоветъ его въ качествѣ свидѣтеля. Но видѣться съ маклеромъ она могла не раньше четырехъ часовъ, послѣ биржи, а потому, отдѣлавшись наконецъ отъ другихъ посѣтителей, г-жа Дюрье провела болѣе полутора часа за приведеніемъ въ порядокъ уже добытыхъ ею справокъ. Теперь она начинала разбираться понемногу въ грудѣ развалинъ Всемирнаго Банка. Такъ, послѣ пожара, когда дымъ разсѣется и тлѣющія головни угаснутъ, люди начинаютъ раскапывать остатки строенія въ надеждѣ найти расплавленное золото своихъ сгорѣвшихъ драгоценностей. Сначала Каролина спрашивала себя, куда могли дѣваться деньги. Крахъ поглотилъ двѣсти милліоновъ франковъ. Значитъ, если одни карманы опустѣли, то другіе наполнились. Однако, было очевидно, что понижатели не захватили всей суммы; добрая треть ушла, неизвѣстно куда. На биржѣ, въ дни катастрофъ, какъ будто самая почва поглощаетъ деньги; онѣ теряются, прилипаютъ понемногу ко всѣмъ пальцамъ. Одному Гундерману досталось милліоновъ пятьдесятъ, затѣмъ на долю Дегремона пришлось отъ двѣнадцати до пятнадцати. Маркизу де-Богенъ опять удался его классическій маневръ: у Мазо онъ игралъ на повышение и отказался заплатить убытки, а у Жакоби получилъ около двухъ милліоновъ, держась пониженія; только на этотъ разъ Мазо, обезумѣвъ отъ понесенныхъ потерь, собирался подать на него

въ судъ, хотя и зналъ, что этотъ вельможа перевелъ всю свою движимую собственность на имя жены, какъ простой мошенникъ. Вообще всѣ администраторы „Всемирнаго“ отхватили себѣ по жирному куску; одни изъ нихъ, какъ на примѣръ, Гюре съ Кольбомъ, сбывли свои бумаги по высокому курсу до краха; другіе же, какъ Дегремонъ и маркизъ, самымъ предательскимъ образомъ перешли на сторону враговъ; сверхъ того, на одномъ изъ послѣднихъ собраній, когда банку приходилось уже плохо, административный совѣтъ потребовалъ для каждаго изъ своихъ членовъ по сту тысячъ франковъ слишкомъ, въ видѣ займа. Наконецъ, у корзины, Деларокъ и Жакоби, игравшіе за себя, остались, по слухамъ, въ громадномъ выигрышѣ; однако онъ не пошелъ въ прокъ ни тому, ни другому; первый проматывалъ всѣ деньги на женщинъ, второй на игру. Толковали также, будто бы Натансонъ становился однимъ изъ царьковъ кулисы, положивъ въ карманъ три милліона, реализованныхъ, благодаря игрѣ на пониженіе за себя, въ то время, когда онъ велъ игру на повышеніе за Саккара. Онъ неминуемо долженъ былъ прогорѣть, накупивъ акцій на страшныя суммы для „Всемирнаго“, между тѣмъ на счастье Натансона этотъ долгъ всей кулисы былъ по неволѣ похеренъ за несостоятельностью банка. Дѣйствительно, ловкимъ дѣльцомъ оказался этотъ маленькій Натансонъ, и во всемъ ему была удача! Его забавное приключеніе вызывало у всѣхъ улыбку: какъ пріятно оставить у себя барыши и не платить убытковъ.

Но цифры оставались все таки туманными; Каролинѣ никакъ не удавалось опредѣлить, сколько кто выигралъ, потому что операціи на биржѣ производятся въ строжайшей тайнѣ и маклеры строго хранятъ профессиональный секретъ. Его нельзя разоблачить, даже просматривая записныя книжки, такъ какъ фамиліи туда не вносятся. Между прочимъ, г-жа Дюрье напрасно старалась узнать сумму, которую навѣрно увезъ съ собою Сабатани, исчезнувшій по окончаніи послѣдней ликвидаціи. Его побѣгъ былъ новымъ ударомъ для Мазо. Подобныя исторіи случаются сплошь и рядомъ: сомнительнаго кліента принимаютъ сначала съ недовѣріемъ; онъ вноситъ въ маклерскую контору скромный вкладъ тысячи въ двѣ или въ три и первые мѣсяцы играетъ съ большой умѣренностью. Но потомъ, мало по малу, ему удастся обойти маклера, втереться

къ нему въ дружбу; незначительность гарантіи позабывается и мошенникъ въ одинъ прекрасный день исчезаетъ послѣ какой нибудь ловкой продѣлки. Мазо собирался подвергнуть Сабатани исключенію, какъ онъ сдѣлалъ недавно со Шлоссеромъ, негодяемъ того же закала. Извѣстно, что существуютъ и всегда будутъ существовать неистребимыя шайки биржевыхъ воровъ, которые хозяйничаютъ на рынкѣ, какъ прежде хозяйничали грабители въ дремучихъ лѣсахъ. И томный уроженецъ Леванта, этотъ итальянецъ съ примѣсью восточной крови, обладавшій такими дивными бархатными глазами и какой-то феноменальной особенностью, возбуждавшей жгучее любопытство прекраснаго пола, отправился баломутить биржу въ другихъ столицахъ Европы; по слухамъ, онъ избралъ теперь своей резиденціей Берлинъ, до тѣхъ поръ, пока забудутся его подвиги въ Парижѣ и онъ снова вернется туда, чтобъ встрѣтить привѣтливый пріемъ и опять возобновить свои похождения подъ эгидой всеобщей терпимости.

Послѣ того Каролина составила списокъ всѣхъ краховъ, послѣдовавшихъ за крушеніемъ Всемирнаго Банка. Эта катастрофа произвела одинъ изъ страшныхъ толчковъ, потрясающихъ весь городъ. Ничто не устояло въ прежнемъ видѣ; трещины оказывались во всѣхъ сосѣднихъ учрежденіяхъ и каждый день приносилъ новыя несчастія. Банки лопались одинъ за другимъ и валялись внезапно, какъ полуразрушенныя стѣны домовъ, уцѣлѣвшія послѣ пожара. Въ нѣмомъ страхѣ прислушивались люди къ грохоту новыхъ обваловъ, спрашивая себя, на чемъ же наконецъ остановится бѣдствіе. Но Каролинѣ было не столько жаль банкировъ, кредитныхъ обществъ и людей финансоваго міра и финансовыхъ учрежденій, погибавшихъ, уносимыхъ съ лица земли ураганомъ этого денежнаго кризиса, — сколько частныхъ лицъ, бѣдныхъ акціонеровъ, даже самихъ спекуляторовъ, извѣстныхъ ей лично, пользовавшихся ея симпатіями и тоже попавшихъ въ число жертвъ. Тутъ пострадали не одинъ несчастный Дежуа, глупые и жалкіе старики Можандры, меланхолическія графини Бовильеръ, внушавшія къ себѣ невольное сочувствіе. Г-жу Дюрье потрясла другая драма: банкротство фабриканта шолковыхъ издѣлій Седиля, объявленнаго наканунѣ несостоятельнымъ. Этого человѣка г-жа Дюрье знала близко, видѣла его дѣятельность въ качествѣ админи-

стратора и, по ея словамъ, онъ былъ единственнымъ изъ всего административнаго совѣта, которому она рѣшилась бы довѣрить десять су; Седиль безспорно былъ честнѣйшимъ человекомъ въ мірѣ. Ужасная вещь эта страсть къ игрѣ! Труженикъ, положившій тридцать лѣтъ своей жизни на то, чтобъ основать съ помощью неусыпныхъ стараній и честности одинъ изъ самыхъ солидныхъ торговыхъ домовъ въ Парижѣ, менѣе чѣмъ въ три года подорвалъ собственную торговлю, разорилъ дѣло своихъ рукъ, такъ что съ одного толчка оно рухнуло и рассыпалось прахомъ! Какъ горько долженъ сожалѣть Седиль о прежнихъ дняхъ полезнаго труда, когда онъ еще вѣрилъ, что богатство пріобрѣтается только медленными усиліями, прежде чѣмъ случайный выигрышъ вскружилъ ему голову, внушивъ презрѣніе къ честному труду. Онъ увлекся мечтой въ одинъ часъ нажать на биржѣ милліонъ, тогда какъ добросовѣстному комерсанту приходится положить на это цѣлую жизнь! И биржа унесла у него все; несчастный остался, какъ пораженный громомъ, повергнутый въ прахъ, неспособный и недостойный снова приняться за дѣла, да еще вдобавокъ съ такимъ сыномъ на шеѣ, который обѣщаль сдѣлаться мошенникомъ подъ вліяніемъ нищеты. Густавъ Седиль, мотъ и кутила, проживалъ не меньше сорока, пятидесяти тысячъ въ годъ, занимая деньги у ростовщиковъ, и уже успѣлъ уронить себя грязной исторіей съ векселями, выданными Жерменѣ Кёръ. Потомъ еще другой бѣдняга внушалъ глубокое сожалѣніе Каролинѣ; это былъ Массіасъ, хотя она вовсе не благоволила къ людямъ его профессіи, посредникамъ лжи и грабежа. Но Массіасъ былъ хорошо ей знакомъ со своими большими смѣющимися глазами и видомъ доброй, побитой собаки, когда онъ бѣгалъ по всему Парижу, отыскивая какого нибудь жалкаго заказа. Если онъ на одну минуту и вообразилъ себя однимъ изъ хозяевъ рынка, когда насильно добился удачи, слѣдуя по стопамъ Саккара, зато каково было его пробужденіе отъ сладкихъ грѣзъ! Свалившись съ высоты, онъ лежалъ на землѣ, ошеломленный, съ перебитыми членами. Дефицитъ Массіаса простирался до семидесяти тысячъ и онъ уплатилъ весь долгъ, хотя могъ избѣгнуть этого, опираясь на чрезвычайныя обстоятельства, какъ сдѣлали многіе другіе. Но бѣдняга предпочелъ заплатить. Занявъ деньги у добрыхъ знакомыхъ и закабаливъ себя на цѣ-

люю жизнь, онъ сдѣлалъ великодушную и бесполезную глупость, за которую не только никто не сказалъ ему спасибо, но даже многіе осудили его, пожимая плечами за спиной чудака! Однако его негодованіе обрушилось на одну биржу; Массіасъ опять бранилъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, свое гнусное ремесло, но все таки рѣшился его держаться, въ упрямой надеждѣ когда нибудь сорвать крупный кушъ, а до тѣхъ поръ ему приходилось работать въ потѣ лица, пока не измѣнятъ зоркіе глаза и носятъ проворныя ноги.

Но безвѣстные покойники, жертвы безъ имени, безъ исторіи, въ особенности наполняли сердце Каролины безконечной жалостью. Имя имъ было легионъ; они усыпали отдаленныя группы кустарниковъ, заросшія травой канавы; многіе трупы затерялись, а раненые, хрипѣвшіе въ предсмертной мукѣ, корчились за каждымъ древеснымъ стволомъ. Какое ужасающее количество нѣмыхъ драмъ, какое сборище маленькихъ рантье-бѣдняковъ, мелкихъ акціонеровъ, вложившихъ всѣ свои сбереженія въ одну акцію, отставныхъ привратницъ, блѣдныхъ старыхъ дѣвъ, живущихъ въ обществѣ любимой кошки; отставныхъ провинціальныхъ чиновниковъ и офицеровъ, коротающихъ вѣкъ съ регулярностью маньяковъ; сельскихъ священниковъ, обобравшихъ себя ради нищихъ своего прихода, — всей этой несчастной мелкоты, ежедневный бюджетъ которой не превышалъ нѣсколькихъ су, — столько-то на молоко, столько-то на хлѣбъ, — причемъ дефицитъ въ какихъ нибудь десять сантимовъ ведетъ уже къ катаклизмамъ. И вдругъ у такихъ бѣдняковъ изсякаетъ всякій источникъ доходовъ: ничего, рѣшительно ничего! Всѣ средства къ жизни отрѣзаны, вырваны изъ дрожащихъ старческихъ рукъ, которыя растерянно ищутъ ихъ ощупью въ потемкахъ, неспособныя уже къ работѣ! Жилъ себѣ человекъ, довольствуясь смиренной, жалкой долей, и былъ спокоенъ, зная, что не умретъ съ голоду, какъ вдругъ неожиданно-негаданно очутился лицомъ къ лицу со всѣми ужасами полной нищеты! Сотни писемъ пришли изъ Вандома, гдѣ безсовѣстный Фейё еще ухудшилъ бѣдствие, скрывшись неизвѣстно куда. Имѣя на рукахъ деньги и акція кліентовъ для операцій на биржѣ, онъ пустился самъ въ отчаянную игру, понесъ страшныя убытки и, уклоняясь отъ платежа, бѣжалъ съ нѣсколькими сотнями тысячъ франковъ, остававшихся

еще въ его распоряженіи. Вокругъ всего Вандома, въ самыхъ отдаленныхъ фермахъ онъ оставилъ позади себя нищету и слезы. Страшное потрясеніе отъ краха въ Парижѣ отозвалось на убогихъ лачугахъ въ провинціи. Не являлось ли и здѣсь, какъ во время жестокихъ эпидемій, главной жертвой среднее населеніе, скудные крохи, скопленные цѣной кроваваго пота, страшная потеря, которую могли возмѣстить только долгіе годы труда сыновей разоренныхъ бѣдняковъ.

Наконецъ, Каролина вышла изъ дому, чтобъ отправиться къ Мазо; идя пѣшкомъ въ Банковскую улицу, она думала о томъ, какое множество неудачъ послѣдовательно обрушилось на несчастнаго маклера, въ продолженіе короткаго двухнедѣльнаго срока. Фейё укралъ у него триста тысячъ франковъ; Сабатани оставилъ ему неуплаченный счетъ на сумму вдвое болѣе этого, маркизь де-Богэнъ и баронесса Сандорфъ отказывались платить проигрышъ, доходившій у нихъ у обоихъ до милліона; банкротство Седилля унесло у Мазо около той же суммы, не считая восьми милліоновъ долгу на Всемирномъ Банкѣ; на эти восемь милліоновъ производились операціи Саккара, шла его послѣдняя отчаянная игра, не обезпеченная уже ничѣмъ. Страшный убытокъ, ужасающая пропасть, готовая съ часу на часъ поглотить молодаго маклера на глазахъ встревоженной биржи! Уже два раза поднимался слухъ о катастрофѣ. И въ слѣпомъ ожесточеніи судьба послала Мазо новое несчастье; то была послѣдняя капля, переполнившая сосудъ, довершившая его бѣдствія: конторщикъ Флори былъ арестованъ два дня назадъ по обвиненію въ растратѣ ста восьмидесяти тысячъ франковъ. Мало по малу требовательность мадмуазель Шюшю, бывшей маленькой фигурантки, тощей стрекозы парижской мостовой, возрасла до страшныхъ размѣровъ; сначала пошли дешевенькія развлеченія, за ними квартира въ улицѣ Кондорсэ, а тамъ покупка золотыхъ вещей, дорогихъ кружевъ. Чтò собственно погубило несчастнаго мальчика съ нѣжнымъ сердцемъ, такъ это его первый выигрышъ въ десять тысячъ франковъ послѣ Садовой. Средства, нажитыя безъ труда, въ одну минуту, и ушли также быстро; послѣ нихъ ему понадобилось еще и еще денегъ; Флори сгоралъ горячкѣй страсти къ женщинѣ, стоившей ему такъ дорого, и не умѣлъ обуздать себя. Но исторія стано-

вылась положительно дикой съ того момента, когда онъ обокралъ своего патрона, только чтобъ уплатить другому маклеру свой долгъ за игру. Странная честность! Очевидно, бѣдный малый растерялся, предвидя немедленный арестъ, и надѣялся скрыть похищеніе, вывернуться, благодаря какой нибудь необыкновенно выгодной операціи. Въ тюрьмѣ онъ горько плакалъ отъ стыда и отчаянія; говорили, будто бы его мать, пріѣхавшая въ тотъ самый день изъ Сента повидаться съ сыномъ, опасно заболѣла и слегла въ постель у пріютившихъ ее знакомыхъ.

Какая удивительная вещь удача!—размышляла Каролина, переходя площадь Биржи. Необыкновенный успѣхъ „Всемирнаго“, его быстрый ростъ, ошеломляющій триумфъ, рѣшительная побѣда и преобладаніе надо всеми прочими банками, достигнутые менѣе, чѣмъ въ четыре года, а потомъ это неожиданное разрушеніе колоссальнаго чертога, рассыпавшагося прахомъ въ какой нибудь мѣсяцъ, до сихъ поръ поражали г-жу Дюрье. Не то ли же самое произошло и съ бѣднымъ Мазо? Рѣдко можно было встрѣтить такого баловня счастья. Маклеръ въ тридцать два года, получившій богатое наслѣдство отъ дяди, счастливый мужъ очаровательной женщины, которая его обожала и подарила ему двоихъ прелестныхъ дѣтей, онъ кромѣ того былъ красивъ собой и съ каждымъ днемъ приобреталъ все больше вѣса на биржѣ, благодаря полезнымъ связямъ, дѣятельному характеру, удивительному чутью, даже своему рѣзкому голосу, тонкому, какъ звукъ свирѣли, который становился настолько же знаменитымъ, какъ и громopodobный басъ Жакоби. И вдругъ это блестящее положеніе поддается; Мазо—на краю пропасти, куда его можетъ сбросить теперь малѣйшее дуновеніе. А между тѣмъ самъ онъ не игралъ: усердіе къ труду, юношескій жаръ къ занятіямъ останавливали его пока отъ пагубной страсти. Мазо былъ сраженъ въ честной борьбѣ по неопытности и увлеченію, по излишней довѣрчивости къ людямъ. Зато на его сторонѣ были самыя искреннія симпатіи, и на биржѣ толковали даже, что онъ можетъ съ честью выйти изъ затрудненій.

Поднявшись въ контору, Каролина почувяла запахъ тлѣнія, трепеть скрытой тоски въ маклерскихъ бюро, смотрѣв-

шихъ такъ мрачно. Въ отдѣлѣ кассы дожидалось человѣкъ двадцать кліентовъ; кассиръ наличныхъ суммъ и кассиръ акцій производили еще выдачу, поддерживая обязательства учрежденія, но руки у нихъ дѣйствовали вяло, какъ у людей, опоражнивающихъ послѣдніе ящики. Въ полуоткрытую дверь виднѣлось бюро ликвидацій, заснувшее въ бездѣйствіи; семеро конторщиковъ этого отдѣленія преспокойно углубились въ газеты; въ дѣлахъ конторы былъ полный застой, какъ и на биржѣ. Только бюро наличныхъ суммъ проявляло нѣкоторую жизнедѣятельность. Г-жа Дюрье была принята полномочнымъ помощникомъ патрона, почтеннымъ Бертье, взволнованнымъ и блѣднымъ, въ виду несчастья, постигшаго домъ.

— Право, не знаю, сударыня, приметъ ли васъ г-нъ Мазо. Онъ чувствуетъ себя несовсѣмъ хорошо; ему пришло въ голову проработать всю ночь напролетъ безъ огня въ каминѣ, и теперь хозяинъ сошелъ внизъ, въ свою квартиру, чтобъ отдохнуть немного.

Между тѣмъ Каролина не унималась.

— Прошу васъ, милостивый государь, устройте такъ, чтобъ я имѣла возможность передать ему нѣсколько словъ... Тутъ дѣло идетъ, пожалуй, о спасеніи моего брата. Г-ну Мазо хорошо извѣстно, что братъ никогда не занимался биржевыми операціями, а его свидѣтельство крайне важно... Съ другой стороны, я прошу его сообщить мнѣ нѣкоторыя числовыя данныя; одинъ онъ можетъ доставить мнѣ нужныя справки по различнымъ документамъ.

Бертье, въ страшной нерѣшительности, кончилъ тѣмъ, что предложилъ посѣтительницѣ пройти въ кабинетъ маклера.

— Обождите тамъ, сударыня, пока я освѣдомлюсь...

Въ этой комнатѣ Каролину, дѣйствительно, охватилъ страшный холодъ. Огонь въ каминѣ, очевидно, потухъ еще со вчерашняго дня и никто не подумалъ его развести. Но чтó еще болѣе поразило г-жу Дюрье, такъ это безукоризненный порядокъ, царившій здѣсь, какъ будто хозяинъ посвятилъ цѣлую ночь и все утро на опоражниванье письменнаго стола и конторокъ, на уничтоженіе ненужныхъ бумагъ и разборку тѣхъ, которыя слѣдовало сохранить. Ничего не валялось тутъ неприбраннымъ, ни одного подшитаго дѣла, даже ни одного письма. На письменномъ столѣ были методически разставлены

и разложены только чернильница, подставка для перьевъ и большой бюварь, съ пачкой фишекъ посрединѣ, зеленыхъ фишекъ Мазо, цвѣта надежды. Въ этой пустотѣ пахло чѣмъ-то нежилымъ и неисходная грусть царила здѣсь вмѣстѣ съ тягостной тишиною.

Черезъ нѣсколько минутъ вернулся Бертье.

— Клянусь вамъ, сударыня, я позвонилъ два раза въ квартиру хозяина, но мнѣ не отворили. Я не рѣшаюсь больше беспокоить его. Пожалуй, попробуйте сами позвонить, когда пойдете мимо, только я совѣтовалъ бы вамъ лучше прийти другой разъ.

Каролинѣ пришлось покориться. Однако, на лѣстницѣ нижняго этажа она еще колебалась и ужь протянула руку къ пуговкѣ электрическаго звонка, но потомъ рѣшила уйти, какъ вдругъ странные крики, рыданія, глухая возня въ квартирѣ маклера остановили ее. Въ ту же минуту дверь поспѣшно отворилась и на лѣстницу выскочилъ перепуганный лакей; онъ бросился внизъ, несвязно бормоча:

— Боже мой! Боже мой! хозяинъ-то нашъ...

Г-жа Дюрье остановилась передъ раскрытой настезью дверью, откуда теперь явственно доносились жалобные стоны. Каролина похолодѣла, отгадывая страшную истину. Сначала она хотѣла бѣжать, но жалость и волненіе приковали ее къ мѣсту. Ее влекло туда—взглянуть на случившееся и раздѣлить чужую скорбь. Она вошла; всѣ двери были отворены настезью и никто не остановилъ ее до самой гостиной.

Двѣ служанки, вѣроятно, кухарка съ горничной, заглядывали въ комнату, вытягивая шею, съ ужасомъ на лицахъ и шептали:

— Господи, баринъ-то нашъ! Боже ты мой!

Потухающій свѣтъ пасмурнаго зимняго дня едва пробивался въ промежутки между толстыми полковыми драпировками на окнахъ. Въ комнатѣ было тепло; крупныя полѣнья дровъ догорали въ каминѣ, раскаленные до-красна, и отбрасывали по стѣнамъ кровавый отблескъ. На одномъ изъ столовъ, цѣлый снопъ живыхъ розъ, — царскій букетъ по тому времени года, поднесенный еще наканунѣ маклеромъ женѣ, — распускался въ этой тепличной атмосферѣ, разливая благоуханіе. То былъ какъ будто аромат самой утонченной роскоши, сказы-

вавшейся въ этой обстановкѣ комнаты, пріятный запахъ удачи, богатства, блаженства любви, которыя цвѣли здѣсь въ теченіе четырехъ лѣтъ. И, освѣщенный краснымъ отблескомъ пламени, лежалъ, опрокинувшись на край дивана, Мазо, съ головой, пробитою пулей; судорожно сведенные пальцы покойника сжимали рукоятку револьвера. А молоденькая жена, только что прибѣжавшая изъ внутреннихъ комнатъ, стояла передъ трупомъ съ дикимъ непрерывнымъ жалобнымъ воемъ, который раздавался на лѣстницѣ. Когда она услышала выстрѣлъ, у нея на рукахъ былъ ея сыночекъ четырехъ съ половиною лѣтъ; отъ испуга его ручки крѣпко удѣпились за шею матери, между тѣмъ какъ маленькая дѣвочка по седьмому году побѣжала за нею слѣдомъ, повиснувъ на платьѣ г-жи Мазо и прижимаясь къ ней; дѣти также страшно кричали, глядя на мать.

Каролина тотчасъ стала ихъ уговаривать.

— Сударыня, умоляю васъ... Сударыня, не оставяйтесь тутъ...

Она сама тряслась, какъ въ лихорадкѣ, готовая упасть въ обморокъ. Изъ прострѣленной головы Мазо еще сочились кровь, падая капля за каплей на бархатъ диванной обивки, откуда она стекала на коверъ. На полу было широкое кровавое пятно, которое все увеличивалось. Каролинѣ казалось, что эта кровь вотъ-вотъ сейчасъ дойдетъ до нея, брызнетъ ей на ноги и на руки.

— Сударыня, умоляю васъ, пойдемте со мною.

Но несчастная женщина, съ ребенкомъ, повиснувшимъ у нея на шеѣ, съ дѣвочкой, прижимавшейся къ ея талии, ничего не слыхала, не двигалась съ мѣста, пораженная, оцѣпенѣвшая до того, что никакая сила не могла оторвать ее отъ ужаснаго зрѣлища. Всѣ они трое были бѣлокуры, молочной бѣлизны, и мать казалась такой же наивной и нѣжной, какъ эти двое малютокъ. Опеломленные горемъ, видя, что ихъ блаженству, ихъ счастью, которое должно было длиться всегда, наступилъ внезапный конецъ, вдова и осиротѣвшія крошки не переставали громко вопить и въ ихъ страшномъ воѣ слышалась ужасающая боль животной муки.

Тутъ г-жа Дюрье упала на колѣни.

— Сударыня, вы терзаете мнѣ сердце,—бормотала она

среди рыданій...—Ради бога, не смотрите, уйдемте отсюда, я отведу васъ въ другую комнату, чтобъ вамъ полегче...

Но суровая и скорбная группа,—мать съ дѣтми, точно впившимися въ нее,—замерла въ неподвижности. Онѣ прижимались другъ къ другу, разметавъ по плечамъ распущенные длинные волосы нѣжнаго бѣлокурого отгѣнка. И все не прекращался ужасный, дикій вой, животный голосъ крови, доносящійся изъ лѣса, когда охотники убьютъ самца.

Каролина поднялась съ земли, не помня, чтò съ ней дѣлается. Въ комнатахъ раздались шаги, голоса; вѣроятно, явился врачъ констатировать смерть самоубійцы. Она не могла оставаться долѣе, она убѣжала, преслѣдуемая потрясающимъ, непрерывнымъ крикомъ; онъ стоялъ у нея въ ушахъ даже на тротуарѣ, и, сквозь стукъ экипажей, Каролина какъ будто по прежнему различала его.

День угасалъ; было холодно, а г-жа Дюрье шла тихо изъ боязни, что ее арестуютъ и примутъ за убійцу по ея растерянному виду. Все пережитое и пережитое поднялось у нея со дна души, вся исторія чудовищнаго крушенія двухсотъ милліоновъ, которая повлекла за собою столько бѣдствій, унесла столько жертвъ. Какая таинственная сила, возведя такъ быстро громадную башню изъ золота, могла ее разрушить въ самое короткое время? Тѣ же руки, которыя трудились надъ ея созиданіемъ, какъ будто нарочно, въ порывѣ безумнаго ожесточенія, старались не оставить въ ней камня на камнѣ. Всюду слышались крики боли; состоянія рушились съ трескомъ, точно, на свалкѣ мусора, съ грохотомъ высыпали возы камней съ разобранныхъ построекъ. Тутъ была и послѣдняя поземельная собственность семейства Бувильеръ, и жалкіе гроши, скопленные въ теченіе долгихъ лѣтъ бѣднякомъ Дежуа, и крупные барыши обширной торговли Седиля, и капиталъ Можандра, глупца, удалившагося отъ коммерческихъ дѣлъ и побросавшаго понемногу все свое состояніе въ эту клоаку, которую ничто не могло наполнить. Сюда же попалъ Жантру, утонувшій въ алкогольъ, баронесса Сандорфъ, утонувшая въ грязномъ развратѣ, Массіасъ, попавшій опять въ жалкое положеніе охотничей собаки, сгоняющей дичь, прикованный къ биржѣ на весь остатокъ жизни своимъ неоплатнымъ долгомъ. Проворовавшійся Флори искупалъ въ

стѣнахъ тюрьмы свое малодушіе влюбчиваго человѣка; Сабатани съ Фейё находились въ бѣгахъ, ежеминутно страшась, что ихъ накроютъ жандармы; но несравненно болѣе жалкими были безвѣстныя жертвы, безыменное стадо мелкихъ людей, обнищавшихъ послѣ катастрофы, обреченныхъ на холодъ и голодъ. А вотъ цѣлый рядъ самоубійствъ, пистолетныя выстрѣлы, раздававшіеся во всѣхъ частяхъ Парижа!.. Каролина, въ ужасѣ, снова увидѣла передъ собою, какъ наяву, прострѣленную голову Мазо, его кровь, сочившуюся капля за каплей среди роскоши и благоуханія розъ, и, стоявшую передъ бездыханнымъ трупомъ, жену съ двумя малютками. Ихъ протяжный нечеловѣческій вой все еще раздавался въ ухахъ Каролины.

И тогда все видѣнное и слышанное въ теченіе послѣднихъ недѣль излилось изъ растерзаннаго сердца этой женщины крикомъ негодующаго презрѣнія къ Саккару. Она не могла долѣе молчать, игнорировать его существованіе, чтобы не судить и не осуждать. Онъ одинъ былъ виновникомъ всего; это подтверждалось каждымъ новымъ несчастіемъ въ грудѣ бѣдствій, заставлявшихъ ее содрогаться отъ ужаса. Каролина проклинала его; ея гнѣвъ и негодованіе, сдерживаемые такъ долго, обратились въ мстительную ненависть къ самому злу въ лицѣ Аристида. Развѣ она разлюбила своего брата, если не позволяла себѣ до настоящей минуты возненавидѣть того, кто былъ единственной причиной ихъ несчастья? Ея бѣдный Жоржъ, чистый, безупречный, великій труженикъ, такой справедливый и прямодушный, запятнанъ теперь несмыслаемымъ порокомъ тюремнаго заключенія! Вотъ еще одна жертва, легкомысленно забытая Каролиной, а между тѣмъ самая дорогая и самая чувствительная изъ всѣхъ, самая близкая ея сердцу! Ахъ, пускай Саккару не будетъ ни отъ кого прощенія, пускай съ этихъ поръ никто не посмѣетъ за него заступиться, не исключая и тѣхъ, которые продолжали слѣпо вѣрить въ него, которые испытали на себѣ только его доброту, и пускай бы онъ умеръ, когда пробьетъ его часъ, покинутый, презираемый всѣми.

Каролина подняла глаза. Она пришла на площадь и увидела передъ собою биржу. Наступали сумерки; монументальное зданіе видѣлось своими контурами на фонѣ пасмурнаго

зимняго неба, точно охваченнаго заревомъ пожара. Сгустившіяся испаренія образовали на горизонтѣ туманную завѣсу пурпурнаго оттѣнка, состоявшую какъ будто изъ пламени и пыли взятаго приступомъ города. И сѣрая, мрачная масса биржи поднималась, погруженная въ меланхолю послѣ катастрофы; вотъ уже цѣлый мѣсяцъ, какъ здѣсь водворились зловѣщая тишина и запустѣніе, точно на съѣстномъ рынкѣ, опустошенномъ голодомъ. То были слѣды роковой періодической эпидеміи, свирѣпствующей здѣсь каждая десять, пятнадцать лѣтъ; эти такъ называемыя „черныя пятницы“ постоянно усыпаютъ почву развалинами. Послѣ нихъ нужны цѣлые годы, чтобъ воскресить прежнее довѣріе публики къ биржевымъ операціямъ и возстановить крупныя банкирскія фирмы до того дня, когда пробудившаяся страсть къ игрѣ, разжигая жажду легкой наживы, приведетъ опять къ новому кризису и разрушить все посреди новаго краха. Но на этотъ разъ за рыжеватой дымкой на горизонтѣ, подъ гулъ отдаленныхъ водненій въ городѣ, чуялся гдѣ-то страшный глухой трескъ, возвѣщавшій близкій конецъ цѣлаго міра.

XII.

Предварительное слѣдствіе подвигалось до того медленно, что прошло цѣлыхъ семь мѣсяцевъ со времени ареста Саккара и Гамлена, а ихъ дѣло все еще не могло быть назначено къ слушанію. Наступила половина сентября и какъ-то въ понедельникъ Каролина, акуратно навѣщавшая брата по два раза въ недѣлю, должна была отправиться въ Консіержери къ тремъ часамъ. Она никогда не произносила имени Саккара и десять разъ отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ на его убѣдительныя просьбы повидаться съ нимъ. Для нея, снова утвердившейся въ непоколебимыхъ правилахъ справедливости, онъ больше не существовалъ. Между тѣмъ г-жа Дюрье, вполне надѣясь спасти брата, приходила къ нему всегда веселая, съ оживленіемъ рассказывала о своихъ хлопотахъ по его дѣлу и приносила заключенному большіе букеты любимыхъ имъ цвѣтовъ. Въ это утро она готовила пучекъ красныхъ гвоздикъ, какъ вдругъ къ ней явилась старая служанка княгини Орвiedo

Софья, съ приглашеніемъ отъ хозяйки дома теперь же прійти къ ней. Въ удивленіи и смутной тревогѣ, Каролина попыталась подняться наверхъ. Она не видала княгини уже нѣсколько мѣсяцевъ, отказавшись отъ своей секретарской должности въ домѣ трудолюбія, послѣ катастрофы со Всемирнымъ Банкомъ, и приходила только изрѣдка на бульваръ Бино взглянуть на Виктора. Мальчикъ, повидимому, подчинился строгой дисциплинѣ заведенія и ходилъ, потупивъ глаза; лѣвая щека на его кривомъ лицѣ была толще правой и тянула ротъ на одну сторону, придавая чертамъ выраженіе лукавой свирѣпости. У Каролины тотчасъ явилось предчувствіе, что ее зовутъ недаромъ и причиной тому непременно Викторъ.

Княгиня Орвiedo, наконецъ, разорилась. Какихъ небудь десяти лѣтъ было для нея достаточно, чтобъ возратить бѣднякамъ трехсотмилліонное наслѣдство отъ мужа, наворованное покойнымъ княземъ въ карманахъ доверчивыхъ акціонеровъ. Если сначала ей понадобилось пять лѣтъ для растраты на безумную благотворительность первой сотни милліоновъ, то она ухитрилась спустить остальные двѣсти милліоновъ всего въ четыре съ половиной года, заводя различныя учрежденія для неимущихъ, обставленныя съ еще болѣе необыкновенной роскошью. Къ дому трудолюбія, къ яслямъ Дѣвы Маріи, къ сиротскому приюту св. Іосифа, къ Шатильонскому убѣжищу, къ госпиталю Сень-Марсо прибавлялись теперь: образцовая ферма близъ Эврѣ, приютъ для выздоравливающихъ дѣтей на берегу Ламанша, другое убѣжище для стариковъ въ Ниццѣ, богадѣльни, рабочія колоніи, бібліотеки и школы во всѣхъ углахъ Франціи, не считая крупныхъ денежныхъ пожертвованій на благотворительныя учрежденія, существовавшія раньше. И рѣшительно во всемъ княгиня руководствовалась желаніемъ наградить съ царскою щедростью обездоленныхъ ближнихъ, не имѣющихъ ничего; это не былъ жалкій кусокъ хлѣба, брошенный нищему изъ милости или изъ боязни, но полное наслажденіе жизнью, избытокъ во всемъ полезномъ и прекрасномъ, предоставленный слабымъ, у которыхъ сильные отняли ихъ долю житейскихъ благъ; то были просто дворцы счастливецъ, баловней судьбы, отворенные настежь убогимъ, собиравшимъ милостыню на большихъ дорогахъ, чтобъ и они имѣли возможность спать въ шелку и ѣсть на золотой посудѣ.

Цѣлыхъ десять лѣтъ не прекращался дождь милліоновъ, и результатомъ этой расточительности явились мраморныя столовыя, спальни, расписанныя веселыми свѣтлыми красками, монументальныя фасады, соперничавшіе съ Лувромъ, сады съ дорогами, рѣдкими цвѣтами; десять лѣтъ производились эти великолѣпныя работы; вокругъ княгини происходило настоящее столпотвореніе; подрядчики, архитекторы стекались къ ней толпами; и вотъ, наконецъ, она была вполне счастлива; сердце замирало у нея отъ восторга при мысли, что съ этихъ поръ ея руки чисты: въ нихъ не осталось больше ни сантима. Мало того, княгиня ухитрилась даже войти въ долги; за ней оказалась недоимка въ нѣсколько сотъ тысячъ франковъ, и ея нотаріусъ и повѣренный напрасно хлопотали о пополненіи этой суммы: колоссальное богатство было окончательно искрошено, развѣяно на всѣ четыре стороны щедрой милостыней. Теперь объявленіе на воротахъ извѣщало о продажѣ отеля Орвiedo; такимъ образомъ, вскорѣ должны были исчезнуть послѣдніе остатки проклятыхъ денегъ, собранныхъ въ крови и грязи финансоваго грабежа.

Наверху старая Софья ожидала Каролину, чтобы ввести ее къ своей госпожѣ. Преданная служанка просто бѣсилась и ворчала цѣлыми днями. Вѣдь вотъ же она предсказывала, что ея госпожа умретъ на соломѣ! Развѣ княгинѣ не слѣдовало выйти вторично замужъ, чтобъ имѣть собственныхъ дѣтей отъ втораго мужа, такъ какъ ей въ сущности только и хотѣлось быть матерью? Конечно, ей самой, старой Софѣ, не на что жаловаться, не о чемъ беспокоиться: она уже давно обезпечена рентой въ двѣ тысячи франковъ и уѣдетъ доживать вѣкъ въ довольствѣ на свою сторону, по близости Ангулема. Но ее разбиралъ страшный гнѣвъ при мысли о томъ, что княгиня Орвiedo не оставила себѣ на черный день даже самаго крошечнаго дохода, хотя бы по нѣскольку су въ день на молоко и на хлѣбъ, которыми она теперь исключительно питалась. Между обѣими женщинами происходили непрерывныя споры на эту тему. По лицу княгини скользила улыбка „не отъ міра сего“, исполненная божественной надежды, и она обыкновенно отвѣчала старой нянкѣ, что къ концу мѣсяца ей не будетъ нужно ровно ничего, кромѣ савана, когда она поступитъ въ монастырь кармелитокъ, замурованный отъ

всего міра. Ея мѣсто въ средѣ суровыхъ отшельницъ было намѣчено уже давно, и тамъ ее ждалъ покой, вѣчный покой!

Каролина нашла хозяйку отеля такую же, какой привыкла видѣть ее постоянно за эти четыре года: въ неизмѣнномъ черномъ платьѣ, въ кружевной косыночкѣ, прикрывавшей волосы; она все еще была миловидна въ тридцать девять лѣтъ со своимъ круглымъ лицомъ и жемчужными зубами, но кожа у нея пожелтѣла и эта женщина смотрѣла отжившей, какъ послѣ десяти лѣтъ монастырскаго затворничества. Тѣсная комната, служившая ей пріемной, походила на контору провинціального стряпчача; она была завалена дѣловыми бумагами: планами, замѣтками, счетами, накопившимися здѣсь за время усерднаго разграбленія, руками самой владѣлицы, трехсотмилліоннаго богатства.

— Сударыня, — заговорила она своимъ кроткимъ, медленнымъ голосомъ, неспособнымъ больше дрожать ни отъ какого волненія, — я хотѣла сообщить вамъ одну вещь, о которой мнѣ сказали только сегодня поутру... Дѣло касается Виктора, этого мальчика, помѣщеннаго вами въ домъ трудолюбія.

Сердце г-жи Дюрье болѣзненно застучало въ груди. Ахъ, несчастный ребенокъ. Отецъ такъ и не видалъ его, хотя, узнавъ о существованіи сына въ послѣдніе мѣсяцы передъ своимъ арестомъ, каждый день собирался къ нему. Что-то выйдетъ теперь изъ маленькаго чудовища? Стараясь не думать о Саккарѣ, Каролина тѣмъ не менѣе постоянно возвращалась мыслями къ этому человѣку, когда задѣвали ея материнское чувство къ бѣдному Виктору.

— Вчера случилась ужасная исторія, — продолжала княгиня, — цѣлое преступленіе, котораго ничѣмъ нельзя загладить.

И она, со своимъ видомъ ледяной невозмутимости, принялась передавать страшное происшествіе. За три дня передъ тѣмъ, Викторъ попросился въ лазаретъ, ссылаясь на невыносимыя головныя боли. Врачъ заведенія хотя и подозрѣвалъ тутъ притворство изъ лѣности, но мальчикъ дѣйствительно былъ подверженъ частымъ приступамъ невралгіи. Случилось такъ, что въ домъ трудолюбія пріѣхала Алиса де-Бовильеръ, одна безъ матери, чтобы помочь дежурной сестрѣ милосердія провѣрить инвентарь лѣкарствъ въ аптечномъ шкафу, что производилось разъ въ три мѣсяца. Шкафъ этотъ помѣщался

въ комнатѣ, раздѣляющей лазаретъ дѣвочекъ отъ лазарета мальчиковъ, гдѣ въ то время не было никого, кромѣ Виктора, уложеннаго въ постель; сестра милосердія зачѣмъ-то отлучилась на нѣсколько минутъ и была очень удивлена, не найдя Алисы на прежнемъ мѣстѣ. Она стала искать молодую дѣвушку и еще болѣе удивилась, замѣтивъ, что дверь въ лазаретъ мальчиковъ заперта изнутри. Что такое тамъ происходило? Ей пришлось сдѣлать обходъ по коридору и она оцепенѣла на порогѣ, пораженная ужаснымъ зрѣлищемъ. Алиса, наполовину задушенная, съ завязаннымъ салфеткой ртомъ, чтобы заглушить ея крики, лежала навзничъ, изнасилованная съ самой звѣрской жестокостью. На полу валялось пустое портъ-монэ. Викторъ исчезъ. Вѣроятно, онъ позвалъ Алису, попросивъ выпить, и она, ничего не подозревая, подошла съ кружкой молока къ этому пятнадцатилѣтнему мальчишкѣ, обросшему волосами, какъ зрѣлый мужчина. Тутъ въ немъ внезапно вспыхнуло желаніе чудовища—смять это хрупкое тѣло, это тщедушное существо съ неграціозной длинной шеей. Дикій прыжокъ разъяреннаго самца, раздѣтаго до рубашки,—и беспомощная дѣвушка брошена на постель съ зажатымъ ртомъ, какъ тряпка, изнасилована, ограблена... Послѣ того онъ одѣлся на скорую руку и бѣжалъ. Дѣло объяснялось, кажется, просто, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сколько въ немъ было темныхъ пунктовъ, сколько вопросовъ, ставящихъ втупикъ и совершенно необъяснимыхъ! Какимъ образомъ никто ничего не слышалъ,—ни шума борьбы, ни стога? Какъ такія ужасныя вещи могли произойти до того быстро, въ какихъ нибудь десять минутъ? Но удивительнѣе всего было исчезновеніе Виктора: онъ точно испарился, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ. Самые тщательные поиски не привели ни къ чему; его не оказалось ни въ одномъ закоулкѣ заведенія. Надо полагать, что негодай бѣжалъ черезъ ванную, смежную съ коридоромъ, потому что одно изъ оконъ комнаты выходило на цѣлый рядъ крышъ, опускавшихся этажами и достигавшихъ до самаго бульвара. Но этотъ путь представлялъ страшныя опасности и многіе отвергали самую мысль, чтобы человѣческое существо могло избрать его для побѣга. Алису отвезли въ слезахъ и въ лихорадкѣ къ матери: у нея открылась горячка.

Этотъ рассказъ до того поразилъ Каролину, что она оцѣ-

пенѣла. Здѣсь невольно напрашивалось ужасное сравненіе прошлаго съ настоящимъ: Саккаръ нѣсколько лѣтъ назадъ соблазнилъ на ступеняхъ лѣстницы несчастную Октавію, вывихнувъ ей плечо въ моментъ зачатія этого ребенка, родившагося какъ будто съ раздавленной щекой, а теперь Викторъ изнасиловалъ первую дѣвушку, подвернувшуюся ему невзначай. Какая бесполезная жестокость! Кроткая Алиса, олицетворявшая собою печальный конецъ нѣкогда гордой расы, готовилась посвятить себя Богу, потерявъ надежду на замужство. Какой смыслъ имѣло ея нелѣпое, отвратительное столкновеніе съ Викторомъ? Зачѣмъ нужно было разбить одно существо объ другое?

— Я вовсе не хочу дѣлать вамъ упрека, сударыня, — заключила княгиня, — было бы несправедливо возлагать на васъ малѣйшую отвѣтственность за случившееся. Только призрѣнный вами ребенокъ — все таки ужасное существо.

И, какъ будто по сближенію идей, оставшемуся невысказаннымъ, она прибавила:

— Нельзя жить безнаказанно въ извѣстной средѣ... Я сама страшно терзалась упреками совѣсти, чувствовала себя сообщницей гнуснаго преступленія послѣ краха этого банка, повлекшаго за собою столько разореній и подлостей. Да, мнѣ не слѣдовало соглашаться, чтобъ мой домъ послужилъ колыбелью такой гадости... Но зло уже сдѣлано; теперь отель Орвiedo очистится; что же касается меня... Я перестала существовать и Господь покроетъ мои грѣхи.

Блѣдная улыбка осуществившейся надежды появилась на лицѣ княгини; она досказала жестомъ о своемъ уходѣ изъ міра, объ исчезновеніи навсегда доброй невидимой богини. Королина схватила ея руки, пожимала ихъ, покрывала поцѣлуями, до того потрясенная смутнымъ раскаяніемъ въ чемъ-то и глубокой жалостью, что мысли путались у нея въ головѣ и она могла только безсвязно пробормотать:

— Напрасно вы меня извиняете, нѣтъ, я виновна... Ахъ, это несчастное дитя, я хочу ее видѣть, я сію минуту отправлюсь къ графинѣ де-Бовильеръ!

И она ушла, оставивъ княгиню и старую Софью продолжать начатые сборы въ дальній путь, который долженъ былъ разлучить ихъ послѣ сорока лѣтъ совмѣстной жизни.

За день передъ тѣмъ, въ субботу, графиня де-Бовильеръ

покорилась своей участи и выѣхала изъ своего дома, предоставивъ его кредиторамъ. Въ теченіе полугода, съ тѣхъ поръ какъ она перестала вносить проценты, ихъ дѣла окончательно запутались; жизнь требовала расходовъ, а покрыть ихъ было нечѣмъ и бѣднымъ женщинамъ ежедневно грозила продажа съ молотка ихъ послѣдняго имущества; поэтому повѣренный княгини посовѣтовалъ ей отказаться отъ всего въ пользу кредиторовъ и переѣхать на маленькую квартирку, гдѣ можно жить безо всякихъ лишнихъ тратъ, между тѣмъ какъ онъ постарается расквитаться съ долгами. Но и въ такомъ критическомъ положеніи она, пожалуй, была готова продолжать борьбу, по прежнему поддерживая свой рангъ, давая всѣмъ понять, что ихъ состояніе остается неприкосновеннымъ, и не сдаваясь до окончательнаго уничтоженія знатнаго рода подъ обвалившимися обветшалыми потолками наслѣдственнаго жилища, еслибъ ее не постигло новое несчастье. Сынъ ея Фердинандъ, послѣдній потомокъ графовъ де-Бовильеръ, бесполезный молодой человекъ, неспособный занять выдающееся мѣсто и поступившій въ палскіе зуавы, отъ нечего дѣлать, чтобы только пристроиться куда нибудь,—скончался въ Римѣ безъ славы; его хрупкій организмъ съ обѣднѣвшей кровью не вынесъ знойнаго климата Италіи и юноша не могъ даже драться подъ Ментаной, изнуренный лихорадкой, съ пораженными легкими. Это въ конецъ подкосило его мать; она внезапно почувствовала въ душѣ страшную пустоту; всѣ понятія, всѣ идеи разомъ рухнули у нея въ головѣ; всѣ стремленія были парализованы, подломились твердые устои, вздвигнутые ея руками съ такой неослабѣвающей настойчивостью и столько лѣтъ гордо поддерживавшіе честь громкаго имени. Но славный старинный родъ пришелъ къ упадку въ двадцатичетырехлѣтній періодъ времени и,—посреди обломковъ прежняго богатства,—послѣднихъ представителей графскаго дома подстерегала неумолимая, жадная нищета. Старую лошадь продали; при господахъ осталась одна кухарка, ходившая на рынокъ въ засаленномъ передникѣ, чтобъ купить масла на два су и фунтъ сушеныхъ бобовъ; графиню видѣли пѣшкомъ, въ платьѣ съ обшмыганнымъ подоломъ, въ дырявыхъ башмакахъ, пропускавшихъ воду. То была уже безысходная нужда, убившая даже гордость женщины старыхъ

традицій въ борьбѣ съ духомъ своего вѣка. Графиня поселилась съ дочерью въ улицѣ Туръ-де-Дамъ у бывшей продавщицы туалетныхъ принадлежностей, которая подъ старость впала въ ханжество и отдавала меблированные комнаты священникамъ. Здѣсь онѣ обѣ помѣщались въ большой комнатѣ съ закрытымъ альковымъ въ глубинѣ. Двѣ узкихъ кровати стояли за этой перегородкой и, когда обѣ ея половинки, оклеенныя тѣми же обоями, какъ и стѣны, запирались, комната обращалась въ гостинную. Это маленькое удобство немного утѣшало разорившихся аристократокъ.

Но не прошло и двухъ часовъ съ переѣзда графини де-Бовильеръ на новую квартиру, какъ приходъ неожиданнаго посѣтителя причинилъ ей новую неприятность. Къ счастью, Алиса ненадолго ушла куда-то изъ дому. Пришедшій былъ еврей Бушъ со своимъ плоскимъ неумытымъ лицомъ, въ неизмѣнномъ засаленномъ сюртукѣ, въ бѣломъ галстукѣ, скрученномъ веревочкой. Чутье ростовщика, вѣроятно, подсказало ему, что теперъ была самая благопріятная минута начать искъ по распискѣ въ десять тысячъ франковъ, выданной покойнымъ графомъ на имя дѣвицы Леони Кронъ. Одного бѣлаго взгляда на убогую обстановку было ему достаточно, чтобъ уяснить себѣ положеніе вдовы: неужели онъ медлил черезчуръ долго? И, какъ человѣкъ, способный при случаѣ щегольнуть учтивостью и терпѣніемъ, Бушъ принялся пространно излагать сущность своей претензіи передъ ошеломленной графиней. Вѣдь это, дѣйствительно, была подлинная подпись ея мужа? Значить, давнишняя исторія объяснялась очень просто: графъ увлекся молодой особой и выдалъ обязательство на крупную сумму для того, чтобы сначала овладѣть ею, а потомъ отъ нея избавиться. Еврей даже не скрылъ отъ графини Бовильеръ, что по закону она едва ли обязана платить, такъ какъ, со времени выдачи документа, прошло почти пятнадцать лѣтъ, а, слѣдовательно, давно минула установленная давность. Но онъ дѣйствовалъ тутъ отъ лица своей клиентки, а та непременно хотѣла подать въ судъ и поднять страшный скандалъ, въ случаѣ отказа противной стороны уплатить ей долгъ. Графиня, блѣдная, какъ полотно, пораженная прямо въ сердце этимъ ужаснымъ прошлымъ, такъ неожиданно воскресшимъ снова, выразила удивленіе, почему дѣвица Кронъ

не обратилась къ ней раньше и выжидала столько лѣтъ. Тогда Бушъ принялся врать, будто бы расписка затерялась и была недавно найдена на днѣ стараго чемодана. Однако несчастная женщина рѣшительно отказалась разсмотрѣть это дѣло и еврей откланялся, не измѣняя своему вѣжливому тону, но прибавивъ, что онъ придетъ опять со своей кліенткой, не завтра впрочемъ, потому что по воскресеньямъ она сильно занята въ томъ заведеніи, гдѣ живетъ, а, вѣроятно, въ понедѣльникъ или вторникъ.

Между тѣмъ, въ понедѣльникъ, послѣ несчастья съ дочерью, которую привезли домой въ бреду, княгиня забыла о предстоящемъ визитѣ этого неряшливо одѣтаго человѣка и объ его противной исторіи. Мать ухаживала за больною, не видя ничего сквозь непрерывныя слезы, и, когда Алиса наконецъ заснула, она присѣла отдохнуть, измученная, подавленная ожесточенными преслѣдованіями судьбы. Вдругъ явился Бушъ, на этотъ разъ въ сопровожденіи Леониды.

— Сударыня, вотъ моя кліентка; нужно же чѣмъ нибудь кончить.

Видъ посѣтительницы заставилъ ее содрогнуться. Графиня разсматривала эту дѣвушку, разодѣтую въ яркіе цвѣта, съ чолкой жесткихъ черныхъ волосъ, ниспадавшей до бровей, съ ея широкимъ обрюзглымъ лицомъ, съ отпечаткомъ грязнаго разврата на всемъ ея существѣ, изношенномъ десятилѣтней проституціей. Боже мой, такъ вотъ для кого измѣнялъ ей мужъ: для такихъ созданій, обреченныхъ смолоду на самое низкое паденіе!

— Надо чѣмъ нибудь покончить,—настаивалъ Бушъ,—потому что моя кліентка очень занята въ улицѣ Фейдо.

— Въ улицѣ Фейдо!—повторила графиня, не понимая.

— Ну да, она тамъ... знаете, въ такомъ домѣ.

Совершенно растерявшись, графиня бросилась запирать трещащими руками дверцы полуотвореннаго алькова. Алиса въ лихорадочномъ забытій пошевелилась подъ одѣяломъ. Только бы она опять уснула, чтобъ ничего не видѣть и не слышать!

Между тѣмъ Бушъ продолжалъ:

— Вотъ, сударыня, поймите... Эта дѣвица поручила мнѣ свой искъ, такъ что я являюсь только ея повѣреннымъ. Поэтому-то мнѣ и хотѣлось, чтобы она пришла сюда сама, лично

объяснить сущность своихъ претензій!.. Ну же, Леонида, говорите!

Но дѣвицѣ Кронъ было не по себѣ; она оробѣла, стѣсняясь навязанной ей ролью, и подняла на еврея свои большіе мутные глаза побитой собаки. Однако надежда получить тысячу франковъ развязала ей языкъ.. Посѣтительница заговорила охрипшимъ съ перепоею голосомъ, между тѣмъ какъ Бушъ снова развернулъ передъ графиней расциску ея покойнаго мужа.

— Это все вѣрно; эту бумагу выдалъ мнѣ господинъ Шарль... Я была дочь работника, Крона-рогоносца, какъ его называли, можетъ быть, изволите помнить, сударыня?... А господинъ Шарль вѣчно гонялся за моими юбками и приставалъ ко мнѣ съ разными гадостями. Меня это сердило. Когда молодая — не правда ли? — ничего не понимаешь такого... житейскаго и ужъ къ старикамъ тебя, конечно, не тянетъ... Такъ вотъ господинъ Шарль и подписалъ мнѣ эту бумагу однажды вечеромъ, когда увелъ меня въ конюшню.

Выпрямившись во весь ростъ, точно ее распинали, слушала графиня грязныя рѣчи, какъ вдругъ ей почудился въ альковѣ жалобный стонъ. Въ отчаяніи она остановила Леониду:

— Замолчите!

Но та, принявшись говорить, хотѣла непременно дойти до конца.

— Какъ хотите, а это нечестно развращать молоденькую дѣвушку, если не хочешь платить ей денегъ... Да, сударыня, вашъ господинъ Шарль былъ воръ. И всѣ женщины, которымъ я рассказываю свою исторію, говорятъ то же самое... Могу смѣло поручиться, что я стоила тѣхъ денегъ, было за что и взять!

— Замолчите, замолчите! — гнѣвно крикнула графиня, потрясая въ воздухѣ руками, какъ будто готовясь раздавить неподную тварь, если она вздумаетъ продолжать.

Дѣвица Кронъ испугалась и подняла согнутый локоть, защищая лицо инстинктивнымъ жестомъ человѣка, привычнаго къ песчинамъ. Наступила напряженная тишина и вдругъ изъ алькова донеслись заглушаемые рыданія.

— Чего же вы хотите, наконецъ? — спросила хозяйка, вся дрожа отъ волненія и понизивъ голосъ.

— Но, сударыня, эта дѣвушка хочетъ, чтобы ей заплатили, — вмѣшался Бушъ. — И она, несчастная, совершенно права, утверждая, что его сіятельство, покойный графъ де-Бовильеръ поступилъ съ ней очень дурно. Это чистое мошенничество.

— Никогда я не стану платить подобнаго долга!

— Тогда, по выходѣ отсюда, мы возьмемъ карету и отправимся прямо въ судъ, чтобы подать тамъ заранее приготовленную мною жалобу. Вотъ она... въ ней упомянуты всѣ факты, приведенные этой барышней.

— Милостивый государь, это отвратительный шантажъ и вы не поступите такимъ образомъ.

— Извините, сударыня, поступлю и притомъ безотлагательно. Дѣла дѣлами и останутся; ими не шутятъ.

Глубокое изнеможеніе, полнѣйшій упадокъ духа овладѣлъ графиней. Остатокъ гордости, поддерживавшей ее до сихъ поръ, сломился: даже гнѣвъ и всякая сила сопротивленія оставили беззащитную женщину. Она сложила руки и промолвила съ трудомъ:

— Но посмотрите, пожалуйста, до чего мы дошли. Взгляните на эту комнату. У насъ не осталось ничего, и завтра, можетъ быть, намъ придется сидѣть безъ хлѣба... Откуда же мнѣ взять такую сумму, десять тысячъ франковъ, Боже мой?

Бушъ улыбнулся съ видомъ человѣка, привыкшаго отрывать послѣднія крохи изъ подъ развалинь.

— О, дамы вашего круга всегда найдутъ какіе нибудь ресурсы, стоитъ только хорошенько поискать.

Онъ уже съ минуту внимательно присматривался къ старинному ларчику на каминѣ, оставленному тамъ графиней поутру, когда она кончала разборку вещей изъ чемодановъ; еврей угадалъ своимъ безошибочнымъ чутьемъ, что тамъ хранятся драгоценности, и инстинктъ не обманулъ его. Жадный взглядъ ростовщика загорѣлся такимъ огнемъ, что графиня поняла, куда онъ метить.

— Нѣтъ, нѣтъ! — воскликнула она. — Мои драгоценности, ни за что!

И старуха схватила ларецъ, какъ будто защищая свою собственность. То были послѣднія дорогія вещи, много лѣтъ переходившія изъ рода въ родъ. Она сберегла ихъ, не смотря

на горькую нужду, и теперь онѣ составляли ея послѣдній ресурсъ.

— Никогда! Я скорѣе соглашусь, чтобы у меня вырѣзали кусокъ мяса!

Но тутъ кто-то постучался и въ комнату вошла Каролина. Она прѣехала страшно разстроенная и еще болѣе взволновалась тяжелой сценой, на которую ей пришлось неожиданно наткнуться. Сконфуженная посѣтительница проворчала, обращаясь къ хозяйкѣ: „не беспокойтесь, пожалуйста“ и ушла бы сію же минуту, еслибъ не умоляющій жестъ графини. Каролина поняла, что ее просятъ остаться; не говоря ни слова, она прѣехала въ сторонкѣ, въ глубинѣ комнаты.

Бушъ надѣлъ шляпу, между тѣмъ какъ Леонида, чувствовавшая себя болѣе и болѣе неловко, пятилась къ двери.

— Итакъ, сударыня, намъ остается только уйти...— произнесъ Бушъ.

Однако онъ не уходилъ, а, напротивъ, принялся снова рассказывать гнусную исторію съ распиской въ самыхъ наглыхъ выраженіяхъ, какъ будто желая унижить графиню передъ новымъ лицомъ, прикидываясь въ тоже время, будто бы Каролина совершенно ему незнакома, какъ онъ поступалъ всегда, когда былъ занятъ дѣломъ.

— Прощайте же, сударыня; мы прямо отправляемся въ судъ. Не пройдетъ и трехъ дней, какъ исторія будетъ опубликована въ газетахъ со всѣми подробностями. Вы сами этого хотѣли.

Въ газетахъ! Такой позоръ, огласка какъ разъ на развалинахъ ея дома... Мало того, что бывшее богатство разсыпалось прахомъ, нужно еще, чтобы все обрушилось въ грязь! Нѣтъ, пускай хоть честь имени будетъ спасена. И графиня машинально открыла завѣтный ларчикъ. Въ немъ лежали серги, браслетъ, три перстня, брилліанты и рубины въ старинной оправѣ.

Бушъ съ живостью приблизился къ хозяйкѣ.

— О, тутъ не будетъ на десять тысячъ франковъ. Позвольте мнѣ взглянуть.

И онъ принялся вынимать украшенія одно за другимъ, вертѣлъ ихъ, поднималъ къ свѣту своими толстыми пальцами.

которые дрожали, точно у влюбленнаго; ростовщикъ питалъ настоящую чувственную страсть къ драгоценнымъ камнямъ. Чистота рубиновъ, повидимому, привела его въ особенный восторгъ. А эти старинные брилліанты! Если грань на нихъ несовсѣмъ безупречна, зато какая чудная вода.

— Шесть тысячъ франковъ!—произнесъ онъ грубымъ голосомъ оцѣнщика, скрывая свое волненіе подъ этой небрежно-кинутой цифрой.—Здѣсь идутъ въ счетъ одни камни, а золото годно только въ ломъ. Впрочемъ, мы согласны удовольствоваться и шестью тысячами франковъ.

Однако эта жертва была слишкомъ тяжела для графини. Въ ней закипѣлъ прежній гнѣвъ; она взяла свои драгоценности отъ ростовщика и судорожно сжала ихъ въ рукахъ. Нѣтъ, нѣтъ! Это уже слишкомъ! Требовать отъ нея, чтобы она бросила въ пропасть и эти послѣднія вещицы, которыя носила ея мать и которыя должна была надѣть Алиса въ день своей свадьбы. Жгучія слезы брызнули у нея изъ глазъ и потекли по щекамъ въ такомъ трагическомъ порывѣ горя, что смущенная Леонида почувствовала къ ней глубокую жалость и стала тянуть Буша за сюртукъ, съ намѣреніемъ увести его отсюда. Она хотѣла непремѣнно уйти, ей больно причинять столько горя этой бѣдной почтенной особѣ, которая казалась такой доброй. Но еврей, не поморщившись, наблюдалъ за ходомъ тяжелой сцены, вполне увѣренный, что теперь ему позволять унести хоть все имущество. Онъ зналъ по опыту, что за приступами слезъ у женщинъ наступаетъ малодушная слабость, и хлоднокровно выжидалъ.

Пожалуй, споръ могъ еще затянуться, еелибы въ эту минуту не раздался слабый, еле слышный голосъ, прерываемый рыданіями. Это Алиса кричала изъ глубины алькова.

— О, мама, они меня убиваютъ... Отдай имъ все, пускай они все унесутъ! О, мама, вели имъ уйти. Они меня убиваютъ, убиваютъ!

Тутъ графиня отчаянно махнула рукой, какъ будто разставалась съ жизнью. Дочь услышала, дочь умирала отъ стыда. И она швырнула драгоценности Бушу, едва давъ ему время положить на столъ расписку графа, послѣ чего вытолкала его за дверь, вслѣдъ за Леонидой, успѣвшей уже исчезнуть. Потомъ г-жа де-Бовильеръ отворила альковъ и упала головой на

подушку Алисы. Обѣ они были добиты въ конецъ и могли только вмѣстѣ плакать!

Каролина, возмущенная до глубины души, чуть было не вмѣшалась въ эту сцену. Неужели она позволить презрѣнному ростовщику грабить двухъ беззащитныхъ женщинъ? Но грязная исторія, рассказанная въ ея присутствіи, смутила г-жу Дюрье. Чтò дѣлать во избѣжаніе скандала? Вѣдь Бушъ не шутить и непремѣнно исполнить свои угрозы. Да и сама Каролина стѣснялась его; у нея были съ нимъ общія тайны касательно происхожденія Виктора. Ахъ, какая бездна страданій и сколько грязи кругомъ! Непріятное замѣшательство все сильнѣе овладѣвало ею. Ну, къ чему она прибѣжала сюда, если не находила ни одного слова утѣшенія для этихъ несчастныхъ и не могла принести имъ ни малѣйшей пользы? Всѣ фразы, приходившія ей въ голову, вопросы и даже малѣйшіе намеки на вчерашнюю драму казались г-жѣ Дюрье оскорбительными, неловкими, невозможными, въ присутствіи жертвы, еще не успѣвшей опомниться и жестоко томившейся своимъ позоромъ. Нѣтъ, утѣшать ее было бы слишкомъ рискованно. И какую матерьяльную помощь, которая не показалась бы обидной милостыней, въ состояніи оказать она графинямъ? Вѣдь у нея у самой нѣтъ теперь ничего; она почти нуждается, не знаетъ, какъ свести концы съ концами, ожидая исхода судебного процесса. Наконецъ Каролина, вся дрожа отъ волненія, жгучей жалости и стыда, подошла къ обѣимъ женщинамъ съ глазами, полными слезъ, съ открытыми объятіями.

Въ глубинѣ банальнаго алькова меблированного отеля, эти два несчастныхъ созданія, убитыя, уничтоженныя, представляли все, чтò осталось отъ древняго графскаго рода де-Бовильеровъ, нѣкогда такого могущественнаго, окруженнаго царственнымъ величіемъ. Ему когда-то принадлежали земли, равнявшіяся по своему протяженію цѣлому королевству, берегъ Луары на двадцать лѣь былъ его собственностью; замки, луга, поля и лѣса приносили несмѣтные доходы. Эта громадная поземельная собственность постепенно таяла, уходила съ вѣками, а графиня де-Бовильерь выпустила изъ рукъ своихъ послѣдній обломокъ, поглощенный одной изъ тѣхъ бурь биржевой спекуляціи, въ которыхъ бѣдная женщина не смыслила ничего: сначала сюда ушли двадцать тысячъ,

накопленныя по грошамъ въ приданое Алисы, потомъ шестьдесятъ тысячъ, занятыя подъ залогъ фермы Облэ, а наконецъ и самая ферма. Отель въ улицѣ Сень-Лазаръ не могъ покрыть всѣхъ долговъ. Сынъ графини умеръ вдали отъ нея и безъ славы. Единственную дочь привезли ей истерзанную, опозоренную разбойникомъ, какъ приносятъ съ улицы ребенка, раздавленнаго экипажемъ, истекающаго кровью и перепачканнаго въ грязи. И вотъ графиня, когда-то важная знатная дама, худощавая, высокая, со своимъ величественнымъ видомъ и почтенной сѣдой головой,—обратилась теперь въ жалкую старуху, одряхлѣвшую, сломленную рядомъ катастрофъ. Возлѣ нея Алиса, некрасивая, старообразная, со своей неграціозной длинной шеей, выступавшей изъ вѣрота небрежно растегнутой рубашки, смотрѣла передъ собою безумными глазами, въ которыхъ сказывалось неисходное горе женщины, потерявшей послѣднюю опору своей благородной гордости — дѣвическое цѣломудріе. И обѣ онѣ рыдали, рыдали безъ конца.

Каролина, не сказавъ ни слова, обняла ихъ и крѣпко прижала къ сердцу. Не находя утѣшенія, она плакала вмѣстѣ съ ними. Несчастныя женщины поняли ее, и ихъ слезы потекли еще обильнѣе, но это принесло имъ облегченіе. Если нельзя поправить случившагося, то вѣдь все таки надо же какъ нибудь жить! Очутившись снова на улицѣ, г-жа Дюрье увидала Буша, погруженнаго въ дѣловое совѣщаніе съ Мешенъ. Онъ остановилъ свободный фіакръ, втокнулъ туда Леониду, а самъ исчезъ. Замѣтивъ, что Каролина спѣшитъ своей дорогой, Мешенъ направилась прямо къ ней. Вѣроятно, она ее поджидала, потому что немедленно заговорила о Викторѣ, очевидно, зная о вчерашнемъ происшествіи въ домѣ трудолюбія. Съ тѣхъ поръ какъ Саккаръ отказался уплатить остальные четыре тысячи франковъ, она не переставала бѣситься, изыскивая всѣ способы извлечь какую нибудь пользу изъ этого дѣла. Такимъ образомъ, Мешенъ узнала о несчастіи съ Алисой на бульварѣ Бино, куда часто заходила, выжидая благопріятнаго случая. Вѣроятно, у нея заранѣе былъ выработанъ планъ; по крайней мѣрѣ, она заявила Каролинѣ, что намѣрена тотчасъ приступить къ попыткамъ бѣглеца. Несчастный ребенокъ! это безчеловѣчно

предоставлять его дурнымъ инстинктамъ; мальчика, напротивъ, слѣдуетъ спасти, если близкіе люди не желаютъ увидѣть въ одинъ прекрасный день этого отчаяннаго сорванца передъ судомъ присяжныхъ. Во время этихъ разлагольствованій, глазки толстухи, заплывшіе жиромъ между толстыхъ щекъ, такъ и впивались въ Каролину. Мешень наслаждалась ея замѣшательствомъ, радовалась, что она такъ разстроена, въ полной надеждѣ постоянно вымогать у нея монеты въ сто су, если удастся найти мальчишку.

— Итакъ, сударыня, между нами рѣшено, что я беру на себя это дѣло... Если вы пожелаете узнать что нибудь отъ меня, то вамъ не надо отправляться въ такую даль, въ улицу Меркадэ; зайдите просто къ г-ну Бушу, въ улицу Фейдо; тамъ я бываю ежедневно около четырехъ часовъ.

Каролина вернулась въ улицу Сень-Лазарь съ новой мучительной тревогой въ сердцѣ. Викторъ, — это чудовище, вырвавшееся на волю, — блуждаетъ теперь, богъ вѣсть по какимъ мѣстамъ, выслѣживаемый полиціей; кто знаетъ, какимъ злодѣйствомъ утолить онъ наслѣдственные инстинкты кровожадности, рыская среди людей, какъ голодный волкъ! Она позавтракала наскоро, взяла наемный экипажъ и поѣхала на бульваръ Бино, сторая нетерпѣніемъ разузнать подробнѣе о случившемся; у нея было достаточно времени до посѣщенія Консьержери. Но дорогѣй г-жа Дюрье въ своемъ мучительномъ разстройствѣ вздумала искать помощи новыми путями; ею овладѣла мысль заѣхать къ Максиму, привести его въ домъ трудолюбія и заставить заняться судьбою Викторъ, который все таки приходился ему братомъ. Только онъ одинъ остался богатымъ и могъ принести существенную пользу, принявъ участіе въ этомъ несчастномъ дѣлѣ.

Но, доѣхавъ до Аллеи императрицы, Каролина почувствовала, какъ ее охватываетъ холодъ еще въ снѣгахъ маленькаго роскошнаго отеля. Обойщики снимали ковры и драпировки, лакеи надѣвали чехлы на мебель и люстры; всѣ хорошенькія вещицы были сняты, разложены по столамъ и распространяли нѣжный слабѣющій аромать, точно букетъ, выброшенный на другой день послѣ бала. Въ глубинѣ спальни г-жа Дюрье нашла Максима между двумя громадными чемоданами, надъ укладкой которыхъ трудился камердинеръ. Они были напол-

нены до верху различными принадлежностями туалета, богатыми и деликатными, точно приданое новобрачной. Глаза разбѣгались, глядя на эту роскошь.

Увидѣвъ Каролину, Максимъ заговорилъ первый, холоднымъ сухимъ тономъ:

— Ахъ, это вы! Очень кстати; по крайней мѣрѣ, мнѣ не надо вамъ писать... Я уѣзжаю ото всѣхъ этихъ скандаловъ.

— Какъ, вы уѣзжаете?

— Сегодня же вечеромъ; я намѣренъ провести зиму въ Неаполѣ.

И, отославъ жестомъ камердинера, онъ продолжалъ:

— Ну, какъ вы думаете, приятно мнѣ, что отецъ сидитъ шесть мѣсяцевъ въ Консьержери? Неужели еще дожидаться, когда онъ будетъ фигурировать на судѣ исправительной полиціи?... Ужъ на что я ненавижу путешествія, а нечего дѣлать! Впрочемъ, климатъ тамъ прекрасный и я захватилъ съ собою почти все необходимое; можетъ быть, не особенно соскучусь...

Она смотрѣла на него, такого безукоризненнаго, такого красиваго, смотрѣла на переполненные чемоданы, куда не попало ненарокомъ ни одной женской тряпки—жены или любовницы; нѣтъ, тутъ все было приспособлено только къ культу самого себя. Однако г-жа Дюрье рискнула заговорить о своемъ дѣлѣ.

— А я рассчитывала на васъ; думала, что вы окажете мнѣ одну услугу...

И она рассказала про Виктора, натворившаго столько мерзостей, а затѣмъ убѣжавшаго изъ дома трудолюбія и способнаго на всякое преступленіе.

— Намъ нельзя покинуть его на произволъ судьбы. Поѣдемте со мною! Давайте хлопотать сообща...

Максимъ не далъ ей договорить. Смертельно блѣдный, онъ стоялъ передъ гостью, весь дрожа; ему казалось, будто чья-то злодѣйская грязная рука легла ему на плечо.

— Вотъ какъ! Только этого не доставало!.. Отецъ воръ, братъ убійца... Я слишкомъ долго медлилъ; мнѣ слѣдовало уѣхать еще на прошлой недѣлѣ. Но это отвратительно, гнусно—ставить въ подобное положеніе такого человѣка, какъ я!

Каролина настаивала: тогда Максимъ отвѣчалъ наглымъ тономъ:

— Ахъ, отвяжитесь отъ меня, пожалуйста! Если вамъ нравятся всѣ эти гадкія передряги, такъ и возитесь съ ними. Я васъ предостерегъ; пеняйте сами на себя, если приходится плакать. Что же касается меня, то я скорѣе вымету всѣхъ этихъ людей въ уличную канаву, какъ негодный соръ, чѣмъ поступлюсь однимъ своимъ волоскомъ.

Тогда она встала.

— Такъ прощайте же!

— Прощайте!

Уходя, Каролина видѣла, какъ Максимъ позвалъ обратно камердинера и заставилъ его укладывать подъ своимъ присмотромъ туалетный несесеръ, въ которомъ каждая вещь изъ позолоченнаго серебра была художественной работы. Особенно хороша была умывальная чашка съ гравированнымъ хороводомъ амуровъ. При видѣ сборовъ этого сибарита, уѣзжавшаго отсюда, ради забвенія и лѣнивой нѣги подъ яркимъ солнцемъ Неаполя, Каролина вдругъ представила себѣ фигуру другаго брата, бродящаго темной ночью, во время оттепели, по отдаленнымъ закоулкамъ Ла-Виллеты или Шаронны, голоднаго, съ ножомъ, зажатымъ въ рукѣ. Не служилъ ли такой поразительный контрастъ отвѣтомъ на вопросъ о значеніи денегъ, которыя, пожалуй, концентрируютъ въ себѣ и здоровье, и воспитаніе, и умственное развитіе? Если та же грязь осаждается на днѣ каждой человѣческой души, то, можетъ быть, вся цивилизація сводится къ единственному преимуществу одного человѣка передъ другимъ, заключающемуся въ томъ, чтобы отъ васъ хорошо пахло и вы жили посреди комфорта?

Приѣхавъ въ домъ трудолюбія, Каролина почувствовала страшную злобу противъ безумной роскоши заведенія. Зачѣмъ было строить эти два величавыхъ флигеля, соединенныхъ монументальнымъ павильономъ для администраціи? Къ чему эти лужайки съ деревьями и цвѣтниками, громадныя, какъ парки, фаянсовая облицовка кухонь, мраморъ столовыхъ, широчайшія лѣстницы и коридоры, пригодные для дворца? Къ чему, наконецъ, вся эта грандіозная благотворительность, если даже въ этой здоровой средѣ, въ этомъ довольствѣ, нельзя исправить вырождковъ человѣчества, сдѣлать изъ ис-

порченного ребенка здороваго челоуѣка съ правильнымъ, здоровымъ сужденіемъ? Г-жа Дюрѣ тотчасъ пошла къ директору и засыпала его вопросами, желая узнать все подробно. Но драма оставалась темной; онъ могъ повторить ей только то, что Каролина слышала раньше отъ княгини. Поиски все еще продолжались и въ самомъ домѣ, и вокругъ него, не приведя однако ни къ какимъ результатамъ. Виктора и слѣдъ простылъ, онъ блуждалъ гдѣ-то по городу, въ страшной области неизвѣстнаго. Денегъ у него, вѣроятно, не было, такъ какъ опорожненное имъ портмонэ Алисы заключало въ себѣ всего три франка четыре су. Кромѣ того, директоръ не хотѣлъ прибѣгать къ содѣйствию полиціи, чтобъ не допустить огласки дѣла, позорившаго несчастныхъ графинь де-Бовильеръ. Каролина поблагодарила его за такую деликатность и обѣщала сама не обращаться въ префектуру, не смотря на пылкое желаніе узнать, что стало съ бѣглецомъ. Однако ей было неприятно уѣхать ни съ чѣмъ и она вздумала разспросить сестеръ милосердія, состоявшихъ при лазаретѣ. Но и тѣ не могли сообщить ей ничего неопредѣленнаго, и она только успокоилась немного отъ своей тревоги въ маленькой тихой комнаткѣ, отдѣлявшей спальню мальчиковъ отъ спальни дѣвочекъ. Веселый шумъ доносился до нея снизу. Былъ часъ рекреаци и Каролина почувствовала, что она неправа: чистый воздухъ, довольство и трудъ оказывали свое цѣлебное дѣйствіе на питомцевъ. Между ними несомнѣнно выросли порядочные люди. Если на четверыхъ или пятерыхъ субъектовъ средняго уровня честности приходился одинъ негодяй, это было бы еще сносно, посреди случайностей, усиливающихъ или ослабляющихъ наслѣдственные пороки.

И Каролина, оставленная на минуту одна дежурной сестрой, подошла къ окну взглянуть на игры дѣтей въ саду, какъ вдругъ ее привлекли тоненькіе, мелодичные голоса дѣвочекъ въ лазаретѣ; дверь оказалась полуотворенной, и она могла ихъ видѣть, не замѣченная ими. Лазаретъ, сіявшій бѣлизной, съ бѣлыми стѣнами, съ четырьмя кроватями, драпированными бѣлымъ, представлялъ очень веселый видъ. Солнце щедро золотило его своими лучами, и дѣтскія кровати походили на бѣлые цвѣты въ тепломъ воздухѣ. На ближайшей койкѣ слѣва г-жа Дюрѣ узнала Магдалину, ту самую

дѣвочку, которая лакомилась тартинками съ вареньемъ въ день поступленія Виктора въ домъ трудолюбія. Она часто хворала, подтачиваемая алкоголизмомъ своей расы, и была до того малокровна, что походила, со своими большими глазами сложившейся женщины, на изображеніе святой. Ей минуло тринадцать лѣтъ, и теперь Магдалина осталась круглой сиротой; ея мать умерла; какъ-то ночью послѣ сильнаго пьянства одинъ мужчина ударилъ ее ногой въ животъ, чтобъ не платить ей шести су, на которыхъ они стоворились. Въ длинной ночной рубашкѣ дѣвочка стала на колѣни на своемъ тюфячкѣ; распущенные бѣлокурые волосы рассыпались у нея по плечамъ; она сложила руки и учила молиться троихъ дѣвочекъ поменьше, лежавшихъ на другихъ койкахъ.

— Ну, дѣлайте, какъ я: сложите руки, откройте ваши сердца передъ Господомъ...

Малютки тоже стали на колѣни. Двѣ изъ нихъ были лѣтъ восьми, а третья всего пяти. Въ длинныхъ бѣлыхъ сорочкахъ, набожно сложивъ тоненькія ручонки, съ серьезными восторженными личиками, онѣ походили на ангеловъ.

— Теперь повторяйте за мной. Слушайте хорошенько: „Господи, воздай г-ну Саккару за его доброту, ниспошли ему долгіе годы и счастье“.

И тоненькіе нѣжные голоса херувимовъ, шепелявившіе съ очаровательной неловкостью дѣтства, принялись повторять съ набожнымъ усердіемъ, охватившимъ все ихъ непорочное существо:

— Господи, воздай г-ну Саккару за его доброту, ниспошли ему долгіе годы и счастье.

Г-жа Дюрье въ пылу гнѣва была готова войти въ комнату и заставить молчать этихъ крошекъ, запретить имъ то, что ей казалось богохульствомъ и непристойной забавой. Нѣтъ, нѣтъ, Саккаръ не имѣлъ права на любовь этихъ чистыхъ существъ; позволять имъ молиться за его счастье—значило осквернять ихъ дѣтскую непорочность. Но вдругъ Каролину остановила нервная дрожь и на глаза ея набѣжали слезы. Зачѣмъ она будетъ навязывать свое негодование чело-вѣка, искушеннаго жизнью, жестокою горечью, накопившуюся у нея въ сердцѣ, этимъ невиннымъ созданіемъ, не знавшимъ пока ничего? Развѣ Саккаръ не оказывалъ имъ доброты? Въдѣ

онъ былъ отчасти соиздателемъ этого дома и каждый мѣсяцъ посылалъ имъ игрушки. Глубокое волненіе охватило ее; теперь она невольно убѣждалась, что нѣтъ человѣка, который заслуживалъ бы безусловнаго осужденія; какъ бы ни было велико сдѣланное имъ зло, къ нему непремѣнно примѣшивается много и добра. И Каролина уѣхала, пока дѣвчурки опять и опять принимались твердить молитву; въ ухахъ у нея долго звучали ангельскіе голосочки, призывавшіе благословеніе неба на человѣка, дѣйствовавшаго съ безсознательностью стихійной силы, вызывавшаго кровавыя катастрофы,—на того, чьи безразсудныя руки только что разрушили цѣлый міръ.

(Окончаніе будетъ).

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Весна—недалекд... весна не за горами,
Уже летать гонцы весны...
Опять душа полна неясными мечтами,
Волнують умъ несбыточные сны.
И сбросить хочется скорѣй съ себя вериги
Работы каторжной, надѣтыя нуждой,
Оставить, позабыть докучливыя книги,
И споръ бесплодный и пустой,
И убѣжать туда, гдѣ грудь свободно дышетъ,
Гдѣ пѣсни нѣжатъ слухъ, цвѣты ласкаютъ взоръ,
Гдѣ вѣтеръ тростники прибрежные колышетъ,
Гдѣ—воля и просторъ,—
Чтобъ тамъ душистыми и теплыми ночами,
Внимая соловью, задумчиво бродить,
Когда глаза полны блаженными слезами,
А сердце—жаждою любить!

А. Кругловъ.

ОЧЕРКИ СРЕДНЕВѢКОВОЙ ЖИЗНИ

II.

Ща и питье.—Наемъ кухарки.—Рынки и разношники.—Устройство кухни.—
Приготовленіе кушанья.—Обѣдъ.—Пирь.—Хорошій тонъ ¹⁾).

Чтобы былъ обѣдъ, надо имѣть кухарку,—эта великая истина шествовала и въ средніе вѣка, иначе она не была бы истиной. Поэтому, когда молодая дѣвушка выходила замужъ, первой ея затой было прискаты кухарку. У богатыхъ буржуа и аристокра- въ были метрдотели и экономки, которые нанимали прислугу, а хозяйкѣ изъ мелкой буржуазіи приходилось дѣлать это самой. Въ XIII вѣкѣ, въ Парижѣ уже можно было отправиться съ этою мью въ улицу Конторщицъ (rue des Commanderesses) и обратиться къ обязательной госпожѣ Изабель, которая за небольшое вознагражденіе рекомендовала служанокъ. Если же тутъ не оказывалось подходящаго выбора, можно было пройти въ пріютъ, содержи- ий монахинями (называвшимися Catherinettes), куда принимали дныхъ дѣвушекъ безъ мѣста; тутъ ихъ кормили и поили даромъ лоть до того дня, когда онѣ находили себѣ мѣсто. Это былъ мый вѣрный и самый дешевый способъ получить хорошую при- ругу, потому что монахини, конечно, и съ нанимателя ничего не ли за комисію.

Уже въ тѣ отдаленныя отъ насъ времена старались не брать услуги безъ рекомендаціи; по крайней мѣрѣ, такъ поступали бо- состоятельные люди. Вотъ какой совѣтъ даетъ хозяйкамъ въ французскій писатель XIV вѣка: «Не нанимайте горничной, зная, гдѣ она жила прежде. Пошлите туда вашихъ людей и

¹⁾ А. Franklin: «La vie privée d'autrefois»; P. Lacroix: „Moeurs, usages et costumes“.

справьтесь, сколько времени она жила у своихъ прежнихъ господъ, что она дѣлала и что умѣетъ дѣлать, есть ли у нея знакомства въ городѣ, откуда она родомъ, почему она оставила прежнее мѣсто. Вашъ метрдотель долженъ записать въ своей расходной книгѣ день, когда вы наняли ее, ея имя и имена родителей, а также ея поручителей; тогда ваши горничныя больше будутъ бояться не угодить вамъ, потому что будутъ знать, что, если онѣ покинутъ васъ самовольно, вы пожалуетесь ихъ родственникамъ и друзьямъ». «Надо слѣдить за своими людьми,—говорить тотъ же авторъ,—учить ихъ и исправлять, не позволять имъ ссориться, браниться и употреблять скверныя слова. Слуги обѣдаютъ послѣ господъ. Одного блюда имъ достаточно, только бы оно было обильно и питательно. Наблюдайте, чтобы они не сидѣли слишкомъ долго за столомъ, потому что это ведетъ только къ пустымъ разговорамъ и спорамъ». Прислуга должна ложиться, когда погасятъ каминъ. У cadaго изъ нихъ должна быть своя свѣча въ устойчивомъ подсвѣчникѣ съ широкой ножкой. Свѣчу они должны ставить посреди комнаты и гасить ее раньше, чѣмъ ложиться спать, а не въ ту минуту, «какъ снимаютъ рубашку». Въ то время спали безъ рубашки, но снимали ее уже въ постели и клали подъ подушку. «Если у васъ есть горничныя отъ 15—20 лѣтъ,—говорится въ томъ же сочиненіи,—примите во вниманіе, что онѣ глухи въ такомъ возрастѣ и еще не знаютъ свѣта; кладите ихъ спать рядомъ съ собою въ такой комнатѣ, гдѣ не было бы никакихъ оконъ, и особенно выходящаго на улицу».

Нанявъ кухарку, хозяйка могла посылать ее за провизіей на рынокъ или ждать, когда пройдетъ мимо ея дома разнощикъ. За говядиной приходилось отправляться на площадь Шатела, гдѣ помещались мясныя лавки. Для продажи морской рыбы существовалъ отдѣльный рынокъ; тутъ уже въ XIV вѣкѣ держали множество разныхъ сортовъ: семгу, палтуса (тюрбо), камбалу нѣсколькихъ видовъ, головлей, макрелей, мерлановъ, осетровъ, петрову рыбу, угрей, скатовъ, треску, барвену, сардины, китовыя языки (остатнаго кита не ѣли), омаровъ, разныя ракушки. Сюда приходило особенно много въ постные дни, когда ѣсть мяса не полагалось. При всемъ желаніи, купить его нельзя было, потому что мясныя лавки запирались. Хозяйка, не нашедшая на этомъ рынкѣ ничего подходящаго по вкусу или по цѣнѣ, могла обратиться къ корпораціи рыбаковъ, занимавшихся ловлею рыбы въ Сенѣ продававшихъ рѣчные сорта. Дичь можно было купить въ лавкахъ, торговавшихъ исключительно курами, утками, гусями и дичью птичьей живностью. Такъ называемые пирожник держали

широги, начиненные свининой, дичью или рыбой, творогомъ, яйцами. За укусомъ приходилось обратиться къ торговцу, занимавшемуся изготовленіемъ этого предмета, за горчицей къ другому, за оливковымъ масломъ къ третьему; такимъ образомъ, закупка провизіи отнимала немало времени. Но и этого неудобства можно было избѣжать. Стоило только зайти въ лавку, хозяинъ которой скупалъ разныя вещи въ специальныхъ торговляхъ и перепродавалъ ихъ. Тутъ предлагали, хлѣбъ, соль, яйца, сыръ, овощи, рыбу, дичь, лукъ, фрукты, финики, винныя ягоды, перецъ, корицу и другія пряности. Приходилось, конечно, заплатить подороже и дать накупиться мелочному торговцу, но зато получалась большая экономія времени. На одной улицѣ нельзя было встрѣтить и лавку съ дичью, и булочника, потому что торговцы, занимавшіеся однимъ и тѣмъ же дѣломъ, жили въ томъ же кварталѣ; въ одномъ мѣстѣ, напр., портной за портнымъ, въ другомъ сапожникъ за сапожникомъ. Только по субботамъ, даже самымъ экономнымъ людямъ не приходилось заходить въ двадцать мѣстъ; въ этотъ день всѣ купцы открывали свои лавки и несли товаръ на рынокъ Шампо. Цѣны на этомъ огромномъ базарѣ оставались тѣ же, хотя купцы платили королю отдѣльную пошлину; покупать здѣсь было удобнѣе, потому что торговали на открытомъ воздухѣ, и лучше можно было рассмотреть товаръ, чѣмъ въ полутемныхъ лавчонкахъ.

Но можно было закупить много провизіи, не выходя изъ дому. Разнощики ходили по всему Парижу и выкрикивали свой товаръ; то былъ въ средніе вѣка единственный способъ рекламы, существующій у насъ до сихъ поръ, между тѣмъ какъ за границей разносная торговля и тѣмъ болѣе зазыванье давно отжили свой вѣкъ. Зазыванье запрещено было еще въ XIII вѣкѣ; по ремесленнымъ ставамъ, торговцы не имѣли права стоять у своихъ лавокъ и вываливать товаръ, чтобы не нанести этимъ ущерба сосѣду. На парижскихъ улицахъ, одинъ за другимъ появлялись разнощики съ рыбой, дичью, мясомъ, солониной, медомъ, овощами, масломъ, сыромъ. Всѣ они, не жалѣя легкихъ, орали во всю глотку, наприкладъ: у меня хорошій сыръ изъ Шампаньи, у меня сыръ Бри». Женщины продавали всего чаще молоко, муку, фрукты и яйца. Онѣ кричали: «вотъ молоко, сосѣдки, вотъ молоко». Предлагали свои слуги и по части починки платья. Раздавался такой крикъ: «у кого есть разорванное платье, несите мнѣ, я починю». «Я умѣю очинить скамейку, — хвастался другой, — я хорошо умѣю починить замью». «Я могу исправить попорченную посуду», кричалъ третій. Разносили дрова, уголь, свѣчи. «Мѣшокъ угля за денье». «Вотъ свѣчи, горяція ярче звѣзды». Эти разнощики, называвшіеся кри-

кунами (cigoungs), составляли отдельные ремесленные корпорации; да-
 нась дошли довольно подробныя свѣдѣнія о дѣятельности крику-
 новъ вина. Торговцы виномъ въ розницу платили въ пользу го-
 рода извѣстную пошлину съ бочки; разношники обязаны были съ
 одной стороны вести счетъ початымъ бочкамъ, а съ другой—рас-
 пространять продажу вина. Поутру крикунъ входилъ въ первый
 попавшійся трактиръ ¹⁾ и хозяинъ обязанъ былъ принять его. Раз-
 ношникъ наблюдалъ за разливомъ вина или самъ разливалъ его и
 пробовалъ. Затѣмъ трактирщикъ давалъ ему сосудъ для вина и
 кружку, и онъ отправлялся по городу, выхваливая вино и его не-
 обыкновенную дешевизну, давалъ прохожимъ отвѣдать хваленаго
 напитка. Крикунъ долженъ былъ прийти къ торговцу очень рано,
 чтобы успѣть разлить вино до того часа, когда начиналась разнос-
 ная торговля. Если въ это время входилъ въ лавку другой раз-
 ношникъ, хозяинъ имѣлъ право отослать его; но обязанъ былъ дать
 ему вина на другой день. Разношники обязаны были распростра-
 нять королевское вино. Орлеанская провинція, съ своими громад-
 ными виноградниками, представляла тогда коронное имѣніе. Осенью,
 когда виноградъ былъ снятъ, привозили королевское вино въ Па-
 рижъ и официально объявляли, что оно поступаетъ въ продажу.
 Каждый трактирщикъ получалъ часть привезенной партіи и обя-
 занъ былъ распродать ее за счетъ короля. Въ день, когда начи-
 налась продажа, разношники ходили по всему городу и торже-
 ственно выкрикивали, что продается вино короля. Разношники торго-
 вали виномъ два раза въ день, исключая воскресенья, пятницы,
 праздниковъ и тѣхъ случаевъ, когда умиралъ король, королева или
 кто нибудь изъ королевскихъ дѣтей. Купцы платили разношникамъ
 по четыре денье (2 франка) въ день; то же самое давалъ и король
 за продажу своего вина. Изъ этихъ денегъ разношникъ долженъ
 былъ выплатить въ муниципалитетъ по денье ежедневно. Крикунъ
 вина представляли отдельную корпорацию, совершенно независимую
 отъ виноторговцевъ и созданную для контроля надъ ними. Члены
 этой корпорации назначались и смѣшались городскимъ муниципалитетомъ.
 Трактирщики находили стѣснительной для себя обязан-
 ность допускать на погреба разношниковъ, потому что такимъ обра-
 зомъ всякая фальсификація могла легко обнаружиться. Поэтому
 они не разъ обращались къ королю съ петиціями отмѣнить этихъ
 непрощенныхъ контролеровъ, но король, получавшій съ корпора-

¹⁾ Средневѣковый трактиръ, или таверна, соответствуетъ теперешней
 marchandise de vins, гдѣ вино продается стаканами и бутылками, рас-
 вочно и на выносъ.

ци крикуновъ значительный доходъ, не считалъ нужнымъ уничтожать ее.

Какъ мы видѣли, парижская хозяйка могла закупить провизію, не отходя дальше окна. Оставалось только приготовить ее, для чего необходимо было имѣть кухню. Нечего и говорить, что кухни были во всякомъ домѣ, и даже довольно благоустроенныя. Печи дѣлались на подобіе нашихъ русскихъ печей, обширнѣйшихъ размѣровъ, такъ что туда могъ войти взрослый человѣкъ, не нагибаясь. Въ глубинѣ печи вдѣланъ крюкъ, на которомъ виситъ чугуанъ, наполненный ведромъ или двумя воды. Вокругъ него варятся кушанья въ другихъ чугунахъ поменьше или котлахъ на треножникахъ. Въ передней части печи устроены два тагана, на которыхъ варятся разныя кушанья. Надъ таганами пристроены крючки, на которыхъ висятъ шумовка, широкая ложка, совокъ, щипцы, кочерга, длинная вилка, которой вынимаютъ куски изъ горшка, вертелы. Подъ наблюденіемъ поваровъ, поваренки правильно вертятъ вертелы, а главный поваръ сидитъ на высококомъ сѣдалищѣ между буфетомъ и печкой и отсюда дѣлаетъ распоряженія. Главный поваръ,—разсказываетъ одинъ средневѣковой писатель,—долженъ приказывать и распоряжаться, и его должны слушаться; онъ долженъ имѣть сѣдалище, чтобы сидѣть и отдыхать; сѣдалище это должно стоять въ такомъ мѣстѣ, чтобы онъ видѣлъ все, что дѣлается въ кухнѣ. Въ рукахъ онъ держитъ палку, которая служитъ ему для двухъ цѣлей: ею онъ пробуетъ супъ и похлебки, и ею же выгоняетъ дѣтей изъ кухни. Вокругъ печи висятъ раздувальныя мѣхи, сковороды, рашперы, доски для вафель, ящикъ съ солью.

На длинномъ столѣ—нѣсколько мѣдныхъ кастрюль, на полкѣ надъ столомъ разныя мелкія кухонныя принадлежности: сито, рѣшето, ступка, цѣдилка, шпиковальная игла, терка. Шкапчикъ для приностей всегда закрытъ, туда убирали ящикъ съ нѣсколькими отдѣленіями: для соли, перца, корицы и т. п. Вообще говоря, кухня XIV вѣка отличалась отъ современной только тѣмъ, что въ ней очень рѣдко употреблялись мѣдныя кастрюли, а большей частью чугунныя котлы. Въ дворцовыхъ инвентаряхъ встрѣчаются серебряныя кухонныя принадлежности, на примѣръ: вертела, кастрюли, сковороды, но едва ли ихъ пускали въ дѣло, скорѣе они служили только украшеніемъ. Въ кухнѣ одной вдовствующей королевы нашли слѣдующія приности: 3 свертка миндаля, 1 фунтовъ перцу, 23 фунта инбирю, 13 фунтовъ корицы, 5 фунтовъ кардамону, 1 фунтъ шафрану, 3 фунта гвоздики, 46 фунтовъ рису, 20 фунтовъ крахмалу, 5 фунтовъ тмину, значительное количество лаванды. Всѣми этими веществами средневѣковые по-

вара приправляли свое неумѣнье готовить. Тогда думали только о томъ, чтобы поѣсть побольше, и допускали странныя сочетанія: въ одно блюдо, наприм., клали самыя разнообразныя жаркія и подавали все это вмѣстѣ. Вотъ, напримѣръ, меню обѣда въ четыре смѣны, извлеченное изъ поваренной книги XIV вѣка: 1-я смѣна. Пирогъ съ говядиной и пирожки съ рубленнымъ мясомъ; черная похлебка; миноги; нѣмецкая похлѣбка говяжья; другая говяжья похлебка; бѣлый соусъ изъ рыбы. 2-я смѣна. Жареная говядина; морская рыба; рѣчная рыба; блюдо изъ молодыхъ кроликовъ: перепела подъ горячимъ соусомъ. 3-я смѣна. Липы подъ сухорями; бланманже; молоко съ яйцами и саломъ; кабаньи хвосты подъ горячимъ соусомъ; каплуны; пироги съ лещемъ и лососиной; палтусъ, сваренный въ водѣ; пирожки съ творогомъ. 4-я смѣна. Пшеничная эмульсія; холодный шалфей; заливное изъ рыбы; жареная рыба; угри; пирогъ съ каплунами. Теперь легко было бы—говорить Франкленъ,—подать такой обѣдъ, потому что въ поваренной книгѣ подробно рассказано, какъ готовить эти блюда. Тѣмъ не менѣе, было бы жестоко пригласить кого нибудь отѣдать отъ этой стряпни, потому что при чтеніи рецептовъ волосы становятся дыбомъ. Прогрессъ въ гастрономіи шель очень медленно, и можно не безъ гордости сказать, что кулинарное искусство — приобрѣтеніе новаго времени, и притомъ приобрѣтеніе, не стоившее ни капли крови, по крайней мѣрѣ, человѣческой. Вотъ рецептъ нѣмецкой похлебки: выпустите яйца въ прованское масло; потомъ возьмите миндалю, очистите его, истолките, обратите въ жидкость; нарѣжьте луку ломтиками, сварите ихъ въ водѣ, потомъ поджарьте въ прованскомъ маслѣ, потомъ вскипятите все; затѣмъ истолките имбирю, корицы, гвоздики и немного шафрану, смоченнаго въ кисломъ виноградномъ соку; наконецъ, вскипятите пряности въ бульонѣ, который долженъ быть не слишкомъ желтымъ и густымъ.

«Рецепты другой поваренной книги удобоисполнимѣе,—говоритъ Франкленъ,—но результаты получаются такіе же плачевныя. Я говорю это по собственному опыту. Чтобы доказать моимъ читателямъ, что я не отступаю ни предъ какою жертвою, желая исполнить долгъ безпристрастнаго историка, я заказала своей кухаркѣ утку подъ краснымъ соусомъ и рубушку. Замѣьте, что утка родилась у меня, что она была съ дѣтства посвящена этому научному опыту, а потому я великолѣпно выкормилъ ее. Неблагодарность этой утки превзошла всѣ мои ожиданія. Но такъ какъ я не предоставилъ ей выбрать соусъ, подъ которымъ она должна была быть приготовлена, я и не сержусь на нее. Но зато я сохранилъ

злѣбу противъ придворнаго повара Теллевана (автора поваренной книги) и мнѣ непріятно думать, что такой король, какъ Карль V, былъ обреченъ на подобную кухню. Вотъ эти два рецепта, которые такъ дурно удались мнѣ. Утка подъ краснымъ соусомъ. Возьмите бѣлаго хлѣба и поджарьте его, какъ слѣдуетъ, помочивъ въ красномъ винѣ. Потомъ поджарьте лукъ въ топленомъ свиномъ салѣ; изъ пряностей возьмите корицы, мушкатнаго орѣха, гвоздики, сахара и соли. Вскипятите все это вмѣстѣ съ жиромъ вашей утки и, когда будетъ сварено, полейте этимъ соусомъ утку (надо думать: предварительно зажаренную). Рубушка. Возьмите только что зажаренный бараній бокъ, изрубите его на мелкіе куски вмѣстѣ съ лукомъ. Дайте этому попариться, прибавивъ туда кислаго винограднаго соку, масла, имбирнаго порошку и соли».

Посмотримъ, какіе были самые распространенные припасы въ средніе вѣка. Многіе овощи были извѣстны уже во времена Карла Великаго, напр., капуста, свекла, морковь, чеснокъ, бобы, чечевица. Знали много сортовъ капусты; лучшей считалась знаменитая въ то время капуста салисская, нынѣ не существующая; листья ея,—говоритъ одинъ старинный писатель,—издавали запахъ пріятнѣе мускуса и амбры. Огурцы считались вредными, хотя и принадлежали къ изысканнымъ овощамъ; утверждали, что жители одного мѣстечка, ѣвшіе много огурцовъ, страдали отъ этого перемежающеюся лихорадкою; фактъ этотъ самъ по себѣ былъ вѣренъ, но причиною болѣзни была болотистая мѣстность, а не огурцы. Чечевица, которая теперь признается полезной, тогда находилась подъ подозрѣніемъ; говорили, что она неудобоварима и вызываетъ отвратительные сны. Мелкій горошекъ принадлежалъ къ самымъ изысканнымъ кушаньямъ; его ѣли обыкновенно со свинымъ саломъ. Парижане очень любили рѣпу. Мы видѣли, что мясники торговали говядиной, телятиной, бараниной. Необходимой принадлежностью всякаго пира въ буржуазіи была свинина въ какомънибудь видѣ, въ видѣ ли окорока, колбасы или чегонибудь другаго. Поэтому въ семействахъ средняго сословія обыкновенно держали одну или пару свиней, которыя днемъ свободнѣо прогуливались по парижскимъ улицамъ. Одинъ изъ сыновей короля Людовика Толстаго ѣхалъ однажды верхомъ по Парижу (это было 2-го октября 1131 г.); неучтивая свинья бросилась его коню въ ноги, принцъ упалъ съ лошади и расшибся до смерти. Вслѣдствіе этого несчастія, издано было постановленіе, запрещавшее свиньямъ прогуливаться по городу. Но дурныя привычки искоренять трудно, и черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ послѣ этого все

таки попадались на улицах заблудившіяся свиньи. Трихинъ въ то счастливое время не боялись, потому что ихъ не знали, но думали, что отъ нездороваго поросенка можно заболѣть проказой. Поэтому существовали особые полицейскіе чиновники, осматривавшіе свиней, и какъ только у животнаго оказывались подъ языкомъ бѣлые нарывчики, вѣрный признакъ проказы, его запрещали продавать. Птицъ, въ средніе вѣка, причисляли къ рыбамъ. Одинъ монахъ изъ Ключійскаго аббатства отправился однажды навѣстить своихъ родныхъ. Придя къ нимъ, онъ попросилъ поѣсть. День былъ постный, и ему сказали, что, кромѣ рыбы, ничего нѣтъ. Но увидя, что во дворѣ ходятъ куры, онъ беретъ палку, убиваетъ одну изъ нихъ и приноситъ родителямъ, говоря: «Вотъ рыба, которую я буду ѣсть сегодня». — Какъ, сынъ мой, — отвѣчаютъ ему, — развѣ ты имѣешь позволеніе ѣсть скоромное по пятницамъ? — «Нѣтъ, — отвѣчаетъ онъ, — но птица не мясо; птицы и рыбы были созданы въ одно и то же время, у нихъ общее происхожденіе, какъ тому учитъ гимнъ, который я пою въ церкви». Этотъ наивный рассказъ относится къ X вѣку, но и гораздо позже знаменитые богословы причисляли дичь къ существамъ, вышедшимъ изъ воды. Какъ бы то ни было, домашнихъ птицъ откармливали приблизительно также, какъ это дѣлается теперь. Цыплятъ держали въ тѣсномъ помѣщеніи, гдѣ бы они не могли двигаться, и заставляли ихъ наѣдаться до ожиренія. Каплуны были извѣстны въ средніе вѣка, но пулярки появляются только въ XVI вѣкѣ. Жирный гусь считался лакомымъ кускомъ и у ремесленниковъ, и у буржуа, и у самого короля. Вплоть до новаго времени, самую роскошную дичью, украшавшею рыцарскіе пиры, считался навлинъ; мясо его воспѣвали поэты. Но въ XVI-мъ столѣтіи эту красивую птицу стали находить жесткою, и ее окончательно вытѣснили фазаны и индѣйки. Ъли также лебедей и бѣлку, что, кажется, теперь не практикуется даже въ Парижѣ.

Несомнѣнно, что коровье масло знали еще въ древнія времена. Но въ средніе вѣка кушанья готовили почти исключительно на салѣ и оливковомъ маслѣ. Изъ другихъ молочныхъ продуктовъ особенною славою пользовались французскіе сыры, о которыхъ я уже упоминалъ. Одинъ анекдотъ о Карлѣ Великомъ показываетъ, что въ IX вѣкѣ выдѣлка сыра дошла уже до извѣстнаго совершенства. Во время одного изъ своихъ путешествій, Карлъ Великій остановился у одного епископа, не предупредивъ его объ этомъ. Была пятница. У епископа не было рыбы, а предложить говядину онъ не смѣлъ. Онъ подаль то, что у него нашлось, т. е. сыръ съ зелеными пятнами (persillé). Императоръ не отказался отъ

сыра, но, думая, что пятна происходят оттого, что сыръ испорченъ, тщательно обчищала куски, раньше чѣмъ класть ихъ въ ротъ. Епископъ осмѣлился доложить Карлу, что онъ соскабливаетъ самый смакъ; тогда императоръ попробовалъ сыра съ пятнами и нашелъ, что это вкусно. Онъ приказалъ епископу присылать ему ежегодно два ящика такого сыра.

Какія же кушанья готовили изъ всей этой провизіи? Прежде всего, конечно, супъ. Поэты XII и XIII вѣка упоминаютъ супы: нюра, со свинымъ саломъ, овощами, кашей. Знаменитый рыцарь Дюгескленъ, раньше чѣмъ вступить въ единоборство съ англійскимъ рыцаремъ Бленкбуромъ, съѣлъ три супа, приправленныхъ виномъ въ честь трехъ лицъ св. Троицы. Въ вышеупомянутой поваренной книгѣ находимъ довольно значительное количество разнообразныхъ суповъ, между прочимъ, супъ изъ калусты и супъ, называемый *gamosse* и приготовлявшійся такъ: остатки говядины вываривали въ бульонѣ и приправляли сбитыми яйцами и кислымъ винограднымъ сокомъ. Очевидно, что издавна народъ считалъ горячій супъ необходимымъ кушаньемъ и ѣлъ его по два раза въ день; отсюда сложилась старинная французская поговорка: «супъ вечеромъ, супъ утромъ—это обыкновенная ѣда добраго христианина». Жирные пироги были въ большомъ почетѣ; въ ихъ приготовленіи доходили до разныхъ ухищреній. Такъ, въ одной повѣсти XIV вѣка, посвященной собственно охотѣ, встрѣчается такой рецептъ: «Возьми три жирныхъ куропатки и положи ихъ въ средину пирога. Но не забудь взять шесть толстыхъ перепеловъ, которыми надо окружить куропатокъ; возьми также дюжину жаворонковъ и сколько у тебя найдется дроздовъ, и изъ всего этого сдѣлай начинку. Заготовь шпеку и разрѣжь на мелкіе кусочки; для улучшенія пирога прибавь винограднаго соку, посыпь немного соли. Тѣсто сдѣлай изъ чистой пшеницы, положи въ него яицъ, такъ чтобы оно было довольно твердымъ. Поставь его въ самое горячее мѣсто печи и вынь, какъ только оно будетъ готово». Кроме такихъ обширныхъ и дорого стоившихъ пироговъ, подававшихся почти исключительно при дворѣ и у богатыхъ рыцарей, дѣлали пирожки, начиненные рубленой говядиной и изюмомъ. Что касается жаркихъ, и тутъ было большое разнообразіе, и ихъ можно насчитать до тридцати. Самымъ простымъ былъ жареный кусокъ говядины, самымъ сложнымъ—жареный лебедь. Это былъ верхъ кулинарнаго искусства, потому что требовалось подать лебедя въ такомъ видѣ, чтобы онъ казался живымъ. Его ставили на кусокъ тѣста, выкрашенный въ зеленый цвѣтъ и представляющій лугъ; клювъ золотили, а тѣло серебрили, и гостямъ казалось, что жа-

реный лебедь сейчас поплывет. После жаркого, начиная с XV вѣка, подавали салатъ, но не отдѣльно, какъ это теперь дѣлается, а съ какимъ нибудь приложеніемъ (Beilage), какъ выражаются нѣмцы, напр., съ печенкой, мозгами и т. п.

Мы уже видѣли, что всякія пряности были въ большомъ ходу онѣ особенно распространились послѣ крестовыхъ походовъ, потому что привозились съ востока. Изъ разныхъ приправъ дѣлались всевозможные соусы; совершенно необходимыми считались: желтый, зеленый и красный. Одно время существовала даже корпорація соусниковъ, приготовлявшая эти три соуса и разносившая ихъ по домамъ. Слѣдую старинной поговоркѣ: «сахаръ никогда не портитъ соуса», клали его въ непикантные соусы и прибавляли туда обыкновенно какую нибудь душистую воду, напр., розовую. Чтобы придать кислоты, клали уксусъ, который первоначально былъ только прокисшимъ виномъ, и сокъ никогда не созрѣвавшего винограда. Изъ другихъ гастрономическихъ тонкостей, были въ употребленіи икра и трюфли. Приготовленіе послѣднихъ въ средніе вѣка возбуждало бы законный гнѣвъ современнаго гастронома. Трюфли клали сначала въ уксусъ, потомъ ихъ кипятили въ водѣ и послѣ этого жарили въ маслѣ; надо думать, что аромату оставалось мало.

Посмотримъ, какъ ѣли всѣ эти изысканныя и простыя кушанья и что дѣлали за обѣдомъ. Въ рыцарскихъ замкахъ давали сигналъ къ обѣду: именно трубили продолжительно и громко, такъ чтобы слышно было по всему помѣстью. Подъ эти звуки гости и хозяева собирались въ столовую. Прежде всего усаживали гостей, начиная съ болѣе почетныхъ, потомъ садился самъ хозяинъ, за нимъ хозяйка и остальные члены семейства по возрасту. Бѣда была хозяину, если онъ по ошибкѣ пригласитъ столько гостей, что всѣхъ сидящихъ за столомъ окажется тринадцать. Въ воспоминаніе о тайной вечерѣ, это число считалось фатальнымъ и тринадцатый непременно долженъ былъ умереть въ теченіе года. Это было такимъ же зловѣщимъ предзнаменованіемъ, какъ просыпать соль. Впрочемъ, и въ вѣкъ всевозможныхъ суевѣрій находились скептики. Такъ, одинъ писатель говоритъ: числа тринадцать надо бояться только въ томъ случаѣ, когда ѣды заготовлено на двѣнадцать человѣкъ; что же касается солонки, самое важное не просыпать ее на хорошее купанье. Раньше чѣмъ садиться за столъ, гости умывали себѣ руки. Въ рыцарскихъ замкахъ являлись пажи, держа въ лѣвой рукѣ лаханку, въ правой кувшинъ, и лили на руки каждому гостю ароматичную воду. Вода эта, по рецепту XIV вѣка, изготовлялась такъ: «Вскипятите шалфею, потомъ налейте воды и остудите ее такъ, чтобы она была чуть-чуть теплень-

кая. Въмѣсто шалфея, можно употреблять ромашку или маіоранъ, а также розмаринъ, и кипятить его съ апельсинными корками; хорошо прибавить лаврового листа». Это обыкновение вышло изъ употребленія въ новое время; при утонченномъ дворѣ Людовика XIV, королю подавали только мокрую салфетку, на которую онъ опускалъ свои пальцы.

Первая смѣна ставилась на столъ раньше, чѣмъ сядутъ гости, но блюда всегда подавались закрытыми, чтобы ктонибудь не подмѣшалъ яду. Затѣмъ, когда всѣ садились, открывали кушанья и служители отвѣдывали ихъ, въ доказательство, что они не отравлены, или прикасались къ нимъ такими веществами, которыя по тогдашнимъ понятіямъ уничтожали дѣйствіе яда, напр., змѣинымъ языкомъ, рогомъ единорога. Этотъ церемоніаль соблюдался въ точности только въ высшемъ обществѣ, но тамъ онъ былъ обязателенъ. Послѣ молитвы, начинали ѣсть супъ; его подавали въ большой мискѣ, и всѣ гости погружали туда свои ложки. Это продолжалось вплоть до XVIII вѣка, и Людовикъ XIV и его придворные кушали также, какъ наши мужички; тарелки для супа стали подавать не раньше прошлаго вѣка. Затѣмъ лакеи обносятъ какоенибудь мясное кушанье или ставятъ на столъ блюда по возможности такъ, чтобы каждый могъ достать ихъ. Кушанье нарѣзано на мелкіе куски. Гость опускаетъ руку на блюдо, кладетъ куски къ себѣ на тарелку и ѣсть ихъ руками. Поэтому существовали оригинальныя правила хорошаго тона. Одинъ педагогъ XV вѣка учитъ своего воспитанника: «Не сморкайся въ руку передъ тѣмъ, какъ тебѣ надо брать говядину, стыдно это дѣлать». Въ латинскомъ трактатѣ: «О приличіяхъ, соблюдаемыхъ во время обѣда» (написанъ около 1480 г.) находимъ слѣдующія полезныя указанія: «Бери говядину только тремя пальцами и не набивай рта слишкомъ крупными кусками. Не клади говядины въ ротъ обѣими руками сразу. Накладывай сосѣду кушанье, которое ближе отъ тебя, чѣмъ отъ него. Не держи слишкомъ долго руку въ блюдѣ. Тебя сочтутъ неблаговоспитаннымъ, если ты будешь чесать себѣ грудь или какуюнибудь нехорошую часть тѣла, а потомъ начнешь брать говядину съ блюда». Вилки были предметомъ совсѣмъ неизвѣстнымъ въ средніе вѣка; лакей, рѣзавшій мясо, придерживалъ его руками; гостямъ давали только ножи, которыми они могли дѣйствовать, когда куски казались имъ слишкомъ крупными. До XVII вѣка всѣ ѣли руками; вилки были введены въ высшемъ обществѣ послѣ 1600 г.; а въ буржуазіи онѣ стали употребляться только съ прошлаго вѣка.

Средніе вѣка не выработали опредѣленнаго порядка, въ кото-

ромъ надо было подавать кушанья. Но обыкновенно ѣли сначала супъ, потомъ яйца, рыбу, мясо. Кончали сладкими приностями, засахаренными фруктами, имбиремъ, корицей, шафраномъ въ порошокъ, анисомъ. Десертъ подавали не лакеи,—это считалось неприличнымъ,—а предлагали сами хозяева, по большей части хозяйка и ея дочери.

До насъ дошло описаніе обѣда, даннаго графомъ Гастономъ де-Фуа французскому королю въ 1458 г. Гости сидѣли на двѣнадцати отдѣльныхъ столахъ и кушанья подавались на серебряныхъ блюдахъ. На первую смѣну подали жаркое. На вторую—пирогѣ изъ каплуновъ, кабанью ветчину и семь сортовъ суна. Для этой смѣны понадобилось поставить на столъ 140 блюдовъ. Третья смѣна состояла изъ разныхъ жареныхъ птицъ: фазановъ, куропатокъ, павлиновъ, бекасовъ, лебедей, цапель, а также кроликовъ, дикихъ козъ, лосей. На четвертую смѣну подали опять птицъ въ цѣльномъ видѣ съ золотыми клювами и лапами. Пятая состояла изъ тортовъ, крема, засахаренныхъ апельсиновъ и лимоновъ. На шестую смѣну дали только вафли, на седьмую—разныя приности и конфетныхъ львовъ, лебедей, оленей. Какъ видно отсюда, за обѣдомъ сидѣли долго и въ прежнія времена это любили. Наполеонъ обѣдалъ въ четверть часа, а Карлъ Великій, чтобы продлить удовольствіе, заставлялъ читать вслухъ, во время обѣда, сочиненія блаженнаго Августина. Чтеніе за столомъ было вообще въ модѣ, но такъ какъ книги были рѣдки (конечно, рукописныя), то старались доставить себѣ и какое нибудь другое развлеченіе. Напр., гости по очереди рассказывали какую нибудь веселую исторію. Во время обѣда короля Людовика XI, придворные развлекали его анекдотами и рассказами о любовныхъ походахъ. Одинъ докторъ давалъ королю такой совѣтъ: «Сядясь за столъ, король долженъ выбросить изъ головы серьезныя думы и дѣла; надо вести веселый разговоръ объ охотѣ и другихъ забавныхъ вещахъ; можно слушать богословскіе и философскіе споры или рассказы о ѣдѣ, объ удивительныхъ случаяхъ исцѣленія, о войнѣ; иногда полезно развлекаться музыкой вокальной и инструментальной». На парадныхъ обѣдахъ устраивали для развлеченія цѣлыя декораціи и давали представленія. На свадьбѣ Роберта, брата короля Людовика IX, во время обѣда, одинъ человекъ ѣздилъ верхомъ по канату. Два другіе человека сидѣли на быкахъ, покрытыхъ траурными матеріями, и трубили въ трубу каждый разъ, какъ приносили какое нибудь кушанье. На банкетѣ, который король Карлъ V давалъ императору германскому Карлу IV, была устроена декорація, представляющая взятіе Іерусалима Готфридомъ Бульонскимъ. Подробное описаніе пира, дан-

наго Филиппомъ Добрымъ 17 февраля 1453 г., можетъ дать понятіе о роскоши, которая допускалась въ такихъ торжественныхъ случаяхъ. Было поставлено три громаднѣйшихъ стола и на каждомъ изъ нихъ было по нѣскольку декорацій. На первомъ столѣ было сооружено: 1) церковь съ окнами, колокольней, органомъ; внутри ея четверо живыхъ дѣтей; 2) статуя голаго ребенка, стоящаго на скалѣ, откуда все время текла розовая вода; 3) большое судно со всѣми снастями и нѣсколькими матросами; 4) эмалированный лугъ со скалами изъ сафировъ. На второмъ столѣ стояли: 1) пирогъ, внутри котораго свободно помѣщались 28 музыкантовъ, не игрушекъ, а живыхъ людей; 2) замокъ Лусиніанскій, на главной башнѣ котораго стояла Мелузина подъ видомъ змѣи; рвы были наполнены апельсиновой водой; 3) мельница на холмѣ, возлѣ нея куча крестьянъ; 4) виноградникъ, въ срединѣ котораго лежали двѣ бочки, представлявшія добро и зло; въ одной былъ сладкій напитокъ, въ другой—горькій; богато одѣтое лицо, сидя между бочками, приглашало присутствующихъ выбрать то или другое. 5) Пустыня, гдѣ неподражаемо сдѣланный тигръ сражался со змѣей. 6) Дикій, сидящій на верблюдѣ. 7) Человѣкъ, ударяющій палкой по кусту, на которомъ множество птичекъ; рядомъ во фруктовомъ саду сидятъ рыцарь и дама и ѣдятъ птицъ, какъ только онѣ пролетаютъ мимо нихъ. 8) Горы изо льду и снѣгу; посрединѣ—сумашедшій верхомъ на медвѣдѣ. 9) Озеро съ нѣсколькими городами и замками на берегу; на озерѣ корабль подъ парусами. На третьемъ столѣ было всего три декораціи: 1) Лѣсъ, наполненный странными звѣрами, двигавшимися сами по себѣ, какъ будто бы они были живыми, а не автоматами. 2) Двигающійся левъ, привязанный къ дереву, и предъ нимъ человѣкъ, бьющій собаку. 3) Торговецъ, идущій по деревнѣ. Но это еще не все. Къ концу перваго стола были придѣланы двѣ колонны. На одной изъ нихъ стояла голая женщина, длинные волосы падали сзади до пятъ; спереди кое-что прикрывала салфетка; изъ правой груди во время всего пира вытекалъ пряный напитокъ, называвшійся «ипокра». Ко второй колоннѣ, съ надписью: «не трогайте меня, дамы», былъ привязанъ живой левъ. Эти двѣ колонны имѣли аллегорическое значеніе: голая женщина представляла Константинополь, только что взятый и разграбленный турками; готовый защитить ее левъ представлялъ герцога Бургундскаго.

Прежде чѣмъ сѣсть за столъ, гости обошли залу и разсмотрѣвали описанныя декораціи. Потомъ начали кушать. Каждая смѣна состояла изъ 48 блюдъ, жаркія подавались въ маленькихъ золотыхъ колесницахъ, двигавшихся автоматически. Какъ только всѣ

услылись, — зазвонили въ колоколъ помянутой церкви; три ребенка вышли изъ пирога и прошѣли пѣсню, пастушокъ сыгралъ на рожкѣ. Потомъ въ церкви заиграли на органѣ, а въ пирогѣ музыкантъ сыгралъ нѣжную арію на корнетѣ. Вдругъ появился въ залѣ огромный кабанъ-автоматъ. На немъ сидѣло чудовище, на половину человѣкъ и на половину грифъ (миоическое животное), а на плечахъ у чудовища помѣстился человѣкъ. Кабанъ обошелъ залу, въ церкви запѣли, въ пирогѣ опять сыграли нѣжную арію. Въ концѣ залы была устроена сцена. Подняли занавѣсъ и представили пантомиму въ трехъ дѣйствіяхъ: «О походѣ Язона за золотымъ руномъ». Въ антрактахъ появился молодой человѣкъ, верхомъ на большомъ бѣломъ оленѣ съ золотыми рогами, пропѣвшій дуэтъ съ оленемъ, и была представлена охота, именно два сокола поймали цаплю. Наконецъ, дано было символическое представленіе: великанъ, одѣтый сарациномъ, вошелъ въ залу; въ лѣвой рукѣ у него была обоюдоострая сѣкира, правой онъ велъ слона, на которомъ стоялъ замокъ, а въ замкѣ—дама «на подобіе монахини». Эта дама олицетворяла церковь, преслѣдуемую турками, и она пресила защиты у христіанскихъ рыцарей. Какъ только она увидѣла знатное общество, собравшееся за столомъ, она сдѣлала знакъ великану и сказала ему стихами: «Великанъ, я хочу остановиться, потому что вижу благородное общество, съ которымъ мнѣ надо поговорить; я хочу сказать имъ вещь, которую они непременно должны выслушать». Послѣ этого, дама сказала длинную рѣчь въ стихахъ и къ ней присоединились еще двѣнадцать дамъ, представлявшихъ разныя добродѣтели. Принесли живаго фазана, на шеѣ у него было ожерелье изъ драгоценныхъ камней; герцогу Бургундскому напомнили, что по древнему обычаю кланутся на павлинѣ или какойнибудь другой благородной птицѣ. Герцогъ торжественно поклялся передъ Богомъ, Богородицей, присутствующими дамами и фазаномъ, что, если король французскій пойдетъ походомъ на турокъ, онъ присоединится къ нему и даже въ случаѣ необходимости вступить въ рукопашный бой съ султаномъ. Поклялись и другіе рыцари, но результата отъ этого не было; напротивъ, въ скоромъ времени Франція вступила въ дружбу съ Турціей.

Само собою разумѣется, что за обѣдомъ не только ѣли, но и пили. Пили изъ кубковъ и чашъ самыхъ разнообразныхъ формъ и имѣвшихъ поэтому множество названій; они дѣлались изъ золота, серебра, стекла, хрустала, мѣди, мрамора, глины, кожи. До середины XVI вѣка ставили по большей части одинъ стаканъ на всѣхъ обѣдающихъ, поэтому благовоспитанный человѣкъ, раньше чѣмъ пить, долженъ былъ утереть ротъ о скатерть. У богатыхъ

людей давали по стакану на двухъ гостей, и тогда приличіе требовало выпивать все до дна и не оставлять своихъ остатковъ сосѣду. Во всѣхъ случаяхъ полагалось брать кубокъ тремя пальцами и по возможности опоражнивать его единымъ духомъ. Иногда, когда пили дамы, лакеи держали имъ тарелки подъ подбородкомъ, чтобы онѣ не замочили платья. Стакановъ на столъ не ставили, они стояли на буфетѣ и ихъ подавали вмѣстѣ съ виномъ. У бѣдныхъ людей гдѣ нибудь въ углу стоялъ бочонокъ и гости подходили къ нему съ чашей и нацѣживали вино. Пили довольно много и существовала даже теорія, что полезно напиваться два два въ мѣсяцъ. Одинъ знаменитый врачъ XIII вѣка рассуждаетъ объ этомъ такъ: «Конечно, пьянство имѣетъ свои хорошія стороны, потъ и рвота очищаютъ тѣло отъ дурныхъ соковъ; сонъ, слѣдующій за опьяненіемъ, укрѣпляетъ организмъ; тѣмъ не менѣе, я полагаю, что не слѣдуетъ злоупотреблять виномъ, и позволяю напиваться два два въ мѣсяцъ только тѣмъ, у кого отправления неправильны; при этомъ я совѣтую ограничиваться легкимъ опьяненіемъ, достаточнымъ, чтобы вызвать сонъ». Женщины также нерѣдко выпивали лишнее, поэтому въ одномъ средневѣковомъ романѣ хозяйкѣ дается совѣтъ не злоупотреблять виномъ въ тотъ день, когда она принимаетъ у себя гостей. Пили пиво, приготовлявшееся большею частью изъ ячменя, но хмѣля въ него не клали вплоть до XVI вѣка. Со времени крестовыхъ походовъ прибавляли въ него корицы, лавроваго листа или какихъ нибудь другихъ приностей. Англичане клали сахаръ въ пиво, а нѣмцы—соль. Въ началѣ среднихъ вѣковъ, пиво было преобладающимъ напиткомъ во Франціи, но, по мѣрѣ разведенія виноградниковъ, которыхъ сначала было мало, вино вытѣснило пиво. Знали также медъ, называвшійся сладчайшимъ напиткомъ: на 12 частей воды клали часть меду, прибавляли ароматныхъ травъ и давали побродить въ теченіе мѣсяца или шести недѣль. Изъ яблоковъ приготовляли сидръ, имѣвшій кислосладкій вкусъ. Въ XII вѣкѣ видимъ во Франціи значительное количество виноградниковъ, а въ XIV она уже снабжала виномъ Англію. Лучшими винами считались: Магонъ, Кагоръ, реймское, марнское и орлеанское. Многія вина, употреблявшіяся въ средніе вѣка, пользуются извѣстностью и въ наше время, напр. С.-Эмильонъ, Шабли и др. Приготовление шампанскаго изобрѣтено въ новое время. Не довольствуясь собственными винами, французы выписывали и заграничныя,—испанскія и кипрское. Въ XIV вѣкѣ, въ Парижѣ пользовались почетной репутацией рейнскія вина, греческія и мальвуазія. Последняя считается кипрскимъ виномъ, но на самомъ дѣлѣ была искусственной

фабрикаціей; говорятъ, что мальвуазію дѣлали изъ воды, меду, цвѣта шалфея, пивнаго отстоя, водки и выдавали это за вино. Кроме всего этого, приготовляли нѣчто въ родѣ ликеровъ, настойки анисовыя, полынные, розмариновыя, иссоповыя, куда прибавляли или подслащеннаго вина, или меду.

Въ сочиненіи одного французскаго богослова XII вѣка (Hughes de Saint-Victor) есть нѣсколько главъ, посвященныхъ хорошему тону, соблюдаемому за столомъ. «Умѣнье держаться за обѣдомъ,—говоритъ онъ,—заключается въ трехъ вещахъ: въ томъ, чтобы молчать, смотрѣть какъ слѣдуетъ и сдерживаться. Молчаніе во время ѣды необходимо. Языкъ и такъ склоненъ грѣшнить, а лишняя пища можетъ возбудить его еще больше и сдѣлать болѣе распущеннымъ. Нужно также наблюдать за своими глазами. Не слѣдуетъ безстыднымъ образомъ смотрѣть во всѣ стороны, чтò дѣлають другіе; лучше опустить глаза и смотрѣть на то, что дано тебѣ. Нельзя пренебрегать сдержанностью. Не надо дѣлать никакихъ неприличныхъ жестовъ, какъ тѣ люди, которые, садясь за столъ, сейчасъ же выказываютъ нетерпѣніе и невоздержанность. Они трясутъ головой, поднимають и вытягиваютъ руки; они имѣють видъ, точно пришли, чтобы уничтожить всю говядину; они хватають и хлѣбъ и вино, и походятъ на короля, осаждающаго городъ и не знающаго съ какой стороны начать. Не слѣдуетъ требовать рѣдкостныхъ вещей, а довольствоваться тѣмъ, что даютъ. Не надо ѣсть слишкомъ много, а сколько каждому требуется. Нехорошо, когда кто, замочивъ пальцы въ питьѣ, этими же руками беретъ говядину съ блюда; не хорошо тоже, вытеревъ жирныя руки о платье, опять приниматься за ѣду».

Въ одномъ «Почуеніи отца сыну», сынъ спрашиваетъ, какъ слѣдуетъ поступать, если онъ будетъ приглашенъ за королевскій столъ. «Держать себя за обѣдомъ надо вездѣ одинаково, — отвѣчаетъ отецъ,—все равно, во дворцѣ или въ другомъ мѣстѣ. Умывъ и утеревъ руки, не торопись ѣсть; подумаютъ, что ты умираешь съ голоду. Не клади въ ротъ слишкомъ большихъ кусковъ, ты прослынешь обжорой, и не глотай, не пережевавши. Не пей, пока у тебя полонъ ротъ. Не говори съ полнымъ ртомъ, можно подавиться. Не забудь умыть руки, прежде чѣмъ встать изъ-за стола». «Если меня пригласятъ обѣдать,—спрашиваетъ далѣе сынъ,—принять ли приглашеніе безъ колебанія, или заставить попросить себя?» «Это зависитъ отъ обстоятельствъ,—отвѣчаетъ отецъ,—если тебя приглашаетъ важное лицо, ты долженъ принять сейчасъ же; если же равны тебѣ, ты можешь выказать колебаніе». «Въ гостяхъ надо ѣсть мало или много?»—спрашиваетъ сынъ. «Ѣшь, сколько можешь,—с

вѣтуеть отецъ, — если ты у друга онъ будетъ этимъ доволенъ; если ты у врага, это будетъ ему неприятно.» Одинъ педагогъ XV вѣка написалъ цѣлую поэму, заключающую назиданія молодежи, какъ вести себя за обѣдомъ. Тутъ читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: «Дитя, мой руки поутру, когда встаешь, предъ обѣдомъ и предъ ужиномъ, по крайней мѣрѣ, три раза въ день. Первый не клади руки на блюдо, подожди, чтобы это сдѣлалъ хозяинъ. Не клади опять на тарелку куска, который былъ у тебя во рту. Не предлагай другимъ куска, который ты уже отвѣдалъ. Дитя, смотри, не жуи больше говядины, чѣмъ можешь съѣсть, и не выплевывай ея потомъ. Не клади своего куска въ общую солонку, это нехорошо. Наливай воду въ вино, во всякомъ случаѣ не пей слишкомъ много чистаго вина, а то ты напьешься и тебѣ будетъ стыдно. За столомъ не спи. Будь любезенъ съ сосѣдами по столу. Если ты мочишь хлѣбъ въ винѣ, выпей все свое вино или плесни остатокъ на полъ. Если служитель снимаетъ стоящее передъ тобою блюдо, не говори ничего, сиди смирно — значить, того хочетъ хозяинъ. Въ какой бы компаніи ты ни сидѣлъ, не сопи носомъ. Остатокъ своего супа не предлагай никому. Дитя, не потирай рукъ, не трись о скатерть; за обѣдомъ не надо чесаться. Послѣ обѣда, поблагодари хозяина и хозяйку». Средневѣковое общество въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ походило на нашихъ мужиковъ. О хорошихъ манерахъ съ нашей точки зрѣнія не могло быть и рѣчи; въ рыцарскомъ салонѣ допускалось многое, чтѣ теперь считается невозможнымъ даже между европейскими крестьянами. Такъ напр., въ началѣ XVI вѣка считали еще позволительнымъ сморкаться двумя пальцами, лишь бы сейчасъ же наступить ногой на то, что упадетъ на полъ. Черезъ сто лѣтъ все еще возможно было производить эту операцію однимъ пальцемъ. Вельможа временъ Людовика XIV, де-л'Обепинъ пригласилъ къ себѣ обѣдать сливки парижскаго общества, между прочимъ, извѣстнаго министра Тюреня. Среди обѣда, хозяину понадобилось высморкаться; онъ нажалъ пальцемъ одну ноздрю, а изъ другой кое-что вылетѣло, какъ стрѣла, и попало въ стѣну камина съ такимъ шумомъ, будто выстрѣлили изъ пистолета. Одинъ изъ гостей, сидѣвшій за столомъ съ министромъ, спросилъ, не раненъ ли онъ? Всѣ гости необыкновенно обрадовались этому эпизоду и громко расхохотались. Не смотря на это, дѣтей учили хорошимъ манерамъ, приличіями дорожили и писали цѣлые трактаты, какъ держать себя въ обществѣ. Говорили, что не слѣдуетъ имѣть въ головѣ разныхъ насѣкомыхъ и во всякомъ случаѣ неприлично вычесывать ихъ изъ головы въ обществѣ и бросать на сосѣда. Непристойнымъ считалось издавать слишкомъ громко нѣкоторые неудобо-

называемые звуки. Въ одномъ средневѣковомъ наставленіи, обращенномъ къ дѣтямъ, читаемъ: «Платье твое должно быть чисто. Смотри, чтобы не было грязи на твоёмъ лицѣ или на рукахъ. Берегись, чтобы у тебя изъ носу не висѣлъ кусочекъ, какъ висятъ на крышахъ сосульки льда. Ногти не должны быть слишкомъ длинны и совершенно черны. Смотри, чтобы на языкѣ у тебя не было разныхъ гадостей, чтобы на зубахъ не было желтаго вещества. Неприлично чесать голову за столомъ, ловить на шеѣ или спинѣ блохъ и другихъ насѣкомыхъ и убивать ихъ при всѣхъ. Когда ты харкаешь или кашляешь, не надо глотать того, что попало тебѣ въ ротъ, но надо плюнуть на полъ». Дальше слѣдуетъ совѣтъ, который я отказываюсь передать, ибо о томъ, что совѣтуется дѣлать осторожно, не принято говорить въ порядочномъ обществѣ.

Въ другомъ трактатѣ говорится: «Надо смотрѣть на того, съ кѣмъ говоришь, но просто и безъ тѣни злобы. Опускать глаза къ низу—это можетъ дать поводъ думать, что у тебя нечиста совѣсть. Вертѣть головой и смотрѣть то направо, то налево, это знакъ легкомысля. Не хорошо тоже—то морщить лобъ, то поднимать брови, то шевелить губами, то сжимать ротъ. Неприлично кашлять безъ надобности, плевать, копать въ ухахъ, тереть затылокъ о кресло. Въ разговорѣ надо всѣхъ титуловать, сообразно съ занимаемымъ ими положеніемъ. Если употребляешь какое нибудь скверное (по нашему, непечатное) слово, надо прибавлять: «съ позволенія сказать». Неприлично прерывать рѣчь собесѣдника, пока онъ не кончилъ. Если ты замѣчаешь, что двое начинаютъ разговаривать между собою о секретныхъ дѣлахъ, уйди».

П. Безобразовъ.

(Продолженіе будетъ).

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РУССКАГО ПЕЙЗАЖА.

Безъ малѣйшаго преувеличенія, Алексѣя Петровича Боголюбова можно и должно считать однимъ изъ лучшихъ представителей русскаго пейзажа вообще и русскаго пейзажа-марины въ частности. Онъ и Айвазовскій стоятъ, въ настоящее время, во главѣ маринистовъ не только въ Россіи, но, пожалуй, и въ Европѣ. Немудрено, поэтому, что недавній пятидесятилѣтній юбилей художественной дѣятельности А. П. Боголюбова, торжественно отпразднованный въ январѣ нынѣшняго года въ Парижѣ, среди русской колоніи, возбуждиль живѣйшій интересъ въ Россіи. О празднованіи этого юбилея уже говорилось въ мартовской книгѣ «Наблюдателя». Теперь намъ остается только дополнить кое-какія біографическія свѣдѣнія о жизни почтеннаго и высоко талантливаго юбиляра и указать, хотя бы бѣгло, на его заслуги въ русской школѣ живописи.

А. П. Боголюбовъ, какъ извѣстно, родился въ 1824 году. Еще находясь въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, будущій маринистъ усидчиво и успѣшно занимался живописью. Вскорѣ послѣ выхода изъ кадетскаго корпуса, уже будучи морскимъ офицеромъ, онъ поступилъ въ академію художествъ, гдѣ профессоромъ пейзажнаго класса былъ въ то время Максимъ Николаевичъ Воробьевъ — одинъ изъ первыхъ (въ хронологическомъ смыслѣ) нашихъ пейзажистовъ. А. П. Боголюбовъ былъ его ученикомъ. Не особенно выдающійся пейзажистъ, Воробьевъ тѣмъ не менѣе былъ талантливымъ преподавателемъ и, конечно, приносилъ много пользы своимъ ученикамъ. Однако А. П. Боголюбовъ не ограничился указаніями Воробьева и, нѣсколько позднѣе, закончилъ свое художественное образованіе подъ руководствомъ знаменитаго дюссельдорфскаго пейзажиста, Андрея Ахенбаха. Уже будучи лейтенантомъ, въ 1852 году, Боголюбовъ вышелъ изъ академіи съ золотою медалью. Молодой морской офицеръ уже и тогда подавалъ большія надежды и сталъ извѣстенъ, какъ талантливый маринистъ. Ему покровительствовали императоры Николай I и Александръ II. Въ своей рѣчи на юбилей, А. П., возвращая мысленно къ годамъ своей юности, сказалъ между прочимъ: «У меня въ жизни всегда были три вѣрованія: вѣра въ Бога, который позволилъ мнѣ дожить до нынѣшняго радостнаго для меня дня; вѣра въ царей, милостями которыхъ я пользовался,

начиная отъ императора Николая Павловича, который назначилъ меня художникомъ главнаго морскаго штаба. Я былъ поощряемъ покойнымъ императоромъ Александромъ Николаевичемъ, указавшимъ мнѣ писать доблестную исторію нашего флота, и, наконецъ, какъ вы видите, сегодня я пользуюсь монаршею милостію, осчастливившею меня орденомъ Анны 1-й степени, который мнѣ препроводилъ нашъ августѣйшій генералъ - адмиралъ при своемъ письмѣ. Третье мое вѣрованіе—вѣра въ добрыхъ людей. Не было бы ихъ, не было бы во главѣ ихъ уважаемаго представителя государя императора, посла барона Артура Павловича Моренгейма,— не было бы и нынѣшняго праздника. Передъ вами стоитъ не человекъ, сознающій свои достоинства, доблести гражданскія или заслуги художника, а человекъ съ благодарнымъ русскимъ сердцемъ, который вамъ всѣмъ желаетъ дожить до такого радостнаго дня».

Уже и тогда, призваніе А. П. Боголюбова настолько обозначилось, что онъ вышелъ изъ строевой службы и по волѣ императора Николая былъ переименованъ въ художника главнаго штаба его величества по морскому министерству. Въ этомъ званіи онъ состоитъ и понынѣ. Оставивъ морскую службу, А. П. предпринялъ поѣздку за границу, гдѣ пробылъ семь лѣтъ. За границей, продолжая совершенствоваться въ живописи, онъ написалъ, по порученію императора Николая, картину морскаго сраженія при Синопѣ и нѣсколько другихъ картинъ изъ исторіи русскаго флота 1843—1854 годовъ. Картины эти (въ количествѣ около ста) составляютъ цѣлую послѣдовательную серію, весьма драгоцѣнную въ исторіи нашего флота и въ исторіи нашей пейзажной живописи. По приѣздѣ въ Петербургъ въ 1860 году, онъ выставилъ всѣ эти картины для публики въ залахъ академіи. За эти картины совѣтъ академіи призналъ его единогласно профессоромъ. Семь изъ этихъ картинъ находятся въ настоящее время въ Зимнемъ дворцѣ, а его «Морской праздникъ въ Амстердамѣ», — картина, написанная позднѣе, хранится въ петербургскомъ эрмитажѣ.

Императоръ Александръ Николаевичъ, цѣнившій труды и талантъ А. П. Боголюбова, поручивъ ему написать въ картинахъ исторію флота Петра Великаго, чѣмъ Боголюбовъ и былъ главнымъ образомъ занятъ въ теченіе всего прошлаго царствованія. Послѣдняя турецкая война, въ ея черноморскихъ и дунайскихъ подвигахъ, точно также отразилась въ творчествѣ Боголюбова; изъ этой послѣдней войны онъ написалъ шесть весьма замѣчательныхъ картинъ, которыя помѣщены въ военномъ отдѣлѣ галереи императорскаго Зимняго дворца.

Кромѣ этихъ трудовъ, по порученію гидрографическаго департамента морскаго министерства, Боголюбовъ, вмѣстѣ съ капитанами Баженовымъ и Кроуномъ, плавалъ по балтійскимъ портамъ, по Финскому заливу и финляндскимъ шхерамъ для исполненія атласа, изображая берега и промѣрныя мѣста портовъ и шхерныхъ проходовъ. Такой же точно атласъ былъ имъ выполненъ и въ Каспійскомъ морѣ, подъ руководствомъ извѣстнаго гидрографа, капитана Ивашенцова. Но замѣчательная дѣятельность А. П. Боголюбова,

въ качествѣ художника главнаго морскаго штаба, не оканчивается еще на этомъ. Подъ его руководствомъ окончили свое художественное образованіе два другихъ талантливыхъ нашихъ мариниста, — А. К. Бегровъ и Н. Н. Гриценко, сопровождающій нынѣ государя наслѣдника цесаревича въ его дальнемъ плаваніи. Такимъ образомъ, почти непосредственно съ эпохи выхода своего изъ академіи художествъ, А. П. Боголюбовъ не переставалъ изучать морской пейзажъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи и Европы. Онъ изучалъ берега Волги и Каспійскаго моря; ему принадлежить цѣлая серія картинъ и видовъ Нижняго Новгорода, Казани, Астрахани, Баку, Дербента и другихъ мѣстностей Каспійскаго моря. Въ эрмитажѣ находятся его виды Венеціи, Неаполя и Амстердама. Въ 1878 году Алексѣй Петровичъ Боголюбовъ былъ назначенъ официальнымъ представителемъ русскаго художественнаго отдѣла на всемірной парижской выставкѣ. На этой выставкѣ находились слѣдующія его картины: «Морское сраженіе близъ острова Эзеля», «Переходъ галеръ Петра Великаго около мыса Ганге-Удь», «Видъ Нижняго-Новгорода», «Видъ С.-Петербурга ночью».

Съ давняго времени, А. П. Боголюбовъ почти постоянно живетъ въ Парижѣ и только изрѣдка на лѣто пріѣзжаетъ въ Россію. Благодаря его инициативѣ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими русскими художниками, тоже поселившимися въ Парижѣ, учредилось общество взаимнаго вспомоствованія русскимъ художникамъ, которое, благодаря субсидіи государя императора, даетъ пріютъ и возможность молодымъ русскимъ художникамъ работать въ общественной мастерской съ натуры, безъ всякихъ личныхъ затратъ. Въ этомъ обществѣ А. П. Боголюбовъ предсѣдательствуетъ въ теченіе цѣлыхъ двѣнадцати лѣтъ. Въ парижской православной церкви находятся двѣ замѣчательныхъ фрески Боголюбова: «Иисусъ, идущій по водамъ», и «Проповѣдь на Генисаретскомъ озерѣ».

Марина—одинъ изъ самыхъ трудныхъ родовъ пейзажной живописи. Въ точномъ смыслѣ слова, марина—родъ пейзажа, по преимуществу принадлежащій новѣйшему времени; нѣкоторыя изъ величайшихъ произведеній пейзажной живописи, какъ напримѣръ, картины Клода Лоррена и Рюисдаля, въ одно и то же время, и марини, и пейзажи въ точномъ смыслѣ слова: въ нихъ поэзія моря соединяется съ земнымъ горизонтомъ. То же самое мы видимъ и у большинства голландскихъ мастеровъ,—Ванъ-денъ-Вельде, Бакгуизена, Ванъ-Карелле. Этотъ послѣдній имѣлъ особенную слабость къ эффектамъ солнечнаго освѣщенія береговъ, каналовъ, заливовъ; точно также и знаменитый Каналетто изображалъ море не въ его самостоятельной стихіи, а вмѣстѣ съ богатой архитектурой венеціанскихъ дворцовъ. Голландцы были первыми маринистами въ Европѣ XVI и XVII столѣтій. Интересъ къ морю — совершенно естественъ у народа, который борется съ океаномъ за каждый клочокъ береговой земли и который вѣчно созерцаетъ грандіозные виды моря и живописныя движенія портовъ. Странно, однако же,

то обстоятельство, что не въ Голландіи, а въ Римѣ были написаны двѣ первыя картины двумя фламандскими мастерами: Матіасомъ и Паулемъ Брилемъ,—какъ воспоминаніе о сѣромъ небѣ далекой сѣверной родины. Въ особенности, второй изъ нихъ, Пауль Брилъ, родомъ изъ Антверпена (онъ родился въ 1554 году) выказалъ въ этомъ родѣ живописи истинный и самостоятельный талантъ. Онъ былъ однако превзойденъ Альбертомъ Кюипомъ, котораго картины, чрезвычайно цѣнимыя въ настоящее время, не были оцѣнены по достоинству его современниками. Его картины были слишкомъ просты, слишкомъ правдивы, и, кромѣ того, въ нихъ не было тѣхъ дешевыхъ эффектовъ, которыми былъ испорченъ вкусъ того времени. Его художественное спокойствіе, его любовь къ полному свѣту заслужили ему названіе голландскаго Клода Лоррена. Лучшая и самая извѣстная его картина изображаетъ каналъ Дортъ, переполненный кораблями: принцъ Оранскій, сидя въ лодкѣ со своей свитой, дѣлаетъ смотръ флоту. Пониманіе природы, перспектива, воздухъ, даль,—все поразительно въ этой картинѣ. Знаменитая картина Альберта Кюипа, находящаяся въ Луврскомъ музеѣ въ Парижѣ, значительно уступаетъ въ достоинствахъ этому пейзажу, хотя и эта картина, взятая независимо, прекрасна. Петербургскій эрмитажъ очень богатъ произведеніями Кюипа; у насъ есть восемь его картинъ: «Скотъ на пастбищѣ», «Маасъ», «Эско», «Скотъ на пастбищѣ» (другая картина на тотъ же сюжетъ, что и первая), «Лошади», «Тихое море», «Пейзажъ» и другой «Пейзажъ», принадлежность котораго Альберту Кюипу несомнѣнно удостовѣрена. Лучшая изъ этихъ восьми картинъ, безспорно, «Тихое море»: на первомъ планѣ—барка съ двумя людьми и, нѣсколько поодаль, другія барки, и вся эта тихая картина неотразимой прелести освѣщена луннымъ свѣтомъ.

Не останавливаясь на Янѣ Ванъ-Гоэні, который изображалъ только рѣки и каналы, и котораго родъ приближается гораздо больше къ пейзажу въ точномъ смыслѣ слова, чѣмъ къ маринѣ, а также не останавливаясь на Бонавентурѣ Петерсѣ, мы прямо перейдемъ къ двумъ величайшимъ мастерамъ въ области марины,—къ Ванъ-денъ-Вельде и къ Бакгуизену. Объ этихъ двухъ мастерахъ говорили: «Бакгуизенъ заставляетъ бояться моря; Ванъ-денъ-Вельде заставляетъ его полюбить». Вильгельмъ Ванъ-денъ-Вельде съ удивительной художественной правдой передавалъ сѣрое сѣверное небо, отражающееся въ морскихъ волнахъ; на которыхъ колышались, какъ бы среди тумана, большіе военные корабли, такъ называемыя коффы съ огромными красными парусами, и барки. Одна изъ двухъ картинъ этого художника, находящаяся въ петербургскомъ эрмитажѣ, изображаетъ голландскій портъ, воды котораго покрыты множествомъ судовъ. Направо, у дюня,—нѣсколько хижинъ; нѣсколько дальше—городъ съ замкомъ, круглой башней и церковью. На первомъ планѣ, барка съ людьми. Налѣво, по берегу, стадо коровъ. Это одна изъ очень цѣнныхъ картинъ голландской школы нашего эрмитажа. Въ то время какъ Ванъ-денъ-Вельде предпочтительно изображаетъ спокойное море, Бакгуизенъ, напротивъ того, ищетъ по преимуществу эффектовъ бури

Онъ изучалъ бури океана даже съ опасностью жизни, отправляясь въ минуту бури на небольшой баркѣ, чтобъ лучше изучать характеръ и формы волнъ, переливы свѣта и образованіе пѣны. Но это исканіе драматическаго эффекта не исключаетъ въ его картинахъ правильности рисунка и точности. Петербургскій эрмитажъ имѣетъ одинъ морской пейзажъ Бакгуизена, принадлежащій, впрочемъ, не къ лучшимъ его произведеніямъ; это — такъ называемая «Буря»: трехмачтовый корабль подъ голландскимъ флагомъ гибнетъ у скалистаго берега, недалеко отъ крѣпости. На первомъ планѣ видно нѣсколько человекъ, борющихся съ волнами. — Къ той же школѣ голландскихъ маринистовъ причисляютъ Іоганна Лингельбаха, хотя онъ нѣмецъ, какъ и Остаде; Лингельбахъ подражалъ довольно успѣшно Бакгуизену. Янъ Ванъ-деръ-Гейде былъ, такъ сказать, портретистомъ портовъ и каналовъ въ Голландіи. Его «Деревня на берегу канала» замѣчательна по художественной правдѣ, колориту и удивительной тонкости кисти. Эрмитажъ обладаетъ восьмью картинами Гейде, изъ которыхъ въ особенности замѣчательна: «Гарлемскія ворота въ Амстердамъ». Аартъ Ванъ-деръ-Нееръ почти исключительно изображалъ эффекты луннаго свѣта, заката солнца и зимній пейзажъ. Онъ въ удивительномъ совершенствѣ передаетъ красноватое отраженіе лучей заходящаго солнца или холодный серебряный блескъ луны на водахъ канала. Онъ — живописецъ ночей; въ его картинахъ есть что-то таинственное. У насъ въ эрмитажѣ есть девять его картинъ, и почти всѣ онѣ весьма замѣчательны. Яковъ Рюйсдаль, родившійся въ 1637 или 1640 году, безспорно, величайшій голландскій пейзажистъ. Его «Буря у голландскаго берега» достаточно извѣстна по многочисленнымъ гравюрамъ. Всѣ тринадцать картинъ Рюйсдаля, находящіяся въ нашемъ эрмитажѣ, составляютъ рѣдкое художественное сокровище. Никто изъ нидерландцевъ не обладаетъ такой поэтической манерой, никто изъ нихъ не въ состояніи придать такой грустный оттѣнокъ нѣкоторымъ видамъ.

Всѣ эти художники, составляющіе настоящую славу нидерландской школы, принадлежатъ XVII вѣку. Въ началѣ восемнадцатаго, господство пейзажа переходитъ въ Венецію. Тамъ появился Антоніо Канеле, прозванный Каналетто; его картины, можно сказать, увѣковѣчили красоты Венеціи. Во всѣхъ музеяхъ Европы можно встрѣтить множество картинъ Каналетто; нашъ эрмитажъ имѣетъ ихъ, однако же, только двѣ, да и то не изъ лучшихъ. Зато эрмитажная картина: «Пиръ Клеопатры», Джованни Тіеполо — другаго извѣстнаго венеціанскаго мариниста, — можетъ считаться однимъ изъ украшеній эрмитажа. Нѣсколько раньше Тіеполо, Сальваторъ Роза, знаменитый итальянскій пейзажистъ, тоже пробовалъ свои силы въ маринѣ; одну изъ такихъ маринъ мы имѣемъ въ эрмитажѣ; это — «Навзикая и Улиссъ».

Французскую школу морскаго пейзажа можно считать только съ Клода Лоррена, неподражаемаго пейзажиста и славы французской живописи. Въ морскомъ пейзажѣ онъ облюбовалъ специальную форму, такую трудную (хотя условную), что послѣ него никто не рѣшался воспользоваться ею. Въ его пейзажахъ линіи прове-

дены ясно и гармонически, но элементъ пластической группировки высказывается не столько въ формации почвы (какъ у Пуссена) сколько въ мягко округленныхъ очертаніяхъ группъ деревьевъ, занимающихъ первый планъ, въ числѣ которыхъ преимущественно красуется своими изящными формами вѣчно зеленый дубъ. Архитектура, представленная въ его картинахъ, по формѣ своей тоже принадлежитъ классическому искусству, но отчасти прировнена къ пейзажному элементу въ видѣ развалинъ, отчасти носитъ фантастически-роскошный и волшебный видъ; но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ лишена характера собственно жилыхъ строеній (здѣсь мы разумѣемъ изображеніе дворцовъ на берегу моря при вечернемъ солнцѣ). Но все это лишь внѣшнія мотивы, служащіе только къ тому, чтобы представить глазами зрителя внутреннюю жизнь и работу природы, какъ въ дѣйствиіи воздуха, такъ въ блескѣ и игрѣ свѣта. Лорренъ—по преимуществу, идеалистъ природы. Петербургскій эрмитажъ обладаетъ рѣдкимъ сокровищемъ—двѣнадцатью картинами Лоррена; нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ къ расцвѣту его таланта. Шесть изъ нихъ принадлежатъ собственно морскому пейзажу. Жозефъ Вернэ, другой извѣстный французскій маринистъ (1704—1789) не отличается яркой и свѣтлой поэзіей Клода Лоррена, у него нѣтъ мечтательности Рюисдала, ни реализма Ванъ-денъ-Вельде и Баггуизена. Онъ до извѣстной степени придерживается еще идеалистическаго направленія и, хотя въ картинахъ его большею частью проглядываетъ нѣсколько условная манера, тѣмъ не менѣе онъ часто производятъ самый отраднѣйшій эффектъ. Жозефъ Вернэ приобрѣлъ большую славу по преимуществу изображеніями бури; въ этихъ картинахъ онъ съ поразительною силою передаетъ могучую силу разъяренной стихіи. Въ парижскомъ Луврѣ хранятся, между прочимъ, виды французскихъ морскихъ гаваней, исполненные имъ по волѣ короля, а также цѣлая, очень богатая коллекція морскихъ картинъ. Въ эрмитажѣ есть семнадцать его картинъ. Будучи еще очень молодымъ человѣкомъ, Жозефъ Вернэ отправился моремъ въ Римъ. Во время морскаго переѣзда между Марселемъ и Чивита-Веккіей, его настигла буря; будущій живописецъ бурь и кораблекрушеній воспользовался этимъ обстоятельствомъ: онъ приказалъ привязать себя къ одной изъ мачтъ, чтобъ ничего не потерять изъ эффектовъ грозной стихіи. Другой анекдотъ, тоже касающійся Жозефа Вернэ, доказываетъ,—если впрочемъ онъ не выдуманъ,—что по временамъ Людовикъ XIV бывалъ остроуменъ и охотно думалъ о своемъ любимомъ художникѣ. Однажды, позировавъ передъ Ла-Туромъ, который писалъ его портретъ, король шутливо спросилъ, что новаго въ Парижѣ.—Въ Парижѣ недовольны,—отвѣчалъ смѣло портретистъ:—полагаютъ, что дѣла идутъ плохо.—Они могутъ пойти лучше со временемъ,—отвѣчалъ король, задѣтый за живое.—Трудновато, чтобъ они пошли лучше,—возразилъ въ свою очередь Ла-Туръ,—къ тому же у насъ нѣтъ флота (marine).—Что вы! вы забываете, что у насъ есть флотъ (marine) Вернэ».

Необходимо однако прибавить, что европейскій пейзажъ (равно, какъ и французскій) не пошелъ по направленію, открытому

Клодомъ Лорреномъ и Жозефомъ Вернэ. Для французскихъ пейзажистовъ тридцатыхъ годовъ, поднявшихъ знамя новой реформы, идеаль, очевидно, находился не въ классическихъ псевдо-греческихъ храмахъ, правильныхъ лѣсахъ и условныхъ эффектахъ моря. Новый путь реформы они увидали въ англійскомъ пейзажѣ, когда въ первый разъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, познакомились съ нимъ. Англійскіе пейзажисты сразу становятся на настоящую дорогу, вокругъ которой, со времени старыхъ голландцевъ, болѣе ста лѣтъ бродили остальные пейзажисты Европы. У Генсборо, напримѣръ, правда и поэзія соединяются съ тою страшною силой и свободой исполненія, которую и теперь еще ищутъ многіе художники, которая и теперь въ иныхъ школахъ кажется новостью. Поэтому Генсборо, съ другими англійскими пейзажистами,—Констеблемъ, Стенфильдомъ, Бонингтономъ, Тернеромъ, Кромомъ,—можно и слѣдуетъ считать дѣйствительными основателями той школы и манеры въ пейзажѣ, которая теперь окончательно водворилась въ Европѣ. Вотъ, напр., что говоритъ Шарль Бланъ: «При видѣ англійскихъ пейзажей на манчестерской выставкѣ, я окончательно убѣдился, кому обязаны наши теперешніе художники переворотомъ, сдѣланнымъ ими въ пейзажѣ, кто первый содѣйствовалъ тому, чтобы выгнать у насъ со сцены сантиментальные виды и ультра-миѳологическіе сады; одинъ Констебль произвелъ въ этомъ отношеніи цѣлую революцію. Отъ него, собственно, исходятъ Дюпре и Тройонъ; не менѣе обязаны мы Тернеру, Стенфильду, Бонингтону». Д. В. Григоровичъ, говоря о томъ же предметѣ, прибавляетъ слѣдующее: «Переворотъ, сдѣланный англійскими пейзажистами, въ самомъ дѣлѣ, очень важенъ. Не ухитряясь сортировать природу или отыскивать въ ней только красивѣйшія явленія, но считая въ ней все достойнымъ изученія, они первые научили насъ смотрѣть на нее настоящими глазами. Въ ихъ картинахъ, въ первый разъ знакомишься съ тою широкою, свободною манерою исполненія, которая ближе всего подходитъ къ истинѣ. Они нисколько не виноваты, что реализмъ, основанный ими и привившійся такъ скоро, принялъ въ послѣдствіи грубую, узкую форму, которая справедливо подвергается гоненіямъ отъ пуристовъ. Англійскіе художники,—тѣ, по крайней мѣрѣ, которые стоятъ во главѣ школы,—проповѣдую реализмъ, не думали посягать на эстетическій принципъ. Картины Гонта, какъ послѣднее выраженіе господствующаго реальнаго направленія, служатъ, кажется, ясными тому доказательствомъ; пейзажисты всегда держались того же направленія. Изображая природу во всей ея истинѣ, они прежде всего старались передать впечатлѣніе, которое оставляетъ въ душѣ такая-то мѣстность, предметъ или моментальное явленіе природы. Достигнуть такой цѣли можно только тогда, когда художникъ сильно прочувствуетъ то, что должно перейти на полотно; ничтожнѣйшій предметъ, пройдя такимъ образомъ сквозь личное, задушевное чувство художника и обогрѣтый имъ, уже лишается своей грубой матеріальной наготы: онъ получаетъ смыслъ, просвѣчивается чѣмъ-то жизненнымъ и дѣлается интереснымъ».

Для занимающаго насъ предмета, — морскаго пейзажа, — необходимо подробнѣ коснуться Тернера. Въ началѣ своей дѣятельности, Тернеръ несомнѣнно подчиняется вліянію: съ одной стороны, Клода Лоррена, съ другой — Генсборо, какъ бы ищете своей дороги и находятъ ее приблизительно около 1723 года. Всю силу своего необыкновеннаго таланта онъ направилъ на изученіе свѣта. Сосредоточивая на маломъ пространствѣ возможно большую сумму свѣта, онъ выбираетъ чаще всего громадныя, широкія поверхности, способныя отразить свѣтовые лучи, беретъ глубокую и широкую даль, громадный сводъ неба, обширное пространство моря. По мѣрѣ того какъ покоряется ему техника, онъ пренебрегаетъ обычными первыми планами, контрастами свѣта и тѣни. Разнообразіе свѣтовыхъ эффектовъ въ картинахъ Тернера поразительно: сумерки, заря, пурпуръ заходящаго солнца, какъ бы зажигающаго своими лучами морскія волны, виды Венеціи, англійскіе берега, замки, лѣса, горы, тихія озера, океанъ въ бурѣ, погибающіе корабли, морскія сраженія, цѣлыя плавающія эскадры, внутренность домовъ; — въ картинахъ Тернера вы находите цѣльный, безконечный міръ, міръ реальностей и міръ страстно-возбужденной фантазіи, какъ бы слившіеся въ одно цѣлое, изумительно гармоничное, выдѣляющее изъ себя поразительную полноту жизни и блеска. Въ этомъ смыслѣ, Тернера можно назвать геніальнымъ художникомъ, рѣдко достигающимъ полнаго выраженія своего генія, но часто необыкновенно глубокимъ. Отличительной чертой его таланта можно признать способность приподнимать передъ зрителями завѣсу «таинственной мистической природы». Д. В. Григоровичъ, хотя и не поклонникъ таланта Тернера, находить однако, что въ немъ присутствуетъ какой-то пламень, какая-то энергія, которыми въ такой мѣрѣ, какъ у него, щедро надѣляются только избранныя, особо отличенныя личности. Для характеристики его взгляда и манеры, г. Григоровичъ указываетъ на двѣ картины: «Италія» и «Гастингсъ»: «Въ первой картинѣ ни одинъ туристъ, а тѣмъ менѣе итальянецъ, не встрѣтитъ напоминанія о родинѣ Данте и Рафаэля; ее даже нельзя назвать идеальнымъ представленіемъ итальянской природы: такой пейзажъ можетъ возникнуть только въ воображеніи, возбужденномъ гашишемъ, представиться во снѣ, въ степномъ миражѣ, или существовать въ царствѣ воздушныхъ духовъ и волшебницъ. Горы, какого-то страннаго, хотя и величаваго очертанія, отливаютъ всѣми цвѣтами драгоцѣнныхъ камней; небо горитъ и кипитъ, какъ расплавленное золото; деревья и зелень сверкаютъ скорѣе, какъ изумруды, чѣмъ какъ листья; все это, между тѣмъ, такъ широко и просторно, такъ заманиваетъ глазъ и воображеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ писано съ такимъ изумительнымъ мастерствомъ, съ такимъ могуществомъ и силой, что невольно засматриваешься по часамъ. Второй пейзажъ характеризуетъ первую манеру мастера, когда онъ болѣе держался правды, когда искалъ поэзіи въ дѣйствительности. Въ Англии каждый день встрѣчаешь эти облака сизо-перловаго цвѣта, несомня вѣтромъ; сплошь и рядомъ открываются въ нихъ, какъ на картинѣ Тернера, эти про-

валы, въ которыхъ солнце, разливаясь полосою по дальнему морю, трогаетъ паруса блестящими точками. Плоскій песчаный берегъ и городъ Гастингсъ пересѣчены радугою; на первомъ планѣ большія рыбацкія лодки съ трепещущими парусами. Все это такъ полно жизни и вѣрно, какъ въ самой природѣ».

Въ Тэрнерѣ мы встрѣчаемъ поучительный примѣръ выходящаго изъ ряда таланта, который роковымъ образомъ пошелъ по позатой плоскости природныхъ задатковъ и—величайшій поклонникъ природы—кончилъ тѣмъ, что потопилъ ее въ лучахъ необузданной и совершенно болѣзненной фантазіи. Въ немъ мы находимъ зсѣ особенности англійскаго генія, встрѣтившіяся здѣсь въ изумительной полнотѣ: богатую фантазію, исканіе таинственнаго и фантастическаго, этическій элементъ, какъ бы самъ собой выступающій; чувство реальности въ поразительной полнотѣ, чутье прекраснаго, расцвѣтающее на почвѣ этическаго; внутренній міръ души, находящій свое выраженіе во вѣшнемъ мірѣ явленій и реальностей. Такая художественная концепція, конечно, не имѣетъ ничего общаго не только съ художественнымъ міровоззрѣніемъ возрожденія, но и съ нашимъ современнымъ эстетическимъ кодексомъ. Это—два различныхъ міра, почти не соприкасающіеся, но одинаково опытные и поучительные.

Оба направленія англійской пейзажной живописи—преувеличенная, доходящая до фантастичности идеалистическая поэзія и глубокая, неумолимая правда—одинаково вліяли на европейское искусство начала нынѣшняго столѣтія, на періодъ его романтическаго расцвѣта. Безыскусственность и правда взяли въ конгъ концовъ верхъ и установили ту норму, которая и до сихъ поръ еще господствуетъ въ пейзажѣ. Это все тотъ же вѣчный идеалъ Гобеммы, Рюисдаля и вообще голландскихъ мастеровъ. Романтическій пейзажъ, переживъ нѣкоторыя романтическія излишества и условности, все болѣе и болѣе становился реалистическимъ, и въ нѣкоторыхъ своихъ—слишкомъ одностороннихъ—проявленіяхъ дошелъ до того грубаго реализма, который обличаетъ уже не готую правду, лишенную даже всякаго идеала, а глубокое безповоротное непониманіе природы. Но эти односторонности и крайнія увлеченія никогда не господствовали въ европейскомъ искусствѣ; они временно возникаютъ и затѣмъ исчезаютъ; трезвое искусство идетъ своей широкой дорогой художественной правды и реалистической поэзіи.

Попытки русскаго пейзажа не восходятъ раньше первыхъ десятилѣтій нынѣшняго вѣка. Основатель, если можно такъ выразиться, русскаго пейзажа Матвѣевъ умеръ въ 1824 году, т. е. въ годъ рожденія Боголюбова. Тогда русскіе художники,—по крайней мѣрѣ, самые талантливые изъ нихъ—оканчивали свое художественное образованіе обыкновенно въ Римѣ. Немудрено, поэтому, что въ пейзажѣ, какъ и въ другихъ родахъ живописи, они подражали итальянцамъ, и не только подражали имъ, но въ большинствѣ случаевъ и сюжеты для своихъ картинъ брали изъ итальянской природы. Этимъ обстоятельствомъ характеризуется

вся дѣятельность Матвѣева. Его ученикъ М. Н. Воробьевъ (1787—1855) оказался болѣе самостоятельнымъ пейзажистомъ. Онъ, первый изъ русскихъ пейзажистовъ того времени, старался освободиться отъ подражательности итальянцамъ и французамъ. При нѣкоторой сухости, онъ вѣрнѣе природѣ и дѣйствительности; у него недурное освѣщеніе, правильная перспектива. Въ особенности онъ отличается прекрасной передачей воздуха. Воробьевъ понимаетъ пейзажную живопись по своему, и въ этомъ отношеніи не слѣдуетъ даже голландцамъ, передъ которыми онъ вообще поклонялся: его пейзажъ не представляетъ одно дерево, или одинъ холмъ, или одну хижину; напротивъ того, его картины заключаютъ цѣлыя мѣстности, цѣлые города и цѣлые горизонты. Оттого большинство его картинъ имѣетъ отчасти панорамный характеръ. Достоинство выполненія возвышается у него самымъ выборомъ предмета, который вполне соотвѣтствуетъ характеру и средствамъ художника. Таковы, на примѣръ, его «Мертвое море», «Иерусалимъ», «Константинополь». Это—обширныя панорамы, въ которыхъ иногда очень удачно схваченъ характеръ и колоритъ мѣстности. Въ картинахъ Воробьева нѣтъ ни рѣзкости контуровъ, ни пестроты тѣней; по мѣрѣ того какъ зритель всматривается въ его пейзажъ, разстояніе растетъ, расширяется, и дальніе планы, отодвигаясь, теряются въ горизонтѣ. Ему первому удалось снять видъ Гроба Господня и пещеры, въ которой гробъ находится, такъ какъ эти мѣста были недоступны для снятія видовъ, по распоряженію турецкаго правительства. Воробьевъ, рискуя довольно серьезно поплатиться, остался на всю ночь въ храмѣ. Ночью онъ снялъ мѣру со всѣхъ архитектурныхъ частей святилища и, такимъ образомъ, смѣшавшись утромъ со входящей толпой, онъ уже имѣлъ готовые эскизы. Написанная по этимъ эскизамъ, картина находится въ эрмитажѣ. Благодаря своимъ ученикамъ, изъ которыхъ нѣкоторые были очень талантливы, Воробьевъ, можно сказать, образовалъ школу. Изъ его учениковъ извѣстны: Щедринъ, Лебедевъ, Штернбергъ, а также—наиболѣе талантливые: Айвазовскій и Боголюбовъ. Изъ числа этихъ учениковъ, упомянемъ о Щедринѣ и Лебедевѣ. Щедринъ рано умеръ, но несомнѣнно заявилъ себя талантливымъ пейзажистомъ. Живя по преимуществу въ Италіи, онъ свыкъся съ итальянской природой и превосходно передавалъ свѣтовые эффекты южной природы, тихаго дневнаго сіянія, стѣнковъ везерѣющаго неба, скалистыхъ береговъ, тумановъ. Свѣжесть колорита, сила и гармонія тоновъ и оттѣнковъ, вѣрность изображеній и вообще блестящій характеръ его живописи поставилъ бы его несомнѣнно на одно изъ видныхъ мѣстъ въ русской школѣ живописи, еслибы въ его картинахъ не замѣчалась нѣкоторая подражательность итальянцамъ, которая со временемъ,—еслибы онъ не такъ рано умеръ,—вѣроятно, исчезла бы. Онъ изображалъ исключительно итальянскіе виды. Гораздо самостоятельнѣе былъ Лебедевъ; его можно причислить, по крайней мѣрѣ отчасти, къ школѣ Рюисдаля. Въ его картинахъ много свѣжести, много вѣрнаго и оригинальнаго пониманія природы, но, кромѣ того, есть нѣкоторая из-

лишняя тщательность въ отдѣлкѣ и слабость къ передачѣ малѣйшихъ подробностей. Кромѣ того, онъ не всегда справлялся съ колоритомъ въ большинствѣ своихъ картинъ: колоритъ не приведенъ въ гармонію, замѣчается рѣзкость тоновъ. Онъ точно также умеръ очень рано, мало успѣвъ сдѣлать для русскаго искусства.

Такое было состояніе русскаго пейзажа до Айвазовскаго и Боголюбова. Не смотря на талантливыхъ предшественниковъ, изъ которыхъ иные могли бы сдѣлаться выдающимися художниками при другихъ обстоятельствахъ, Айвазовскій и Боголюбовъ принуждены были работать на совершенно нерасчищенной почвѣ. Собственно *русскаго* пейзажа еще не было — и наше искусство имъ обязано существованіемъ у насъ теперь русской школы пейзажа. И въ этомъ отношеніи заслуги Боголюбова, несомнѣнно, гораздо значительнѣе даже заслугъ Айвазовскаго. Преимущество Боголюбова заключается главнымъ образомъ въ томъ, что онъ въ совершенствѣ знаетъ русскую природу. Онъ первый воспроизвелъ въ художественныхъ работахъ высокаго достоинства берега Волги Оки, Каспійскаго и Чернаго морей, многія береговныя мѣстности Финляндіи и Финскаго залива. Благодаря этому специальному знакомству и изученію русской природы съ ея особенностями, у Боголюбова выработались и своеобразныя техническія приемы, свой личный взглядъ на пейзажъ, свое особое возрѣніе на природу, такъ что даже въ тѣхъ его, довольно многочисленныхъ, произведеніяхъ, сюжеты для которыхъ взяты были не изъ русской природы,—этотъ особенный отпечатокъ манеры Боголюбова ясно замѣтенъ. Это видно даже на одной изъ раннихъ картинъ Боголюбова (1860 года),—въ «Морскомъ праздникѣ въ Амстердамѣ» (*Kermesse d'Amsterdam*). Поле ярмарки разстилается по берегу Амстеля; въ глубинѣ—Монетная башня, возлѣ которой видны балаганы Раппо и другіе. Направо—*Doelen Sraat* и на набережныхъ толпа народу. Рѣка оживлена барками и лодками. Все это имѣетъ совершенно своеобразный оттѣнокъ, который, конечно, совершенно не поддается описанію, но, тѣмъ не менѣе, ясно чувствуется, въ особенности если сравнить пейзажъ Боголюбова съ пейзажами современныхъ ему голландскихъ или французскихъ художниковъ, писанныхъ приблизительно на ту же тему. Болѣе обширныя композиціи Боголюбова по части морскихъ сраженій также останутся въ исторіи русскаго пейзажа; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ: «Морское сраженіе при Синопѣ», обнаруживаютъ замѣчательную силу композиціи, прекрасное распределеніе деталей, пріятный, мягкій колоритъ и превосходный рисунокъ. Картины, выполненныя Боголюбовымъ по порученію императоровъ Николая и Александра II, въ цѣломъ образуютъ довольно обширную галерею, составляющую почти полную исторію русскаго военнаго флота. Эта галерея можетъ считаться одною изъ очень рѣдкихъ галерей: мы не знаемъ въ Европѣ ни одного мариниста, дѣятельность котораго представила бы такую цѣльность, разнообразіе и богатство.

Слѣдуетъ однако же прибавить, что на нашъ личный взглядъ

значение А. П. Боголюбова, какъ художника, положившаго истинныя основы школѣ русскаго пейзажа, заключается не столько въ художественномъ изображеніи исторіи нашего военнаго флота, сколько вообще въ его, такъ сказать, неофіціальныя произведенія, относящихся непосредственно къ простому морскому пейзажу, и изображающихъ природу безъ всякаго отношенія къ человѣческой дѣятельности. Море, вообще воду, воздушную перспективу А. П. Боголюбовъ знаетъ въ совершенствѣ; своему морскому пейзажу онъ, къ тому же, придаетъ сильное поэтическое чувство. Глядя на его пейзажи, невольно чувствуешь, что имѣешь дѣло съ ярко опредѣленною индивидуальностью, которая и природу надѣляетъ особенными оттѣнками, понимаетъ ее по своему и живетъ въ этой природѣ, расцвѣтая и совершенствуясь. Онъ, съ Лагорио и Айвазовскимъ, отчасти съ Мещерскимъ и другими, значительно болѣе молодыми пейзажистами-маринистами,—Бегровымъ, Судковскимъ, Орловскимъ, Васильевымъ,—являются главнѣйшими представителями русскаго морскаго пейзажа.

Говоря о Боголюбовѣ, невольно приходитъ на мысль сравненіе между нимъ и Айвазовскимъ. Изъ прежняго поколѣнія нашихъ пейзажистовъ, оба они являются на первомъ планѣ, какъ признанные, никѣмъ неоспариваемые представители русскаго пейзажа. Но, по отношенію къ художественной индивидуальности, разница между ними значительна. Айвазовскій, при громаднѣйшихъ достоинствахъ,—пейзажистъ, по преимуществу, внѣшней декоративности. Его картины—прежде всего—картины, и обращаютъ на себя вниманіе зрителя грандіозностью и красотой моря въ его стихійныхъ порывахъ. Но эти морскія драмы гораздо больше говорятъ зрѣнію, чѣмъ чувству. Его вода—удивительно прозрачна и, кажется, живетъ, но она является какъ бы несамостоятельнымъ элементомъ въ его картинахъ; самостоятельнымъ элементомъ въ нихъ являются, по преимуществу, эффекты свѣта, преломленіе лучей въ водѣ, тысячи цвѣтовыхъ оттѣнковъ. Благодаря этому обстоятельству, картины Айвазовскаго въ большинствѣ случаевъ производятъ не столько впечатлѣніе суровой и неподкрашенной природы, сколько поражаютъ внѣшней красотой и внѣшнимъ эффектомъ. Въ этомъ направленіи Айвазовскаго, можетъ быть, сказало его не русское происхожденіе. Русскій художникъ, насколько можно судить по исторіи русскаго искусства, гораздо менѣ поклонникъ культуры чистой красоты, если можно такъ выразиться. Вотъ почему, можетъ быть, Айвазовскій, не смотря на свою продолжительную художественную дѣятельность, не образовалъ до сихъ поръ школы и, вѣроятно, не образуетъ. Не то мы видимъ въ дѣятельности Боголюбова: всѣ болѣе молодые маринисты, посредственно или непосредственно, являются учениками его, и онъ, дѣйствительно, вполне русскій художникъ. Въ его картинахъ не эффекты поразительны, а именно правда,—та правда, которая, оставляя сильное эстетическое впечатлѣніе, въ то же время дѣйствуетъ и на чувство. Года три тому назадъ, на выставкѣ передвижниковъ, Боголюбовъ выставилъ картину: «Средиземное море во время бури»;

эта картина является одной изъ лучшихъ, самыхъ законченныхъ и талантливѣйшихъ композицій въ русскомъ пейзажѣ. Не смотря на то, что она написана не въ обычномъ тонѣ Боголюбова, она тѣмъ не менѣе можетъ служить какъ бы образчикомъ его манеры,—сильной, широкой, съ значительнымъ подъемомъ поэтического чувства, съ умѣніемъ находить въ природѣ настоящую грандіозную драму.

В. Чуйко.

МАРИАНЕЛА.

Романъ Переса Гальдоса.

XVI.

Бѣглянка въ раздумѣ.

Поразительная и счастливая новость вмигъ пронеслась по всему Сокорте. Около горновъ, въ мастерскихъ, на промывательныхъ машинахъ, на откосахъ, во рвахъ, на горахъ, въ подземельяхъ, вездѣ говорили тѣлько объ одномъ, съ прибавленіемъ интересныхъ коментаріевъ: говорили, на примѣръ, что въ Альдеакорбѣ боялись нѣкоторое время, что донъ Франсиско теряетъ рассудокъ, что донъ Мануиль Пенагиласъ хотѣлъ ознаменовать счастливое событіе, сдѣлавъ праздникъ всѣмъ работникамъ рудника, и, наконецъ, что донъ Теодоръ заслуживаетъ благодарности всѣхъ бывшихъ и настоящихъ слѣпыхъ.

Нела не рѣшалась идти въ Альдеакорбу; неизвѣстная сила удерживала ее. Цѣлыми днями она бродила въ окрестностяхъ рудника, любуясь издали домою Пенагиласа, который казался ей теперь совсѣмъ другимъ. Въ умѣ ея происходила борьба между чрезвычайной радостью и какимъ-то стыдомъ за саму себя, между восторгомъ, происходящимъ отъ благородной привязанности, и гнѣвомъ раздраженнаго самолюбія. Созерцаніе красотъ природы, которыя обыкновенно приводили ее къ молитвѣ, успокоили въ ней наконецъ мучительное волненіе. Смотря на Альдеакорбу, она говорила:

— Я не вернусь туда больше. Все кончено для меня. За чѣмъ мнѣ теперь жить?

Марія понимала, что ея чувство было послѣдствіемъ ея неумѣнія ненавидѣть кого бы то ни было. Напротивъ, она чувствовала влеченіе любить весь свѣтъ, друга и недруга. Нела замѣтила, что ея грусть и ревность чудесно переходили въ восхищеніе и благодарность. Но отъ чего она не могла отдѣлаться—это отъ чувства стыда за саму себя, что и побуждало ее быть чуждой всему, что происходило въ Альдеакорбѣ. Умѣй Маріанела выражаться другимъ языкомъ, она сказала бы: „Богу угодно, чтобы я понесла униженіе; пусть будетъ такъ, но я не буду присутствовать при лишеніи меня моихъ правъ. Да благословить Богъ ту, которая закономъ природы призвана занять мое мѣсто; у меня же не останется силы бороться съ этимъ“.

Не умѣя высказать своихъ мыслей, она передавала ихъ въ другой формѣ:

— Я не вернусь въ Альдеакорбу... не хочу, чтобъ онъ меня видѣлъ. Я убѣгу съ Селипиномъ или отправлюсь къ моей матери. Я больше не нужна имъ.

Говоря это, она страшно горевала о томъ, что должна была отказаться отъ покровительства, явившагося ей въ самый тяжкій часъ ея жизни. Видѣть почти осуществляющимися свои мечты и вдругъ быть вынужденной отказаться отъ нихъ! Слышать призывающій ее ласковый голосъ, который предлагаетъ братскую любовь, положеніе, имя, благосостояніе, и не имѣть возможности откликнуться на этотъ зовъ, наполняющій ее радостью, надеждой и благодарностью! Оттолкнуть лагодѣтельную руку, которая хотѣла вывести ее изъ униженія и нищеты, сдѣлать изъ бродяги порядочнаго человѣка и ревертировать домашнее животное въ существо разумное, любящее!

— Нѣтъ,—воскликнула Маріанела,—я не могу. Ни за что въ свѣтѣ я не появлюсь въ Альдеакорбу. Пресвятая Дѣва, помоги мнѣ! мама, приди ко мнѣ!

Вечеромъ она вернулась домой. Дорогою встрѣтила Селипина, вооруженнаго палкой, на верхнемъ концѣ которой видѣлъ его картузь.

— Нелочка,—обратился къ ней мальчикъ,—не правда ли, здѣ такъ ходитъ докторъ Теодоръ? Сейчасъ я посмотрѣлся

въ воду и остановился отъ удивленія: такъ я похожъ на доня Теодора Гольфина. Въ нѣсколько дней я сдѣлаюсь докторомъ, человекомъ полезнымъ. Я исполню, что хотѣлъ, и ты увидишь, что всѣ будутъ съ уваженіемъ относиться къ синьору Селипину.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней, бродила сирота около рудника по извилистымъ берегамъ рѣки и по самымъ уединеннымъ тропинкамъ лѣса Сальдеоро. Она проводила ночи безъ сна. Однажды вечеромъ она таинственно вызвала своего товарища по комнатѣ.

— Когда же, Селипинъ?—спросила она.

Селипинъ важно отвѣтилъ ей:

— Завтра.

Оба авантюриста поднялись съ первыми лучами солнца и каждый пошелъ по своимъ дѣламъ. Селипинъ—на работу, а Нела—съ порученіемъ Сенаны къ горничной инженера. Возвратившись домой, она нашла у себя Флорентину, которая ждала ее. Марія сильно сконфузилась и задрожала при видѣ молодой дѣвушки, потому что инстинктивно догадалась о причинѣ ея прихода.

— Нела, дорогая сестра,—нѣжно обращаясь къ ней, сказала дѣвушка:—что значитъ твое поведеніе? Отчего тебя не видно у насъ всѣ эти дни? Приходи, Пабло зоветъ тебя. Ты знаешь, что мой кузенъ болѣе не слѣпъ?

— Знаю,—сказала она, беря протянутыя къ ней руки Флорентины и покрывая ихъ поцѣлуями.

— Ну, такъ и идемъ сію же минуту. Онъ не перестаетъ звать Нелу. Надо, чтобъ ты была тамъ, когда донъ Теодоръ сниметъ ему повязку. Это будетъ уже четвертый разъ. А первый... Когда мы убѣдились, что онъ видитъ, мы думали, что умремъ отъ радости. Первое лицо, которое онъ увидѣлъ, было мое... Пойдемъ.

Марія выпустила руку Флорентины.

— Ты забыла мой обѣтъ? Не думаешь ли ты, что это была шутка? Все, что я могу сдѣлать, мнѣ кажется слишкомъ ничтожнымъ, чтобъ отблагодарить Божью Матерь за оказанную намъ милость. Я хотѣла бы, чтобъ эти дни никто не зналъ горя во всей вселенной; хотѣла бы пролить свою радость всюду; хотѣла бы, входя въ бѣдныя хижины, говорить:

„Конецъ вашимъ скорбямъ, я всѣмъ несу радость!“ Но это невозможно. Одинъ Богъ можетъ это сдѣлать. Но, если силы мои не въ состоянїи равняться съ моей волею, сдѣлаемъ хоть то небольшое, чтò намъ доступно. Теперь простись съ домомъ, со всѣмъ, чтò было спутникомъ твоей прежней жизни.

Марианела ни съ чѣмъ не простилась, и такъ какъ дома не было никого изъ ея обитателей, то ей не пришлось терять времени на прощаніе. Флорентина вышла, ведя за руку ту, кого ея благородныя чувства вводили въ семейство, и Нела позволяла вести себя, чувствуя, что не въ силахъ сопротивляться. Она думала, что сверхъестественная сила влекла ее и что такова была ея судьба. Онѣ шли вмѣстѣ по той самой дорогѣ, гдѣ сирота впервые увидѣла Флорентину. Когда онѣ вошли въ аллею, молодая дѣвушка сказала своей подругѣ:

— Отчего ты не приходила къ намъ? Мнѣ дядя говорилъ, что ты скромна и деликатна. Деликатность мѣшала тебѣ требовать приобрѣтеннаго милосердіемъ божїимъ? Вчера дядя, папа и я, мы не могли спать всю ночь; дѣлали разныя предположенія, строили воздушныя замки... Отчего ты ничего не просишь? Отчего ты не весела, какъ я? Иди же... чтò съ тобой? Ты такъ странно смотришь на меня.

Глаза несчастной, бессмысленно перебѣгавшіе съ одного предмета на другой, выразили ужасъ, когда остановились на Флорентинѣ.

— Отчего рука твоя дрожить? ты нездорова? Ты поблѣднѣла. Если ты себя худо чувствуешь, я буду ухаживать за тобой. Съ этого дня, у тебя есть подруга, которая интересуется тобой, любитъ тебя и окружить своими заботами. И не одна я, потому что Пабло уважаетъ тебя: онъ самъ сказалъ мнѣ. Любить тебя мы будемъ оба, такъ какъ онъ и я составимъ одно... Онъ желаетъ тебя видѣть. Подумай, какъ долженъ быть любопытенъ тотъ, кто никогда ничего не видѣлъ... Ты не повѣришь, какъ онъ понятливъ; его воображеніе открыло ему многое, чего слѣпые не могутъ знать; онъ съ первой минуты могъ различить, чтò красиво и чтò безобразно. Видъ краснаго сургуча доставилъ ему большое удовольствіе, а уголь показался ему ужаснымъ. Онъ восхищался красотой неба и съ отвращеніемъ отвернулся отъ лягушки.

Все красивое приводитъ его въ поэтическій восторгъ; безобразное внушаетъ ужасъ; онъ дрожитъ, какъ и мы, когда чего нибудь боимся. Я, вѣрно, не показалась ему дурнушкой; при взглядѣ на меня, онъ воскликнулъ: „Ахъ, кузина, какъ ты хороша! Благодарю Бога, давшаго мнѣ возможность видѣть тебя!“

Нела выдернула свою руку изъ рукъ Флорентины и опустилась на землю. Молодая дѣвушка склонилась надъ ней и ласково спросила:

— Что съ тобой? отчего ты на меня такъ смотришь?— Сирота остановила свой взглядъ съ ужасающей неподвижностью на лицѣ воображаемой святой дѣвы. Не ненависть выражалъ этотъ взглядъ, но мольбу; то былъ взглядъ умирающаго, глаза котораго молятъ Господа о прощеніи.

— Я не ненавижу васъ, — бормотала Нела, — нѣтъ, я васъ очень люблю.

Говоря это, она взяла край платья Флорентины и, поднеся его къ высохшимъ губамъ, быстро поцѣловала.

— Съ чего я стану думать, что ты меня ненавидишь, — смущенно произнесла дочь Пенагиласа. — Я хорошо знаю, что ты меня очень любишь.

— Да, но я не могу идти туда.

Она указала на домъ Альдеакорбы, крыша котораго виднѣлась сквозь листву деревьевъ.

— Отчего?

— Это знаетъ Богородица, — рѣшительно возразила Нела. — Да благословить она васъ.

Флорентина сдѣлала шагъ впередъ. Марія поняла ея движеніе, бросилась къ молодой дѣвушкѣ и, склонивъ голову на грудь, произнесла среди рыданій:

— Ради бога! поцѣлуйте меня. — Флорентина нѣжно поцѣловала ее. Тогда, быстро убѣгая, дикій ребенокъ исчезъ въ ближайшемъ лѣсу. Казалось, верескъ сторонился, чтобъ дать ей дорогу.

— Нела, сестра моя! — кричала Флорентина.

— Прощай, душа моя, — отвѣтила Нела, послѣдній разъ смотря на своего друга.

И она скрылась въ чащѣ лѣса. Пораженная молодая дѣвушка прислушивалась къ треску растеній, попираемыхъ бѣг-

лянкой, какъ охотникъ прислушивается къ шагамъ удаляющагося оленя; кругомъ стало тихо... Флорентина была погружена въ раздумье, уничтоженная, безмолвная, глубоко огорченная. Она не знала, что подумать объ этомъ странномъ бѣгствѣ: ея безмѣрная доброта не могла ей этого объяснить. Долго стояла она съ поникшей головой на томъ же мѣстѣ, съ мокрыми отъ слезъ глазами, какъ вдругъ ее увидаль Теодоръ Гольфинъ, медленно шедшій изъ Альдеакорбы. Велико было удивленіе доктора, когда онъ увидѣлъ ее одну, въ позѣ, выражающей глубокое горе.

— Что случилось?—спросилъ онъ съ живымъ участіемъ.— Что съ вами, Флорентина? что огорчило васъ?

— Неблагодарность, донъ Теодоръ.—И, смотря по ту сторону терновника и вереска, дѣвушка прибавила:—Она тамъ скрылась, и я нигдѣ не вижу ея.

— Я тоже, — смѣясь, подтвердилъ докторъ.—Донъ Мануилъ сказалъ, что вы охотитесь за бабочками; дѣйствительно, какъ неблагодарны эти насѣкомыя, что не даютъ вамъ себя поймать.

— Совсѣмъ не то. Я вамъ расскажу, если пойдете въ Альдеакорбу.

— Шелъ-то я не туда, но, чтобы вы мнѣ что нибудь рассказали, я возвращусь съ большимъ удовольствіемъ. Пойдемте въ Альдеакорбу.

XVII.

Н е л а р ѣ ш а е т с я .

Вечеромъ того же дня, Неда ходила около дома Пенагиласа на такомъ разстояніи, чтобы не быть замѣченной. Заслышавъ какой нибудь шумъ, она убѣжала. Спустившись въ ровъ и пройдя по дну его, налюбовавшись каменными глыбами, она влѣзла на одну изъ нихъ съ цѣлью увидѣть свѣтъ въ Альдеакорбѣ. Огни мерцали на темномъ фонѣ неба и земли. Долго она смотрѣла на нихъ, точно никогда въ жизни не видала ничего подобнаго и, выдя изъ рва, направилась къ Тросковѣ. Она еще не дошла до нея, какъ услышала шаги; остановилась и, спустя минуту, увидѣла Селипина, шагав-

шаго по тропинкѣ. Онъ несъ пакетъ, привѣшенный къ палкѣ, перекинутой черезъ плечо; его походка, движеніе указывали на твердую рѣшимость идти, не останавливаясь, не обращая вниманія ни на какія препятствія.

— Селипинъ, куда ты?—останавливая его, спросила Нела.

— Марія, это ты? Мы думали, что ты у Флорентины. Ышь все окорока да куръ, пьешь сладкій лимонадъ. Чтѣ ты здѣсь дѣлаешь?

— А ты куда идешь?

— Къ чему ты меня спрашиваешь, вѣдь знаешь хорошо,—возразилъ мальчикъ, указывая на палку и пакетъ.—Тебѣ извѣстно, что я иду учиться и деньги зарабатывать. Развѣ я тебѣ не говорилъ, что уйду сегодня вечеромъ? Ну, вотъ я и доволенъ теперь болѣе, чѣмъ наступленіемъ праздника пасхи, хоть немного грустно становится, когда подумаю, какое горе причину я отцу и матери. Видно, святая Богоматерь намъ покровительствуетъ эту ночь, потому что отецъ и мать захрапѣли раньше обыкновеннаго, а узелъ у меня былъ раньше приготовленъ. Теперь говори: идешь ты со мною или нѣтъ?

— Да, я иду,—сказала Нела, хватаясь за руку рѣшительнаго путешественника.

— Мы поѣдемъ, пока у насъ будутъ деньги, — сказала Селипинъ храбро и восторженно.—Потомъ будемъ просить милостыню до тѣхъ поръ, пока не дойдемъ до Мадрида; тамъ ты поступишь на мѣсто къ маркизѣ или графинѣ, я тоже достану себѣ мѣсто; такимъ образомъ, пока я буду учиться, и ты научишься многому. Я тебя выучу всему, чтѣ самъ буду знать, но понемногу, потому что женщинамъ не надо знать всего, чтѣ знаемъ мы, доктора.

Они тронулись въ путь и шли скоро, точно у нихъ уже былъ въ виду Мадридъ.

— Свернемъ съ дороги,—сказалъ Селипинъ, давая этимъ доказательство своей практичности,—а то, если насъ увидятъ, то могутъ задержать.

Нела оставила руку товарища и, садясь на камень, печально сказала:

— Я не пойду.

— Нела... глупая!—говорилъ Селипинъ тономъ фанфарона.—У тебя нѣтъ мужества, чего ты боишься? отчего ты не

идешь? Развѣ ты не знаешь, что сказалъ донъ Теодоръ:—тѣ, которые родятся здѣсь, становятся камнями. Я не хочу быть камнемъ.

— Но къ чему я пойду?—съ горечью произнесла Нела.— Тебѣ пора, а мнѣ поздно.

Нела опустила голову на грудь и осталась нечувствительной къ многорѣчивымъ обоощеніямъ будущаго Гипократа. Въ ту минуту, когда она переступала границу земли, на которой родилась и въ которой мать ея спала вѣчнымъ сномъ, она почувствовала, что не въ силахъ разстаться съ ней.

— Я не пойду,—повторила она еще разъ.

— Такъ ты идешь домой?—спросилъ онъ, убѣдившись въ бесполезности своего краснорѣчія.

— Нѣтъ.

— Въ Альдеакорбу?

— И давно нѣтъ...

— Такъ въ деревню Флорентины?

— И не туда.

— Куда же наконецъ?

Нела не отвѣчала и растерянно глядѣла въ землю, точно видѣла на ней обломки драгоцѣннѣйшей вещи въ мірѣ, упавшей здѣсь и разбившейся въ дребезги.

— Ну, что же, Нела, — началъ мальчикъ, соскучившись отъ долгихъ уговоровъ.—Я оставляю тебя, ухожу; меня могутъ замѣтить. Дать тебѣ денегъ, въ случаѣ если понадобится чтонибудь сегодня вечеромъ?

— Нѣтъ, мнѣ ничего не надо. Иди, ты будешь имѣть успѣхъ; будь здоровъ, не забывай Сокорте, а главное—родителей.

Путешественникъ почувствовалъ что-то странное: ему захотѣлось плакать, но онъ, побѣждая это несвоевременное волненіе, возразилъ:

— Какъ могу я забыть Сокорте? Этого только недоставало... Я не забуду ни родныхъ, ни тебя, такъ много помогавшихъ мнѣ. Прощай, Нела; кто-то идетъ.

Селипинъ занесъ палку надъ головой съ неустрашимостью, показавшей, насколько душа его закалена въ опасностяхъ, но безпокойство его было излишне; къ нимъ подбѣжала собака.

— Это Шото, — содрогнувшись, сказала Нела.

— Прощай, — крикнулъ Селипинъ, и скрылся въ темнотѣ ночи.

Нела задрожала при видѣ ласкающагося къ ней Шото. Доброе животное, попрыгавъ около нея и ворча выразительно, быстро убѣжала по направленію къ Альдеакорбѣ.

Проводивъ Флорентину, Теодоръ Гольфинъ возвращался домой. Шото догналъ его и оживленно лаялъ. Гольфинъ не обратилъ на него никакого вниманія. Но Шото не отставалъ отъ него, выражая по своему что-то въ родѣ требованія. Теодоръ наконецъ остановился. Шото, видя, что его поняли, пустился по направленію, совершенно противоположному тому, котораго держался Гольфинъ. Тотъ послѣдовалъ за собакой, подумавъ: „Хорошо, пойдемъ туда“. Шото вернулся, чтобъ удостовѣриться, идутъ ли за нимъ, и опять убѣжалъ. Въ разстояніи ста метровъ отъ Альдеакорбы, доктору показалось, что онъ слышитъ человѣческій голосъ:

— Что тебѣ надо, Шото?

Онъ узналъ голосъ Нелы. Ставъ въ тѣни, онъ увидѣлъ медленно идущую фигуру. Тѣнь, падавшая отъ забора, мѣшала ее разглядѣть. Онъ пошелъ за ней въ нѣкоторомъ разстояніи по травѣ, держась края дорожки и стараясь не производить шума, чтобъ не быть замѣченнымъ. Безъ сомнѣнія, это была Нела. Онъ узналъ ее, когда она вышла на освѣщенное мѣсто. Бѣдная дѣвушка пошла скорѣе, потомъ побѣжала. Гольфинъ тоже бѣжалъ. Нѣсколько минутъ спустя, Нела усѣлась на камень. У ея ногъ открывался глубочайшій ровъ Тросковы, ужасной въ ночной темнотѣ; Гольфинъ приблизился тихими сдержанными шагами. Шото лежалъ около нея, вытянувъ переднія лапы, въ положеніи сфинкса, и устремивъ взглядъ на сироту. Нела смотрѣла внизъ. Вдругъ она быстро стала спускаться. Теодоръ, какъ левъ, бросился въ пропасти, крича сильнымъ голосомъ:

— Нела! Нела!

Онъ ничего не видѣлъ въ этой черной безднѣ и слышалъ только рычаніе Шото. Теодоръ хотѣлъ тоже спуститься, но, сдѣлавъ осторожно нѣсколько шаговъ, опять началъ звать Нелу. Голосъ снизу отвѣтилъ:

— Синьоръ...

— Поднимись сію же минуту!

Онъ не получилъ отвѣта.

— Поднимись, тебѣ говорю!

Черезъ минуту, онъ увидѣлъ фигуру дѣвушки, обрисовавшуюся въ глубинѣ зловѣщей пропасти. Несчастливая поднималась, но очень медленно. Она остановилась, и онъ опять услышалъ ея голосъ, слабо говорившій:

— Синьоръ!

— Выходи оттуда; что ты тамъ дѣлаешь?

Она еще немного поднялась.

— Торопись, мнѣ надо тебѣ сказать...

— Что такое?

— Мнѣ надо поговорить съ тобой.

Нела вышла, но Теодоръ до тѣхъ поръ не успокоился, пока не взялъ молодую дѣвушку за руку и не увелъ ея.

XVIII.

Побѣжденная.

Они шли молча. Гольфинъ, человѣкъ ученый, умный, раснорѣчивый, чувствовалъ себя столько же смущеннымъ, какъ и Нела, необразованная, ничего не знающая. Она была юлчаливѣе обыкновеннаго и, не сопротивляясь, шла за нимъ. На дорогѣ, въ одномъ мѣстѣ лежали три огромныхъ бѣлыхъ камня, поврежденныхъ временемъ и похожихъ на кости гигантскихъ животныхъ. Докторъ сѣлъ и поставилъ предъ собою Нелу, будто собираясь дѣлать допросъ. Взявъ ее за обѣ руки, онъ спросилъ:

— Что ты хотѣла тамъ дѣлать?

— Я... гдѣ?

— Тамъ. Ты отлично понимаешь, о чемъ я тебя спрашиваю. Отвѣчай откровенно, какъ говорятъ отцу родному.

— У меня нѣтъ отца,—упрямо возразила Нела.

— Правда; но вообрази, что я твой отецъ, и отвѣчай.

— Моя мать тамъ,—сурово отвѣтила малютка.

— Твоя мать умерла. А ты развѣ не знаешь, что тѣ, которые умерли, перешли въ другой свѣтъ?

— Она тамъ,—съ апломбомъ настаивала сирота, печально переводя взоръ на пропасть.

— И ты хотѣла идти къ ней, не такъ ли? значить, ты хотѣла лишиться себя жизни?

— Да, синьоръ.

— А знаешь ли ты, что твоя мать совершила страшное преступленіе, наложивъ на себя руки, и что, подражая ей, ты тоже будешь преступницей? Тебя не учили этому?

— Не помню, чтобъ меня этому учили. Но, если я хочу умереть, кто мнѣ можетъ помѣшать въ этомъ?

— Развѣ же ты не понимаешь, что Богу не можетъ быть пріятно, когда мы сами прекращаемъ свою жизнь? Ты была предоставлена самой себѣ, тебѣ не дали образованія, тобою не руководило ни одно любящее существо, поэтому ты ко всему безучастна. Какія же у тебя понятія о Богѣ, будущей жизни и смерти? Какимъ образомъ ты могла подумать, что твоя мать тамъ, въ землѣ? Назовешь ли ты своей матерью безжизненные кости? Ты думаешь, что она продолжаетъ жить, мыслить и любить тебя въ этой безднѣ? Никто тебѣ не говорилъ, что когда душа оставляетъ тѣло, то болѣе не возвращается? Тебѣ неизвѣстно, что могилы заключаютъ въ себѣ только прахъ, т. е. ничто? Какимъ ты представляешь себѣ Бога? Существомъ могущественнымъ, находящимся тамъ, наверху, ничего не дѣлающимъ, позволяющимъ и намъ играть жизнью? Твой господинъ такой умный, развитой,—развѣ онъ никогда объ этомъ не говорилъ?

— Онъ говорилъ мнѣ объ этомъ, но такъ какъ онъ больше не будетъ говорить...

— Отчего онъ не будетъ больше говорить тебѣ? Ты хочешь покуситься на свою жизнь? Скажи мнѣ, что ты думаешь выиграть тѣмъ, что бросишься въ яму? Надѣнешься на лучшее?

— Да.

— Какъ? Какимъ образомъ?

— Не испытывая ничего болѣе изъ того, что испытываю сегодня, и соединясь съ матерью.

— Вижу, что въ тебѣ глупость преобладаетъ надъ чувствомъ, — сказалъ Гольфинъ, смѣясь. — Будь откровенна со мною.

— Я никому не желаю зла, вамъ же менѣ всѣхъ, по

тому что вы были ко мнѣ всегда добры и дали зрѣніе моему хозяину.

— Но этого недостаточно. Я прошу, чтобы ты имѣла ко мнѣ довѣріе. Съ тобой творится что-то странное, и ты мнѣ сейчас все расскажешь. Ты увидишь, что это вовсе не трудно, и убѣдишься, что я добрый исповѣдникъ.

Нела грустно улыбнулась.—Садись рядомъ,—нѣжно сказалъ Гольфинъ, привлекая ее къ себѣ. — Воображаю, какъ ты изнывала отъ желанія встрѣтить когонибудь, съ кѣмъ могла бы подѣлиться своими секретами. Не правда ли? И ты никого не находила! Дѣйствительно, ты слишкомъ одинока въ жизни. Ну, скажи мнѣ раньше всего: для чего ты хотѣла лишиться себя жизни?

Нела не отвѣчала.

— Нѣсколько дней назадъ, я видѣлъ тебя, какъ мнѣ показалось, счастливой и довольной своею жизнью. Отчего же ты теперь обезумѣла?

— Я хотѣла идти къ моей матери,—колеблясь, отвѣчала Нела.—Я не хотѣла больше жить: ни къ чему я не годна. Не лучше ли было бы, еслибъ я умерла? Если я, по волѣ божіей, не умираю, то сама себя лишу жизни.

— Мысль, что ты ни къ чему не годна, большое несчастье для тебя. Проклятіе тому или тѣмъ, кто внушили тебѣ ее! Одному Богу извѣстно, что бы изъ тебя вышло, будь ты въ другихъ рукахъ! Ты очень добросовѣстна; можетъ быть, имѣешь и еще большія достоинства. Что твое слабое тѣлосложеніе не позволяетъ тебѣ ворочать камни и таскать землю, какъ эти животныя въ человѣческомъ образѣ, называемыя Маріука и Пепина, — нужно ли изъ этого выводить заключеніе, что ты ни къ чему неспособна? Развѣ мы родимся для того, чтобы работать, какъ животныя? Развѣ въ тебѣ нѣтъ разсудка и чувства, которыя никто не счумѣлъ пробудить? Нѣтъ, ты ко многому можешь быть пригодна, если попадешь въ руки, которыя счумѣютъ управлять тобою:

Нела, глубоко тронутая его словами, понятыми ея чутьемъ, не сводила глазъ со строгаго, выразительнаго лица Теодора Гольфина. Душа ея была полна благодарности.

— Но въ тебѣ кроется тайна,—продолжалъ Теодоръ:—тебѣ представился случай выйти изъ твоего безпомощнаго со-

стоянія, а ты отказалась отъ него. Флорентина хотѣла сдѣлать тебя своимъ другомъ и сестрой. Я не знаю бѣльшей доброты и милосердія; а ты что сдѣлала? Ты сбѣжала, какъ дикарка. Это — неблагодарность.

— Нѣтъ,—съ огорченіемъ возразила Нела:—меня нельзя назвать неблагодарной. Я обожаю Флорентину... Мнѣ кажется, что она — неземное созданіе, и я недостойна даже смотрѣть на нее.

— Это, быть можетъ, и правда, но твои поступки доказываютъ только одно: что ты очень неблагодарна.

— Не называйте меня неблагодарной!—воскликнула Нела, задыхаясь отъ рыданій.—Я боялась этого, предчувствовала, что меня сочтутъ неблагодарной, и только это меня огорчало и останавливало, когда я уже шла туда, чтобы лишиться себя жизни.

— Я помирю тебя съ Флорентиной. Если ты не хочешь видѣть ея, я берусь передать ей и докажу, что тебя нельзя упрекать въ неблагодарности. Теперь открой мнѣ твою душу; скажи, что тебя такъ мучить, что за причина твоего отчаянія. Какъ бы ни было безвыходно положеніе человѣка, какъ бы ни было тяжело одиночество, онъ все же не рѣшится на самоубійство, если у него нѣтъ къ тому особенной причины, доводящей до отчаянія.

— Да, синьоръ, я тоже думаю.

— И у тебя есть такая побудительная причина?

Нела молчала, потомъ, скрестивъ руки, съ жаромъ произнесла:

— Нельзя сказать, чтобы я ненавиждѣла жизнь; напротивъ, я хочу жить.

— Хорошій же путь избрала ты къ этому!

— Мнѣ кажется, что человѣкъ, умирая, достигаетъ всего, что ему было недоступно на землѣ... Иначе, къ чему бы мы ежечасно призывали смерть? Въ моихъ мечтахъ, я вижу счастливыми и довольными всѣхъ умершихъ.

— Твои мечты тебѣ кажутся дѣйствительностью?

— Конечно. Я смотрю на деревья, на скалы, къ которымъ съ малыхъ лѣтъ привыкла, и ихъ лица...

— А, вотъ какъ! по твоему, деревья и скалы имѣютъ лица?..

— По моему, все прекрасное видеть и говорить... И мнѣ слышится ихъ тихая рѣчь: „Иди къ намъ, умри, и ты будешь жить безпечально“...

— Какая грустная фантазія! — бормоталъ Гольфинъ, — какія языческія понятія! Если ты хочешь жить, то почему не принимаешь той жизни, которую тебѣ предлагала Флорентина? Я возвращаюсь къ моему вопросу.

— Потому что... Флорентина предлагала мнѣ смерть, — энергично возразила Нела.

— Какъ ты судишь о ея милосердіи! Много есть несчастныхъ на свѣтѣ, предпочитающихъ бродяжничество и нищенство тому достоинству, которое отличаетъ людей порядочныхъ. Ты привыкла къ дикой жизни, имѣющей прямое соприкосновение съ природой, и предпочитаешь грубую свободу семейнымъ привязанностямъ. Была ты счастлива въ этой жизни?

— Начинала быть счастливой.

— Когда же прекратилось твое счастье?

Нела долго молчала и возразила:

— Когда вы пришли.

— Я! что же я тебѣ сдѣлалъ?

— Ничего, вы мнѣ сдѣлали много добра.

— Я возвратилъ зрѣніе твоему господину, — говорилъ Гольфинъ, разсматривая Нелу со вниманіемъ фізіолога. — Ты мнѣ за это благодарна?

— О! да, синьоръ, очень благодарна.

Гольфинъ не упускалъ ни малѣйшаго ея движенія, которое помогло бы ему объяснить душевное состояніе дѣвушки. Онъ возразилъ:

— Твой господинъ сказалъ мнѣ, что очень любить тебя. И когда онъ былъ слѣпъ, и теперь, какъ прозрѣлъ, онъ не перестаетъ спрашивать о Нелѣ. Видно, что для него вся вселенная сосредоточилась въ одной личности, въ Нелѣ. Свѣтъ, дарованный ему, нуженъ лишь для того только, чтобъ видѣть Нелу.

— Чтобъ видѣть Нелу? Нѣтъ, онъ не увидитъ ея!.. Нела не покажется ему, — вскричала она съ оживленіемъ.

— Почему?

— Потому что она безобразна. Можно любить ее только въ закрытыми глазами, но когда они открыты и когда ви-

дпшь рядомъ съ нею Флорентину, то нельзя больше любить бѣдную карлицу Маріанелу.

— Кто знаетъ?

— Это невозможно!—съ энергіей настаивала Нела.

— Это фантазія твоя, капризь. Ты не можешь знать, нравишься ли ты твоему господину, или нѣтъ. Я устрою свиданіе съ нимъ...

— Не хочу! — кричала она, порывисто поднявшись и ставъ предъ Теодоромъ, пораженнымъ ея энергичной позой и огнемъ, сверкавшимъ въ маленькихъ черныхъ глазкахъ.

— Успокойся, — мягко сказалъ ей докторъ, — приди сюда, поговоримъ еще... Правда, что ты не очень красива, но не хорошо умной дѣвушкѣ слишкомъ заботиться о своей внѣшности. Ты чрезвычайно самолюбива, мое дитя.

Не обращая вниманія на его замѣчаніе, твердая въ своемъ убѣжденіи, она торжественно произнесла:

— Безобразное не должно существовать на свѣтѣ... ничто безобразное не должно жить.

— Слушай, дитя: еслибъ мы, некрасивые люди, должны были убраться со свѣта, то родъ человѣческой вымеръ бы. Сказанное тобою не ново. Ту же идею проводили люди, которые давно жили, люди мечтательные, какъ и ты, жившіе тоже природою и лишеные того умственного свѣта, котораго п тебѣ недостаетъ. Тебя надо спасти отъ многихъ заблужденій; надо, чтобы ты хорошо поняла, что есть извѣстныя качества, которыя выше красоты: — это душевныя качества, не уничтожаемыя временемъ и не подвергающіяся капризу зрѣнія. Пойщи ихъ и найдешь въ своей душѣ. Съ ними у тебя не произойдетъ того, что можетъ случиться съ красотой, которую ты, въ одинъ прекрасный день, захочешь увидѣть въ зеркалѣ и никогда больше не увидишь. Ищи въ себѣ драгоценныя дары; развивай ихъ и, когда убѣдишься, что они распустились въ тебѣ, какъ цвѣты, будь увѣрена, что испытываемое тобой мученіе прекратится. Ты легко тогда возьмешь верхъ надъ тѣмъ тревожнымъ состояніемъ, въ которомъ находишься; ты возвысишься и приобрѣтешь красоту: невидимую для зрѣнія, но которая для тебя будетъ и радостью, и гордостью!

Рѣчь Гольфина была непонятна для Нелы, молчаливо

стоявшей передъ нимъ. Маленькіе глазки ея, не уступавшіе выразительностью самымъ красивымъ глазамъ, казалось, говорили: „Что мнѣ до всей этой риторики“!

— Здѣсь, — продолжалъ Гольфинъ, видимо заинтересованный разговоромъ и помимо своей воли переходя на почву психологіи, — здѣсь главный вопросъ въ твоихъ чувствахъ. Въ томъ, что въ тебѣ происходитъ, нѣтъ ничего удивительнаго; все очень естественно. Ты сентиментальна, у тебя сильное воображеніе; твой господинъ и ты, вы оба вели жизнь въ невинной интимности, предаваясь поэзіи природы. Онъ замѣчательно уменъ и красивъ, какъ статуя. Его доброта, величіе души плѣняютъ и увлекаютъ. Не удивительно, что ты увлеклась имъ: ты уже взрослая дѣвушка, хотя тебя и принимаютъ за ребенка. Очень ты его любишь? Больше всего на свѣтѣ?

— Да! — возразила она, рыдая.

— Тебѣ невыносима мысль, что онъ перестанетъ тебя любить?

— О, нѣтъ!

— Онъ тебѣ объяснялся въ любви и клялся?

— Да, онъ сказалъ, что я буду спутницей всей его жизни, и я этому повѣрила.

— Почему же это не сбудется?

— Онъ сказалъ, что не можетъ жить безъ меня, и, если даже станетъ зрячимъ, то и тогда будетъ меня любить. Я была счастлива: мое безобразіе, маленький ростъ, смѣшное сложеніе меня не беспокоили, потому что онъ не могъ меня видѣть и въ своей слѣпотѣ былъ убѣжденъ, что я красива... А потомъ...

— Потомъ... — промолвилъ Гольфинъ, проникнутый состраданіемъ, — я виноватъ, что возвратилъ ему зрѣніе?

— Нѣтъ... вы сдѣлали доброе дѣло. Но мнѣ надо удалиться, такъ какъ, увидѣвъ Флорентину, онъ сравнитъ ее со мной. Она хороша, какъ ангель, а я... Лучше было бы мнѣ совсѣмъ не родиться. Зачѣмъ я родилась? Богъ ошибся. Онъ далъ мнѣ некрасивое лицо, маленький ростъ и любящее сердце. А на что мнѣ это сердце? Только на то, чтобъ мучиться. О, еслибъ я его не удерживала, оно стало бы ненавидѣть, но я не умѣю ненавидѣть и, прежде чѣмъ этому

научиться, я лучше похороню свое сердце: пусть оно меня больше не мучить.

— Ты терзаешь себя ревностью, думая, что ты унижена. Твое одиночество ужасно, бѣдная Нела; чтобъ избѣгнуть его, тебѣ недостаетъ знанія, семейной любви и умѣнья трудиться. Скажи мнѣ, какое чувство внушило тѣбѣ покровительство Флорентины?

— Страхъ и стыдъ!—вскричала Нела, вся дрожа. — Жить съ ними! Ежечасно видѣть ихъ, когда онъ женится... Я предчувствовала, думала объ этомъ—и вижу, что это невозможно.

— Но Флорентина добра: она тебя полюбитъ.

— Я тоже ее очень люблю, но не въ Альдеакорбѣ,— съ ужасомъ сказала молодая дѣвушка. — Она пришла отнять у меня мою собственность... онъ мнѣ принадлежалъ! Флорентина—ангелъ, я молюсь на нее, но не хочу, чтобы она отнимала мое, а она все взяла у меня. Куда я дѣнусь теперь, что я такое, на что годна? Я всего лишилась и уйду къ моей матери.

Нела сдѣлала нѣсколько шаговъ, но Гольфинъ схватилъ ее за руку и почувствовалъ, какъ сильно бился у нея пульсъ.

— Иди сюда, — сказалъ онъ ей. — Съ этой минуты, хочешь или не хочешь, но ты моя раба. Ты мнѣ принадлежишь; ты будешь исполнять только то, что я тебѣ прикажу. Ты полна чувствительности, фантази, страсти и суевѣрія; ты рождена для всего добраго, но испорчена дикимъ состояніемъ, въ которомъ жила, одиночествомъ и невѣжествомъ. Ты меня не покинешь больше, я похищаю тебя изъ твоихъ лѣсовъ и на тебѣ попытаю свою систему воспитанія. Увидимъ, сьумѣю ли отшлифовать этотъ алмазъ? Ты научишься пренебрегать безобразіемъ, радоваться торжеству другихъ и налагать цѣпи на свое сердце.

Нельзя утверждать, что Нела поняла рѣчь, произнесенную Гольфиномъ съ увлеченіемъ и жаромъ. Но она попала подъ влияніе этого человѣка, завладѣвшаго ея умомъ. Тихая, грустная, она склонила голову на плечо Теодора.

— Пойдемъ наверхъ,—неожиданно сказалъ онъ.

Нела задрожала; Гольфинъ увидѣлъ выступавшій на ея лбу потъ, руки ея похолодѣли, біеніе пульса усилилось. Не

давая ей подчиниться этой физической слабости, онъ повторилъ:

— Пойдемъ, здѣсь холодно.

Онъ взялъ Нелу за руки. Власть его надъ нею была такъ велика, что она тотчасъ пошла за нимъ, но, пройдя нѣсколько шаговъ, остановилась и упала на колѣни.

— О, синьоръ, не уводите меня! — съ ужасомъ произнесла она.

Она была блѣдна, искаженные черты лица выражали полнѣйшее физическое и умственное утомленіе. Гольфинъ потянулъ ее за руку. Изнеможенное тѣло не въ силахъ было подняться, оно влачилось, какъ безжизненный трупъ.

— Нѣсколько дней тому назадъ, — сказалъ Гольфинъ, — на этомъ же самомъ мѣстѣ я поднималъ тебя на плечи — ты не могла идти. Сегодня я сдѣлаю то же самое.

Онъ взялъ ее на руки; горячее дыханіе молодой дѣвушки жгло ему лицо. Она была надломлена и поблекла, какъ цвѣтокъ, сорванный съ вѣтки. Приближаясь къ дому Альдеакорбы, докторъ чувствовалъ, что ноша его становилась легче. Нела выпрямилась, дѣлала отчаянные жесты, но молчала. Онъ вошелъ. Все было тихо; горничная встрѣтила ихъ и провела безъ шума прямо въ комнату Флорентины. Освѣщенная слабымъ свѣтомъ, стоя на колѣняхъ, она оперлась руками на спинку стула, приготовляясь къ молитвѣ. Увидя Теодора, входящаго къ ней въ такой поздній часъ, она съ живою радостью встрѣтила и его, и спутницу.

— Вотъ она, — сказалъ Гольфинъ, — я даже не привелъ, а принесъ ее. — Что скажете? Хорошій я ловецъ бабочекъ?

XIX.

Новый міръ.

Вернемся за нѣсколько дней назадъ и посмотримъ, что происходило въ это время въ Альдеакорбѣ.

Когда Теодоръ Гольфинъ въ первый разъ снялъ повязку съ глазъ Пабло, тотъ испустилъ крикъ ужаса; инстинктивное чувство заставило его отступитъ. Отстраняясь отъ всего, онъ

протягивалъ руки, какъ бы ища опоры. Свѣтлое пространство казалось ему бездной, въ которой онъ утопаетъ; чувство самосохраненія принуждало его закрыть глаза. Ободренный Теодоромъ, отцомъ и другими присутствовавшими, онъ опять посмотрѣлъ вокругъ себя, но паническій страхъ его не уменьшался. Образы проникали съ ужасной быстротою въ его мозгъ, и ему казалось, что онъ задѣнетъ за что нибудь, каждую минуту. Отдаленныя горы казались ему такъ близки, что стоять протянуть руку, и онъ достанетъ до нихъ, а люди и предметы, окружавшіе его, казалось, падали ему на глаза.

Докторъ съ любопытствомъ наблюдалъ за этими явленіями, такъ какъ это былъ всего второй случай исцѣленія имъ слѣпорожденнаго. Всѣ были въ сильномъ волненіи, глядя на прозрѣвшаго, и не могли выразить своей радости. Зато Пабло выражалъ безумный восторгъ; нервы и воображеніе его были такъ возбуждены, что Теодоръ счелъ необходимымъ заставить его отдохнуть.

— На сегодня, — сказалъ онъ, улыбаясь, — вы достаточно видѣли. Отъ слѣпоты къ зрѣнію, изъ тьмы въ яркую область солнца не входятъ такъ быстро. Это — второе рожденіе, причиняющее тоже сильныя страданія.

По истеченіи нѣкотораго времени, молодой человѣкъ выразилъ желаніе повторить недавно испытанное. Теодоръ согласился дать ему еще разъ посмотрѣть на божій міръ.

— Все мое существо, — говорилъ Пабло, объясняя свои новыя впечатлѣнія, — полно невѣдомымъ до сей поры чувствомъ. Какою массою ощущеній проникнуть я, и какое впечатлѣніе они на меня произвели! Точно меня толкнули съ высочайшей вершины въ глубокую пропасть. Все это чудесно, величественно, хотя и приводитъ меня въ трепеть. Мнѣ показалось, что вся вселенная надвинулась на меня, я былъ ослѣпленъ и приведенъ въ ужасъ. Небо представилось мнѣ огромной, живой пустотой... Горы смотрѣли на меня, приближались ко мнѣ. Теперь я хотѣлъ бы видѣть Нелу... гдѣ Нела?..

Пока онъ это говорилъ, Гельфинъ опять открылъ ему глаза и показалъ на Флорентину.

— О, мой Богъ!.. что я вижу, это Нела? — вскричалъ Пабло въ порывѣ восторга.

— Это кухня твоя, Флорентина.

— Ахъ!—сказаль сконфуженный молодой человекъ,—это моя кухня. Я не имѣль понятія о такой красотѣ. Благодарю ту руку, благодаря которой я наслаждаюсь божественнымъ свѣтомъ. Кухня, ты точно восхитительная музыка, полная гармоніи. Но гдѣ же Нела?

— Ты еще успѣешь ее увидѣть,—радостно сказалъ донъ Франсиско.—Успокойся теперь.

— Флорентина!—восторженно повторяль прозрѣвшій.—Ты въ родѣ солнца. Отъ лица твоего нисходятъ лучи. Теперь я ясно представляю себѣ, каковы должны быть ангелы! Твое тѣло, твои руки, волосы производять на меня непонятное впечатлѣніе... Что это значить?

— Онъ начинаетъ давать себѣ отчетъ въ цвѣтахъ,—пробормоталь докторъ,—онъ видитъ, конечно, всѣ предметы, окруженные тѣнями радуги, но не умѣетъ еще опредѣлять пространство.

— Отражаясь въ моихъ глазахъ,—продолжалъ Пабло,—ты смѣшиваешься со всѣмъ, о чемъ я думаю. Жилъ ли я до этой новой жизни? Не знаю; но мнѣ знакомы твои глаза. А ты, отецъ, гдѣ ты? Ахъ! я вижу тебя. Это ты, я нахожу въ тебѣ любовь ко мнѣ, какую и я къ тебѣ питаю. А дядя? Какъ вы похожи другъ на друга. Гдѣ добрѣйшій Гольфинъ?

— Здѣсь, при своемъ пациентѣ,—сказаль Теодоръ, становясь предъ нимъ.—Вы не видѣли еще нью-фаундлендскихъ собакъ, потому и не можете имѣть понятія о моей красотѣ. Говорять, я похожъ на нихъ.

— Вы всѣ хорошіе люди,—съ жаромъ возразиль Пабло,—но кухня лучше васъ всѣхъ. А Нела? Ради бога, приведите мнѣ мою Нелу!

Ему отвѣтили, что Нела еще не приходила домой, и идти искать ее некому; это его очень огорчило. Пробовали его утѣшить и, боясь пароксизма лихорадки, предложили лечь. На слѣдующій день, больной чувствовалъ упадокъ силъ, но его крѣпкій организмъ взялъ верхъ. Онъ попросиль дать ему стаканъ воды и, когда желаніе его было исполнено, онъ воскликнулъ:

— Мнѣ кажется, что я утоляю жажду, только глядя на воду.

Подобнымъ образомъ онъ выражался относительно всѣхъ предметовъ, производившихъ на него одинаковое впечатлѣніе. Теодоръ употребилъ все стараніе, чтобъ исправить aberrацію глазъ посредствомъ испробованныхъ имъ стеколъ, сталъ учить его различать и составлять цвѣта. Въ высшей степени смысленный молодой человекъ различалъ только то, что красиво и что безобразно. Онъ судилъ объ этомъ, не руководствуясь соображеніемъ: полезна ли вещь, или нѣтъ. Бабочку, залетѣвшую къ нему въ комнату, онъ нашелъ восхитительной, чернильница показалась ему ужасной, хотя дядя и старался объяснить ему ея пользу. Изъ двухъ картинъ, изображавшихъ: одна—Распятіе, другая—Венеру, плывшую въ раковинѣ въ сопровожденіи тритоновъ и нимфъ, онъ предпочелъ послѣднюю. Пабло, внимательно всматриваясь въ лица, былъ пораженъ тѣмъ, что выраженіе ихъ соотвѣтствуетъ содержанію рѣчей. Некрасивыя служанки и другія женщины Альдеакорбы возбуждали въ немъ отвращеніе; красота кухни затмѣвала собою другихъ. Не смотря на это, онъ хотѣлъ видѣть все: лихорадочное любопытство его не находило удовлетворенія. Нела не выходила у него изъ ума, тѣмъ не менѣе онъ просилъ Флорентину не оставлять его ни на минуту. На третій день Гольфинъ сказалъ ему:

— Со многимъ вы уже познакомились, теперь надо, чтобъ вы видѣли и вашу собственную особу.—И онъ поднесъ ему зеркало.

— Вотъ я какой!—въ восторгѣ сказалъ Пабло.—Я съ трудомъ вѣрю, какъ можетъ отражать предметъ эта спокойная, твердая вода. Какая чудная вещь—стекло! Трудно повѣрить, что люди сдѣлали его изъ песка. Да, я не безобразенъ; такъ вѣдь, кухня? А когда ты смотришься въ зеркало, ты въ немъ также хороша, какъ въ дѣйствительности? Не можетъ быть! Смотришь въ прозрачное небо, тамъ ты увидишь свой образъ и примешь его за ангельскій ликъ!

Первый же вечеръ Пабло, оставшись наединѣ съ Флорентиной, оказывавшей больному всевозможныя услуги и вниманіе, сказалъ:

— Кухина, отецъ мнѣ читалъ отрывокъ изъ исторіи, гдѣ говорилось о Христофорѣ Колумбѣ, открывшемъ новый свѣтъ, котораго ни одинъ европеецъ никогда не видалъ: онъ открылъ

имъ глаза на другую часть міра. Такимъ же человѣкомъ я представляю себѣ и Теодора Гольфина: я былъ слѣпъ; Америка и ея красоты, увидѣнныя мною—новый свѣтъ. Ты моя Америка, ты—тотъ счастливый островъ, на который ступилъ мореплаватель...

Онъ предался глубокому размышленію, потомъ спросилъ:

— Гдѣ же Нела?

— Я не могу понять, что сдѣлалось съ этой бѣдной дѣвочкой; она, вѣрно, не хочетъ тебя видѣть.

— Она очень застѣнчива, скромна,—возразилъ Пабло,—боится стѣснить насъ. Флорентина, скажу тебѣ по секрету, я очень люблю ее; и ты тоже будешь любить. Я хотѣлъ бы видѣть этого дорогаго друга, мою спутницу.

— Завтра я сама за ней пойду.

— Да, но не оставайся тамъ долго. Когда я тебя не вижу, то чувствую себя одинокимъ. Я привыкъ къ тебѣ, и эти три дня мнѣ кажутся вѣками блаженства. Не оставляй меня ни на минуту. Отецъ мнѣ вчера сказалъ, что, увидя тебя, я не долженъ желать видѣть другихъ женщинъ.

— Какое сумашествіе!—краснѣя, воскликнула молодая дѣвушка.—Есть много женщинъ красивѣе меня.

— Нѣтъ, всѣ говорятъ, что нѣтъ,—съ жаромъ утверждалъ Пабло.—Мнѣ и раньше говорили то же самое, но я не хотѣлъ вѣрить; теперь же, имѣя понятіе о свѣтѣ и о реальной красотѣ, я вполне вѣрю. Ты—типъ совершенной красоты, и ничего нѣтъ и не можетъ быть выше. Дай мнѣ руку...

Онъ крѣпко сжалъ ея руку въ своихъ.

— Теперь я смѣюсь надъ моей претензіей, надъ моимъ желаніемъ судить о предметахъ, не видя ихъ. Я всю жизнь буду помнить о впечатлѣніи, произведенномъ на меня дѣйствительностью. Кто не знаетъ ея, тотъ—идіотъ, и я былъ идіотомъ.

— Нѣтъ, кузень, ты былъ всегда уменъ. Но надо тебѣ спать; донъ Теодоръ запретилъ разговаривать такъ поздно. Если ты не замолчишь, я уйду.

— Развѣ уже ночь?

— Давно.

— Все равно, ночь ли, день ли, я хочу говорить. Я замолчу впрочемъ, но съ условіемъ, что ты не уйдешь отъ

меня, а въ доказательство того, что ты здѣсь, ты должна время отъ времени стукнуть въ кровать.

— Хорошо, я согласна...

— Когда я слышу твой смѣхъ, мнѣ кажется, что я дышу свободнѣе; я стараюсь представить тебя въ различныхъ видахъ. Твое лицо такъ запечатлѣлось во мнѣ, что я и теперь, съ повязкой на глазахъ, хорошо вижу тебя.

— Ты опять болтаешь? я позову дона Теодора, — смѣясь, сказала дѣвушка.

— Нѣтъ, успокойся. Мнѣ не вредно говорить; но когда я молчу, то все, что думаю, чувствую, вижу, меня сильно мучить. Ты хочешь, чтобъ я спалъ! Спать, когда ты здѣсь и не выходишь у меня изъ головы. Это — мученье и въ то же время блаженство, котораго я не умѣю объяснить. Всю ночь я думаю только о тебѣ и о Нелѣ... Бѣдная Нела! Я такъ хочу ее видѣть; она меня такъ интересуется.

— Завтра утромъ я сама за ней схожу... Ну, молчи, не будемъ же больше говорить. Молчаніе, или я уйду.

— Нѣтъ, я самъ съ собой буду разговаривать. Я повторю то, что вчера тебѣ говорилъ, когда мы были одни, и вспомню, что ты мнѣ отвѣчала...

— Я отвѣчала?

— То есть то, что я думалъ слышать отъ тебя. Теперь я предаюсь моимъ мечтамъ!

На слѣдующій день Флорентина, явившись къ Пабло, сказала:

— Я хотѣла привести Маріанелу, но она убѣжала отъ меня. Какова неблагодарность!

— И ты не пошла за ней?

— Куда?.. она исчезла. Я пойду еще сегодня вечеромъ, и буду искать, пока не найду.

— Нѣтъ, не ходи, — сказала больной. — Она вернется, она сама придетъ.

— Ее можно было принять за сумашедшую.

— Она знаетъ, что я вижу?

— Я сказала ей. Она, повидимому, потеряла разумъ.

— Нела очень добра. Надо ей помочь, Флорентина. Не то же ли и ты думаешь?

— Она неблагодарна, — печально сказала кузина.

— Не думай этого. Нела не можетъ быть неблагодарной.

Надо ее отыскать и привести сюда.

— Я пойду.

— Нѣтъ, только не ты,—сказаль Пабло, беря за руку дѣвушку.—Твой долгъ, моя дорогая, быть при мнѣ. Если Гольфинъ не придетъ скоро снять мнѣ повязку, я самъ ее стащу. Со вчерашняго дня я не видѣлъ тебя,—это невыносимо. Пришелъ донъ Теодоръ?

— Онъ внизу съ твоимъ отцомъ и моимъ; сейчасъ придетъ. Имѣй терпѣніе; ты точно ребенокъ.

Пабло прилегъ въ дурномъ расположеніи духа.

— Свѣту! свѣту! Несправедливо держать кого нибудь такъ долго въ темнотѣ. Я не могу такъ жить, я умру; мнѣ нужна пища каждый день, мнѣ нужны и глаза. Кузина, со вчерашняго дня я тебя не видѣлъ и схожу съ ума. Еслибы Богъ, создавъ красавицу, не одарилъ ея и нравственной красотой, твореніе его не было бы совершеннымъ!

Пришелъ Теодоръ и, открывъ глаза молодому человѣку, сильно обрадовалъ его. День прошелъ въ разговорахъ до вечера, вниманіе Пабло было отвлечено отъ его прошлаго. Вдругъ вспомнивъ, какъ о чемъ-то давно прошедшемъ, Пабло спросилъ:

— Нела не приходила?

Отвѣтивъ отрицательно, Флорентина завела разговоръ о постороннемъ. Наступила ночь. Больной слышалъ разговоръ и ясно различилъ голоса: Теодора Гольфина, отца и Флорентины. Потомъ покойно уснулъ, и ему снилось все, что онъ видѣлъ днемъ, съ добавленіемъ своей богатой фантазіи. Сонъ Пабло становился безпокойнымъ.

Докторъ сказаль, что завтра разрѣшить ему встать и даже пройтись по всему дому.

XX.

Убийственный взглядъ.

Комната, занимаемая Флорентиной въ Альдеакорбѣ, была замой веселой во всемъ домѣ. Балконъ, обращенный на югъ,

выходилъ въ садъ, а потому комната была всегда залита свѣтомъ; воздухъ въ ней былъ ароматный отъ благоуханія растений и цвѣтовъ, и она оглашалась пѣніемъ птицъ. За нѣсколько дней пребыванія Флорентины, уголокъ этотъ принялъ совсѣмъ иной характеръ. Какъ по устройству гнѣзда узнають, какому изъ пернатыхъ оно принадлежитъ, такъ точно и по убранству комнаты можно было догадаться о положеніи ея обитательницы. Какъ есть особы, дѣлающія жизнь адскою, такъ есть и другія, которыя однимъ своимъ присутствіемъ превращаютъ самую тяжелую жизнь въ счастливую.

День былъ прескверный. Все утро шелъ дождь. Флорентина находилась въ своей комнатѣ; она не вышивала, не вязала, но вырѣзывала на полу выкройку изъ газетной бумаги, то сидя на корточкахъ, то стоя на колѣняхъ, а ножницы дѣлали свое дѣло. Около нея лежала груда шерстяныхъ матерій, принесенныхъ сегодня по ея приказанію. Подрѣзавъ въ одномъ мѣстѣ, вырѣзавъ въ другомъ, она выкраивала такимъ образомъ рукава, юбки, корсажи. Конечно, эта работа была неважная и нельзя было бы похвалиться правильностью выкроекъ. Но Флорентина, сознавая недостатокъ своей работы, думала однако, что доброе желаніе извинить плохой результатъ. Отецъ ея, узнавъ утромъ о ея намѣреніи, сказалъ:

— Боже мой! Флорентина, можно подуматъ, что на свѣтѣ нѣтъ портнихъ. Чтò подумаетъ всякій, видя молодую дѣвушку хорошаго общества ползающей по полу съ ножницами въ рукахъ? Это нехорошо; мнѣ не нравится, когда ты шьешь и на себя, а тѣмъ болѣе непріятно, что ты заботишься о костюмѣ другихъ. Къ чему тогда портнихи?..

— Я хорошо знаю, — смѣясь, возразила Флорентина, — что портниха сдѣлала бы лучше меня; но тогда это будетъ уже не моя работа.

Флорентина была не одна въ своей комнатѣ. Въ альковѣ, между ея кроватью и стѣною, на старинной софѣ, подъ двумя покрывалами, въ подушкахъ виднѣлась чья-то бессильно опущенная голова. Лицо было блѣдно, искажено; она спала, но сонъ походилъ на безпокойную летаргію, ежеминутно прерываемую сильными потрясеніями. Въ серединѣ дня она, казалось, успокоилась; въ комнату вошли докторъ и донъ Ма-

уилъ. Первый приблизился къ софѣ осматрѣть Нелу: это была она.

— Сонъ ея покойнѣе, не надо шумѣть, — сказалъ Гольфинъ.

— Какъ вы находите мою дочь?—смѣясь, обратился Мануилъ къ Теодору.—Посмотрите, какъ она трудится. Будьте безпристрастны: не вправѣ ли я сердиться? Къ чему безъ нужды утруждать себя? То, что я даю дочери на булавки, она потребляетъ на другихъ; къ чему такая манія предаваться низкимъ занятіямъ?...

— Оставьте ее, — отвѣтилъ Гольфинъ, съ восторгомъ глядя на m-elle Пенагилась. — Донъ Мануилъ, каждый по своему тратить деньги.

— Я ничего не имѣю противъ того, если ея благотворительность доведетъ меня даже до банкротства, — говорилъ донъ Мануилъ, важно прохаживаясь по комнатѣ и положивъ руки въ карманы. — Но развѣ нѣтъ другаго способа дѣлать благодѣянія? Она думала выразить этимъ свою благодарность Богу за исцѣленіе моего племянника; это хорошо, по евангельски, но однако же... однако же... Не благоразумнѣе ли было бы, вмѣсто того чтобъ вводить въ нашъ домъ эту несчастную дѣвушку, устроить какое нибудь торжество съ благотворительной цѣлью, что теперь такъ принято въ Мадридѣ? Отчего не пришло ей въ голову устроить праздникъ? Между родными и друзьями мы роздали бы билеты, собрали крупную сумму и она употребила бы ее на добрыя дѣла?

Флорентина смѣялась и, не находя лучшаго отвѣта, сказала отцу:

— Каждый по своему тратитъ деньги.

— Синьоръ Теодоръ, — воскликнулъ Мануилъ тономъ отчаянія, — согласитесь, что ни у кого нѣтъ такой дочери, какъ у меня!

— Дѣйствительно, — съ чувствомъ возразилъ докторъ, — никто не сравнится съ Флорентиной.

— При всѣхъ ея недостаткахъ, — сказалъ отецъ, — я люблю ее больше жизни. Эта милая дѣвочка мнѣ дороже всего на свѣтѣ. А скажи-ка мнѣ, что тебѣ нравится больше: Мадридъ или Альдеакорба?

— Въ Альдеакорбѣ мнѣ не худо.

— А! я хорошо тебя понимаю. Братъ пошелъ читать сыну цѣлую проповѣдь. Пойду, узнаю, о чемъ онъ говорить.

Онъ вышелъ. Докторъ осмотрѣлъ Нелу.

— Спала она ночью?—обратился онъ къ Флорентинѣ.

— Мало; я слышала, что она все вздыхала, плакала. Вечеромъ у нея будетъ хорошая кровать, и она помѣстится въ особой комнатѣ, смежной съ моей.

— Бѣдная Нела! вы себѣ представить не можете, какъ вхожу въ ея положеніе. Многіе станутъ смѣяться надъ нами, но то, что мы дѣлаемъ для этого бѣднаго созданія, стараемся улучшить его положеніе, мы должны были бы дѣлать для всѣхъ. На этомъ свѣтѣ тысячи существъ, подобныхъ Нелѣ. Кому они извѣстны? Гдѣ они? Находятъ ихъ и въ нашихъ краяхъ,—въ шахтахъ, въ мастерскихъ. Часто мы проходимъ мимо нихъ и не видимъ. Мы подаемъ милостыню, не зная ихъ. Вниманіе наше не привыкло останавливаться на этихъ несчастныхъ. Первое время я думалъ, что Нела составляетъ исключеніе, но она не единственный примѣръ, до чего можетъ пасть существо, отъ природы способное быть добрымъ, умнымъ, но которое не можетъ развиваться, потому что оно покинуто къ нему относятся съ презрѣніемъ. Они нравственно слѣпы, какъ Пабло былъ слѣпъ физически. Нела обладаетъ драгоценнымъ качествомъ—чувствительностью; она умѣетъ любить и нѣжно, и страстно; она имѣетъ чудесныя способности, превосходящія душу; но въ то же время она очень суевѣрна; ея религіозныя и нравственныя понятія смутны, чудовищны. Другаго образованія, кромѣ того, которое она сама себѣ дала, она не имѣетъ и никому ничѣмъ не обязана. Въ дѣтствѣ она не имѣла ни уроковъ, ни добраго совѣта, ни ласковаго наставленія, руководствуясь единственно сомнительными примѣрами и своей фантазіей. Мнѣнія, выражаемая ею, выработаны ею же самою. Такъ какъ она мечтательна и чувствительна, то обожаетъ природу, какъ первобытные народы. Мы научимъ бѣдное созданіе истинѣ, разовьемъ ея способности и, вмѣсто обожанія природы и суевѣрія, въ восторжествуетъ благородное христіанское отношеніе ко всему.

Флорентина хотѣла сдѣлать еще замѣчаніе на ту же тему, но Нела проснулась, испуганно посмотрѣла, и взгляды ея обратилась на стоявшихъ невдалекѣ.

— Ты боишься насъ?—ласково спросила Флорентина.

— Нѣтъ, не боюсь,—пролепетала Нела:—вы также добры, какъ и синьоръ Теодоръ.

— Тебѣ не нравится здѣсь? чего ты боишься? — Гольфинъ взялъ ее за руку.—Слушай, малютка: съ этого времени и будешь жить съ кѣмъ нибудь изъ насъ. Флорентина таится здѣсь, я же уѣзжаю. Рѣшай въ чью нибудь пользу: что изъ насъ ты выбираешь?

Маріанела смотрѣла то на одного, то на другаго, не давая рѣшительнаго отвѣта; наконецъ глаза ея остановились на Гольфинѣ.

— Кажется, ты меня предпочла. Это несправедливо, Нела: Флорентина будетъ недовольна.

Больная улыбнулась и, протягивая похудѣвшія руки къ Гольфинѣ, пробормотала:

— Я не хочу, чтобъ она сердилась.

Говоря это, Марія посинѣла, вытянула шею и глаза ея выскочили изъ орбитъ; она прислушивалась къ шуму, слышны были шаги.

— Это онъ, — воскликнулъ Гольфинъ, раздѣлая ужасъ Гольфинъ.

— Это онъ,—повторила Флорентина, подбѣгая къ двери.

Толкнувъ дверь, Пабло вошелъ по прямому направленію, по привычкѣ, пріобрѣтенной имъ во время слѣпоты. Онъ улыбнулся; глаза, не покрытые повязкой,—онъ самъ ее снялъ, — потрѣли прямо. Не привыкли еще направлять взгляды, Пабло не могъ видѣть предметовъ, находящихся сбоку.

— Отчего ты сегодня не приходила ко мнѣ, милая кузина?—сказалъ онъ, подходя къ Флорентинѣ.—Я пришелъ за тобой.

Флорентина не знала, что отвѣчать, и совершенно смутилась. Пабло не замѣтилъ ни доктора, ни Нелы. Чтобъ отвести молодого человѣка отъ софы, она пошла къ окну и сдѣлала видъ, что принялась за работу. Солнце ярко освѣщало смуглый цвѣтъ ея кожи.

— Дорогой кузенъ,—сказала она, нахмуривъ брови,—дядя Теодоръ тебѣ еще не разрѣшилъ снимать повязку. Нехорошо.

— Онъ скоро позволитъ, — смѣясь, возразилъ Пабло.— Ничего не сдѣлается; я превосходно себя чувствую. Уви-

дѣвъ тебя, я не хотѣлъ бы опять быть слѣпымъ... Ты знаешь, что мнѣ сказалъ отецъ сегодня?

— Я ничего не знаю,—отвѣтила дѣвушка, опустивъ глаза на работу.

— Ну, такъ я знаю. Отецъ совершенно правъ; онъ насъ обоихъ очень любитъ. Я нахожу тебя такой очаровательной, какой никогда еще не видѣлъ. Нѣсколько видѣнныхъ мною женщинъ безобразны въ сравненіи съ тобой. Я едва вѣрю, что ты могла существовать, пока я былъ слѣпъ. Нѣтъ, я хочу думать, что ты родилась въ тотъ моментъ, какъ я получилъ зрѣніе. Говорятъ, что на свѣтѣ нѣтъ подобнаго тебѣ созданія. Я вѣрю этому также твердо, какъ тому, что вижу.

Флорентина, взволнованная, раскраснѣвшаяся, оставила свое шитье.

— Кузень, ради бога,—пролепетала она.

— Кузина!—вскричалъ Пабло съ восторгомъ: —отчего ты такъ поразительно хороша? Мой отецъ правъ; ничего нельзя возразить противъ его логики и доброты. Флорентина, я думалъ, что не полюблю тебя, воображалъ, что буду любить другую больше тебя. Отецъ, которому я рассказалъ о моемъ заблужденіи, сказалъ мнѣ, что я любилъ чудовище. Теперь же могу сказать: я обожаю ангела. Слепой видитъ и благоговѣетъ передъ дѣйствительной красотой... Я дрожу; ты видишь это. Вижу тебя, и ничего такъ не желаю, какъ привлечь тебя, завладѣть твоимъ сердцемъ. Я не знаю, что со мной. Ежедневно я открываю что нибудь новое. Вчера узналъ свѣтъ, сегодня другой. Можетъ ли быть, чтобы ты, такая прекрасная, божественная, была предназначена мнѣ судьбой?

Казалось; онъ падаетъ въ обморокъ. Флорентина хотѣла встать. Пабло схватилъ ея руки и покрылъ ихъ страстными поцѣлуями.

— Оставь меня,—говорила молодая дѣвушка, вставая и подымая кузена.—Докторъ, побраните его.

Теодоръ вскрикнулъ:

— Сію минуту повяжу на глаза и идите въ вашу комнату, молодой человѣкъ.

Растерявшійся Пабло повернулъ голову по тому направленію, откуда былъ слышенъ голосъ, и увидѣлъ доктора около софы покрытой одѣялами.

— Вы здѣсь, докторъ? — сказалъ онъ, направляясь къ нему.

— Здѣсь, — строго отвѣтилъ Теодоръ. — Вы опять должны надѣть повязку и удалиться въ вашу комнату. Я провожу васъ.

— Я отлично себя чувствую и, не смотря на это, повинуюсь. Дайте мнѣ только посмотрѣть, кто здѣсь еще.

Онъ увидѣлъ на софѣ помертвѣлую голову съ острымъ носомъ и маленькими глазами, покрытую веснушками. Почти закрытые глаза, прерывистое дыханіе, полуоткрытыя, посинѣвшія губы доказывали, что больная находится въ сильной агоніи.

— Ахъ! — сказалъ Пабло, — дядя говорилъ мнѣ, что Флорентина пріютила сироту. Какая доброта! Ты должна радоваться, бѣдная малютка, такъ какъ попала въ руки ангела. Ты больна? но ты ни въ чемъ здѣсь не будешь нуждаться. Бѣдняжка, она тяжело больна, докторъ?

— Да, — отвѣтилъ тотъ, — ей надо быть одной, она не должна говорить.

— Ну, такъ я уйду.

Пабло протянулъ руку, чтобъ дотронуться до головы, которая произвела на него впечатлѣніе нищеты и безобразія. Нела обратила къ нему глаза и устремила ихъ на своего друга. Взглядъ этотъ поразилъ Пабло: такую грусть выражалъ онъ! Затѣмъ Нела вынула руку изъ подъ одѣяла, худую, смуглую, жесткую, взяла руку молодого Пенагиласа, задрожавшаго отъ прикосновенія, и испустила крикъ, вырвавшійся изъ глубины сердца.

Наступила одна изъ тѣхъ паузъ, которыя предшествуютъ катастрофѣ.

Дрожащимъ голосомъ, который произвелъ на присутствующихъ сильное впечатлѣніе, Нела сказала:

— Да, дорогой синьоръ, я—Нела.

Медленно, точно поднимая сильную тяжесть, она поднесла его руку къ своимъ сухимъ губамъ, поцѣловала разъ, другой, а въ третій губы ея остались неподвижно прильнувшими къ рукѣ молодого человѣка.

— Это ты, — воскликнулъ онъ, — это ты!

Онъ ничего болѣе не могъ произнести, а только смотрѣлъ и вспоминалъ о томъ врагѣ, въ которомъ жилъ и въ кото-

ромъ остались, какъ въ туманѣ, страсти, идеи и заблужденія слѣпаго. Флорентина приблизилась къ нимъ, желая видѣть лицо Нелы, а Гольфинъ, тоже наблюдавшій за нею, произнесъ слѣдующія ужасныя слова:

— Онъ убилъ ее! будь проклять этотъ взглядъ!

Затѣмъ, строго смотря на Пабло, онъ прибавилъ:— Удали-тесь, все кончено.

— Умереть, умереть такъ, безъ всякой причины, это невозможно,— вскричала Флорентина въ отчаяніи, прикладывая руки ко лбу Нелы.— Марія! Маріанела!

Склонившись надъ ней, она нѣсколько разъ назвала ее по имени. Молодая дѣвушка смотрѣла на сироту и звала ее, какъ зовутъ упавшаго въ бездну и исчезнувшаго въ ея мрачныхъ водахъ.

— Она не отвѣчаетъ,— съ ужасомъ замѣтилъ Пабло.

Докторъ освидѣтельствовалъ несчастную и убѣдился, что она еще жива. Пабло подошелъ къ ней и крикнулъ:

— Нела, дорогая моя.

Больная зашевелилась, открыла глаза и сдѣлала движеніе руками. Казалось, что мысленно она была гдѣ-то очень далеко. Видя устремленный на нее съ удивленіемъ взглядъ друга, она съ ужасомъ заметалась по кровати, думая спрятать свое лицо.

— Что съ ней?— вскричала взволнованная Флорентина.— Донъ Теодоръ, вы не докторъ, если не спасете ея.

— Нела,— грустно повторялъ Пабло, не давая себѣ отчета въ произведенномъ на него впечатлѣніи,— Нела! развѣ ты боишься меня? Что я тебѣ сдѣлалъ?

Больная взяла руку Флорентины и Пабло, и съ чувствомъ прижала ихъ къ груди. Впалые глаза смотрѣли на нихъ, но взглядъ былъ далеко. Дыханіе становилось прерывистымъ. Нѣсколько разъ она тяжело вздохнула, сжимая руки молодыхъ людей. Теодоръ поднялъ на ноги весь домъ; онъ звалъ, кричалъ, посылалъ за сильными возбуждающими лѣкарствами, употреблялъ всѣ усилія, чтобъ остановить такъ быстро угасающую жизнь.

— Трудно, — сказалъ онъ, — удержать бѣгущую волну въ двухъ шагахъ отъ океана, но попытаю счастья.

Онъ всѣхъ выслалъ изъ комнаты, исключая Флорентину. Сильныя лѣкарства только изнуряли бѣдную страдальцу,

возвращая ее къ жизни; больная все быстрѣе приближалась къ смерти.

— Это жестоко, — воскликнулъ докторъ, отбрасывая горчишники и возбуждающія средства, — мы жестоко поступаемъ. Мы мѣшаемъ ей умереть спокойно, терзаемъ ее для того только, чтобъ прожила нѣсколько лишнихъ минутъ. Оставимъ все это.

— Нѣтъ никакихъ средствъ?

— Смерть неизбѣжна.

— Возможно ли, чтобы ктонибудь умеръ безъ всякой видимой причины, почти безъ болѣзни? Синьоръ Гольфинъ, что это означаетъ?

— Развѣ я могу знать?

— Вы вѣдь докторъ?

— Но не докторъ страстей.

— Страстей? — воскликнула молодая дѣвушка, обращаясь къ умирающей. — Бѣдная, какія же страсти тебя убиваютъ?

— Спросите вашего будущаго супруга.

Съ минуту Флорентина оставалась неподвижной, изумленной.

— Бѣдная дѣвушка! — вскричала она, рыдая, — нравственное страданіе убиваетъ тебя?

— Вспомните, что видѣли эти умирающіе глаза нѣсколько минутъ тому назадъ. Подумайте, что она была любима слѣпымъ, который уже болѣе не слѣпъ и теперь ее увидѣлъ!.. Это-то и убило ее.

— О, какая страшная тайна!

— Тайны тутъ нѣтъ, — возразилъ докторъ, — это только пагубный результатъ иллюзій, неожиданный ударъ дѣйствительности. Для него это было возрожденіемъ, для нея — мукой, униженіемъ, тоской, отчаяніемъ, ревностью и, наконецъ, смертью.

— И все это изъ-за...

— И все это изъ-за глазъ, узнавшихъ свѣтъ и дѣйствительность!

— Неужели горе можетъ убить человѣка такъ скоро, не давъ даже возможности употребить какое нибудь средство къ спасенію?

— Не знаю, — возразилъ Теодоръ, всматриваясь въ страдалицу и не умѣя разобрать таинственнаго смысла жизни и

смерти. Внимательно слѣдя за больной, представлявшей нѣчто среднее между живымъ существомъ и безжизненнымъ трупомъ, онъ съ горечью сказалъ:

— Душа, что въ тебѣ происходитъ?

Флорентина плакала.

— Боже мой!—воскликнула дѣвушка, начиная молиться.

Оба приблизились къ кровати умирающей.

— Ея губы шевелятся, — замѣтила Флорентина. — Она говорить.

Никто изъ нихъ не разобралъ ея словъ. Это былъ особый языкъ, которымъ говорятъ переходящіе въ лучшую жизнь... Ея губы перестали двигаться; онѣ были полуоткрыты, и въ нихъ виднѣлся рядъ бѣлыхъ зубовъ. Теодоръ наклонился, поцѣловалъ Нелу въ лобъ и твердымъ голосомъ сказалъ:

— Ты хорошо сдѣлала, что покинула этотъ свѣтъ!

Флорентина рыдала и прерывающимся дрожащимъ голосомъ промолвила:

— Я думала сдѣлать ее счастливой, но она не захотѣла этого.

К о н е ц ъ .

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Событія общественной жизни, превращающіяся въ политическія.—Король и министр, обвиняющіе другъ друга въ убійствѣ двухъ женщинъ.—Побѣда младочеховъ и невозможность составить большинство въ австрійскомъ рейхстагѣ.—Запрещеніе тотализатора во Франціи.—Паденіе орлеанской партіи.—Смерть принца Наполеона.—Алжиръ, разграбленный жидами.—Причины перемѣны настроенія въ отношеніяхъ Франціи къ Германіи.—Полемика германскаго императора съ французскимъ генераломъ.—Мелкая мстительность великихъ міра.—Подходный налогъ въ Пруссіи.—Петиція женщинъ въ германскій рейхстагъ и отставка министра просвѣщенія.—Возвращеніе Бисмарка къ политической дѣятельности.—Борьба съ еврействомъ.—Министерство Рудини и жандармскій разбойникъ въ Массовѣ.—Норвежская унія.—Революція въ Чили.—Кражи въ Аргентинской республикѣ.

Европейскіе дипломаты,—если не школы, то завески Метерниха и Нессельроде, — рѣшительно становятся втупикъ отъ сюрпризовъ, приподносимыхъ имъ каждый мѣсяцъ вторженіемъ вполитику такихъ «инцидентовъ», которые, казалось бы, не имѣютъ съ нею ничего общаго, а, между тѣмъ, несомнѣнно возбуждаютъ серьезные политическіе вопросы. То французское правительство, испугавшись горсти крикуновъ-анархистовъ, нарушаетъ законную свободу націи, запрещая ей смотрѣть пьесу, осуждающую анархію и терроръ. То германскій императоръ ставитъ на сцену пьесу, направленную противъ его бывшаго канцлера, и исполняетъ одновременно должности режиссера, клакера и поощрителя литературы, награждая орденомъ краснаго орла за плохую драму, какъ недавно наградилъ тѣмъ же орденомъ доктора, составившаго сомнительное лѣкарство, которое чаще убиваетъ, чѣмъ вылѣчиваетъ. То регентъ королевства пишетъ своей королевѣ вѣрноподданническое письмо, въ которомъ обвиняетъ ее въ томъ, что она ввела на придворные балы танецъ, «не

исполнявшійся даже и въ публичныхъ мѣстахъ». Необходимость разбираться въ такихъ политическихъ событіяхъ приводитъ въ замѣшательство послѣдователей Талейрана, пропитанныхъ еще традиціями реакціонныхъ пятидесятихъ годовъ. Починъ въ этихъ странныхъ событіяхъ принадлежитъ не министрамъ; отвѣтственнымъ передъ закономъ, а самимъ правительствамъ, отвѣчающимъ только на судъ исторіи, потому что никто же не потребуетъ отъ нихъ серьезной отвѣтственности передъ листомъ бумаги, называемымъ конституціею. Но, изъ всѣхъ этихъ фактовъ, совершенно исключительными являются событія въ Сербіи, гдѣ невѣняемый Миланъ продолжаетъ поднимать невозможныя исторіи. Послѣ нисма Ристича къ королевѣ Наталіи, нѣжный супругъ прислалъ благодарственное посланіе регенту и поспѣшилъ опять осчастливить Бѣлградъ своимъ августѣйшимъ посѣщеніемъ. Но, въ то же время, его бывший другъ и первый министръ Гарашанинъ явился защитникомъ королевы и обнародовалъ въ газетѣ «Видело» письмо къ нему Милана отъ 18-го сентября 1888 года, въ которомъ министръ обвинялся въ возбужденіи раздора между Наталіей и Миланомъ. Письмо это Гарашанинъ напечаталъ, конечно, съ комментаріями и заявилъ, что онъ сначала не хотѣлъ отвѣчать, но теперь считаетъ долгомъ объявить, что всѣ обвиненія Милана голословны. Такъ, Миланъ говоритъ, что онъ, въ теченіе семи лѣтъ, поддерживалъ напредняковъ, тогда какъ, напротивъ, напредняки поддерживали Милана, и имъ однимъ онъ обязанъ и своею короною, и, въ особенности, королевскимъ содержаніемъ. На это письмо эксъ-король отвѣчалъ другимъ, но такого содержанія,—что оно привело всю Сербію въ изумленіе и волненіе. Миланъ прямо обвиняетъ Гарашанина въ недостойномъ поведеніи, въ поддѣлкѣ писемъ и документовъ, въ низкомъ предательствѣ и даже въ убійствѣ. «Мнѣ не подобаетъ обсуждать политическіе вопросы,—говоритъ эксъ-король—и я, въ порывѣ рыцарскаго чувства, взялъ на себя передъ страною отвѣтственность за ваше семилѣтнее управленіе государствомъ. Вамъ слѣдовало бы молчать или представить объясненія, какъ и почему, послѣ произведеннаго въ соборѣ Еленою Марковичъ выстрѣла въ меня, обѣ женщины,—Марковичъ и ея соучастница,—погибли въ тюрьмѣ, одна удавленною, другая задушенною».

Это открытое обвиненіе королемъ своего министра въ государственномъ преступленіи и въ гнусномъ убійствѣ напомнило печальныя событія въ Сербіи 1882—1883 г. Въ 1878 году былъ разстрѣлянъ, по приговору военнаго суда, полковникъ Марковичъ. Жена его употребляла всѣ усилія, чтобы спасти челоуѣка, вина котораго далеко не была доказана. Она подавала королю прошенія о помилованіи или смягченіи наказанія, бѣгала по судамъ и министрамъ—все было напрасно. Съ холоднымъ жестокосердіемъ возвратили ей письма, отправленныя къ мужу въ тюрьму, и поставили на нихъ отмѣтку: «адресать уже похороненъ». Тогда бѣд-

ная женщина рѣшилась отомстить за невинно-казненнаго и 23 октября выстрѣлила два раза въ Милана на паперти бѣлградскаго собора, но оба раза дала промахъ. Это покушеніе на цареубійство не поколебало власти Гарашанина, и онъ остался во главѣ кабинета, но произвелъ много арестовъ. Въ числѣ захваченныхъ лицъ была вдова Елена Кничанинъ, которую считали главною участницею покушенія. Началось слѣдствіе, но вдругъ въ Бѣлградѣ узнали, что Кничанинъ скоростижно умерла въ тюрьмѣ предварительнаго заключенія. Вслѣдъ затѣмъ, также быстро и неожиданно умерла и Марковичъ въ смиренномъ домѣ. Всѣ были убѣждены, что обѣ женщины погибли насильственной смертью и теперешнее письмо Милана только подтвердило народную увѣренность. Но дерзость, съ какою этотъ психопатъ раскрываетъ свое участіе въ преступленіи, по истинѣ изумительна. Оно возбудило, вмѣстѣ съ другими злодѣйствами Милана, патріотическое движеніе 1883 года въ Зайчарѣ. Хотя возстаніе было подавлено солдатчиной, но въ немъ принимали участіе всѣ лучшія силы странъ, и пять нынѣшнихъ министровъ Сербіи, съ Пашичемъ во главѣ, были приговорены къ смертной казни. Пашичу удалось бѣжать изъ тюрьмы, и Миланъ, опасаясь всеобщаго возстанія, приказалъ прекратить слѣдствіе по зайчарскому дѣлу. Но съ тѣхъ поръ, болѣе пяти лѣтъ, онъ держалъ во главѣ управленія ливнаго убійцу, называя его своимъ другомъ, позволяя ему грабить и угнетать несчастную Сербію, и только теперь, когда Гарашанинъ въ скупщинѣ сталъ поддерживать права королевы, публично обвинилъ его въ убійствѣ. Разумѣется, бывший премьеръ не остался въ долгу у своего соучастника и напечаталъ рѣзкій отвѣтъ ему, въ которомъ говорить: «всѣ арестованные въ бѣлградской тюрьмѣ находились подъ надзоромъ подвѣдомственной мнѣ жандармеріи, но король приказалъ замѣнить ее военнымъ карауломъ, и я, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, не имѣлъ права давать приказанія войску. Тюрьма, въ которой найдена мертвою Елена Марковичъ, находилась внѣ сферы моей министерской власти, а когда Елена Кничанинъ найдена была повѣшенною въ бѣлградской крѣпости, я былъ далеко отъ Сербіи и пользовался отпускомъ въ южной Франціи. Есть и еще фактъ, что приставленный къ арестантамъ военный часовой также былъ убитъ, но военныя власти рѣшили, что это не можетъ быть приписано преступленію». Кто же, послѣ этого, настоящій виновникъ убійства двухъ женщинъ?

Понятно, что подобная интимная переписка бывшаго короля со своимъ бывшимъ министромъ, помѣщаемая въ газетахъ для назиданія вѣрно-подданныхъ, не можетъ не волновать страну, и напрасно министерство Пашича конфискуетъ газеты, гдѣ явилось письмо Гарашанина, перепечатанное на другой же день всѣми, даже сербскими газетами. Не скрывать, а напротивъ, разъяснить надо это гнусное вѣшаніе и задушеніе

женщинъ, благо объ немъ заговорили участники злодѣйства. Гарашанина собирались отдать подъ судъ, но онъ требуетъ, чтобы суду преданъ былъ и эскъ-король, который обнаруживаетъ теперь особенную дѣятельность: ѣздитъ къ представителямъ иностранныхъ державъ, дѣлаетъ визиты министрамъ, хлопочетъ, чтобы не разрѣшали приѣзда въ Бѣлградъ князю Николаю черногорскому и наказали члена скупщины Драгишу Станоевича за обнародованіе брошюры, доказывающей, что необходимо удалить вовсе отъ сербскаго престола династію Обреновичей, запятнавшую себя такимъ скандаломъ. Станоевичъ, правда, исключенъ за это изъ скупщины и преданъ суду, но что многіе въ странѣ раздѣляютъ его убѣжденіе—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Королева Наталія написала къ сыну письмо, въ которомъ разоблачаетъ поведеніе его отца. Миланъ, въ свою очередь, всячески старается возстановить и сына, и министровъ противъ королевы, —однимъ словомъ, на сцену поставлено при мѣрное супружеское и королевское согласіе, которому пора однако положить конецъ, за чтó, какъ говорятъ, взялся Пашичъ. Повидимому, нѣкоторыя газеты правы, настаивая на томъ, что Миланъ уже съ годъ находится въ ненормальномъ психическомъ состояніи и что необходимо принять серьезныя мѣры противъ его эксцентрическихъ выходокъ. Нельзя же оставить опекуномъ малолѣтняго короля—человѣка, который публично признается, чтó, зная объ убійствѣ министромъ двухъ женщинъ, оставлялъ его во власти болѣе пяти лѣтъ, пользовался его услугами и называлъ своимъ другомъ. Это и безнравственно, и не можетъ быть терпимо со стороны уважающаго себя правительства. И этотъ соучастникъ въ убійствѣ осмѣлился требовать высылки королевы Наталіи. Конечно, онъ получилъ рѣшительный отказъ, но его самого все еще не высылаютъ изъ страны, которую онъ позоритъ своими скандалами. Телеграфъ принесъ, правда, извѣстіе о его высылкѣ, но оно не подтвердилось официально, хотя причина ея вполне основательна. Эскъ-король, пытавшійся постоянно во время своихъ приѣздовъ привлечь на свою сторону солдатчину, созвалъ на совѣщаніе въ офицерскій клубъ офицеровъ бѣлградскаго гарнизона и, возбуждая ихъ противъ Гарашанина, требовалъ удовлетворенія за свою оскорбленную честь. Офицеры объявили, что они готовы поддерживать Милана, а между тѣмъ судъ призналъ незаконнымъ себевстрѣ нумера газеты «Видело», гдѣ было напечатано письмо Гарашанина, возлагавшаго на Милана отвѣтственность за убійство двухъ женщинъ. Письмо это было только отвѣтомъ на обвиненія, и нельзя судить человѣка за то, что онъ защищается; къ тому же обвиненіе было подписано: «графъ Такова», а судъ не знаетъ официально такого графа въ Сербіи.

Славянство одержало большую побѣду на выборахъ въ австрійскій рейхстагъ. Младочехи были выбраны во всѣхъ сельскихъ округахъ и въ большинствѣ городскихъ. Партія старочеховъ сошла съ политическаго

поприща, и немногіе изъ ея членовъ, побѣдившіе на выборахъ, отказались отъ своихъ полномочій. Глава ихъ, старый Ригеръ, уѣхалъ въ Италію. Главою и руководителемъ славянскаго движенія является Эдуардъ Грегрь, фізіологъ и анатомъ, братъ Юлія Грегра, редактора «Народныхъ Листовъ», прозванный «чешскимъ Гамбеттою». Онъ дѣйствительно имѣеть съ нимъ сходство и по блестящему дару слова, и еще по тому, какъ и французскій патріотъ, Эдуардъ Грегрь врывъ на одинъ глазъ, потерянный имъ въ одной изъ бурныхъ стычекъ 1848 года. Чехи пріобрѣли не такъ много голосовъ въ парламентѣ, чтобы имѣть въ немъ преобладающее вліяніе, но побѣда ихъ подаетъ надежду, что вокругъ нихъ сплотятся представители другихъ славянскихъ племенъ, и голоса ихъ не будетъ игнорировать правительство. Вообще новые выборы въ рейхстагъ поставили министерство Таафе въ странное положеніе; оно потеряло и то большинство, какимъ обладало въ прежнемъ парламентѣ: нѣмецкая партія не будетъ имѣть въ немъ рѣшающаго голоса, даже если къ ней присоединятся поляки. Какъ сладить Таафе со всѣми разнородными элементами правленія—трудно себѣ представить. Кромѣ младочеховъ, значительно увеличилось и число выбранныхъ антисемитовъ. Въ Вѣнѣ, князь Алоизій Лихтенштейнъ былъ избранъ значительнымъ большинствомъ, и евреи попытались даже произвести беспорядки въ кварталѣ Гернальсъ, но были побиты народомъ. Въ округѣ Маргаретъ избранъ былъ другой антисемитъ, докторъ Люгеръ. Лихтенштейнъ продолжаетъ энергически пропаганду противъ жидовъ и для этой цѣли пріобрѣлъ газету, гдѣ возстаетъ противъ превращенія Вѣны въ жидовскій городъ.

Франція, въ лицѣ палаты своихъ представителей, сдѣлала важный шагъ въ общественной жизни, которая такъ тѣсно связана съ политической, особенно въ этой странѣ, гдѣ самый обыденный случай, въ родѣ театральныхъ беспорядковъ, производитъ серьезныя измѣненія въ сферѣ внутренней политики. На этотъ разъ, однако, къ вотированію палаты общественное мнѣніе относится не съ упрекомъ,—какъ по поводу запрещенія «Термидора»,—а съ полнымъ сочувствіемъ, хотя дѣло шло также о запрещеніи, и даже не по предложенію правительства, а по инициативѣ самой палаты. Но она запретила не пьесу, а азартную игру, свирѣпствующую почти во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ, и за уничтоженіе этой язвы, развѣдающей современное общество, всѣ здравомыслящіе люди должны быть благодарны Франціи. Кто не знаетъ, съ какимъ азартомъ весь Парижъ бросался въ дни, назначенные для скачекъ, въ Лоншанъ, Отэйль и другія мѣста, гдѣ, подъ предлогомъ пріятнаго и полезнаго увеселенія, всѣ классы общества проигрывали милліоны на тотализаторѣ и на разнаго рода пари. Министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ въ палату законопроектъ, по которому со всѣхъ пари на скачкахъ взимался бы доходъ въ 3 проц. на нужды коневодства и благотворительности. Но чле-

ны палаты замѣтили министру, что всё эти пари въ сущности запрещенная игра, нарушеніе закона, а тотализаторы—вопиющее злоупотребленіе, и съ нихъ надо не процѣнты брать, а вовсе запретить ихъ. Это рѣшеніе принято было 338-ью голосами противъ 149-ти, и Констанъ объявилъ, что хотя существуетъ цѣлая армія игроковъ, а спортсмены, жокеи, конюхи начнутъ кричать о пользѣ коннозаводства, но съ этихъ поръ на скаковыхъ гиподромахъ не будетъ ни булмакеровъ, ни тотализатора. Денутаты Ламаренъ, Рошъ, Мишу доказывали, что населеніе Парижа уже нѣсколько лѣтъ охвачено лихорадкою игры на скачкахъ. Лѣтомъ тотализаторъ дѣлаетъ каждый мѣсяць оборотъ въ 35 милліоновъ франковъ, а ежегодная потеря на немъ доходитъ до 10-ти милліоновъ. Это все деньги трудящихся классовъ, хлѣбъ, отнимаемый у семьи. Уничтожить это общественное зло было необходимо, и только азартные игроки начали кричать въ газетахъ, что скачки невозможны безъ пари и уничтоженіе ихъ убьетъ правильное коневодство. Какъ будто для улучшенія породы лошадей необходимо разореніе людей! Предсказывали даже, что на первыхъ же скачкахъ безъ тотализатора произойдутъ беспорядки; но опасенія не оправдались, и, кромѣ двухъ крикуновъ, забранныхъ полиціею, никто не нарушалъ порядка.

Это уже второе постановленіе палаты, встрѣчаемое Франціею съ полнымъ сочувствіемъ. Первое относилось къ назначенію въ одно засѣданіе, безъ преній и возраженій, шести милліоновъ франковъ «жертвамъ холода», пострадавшимъ въ странѣ въ эту необычайно холодную зиму. Въ распредѣленіи этой суммы:—двухъ милліоновъ городскимъ жителямъ и четырехъ деревенскимъ—даже монархисты признали полное безпристрастіе республиканскаго правительства. Пособія выдавались безъ всякаго различія партій, хотя между крестьянами много приверженцевъ стараго режима. Но и орлеанисты должны были сознаться, что нынѣшніе правители Франціи щедры не только въ отношеніи къ своимъ избирателямъ. Партія графа Парижскаго давно уже, впрочемъ, играетъ незначительную роль на выборахъ, а самъ онъ, скомпрометировавъ себя связью съ буланжистами, въ послѣднее время еще болѣе возстановилъ противъ себя монархистовъ, допустивъ бракъ орлеанской принцессы съ баварскимъ принцемъ. По слухамъ, старшій сынъ и наследникъ графа протестовалъ противъ этого союза и отказался присутствовать на бракосочетаніи. Но, если въ этой партіи уменьшается число противниковъ республики, въ другой они сплотились тѣснѣе, послѣ смерти бонапартистскаго претендента, принца Наполеона. Этотъ глава наполеонидовъ отказался, какъ извѣстно, отъ претензіи на императорскій титулъ и сочинилъ какія-то особыя династическія права для своей семьи, состояція въ томъ, что народъ долженъ былъ самъ призвать къ власти плебисцитомъ одного изъ этой семьи и вручить ему диктатуру съ званіемъ пожизненнаго консула.

Старшій сынъ его и прямой наследникъ, принцъ Викторъ, не принялъ этой странной теоріи и объявилъ, что право на императорскій престолъ во Франціи было непосредственно передано ему сыномъ Наполеона III, убитымъ зулусами. Это второе измышленіе, стоявшее однако же на болѣе практической почвѣ, было причиною раздоровъ между сыномъ и отцомъ, отвергнутымъ, въ качествѣ претендента, какъ атеистъ-революціонеръ и представитель демократическаго цезаризма. Личность стараго развратника Жерома была, дѣйствительно, до того непривлекательна, что лучшія силы бонапартизма сгруппировались вокругъ Виктора, но отецъ лишилъ его наследства и не хотѣлъ видѣть, завѣщавши все свое значительное имущество второму сыну, принцу Людовику, полковнику русской службы. Напрасно жена принца Наполеона, сестра короля Гумберта, старалась помирить отца съ сыномъ; умирающій былъ непреклоненъ, и когда Викторъ, вызванный матерью въ Римъ, вошелъ въ спальню отца, тотъ закричалъ въ гнѣвъ: «Вонъ! что это за бабы ловушки!» Викторъ долженъ былъ удалиться. Принцъ Наполеонъ упорно отказывался также причаститься и, согласившись принять духовника Гумберта, сказалъ ему: «я принимаю васъ, какъ добраго знакомаго, а не какъ духовное лицо». Когда принцъ умиралъ, 17-го марта, его однако соборовали въ агоніи. Въ 1859 году, передъ своимъ бракомъ съ Клотильдою, онъ также отказался исповѣдаться и причащаться, но Викторъ-Эмануилъ рѣшительно объявилъ, что иначе бракъ не состоится, и принцъ принужденъ былъ уступить. Онъ умеръ 69-ти лѣтъ, все еще надѣясь на возвращеніе эры наполеонидовъ, но ведя себя такъ, что съ каждымъ годомъ это возвращеніе дѣлалось все менѣе возможнымъ. Во все время царствованія своего двоюроднаго брата, онъ былъ въ постоянной оппозиціи, соединялъ вокругъ себя всѣхъ недовольныхъ имперіей, противодействовалъ всѣмъ ея мѣрамъ и, если не составлялъ противъ нея прямыхъ заговоровъ, то потому, что это было для него невыгодно и, при другомъ образѣ правленія, онъ не могъ бы имѣть тѣхъ огромныхъ средствъ, какія тратилъ постоянно на разгульную жизнь. Съ императрицей Евгеніей онъ былъ въ непримиримой враждѣ и, надо отдать ему справедливость, совѣты его въ дѣлахъ управленія были часто весьма полезны, хотя и не могли побѣдить зловреднаго вліянія Евгеніи. Онъ не любилъ войны и, никогда не отличаясь храбростью, отказался отъ дуэли, когда его вызвалъ герцогъ Омальскій; а, отправившись въ Крымъ, вернулся оттуда въ самомъ началѣ кампаніи. Онъ былъ противникомъ нелѣпой мексиканской экспедиціи, а въ итальянскую войну возставалъ противъ занятія французами Рима и говорилъ, что, начавъ освобожденіе Италіи, надо было его докончить, а не возстановлять противъ Франціи всѣ провинціи Апеннинскаго полуострова. Онъ до того стоялъ за мирныя отношенія съ Германіей, что, передъ началомъ войны, его отправили путешество-

вать на Шпицбергенъ, куда онъ отправился съ другомъ своимъ Ренаномъ и гдѣ узналъ объ открытіи военныхъ дѣйствій. Когда онъ вернулся во Францію, была уже провозглашена республика, противъ которой онъ составлялъ заговоры до тѣхъ поръ, пока она не выслала его за границу. Но и живя въ своемъ великолѣпномъ замкѣ Пранженъ, онъ вошелъ въ сношенія съ Буланжэ, чтобы съ его помощью захватить въ свои руки власть. Авантюристъ, въ свою очередь, рассчитывалъ, что бонапартисты увеличатъ число его приверженцевъ, съ которыми онъ, взявъ управленіе въ свои руки, отстранить претендента. Эта попытка взаимнаго надувательства кончилась, какъ извѣстно, самымъ позорнымъ образомъ, но на сторонѣ принца, имѣвшаго за собою хоть громкое имя, осталась все таки довольно многочисленная партія, тогда какъ отъ жалкаго генерала, знаменитаго только интригами и мелкимъ мошенничествомъ, отступились, наконецъ, видя его ничтожество, всѣ его безшабашные пріатели и всѣ обманутые рекламами буланжизма. За принцемъ Наполеономъ останется все таки историческое имя и нѣкоторыя похвальныя стороны роли, какую онъ игралъ въ эпоху второй имперіи.

Алжирскій губернаторъ Тирманъ уволенъ правительствомъ отъ должности, вслѣдствіе бурныхъ преній, происходившихъ во французскомъ сенатѣ о положеніи Алжира. Пренія эти доказали, до чего довела эксплуатація евреевъ эту богатую колонію, гдѣ туземцы сдѣлались жертвою хищническихъ инстинктовъ израильскаго племени. Систематическое разореніе края началось съ 1870 года, когда извѣстный еврей Кремль, назначенный членомъ временнаго правительства, предоставилъ алжирскимъ жидамъ всѣ права полноправныхъ французскихъ гражданъ. Тотчасъ въ Алжиръ переселилась масса жидовъ изъ Франціи и изъ другихъ странъ, и началась беспощадная эксплуатація туземцевъ и колонистовъ, которая скоро довела большинство населенія Алжира до нищеты. Ростовщичество, не стѣсняемое властями, развилось непомѣрно: 60—70 процентовъ въ годъ—самая меньшая плата. Туземцевъ грабятъ мелкіе жида, колонистовъ—разные банки, основанные и управляемые также евреями. Въ ихъ руки перешли почти всѣ земельныя имущества, фабрики и промышленныя учрежденія, а арабы находятся въ полной кабалѣ у жидовъ. Власти, какъ и вездѣ, держатъ сторону богатыхъ, и поэтому покровительствуютъ хищникамъ. Если туземцы, у которыхъ отнимаютъ за долгъ послѣдняго барана, оказываютъ малѣйшее сопротивленіе, ихъ считаютъ бунтовщиками и жестоко наказываютъ. Ежегодно Алжиръ стоитъ теперь Франціи 80 милліоновъ, и туда никто не переселяется; жида сдѣлались тамъ язвою сельскаго населенія; въ двадцать лѣтъ они совершенно разорили колонію—и послѣ такого бросающагося въ глаза урока, находятся еще защитники теоріи равноправности евреевъ съ христіанскимъ населеніемъ! Прогнать губернатора, явно покровительство-

вшаго жидамъ и позволявшаго имъ марушать законы—не трудно и въ одной Франціи, но какъ прогнать присосавшихся къ странѣ паратовъ? Никакихъ рациональныхъ мѣръ для этого не предложено во анцузскомъ сенатѣ.

Быстрой перемѣнѣ настроенія умовъ въ Парижѣ, по отношенію къ рманіи, много содѣйствовала безтактность какого-то чиновника школы ячныхъ искусствъ. На дворѣ этой школы находится памятникъ одного ѳ ея учениковъ, живописца Реньо, убитаго 19 января 1871 года въ аженіи подъ Бюзанвилемъ, близъ Парижа. Въ годовщину его смерти, руледъ и другіе члены бывшей лиги патриотовъ возложили вѣнокъ на отъ памятникъ. Но въ школу дано было знать, что ее посѣтитъ на угой день германская императрица. Не въ мѣру усердный чиновникъ шель, что матери Вильгельма II будетъ неприятно видѣть этотъ вѣкъ, и распорядился, чтобы его убрали. Узнавъ объ этомъ, Деруледъ днялъ страшный шумъ и, отправившись къ Фрейсинэ, объявилъ ему, о сдѣлаеть по этому случаю формальный запросъ въ палатѣ. Послали министромъ изячныхъ искусствъ Буржуа, и тотъ заявилъ, что онъ ть не причемъ и не приказывалъ убирать вѣнокъ. Съ трудомъ угорили Деруледа отказаться отъ запроса, который поставилъ бы министрство въ неловкое положеніе, тѣмъ болѣе, что въ оппозиціонныхъ гагахъ появились на другой же день статьи съ тенденціозными заглами: «*Sacrilège!*» «*Ministère allemand*» и пр. Да и самъ Деруледъ, вмѣсто росовъ палатѣ, произнесъ рѣзкую рѣчь, въ которой отзывался очень нечтительно объ императрицѣ, а о Вильгельмѣ говорилъ, что онъ мотъ явиться въ Парижъ только военноплѣннымъ. Палата также знала готовившемся запросѣ и была въ возбужденномъ состояніи, но Польссаньякъ, возставшій энергично въ своей газетѣ «*Autorité*» противъ какаго сближенія съ Германіею, выказалъ много такта, предложивъ зрыть въ палатѣ подписку по два франка съ депутата на покупку ваго вѣнка. Предложеніе было принято—и вѣнокъ снова положенъ на едесталь памятника. Этотъ случай настроилъ враждебно печать противъ рманіи, хотя онъ нисколько не оправдываетъ художниковъ, давшихъ ачала обѣщаніе послать свои картины на берлинскую выставку, но по ить начавшихъ говорить, что, вслѣдствіе разногласія художниковъ, лучше все отказаться отъ выставки, чѣмъ посылать на нее немного картинъ, горья дадутъ неполное и даже неблагопріятное понятіе о достоинствахъ современной французской школы. Перемѣтная газета «*Figaro*», ачала отзывавшаяся сочувственно объ императрицѣ,—посоветовала ей зорить свой отъѣздъ изъ Парижа и оканчивала свою статью словами: ильгельмъ II жестоко ошибается, полагая, что можно излѣчить кольдъ-момъ раны, доходяція до костей». Другія газеты обвиняли имперациу въ томъ, что она ѣздила осматривать Версаль, гдѣ провозглашено

было учрежденіе германской имперіи, и Сень-Клу, гдѣ сожженный пруссаками замокъ до сихъ поръ стоитъ въ развалинахъ. Но, бывши въ Парижѣ, нельзя же было не посѣтить версальскаго музея, а въ Сень-Клумать Вильгельма вовсе и не ѣздыва. «Autorité» пустилась въ риторику напоминая французамъ, что женщина, пользующаяся ихъ гостеприимствомъ, происходитъ по рожденію отъ побѣдителей при Азенкурѣ, по мужу—отъ побѣдителей при Седанѣ. Но, вѣдь, въ Европѣ нѣтъ ни одного народа, съ которымъ бы не дрались французы и между которыми не было бы побѣдителей при какомъ нибудь сраженіи. Что же, и изъ нихъ никого не слѣдуетъ пускать въ Парижъ?

Все это не могло, конечно, не подѣйствовать неприятно на Вильгельма, особенно послѣ его любезнаго письма, съ выраженіемъ соболѣзанія о кончинѣ живописца Мейсонье, на которое жена его такъ безтактно отвѣчала, что, еслибы ея мужъ былъ живъ, то не послалъ бы ни одной картины въ Берлинъ. Еще болѣе вниманія оказалъ германскій императоръ даже къ французскимъ генераламъ. Во время маневровъ под Нарвою, Вильгельмъ познакомился съ генераломъ Буадефромъ, бывшимъ военнымъ агентомъ при нашей арміи. Они разговорились о походахъ Аннибала. Расходясь во мнѣніяхъ по нѣкоторымъ пунктамъ со своимъ собесѣдникомъ, императоръ сказалъ: «я пришлю вамъ составленный мной плантъ, чтобы объяснить наглядно мой взглядъ на стратегію этого полководца». Генераль и забылъ объ этомъ разговорѣ, какъ вдругъ получилъ изъ германскаго посольства свертокъ, чуть не въ два аршина съ планами сраженій, чертежами строя римскихъ легионовъ и нумидійскихъ конницы. Въ приложенномъ къ свертку письмѣ, на шести страницахъ Вильгельмъ прекраснымъ французскимъ языкомъ излагалъ съ замѣтной ясностью свои взгляды и дѣлалъ военно-ученый очеркъ пуническихъ войнъ, особенно сраженій подъ Каннами и Замою. Въ заключеніи императоръ спрашивалъ: признаётъ ли генераль себя побѣжденнымъ? И словамъ Буадефра, Вильгельмъ производитъ впечатлѣніе очень разсудительнаго и образованнаго человѣка, который знаетъ, что говорить, и обладаетъ обширнѣйшими военными познаніями. «Онъ очень милъ (charmant)—приваблялъ генераль—и наша армія интересуется его не потому только, что долгъ повелѣваетъ ему изучать ее для борьбы. Онъ знаетъ ее только по наслышкѣ, но считаетъ прекраснѣйшею арміею въ мірѣ». Все эти прекрасныя качества императора, какъ человѣка, не мѣшаютъ ему оды быть несправедливымъ, какъ повелителю. Не смотря на то, что его встрѣчена была очень радушно въ Парижѣ и не подверглась никакимъ неприяностямъ даже со стороны простаго народа,—что и засвидѣтельствовано вала въ письмѣ къ сыну,—онъ все таки тотчасъ же приказалъ усилить таможенныя и почтовые строгости въ Эльзасъ-Лотарингіи, какъ бы жители этихъ провинцій были въ чемъ нибудь виноваты. И когда

му явилась депутация съ просьбою объ отмѣнѣ мелочныхъ стѣсненій и идиорокъ, недостойныхъ могущественной имперіи, онъ отвѣчалъ, что не можетъ еще отмѣнить этихъ необходимыхъ строгостей. Вообще, во всемъ правленіи не облегчена съ начала царствованія ни одна стѣснительная мера бисмарковской эпохи, хотя объ уменьшеніи хлѣбныхъ пошлинъ шипеть весь народъ, а запрещеніе имперскому банку принимать въ залогъ русскія бумаги даже и неприлично по отношенію къ дружественной державѣ.

Прусская палата вотировала почти единогласно важный законъ о доходномъ налогѣ, но сдѣлала въ немъ нѣкоторыя измѣненія противъ проекта министра финансовъ Микеля. Такъ, онъ полагалъ предоставить установленіе цифры дохода самимъ плательщикамъ, а палата поручила это выборной комисіи изъ гражданъ и чиновниковъ. Принципъ, принятый министромъ, — что съ зажиточныхъ классовъ налогъ долженъ быть взимаемъ въ болѣе пропорціи, чѣмъ съ классовъ, живущихъ своимъ трудомъ, — еще строже проведенъ палатою, понизившею цифру этого налога съ доходовъ отъ 2,400 до 9,000 марокъ, но зато увеличившею до 10-ти процентовъ налогъ съ доходовъ отъ 10,000 до 30,000 марокъ. Съ парламентомъ подано также прошеніе нѣсколькихъ тысячъ нѣмокъ съѣхъ сословій о допущеніи ихъ къ слушанію университетскихъ лекцій. Гибель предложилъ открыть для нихъ медицинскій факультетъ; консерваторы, конечно, возстали противъ этого, хотя авторъ книги: «Женщина и социализмъ» ссылаясь на пользу, приносимую женщинами-врачами въ Россіи, Англии и Америкѣ. Противники женскаго вопроса могли возражать только избитыми фразами о женской стыдливости, страдающей при слушаніи медицинскихъ лекцій, о выводоводительныхъ нѣмкахъ, съ ужасомъ отвращающихся отъ подобныхъ нецѣломудренныхъ предметовъ. А отвѣтоваться съ мужчинами-врачами о женскихъ болѣзняхъ цѣломудреннѣе не нарушаетъ стыдливости? Рейхстагъ отвергнулъ прошеніе на томъ основаніи, что онъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла союзныхъ державъ, которыя сами могутъ рѣшить, хотятъ онѣ имѣть женщинъ врачей или нѣтъ. За принятіе предложенія стояли только социалисты и партія свободномыслящихъ. Отставка министра «народнаго просвѣщенія, религіи и медицины» Госслера не произвела никакого впечатлѣнія на публику, привыкшую уже къ частой смѣнѣ императорскихъ любимцевъ. Давно ли Вильгельмъ, въ своей рѣчи о школьномъ вопросѣ, осыпалъ похвалами своего министра, хотя всѣ знали, что Госслеръ — отвлеченный классикъ и промахнулся, сверхъ того, выхлопотавъ орденъ краснаго орла пресловутому Коху, провалившемуся со своимъ туберкулиномъ. Но Госслеръ былъ все таки человекъ высокообразованный и опытный, а теперешній министръ просвѣщенія, какой-то Трюшлеръ — не окончившій курса гимназистъ и майоръ въ отставкѣ. Зато онъ отли-

чался всегда безусловнымъ повиновеніемъ высшему начальству, что, какъ извѣстно, для занятія министерскаго званія, гораздо нужнѣе, чѣмъ образованность и самостоятельность.

По словамъ нѣмецкихъ газетъ, Германія готовится дать міру такой примѣръ переворота въ своей политикѣ, котораго, конечно, уже никто не ожидалъ еще мѣсяць тому назадъ: Бисмаркъ возвращается къ власти и въ началѣ апрѣля будетъ выбранъ членомъ рейхстага въ одномъ изъ избирательныхъ округовъ, Гестемюнде. Въ этомъ никто не сомнѣвается въ нѣмецкихъ политическихъ кружкахъ. Не смотря на сопротивление національ-либераловъ, которыхъ недавно Каприви обозвалъ въ парламентѣ врагами отечества, и на социалистовъ, имѣющихъ большое вліяніе въ Гестемюнде, кандидатура стараго канцлера обезпечена и, какъ говорятъ, принята во Фридрихсруэ. Газеты его хвалятъ теперь всѣ правительственныя мѣры. Графъ Вальдерзее, недавній врагъ его и также опальный дѣятель, провелъ цѣлый день у старика, котораго еще недавно собирались отдать подъ судъ за систематическое противодѣйствіе правительству. Давно ли корпусный командиръ Лещинскій былъ смѣненъ за то, что позвалъ къ себѣ на обѣдъ Бисмарка, да и самъ Вальдерзее уволенъ за несогласіе съ императоромъ въ стратегическихъ вопросахъ. Но въ томъ-то и дѣло, что настроеніе Вильгельма внезапно измѣнилось. Онъ вдругъ примирился съ только что уволеннымъ начальникомъ генеральнаго штаба, пригласилъ его обѣдать, отправилъ во Фридрихсруэ и теперь, какъ говорятъ, готовъ передать старому канцлеру роль руководителя большинствомъ въ парламентѣ. Правда, глава этого большинства Виндгорстъ умеръ недавно, но Бисмаркъ не католикъ, не клерикалъ и не удовольствуется, конечно, ролью вождя одной партіи въ парламентѣ, а начнетъ по прежнему давить его своимъ деспотизмомъ, ссорить всѣ партіи интригами и волновать страну своей двуличной, ретроградной политикой. Какъ ни пожелательны, по отношенію къ возрожденію Бисмарка, увѣренія политиковъ, какъ ни привыкли мы ко всякаго рода сюрпризамъ со стороны черезчуръ «нервнаго» Вильгельма II, но все это такъ невѣроятно и неожиданно, что мы отказываемся признать правдоподобными такіе слухи, не смотря на то, что ими полны всѣ газеты. Слишкомъ былъ бы ужъ тяжелъ и неестественъ этотъ шагъ назадъ къ старому режиму и старому канцлеру, послѣ прогрессивныхъ началъ, какими новый императоръ ознаменовалъ свое царствованіе. Будемъ надѣяться, что всѣ эти слухи о возвращеніи эры Бисмарка окажутся только газетными сплетнями.

Борьба съ еврействомъ не прекращается и въ Берлинѣ. Пасторъ Штекеръ произнесъ на многолюдной сходѣ христіанско-соціальной партіи замѣчательную рѣчь о положеніи антисемитизма въ Германіи и Австріи. «Всѣ претерпѣваемыя нами бѣдствія, — говорилъ ораторъ, — происходятъ въ

значительной степени отъ того положенія, какое занимаетъ у насъ еврейство, и это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока еврейству не будетъ данъ рѣшительный отпоръ. Въ Вѣнѣ, большинство населенія избрало въ рейхстагъ антисемитовъ, а тамъ жида могущественнѣе, чѣмъ въ Берлинѣ. Правительство тамъ, вслѣдствіе плохого состоянія финансовъ, стоитъ горой за евреевъ. Гдѣ они свиваютъ свое гнѣздо, тамъ вся жизнь превращается въ биржу, тамъ все направлено только къ наживѣ. Но и въ мірѣ торговли и промышленности евреи такъ терроризируютъ всѣхъ, что становится стыдно за нѣмецкій народъ. Отъ правительства намъ ждать помощи нельзя, а надо надѣяться только на то, что и у насъ народъ наконецъ прозрѣетъ. Школы наши кишатъ евреями, духовенство открыто держитъ ихъ сторону. Мы должны избавиться отъ вліянія евреевъ или мы погибнемъ». Но Штекеръ надѣется, что возбужденные умы поднимутъ новый крестовый походъ противъ евреевъ, и тогда Берлинъ будетъ праздновать болѣе блистательную побѣду надъ еврействомъ, чѣмъ Вѣна.

Новое итальянское министерство Рудини не только поддерживаетъ прямодушное международное отношеніе ко всѣмъ державамъ, но и открываетъ злоупотребленія, допусавшіяся предшествовавшимъ кабинетомъ. Недавно газета Криспи,—перешедшая, конечно, въ оппозицію,—позволила себѣ сказать, по поводу поѣздки поручика Машкова въ Абиссинію съ ученой цѣлью, что Россія никогда не позволила бы себѣ и думать о подобной экспедиціи во время министерства Криспи. Между тѣмъ, вотъ что дѣлалось въ Абиссиніи при этомъ министерствѣ: были арестованы въ Массовѣ два зажиточныхъ туземца—старшина Кентибай и купецъ Масса. Ихъ обвинили въ томъ, что они передавали непріятелю извѣстія о движеніяхъ итальянскихъ войскъ. За измѣну судъ приговорилъ ихъ къ смертной казни, но Гумбертъ смягчилъ наказаніе и отправилъ ихъ на каторгу, не смотря на ихъ увѣренія, что они ни въ чемъ не виноваты и на нихъ ложно донесъ начальникъ полиціи въ Массовѣ, жандармскій поручикъ Ливраги. Вслѣдъ за осужденіемъ туземцевъ, явились доносы на самого Ливраги, обвиненнаго въ казнокрадствѣ и убійствахъ. Поручикъ бѣжалъ и скрылся за границей. Слѣдствіе обнаружило, что это былъ какой-то разбойникъ, приказывавшій разстрѣливать богатыхъ туземцевъ и даже убивавшій ихъ собственноручно, чтобы присвоить себѣ ихъ имущество. Примѣру начальника слѣдовали, конечно, и подчиненные. Ливраги сознался въ письмѣ, что въ Массовѣ было тайно умерщвлено болѣе 800 туземцевъ, но сваливаетъ вину на другихъ. Туземцы, состоящіе на службѣ Италіи и подозрѣваемые въ измѣнѣ, массами разстрѣливались въ пустынныхъ мѣстахъ, гдѣ трупы ихъ оставались непогребенными и съѣдались гіенами. Многихъ подвергали пыткамъ. Генералъ Зальдисера и Ореро опровергаютъ эти показанія Ливраги, но какой интересъ имѣетъ онъ выдумывать подобные возмутительные факты? Швейцар-

скія власти заперли его въ тюрьму въ Лугано и еще не выдали итальянскому правительству.

Въ то время, когда въ Россіи высочайшій рескриптъ финляндскому генералъ-губернатору твердо заявилъ, вопреки злоумышленной сепаратистской финляндской агитаціи, что финляндскій край «состоитъ въ собственности и державномъ обладаніи имперіи російской»,—чѣмъ навсегда опровергаются толки о небывалой личной уніи,—въ единственной европейской державѣ, гдѣ подобная унія дѣйствительно существуетъ, порывается и послѣдняя связь ея: норвежскій стортингъ, большинствомъ 59-ти голосовъ противъ 55-ти, потребовалъ для Норвегіи большей доли самостоятельности въ области шведско-норвежской политики. Министерство увидѣло въ этой резолюціи прямое стремленіе къ расторженію уніи и вышло въ отставку. Съ тѣхъ поръ какъ въ 1814 г. Норвегія была насильственно присоединена къ Швеціи, въ награду за то, что послѣдняя держава приняла сторону союзниковъ противъ Наполеона, норвежцы добились почти полной автономіи, имѣя отдѣльное управленіе, своихъ министровъ, свои законы, свою армію, свой флотъ, и только одного монарха и одно общее со Швеціею министерство иностранныхъ дѣлъ. Но и эта слабая связь казалась имъ стѣснительной, и теперь они добились права имѣть свою отдѣльную международную политику, на томъ основаніи, что во внѣшнихъ сношеніяхъ интересы Норвегіи жертвуются въ пользу шведскихъ интересовъ: Швеція слѣдуетъ покровительственной таможенной торговлѣ, и ея король—почтитель нѣмцевъ; Норвегія держится принциповъ свободной торговли и симпатизируетъ Даніи, съ которою была соединена въ теченіе столькихъ лѣтъ Норвежцы требуютъ также, чтобы изъ ихъ флага были исключены—помѣщенные скромно въ углу., шведскіе цвѣта и—чтобы король, по конституціи, былъ лишенъ права назначать своего сына вице-королемъ норвежскимъ. Что же останется въ такомъ случаѣ отъ всей уніи, и не придется ли опять Норвегіи соединиться съ Даніею, отъ которой она не отторгалась, начиная съ XIV столѣтія?..

Къ безпорядкамъ въ Бразиліи и Аргентинской республикѣ, прибавилась въ южной Америкѣ революція въ Чили. Волненія, періодически поднимающіяся въ этой части свѣта, не имѣли бы никакого отношенія къ Европѣ, еслибы правительства этихъ республикъ не надѣлали миллиардовъ долгу, и не сбывали большую часть своихъ облигацій на европейскія биржи. Спекуляція съ этими бумагами отзывается теперь и на солидныхъ банкирскихъ фирмахъ, какъ напр., на лондонскомъ домѣ Берринга. Чили до сихъ поръ не подвергалась экономическимъ и государственнымъ переворотамъ, и власть въ ней болѣе 30-ти лѣтъ находилась въ рукахъ консервативной партіи, состоящей изъ богатыхъ землевладѣльцевъ, но партія эта, преобладая въ странѣ, упорно тормозила всякое стремленіе къ прогрессу и народному развитію. Наконецъ, въ палатѣ

представителей либеральная партія взяла верхъ надъ ретроградной олигархіей и потребовала реформъ въ управленіи. Это, конечно, не понравилось правителямъ, и президентъ республики Бальмаседа, желая сохранить, власть, не задумался подавить народное представительство. Еще въ прошломъ году, когда конгрессъ отказался утвердить бюджетъ, представленный первымъ министромъ, Бальмаседа хотѣлъ разогнать палату и захватить диктатуру, но генералы отказались содѣйствовать ему, говоря, что армія не пойдетъ за ними. Пришлось уступить—и Бальмаседа уволилъ непопулярнаго министра внутреннихъ дѣлъ Санфуэнте и поручилъ либералу Прадѣ составить новое министерство. Миръ между двумя партіями былъ однако не продолжителенъ. Въ нынѣшнемъ году, Бальмаседа прогналъ Праду, но, принужденный сложить съ себя власть, по минованіи срока опредѣленнаго конституціей, задумалъ провести въ президенты свою креатуру Санфуэнте и началъ выборную кампанію въ его пользу. Это вызвало народное волненіе въ главнѣйшихъ городахъ республики: Сантъ-Яго и Вальпараисо, затѣмъ возмутился военный флотъ и къ инсургентамъ пристала часть арміи. Междоусобіе прежде всего отразилось на финансахъ страны и бумажныя деньги въ ней упали на 50 процентовъ. Многіе мѣдные заводы,—главная производительная сила Чили,—принуждены были прекратить свою работу, и это произвело сильный застой въ торговлѣ и промышленности.

Что касается до Аргентинской республики, то не мудрено, что крахъ ея финансовъ подѣйствовалъ даже на лондонскую биржу. Страну ограбили президентъ и правители. Хуаресъ Сельманъ не имѣлъ ничего при вступленіи въ президентство, а черезъ три года отправилъ уже въ Англію 30 милліоновъ рублей «сбереженія». Точно также разбогатѣли и помощники его по управленію, не только въ Буэносъ-Айресѣ, но и въ провинціи. Многіе изъ нихъ, чтобы нажитья скорѣе, занялись поддѣлкою банковыхъ билетовъ. Въ одной Кордобѣ открыта такая поддѣлка на 10 милліоновъ рублей. Въ городѣ Санта-Фе такая же сумма назначена была для мощенія улицъ, но изъ нея вдругъ куда-то улетучилось 9 милліоновъ. Чиновники добывали деньги и другимъ путемъ: они продавали городскую землю. Купившій участокъ за 10,000, черезъ двѣ недѣли, продавалъ его за 50,000; третій пріобрѣтатель получалъ уже 80,000, четвертый приглашалъ официальныхъ таксаторовъ изъ закладнаго банка и они оцѣнивали участокъ въ полтора милліона и выдавали за него въ ссуду милліонъ. Всѣ при этомъ страшно наживались, не исключая таксаторовъ, обладающихъ огромными состояніями. А еще говорятъ о воровствѣ европейскихъ банковъ и чиновниковъ! Да намъ надо брать уроки у американскихъ президентовъ и патріотовъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

А. Давидъ Соважэ. Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и въ искусствѣ. Переводъ А. Серебряковой. Изданіе Е. Т. Солдатенкова, Москва, 1891.

Знакомые съ литературой Франціи по произведеніямъ ея писателей и ученыхъ, мы мало знаемъ, что дѣлается въ ея академіяхъ и высшихъ образовательныхъ учрежденіяхъ. Сочиненія, представляемыя тамъ на конкурсъ и часто награждаемыя весьма значительными преміями, рѣдко переводятся на русскій языкъ, хотя многія изъ нихъ имѣютъ серьезное значеніе въ наукѣ и литературѣ. Одно изъ такихъ сочиненій, написанное молодымъ ученымъ, не вошедшимъ еще въ словари современныхъ знаменитостей, Ларусса, Вапери и Лерминá, увѣнчано недавно академіей моральныхъ и политическихъ наукъ и является въ русскомъ переводѣ. Трудъ этотъ касается предмета, которымъ особенно заняты въ настоящее время критика и общество во Франціи. Толкуютъ объ немъ и въ нашей литературѣ, хотя въ ней разработка критическихъ и эстетическихъ вопросовъ составляетъ рѣдкое явленіе. Но самый терминъ «реализмъ» явился у насъ раньше, чѣмъ во Франціи, гдѣ его ввелъ въ употребленіе въ 1851 году живописецъ Курбэ, хотя философская система, противоположная идеализму, развила еще въ средніе вѣка. Академія предложила разработать тему: историческое и критическое изслѣдованіе о реализмѣ въ поэзіи и искусствѣ, и Соважэ написалъ цѣлый трактатъ, занимающій въ русскомъ переводѣ томъ въ 350 компактныхъ страницъ, въ которомъ, расширивъ программу, затрогиваетъ религіозный и моральный реализмъ Англіи и Россіи (последній, впрочемъ, весьма поверхностно), устанавливаетъ принципы реализма, большею частью по сочиненіямъ его главы—Золя, и опровергаетъ эту систему путемъ разсмотрѣнія ея доктринъ. Такимъ образомъ, авторъ является въ своемъ сочиненіи приверженцемъ идеализма, имѣющаго и въ наше время немало поклонниковъ. Опроверженіе всякой философской системы должно имѣть мѣсто въ исторіи науки, но для полноты изслѣдованія, для убѣжденія читателя въ ложности какой либо доктрины, необходимо противопоставить ей и противоположное ученіе, безъ чего выводы автора не будутъ полны и неопровержимы. И вотъ въ этомъ-то состоитъ основной недостатокъ книги Соважо. Опровергая по-

дробно и логично многія крайнія и ошибочныя увлеченія реализма, онъ очень мало говоритъ объ идеализмѣ, а принявъ на себя, съ расширеніемъ заданной темы, обязанность доказать и несостоятельность изслѣдуемаго ученія, необходимо было противопоставить ему ученіе противниковъ. Только всестороннее изслѣдованіе доктрины и всего, что было высказано за и противъ нея, утверждаетъ ея прочность или ошибочность. Своему трактату Соважо предпослалъ извлеченіе изъ доклада о его трудѣ члена академіи по отдѣлу морали, Марта, автора замѣчательнаго этюда: «Философы и поэты - моралисты, во времена римской имперіи», появившагося въ 1879 году въ русскомъ переводѣ М. Борсака, въ изданіи того же К. Т. Солдатенкова. Въ общихъ чертахъ, съ мнѣніемъ, Марта о значеніи книги Соважо можно согласиться, тѣмъ болѣе, что, слѣдуя указаніямъ докладчика, авторъ многое развилъ въ своемъ трудѣ, а иное сократилъ. Но докладчикъ не говоритъ ничего о существенномъ пробѣлѣ въ книгѣ — умолчаніи о доктринѣ идеализма, а на это слѣдовало бы обратить вниманіе, особенно съ академической точки зрѣнія. Авторъ дробитъ свое изслѣдованіе на слишкомъ мелкія главы, книги, параграфы, давая имъ поминутно различныя заголовки. Такое дробленіе можно было бы допустить, еслибы заголовки подраздѣленій соответствовали отчасти тому, что они общають. Но вотъ въ оглавленіи вы видите часть четвертую, въ которой, за введеніемъ, слѣдуютъ глава первая и вторая, гдѣ говорится о реализмѣ дидактическомъ. Здѣсь опять три отдѣла, и второй озаглавленъ такъ: «русская школа—Л. Н. Толстой, М. Э. Достоевскій» (хоть бы переводчица поправила ошибку въ инициалахъ!)—Вы обращаетесь къ этому отдѣлу съ цѣлью узнать, что говоритъ французскій критикъ о русскихъ писателяхъ, и находите — на одной страничкѣ — и нѣсколько строкъ о Достоевскомъ изъ книги Вогюэ «Le roman russe»: «его книги вытекаютъ непосредственно изъ Дѣяній апостольскихъ» и пр., а о Толстомъ только то, что онъ думаетъ вмѣстѣ съ Достоевскимъ пересоздать общество проповѣдью христіанской любви и милосердія. Немного же узнаютъ французы изъ этихъ строкъ.

Вообще, часть критическая у автора гораздо слабѣе части исторической. Марта правъ, говоря, что въ разборѣ греческой и римской древности авторъ обнаруживаетъ «большую эрудицію, полную увѣренности и осторожности». Осторожности, впрочемъ, тутъ еще больше, чѣмъ эрудиціи. Въ исторіи среднихъ вѣковъ авторъ, по мнѣнію докладчика, уже слишкомъ усердно старался отыскать предковъ нашихъ реалистовъ. Съ этимъ нельзя согласиться, и изслѣдованіе автора о влияніи варваровъ на происхожденіе реализма, и христіанства на развитіе реализма безразличнаго, или натурализма, гораздо полнѣе и интереснѣе толковъ о грекахъ и римлянахъ. Нельзя также признать мнѣнія Марта, что реализмъ временъ реформаціи и возрожденія имѣлъ апостолическій характеръ. Лучшія

страницы труда Соважо посвящены критикѣ XVIII вѣка, и почти забываютъ теперь публицисту Мерсье, въ которомъ, однако, авторъ напрасно видитъ предтечу нынѣшняго реализма. И раньше его было немало писателей, имѣющихъ не меньше правъ на это званіе. Въмѣстѣ съ литературою авторъ говоритъ и о реализмѣ въ искусствахъ, не выдѣляя ихъ въ отдѣльную главу, но его замѣчанія, относящіяся къ исторіи искусства въ разные эпохи, отрывочны, бессистемны и касаются большею частью одной живописи, почти вовсе не затрагивая другихъ видовъ искусства, какъ напримѣръ, музыки. Критику автора Марта находятъ «утонченной, учтливой, а иногда и остроумной», и даже его «нѣсколько вульгарныя описанія всегда проникнуты привлекательнымъ реализмомъ». Это настоящая академическая похвала, ставящая всегда на первое мѣсто «изящество вкуса». Безъ этого достоинства, Соважо не получилъ бы и награды. Языкъ его простъ и не безцвѣтенъ, но ему недостаетъ силы, аргументаціи, и вообще доказательства его не отличаются особенною твердостью. Какъ всѣ противники какой либо философской системы, авторъ вѣрно подмѣчаетъ ея недостатки, но не говоритъ объ ея хорошихъ сторонахъ. Причисляя къ реалистамъ тѣхъ или другихъ писателей, онъ не обращаетъ вниманія на ихъ произведенія, написанныя въ совершенно противоположномъ духѣ. Наконецъ, по нѣкоторымъ сужденіямъ его, можно заключить, что авторъ не только идеалистъ, но и спиритуалистъ, что еще болѣе суживаетъ горизонтъ его эстетическихъ воззрѣній и заставляетъ читателя относиться къ нему съ недоувѣрчивостью, какъ къ адепту далеко не всѣми раздѣляемаго ученія. Книга его также много выиграла бы, еслибы онъ изложилъ ее въ болѣе сжатомъ видѣ, хотя и теперь она читается съ большимъ интересомъ и знакомитъ читателя со многими мало извѣстными писателями, ихъ мнѣніями и произведеніями. Языкъ перевода вполне литературный. Переводчица мѣстами дѣлаетъ примѣчанія, не всегда точныя. Такъ, мимами назывались народныя сцены не въ одной древней Сициліи; старинныя длинныя пушки назывались кулеверинами, а не кервуленами, и пр.

Будущій вѣкъ. Романъ *Эдварда Беллами*. Переводъ съ англійскаго Л. Гей. Спб. 1891.

Въ послѣднее время, въ Сѣверной Америкѣ и Англии надѣлалъ много шума романъ молодого писателя, доставившій извѣстность автору, до того времени почти совершенно неизвѣстному. Романъ вышелъ уже во французскомъ и нѣмецкомъ переводѣ, а теперь является и на русскомъ языкѣ. Что же обратило на него вниманіе европейской публики или, скорѣе, избраннаго, интеллигентнаго круга, такъ какъ книга Беллами написана и для массы читателей? Форма романа неудачна, написанъ онъ очевидно неопытнымъ авторомъ, и притомъ сухимъ и тяжелымъ языкомъ. Но содержание романа касается такой злобы дня, которая не можетъ не ин-

тересовать современное общество. Это одна изъ тѣхъ утопій, которыя со временъ Томаса Моруса, и даже еще раньше, являются въ литературѣ, какъ попытка проникнуть въ болѣе или менѣе отдаленное будущее и, по даннымъ развивающагося прогресса, очертить фантастическую картину этого будущаго со всѣми желаемыми улучшениями. Такихъ экскурсій въ грядущіе вѣка являлось немало въ последнее время, и романъ Беллами переноситъ насъ въ послѣдній годъ XX столѣтія, въ общество, успѣвшее уже избавиться отъ всѣхъ мрачныхъ явленій нашего вѣка и устроиться вполне рационально. Въ Бостонѣ, въ 1887 году, богатый тридцатилѣтній капиталистъ Вестъ, страдающій бессонницею, устраиваетъ въ своемъ деревянномъ домѣ, въ рабочемъ кварталѣ, подземную каменную спальню, чтобы его не беспокоилъ уличный шумъ. Но и это средство не помогаетъ ему въ болѣзни, и, если ему не удастся заснуть двѣ-три ночи сряду, его гипнотизируетъ докторъ и на утро выводитъ изъ магнетическаго транса до того легкими пассами, что часто поручаетъ, вмѣсто себя, производить эти манипуляціи негру, служащему у Веста. Капиталистъ—женихъ и скрываетъ свою болѣзнь отъ невѣсты. Точно также о способѣ лѣченія и о подземной спальнѣ знаютъ только докторъ и негръ. Однажды Вестъ посылаетъ за докторомъ и проситъ его уснуть. Тотъ отвѣчаетъ, что уѣдетъ въ эту же ночь въ Нью-Орлеанъ и поручитъ гипнотизированіе своему коллегѣ, но все таки усыпляетъ его въ послѣдній разъ, давая наставленіе негру, какъ на другое утро разбудить барина. Тотъ засыпаетъ — и просыпается въ сентябрѣ двухтысячнаго года. Его возвращаетъ къ жизни докторъ Литъ, вздумавшій устроить въ старомъ саду за своимъ домомъ лабораторію. Когда стали рыть землю для фундамента, нашли уголь каменной постройки и открыли склепъ, засыпанный слоемъ золы и угольевъ, доказывающимъ, что верхнее зданіе сгорѣло. Въ склепѣ спалъ Вестъ, разбуженный Литомъ черезъ 113 лѣтъ и четыре мѣсяца. Докторъ объясняетъ ему возможность такого продолжительнаго гипнотическаго сна въ сухомъ помѣщеніи, недоступномъ влажному воздуху, при безусловной остановкѣ всѣхъ жизненныхъ функций. Взглянувъ съ бельведера дома на Бостонъ XX вѣка, Вестъ убѣждается въ томъ, что онъ проспалъ слишкомъ столѣтіе—до того не похожъ его родной городъ на тотъ, какимъ онъ былъ въ XIX вѣкѣ. Литъ начинаетъ объяснять ему устройство общества въ 2000 году и изъ 28 главъ романа болѣе 20-ти проходятъ въ этихъ бесѣдахъ и объясненіяхъ, любопытныхъ для интересующагося социальными и экономическими вопросами, но утомительныхъ для читателя, который щетъ въ книгѣ не одного рѣшенія этихъ вопросовъ, но и романтической бабулы. Бесѣда начинается, конечно, съ рабочаго вопроса, «этой загадки-финкса въ XIX столѣтіи». Оказывается, что XX вѣкъ разрѣшилъ ее окончательно и вообще ознаменовался такими переворотами, какихъ не про-

исходило въ теченіе предъидущихъ тысячелѣтій. Романъ Беллами, конечно, фантастическій, но всего фантастичнѣе въ немъ именно это слишкомъ быстрое рѣшеніе вопроса, надъ которымъ ломали головы цѣлыя поколѣнія гуманистовъ. 113 лѣтъ, даже больше, можетъ не только проспаться, но даже прожить не одинъ человѣкъ, а въ этотъ—вовсе не такой продолжительный—періодъ времени на землѣ исчезли солдаты, купцы, чиновники, дипломаты, всѣ непроизводительные классы общества, а главное: богатые и бѣдные, порочные и праздные; уничтожились законы, война, тюрьмы, казармы, таможи, конкуренція, обманы, а главное—деньги. Не слишкомъ ли быстро такое превращеніе? Возможно ли оно безъ того, чтобы не измѣнилась самая природа человѣка, хотя этого и не признаётъ докторъ Литъ. Постоянные и повсемѣстные кризисы XIX вѣка, социальные и промышленные, недовольство всѣхъ классовъ, неравенство сословій, всеобщая нужда человечества, и полное довольство, равенство XX вѣка, преобразование правительствъ въ торгово-промышленныя корпораціи, непроизводительной солдатчины въ рабочую армію, — разница между этими двумя формами цивилизаціи слишкомъ велика и не могла произойти такъ скоро только оттого, что нація стала единственнымъ капиталистомъ, конечной монополіей, поглотившей всѣ другія монополіи. Народъ Соединенныхъ Штатовъ взялъ на себя управленіе своими торгово-промышленными дѣлами, какъ двѣсти лѣтъ назадъ взялъ на себя свое политическое управленіе. И это сосредоточеніе всей промышленности страны подъ національнымъ контролемъ совершилось безъ всякихъ насилій, такъ какъ народъ видѣлъ, что при крупныхъ монополіяхъ дѣла идутъ лучше. Докторъ Литъ не говоритъ только, добровольно ли монополисты передали свои дѣла въ руки народа или правительства, и вообще умалчиваетъ о способахъ, какими достигалось все это сказочное благоденствіе и процвѣтаніе. А въ этомъ-то и заключается все рѣшеніе социального вопроса. Многіе сознаютъ необходимость реформъ и уступокъ, но какъ скоро личные интересы придутъ въ столкновеніе съ общественными—находится немного охотниковъ отказаться отъ своихъ частныхъ выгодъ. Поэтому всѣ роскошныя картины блаженной жизни въ XX вѣкѣ, рисуемыя авторомъ, кажутся только пріятнымъ сномъ, каковымъ и оказывается весь романъ, такъ какъ въ послѣдней главѣ его Вестъ просыпается снова въ своей подземной спальнѣ XIX вѣка. Отправляясь къ своей невѣстѣ, онъ проходитъ фабричнымъ кварталомъ и видъ страшной бѣдности побуждаетъ его, на обѣдѣ у своего будущаго тестя-банкира, произнести жаркую рѣчь въ защиту обездоленныхъ. Рѣчь эта довольно безцвѣтна (хотя она все же лучше невыносимо скучной рѣчи пастора XX вѣка въ романѣ), но банкиръ приказываетъ вывести неудачнаго оратора. Онъ сопротивляется, борется и, вслѣдъ затѣмъ, «очутился сидящимъ на постели, въ спальнѣ у доктора Литы». Стало быть, и возвраще-

ніе въ XIX столѣтіе было тоже сномъ! Это—уже совершенно неудачное—окончаніе романа ослабляетъ производимое имъ впечатлѣніе, хотя голосъ совѣсти говоритъ автору: «лучше было бы тебѣ защищать распятое челоуѣчество среди издѣвающагося надъ нимъ поколѣнія, чѣмъ пить изъ колодезь, которыхъ ты не рылъ, и ѣсть плоды съ деревьевъ, насадителей которыхъ ты самъ побивалъ камнями». У автора есть также прекрасное сравненіе современнаго общества съ громаднымъ дилижансомъ, въ который выражены массы людей, везущіе его по торной гористой дорогѣ. На верху экипажа также сидѣли пассажиры на мягкихъ и удобныхъ мѣстахъ, съ которыхъ они не слѣзали, но понукали массу тащить экипажъ, хотя многіе и сожалѣли о труженикахъ, особенно о тѣхъ, кто падалъ отъ изнеможенія и былъ тотчасъ затоптанъ въ грязь. Иные одобряли массу, «внушали ей терпѣніе и утѣшали надеждами на высшую награду въ лучшемъ мірѣ за ея тяжелую долю; другіе верхніе пассажиры жертвовали на покупку мазей и лѣкарствъ для искалѣченныхъ и помятыхъ. Всѣ жалѣли, что колымагу такъ тяжело тащить, и радовались, когда экипажъ минуетъ особенно тяжелое мѣсто. Но это чувство относилось не исключительно къ упряжнымъ, и въ дурныхъ мѣстахъ дороги всегда существовала опасность, что весь экипажъ опрокинется, а тогда и верхніе пассажиры потеряли бы свои мѣста».

Нижегородскій сборникъ, издаваемый подъ редакцію *А. С. Гацискаго*. Томъ десятый. Нижній-Новгородъ, 1890.

De mortuis aut bene aut nihil! Это ложно понимаемое изреченіе классическаго Рима припоминается невольно при взглядѣ на десятый томъ «Нижегородскаго сборника». На первой же страницѣ мы читаемъ: «Мы предполагали, при выходѣ изъ печати IX тома «Нижегородскаго сборника», поговорить съ читателемъ подробнѣе, но съ выпускомъ въ свѣтъ настоящаго X тома, дѣятельность наша на страницахъ этого изданія прекращается, за отсутствіемъ денежныхъ средствъ для его продолженія, надолго, быть можетъ, а всего вѣроятнѣе—навсегда». Итакъ, разумно начатое предпріятіе просуществовало съ перерывами двадцать три года и прекратилось по недостатку денегъ, то есть вслѣдствіе равнодушія публики. Въ рецензій на книгу В. А. Бильбасова («Наблюдатель» за іюнь 1890 г.) была высказана мысль, что исторія Россіи разработана очень плохо; соглашаясь вполне съ этимъ, необходимо напомнить, что лучшимъ средствомъ пополнить существующіе въ исторіи пробѣлы, это—предпринять побольше такихъ изданій, какъ «Нижегородскій сборникъ». Только тогда, когда будетъ разработана прошлая судьба каждой отдѣльной мѣстности и разработана мѣстными же интеллигентными дѣятелями, только тогда можно будетъ свергнуть съ себя забавную опеку нѣмецкихъ геллертовъ-кропателей и начать писать дѣйствительную исторію Россіи. А между тѣмъ, скромныя попытки въ этомъ направленіи разбиваются о

равнодушіе публики,—говоря фигурально,—какъ лодка о скалистый берегъ, и исчезаютъ безъ поддержки, безъ участія, безъ привѣта! Очевидно, русское общество не сознало еще серьезной надобности знать свое правдивое прошлое. По этой-то причинѣ, всё старанія такихъ труженниковъ, какъ А. С. Гацискій, пропадаютъ какъ-то безслѣдно, и заботливо собираемые матеріалы историческіе, этнографическіе и статистическіе, остаются въ забвеніи и неизвѣстности. Умирающій «Нижегородскій сборникъ» не могъ сдѣлать самъ себѣ лучшей эпитафіи, какъ приведа полностью оглавленіе всёхъ своихъ томовъ, чтобы показать, какъ плодотворна была дѣятельность скромныхъ провинціаловъ и сколько они работали. Можно быть увѣреннымъ, что наступитъ время, когда русское общество съ благодарностью оглянется на невидную сразу дѣятельность такихъ людей, какъ А. С. Гацискій, А. И. Борисовскій, М. М. Поспѣловъ, М. В. Бравина, В. Ф. Кудрявцевъ, В. И. Снѣжневскій и другіе. Еслибы въ каждой губерніи издавались такіе «Сборники», то несомнѣнно, что матеріалъ для знакомства съ прошлымъ и настоящимъ Россіи достигъ бы такихъ размѣровъ, которые позволили бы приступить серьезно къ ея прагматической исторіи. Такая исторія значительно разнилась бы отъ сочиненій Карамзина, Соловьева и Устрялова, не сумѣвшихъ избавиться отъ воззрѣній и убѣжденій, навязанныхъ тевтонскими культуртрегерами. Въ объемистомъ десятомъ томѣ «Нижегородскаго сборника» (700 стр. in 8) преимущественное вниманіе читателя останавливается на трехъ статьяхъ А. С. Гацискаго: «На Сундовикѣ», «Въ Жарахъ» и «На Сити на рѣцѣ», да на статьѣ В. И. Снѣжневскаго: «Къ исторіи побѣговъ крѣпостныхъ въ послѣдней четверти XVIII и въ XIX столѣтіяхъ». Въ первой статьѣ авторъ описываетъ свою поѣзду въ макарьевскій уѣздъ, на берега рѣки Сундовика, для ознакомленія съ находящимся тамъ колычевскимъ курганомъ; во второй статьѣ рассказана поѣздка въ Балахонскій уѣздъ (а не Балахнинскій, какъ пишутъ въ учебникахъ) въ бывшую усадьбу князя Д. М. Пожарскаго, расположенную въ мѣстности, называемой Жары; третья статья посвящена поѣздкѣ на берега рѣки Сити, въ кашинскомъ уѣздѣ, для опредѣленія мѣста сраженія 4 марта 1248 г., въ которомъ погибъ великій князь Юрій II. Матеріаломъ для статьи В. И. Снѣжневскаго послужили дѣла старыхъ уѣздныхъ судовъ «нижегородскаго округа», хранящіеся въ историческомъ архивѣ нижегородской ученой архивной комисіи. Высказавъ правильный взглядъ на старинную привычку русскихъ крестьянъ «разбрестись розно», авторъ прямо переходитъ къ царствованію Екатерины II и рисуетъ неприглядную картину ближайшихъ поводовъ для побѣга крестьянъ отъ своихъ помѣщиковъ. Они бѣжали въ казачьи слободы по Дону и Уралу, бѣжали въ новороссійскія степи, наконецъ, въ Молдавію и Турцію; ихъ преслѣдовали, ловили, возвращали помѣщикамъ, жестоко наказывали, но

любви не прекращались и похождения некоторых бѣглыхъ напоминаютъ романы Майнъ-Рида и Купера. Блестящія страницы царствованія Екатерины II, составленныя подъ громъ славныхъ побѣдъ, немного блѣднѣютъ, когда вчитаясь и вдумаясь во внутреннюю жизнь тогдашняго государственнаго организма; неизбѣжно приходится сознаться, что официальные реляціи не составляютъ еще исторіи...

Настольный энциклопедическій словарь, изданіе А. Гарбеля и К^о. Первые десять выпусковъ. Москва, 1890—1891.

Въ то время, когда за границею многотомные энциклопедическіе словари благополучно оканчиваются и выходятъ пятымъ или шестымъ изданіемъ, въ Россіи всѣ попытки создать такой словарь кончаются неудачею и предпринимаемыя изданія прекращаются черезъ нѣсколько выпусковъ. Благодаря этому, русское интеллигентное общество все настоятельнѣе чувствуетъ потребность въ энциклопедическомъ словарѣ, который далъ бы возможность получить ту или другую необходимую справку, неходя, такъ сказать, съ мѣста. Но желать — это одно, а получить — совсемъ другое! По крайней мѣрѣ, законное желаніе русскаго общества не исполнено до настоящаго времени. Въ виду этого, каждая попытка создать желаемый словарь естественно обращаетъ на себя усиленное вниманіе. Въ числу подобныхъ попытокъ принадлежитъ словарь, начатый въ Москвѣ Адольфомъ Гарбелемъ и К^о; мы говоримъ: «попытокъ», такъ какъ еще неизвѣстно, будетъ ли этотъ словарь доведенъ до конца, или нѣтъ. Прежде чѣмъ пріобрѣсти какой бы то ни было словарь, всякій вправѣ задаться вопросомъ: насколько этотъ словарь удовлетворяетъ разумнымъ требованіямъ и насколько онъ обезпечиваетъ достаточно полную и точную справку? Чтобы убѣдиться въ этомъ, недостаточно перелистовать одинъ или два выпуска, а необходимо продержатъ книгу нѣсколько недѣль у себя и пользоваться ею на практикѣ. Только тогда можно убѣдиться серьезно въ положительныхъ или отрицательныхъ качествахъ словаря, оцѣнить его хорошія и дурныя стороны. Всякій другой способъ неминуемо заставитъ дать легкомысленный или недобросовѣстный отзывъ. По этой-то причинѣ мы и заговорили такъ поздно о словарѣ Гарбеля и Комп. Между тѣмъ, первое, что бросается въ глаза при пересмотрѣ обертковъ словаря, начиная же со втораго выпуска, это — обиліе выдержекъ изъ газетныхъ рецензій относительно самого словаря; и, странное дѣло, всѣ эти выдержки, отъ первой до послѣдней, относятся съ безусловными похвалами и одобреніями къ изданію Гарбеля и Комп. Такое умилительное единодушіе невольно вызываетъ подозрѣніе во всякомъ, кто знакомъ съ теперешнимъ положеніемъ литературной критики въ Россіи, о чемъ было замѣчено въ февральской книгѣ «Наблюдателя». При внимательномъ просмотрѣ упомянутыхъ выдержекъ, оказалось, что отзывы о русскомъ словарѣ для русскаго общества были даны слѣдующими періодическими изданіями:

«Duna Zeitung», «Moscauer Deutsche Zeitung», «Zeitung für Stadt und Land», «St.-Petersburger Herold», «Kündja» (въ Ригѣ на эстонскомъ языкѣ), «Sakala» (изданія въ Феллинѣ на эстонскомъ языкѣ), «Гацефира» (въ Варшавѣ на еврейскомъ языкѣ); изъ русскихъ же изданій первыми откликнулись: «Терскія Вѣдомости», «Орловскій Вѣстникъ», «Московская иллюстрированная Газетка», «Вѣстникъ общества покровительства животнымъ»; «Новый Русскій Базаръ», «Крымскій Вѣстникъ», «Зубоврачебный Вѣстникъ» и трое «Епархіальныхъ Вѣдомостей». Или—это дерзкое глумленіе надъ простодушною русскою публикою, или ловкій приемъ беззастѣнливаго гешефтмахерства — пускать пыль въ глаза! Замѣтимъ, что большинство отзывовъ съ трогательнымъ однообразіемъ расхваливаютъ шрифтъ, полученный изъ словолитни Исидора Гольдберга, достаточно зарекомендовавшаго себя во многихъ петербургскихъ типографіяхъ. Благодаря всему этому, первое впечатлѣніе отъ словаря Адольфа Гарбеля и комп. получается очень невыгодное для него; чересчуръ что-то отзывается гешефтомъ и спекуляціею на довѣрчивость русской публики. Но оставимъ это и обратимся къ самому словарю. Къ сожалѣнію, справки, предлагаемыя редакціею (изъ скромности, вѣроятно, анонимною), съ первой же страницы обнаруживаютъ полнѣйшую невѣжественность господъ сотрудниковъ и зачастую незнаніе ими русскаго языка. Чтобы не быть голословнымъ, приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ химіи азотъ обозначается буквою N (отъ nitrogenium), а по словарю—буквою A. Множество рѣкъ въ Европѣ носятъ названіе Aa, что значитъ на кельтскомъ языкѣ: «проточная вода», по словарю же—Aa есть древне-германское слово и значитъ просто «вода». Официально христіанство существуетъ въ Россіи съ 865 года, когда въ Кіевъ былъ присланъ архіепископъ Алексѣй, слѣдовательно, христіанству въ Россіи идетъ 1026-ой годъ; по словарю же, въ статьѣ: «Амвросій Орнатскій», всего только 800 лѣтъ. Въ древнемъ Египтѣ былъ городъ Ха-Сутенъ, названный въ географіи Птолемея Алабастронполисомъ; по словарю, городъ всегда назывался: Алабастронъ. Св. Амвросій, до избранія въ епископы, былъ префектомъ Лигуріи; по словарю, онъ былъ префектомъ Медиолана. Жена Ярослава I, Ингигердисъ, въ православіи названа Ириной и скончалась 10-го февраля 1050 г.; по словарю, она была названа Анной, скончалась въ 1051 г. и имѣла въ приданое отъ отца, короля шведскаго, Старую Ладогу. Правописаніе египетскихъ именъ сохранено вездѣ въ греческой формѣ, а большинство другихъ (европейскихъ) въ нѣмецкой. Оставляемъ безъ вниманія массу пропусковъ, массу лишняго хлама, недомолвки и умолчанія, наконецъ, опечатки или ошибки въ числахъ, словахъ и сокращеніяхъ (Арагаты имѣетъ 17,000 жителей, вмѣсто футовъ) и обиліе устарѣлыхъ или ложныхъ справокъ. Приходится прийти къ убѣжденію, что весь словарь есть неприличная спекуляція.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Биографическая библіотека Ф. Павленкова.

1) *И. Н. Крамской.* Его жизнь и художественная дѣятельность, очеркъ *А. Цомакіона.* Спб. 1891.

2) *И. Лойола.* Его жизнь и общественная дѣятельность, очеркъ *А. Быкова.* 1891.

3) *А. Шопенгауеръ.* Его жизнь и философская дѣятельность, очеркъ *Э. Ватсона.* 1891.

Г. Павленковъ принадлежитъ къ разряду весьма немногочисленныхъ серьезныхъ издателей, которыхъ привлекаетъ къ книжному дѣлу не одна комерческая сторона его, но цѣли этическія, литературныя и художественныя. Онъ издалъ много хорошихъ учебныхъ руководствъ и пособій, дѣтскихъ книгъ, публицистическихъ и беллетрическихъ сборниковъ, сочиненія Пушкина, Глѣба Успенскаго, Рѣшетникова, Шелгунова. Есть между напечатанными имъ книгами и такія, которыя можно было бы и вовсе не выпускать въ свѣтъ, но нѣтъ ни одной, изданной съ цѣлью спекуляціи и потворства низменному вкусу малообразованныхъ читателей. Съ нынѣшняго года начала появляться, какъ говоритъ онъ самъ: «задуманная имъ биографическая библіотека». «Задумывать» тутъ особенно было нечего, такъ какъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ существуетъ много подобныхъ изданій, не говоря уже о многотомныхъ сборникахъ, посвященныхъ исключительно біографіи замѣчательныхъ лицъ. Да и на русскомъ языкѣ было нѣсколько такихъ книгъ, и лишь недавно прекратилась библіотека иностранныхъ писателей, прекрасно составленная В. В. Чуйко, въ которой, кромѣ біографіи и оцѣнки ихъ дѣятельности, помѣщались въ переводѣ и отрывки изъ ихъ сочиненій. Каждая такая книжка была довольно пространна и стоила 75 коп. Это, вѣроятно, и было причиною неуспѣха весьма полезнаго предпріятія. А. С. Суворинъ издалъ также, два года назадъ, «Портретную галерею русскихъ дѣятелей», издаетъ и теперь такую же галерею дѣятелей иностранныхъ. Каждый выпускъ заключаетъ въ себѣ восемь портретовъ съ біографіями и стоитъ 2 рубля, то есть по 25 копѣекъ за каждое лицо, — та же цѣна назначена за томики г. Павленкова, также съ хорошими портретами. Но изданіе Суворина роскошное, портреты въ листъ (in folio) исполнены художественно, и только біографіи ограничиваются сотнею строкъ, тогда какъ у г. Павленкова онѣ занимаютъ сто страницъ. Но въ этомъ-то и весь вопросъ: нужны ли для такого изданія обширныя біографіи? Конечно, для русскаго человѣка полезно и любопытно знать подробности жизни и трудовъ такихъ лицъ, какъ Ломоносовъ, Петръ I, Пушкинъ, Гоголь, но вѣдь объ нихъ не скажешь всего и на сотни страницъ, и изучать этихъ лицъ надо въ отдѣльныхъ, посвященныхъ имъ, монографіяхъ, а читать сотни страницъ о Крамскомъ, Каразинѣ, Арагчевѣ, Щепкинѣ, или объ

Лойолѣ, Меттернихѣ, Боперникѣ, Ротшильдѣ и др. не лишній ли трудъ? Французы безспорно большіе мастера въ составленіи брошюръ такого рода. Не говоря уже о старыхъ біографіяхъ, издававшихся Мирекурромъ, или Ипполитомъ Кастилемъ (последнія очень цѣнны, хотя и стоили 50 сантимовъ за книжку) возьмемъ одно изъ послѣднихъ подобныхъ изданій Каятена: *Les célébrités contemporaines*. Въ каждой брошюрѣ 30 — 32 страницы, каждая въ 26 строкъ разгонистаго шрифта, съ портретомъ и автографическимъ факсимиле, стоитъ 75 сантимовъ; написаны онѣ знатоками своего дѣла: Кларети, Буржэ, Пельтаномъ, Мопасаномъ, и написаны бойкимъ, часто блестящимъ языкомъ, но и тутъ, на 30-ти страницахъ, много лишняго и мало интереснаго, много чисто французской болтовни о личныхъ отношеніяхъ біографовъ къ описываемымъ лицамъ. А у насъ, сжатымъ компактнымъ шрифтомъ (37 строкъ въ страницѣ), разсказывается, какой великій художникъ Крамской и самъ по себѣ, и по отношенію къ товарищамъ, какой онъ и художественный критикъ, и человѣкъ, и семьянинъ. Обо всемъ этомъ, съ 1887 года, написанъ десятокъ статей въ нашихъ журналахъ гг. Стасовымъ, Собко, Воскресенскимъ, Рѣпинымъ, Ковалевскимъ, Трубачовымъ, Васильевымъ. Г. Суворинъ издалъ огромный томъ съ перепискою Крамскаго и его художественными статьями. Матерьялъ обильный; было изъ чего составить біографію и не въ сотню страницъ. Но кому это нужно, послѣ всего, что уже написано объ немъ? Человѣкъ безспорно даровитый, талантъ самородный, но не составившій школы въ искусствѣ, не создавшій ничего, что навсегда осталось бы въ исторіи живописи, не высказавшій въ своей художественной критикѣ никакихъ особенно блестящихъ и выдающихся мыслей, — почему онъ одинъ изъ всѣхъ нашихъ художниковъ попалъ въ «біографическую бібліотеку», имъ же и начавшуюся? (въ спискѣ будущихъ замѣчательныхъ людей внесенъ еще Верещагинъ, а изъ музыкантовъ одинъ Глинка). Такихъ вопросовъ можно было бы сдѣлать немало, особенно по отношенію къ беззачетной восторженной оцѣнкѣ трудовъ художника. Біографія не должна превращаться въ панегирикъ, особенно когда имѣются уже всѣ данныя для вѣрнаго сужденія о степени значенія художника. При жизни, его можно было поднимать на пьедесталъ, въ виду заслуживающей участія борьбы его съ заплѣсневѣлою академическою рутинною; по смерти же, надо было строже отнестись къ его живописнымъ произведеніямъ. Авторъ не соблюдаетъ этого: все, что дѣлалъ, говорилъ, писалъ Крамской — прекрасно и заслуживаетъ, если не удивленія, то одобренія. Съ такими выводами и хорошо составленная брошюра не достигаетъ своей цѣли. Написана біографія литературнымъ языкомъ, но встрѣчаются досадныя опечатки. Такъ, на стр. 16-й художникъ, начавшій съ очень скромныхъ работъ, названъ «богомъ рагуши», вмѣсто «бога ретуши».

Жизнь основателя иезуитскаго ордена написана еще ровнѣе и литературнѣе и занимаетъ болѣе ста страницъ, но оттого, что изъ девяти главъ первая посвящена очерку эпохи возрожденія, послѣдняя—обзору исторіи иезуитовъ въ Россіи, а 7-ая—уставу ордена. Всѣ остальные главы посвящены жизнеописанію самого Лойолы, мало интересному и которое могло бы явиться въ значительно сокращенномъ видѣ. Было бы гораздо интереснѣе, еслибы авторъ разсказалъ, какъ Климентъ XIV уничтожилъ орденъ, какія преступленія совершали иезуиты во всѣхъ странахъ, и какъ ихъ отовсюду изгоняли. Прямаго отношенія къ Лойолѣ это бы не имѣло, но было бы все таки важнѣе подробностей о проповѣдяхъ фанатика и объ его отношеніяхъ къ папѣ Павлу III. О иезуитахъ, по крайней мѣрѣ, у насъ, не много писали по русски, и г. Быковъ извиняется передъ читателями въ неполнотѣ своего очерка, по недостатку доброкачественнаго историческаго матеріала. Онъ называетъ даже восемь писателей, труды которыхъ весьма сомнительны со стороны исторической критики, но могъ бы назвать ихъ и гораздо больше, особенно итальянцевъ, считавшихъ Лойолу святымъ. Да и изъ перечисленныхъ имъ сочиненій, послужившихъ источникомъ для составленія брошюры, развѣ только книги Ранке да Моршкина могутъ дать хорошій матеріалъ. Кто же въ наше время, для ознакомленія съ Лойолою, будетъ справляться съ французскимъ переводомъ книги Рибаденейры, изданнымъ въ 1607 г. или даже съ позднѣйшимъ сочиненіемъ Вольфа 1803 года? Мы убѣждены, что для составленія своего очерка авторъ и не заглядывалъ въ эти источники, которые и имѣть подъ рукою очень трудно. Да и зачѣмъ? Стоитъ заглянуть въ любой биографическій словарь, хоть «Nouvelle biographie générale» Гёффера, чтобы найти матеріалъ и для очерка и для узаванія на всѣ эти сомнительные «источники».

Г. Ватсонъ, въ своемъ очеркѣ Шопенгауэра, пользуется только послѣдними источниками объ этомъ философѣ, начиная съ шестидесятыхъ годовъ. Русская публика съ нимъ хорошо знакома, такъ какъ почти всѣ его сочиненія переведены у насъ А. Фетомъ и друг., и въ столѣтнюю годовщину его рожденія, въ 1888 году, московское психологическое общество, въ своихъ трудахъ, издало цѣлый рядъ статей о жизни, философіи, нравственномъ ученіи и теоріи знанія Шопенгауэра, написанныхъ гг. Штейномъ, Гротомъ, Лопатинымъ, Преображенскимъ. Кромѣ того, въ 1887 году В. И. Штейнъ издалъ первый томъ обширнаго труда: «Шопенгауэръ, какъ человѣкъ и мыслитель». Объ этой книгѣ, основанной на обширномъ трудѣ Вильгельма Гвиннера, мы отдали подробный отчетъ во время ея появленія, также какъ о переводахъ г. Фета, и потому считаемъ излишнимъ возвращаться къ оцѣнкѣ системы философа и ея значенія для русскихъ читателей. Человѣкъ, котораго Л. Н. Толстой называетъ гениальнѣйшимъ изъ людей и который самъ часто повторяетъ, что

«на свѣтѣ, кромѣ идиотовъ, никого нѣтъ» — конечно, заслуживаетъ, чтобы ближе ознакомиться съ его теоріями, и г. Ватсонъ излагаетъ ихъ весьма толково и основательно въ послѣднихъ трехъ главахъ своего очерка. **Опредѣливъ отличительныя свойства міровоззрѣнія философа, авторъ изслѣдуетъ, что именно понималъ онъ подъ словомъ: воля. Установивъ три основныя свойства ея: тождественность, неизмѣнность и свободу, онъ анализируетъ волю въ природѣ и какъ представленіе. Принявъ основою философіи опытъ, онъ опредѣляетъ значеніе метафизики и психологіи и, отрицая вовсе необходимость особой науки о душѣ, восстанавливаетъ, въ опроверженіе Канта, возможность метафизики. Объясненіе жизни и дѣятельности души — самая темная сторона въ теоріи Шопенгауэра: она не можетъ считаться матеріалистическою, но ее нельзя назвать и спиритуалистическою. Зато различеніе воли и познанаія составляетъ кульминаціонную точку шопенгауэровской философіи, дающей, вопреки другимъ мыслителямъ, первое мѣсто волѣ, а разуму — второе. Въ VI главѣ разбирается характеръ и смыслъ шопенгауэрова пессимизма, отношенія философа къ исторіи, его политическіе, соціальныя взгляды и равнодушіе къ національнымъ интересамъ. Наконецъ, въ послѣдней главѣ приведены взгляды Шопенгауэра на искусство, на женщинъ, на любовь (явное предпочтеніе, оказываемое имъ безбрачію, вѣроятно, и расположило въ его пользу автора «Крейцеровой сонаты») доказывается парадоксальность многихъ изъ его мыслей, которую онъ и самъ сознавалъ. Общаго вывода о значеніи философіи Шопенгауэра г. Ватсонъ не сдѣлалъ, хотя оно и обозначено въ заголовкѣ послѣдней главы.**

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Нѣсколько словъ по поводу художественно-литературной конвенціи съ Франціей. — Мнѣніе дебютанта изъ ситцево-литературнаго лагеря. — Неравенство взаимно оказываемыхъ другъ другу услугъ. — Положеніе нашихъ поврежденныхъ изданій. — Своеобразная скарденность русскаго читателя. — Нововведеніе въ земской реформѣ. — Лишеніе земскихъ правъ сельскихъ священниковъ. — Несостоятельность этого нововведенія. — Взглядъ покойнаго А. Д. Пазухина. — Ошибочность этого взгляда. — Процессъ Черноусовыхъ. — Дѣдъ—патріархъ и „власть тьмы“. — Еще разъ по поводу вопроса о незаконнорожденныхъ. — Предложенія казанскаго профессора г. Шершеневича.

Недавно въ газетахъ сообщалось о пріѣздѣ къ намъ французскаго дипломата, графа Кератри, имѣющаго будто бы спеціальную миссію — хлопотать по вопросу о заключеніи новой конвенціи съ Франціей для охраненія литературной и художественной собственности. Добился ли почтенный графъ какихъ либо положительныхъ результатовъ, мы не знаемъ. Но думаемъ, что, не смотря на искреннія симпатіи, которыя мы питаемъ къ дружественной намъ Франціи, въ упомянутомъ вопросѣ о заключеніи новой литературно-художественной конвенціи мы не можемъ идти на встрѣчу домогательствамъ французскихъ издательскихъ фирмъ и французскихъ авторовъ, по той очень простой причинѣ, что наши литературныя и художественныя силы не равны французскимъ и, слѣдовательно, всѣ выгоды отъ подобной конвенціи оказались бы на сторонѣ послѣднихъ. Между тѣмъ, въ основу всякаго жизнеспособнаго договора должно быть положено *равенство* взаимно оказываемыхъ другъ другу услугъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь ни для кого не тайна, что мы заимствуемъ у французскихъ авторовъ въ 10—15 разъ больше, чѣмъ французы у нашихъ. Слѣдовательно, каковы бы ни были условія, на которыхъ могла бы состояться будущая художественно-литературная конвенція между Франціей и Россією, все же намъ пришлось бы переплачивать французскимъ издательскимъ фирмамъ и французскимъ авторамъ въ 10—15 разъ больше, чѣмъ Франція будетъ платить нашимъ авторамъ. Какой же, спрашивается, резонъ отдать себя добровольно въ кабалу французскимъ издателямъ и авторамъ?

Но, быть можетъ, скажутъ, что обложеніе французскихъ произведеній извѣстной «пошлиной» полезно въ смыслѣ поощренія отечественныхъ авторовъ. Противъ этого можно, однако, возразить

многое. Начать съ того, что мы еще далеко не дошли до того, чтобы могли довольствоваться, въ области художественной и литературной, отечественными произведеніями. Въ обществѣ и печати теперь постоянно говорятъ—и не безъ основанія—объ оскудѣніи въ рядахъ нашихъ художественныхъ и литературныхъ силъ, особенно послѣднихъ. Неужели, спрашивается, теперь своевременно преградить или по меньшей мѣрѣ затруднить доступъ къ намъ французскихъ художественныхъ и литературныхъ произведеній, путемъ обложенія ихъ *налогомъ*, взимаемымъ съ *русской* публики въ пользу иноземныхъ издателей? Мы назвали плату за заимствованія у французскихъ авторовъ, установленія которой желаютъ добиться французскія издательскія фирмы, — «налогомъ», потому что другаго болѣе подходящаго термина не находятъ для названной платы даже тѣ легкомысленные русскіе «дебютанты», которые когда-то утверждали совершенно резонно, что конвенція имѣетъ смыслъ лишь подъ условіемъ равномерности оказываемыхъ другъ другу услугъ,—чего нельзя утверждать по отношенію къ Россіи и Франціи,—а нынѣ съ легкимъ сердцемъ повернули фронтъ и выступили защитниками домогательства французскихъ издательскихъ фирмъ и французскихъ авторовъ. Посмотримъ, однако, какого сорта доводы названныхъ защитниковъ. Одинъ изъ нихъ высказался по занимающему насъ вопросу весьма категорически. «Мнѣ кажется,—пишетъ онъ, — что настоящее покровительство отечественной литературѣ и отечественному искусству началось бы только съ момента *обложенія* переводовъ и передѣлокъ французскихъ авторовъ *громаднымъ налогомъ въ ихъ* пользу, т.-е. съ созданія искусственной пошлины на заграничныя произведенія, и что прямой расчетъ всѣхъ литераторовъ, художниковъ, музыкантовъ требуетъ не свободы обмѣна и свободы конкуренціи, которая на дѣлѣ исключаетъ возможность конкуренціи, а, напротивъ, возможно большаго стѣсненія заграничнаго привоза».

Какъ видите, любезный читатель, сказано таки довольно прямолинейно: обложите переводы французскихъ авторовъ «громаднымъ» (непремѣнно—громаднымъ!) налогомъ въ пользу французскихъ авторовъ, и покровительство отечественной литературѣ уже готово. Останется только ликовать и благодарить провидѣніе. Но какое же отношеніе имѣетъ налогъ въ пользу французскихъ авторовъ къ вопросу о покровительствѣ отечественной литературѣ? На это названный дебютантъ отвѣчаетъ слѣдующее. Въ виду безпошлинной свободы переводовъ иностранныхъ произведеній, послѣдніе-де очень дешевы. Вслѣдствіе этого, издатели пользуются дешевыми переводами для пополненія своихъ изданій, между тѣмъ какъ русскія произведенія *средняго* достоинства (т. е. полуграмотныя) не находятъ издателей. Ergo, стоитъ только обложить переводы иностранныхъ (т. е. преимущественно французскихъ) авторовъ «громаднымъ» налогомъ въ пользу этихъ авторовъ,—и тогда наши издатели волей-неволей должны будутъ печатать русскія произведенія *средняго* достоинства.

Эмиль Золя и Альфонсъ Додэ отбиваютъ хлѣбъ у російскихъ романистовъ и повѣствователей—ихъ же имена ты, Господи, въсь

Перспектива для русскихъ читателей, какъ видите, далеко не заманчивая: вмѣсто произведеній первоклассныхъ европейскихъ романистовъ, придется довольствоваться белибердой какого нибудь «Подковыркина», «Горькопечалова» и тому подобныхъ литературныхъ поставщиковъ. Но и будущность отечественной литературы, при системѣ вышерекорендуемаго покровительства, представляется намъ въ крайне безотрадномъ видѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какая будущность предстоить этой литературѣ, если ставить ее въ зависимость отъ лучшаго вознагражденія за ремесленный трудъ литературныхъ производителей средняго достоинства? Вѣдь таланта деньгами не купишь и не создашь. Наши литературные корифеи работали когда-то при условіяхъ вознагражденія за трудъ, во сто кратъ худшихъ, чѣмъ теперешнія, а между тѣмъ это не мѣшало имъ обогатить русскую литературу многочисленными шедеврами. Нынѣ же, когда литературный трудъ вознаграждается довольно щедро, никакими новыми шедеврами мы, къ сожалѣнію, хвастать не можемъ. Неужели въ этомъ виновата безпошлинная свобода переводовъ иностранныхъ произведеній? «Когда рѣчь заходитъ о русскихъ ситцахъ,—разсуждаетъ дальше вышеназванный дебютантъ,—которые во сто разъ хуже заграничныхъ, національно-экономы считаютъ необходимымъ покровительствовать ихъ производству и облагать потребителя налогомъ, въ видѣ таможенной пошлины, для процвѣтанія отечественныхъ мануфактуръ. Но та же система покровительства обращается противъ національныхъ производителей, когда дѣло касается продуктовъ художественнаго и литературнаго творчества. Здѣсь почему-то допускается полная свобода торговли, объѣма и безпрепятственнаго ввоза».

Но, во-первыхъ, не *естъ* же «национально-экономы», а лишь нѣкоторые протекціонисты à tout prixъ считаютъ полезнымъ покровительствовать производству русскихъ ситцевъ, которые нѣсколько (а не во сто разъ) хуже заграничныхъ,—обложеніемъ послѣднихъ таможенной пошлиной. А, во-вторыхъ, хоть мы теперь и привыкли оцѣнивать все на деньги, но все же нѣсколько рискованно сравнивать литературныя произведенія съ ситцами. При извѣстныхъ условіяхъ,—напр., съ улучшеніемъ орудій производства, при болѣе высокой рабочей платѣ, при лучшемъ выборѣ техниковъ, которыхъ въ крайней нуждѣ можно выписывать и изъ-за моря,—русскіе фабриканты могутъ изготовлять ситцы не хуже заграничныхъ. Тутъ все сводится къ вопросу о большихъ или меньшихъ затратахъ на производство. На дѣлѣ, конечно, весьма нерѣдко бываетъ, что русскіе фабриканты, добившись увеличенія таможенныхъ пошлинъ на извѣстные предметы, привозимые изъ-за границы, въ концѣ концовъ или нисколько не улучшаютъ качества своихъ произведеній, а только кладутъ себѣ большіе барыши въ карманъ, или даже еще больше понижаютъ это качество въ расчетѣ на то, что покупателю все равно недоступны заграничныя произведенія. Но здѣсь, по крайней мѣрѣ, для правительства, увеличивающаго размѣръ таможенныхъ пошлинъ, есть принципиальное оправданіе, въ смыслѣ желанія «поощрить» отечественное производство. Наконецъ, таможенныя пошлины

идуть вѣдь въ пользу казны, т. е. составляютъ одинъ изъ видныхъ источниковъ государственныхъ доходовъ, которые по идеѣ поступаютъ на удовлетвореніе государственныхъ или общепользныхъ потребностей. Совершенно въ другомъ видѣ представляется рекомендуемый нынѣ налогъ въ пользу французскихъ издателей и авторовъ на переводы и заимствованія. Начать съ того, что этотъ налогъ всецѣло попадетъ въ карманъ иностранцевъ. Это—въ томъ случаѣ, когда намъ нельзя будетъ не заимствовать у французскихъ авторовъ, напр., при появленіи въ свѣтъ такихъ выдающихся произведеній, какъ «Власть денегъ» Золя и т. под. Но засимъ, помимо подобныхъ заимствованій, русскимъ издателямъ, конечно, придется, — во избѣжаніе обязательной платы французскимъ издательскимъ фирмамъ, — довольствоваться печатаніемъ измышлений гг. Белибердовыхъ, Пустозвоновыхъ и тому подобныхъ корифеевъ. Понятно, что для этихъ господъ тогда настанетъ настоящая масляница! Но отечественная литература отъ этого не только ничего не выиграетъ, но, наоборотъ, безусловно проиграетъ. Ибо, какъ извѣстно, всѣ наши литературныя силы обыкновенно ютятся въ журналахъ. А каково положеніе нашихъ журналовъ—опять ни для кого не составляетъ секрета. Самые распространенные изъ нихъ насчитываютъ не больше 6 т. подписчиковъ, обыкновенно же количество подписчиковъ не достигаетъ и половины этой цифры. При такомъ ограниченномъ спросѣ на литературныя произведенія, наши издатели журналовъ тѣмъ не менѣе ухищряются давать своимъ читателямъ самый разнообразный матеріалъ для чтенія. Но, если отнять у нихъ право безошлинныхъ переводовъ и заимствованій у иностранныхъ авторовъ, то ихъ положеніе сдѣлается еще болѣе критическимъ. Имъ придется печатать всякую русскую труху, въ перемежку съ такими переводами заграничныхъ авторовъ, которые теперь по большей части игнорируются. Въ виду этого, количество подписчиковъ, надобно полагать, еще болѣе упадетъ. И вотъ въ результатѣ окажется, что и нынѣ существующіе журналы вынуждены будутъ прекратить свое существованіе, а вмѣстѣ съ ними должны будутъ замолкнуть не только писатели средней руки, но и наши выдающіяся литературныя силы, потому что изданіе отдѣльныхъ книгъ находится у насъ въ еще болѣе жалкомъ положеніи, чѣмъ журнальное дѣло. Этого ли добиваются гг. «дебютанты», выступающіе защитниками художественно-литературной конвенціи, заключенія которой домогаются французскія издательскія фирмы? Конечно, нѣтъ. Ибо тотъ же вышеназванный дебютантъ когда-то, по собственнымъ его словамъ, самъ развивалъ ту мысль, что съ точки зрѣнія покровительства отечественной литературѣ и искусству не слѣдуетъ допускать заключенія съ иностранными государствами художественно-литературныхъ конвенцій. Отчего же онъ теперь проявляетъ такую заботливость относительно подобной же конвенціи съ Франціей? Вмѣсто этой заботливости, мы бы скорѣе рекомендовали ему сосредоточить свое вниманіе на необходимости заключенія другой конвенціи— между самими русскими издателями, для предотвращенія повальной эксплуатаціи издательскихъ кармановъ со стороны частныхъ библиотекъ и ихъ безцеремонной кліентуры. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ

вы, напримѣръ, встрѣтите явленіе, подобное тому, которое у насъ повторяется очень часто, а именно: чтобы разодрѣтая въ пухъ и прахъ барыня подѣвжала на собственныхъ рысакѣхъ къ гостепріимной лавочкѣ-библіотекѣ, для взятія «на прокатъ» новаго романа или только что вышедшей книжки журвала. За границею въ каждой образованной семьѣ найдете и новыя книги, и новый журналъ, выписываемый непосредственно отъ издателя. Въ каждомъ интеллигентномъ домѣ вы найдете маленькую библіотечку, пополняемую постоянно новыми произведеніями. А у насъ любая дамочка, тратящая на шляпки и наряды десятки и сотни рублей, не подеремонится брать на прокатъ приходящіяся ей по вкусу романы и повѣсти за нѣсколько копѣекъ въ день,—благо: наши недальновидные издатели нисколько не заботятся о томъ, чтобы отнять у подобныхъ скарденыхъ любителей и любительницъ письменности возможность удовлетворять дешевымъ манеромъ свою наклонность къ чтенію. Обо всемъ этомъ г. дебютантъ не далъ себѣ труда подумать, а слѣдовало бы, потому что ключъ къ разрѣшенію вопроса о подъемѣ рабочей платы на литературномъ рынкѣ заключается не въ алчности нашихъ издателей, которые, за рѣдкими исключеніями, едва ли сводятъ концы съ концами, а въ томъ нигдѣ не виданномъ скряжничествѣ, которое обнаруживаетъ наша читающая публика въ отношеніи приобрѣтенія новыхъ книгъ и выписки журналовъ. Ей нужны размалеванныя страницы дешевыхъ, якобы иллюстрированныхъ изданій, да еще съ преміями, съ рамками, подстаканниками, даже съ танцами и музыкой въ день выхода нумера; а болѣе дорогія и путныя изданія эта публика привыкла брать на прокатъ изъ расплодившихся, какъ грибы, шаромыжныхъ библіотечекъ.

Рекомендуя русскимъ издателямъ заключеніе условій, направленныхъ противъ частныхъ библіотекъ и читалень, основываемыхъ обыкновенно съ грошевыми затратами, мы а ригорі увѣрены, что наши слова останутся гласомъ вопіющаго въ пустынь, ибо недаромъ же мы пользуемся незавидной репутаціей людей безъ всякой инициативы. Но тѣмъ менѣе возможно, при подобныхъ условіяхъ нашей издательской «предпримчивости», отдавать русскихъ издателей въ кабалу французскимъ издательскимъ формамъ, якобы въ интересахъ нашей пишущей или, вѣрнѣе сказать, маракующей братіи: Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, изъ-за гг. «писателей *средняго достоинства*» разорить въ конецъ всѣхъ порядочныхъ русскихъ издателей. Пускай послѣдніе пользуются хоть «равенствомъ» въ правахъ съ первыми.

Впрочемъ, теперь довольно рискованно требовать «равенства» въ извѣстныхъ случаяхъ. Такъ напримѣръ, по мнѣнію покойнаго А. Д. Пазухина, которому, по заявленію извѣстной части нашей журналистики, принадлежитъ и «основная мысль» новой земской реформы, и всѣ доводы и соображенія, при посредствѣ которыхъ отражались «нападенія противниковъ»,—въ основѣ земскаго положенія 1864 года «лежитъ ошибочная мысль о правѣ всѣхъ гражданъ на *равное* участіе въ земскомъ управленіи», ибо, «такъ какъ

главнымъ основаніемъ для дѣятельности въ сферѣ государственной служитъ начало государственной пользы, то, при разрѣшеніи вопроса о распредѣленіи числа представителей въ земствѣ отъ отдѣльныхъ сословій, слѣдуетъ руководствоваться *не столько принципомъ справедливости* по отношенію къ различнымъ классамъ населенія, сколько *принципомъ способности* этихъ классовъ къ участию въ дѣлахъ земскаго управленія».

Мы заговорили объ этихъ «основныхъ мысляхъ», положенныхъ въ основу новой земской реформы, по поводу устраненія сельскихъ священниковъ отъ участія въ дѣятельности земскихъ учреждений. Противъ этого нововведенія недавно высказался «Церковный Вѣстникъ», справедливо доказывающій, что сельскіе священники, наравнѣ съ остальнымъ сельскимъ населеніемъ, — коренные жители деревни, которые также заинтересованы въ исправномъ содержаніи путей сообщенія, надлежащемъ устройствѣ санитарной части, школъ, библіотекъ и т. д., словомъ, во всемъ томъ, что относится до обязанностей земскаго управленія. Но этого мало. Въ дѣйствительности, духовенство заинтересовано въ рациональномъ веденіи земскаго хозяйства не только не менѣе остального сельскаго населенія, но даже гораздо болѣе послѣдняго, потому что у духовенства, составляющаго ядро интеллигенціи въ деревнѣ, гораздо больше интересовъ матеріальныхъ, духовныхъ и нравственныхъ, чѣмъ, на примѣръ, у обыкновенныхъ крестьянъ. Засимъ сельскія духовныя лица несутъ и многочисленныя обязанности, которымъ по справедливости должны соответствовать и извѣстныя права. Всѣ эти соображенія, очевидно, были вполне присущи составителямъ «Положенія о земскихъ учрежденіяхъ» 1864 года, которое предоставляло сельскому духовенству равное съ остальнымъ сельскимъ населеніемъ право участія въ земскомъ управленіи. Какія же, спрашивается, были основанія — лишить сельскихъ священниковъ, и вообще лицъ духовнаго званія, права участія въ земской дѣятельности? Эти основанія, по мнѣнію покойнаго Пазухина, заключаются въ томъ, что интересы церкви и духовнаго сословія должны ограждаться не тѣмъ или другимъ отдѣльно взятымъ представителемъ духовенства, а подлежащею епархіальною властью; участіе же «духовенства въ избирательныхъ интригахъ и въ борьбѣ партій, которая ведется обыкновенно на почвѣ мелкихъ интересовъ, — нерѣдко самыми недостойными приемами, — едва ли могло бы способствовать усиленію нравственнаго его вліянія, въ особенности среди иновѣрнаго или раскольничьяго населенія».

Но здѣсь замѣчается совершенно невѣрная точка отправления. Отлученіе отъ земства сельскихъ священниковъ отнюдь не вознаграждается заботливостью о нихъ того или другаго епархіальнаго начальника. Ибо, если стать на подобную точку зрѣнія, то слѣдовало бы установить такія же изытія какъ для духовенства, такъ и для дворянства, объ интересахъ котораго призваны пещись дворянскія собранія и предводители дворянства, и для военнаго сословія, о чести, достоинствѣ и благѣ котораго неустанно заботится военное вѣдомство, и т. д., и т. д. Но дѣло въ томъ, что участіе въ земской дѣятельности той или другой общественной

группы вызывается необходимостью наилучшаго исполненія коренной задачи земскаго управленія: пецись о наиболѣе рациональномъ удовлетвореніи мѣстныхъ «нуждъ и пользъ». А въ этомъ смыслѣ сельскіе священники, — какъ наиболѣе просвѣщенные люди среди сельскаго населенія, близко знающіе нужды и интересы деревни, — безспорно представляютъ собою полезный элементъ. По этому поводу, одна петербургская газета совершенно основательно замѣтила, что мы вовсе не настолько богаты образованными людьми, особенно въ деревнѣ, чтобы могли съ легкимъ сердцемъ отказаться отъ участія въ земской дѣятельности цѣлой группы просвѣщенныхъ людей, которые всегда съ честью пополняли ряды нашей, и безъ того немногочисленной, интеллигенціи. Конечно, сельскимъ священникамъ, какъ служителямъ алтаря и народнымъ пастырямъ, не приличествуетъ участвовать въ тѣхъ непристойныхъ интригахъ, которыя, къ сожалѣнію, практикуются, по временамъ, при выборахъ въ земскіе гласные. Но та же вышеназванная газета совершенно справедливо указываетъ, что и съ этой точки зрѣнія устраненіе сельскихъ священниковъ отъ участія въ земскомъ самоуправленіи не заслуживаетъ одобренія, ибо чѣмъ нравственнѣе, благовоспитаннѣе и образованнѣе будутъ тѣ элементы, которымъ принадлежатъ избирательныя права (или, если угодно, *обязанности*), тѣмъ больше государство будетъ гарантировано въ томъ, что и выборы будутъ производиться правильно, и въ земскіе гласные попадутъ лучшіе люди, истинные представители населенія, способные возвыситься до пониманія общихъ интересовъ того «государственнаго дѣла», которому они призваны служить.

Недаромъ вся наша печать единогласно отнеслась съ одобреніемъ къ нововведенію въ земской реформѣ касательно увеличенія числа гласныхъ изъ среды дворянъ въ составѣ земскихъ собраній, потому что дворяне представляютъ собою наиболѣе интеллигентную общественную группу среди обывателей нашей обширной отчины. Правда, что въ послѣдніе годы эпитетъ «интеллигента» получилъ — и не безъ основанія — окраску нѣкоего отрицательнаго свойства, но, признаться сказать, въ дѣйствительно интеллигентной средѣ все же не встрѣчается такой жестокой картины общественныхъ нравовъ, какая, на примѣръ, обрисовалась въ недавнемъ процессѣ Черноусовыхъ, который почему-то прошелъ у насъ почти не замѣченнымъ.

Дѣйствіе происходитъ не гдѣ нибудь на окраинахъ, въ разноплеменной средѣ, гдѣ въ силу вещей иныя общественныя отношенія извращаются; дѣйствіе происходитъ въ самомъ центрѣ Россіи, въ Ельцѣ, въ богатой купеческой семьѣ, живущей по старинѣ. Отецъ, сынъ, внукъ — всѣ женатые люди, всѣ живутъ подъ одной кровлей: какая патриархальная картина! Но подождите любоваться. Старикъ-дѣдъ женатъ на третьей женѣ; его сынъ женатъ на второй женѣ; его внукъ (отъ упомянутаго сына) до своей женитьбы состоитъ любовникомъ мачихи, жены своего отца, и притомъ свѣдома дѣдовой жены. Но вотъ старикъ-дѣдъ начинаетъ замѣчать этотъ безпорядокъ и спѣшитъ женить внука. Жизнь по старинѣ нисколько не стѣсняетъ в томъ дѣда — главу семьи. Внукъ же

нится на дѣвушкѣ по его выбору и продолжаетъ оставаться любовникомъ мачихи, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отравляетъ свою жену съ помощью мачихи и жены дѣда, которая во всей исторіи является патронессой любящихъ сердецъ мачихи и ея пасынка.

Черезъ три мѣсяца послѣ отравленія первой жены внука, дѣдъ снова прискиваетъ ему невѣсту. И въ первомъ, и во второмъ сватовствѣ дѣдъ ищетъ для внука красавицъ и находитъ ихъ, благодаря обаянію богатства Черноусовыхъ. Прискавъ красавицу-невѣсту, дѣдъ спѣшитъ свадьбой внука, очевидно, все въ заботахъ объ утвержденіи семейнаго порядка, въ прочности котораго продолжаетъ сомнѣваться. Ни жена дѣда, ни жена его сына, ни самъ внукъ,—всѣ трое уже имѣвшие на своей совѣсти отравленіе первой жены этого внука,—не препятствуютъ дѣду, потому что патриархальность не позволяетъ имъ препятствовать. Но вотъ, какъ только сыграна вторая свадьба внука, начинается та же самая исторія, которая была и послѣ первой его свадьбы: ласки его принадлежатъ больше мачихѣ, чѣмъ женѣ, а черезъ пять мѣсяцевъ послѣ свадьбы и вторая жена внука отправляется вслѣдъ за первою и тѣмъ же самымъ порядкомъ: ее отравляютъ мышьякомъ, какъ и первую жену, причемъ, также какъ и при отравленіи первой жены внука, жена дѣда, мачиха и самъ внукъ дѣйствуютъ въ трогательномъ единеніи душъ и сердецъ—отравляютъ свою жертву сообща. Но, разъ благополучно сбывши съ рукъ подобную операцію, они дѣйствовали на сей разъ слишкомъ ужъ грубо и неосторожно, почему все это образцовое семейное благополучіе всплыло наружу и сдѣлалось достояніемъ судебной власти.

Нравы, какъ видите, далеко не патриархальнаго свойства! А у насъ еще находятся моралисты, которые ставятъ въ примѣръ современнымъ интеллигентамъ семейныя основы, «свято охраняемыя» допотопными адептами домостроевскаго закала. Нѣтъ, что ни говорите, а все же въ интеллигентной семьѣ немислимы подобныя звѣри.

Мы коснулись вышеупомянутаго процесса, между прочимъ, и потому, что изъ среды защитниковъ домостроевскихъ традицій въ семейной жизни, характернымъ выразителемъ которыхъ является дѣдъ-патріархъ Черноусовъ, всякій разъ,—когда заходитъ рѣчь о необходимости измѣненія нынѣ существующихъ законоположеній по брачному вопросу,—обыкновенно раздаются вопли и протесты противъ такихъ нововведеній, въ виду будто бы необходимости поддержанія семейныхъ основъ, общественной нравственности и т. д. И въ настоящее время носится слухъ, что на разсмотрѣніи государственнаго совѣта находится проектъ закона объ усыновленіи и узаконеніи незаконнорожденныхъ дѣтей. Но суждено ли этому слуху оправдаться, и когда именно? Богъ вѣдаетъ, хотя на изданіи подобнаго закона,—по меткому выраженію казанскаго профессора Шершеневича,—«настаиваютъ слезы многочисленныхъ лицъ, оскорбляемыхъ въ ихъ лучшихъ чувствахъ, лишаемыхъ родственныхъ связей и отношеній».

Изъ неоднократныхъ бесѣдъ по этому вопросу, въ настоящемъ же отдѣлѣ, читатели, конечно, хорошо знакомы съ нашимъ взгля-

домъ на отношенія, которыя слѣдуетъ установить между незаконнорожденными дѣтьми и ихъ родителями, съ одной стороны, и между первыми и остальнымъ обществомъ—съ другой. Поэтому мы повторяться не станемъ. Но считаемъ не лишнимъ на этотъ разъ привести здѣсь *in extenso* мнѣніе того же казанскаго профессора Шершеневича. Бросивъ взглядъ на западно-европейскія законодательства касательно незаконнорожденныхъ дѣтей, почтенный профессоръ замѣчаетъ: «Какъ ни печально положеніе незаконнорожденныхъ по всѣмъ европейскимъ законодательствамъ, нужно признать, что русское право лишаетъ ихъ даже этихъ крохъ, совершенно игнорируетъ ихъ юридическое положеніе, не признаетъ за ними ни личныхъ, ни имущественныхъ отношеній къ семьѣ не только отца, но и матери. Оно даже не даетъ имъ имени, какъ будто это и не граждане. Чѣмъ, спрашивается, объяснить это трагическое положеніе незаконнорожденныхъ? Неужели жестокостью русскаго народа? Но мягкосердіе его слишкомъ извѣстно: иностранцы поражаются добродушнымъ и сочувственнымъ отношеніемъ русскаго человѣка даже къ преступнику, каторжнику. Неужели онъ отнесся бы строже къ существу, «безъ вины виноватому»? Въ исторіи русскаго права не выработалось послѣдовательное начало устраненія незаконныхъ дѣтей отъ всякой связи съ ихъ родителями».

Между тѣмъ положеніе незаконныхъ дѣтей настоятельно взываетъ о помощи. Прежде всего, они лишены правъ состоянія, что представляется весьма важнымъ въ государствѣ, придерживающемся сословныхъ началъ. Напрасно отецъ пытался бы поправить дѣло путемъ формальнаго усыновленія. Законъ предусмотрѣлъ этотъ выходъ и своевременно загородилъ его: для однихъ совершенно, для другихъ только затруднилъ, смотря по состоянію и сословному значенію отца. У насъ невозможно узаконеніе черезъ послѣдующій бракъ, черезъ признаніе со стороны отца; даже запрещенно просить, какъ высочайшей милости, признанія дѣтей законными. Что же мы видимъ? Отецъ изъ любви къ матери, съ которою онъ даже вступилъ въ бракъ послѣ рожденія ребенка, беретъ полдѣняго къ себѣ, воспитываетъ, какъ сына, соотвѣтственно своему состоянію и средствамъ,—и вдругъ скоропостижная смерть! Ребенокъ, составившій для отца наиболѣе дорогое существо, имъ юспитанный и образованный, неожиданно оказывается въ самомъ жалкомъ положеніи, и это въ виду, быть можетъ, значительнаго состоянія, оставшагося послѣ отца. Какой нибудь двоюродный племянникъ, который не имѣлъ ничего общаго съ умершимъ, который, быть можетъ, никогда не зналъ его лично, прибрѣтаетъ всѣ права на оставшееся имущество, выгоняетъ ребенка изъ роднаго дома, лишаетъ его крова и куска хлѣба.

Законъ предоставляетъ, правда, матери незаконнаго ребенка—требовать отъ отца выдачи содержанія. Однако это требованіе тѣсно связано съ уголовнымъ преслѣдованіемъ за незаконное сожителство. Но что же приведетъ мать въ обвиненіе сожителя? Фактъ взаимнаго соглашенія, который привелъ къ совмѣстному жителству? Но вѣдь это—самообвиненіе.

«Быть может, — говорит дальше г. Шершеневичъ, — покажется невозможнымъ, чтобы въ одномъ и томъ же государствѣ, у одного и того же законодателя могла существовать совершенно различная точка зрѣнія на одинъ и тотъ же вопросъ, имѣющій капитальное социальное значеніе, а между тѣмъ это такъ. Въ Россіи, кромѣ общаго, дѣйствуютъ еще мѣстныя законодательства въ Царствѣ Польскомъ, въ Остзейскомъ краѣ, въ Финляндіи. Мѣстныя права этихъ странъ, особенно финляндскій законъ 1876 года, разрѣшаютъ настоящій вопросъ совершенно иначе, чѣмъ общее право: допускаютъ узаконеніе черезъ послѣдующій бракъ, по высочайшему повелѣнію, признаніе незаконныхъ дѣтей со стороны отца, предоставляютъ этимъ дѣтямъ личныя и имущественныя права».

Если никто не сомнѣвается въ настоятельности коренной реформы положенія незаконныхъ дѣтей, то самый размѣръ измѣненій представляетъ широкое поле для пререканій. Нельзя, поэтому, задаваться мечтою о полномъ сліяніи правъ законныхъ и незаконныхъ дѣтей, потому что въ этомъ случаѣ мы рисковали бы не достигнуть вовсе практическихъ результатовъ.

Въ виду этого, г. Шершеневичъ указываетъ на такія измѣненія, которыя *вполнѣ согласуются съ господствующимъ правосознаніемъ*, которыя стали достояніемъ всего просвѣщеннаго человечества и извѣстны уже русскимъ гражданамъ, но только не русскаго происхожденія, пользующимся въ этомъ отношеніи преимуществомъ передъ коренными русскими:

1) Наиболѣе настоятельнымъ является допущеніе узаконенія чрезъ послѣдующій бракъ. Въ пользу допущенія такого средства говорить и справедливость, и логика, если законодатель охраняетъ святость брака. Такой способъ узаконенія допускаютъ почти всѣ законодательства, какъ тѣ, которыя, вслѣдствіе культурной борьбы съ церковью, низвели бракъ на степенъ простаго гражданскаго договора, такъ и тѣ, которыя возводятъ его на высоту таинства.

2) Нельзя отвергать связи ребенка съ матерью, нельзя лишать его фамиліи и сословныхъ правъ матери, несомнѣнной виновницы его существованія. Здѣсь лежитъ начало той массы оскорбленій, того невыносимаго презрѣнія, которымъ награждаетъ общество существо безъ рода и имени. На первыхъ же шагахъ ребенокъ, не сознавая еще причины, принужденъ глотать обиды отъ своихъ товарищей, которымъ родители охотно передаютъ свои взгляды на незаконнорожденныхъ. Съ возрастомъ онъ вступаетъ въ жизнь, но и здѣсь, на вопросъ о фамиліи, всегда произнесетъ несмѣло свое случайное прозвище. Мы значительно облегчили бы это тяжелое положеніе, способное озлобить человѣка противъ всего общества, еслибы надѣлили его законною фамиліею и правами состоянія матери, а въ случаѣ желанія отца, — и этого послѣдняго.

3) Въ виду того, что общественныя условія ставятъ мужчину въ несравненно болѣе выгодное положеніе, относительно добыванія матеріальныхъ средствъ существованія, нежели женщину, необходимо возложить на мужчину обязанность содержанія своихъ незаконныхъ дѣтей, причемъ эта обязанность должна носить гражданскій характеръ, чуждый уголовнаго оттѣнка.

4) Последнее, что слѣдовало бы сдѣлать,—это допустить незаконныхъ дѣтей къ наслѣдованію послѣ отца и матери. Послѣ матери они должны наслѣдовать наравнѣ съ законными, послѣ отца—въ меньшей долѣ при существованіи законныхъ дѣтей, и въ полномъ объемѣ—при отсутствіи послѣднихъ.

Нельзя не отнести сочувственно къ этимъ предположеніямъ г. Шершеневича.

ИТОГИ ДЕСЯТИЛѢТІЯ.

(2 марта 1881 г.—2 марта 1891 г.).

Бѣглый взглядъ на прошлое царствованіе.—Освобожденіе крестьянъ и послѣдующія реформы.—Ихъ историческая необходимость.—Отзывы Ростовцева и Ланскаго.—Жалобы В. И. Даля.—Гость М. Н. Каткова.—Воспоминаніе А. В. Никитенко о двѣ объявленія манифеста 19 февраля.—Обратная сторона медали.—Прогрессъ и „бунтарство“; либерализмъ и либертинажъ.—Подпольныя вліянія, неказившія примѣненіе государственныхъ началъ.—Мнѣніе А. Д. Пазухина о состояніи русскаго общества въ концѣ „періода реформъ“.—Толки о „первомъ министрѣ“ и о сформированіи единомышленнаго кабинета.—Трагическій финаль преобразовательной эпохи.—Манифестъ Государя Императора Александра III.—Заботы правительства объ укрѣпленіи власти и коррективы къ прежнимъ реформамъ, съ сохраненіемъ ихъ основныхъ началъ.—Мѣры къ улучшенію крестьянскаго быта.—Дешевый кредитъ и большее вліяніе въ земскихъ дѣлахъ, предоставленныя дворянству.—Охрана интересовъ промышленно-торговаго класса.—Улучшеніе русскихъ финансовъ.—Усиленіе средствъ національной самообороны.—Прекращеніе сепаратистическихъ попытокъ нашихъ окраинъ.—Узда, наложенная на еврейскія претензіи.—Миротворящая роль Россіи въ международныхъ дѣлахъ.—Сближеніе съ Франціею и выходъ изъ подъ германской опеки.

I.

2 марта текущаго года исполнилось десятилѣтіе со дня вступленія на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра III. Хотя десятилѣтній періодъ и составляетъ только маленькій фрагментъ въ тысячелѣтней исторіи нашего отечества, но его непосредственные результаты уже настолько обозначились и отразились въ современной жизни Россіи, что можно попробовать очертить ихъ, безъ опасенія впасть въ большія погрѣшности. Мы хотѣли бы сдѣлать это безпристрастно, по мѣрѣ возможности, не увлекаясь ни въ сторону льстиваго славословія, ни преждевременнаго сужденія.

Въ жизни человѣческихъ обществъ, настоящее всегда тѣсно связано съ прошедшимъ, и изъ сѣмянъ, которыя посѣяли наши предки, вырастаетъ жатва для будущихъ поколѣній, — жатва, обильная чистымъ зерномъ или поросшая плевелами. Такъ точно и въ данномъ случаѣ: настоящая эпоха служить естественнымъ продолженіемъ предъидущей, и въ этой органической связи слѣдуетъ искать объясненія многихъ уже принятыхъ нынѣ или только намѣченныхъ мѣръ въ области внутренняго законодательства и внѣшней политики. Поэтому, для правильной постановки и уразумѣнія нашей задачи необходимо, прежде всего, кинуть ретроспективный взглядъ на предшествующую эпоху реформъ, всколыхнувшихъ весь внутренній бытъ нашего громаднаго государства и отразившихся такъ или иначе на его международномъ положеніи.

Царствованіе покойнаго государя Александра Николаевича, — встрѣченное благословеніями милліоновъ освобождаемыхъ рабовъ и восторженными привѣтствіями призываемаго къ новой жизни интеллигентнаго общества, — окончилось, какъ извѣстно, возмущающей душу катастрофой, записанной кровавыми буквами въ лѣтописяхъ русской исторіи. Въ двухъ шагахъ отъ центра стояцы, только что отпраздновавъ двадцатипятилѣтній юбилей своей преобразовательной дѣятельности, благодушный монархъ палъ роковою жертвою какого-то ожесточеннаго варварства и осатанѣлаго безумія... Откуда взялось и вынырнуло это дикое бѣшенство; какими дурными соками питалось — и питалось довольно продолжительное время — это звѣрское ожесточеніе? Если вѣрить мнѣніямъ газетъ и журналовъ якобы „консервативнаго“ лагеря, — во всемъ виноваты самыя реформы покойнаго государя, начиная съ крестьянской, — реформы, отравившія-де нашу жизнь ядовитыми началами, придавшія ей чуждый характеръ и ненормальное направленіе. По крайней мѣрѣ, князь Мещерскій довольно твердо укрѣпился на этомъ штандпунктѣ, съ безцеремонностью, даже потребовавшей нѣкотораго обузданія. Съ другой стороны, если прислушаться къ рѣчамъ такъ называемаго „либеральнаго“ лагеря (терминъ, выдохшійся до потери всякаго смысла, ибо имъ прикрываются зачастую вождельнія, ничего общаго не имѣющія съ истинной граж-

данской и политической свободою) — то плачевный финаль 1-го марта слетѣлъ къ намъ прямо съ облаковъ, плившихъ надъ Мойкою въ моментъ катастрофы, и отнюдь не зародился, не пустиль корней въ нашей почвѣ. Вращаться между двумя этими крайностями, перескакивать изъ одной въ другую — значитъ, не имѣть никакого понятія объ исторической критикѣ и исторической справедливости; значитъ, не понимать, съ одной стороны, естественныхъ органическихъ условій роста человѣческихъ обществъ, а съ другой — неизбежно связанныхъ съ этимъ ростомъ болѣзненныхъ уклоненій и аффектовъ.

Представители нашего „консерватизма“ прямо утверждаютъ, что все зло у насъ пошло съ освобожденія крестьянъ, задуманнаго и исполненнаго какими-то легкомысленными людьми, „оторвавшимися отъ почвы“ (почвы холопьяго приказа и кабалныхъ грамотъ?) и что, не случись этого несчастія, наша внутренняя жизнь процвѣла бы подъ сѣнью патриархальной „конюшни“ и келейнаго административнаго суда. Но нужно вовсе не знать новѣйшей русской исторіи, чтобы отрицать тотъ фактъ, что вопросъ объ освобожденіи крестьянъ постепенно назрѣвалъ у насъ со второй половины прошлаго столѣтія, и притомъ не въ умахъ „легкомысленныхъ людей“, а въ сознаніи передовой части русскаго общества (Новиковъ, Лопухинъ, Радищевъ и др.) и въ предназначеніяхъ самой верховной власти. При Екатеринѣ II-й, вопросъ объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ открыто обсуждался уже въ Вольно-экономическомъ обществѣ, и сама императрица все не считала крѣпостнаго права нормальнымъ государственнымъ учрежденіемъ. Такъ напр., въ 1775 г., коснувшись одного нелѣпаго сенатскаго указа, по которому крестьяне, плохо оборонявшіе своего помѣщика, поставлены были на одну доску съ убійцами, Екатерина пишетъ генераль-прокурору князю Вяземскому: „Пророчествовать можно, что если за жизнь одного помѣщика, въ отвѣтъ и въ наказаніе, будутъ истреблять цѣлыя деревни, то бунтъ всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ воспослѣдуетъ. *Положеніе помѣщичьихъ крестьянъ таково критическое, что, окромѣ тишины и чело-вѣколюбивыми учрежденіями, ничѣмъ избѣгнуть (бунта) не*

можно... Прошу быть весьма осторожно въ подобныхъ случаяхъ, дабы не ускорить и безъ того довольно грозящую бѣду... Если мы не согласимся на уменьшеніе жестокости и умѣреніе человѣческому роду нестерпимаго положенія, то и противъ нашей воли сами оную возьмутъ рано или поздно¹⁾. Ваше сіятельство изъ сихъ строкъ можете сдѣлать такое употребленіе, какъ вы сами для пользы имперіи заблагоразсудите. *Ибо не безнужно, чтобъ не я одна сіе только чувствовала, но и другіе оглянулись въ своихъ предубѣжденіяхъ*“.

Пугачевъ своими звѣрскими подвигами только отодвинулъ правильное государственное рѣшеніе этого вопроса, озлобивъ помѣщичій классъ и запугавъ правительство, но уже черезъ четверть вѣка, въ самомъ началѣ царствованія Александра I, освобожденіе крестьянъ стало темою для серьезныхъ дебатовъ и въ законодательной комисіи (при участіи возвращеннаго изъ ссылки Радищева), и въ особомъ негласномъ комитетѣ, который былъ прозванъ въ шутку императоромъ: „Comité du salut public“, на подобіе существовавшаго во времена первой французской революціи. Особенно энергическимъ защитникомъ крестьянской свободы явился въ этомъ комитетѣ гр. П. А. Строгановъ (бывшій одно время товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ). Разсуждая въ негласномъ комитетѣ о дворянской грамотѣ, государь выразился, что онъ подписываетъ ее противъ своей воли, вслѣдствіе *исключительности ея правъ, которая была всегда ему противна*“. При этомъ Александръ I отвергалъ однако всѣ мѣры, которыя могли бы сразу покончить съ признаннымъ уже зломъ, и охотнѣе избиралъ пальятивныя средства, ведущія къ цѣли окольной дорогою. Напрасно пылкій Строгановъ убѣждалъ государя не слушать преувеличенныхъ опасеній, угрожавшихъ дворянскимъ бунтомъ; дѣло кончилось тѣмъ, что запрещена была личная продажа крѣпостныхъ людей безъ земли, а мѣщанамъ и казеннымъ крестьянамъ дозволено было пріобрѣтать недвижимую собственность. Тѣмъ не менѣе, доводы гр. Строганова заслуживаютъ серьезнаго вниманія исто-

¹⁾ Письмо это писано въ годъ казни Пугачева, уже надумавшагося „дать волю“ крестьянамъ. См. сборникъ *Бартенева*: „Осьмнадцатый вѣкъ“, т. III, стр. 390—391.

рика: они были, повидимому, довольно распространены въ лучшей части тогдашняго общества и выражались прямо или косвенно въ печати, съ разрѣшенія снисходительной цензуры.

Изъ фактовъ крестьянскаго возстанія, подъ предводительствомъ Стеньки Разина и Пугачева, Стргановъ выводилъ заключеніе, сходное съ мнѣніемъ Екатерины II, что если съ чьей нибудь стороны и опасно неудовольствіе, а затѣмъ открытый бунтъ, то, по всеѣмъ вѣроятіямъ, со стороны крестьянъ, а вовсе не дворянъ. Александръ Павловичъ не согласился, — какъ уже сказано, — съ этими доводами, но личное чувство всегда внушало ему отвращеніе къ рабству и, въ теченіе своего довольно продолжительнаго царствованія, онъ не закрѣпостилъ, по крайней мѣрѣ, ни одного вольнаго человѣка, опередивъ въ этомъ случаѣ свою знаменитую бабку. На письмо одного государственнаго сановника, желавшаго получить въ награду населенное имѣніе, государь отвѣтилъ: „Русскіе крестьяне большею частью принадлежатъ помѣщикамъ; *считаю излишнимъ доказывать униженіе и бѣдствіе такого состоянія.* И потому я далъ обѣтъ не увеличивать числа этихъ несчастныхъ и *принялъ за правило не давать никому въ собственность крестьянъ.* Имѣніе, о которомъ вы просите, будетъ пожаловано въ аренду вамъ и вашимъ наследникамъ; слѣдовательно, вы получите желаемое, но только съ тѣмъ, *чтобъ крестьяне не могли быть продаваемы подобно безсловеснымъ животнымъ*“. Не довольствуясь этимъ, Александръ Павловичъ поощрялъ добровольное освобожденіе крестьянъ помѣщиками, и нѣкоторыя знатныя лица, стоявшія близко ко двору, спѣшили исполнить задушевное желаніе императора. Такимъ образомъ, появился у насъ новый разрядъ крестьянъ, названныхъ „свободными хлѣбопашцами“.

При императорѣ Николаѣ Павловичѣ, передъ которымъ прогрессивныя идеи предстали, къ несчастію, въ образѣ военнаго пронунціамента, крестьянскій вопросъ то сдавался въ архивъ, то опять выдвигался, силою обстоятельствъ, на обсужденіе разныхъ секретныхъ комитетовъ. Во всякомъ случаѣ, и Николай I стремился не къ расширенію, а къ ограниченію и урегулированію помѣщичьихъ правъ, — хотя бы путемъ сокращенія барщины и введенія инвентарей. Созда-

лось даже особое министерство государственныхъ имуществъ, въ которомъ быть казенныхъ крестьянъ было устроено сравнительно недурно, какъ бы въ видѣ нагляднаго образца для крестьянскаго хозяйства въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Во главѣ этого министерства поставленъ былъ просвѣщенный П. Д. Киселевъ, котораго отношенія къ выдающимся декабристамъ не могли оставаться неизвѣстными государю. По вступленіи на престолъ покойнаго императора Александра Николаевича, освобожденіе крестьянъ составляло уже такой созрѣвшій и неотложный государственный вопросъ, что мѣшать съ его разрѣшеніемъ признано было крайне неудобнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Тѣмъ временемъ, къ идеѣ *личнаго освобожденія* крестьянъ, которая уже достаточно укрѣпилась, въ теченіе цѣлаго столѣтія, въ сознаніи правительственныхъ сферъ, — присоединилось и новое соображеніе *о подъемѣ экономическихъ силъ народа*, путемъ устраненія крѣпостнаго ига, сковывавшаго тяжкими узами производительность труда миллионновъ людей. Личная свобода крестьянъ потребовала уже, для своего обезпеченія, и земельного надѣла. Кроме того, возникали серьезныя опасенія, что откладываніе этого дѣла въ долгій ящикъ можетъ, наконецъ, переполнить чашу терпѣнія у слишкомъ долго ожидавшихъ крестьянъ.

Графъ Я. И. Ростовцевъ, опираясь на этотъ разъ на авторитетную поддержку самого государя, прямо заявилъ въ одномъ изъ засѣданій редакціонной комисіи, что *спасти Россію отъ внутреннихъ потрясеній* можно только путемъ дарованія дѣйствительной свободы, т. е. путемъ освобожденія крестьянъ съ землею и съ полнымъ упраздненіемъ помѣщичьей юрисдикціи. „Если 22 миллиона жителей, *тѣшимые въ продолженіе двухъ лѣтъ надеждою на свободу* и на улучшеніе своего состоянія — писалъ Ростовцевъ государю — будутъ обмануты, разочаруются, потеряютъ довѣріе и любовь къ верховной власти, а неисполненіе своихъ ожиданій припишутъ, разумѣется, своимъ помѣщикамъ, — то Россія не будетъ спасена“. Въ подтвержденіе той мысли, что разрѣшеніе крестьянской реформы не усилитъ, а уничтожитъ возбужденіе умовъ въ народѣ, въ комисіи ссылались и на данныя уголовной статистики. Въ 40-хъ годахъ, когда совсѣмъ заглохли толки объ освобожденіи

ни крестьянъ, убійства крестьянами ихъ господъ сдѣлались особенно часты; въ одной изъ западныхъ губерній, въ теченіе двухъ лѣтъ, произведено было 11 убійствъ. Незадолго же предъ освобожденіемъ крестьянъ, — какъ только пронесся первый благовѣстъ о предстоящей волѣ, — убійства вовсе прекратились, не смотря на сильное возбужденіе умовъ. Вообще, до поднятія крестьянскаго вопроса, среднее число убійствъ помѣщиковъ въ годъ было 13; *посль же объявленія рескриптовъ не произошло ни одного случая убійства.* Съ цѣлью ускорить развязку такъ долго затянувагося у насъ крестьянскаго вопроса, министръ внутреннихъ дѣлъ гр. С. С. Ланской докладывалъ государю во всеподданнѣйшей запискѣ 1859 года: „*Давно уже мысль о свободѣ волнуетъ умы крѣпостныхъ людей.* Давно уже между ними ходятъ толки, что *государь желаетъ освобожденія,* но что дворяне мѣшаютъ этому дѣлу. Съ самаго восшествія вашего на престолъ, народная молва время отъ времени назначаетъ то тотъ, то другой день для манифеста объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія. Въ настоящее время, этотъ срокъ по общему слуху — день рожденія и празднованія совершеннолѣтія государя наслѣдника“.

Нужно ли говорить, что такая гангренозная язва, какъ безправное положеніе десятковъ милліоновъ гражданъ, заражала своимъ присутствіемъ и всѣ государственныя функціи, искажая въ корнѣ понятіе о законѣ, о правдѣ, о личномъ достоинствѣ человѣка. Въ то тяжелое время, озирая грустнымъ взглядомъ внутреннее состояніе своего отечества, искренній и честный патріотъ А. С. Хомяковъ писалъ о Россіи:

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

Каково было, предъ лицомъ произвола, положеніе не только простыхъ людей, но даже состоящихъ на государственной службѣ, и притомъ въ немалыхъ чинахъ, — это видно изъ горькой жалобы В. И. Даля, вынужденнаго покинуть Нижній Новгородъ уже въ началѣ прошлаго царствованія. „*Чиновники ваши и полиція* — писалъ онъ къ виновнику своего изгнанія, нижегородскому

губернатору А. Н. Муравьеву—*дѣлаютъ, что хотятъ; любимцы и опричники не судимы*. Произволь и беззаконіе господствуютъ нагло, гласно. Ни одно слѣдствіе не производится безъ постороннихъ видовъ и всегда его гнутъ на сторону неправды. Въ такихъ рукахъ законъ—дышло: куда хочешь, туда и воротись. Слабость, даже прямое потворство, по просьбамъ, искательствамъ, проискамъ, поддерживаютъ и укрѣпляютъ такой порядокъ. *Безразличное смѣшеніе служебныхъ дѣлъ съ личными и частными, рѣшеніе ихъ домашней расправой*, по вліянію и волѣ ходатаевъ, — все это навлекаетъ на себя общій неумолчный ропотъ. Вотъ почему *прямымъ, честнымъ и добросовѣстнымъ людямъ служить нельзя*. Ихъ скоро не будетъ при васъ ни одного. Вы спокойно допускаете очерненіе такихъ людей... Не вѣрьте, чтобы кто нибудь за-глаза прославилъ васъ за такіе подвиги; самые негодные люди, радуясь этому, не менѣе того понимаютъ, что добросовѣстность и справедливость идутъ въ ссылку, а *самоchinность и беззаконіе торжествуютъ*. Но судить насъ будутъ не *родные братья наши, въ какихъ бы ни были они высокыхъ званіяхъ* (намекъ на роднаго брата нижегородскаго губернатора, М. Н. Муравьева), а разсудить насъ народъ, который правду слышитъ чутьемъ, и Господь, попускающій гоненія ради очистки нашей въ горнилѣ искуса. Еслибъ вы могли постигнуть, *какое святое чувство вы разорили во мнѣ и попирали ногами*,—вы бы позадумались и пожалѣли¹⁾.

И эти жгучія строки о „любимцахъ и опричникахъ“, о пристрастныхъ слѣдствіяхъ, о „безразличномъ смѣшеніи служебныхъ дѣлъ съ частными“, о рѣшеніи ихъ „домашней расправой“ (по кодексу помѣщичьей конюшни), о „торжествующемъ беззаконіи“ и „попираемыхъ ногами святыхъ чувствъ“,—эти пламенные діатрибы по адресу вліятельнаго администратора, опирающагося на своего, еще болѣе властнаго брата, набросаны рукою не какого нибудь разнузданнаго юноши или стараго ябедника, за взятки прогнаннаго съ теплаго мѣста: нѣтъ, онѣ принадлежатъ перу почтеннаго

¹⁾ См. только что вышедшій 9-й выпускъ „Дѣйствій нижегородской губернской архивной комисіи“, прилож. VIII.

писателя и ученаго лингвиста, состарѣвшагося на государственной службѣ.

Мудрено ли, что вѣсть объ уничтоженіи крѣпостнаго права, объ исцѣленіи Россіи отъ этой вѣковой коросты, замедлившей движеніе всѣхъ жизненныхъ соковъ, пролетѣла, какъ молнія, по всему нашему отечеству и зажгла радостнымъ огнемъ всѣ правдивые умы, всѣ честныя сердца? На знамени томъ московскомъ обѣдѣ 28 ноября 1857 г. М. Н. Катковъ говорилъ: *„Люди разныхъ мнѣній, разныхъ убѣжденій, которые, быть можетъ, во всемъ чувствовали между собою бездну раздѣленія, мы собрались сюда теперь, повинаясь одному, встѣмъ намъ общему, чувству. Каждый изъ насъ пришелъ сюда не по внѣшнему побужденію, а по внутреннему влеченію; никто не былъ обязанъ и всѣ мы явились для выраженія этого общаго чувства, для запечатлѣнія глубокой, чистой, искренней преданности Тому, въ комъ наша родина обрѣла свое чаяніе“.* „Новымъ духомъ вѣтеъ, новое время настало! — восклицаль на томъ же историческомъ обѣдѣ Н. Ф. Павловъ: — мы дожили, мы присутствуемъ при второмъ преобразованіи Россіи. Счастливы мы, велико значеніе нашей эпохи! *Легче станется совѣсти христіанина, какъ-то благороднѣе бьется сердце и смѣлье смотрится на божій міръ.* Мы собрались здѣсь для выраженія глубокаго, искренняго сочувствія святому дѣлу; *мы не принесли сюда никакой задней мысли, которая бы могла убояться свѣта“.*

Русскіе поэты также не замедлили откликнуться на это національное торжество, когда оно обратилось уже, послѣ долгихъ перипетій и колебаній, въ совершившійся фактъ. И. С. Аксаковъ привѣтствовалъ освобожденіе крестьянъ въ такихъ звучныхъ и прочувствованныхъ строфахъ:

«*День встаетъ, багрянъ и пышенъ,*
 Долгой ночи скрылась тѣнь;
 Новой жизни трепетъ слышенъ,
 Чѣмъ-то вѣщимъ смотритъ день.
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
 Вышла съ Богомъ на работу
 Пробужденная страна!

Такъ торжественно-прекрасно
 Блещетъ утро на землѣ;
 На душѣ свѣтло и ясно
И не помнится о злѣ,
 Объ истекшихъ дняхъ страданья,
 Объ утратѣ многихъ силъ
 Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья.
 Въ безвременности могилъ.
 Пусть почіють мирно гробы
 Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ...
 Память имъ! *но въ сердцахъ—злости,*
Ни вражды, ни мести нѣтъ.
 Все простить онъ безъ разчета,
 Устоявшій въ дни тревогъ,—
Тотъ, чей духъ годину гнета
Пережилъ и перемогъ!»

А незадолго до освобожденія тотъ же отзывчивый поэтъ, изнывая въ нравственномъ маразмѣ, съ отчаяніемъ вопіялъ:

«Опять тоска, опять раздоръ,
 Знакомыхъ думъ знакомый споръ!..
 Давно ли я мечту спровадилъ,
 На мирный строй себя наладилъ,
 И самъ повѣрить былъ готовъ,
 Что жизнь права, что я доволенъ,—
И вотъ опять я боленъ, боленъ,
И для тоски не знаю словъ.
 . . . . .
 Не грѣзъ обманъ въ туманной дали
 Виною скорби и печали,
Но шбель силы молодой,
Но нѣтъ всего, что духъ возноситъ,
 Чего душа безумно просить —
 Служенья истинѣ живой!»

Переходъ отъ эпохи „гнета“, подъ которымъ застывали въ мучительномъ снѣ лучшія думы и чувства, къ періоду умственного и нравственного возрожденія—отразился и въ поэзіи А. Н. Майкова прелестной его „Картинкой“. Маленькая дѣвочка, только что выучившаяся грамотѣ, прилагаетъ свои новыя познанія къ чтенію манифеста объ освобожденіи крестьянъ.

< И пришлось ей, младенцу,
 Старикамъ прочесть
 Про желанную свободу
 Дорогую вѣсть.
 Самой вѣсти смыслъ покажѣсть
 Темень имъ и ей,
Но всѣ чуютъ надъ собою
Здѣю новыхъ дней.
 Вспыхнетъ, братцы, эта зорька,
 Тьма идетъ къ концу—
 Ваши дѣтки ужъ увидятъ
 Свѣтъ лицомъ къ лицу.
Тьма пускай еще ярится,
 День взойдетъ могучь;
 Вѣщимъ окомъ я ужъ вижу
 Первый свѣтлый лучъ.
Онъ горитъ ужъ на головкѣ,
Онъ горитъ въ очахъ
Этой умницы-малютки
Съ книжкою въ рукахъ».

Какой жизнерадостный трепеть пробѣжалъ по всѣмъ слоямъ русскаго народа (за исключеніемъ нѣкоторыхъ заматерѣлыхъ крѣпостниковъ, да любителей *революции* quand même, мечтавшихъ объ иномъ способѣ освобожденія) — это видно изъ многихъ, вполне достовѣрныхъ и искреннихъ, свидѣтельствъ современниковъ.

Академикъ и профессоръ А. В. Никитенко, подъ 5-мъ марта 1861 г., пишетъ въ своемъ чрезвычайно интересномъ дневникѣ: „Великій день! Манифестъ о свободѣ крестьянъ мнѣ принесли около полудня. Съ невыразимо-отраднѣмъ чувствомъ прочелъ я этотъ *драгоценный актъ, важнѣе котораго врядъ ли есть въ тысячелѣтней исторіи русскаго народа.* Я прочелъ его вслухъ женѣ моей и дѣтямъ въ кабинетѣ, предъ портретомъ Александра II-го, на который мы всѣ *взглянули съ глубокимъ благоговѣніемъ и благодарностью...* Я не могъ усидѣть дома... Мнѣ захотѣлось выйти побродить по улицамъ и, такъ сказать, *слитъ ся съ обновленнымъ народомъ.* На перекресткахъ наклеены были объявленія отъ генераль-губернатора и возлѣ каждаго толпились кучки народа: одинъ читалъ,

другіе слушали. Вездѣ встрѣчались лица довольныя, но спокойныя... Изъ знакомыхъ я встрѣтился съ Галаховымъ. „Христосъ воскресъ!“ сказалъ я ему. „Воистину воскресъ!“ отвѣчалъ онъ, и мы взаимно передали другъ другу нашу радость. Потомъ я зашелъ къ Ребиндеру (директоръ департамента народнаго просвѣщенія, а затѣмъ сенаторъ). Онъ велѣлъ подать шампанскаго и мы выпили по бокалу въ честь Александра II-го“.

Другой счастливый свидѣтель народнаго энтузіазма, въ день объявленія высочайшаго манифеста, рассказываетъ: „Было два часа пополудни. На Царицыномъ лугу было народное гулянье; плацъ былъ полонъ народомъ. Издали слышались крики: „ура!“ Государь ѣхалъ съ развода. По мѣрѣ того какъ онъ приближался, крики „ура“ становились громче; наконецъ, когда государь подѣхалъ къ плацу, толпа заколыхалась, шапки полетѣли вверхъ, раздалось такое „ура“, отъ котораго, казалось, земля затряслась. *Никакое перо не въ состояніи описать тотъ восторгъ, съ которымъ освобожденный народъ встрѣтилъ своего Царя-Освободителя...* Я счастливъ, что мнѣ пришлось въ моей жизни видѣть этотъ народный энтузіазмъ, не поддающійся описанію“.

Даже оппозиціонный „Колоколъ“ не выдержалъ своего предвзятаго тона и съ умиленіемъ воскликнулъ, обращаясь къ личности великодушнаго монарха: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ“. Пишущій эти строки, — самъ очевидецъ событій, — помнитъ и другія проявленія общаго восторга, и свои сочувственныя бесѣды съ лучшими дѣятелями того времени: напр., К. Д. Кавелинымъ (подъ редакціей котораго я велъ юридическій отдѣлъ въ журналѣ „Народное Чтеніе“) и съ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, жившимъ тогда подъ крыломъ В. К. Елены Павловны—горячей сторонницы освобожденія—въ ея собственномъ дворцѣ, и направлявшимъ все свое вліяніе, весь обширный государственный умъ и всѣ придворныя связи на пользу великаго дѣла. Не желая обременять журнальной статьи фактами, — которымъ, можетъ быть, найдется мѣсто въ моихъ мемуарахъ, — я скажу только, что въ день освобожденія крестьянъ кн. Одоевскій встрѣчалъ своихъ добрыхъ дру-

зей тѣмъ же радостнымъ возгласомъ: „Христось воскресе“, какимъ Никитенко привѣтствовалъ г. Галахова.

Мы, кажется, привели достаточно данныхъ для доказательства того, что крестьянская реформа не выскочила у насъ изъ подъ полу, какъ *dens ex machina*, что она подготовлялась столѣтнимъ внутреннимъ процессомъ государственнаго развитія и составляла предметъ постоянной заботливости верховной власти. Освобожденіе крестьянъ, провозглашенное съ высоты престола манифестомъ 19 февраля 1861 года, было только заключительнымъ звеномъ въ цѣлой цѣпи мѣропріятій, клонившихся къ ограниченію крѣпостнаго права. Поэтому громадное большинство русскаго народа и общества, — начиная отъ не потерявшихъ національнаго чутья эмигрантовъ и кончая самыми выдающимися представителями нашей тогдашней науки, литературы и государственной дѣятельности, — такъ дружно двинулось на встрѣчу вѣнценосному преобразователю и окружило его такими искренними симпатіями. Но крестьянская реформа, по естественному ходу вещей, не могла остаться одинокой, ибо *принципу произвола*, устраненному изъ одной области, не подобало уже хозяйничать въ другихъ смежныхъ сферахъ. „Уничтоженіе крѣпостнаго состоянія — читаемъ въ журналѣ государственнаго совѣта 1862 г. — *провело столь рѣзкую черту между прежнимъ и новымъ порядкомъ вещей*, что нѣкоторыя, относящіяся къ судопроизводству, начала (смѣшеніе властей, сословные суды и пр.), болѣе или менѣе соотвѣтствовавшія прежнему гражданскому быту половины населенія нашего отечества, теперь обратились въ недостатки. — Первое начало — *смѣшеніе властей*—было отчасти неизбѣжнымъ послѣдствіемъ крѣпостнаго состоянія. Смѣшеніе властей, проникавшее въ отдѣльныя управленія, должно было проникнуть и въ общее управленіе имперіи, и нынѣ всѣ административныя власти, начиная отъ становаго пристава до губернатора и даже до министровъ, — вмѣшиваясь, въ силу самаго закона, въ ходъ судебныхъ дѣлъ и тѣмъ самымъ ослабляя истинное значеніе суда, — *останавливаютъ правильное отправленіе правосудія*... Указанныя начала, истекая изъ прежняго устройства нашего общества, *имѣютъ между собою такую непо-*

средственную связь, что, при осуществленіи одного изъ нихъ, были неизбѣжны и другія; а потому нынѣ, съ уничтоженіемъ самой причины, оправдывавшей до нѣкоторой степени прежній порядокъ, необходимо одновременно устранить всѣ эти органическіе недостатки теперешняго судопроизводства“.

Такимъ образомъ, крестьянская реформа, вынувъ изъ нашего общественнаго фундамента краеугольный его камень, уже предрѣшила цѣлый рядъ другихъ послѣдовательныхъ преобразованій, какъ-то: *раздѣленіе смѣшанныхъ властей* (суда и администраціи), *привлеченіе земскихъ силъ къ участію въ дѣлахъ общественнаго управленія, судъ присяжныхъ*, какъ судъ пробудившейся „общественной совѣсти“, и, хотя неполная, *свобода печати*, давшая право обсуждать не только отдѣльные законы и мѣры правительства, но и всю систему законодательства. Нельзя было оставлять освобожденный и полноправный народъ въ кромѣшной тѣмѣ невѣжества: отсюда возникли усиленныя заботы и правительства, и земства о развитіи народнаго, преимущественно начальнаго, образованія. Прежняя рекрутская повинность, отбывавшаяся, какъ обидная барщина, лишь „податными сословіями“, естественно распространилась и на привилегированные классы: защита отечества вмѣнена въ обязанность всѣмъ свободнымъ гражданамъ, не страдающимъ „физическими недостатками“, которые одни только и стали избавлять совершеннолѣтнюю молодежь отъ необходимости пройти военный искусь. Словомъ, нашему отечеству пришлось *неизбѣжно*, а не по чьей либо прихоти, согласовать свой внутренній бытъ съ принципомъ гражданскаго полноправія, съ коренными условіями культурной жизни въ семьѣ европейскихъ народовъ. Весь этотъ процессъ нашего гражданскаго перерожденія шелъ, повидимому, совершенно правильно, по указанію непреложныхъ историческихъ законовъ, и притомъ происходилъ безъ внутреннихъ потрясеній, направляясь не снизу вверхъ, а *сверху внизъ*, по инициативѣ самой верховной власти, добровольно распространявшей на свой народъ всѣ блага цивилизованной жизни, добровольно развивавшей въ немъ чувство законности и сознаніе личнаго достоинства. Масса народа и большинство образованнаго общества съ довѣріемъ слѣдовали по стопамъ

верховой власти, иногда критически относясь къ ошибкамъ и промахамъ правительства, но неизмѣнно сочувствуя основнымъ идеямъ реформъ.

Это одна сторона медали, — сторона приглядная и симпатичная, — и какъ счастлива была бы Россія, еслибы она была знакома только съ одними вышеуказанными фактами; какъ грандіозно процвѣло бы ея внутреннее развитіе — гражданское, финансовое и промышленное, — какъ выросло бы, давно уже, ея внѣшнее политическое значеніе въ европейскомъ ареопагѣ! Но есть у этой медали и другая сторона, — внушающая ужасъ и отвращеніе, благодаря которой мы не успѣли и до сихъ поръ пожать всѣхъ плодовъ отъ разумно-задуманныхъ, хотя и не всегда удачно исполненныхъ реформъ. Рядомъ со взрывами народнаго энтузіазма, съ восторженными кликами культурнаго общества, у насъ стали прорываться, вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, болѣзненные симптомы особаго свойства, не имѣвшіе ничего общаго съ воспитываемымъ реформами чувствомъ законѣрности, съ гражданской свободой, съ прогрессивными началами, возросшими на государственной почвѣ. Въ магистральное теченіе нашей жизни, по руслу предначертанныхъ реформъ, вторгся неожиданно какой-то бурный и грязный потокъ, очевидно направленный въ другую сторону, но не квалифицированный въ-время, какъ слѣдуетъ, и даже преднамѣренно смѣшиваемый якобы-консерваторами съ общимъ прогрессивнымъ теченіемъ. Начались петербургскіе, московскіе и симбирскіе пожары; каракозовскій выстрѣлъ сюрпризомъ раздался у рѣшетки Лѣтняго сада, въ годъ учрежденія гласнаго и независимаго суда; а затѣмъ и пошла цѣлая серія дикихъ, судорожныхъ „покушеній“, увѣнчавшихся наконецъ роковымъ успѣхомъ... Это — выдвинула свою разрушительную работу наша „бунтарская“, анархическая партія, попеременно прикрывавшаяся разными легальными кличками, но всегда стоявшая особнякомъ со своими затаенными планами, направленными къ разрушенію семьи и государства, къ отмѣнѣ личной и даже общинной собственности въ пользу какого-то несодѣяннаго „коллективизма“, къ насильственному изгнанію религіознаго культа, къ обращенію законѣрнаго гражданскаго общежитія въ „казацки

круги“ со Стеньками Разинными и Пугачевыми во главѣ, вмѣсто Перикловъ и Вашингтоновъ. Присвоивъ себѣ на первое время взятые на прокатъ флаги и имена, наши „бунтари“, „анархисты“, „коллективисты“,—и какъ тамъ еще ихъ зовуть!—стали уже, въ концѣ концовъ, фигурировать au naturel и предавать проклятію не только наши „порядки“, но и общественный строй всѣхъ европейскихъ народовъ. Когда же невѣжественнымъ бунтарямъ не удалось превратить Россію въ казачій кругъ, подъ бунчукомъ г. Нечаева, и они пошли волей-неволей пропагандировать „последнія слова науки“ въ западную Европу и въ Новый свѣтъ, — то и тамъ, при всей широкой терпимости ко всякимъ нелѣпымъ мнѣніямъ, ихъ стали третировать en canaille, какъ вредныхъ паразитовъ, обратившихъ свое бунтарство въ предосудительный промыселъ. Отъ нихъ, съ равнымъ негодованіемъ, отрецивались и государственные люди наиболѣе свободныхъ странъ въ мірѣ, и представители самого радикальнаго социализма, въ родѣ Карла Маркса и его друзей. Никто не угодилъ имъ въ цѣломъ мірѣ, кромѣ развѣ низменныхъ подонковъ Бельвиля и Монружа; ни съ кѣмъ не удалось имъ вступить въ союзъ; нигдѣ не согласились ни избивать массами людей, заклеянныхъ нашими бунтарями кличкою „буржуевъ“, ни перестраивать парламенты и университеты въ аллюминіевы дворцы для упражненій свободной въ любви, съ пѣніемъ и танцами. Въ Европѣ скорѣе, чѣмъ у насъ, разъяснили имъ, что *либерализмъ* и *либертинажъ* (т. е. нравственное распутство) — два совершенно разныхъ понятія, что кулачное право не есть послѣднее слово науки, что съ государственными учрежденіями слѣдуетъ церемониться нѣсколько больше, чѣмъ съ карточными домиками, и что, наконецъ, изыскивать „новые грады“ можно лишь съ какимъ нибудь опредѣленнымъ планомъ путешествія... У насъ же эти безшабашные пропагандисты „новыхъ словъ“,—въ родѣ необходимости ограбленія денежныхъ почтъ, чтобы пополнить скудную революціонную кассу, или законности убіенія родителей, если только наслѣдованное имущество поступить полностью на содержаніе комисаровъ отъ революціи,—у насъ они нашли себѣ (надо сказать правду!) довольно многочисленную команду

почитателей, которые не только не предлагали имъ дружески—подвергнуться на нѣкоторое время гидропатическому лѣченію, но, напротивъ, жертвовали всѣмъ своимъ будущимъ изъ-за чести попасть простымъ рядовымъ въ бунтарскую „армію спасенія“. Кошмаръ, заплонившій умы нѣкоторой части нашей молодежи, былъ довольно силенъ и продолжителенъ.

Покойный А. Д. Пазухинъ, сближая „начала“ и „концы“ реформеннаго періода, рисовалъ въ своей извѣстной статьѣ: „Современное состояніе Россіи и сословный вопросъ“ такую неутѣшительную картину: „Мы видимъ Россію какъ бы раздвоенною. *Существуетъ Россія историческая*, покоящаяся на тѣхъ основахъ, которыя выработаны тысячелѣтіемъ, преданная идеямъ, которыя завѣщаны ей прошлымъ,—Россія вѣрующая и способная на великія жертвы. Рядомъ съ ней *живетъ другая Россія*, не знающая своей исторіи, не имѣющая никакихъ идеаловъ, никакого уваженія къ прошлому, никакихъ заботъ о будущемъ, ни во что не вѣрующая и способная лишь къ разрушенію. Положеніе, въ которомъ находится та и другая, далеко не одинаково. *Весь установленный складъ жизни подавляетъ Россію историческую*, которая осмѣливается возвышать свой голосъ лишь въ години испытаній, когда грозитъ опасность самому существованію государства, между тѣмъ какъ другая, враждебная ей, Россія заявляетъ о себѣ ежедневно и требованіемъ конституціи, и хищеніемъ общественнаго достоянія, и *подвигами тайной крамолы*“.

Фактъ нравственнаго раздвоенія, парализовавшаго нашу внутреннюю жизнь въ концѣ прошлаго царствованія, подмѣченъ Пазухинымъ совершенно вѣрно, но въ характеристикѣ этого раздвоенія замѣчается нѣкая тенденціозная мысль, съ которою невозможно согласиться. Пазухинъ склоненъ, по-видимому, выдѣлить изъ „исторической Россіи“, лишить отечества не только вышеуказанную сбродную группу, „ни во что не вѣрующую и способную лишь къ разрушенію“, но и всѣхъ несомнѣнныхъ патріотовъ и глубоко-убѣжденныхъ людей, которые или прямо участвовали въ исполненіи преобразовательныхъ проэктвъ, или содѣйствовали ихъ успѣху своимъ перомъ и словомъ. Искренно или неискренно, но онъ какъ

будто вѣрить, что знамя просвѣщенія, свободы и любви къ народу, которое воровскимъ образомъ выставляли на видъ наши анархисты, принадлежать имъ по праву, и что къ „исторической Россіи“ примыкають—тоже по праву—лишь тѣ элементы, которые и слышать не хотятъ объ основныхъ началахъ произведенныхъ реформъ. Выходить, какъ будто, что у насъ за однимъ дѣломъ стояли и совокупо трудились: съ одной стороны, Ростовцевъ, Ланской, Милютинъ, Одоевскій, Безобразовъ (авторъ блестящихъ передовыхъ статей въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 60-хъ годовъ о свободѣ крестьянъ, о гласномъ судѣ, о земствѣ и пр. ¹⁾), М. Н. Катковъ—въ первый періодъ своей публицистической дѣятельности, — Аксаковъ и Кавелинъ; а съ другой—люди, отрицавшіе въ корнѣ самую идею государства. Но если анархисты пользовались до поры, до времени чужими лозунгами и знаменами, то именно для сбиванія съ толку поверхностныхъ наблюдателей. „У безстыднаго корсара — говорить одно дѣйствующее лицо въ пьесѣ кн. Одоевскаго: „Хорошее жалованье“, очевидно выражая мнѣніе автора—множество флаговъ наготовѣ—поднять какой угодно! Въ трюмѣ запрятаны пушки, топоры и живое мясо; спросите: куда онъ? зачѣмъ? — За прѣсной водою! Не оскорбляйте почтеннаго негоціанта подозрѣніемъ: вѣдь онъ отецъ семейства; вы ему помѣшаете; тамъ, далеко, въ подводной части еще не всѣ жертвы ограблены, еще не всѣ изуродованы“.

Въ исторіи бывають большія недоразумѣнія. Подъ флагомъ „равенства и братства“ евреи протащили въ западной Европѣ свой варварскій талмудическій грузъ, и подъ тѣмъ же флагомъ наши анархисты совершали свои подвиги наглѣйшаго безчеловѣчія и насилія. Не мѣшаетъ вспомнить, что въ составѣ нашихъ революціонныхъ бандъ еврейскій элементъ игралъ очень видную роль, и стѣдуетъ только сличить

*) Эти статьи были, конечно, не подписанныя (по редакціонному обычаю), но о принадлежности ихъ В. П. Безобразову мы имѣемъ свѣдѣніе отъ самого покойнаго автора, который, въ теченіе двухъ лѣтъ передъ своею кончиною, былъ постояннымъ сотрудникомъ нашего журнала „Вопросы дня“, имъ же открытому и озаглавленному. Владѣющіе бумагами Безобразова могутъ точнѣе разъяснить это изъ огромной переписки покойнаго съ М. Н. Катковымъ.

„катехизисъ русскаго революціонера“ съ избраннѣйшими мѣстами талмуда вавилонскаго (которыя мы напечатаемъ въ скоромъ времени), чтобы понять одинъ изъ источниковъ нашего анархическаго человѣконенавистничества, подъ личною любви къ народу. Все, что талмудъ рекомендуетъ продѣлывать по отношенію къ „гою“ и „акуму“ (т. е. къ христіанамъ) — то самое революціонный катехизисъ одобряетъ, какъ наилучшее средство къ истребленію злосчастныхъ „буржуевъ“, не сочувствующихъ анархическому террору. Были, конечно, у нашего анархизма и другіе источники зараженія; но такъ какъ наша бесѣда и безъ того уже достаточно затянулась, то объ нихъ мы поговоримъ въ слѣдующей книгѣ нашего журнала.

Ф О Н О Г Р А Ф Ъ.

(Фельетонъ «Наблюдателя»).

И СМѢХЪ, И ГОРЕ.

(Литературныя и общественныя замѣтки).

Памяти покойника.—Г. З. Елисеевъ; его служебная и литературная дѣятельность. —Виды на карьеру, принесенные въ жертву литературѣ.—Защита крестьянскихъ правъ.—„Народничество“ Елисеева.—Скептицизмъ по отношенію къ крайностямъ напускнаго радикализма и прочность собственныхъ убѣжденій.

I.

На этихъ страницахъ, намъ приходится каждый мѣсяць говорить съ читателями о текущихъ дѣлахъ, о будничной суетѣ; приходится,—говоря стихами Веневитинова,—„гнаться за жизнью“ и —

„на каждый звукъ ея призывный
Отзывной пѣснью отвѣчать“.

Для того, конечно, и существуетъ „фонографъ“, чтобы не пропускать этихъ громкихъ или замирающихъ звуковъ и сосредоточивать ихъ, съ добросовѣстной отчетливостью, въ своемъ акустическомъ аппаратѣ. Но однако—помилуй Богъ—не все же толки объ одной „текущей жизни“: о прелестяхъ клас-

цизма, осужденнаго легкомысленнымъ императоромъ Вильгельмомъ и великодушно принятаго подъ свою защиту такимъ знаменитымъ филологомъ и педагогомъ, какъ эксъ-предсѣдатель московской судебной палаты, графъ Капнистъ; о соблазнахъ новой абиссинской экспедиціи Ашинова; о „лоботрясѣ“ Бартенева (какъ онъ самъ себя аттестовалъ въ своемъ дневникѣ) и психопаткѣ Висновской; о „безпримѣрномъ подвигѣ“ ютника Пѣшкова, проѣхавшаго на сѣромъ конѣ изъ восточной Сибири въ Петербургъ; о еще болѣе безпримѣрномъ портѣ помѣщика Эннатскаго, прикатившаго на тройкѣ изъ деревни Проплеванной въ самый Парижъ, и т. д., и т. д. Подобные толки, при всей ихъ назидательности для ума и сердца російскихъ читателей, могутъ и нѣсколько набить скомину, въ концѣ концовъ...

И вотъ, когда придетъ такая напасть, когда не захочешь и смотрѣть на героевъ бесполезнаго спорта, ненужныхъ экспедицій и будуарныхъ походовъ, не захочешь и слушать многократно восхваляемыхъ чарахъ аориста и герундія, — тогда можно на время повернуться спиною къ мимолетнымъ бытіямъ и вопросамъ и ловить звуки не текущей, а уже ротеющей жизни, съ ея былыми вѣрованіями, надеждами и траданіями. Иногда въ этихъ отголоскахъ минувшаго можно айти и возмѣщеніе той духовной пустоты, которая образуется одъ наитіемъ современности.

Два мѣсяца тому назадъ, въ эту область минувшаго отоелъ одинъ изъ крупныхъ дѣятелей русской журналистики а время 60—70-хъ годовъ, Григорій Захаровичъ Елисеевъ. Мы живемъ въ эпоху такой феноменальной забывчивости относительно умственнаго труда, литературнаго дарованія и бщественной службы, что, произнося имя Елисеева, рискуешь звать, прежде всего, забавное *qui pro quo*. Навѣрно звать десятыхъ почтеннѣйшей публики примуть усопшаго публициста за родственника или компаньона знаменитаго иноградя Елисеева, — сбывающаго десятки лѣтъ свой хиръ подъ кличкой лафита и понтэ-канэ, — и, только въ омъ качествѣ, отдадутъ ему нѣкоторую долю своего проѣщеннаго вниманія. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, нашъ итературный Елисеевъ не имѣлъ ничего общаго ни съ вино-

градными садами „братевъ Елисеевыхъ“, ни — тѣмъ болѣе — съ ихъ таинственными манипуляціями по части „сдабриванія“ и „разсыропливанія“ винограднаго сока, прежде чѣмъ онъ попадетъ въ бутылки съ этикетками химической фирмы, имѣющей даже въ своемъ служебномъ штатѣ вельми именитаго профессора.

Г. З. Елисеевъ былъ, — по его собственному шутивому термину, — „клерикальнаго происхожденія“, причемъ онъ прибавлялъ не безъ своеобразной гордости: „мой дѣдъ землю пахаль“. Это происхожденіе изъ духовнаго сословія, къ тому же не изъ высшихъ, а низшихъ слоевъ его, всегда близкихъ къ быту и интересамъ массы народа, предрѣшило отчасти и будущее направленіе его литературно-общественной дѣятельности. Въ сороковыхъ годахъ онъ слушалъ лекціи въ московской духовной академіи, откуда и получилъ въ 1846 г. дипломъ бакалавра; затѣмъ былъ профессоромъ казанской духовной академіи (изъ его слушателей особенно выдѣлился А. П. Щаповъ), но въ недолгій срокъ перешелъ на гражданскую службу въ Сибирь, окружнымъ начальникомъ. Въ 1858 г., въ эпоху нашего „возрожденія“, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и навсегда отдался журналистикѣ, не соблазняясь уже никакими служебными перспективами, хотя онѣ, — какъ я слышалъ лично отъ покойнаго, — и представлялись ему въ то время, когда литературная извѣстность проложила Громеку путь къ губернаторскому посту. Но Елисеевъ былъ человекъ надежнаго закала и, относясь скептически къ показному образу мыслей даже своихъ ближайшихъ сотоварищей, самъ, въ строгомъ смыслѣ, именно *посвящалъ* себя журнальному дѣлу съ тою чисто религіозною *pietas*, которая таилась глубоко въ его душѣ, не смотря на всѣ вѣянія тогдашняго крикливаго радикализма. Въ редакціи „Современника“, гдѣ я познакомился съ нимъ, онъ велъ, вплоть до катастрофы, постигшей этотъ журналъ, отдѣлъ „внутренняго обозрѣнія“. Его не блестяція по формѣ, но замѣчательно умныя и тщательно-обработанныя хроника, — въ которыхъ онъ выступалъ энергическимъ бойцомъ за основныя начала совершившихся и предполагаемыхъ реформъ, не вдаваясь въ безтактныя крайности, — обнаруживали въ немъ сильное дарованіе публициста и составили ему солидное имя и

только въ литературномъ кругу, но—сколько я помню—и въ значительной части нашего образованнаго общества. Между своими коллегами по редакціи—сначала въ „Современникѣ“, а потомъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ — онъ отличался разумной умѣренностью своихъ мнѣній и практическимъ смысломъ, вынесеннымъ имъ изъ непосредственнаго знакомства съ нашей дѣйствительной жизнью. Фразистаго либерализма, который былъ тогда въ большой модѣ, онъ просто не выносилъ и, наткнувшись на такого собесѣдника, обрывалъ его съ перваго слова и серьезными возраженіями, и меткими насмѣшками. Одинъ изъ сотрудниковъ „Отечественныхъ Записокъ“ безпристрастно свидѣтельствуетъ, что, выслушивая „смѣлыя рѣчи“ разныхъ радикальныхъ юнцовъ, Елисеевъ „спокойно предлагалъ разъяснить и разложить по пальцамъ, *что намъ пренъ дѣлать юноша на другой день послѣ того, когда его смѣлыя мечты увянутъ устѣхомъ*. Когда юноша старался при этомъ отдѣлаться общими и неопредѣленными фразами, онъ съ тѣмъ же невозмутимымъ хладнокровіемъ, задавая вопросъ за вопросомъ и сводя мало по малу собесѣдника на почву практическихъ мѣръ, *притиралъ его къ стѣнѣ*, — и кончалось дѣло тѣмъ, что собесѣдникъ или смолкалъ въ смущеніи, или начиналъ пороть такую несообразную дичь, что ему и самому дѣлалось отъ нея тошно“. Намъ сдается, что въ такое положеніе „притертаго къ стѣнѣ“ попадалъ нерѣдко и самъ авторъ цитированныхъ строкъ, на писанія котораго Елисеевъ вынужденъ былъ налагать свою редакторскую руку. Можетъ быть, потому писанія эти и выходили въ „Отечественныхъ Запискахъ“ гораздо приличнѣе, чѣмъ въ газетныхъ притонахъ, гдѣ пресловутый „критикъ“ могъ писать „во всю“ и гдѣ его не стѣсняла редакторская узда. Впрочемъ, отъ людей не жди благодарности, и, когда, незадолго до смерти, Елисеевъ препроводилъ къ своему ученику небольшую статью для помѣщенія въ его газетномъ притонѣ, то „критикъ“ воспользовался случаемъ примѣнить систему поправокъ къ самому наставнику, чѣмъ и взбѣсилъ старика до такой степени, что тотъ счелъ нужнымъ печатно протестовать противъ навязанныхъ ему „улучшеній“.

Даже по части религиозныхъ вопросовъ, — о которыхъ свободномыслящіе юнцы, охотно взявшіе себѣ въ прадѣдушки челоѡкообразнаго орангутанга, не считали даже нужнымъ говорить серьезно, — Елисеевъ продолжалъ держаться своего „особаго мнѣнія“ и, по словамъ того же сотрудника „Отечественныхъ Записокъ“, оставался въ душѣ вѣрующимъ челоѡкомъ и „никакъ не могъ допустить прекращенія личнаго существованія послѣ смерти“. Серьезное философское образованіе, глубокій природный умъ и недюжинное эстетическое чувство (я помню въ „Современникѣ“ его прекрасную статью по части литературной критики), конечно, мѣшали Елисееву относиться съ кондачка къ предмету самаго пламеннаго почитанія челоѡчества, хотя его деизмъ и не получилъ бы, можетъ быть, удовлетворительной отмѣтки на экзаменѣ у профессора Гусева. Во всякомъ случаѣ, его убѣжденное служеніе интересамъ русскаго народа, его непоколебимая вѣрность однажды усвоеннымъ принципамъ всегда носили въ моихъ глазахъ (а мнѣ приходилось довольно долго работать съ нимъ въ однихъ журналахъ) какую-то религиозную окраску — и „Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ“ всегда жилъ въ тайникахъ его благороднаго, любящаго сердца. До чего крѣпко держался Елисеевъ своихъ завѣтныхъ убѣжденій и до чего не уступчивъ былъ онъ какъ передъ виѣшними приманками, такъ и передъ толчками самой горькой нужды — объ этомъ повѣствоваль мнѣ, тоже покойный, Н. С. Курочкинъ, старый и неизмѣнный пріятель Елисеева. Когда, по прекращеніи „Современника“, къ Елисееву стали обращаться съ предложеніемъ сотрудничества представители другихъ редакцій, онъ, по зрѣломъ обсужденіи, не желая поступиться своими взглядами, рѣшилъ отказаться отъ этихъ очень выгодныхъ предложеній. Зато, въ теченіе немалаго времени, онъ вынужденъ былъ питаться одною личницей. Можетъ быть, такой „анекдотъ“ покажется просто смѣшнымъ толпѣ нынѣшнихъ литературныхъ „гонорарщиковъ“, „лихачей“ и „гешефтмахеровъ“; но — Боже мой! — еслибы въ русской журналистикѣ умерло воспоминаніе о такихъ смѣшныхъ чудакахъ, она давно бы потеряла даже самое право на существованіе...

II.

Основною чертою и профессорской, и литературной дѣяельности Г. З. Елисеева была искренняя, не доктринерская и не показная любовь къ народу, и вотъ за эту-то черту его не одобряло бы забывать русскому образованному обществу. „Я не зналъ человѣка—говорить о немъ Н. К. Михайловскій — болѣе неуклонныхъ демократическихъ не только принциповъ, но *самыхъ инстинктовъ*. Это не значить, чтобы онъ ходилъ въ грязной рубахѣ или въ какомъ нибудь якобы народномъ, въ сущности маскарадномъ костюмѣ. Нѣтъ, ничѣмъ внѣшнимъ онъ не отличался отъ людей среды, въ которой доверялось ему жить. Но мысль о сѣрой трудовой массѣ никогда не покидала его... и то, что въ насъ остальныхъ было плодомъ теоретическихъ выкладокъ ума или порывовъ сердца, или, наконецъ, художественной потребности, быть можетъ, въ одномъ Елисеевѣ *истекало непосредственно изъ его нравственнаго существа*“.

Въ одномъ изъ своихъ внутреннихъ обзорѣній въ „Отечественныхъ Запискахъ“, Елисеевъ съ грустью подчеркивалъ тотъ фактъ, что наши разговоры о народѣ такъ разговорами и остаются; что бѣдной трудящейся массѣ отъ нихъ ни тепло, ни холодно, и она по прежнему задыхается въ нравственныхъ потемкахъ и въ матеріальныхъ лишеніяхъ. „Какъ до реформы—писалъ онъ — одни инстинктивно, другіе ясно сознавали, что наше видное положеніе въ Европѣ основывается ни на чемъ другомъ, какъ на нашей военной силѣ,—на этомъ же сознаніи мы остаемся и теперь. Наша національная гордость и тщеславіе естественно должны страдать, какъ только въ Европѣ является сомнѣніе въ нашемъ военномъ могуществѣ... Многочисленныя внутренние реформы, произведенныя въ нынѣшнее царствованіе, указали намъ другой, болѣе достойный путь, на которомъ мы должны искать удовлетворенія нашей національной гордости и тщеславію. Но пройдетъ много времени, пока эти реформы обратятся въ

плоть и кровь нашей жизни; тогда только мы будем стараться не урѣзывать эти реформы, какъ онѣ ни умѣренны въ существѣ своемъ, а будемъ стараться возможно расширить ихъ; тогда только мы поймемъ, что *намъ надобно опередить Европу на пути мирнаго труда, промышленности и науки*; что для національной гордости даже обидно чувствовать и сознавать, что нашъ вѣсъ въ Европѣ основывается единственно на нашей численности и военной силѣ... Съ точки зрѣнія этой силы мы оцѣниваемъ все, въ томъ числѣ и нашъ народъ. Онъ дорогъ для насъ, какъ *материалъ, годный для войны, и какъ тяглая сила*, способная, не смотря на свое бѣдственное положеніе, выносить тягости войны. Когда онъ исполняетъ эти двѣ существенныя для насъ обязанности, мы имъ довольны, расхваливаемъ его; а затѣмъ, *какъ перебивается онъ со дня на день, какъ ухищряется при этомъ исполнять лежащую на немъ непосильную тягу*,—это насъ не интересуетъ. Замѣчательно, что и въ нынѣшнюю (турецкую) войну тѣ самыя газеты,—которыхъ передовыя статьи посвящались исключительно вопросамъ о проливахъ и пр., а передніе столбцы занимались похвалами русскому солдату,—на заднихъ своихъ листахъ печатали такія вопіющія извѣстія о положеніи народа въ разныхъ мѣстахъ, что уже самое вниманіе ихъ къ подвигамъ русскаго солдата и расточаемыя ему ежедневно похвалы должны были бы заставить ихъ, хоть два раза въ недѣлю, въ передовыхъ статьяхъ, вмѣсто кововъ Биконсфильда и вѣроломства Австріи, указывать на это положеніе народа, съ настоящимъ поясненіемъ, что народъ, сыны котораго совершаютъ такіе блестящіе подвиги за Балканами, *заслуживаетъ лучшей участи...* Что намъ за дѣло до того, что война повлечетъ за собою величайшія бѣдствія для страны и всего народа; что народъ истощится до невозможности, что множество пахотныхъ земель превратится въ пустыри, что и безъ того очень незначительная промышленность вообще, и фабричная въ частности, падетъ на 100, на 200 процентовъ; что нашъ рубль превратится въ гривенникъ и т. д. Зато мы побѣдили“!

Въ этихъ жалобахъ на бѣдственное положеніе народа, освободившаго цѣною милліардовъ Болгарію словно для того, чтобы г. Стамбуловъ прилагалъ тамъ на практикѣ теоріи на-

шихъ анархистовъ, не чувствуется никакой фальши; въ нихъ нѣтъ ни преувеличенія, ни раздражающихъ возгласовъ, — и эта правдивость чувства, вмѣстѣ съ публицистическимъ тактомъ въ его выраженіи, и составляетъ — повторимъ еще разъ — самую цѣнную заслугу усопшаго писателя.

Ефимъ Простосерд овъ.

НА ВЕРБАХЪ.

Привыкнувъ жить въ весельѣ чинномъ,
Погодѣ благодатной радъ,
Фланируетъ передъ Гостиннымъ
Весь беззаботный Петроградъ.
Докучныхъ дѣлъ онъ бросилъ бремя,
Народу тьма—куда ни взглянь...
Сбываются за это время
Торговцами старѣе и дрянъ,
Что накопилися годами;
Положимъ,—нужно со стыда
Сознаться намъ,—что въ этомъ сами
Мы виноваты, господа.
Привлечены цѣной дешевой,
Восторга мы не въ силахъ скрыть
И за товаръ подчасъ грошовый
Готовы впятеро платить...
Рой милыхъ дамъ, заботы кинувъ,
Готовъ едва ли не съ утра
Глазѣть на окна магазиновъ
Въ стѣнахъ Гостиннаго двора.
Отбросивъ чопорную спесь,
Своимъ поклонникамъ дѣвицы
Свиданья назначаютъ здѣсь,
И могутъ наболтаться разомъ,
Тайкомъ отъ бдительныхъ мама;
Способствуютъ интимнымъ фразамъ
И толкотня, и кутерьма...
Хоть «вербы»—дѣтское гулянье,
Но справедливо мнится мнѣ,
Что дѣти въ этой толкотнѣ
Къ себѣ лишь будятъ состраданье:
Тѣснятъ бѣднижекъ каждый разъ,

Пригомъ подчасъ не безъ ущерба...
 Что жъ имъ,—спросить хочу я васъ,—
 На память оставляетъ верба?
 Трофеи жалкіе дѣтей
 За путь далекій и напрасный—
 Ассортиментъ такихъ сластей,
 Что взять ихъ въ ротъ, ей-ей, опасно,
 (Хоть ихъ усердно по пути
 Грызутъ ребята, чуть не плача);
 Игрушки, кои донести
 До дому цѣлыми—задача!..
 Хоть дѣтскихъ всѣхъ не счесть невзгодъ,
 Но все же вербное гулянье
 Почти на цѣлый круглый годъ
 Оставить въ нихъ воспоминанье.
 И долго, какъ извѣстно намъ,—
 Каратель шалостей законный,—
 Висѣтъ, въ острастку шалунамъ,
 Прутъ вербы будетъ надъ иконой..

БАЛЛАДА.

Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла...
Лермонтовъ.

Въ глухомъ переулкѣ, въ Коломнѣ,
 Старинный, заброшенный домъ,
 Столѣтѣя минувшія помня,
 Стоялъ, окруженъ пустыремъ.
 Былъ отпертъ подъѣздъ въ немъ парадный:
 Тамъ ссудная касса была;
 Держалъ ее жидъ кровожадный,
 Безчувственъ къ слезамъ, какъ скала.
 Въ томъ домѣ съ утра ежедневно
 Толпился людей легіонъ;
 Въ ночи неприступенъ, какъ Плевна,
 Днемъ дверь открывалъ свою онъ.
 Влекомый таинственной силой,
 въ двери и сытый богачъ,

И пасынокъ рока унылый,
 Едва подавлявшій свой плачь.
 Въ угрюмой тиши кабинета
 Гостей принималъ ростовщикъ,
 Для денегъ отрекшійся свѣта,
 Холодный и черствый старикъ.
 Костлявыя двигались руки,
 Былъ взглядъ его нагло упрямъ,
 И дикіе, странные звуки
 Порой раздавались тамъ...
 Когда же надъ тихой Колодной
 Ночь темная вѣяла сномъ,
 Два дворника узелъ огромный
 Изъ дому тащили вдвоемъ.
 Въ окнѣ, растворявшемся ярко,
 Чернѣла ермолка жида,
 И чудно, при свѣтѣ огарка,
 Сребрилась его борода...

Старый Капраль.

МІРЪ БОЖІЙ.

(Черезъ призму „Крейцеровой сонаты“).

Наглою похотью случайно
 Ты на свѣтъ рожденъ
 И невольно долженъ вѣрять,
 Что прекрасенъ онъ.
 Но разсѣется съ годами
 Розовый туманъ
 И иллюзіи жизни глухихъ
 Ты поймешь обманъ.
 Такъ постигни же заранѣ
 Гнусность бытія:
 Жизнь народовъ, лицъ, вселенной—
 Все галиматья!
 Жизнь—нелѣпое сцѣпленье
 Мелкихъ дразгъ и бѣдъ,
 Наяву кошмаръ безсвязный
 И тяжелый бредъ.

Вѣрь: и страшнаго нѣтъ въ мірѣ —
 Всюду мразь одна.
 Жизнь безсмысленна, безцѣльна,
 И грязна, грязна!
 Красоты и правды вѣчной
 Въ этомъ мірѣ нѣтъ:
 Все въ немъ пошлость, ложь и мерзость —
 Суета суетъ.

Мимолетной вспышки страсти
 «Вѣчной» не зови:
 Ложны клятвы, лживы чувства —
 Похоть лишь въ любви!
 Не люби людей, мечтатель,
 Шиллеру не вѣрь:
 Человѣкъ — иль скоть безправный,
 Или дикій звѣрь.
 Ключъ живой иллюзіи свѣтлыхъ
 Въ немъ давно изсякъ;
 Онъ — въ помойной ямѣ міра
 Киснуцій червякъ.

Всѣ святыни, идеалы —
 Вздоръ, что ни толкуй, —
 И, на все махнувъ рукою,
 Ты на всѣхъ наплюй!

Л. Балалайкинь.

СОДЕРЖАНІЕ № 4-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

	СТРАН.
I. Ординарный профессоръ. Романъ I. I. Ясинскаго	3
II. На закатѣ. Стихотвореніе Л. Медвѣдева.	39
III. Законъ и общинное землевладѣніе. Н. П. Дружинина.	41
IV. На мотивъ П. Буржэ. Стихотвореніе И. Бунина.	67
V. Владъ. Романъ Н. Ѳ. Бажина	68
VI. Разказы Катулла Мендеса.	113
VII. Талмудъ Вавилонскій. (Этюдъ). А. А. Быкова	120
VIII. Отчего? Стихотвореніе Н. Орлова.	133
IX. Рита. (Очерки театральной жизни). Валеріана Свѣтлова.	134
X. Власть денегъ. Романъ Эмиля Золя.	158
XI. Изъ дневника. Стихотвореніе А. В. Круглова.	258
XII. Очерки средневѣковой жизни. П. В. Безобразова.	259
XIII. Представитель русскаго пейзажа. В. В. Чуйко	277
XIV. Марианела. Романъ Переса Гальдоса. (Окончаніе).	290

Современное обозрѣніе.

XV. Политическая хроника	1
XVI. Новыя книги	16
XVII. Наши внутреннія дѣла	29
XVIII. Итоги десятилѣтія.	39
XIX. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»): 1) И смѣхъ, и горе. (Литературныя и общественныя замѣтки). Ефима Простосердова.	58
2) Стихотворенія: Стараго Капрала и Л. Балабайкина.	66

255-283

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ НОВАЯ
КНИГА:

«ИЗЪ ИСТОРИИ

НАШЕГО

ЛИТЕРАТУРНАГО И ОБЩЕСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ».

Второе, дополненное издание монографій и критическихъ статей **А. П. ПЯТКОВСКАГО**, въ двухъ частяхъ (свыше *сорока* печатныхъ листовъ).

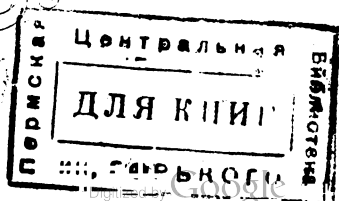
Содержаніе 1-ой части: 1) О жизни и сочиненіяхъ Д. И. Фонъ-Визина; 2) Осьмнадцатый вѣкъ въ русской исторіи; 3) Наши классики въ характеристикахъ г. Галахова; 4) О новѣйшемъ преподаваніи русской литературы и др. предметовъ; 5) Новая передѣлка карамзинской теоріи; 6) Опытъ философской разработки русской исторіи; 7) Идея гражданскаго брака въ русскомъ расколѣ; 8) Цензурный прозекъ Магницкаго; 9) Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ.

Содержаніе 2-ой части: 1) Очерки изъ исторіи русской журналистики (отъ Петра I-го до Александра I-го, съ 1703 г. до 20-хъ годовъ текущаго столѣтія); 2) Журнальный триумвиратъ (Сенковский, Гречъ и Булгаринъ); 3) князь В. Ѳ. Одоевскій (литературно-біографическій очеркъ въ связи съ личными воспоминаніями); 4) О жизни и сочиненіяхъ Д. В. Веневитинова.

См. отзывы: «*Историческій Вѣстникъ*», 1889 г. № 4; «*Русская Старина*», 1889 г. № 7; «*Новое Время*», № 4634; «*Русскія Вѣдомости*», 1888 г. № 343; «*Правит. Вѣстникъ*», 1888 г. № 270; «*Всемирная Иллюстрація*» и проч.

Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 рубля. Складъ въ главной конторѣ журнала «**НАБЛЮДАТЕЛЬ**» (Спб., Владимірская, № 6). Годовые и полугодовые подписчики журнала, желающіе получить эту книгу, добавляютъ къ подписной цѣнѣ 2 р.

Кромѣ того, въ конторѣ журнала продаются послѣдніе экземпляры историческаго романа Георга Эберса: **СЕРАПИСЬ**. Цѣна 1 р., перес. за одинъ фунтъ. Романъ одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для бібліотекъ старшихъ классовъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы точно адресовать книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ газетная экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. При жалобѣ должно быть приложено удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книга, дѣйствительно, не доставлена по адресу. Утраченный не по винѣ редакціи экземпляръ высылается вторично подписчику за 1 р. 50 в. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его номеръ, и при каждомъ заявленіи прилагать *пять* семикопѣчныхъ почтовыхъ марокъ за напечатаніе новаго адреса. 4) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный, уплачивается *2 р.*, при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—*1 р.* Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію, благоволятъ прилагать почтовые марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не имаче, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока, — если не будутъ вытребованы обратно, — уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 100 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. По поводу доставляемыхъ стихотвореній редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ, должны *быть* приложены почтовые марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказнымъ письмомъ или посылкою. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, считаются бесплатными или оплачиваются по усмотрѣнію редакціи. Рукописи должны быть присылаемы въ редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами и бандеролями*. Рукописи, принятая *безъ указанія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по назначенію редакціи. Статьи неизвѣстныхъ редакціи авторовъ, за которыя гонораръ не былъ потребованъ *въ теченіе полугода со времени напечатанія*, признаются бесплатными. 7) Контора открыта ежедневно отъ 12 до 4 час. popol., *кроме праздничныхъ и воскресныхъ дней*. *Пріемъ въ редакціи—по четвергамъ, отъ часу до двухъ.* 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою: за страницу 15 руб. и за $\frac{1}{2}$ стр.—8 руб. 9) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только одинъ разъ въ мѣсяцъ: 5 числа, отъ часу до 3-хъ пополудни*. Если это число приходится на праздникъ или воскресенье, то выдачи отлагаются до слѣдующаго дня. *Авансы за рукописи, хотя и принятыя, но не напечатанныя въ журналѣ, не допускаются.*

Редакторъ-Издатель А. П. Пятковскій.

AP
50
N33
V.10
no. 4
1891

**Stanford University Libraries
Stanford, California**

Return this book on or before date due.

--	--	--

